ИСТОРИЯ ОРУЖИЯ И ВООРУЖЕНИЯ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ

Д. П. Алексинский, К. А. Жуков,
А. М. Бутягин, Д. С. Коровкин

ВСАДНИКИ ВОЙНЫ

Книга первая

Кавалерия Европы

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2005

ББК 68.8
А48

Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С.
А 48 Всадники войны: Книга певая. Кавалерия Европы. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2005. — 488 с.; ил.
ISBN 5-89173-277-7 (Кн. 1)
ISBN 5-89173-296-3 (Общ.)

На русском языке еще не было написано столь грамотной и подробной книги, посвященной истории европейской конницы. Она охватывает период от ранней античности до конца XVII в., когда введение униформы в европейских армиях в значительной степени стерло колорит предшествующих эпох. Очерки, составляющие издание, расположены в хронологическом порядке и в определенной мере объединены внутренними связями и отсылками, характеризуют определенные этапы истории конницы и развития военного дела.

Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся военной историей.

ББК 68.8

Научно-популярное издание

Д. П. Алексинский, К. А. Жуков,
А. М. Бутягин, Д. С. Коровкин

Всадники войны

Книга первая
Кавалерия Европы

Руководитель проекта *Д. Н. Волковский*. Главный редактор *Н. Л. Волковский.*
Редактор *В. Н. Бунин.* Технический редактор *И. В. Буздалева.*
Корректор *М. Г. Крашенникова.* Компьютерная верстка *Л. Е. Голода.*
Компьютерная графика *О. И. Орлова.*

Подписано в печать 15.09.2004. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура LazuskiC.
Печ. физ. л. 30,5. Усл. печ. л. 51,24. Тираж 5000 экз. Зак. № .

Лицензия ИД № 03073 от 23.10.2000 г.
ООО «Издательство «Полигон»,
194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40
Тел./факс: 542-91-12
E-mail: polygon@rol.ru

ISBN 5-89173-277-7 (Кн. 1)
ISBN 5-89173-296-3 (Общ.)

© Алексинский Д. П., Жуков К. А.,
Бутягин А. М., Коровкин Д. С., 2004
© ООО «Издательство «Полигон», 2004

Введение

Предлагаемая вниманию читателя книга, безусловно, не претендует на исчерпывающее изложение истории европейской конницы. Многие вопросы, касающиеся теории и практики использования конницы на войне, остались незатронутыми, да и попросту невозможно в рамках одного издания представить последовательный анализ этой сложнейшей проблематики. Задача написания общего труда по истории кавалерии[1] чрезвычайно трудна, если вообще выполнима. Непросто нарисовать полную картину истории конницы как рода войск даже в относительно узких пространственных и хронологических границах, — тем более, если речь идет о популярной книге, а не о научном исследовании. Свою цель авторы видели в другом: показать на самых представительных примерах наиболее яркие страницы многовековой истории конницы в Европе, обозначить место и роль конницы в военном деле различных народов и различных эпох — от античности до развитого Средневековья и Нового времени — дать широкую ретроспективу эволюции всаднического вооружения. Разумеется, в книге найдутся лакуны, какие-то моменты покажутся недостаточно освещенными. Но, подчеркнем еще раз, авторы не имели намерения написать очередную «историю европейской конницы».

Очерки расположены в хронологическом порядке и, в определенной мере, объединены внутренними связями и отсылками. Однако они не являются главами единого повествования: каждый отдельный очерк характеризует определенный этап в истории военного дела и задумывался как самостоятельный и замкнутый. Основное внимание в книге сосредоточено на рассмотрении оружия и защитного снаряжения. При этом подходе такие, безусловно, важные аспекты, как тактика, организация, рассмотрены лишь в самых общих чертах, насколько это необходимо для объяснения изменений комплекса вооружения. Это ограничение неизбежно, ибо, как было верно замечено, «нельзя объять необъятное».

Также очерки не претендуют на концептуальную новизну. Напротив, в большинстве случаев авторы старались следовать устоявшимся представлениям, принятым в современной исторической науке, обходя, по возможности, неоднозначные или требующие специального обсуждения вопросы. В тех случаях, когда приведенная трактовка расходится с традиционной, авторы, по возможности, оговаривают основания такого разночтения. Ввиду того обстоятельства, что отдельные исторические периоды, довольно продолжительные, сравнительно бедны материалом, представляющим интерес в рамках рассматриваемой темы, посвященные им тексты носят подчеркнуто конспективный характер. В ряде случаев тексты неизбежно компилятивны, причем ссылки даются авторами только при прямом цитировании и избирательно при упоминании источников или исследований[1]. Часть работ, использованных при написании очерков, включена в список рекомендуемой литературы. Отметим, что при составлении списка были учтены далеко не все, в том числе — не все новейшие работы. Предпочтение отдавалось наиболе содержательным научно-популярным изданиям, но наряду с ними, по тем или иным причинам, авторы посчитали необходимым упомянуть избранные специальные монографии и статьи.

Сопровождающие книгу цветные иллюстрации (планшеты) неоднородны. Частью это эксклюзивные реконструкции (авторы: К. А. Жуков, А. М. Бутягин, Д. С. Коровкин), другие базируются

[1] Различие дефиниций «конница» и «кавалерия», четко обозначенное еще Г. Дельбрюком и постулируемое некоторыми современными исследователями, не бесспорно. Несмотря на то, что в некоторых очерках оно проводится достаточно последовательно, все авторы более или менее солидарны в условности подобного разграничения: это вопрос сугубо терминологический, и каждый решал его в соответствии с собственным видением проблемы.

[1] Ввиду популярного характера книги авторы и издательство сочли возможным отказаться от полноценного аппарата.

на опубликованных материалах. Помещенные в тексте черно-белые иллюстрации взяты из различных изданий, причем ссылка на происхождение репродукции или прорисовки дается только в том случае, если речь идет о первой или единственной публикации памятника или об авторском рисунке.

Избранный авторами временной диапазон — от первых исторически засвидетельствованных и археологически подтвержденных упоминаний конных воинов в Европе и до середины XVII столетия. Такой выбор может показаться произвольным, но тем не менее в данном случае он оправдан, поскольку четко обозначает верхнюю границу — наступление эпохи абсолютного преобладания огнестрельного оружия, что если и не свело на «нет», то в значительной степени ослабило роль конницы на поле боя. Что же касается истоков, предыстории европейской конницы, то они теряются во тьме веков и представляют проблему, слишком сложную для удовлетворительного освещения в кратком и популярном издании.

За две с лишним тысячи лет (с VII в. до н. э. до середины XVII столетия) военное дело не раз претерпевало радикальные перемены, и бывали периоды, когда место конницы оказывалось ничтожным или второстепенным. Естественно, специфика темы определила концентрированное внимание на вооружении эпохи Средневековья, и это не случайно.

Вплоть до поздней античности конница никогда не была в Европе главенствующим родом войск. Наиболее сильные импульсы, стимулировавшие развитие конного дела, наиболее заметные нововведения в тактике и вооружении конницы исходили с Востока. Скифы, сарматы, парфяне, персы, гунны, авары, венгры на протяжении нескольких столетий, последовательно сменяя друг друга на исторической арене, выступали грозными противниками и одновременно — учителями Запада. Народы-всадники в значительной степени способствовали рождению, становлению и прогрессу европейской конницы. Оговоримся: мы далеки от мысли абсолютизировать ориентальное влияние. Древняя Европа внесла немалый вклад в коневодство и практику применения коня в военном деле. Достаточно вспомнить о том, что ряд элементов конского снаряжения и средств управления конем (подкова, шпоры, мундштук) имеют европейское происхождение. Изображения вооруженных всадников известны в Европе с бронзового века. К раннему времени относятся свидетельства существования развитого коневодства у некоторых европейских народов, например, фракийцев. Греческая мифология и легендарная традиция сохранили многочисленные упоминания о высоком социальном статусе владельцев коней, о сакральной значимости этого благородного животного. Парадоксально, но сам образ всадника-победителя, воина на вздыбленном коне, был рожден в античной Европе: таковы торжествующие всадники на надгробиях классической Греции, героизированные умершие, представленные в облике конных воинов на стелах из Северного Причерноморья, «Фракийские всадники».

Тем не менее история античной конницы представляет множество вопросов, недостаточно проясненных или дискуссионных. Далеко не всегда возможно даже в общих чертах представить последовательную и небесспорную картину развития вооружения и способов ведения боя. Зачастую изменения в вооружении и защитном снаряжении античности относительно незначительны на протяжении довольно длительных периодов. Не всегда мы можем четко датировать те или иные изменения, появление новых форм или окончательный отказ от прежних. Нередко ценнейшие свидетельства письменных источников не находят синхронных археологических или изобразительных параллелей, что делает верифицируемую реконструкцию практически невыполнимой. Крайне сложны, порой неоднозначны для интерпретации, многие древние изображения. Даже поздняя античность, казалось бы, полнее освещенная источниками, представляет множество трудностей.

Напротив, процесс эволюции средств защиты и нападения в эпоху развитого и позднего Средневековья сравнительно неплохо документирован и представлен иконографическими и вещественными памятниками. Накопленные данные дают возможность наглядно проследить историю развития наступательного оружия и доспеха с точностью до десятилетия, а то и до года. Неменьшее значение имеет тот факт, что применительно к эпохе Средневековья мы, как правило, можем уверенно говорить именно о всадническом вооружении (приоритет которого несомненен), тогда

как античный материал далеко не всегда столь однозначен. К тому же частоту и значительность изменений защитного и наступательного вооружения конницы в античную и средневековую эпохи едва ли можно сравнивать. Таковы в общих чертах причины, по которым обзор истории античной и раннесредневековой конницы носит в предлагаемой книге обзорный, поверхностный характер.

* * *

Доместикация лошади восходит к эпохе энеолита. Начиная с IV тыс. до н. э. человек использовал одомашненных лошадей в хозяйстве — как тягловый скот, источник мяса, молока; конская шкура и волос находили широкое применение в хозяйстве. Верховая езда, возможно, также была освоена еще в те времена, когда первобытные пастухи перегоняли свои стада по равнинам Центральной Азии, но достоверно на древнейшем материале зафиксировано использование лошади, запряженной в повозку или колесницу. Не случайно колесница — важный атрибут многих божеств индоевропейских народов. По мнению исследователей, с индоевропейцами связано и распространение лошади на Переднем Востоке, где в военном деле, насколько позволяют судить данные археологии, лошадь была впервые применена в упряжке. Долгое время боевые колесницы господствовали на полях сражений. Но, начиная с VIII в. до н.э., наряду с колесничными отрядами появляется и настоящая конница. Первым из переднеазиатских государств, широкомасштабно применивших всадников на войне, была Ассирия. Создание ассирийскими царями конницы как самостоятельного рода войск связывают с проникновением в Переднюю Азию ираноязычных кочевников, известных под именем «скифы». В первой половине VI в. до н. э. сильная боеспособная конница составляла ядро войска Лидийского царства в Малой Азии. Греческий историк Геродот сообщает о лидийских конниках: «Они сражались верхом на конях, вооруженные копьями, и были прекрасными наездниками» (I, 79; пер. Г. А. Стратановского). Отличных всадников позднее выставляли многие малоазийские области (Фригия, Пафлагония, Каппадокия).

Классическая античность создала весьма своеобразную модель конницы. До появления жесткого седла и стремени возможности всадника были весьма ограничены. Не случайно, по свидетельствам античных авторов, реального успеха в бою древнегреческая конница могла достичь, как правило, только будучи поддержана пехотой. Греческие гамиппы, «сражающиеся вместе с конницей» (будто бы впервые введенные сиракузянами на Сицилии в начале V в. до н. э.), наглядно отражают эту «ахиллесову пяту» античной кавалерии. Конница, поддержанная легкой пехотой, более эффективна в бою и против конницы, и против пехоты. Но успешно сражаться с дисциплинированной, сплоченной в строю пехотой, античная конница в большинстве случаев была не способна. В IV в. до н. э. значение конницы возрастает, что особенно наглядно демонстрируют походы Александра Великого. Тем не менее даже в битве при Гранике (конном по преимуществу сражении) заметную роль сыграла смешавшаяся с всадниками легкая пехота. На полях сражений эллинистического периода кавалерийские соединения оспаривают победу на флангах, совершают смелые рейды в тыл неприятельской боевой линии. Однако основу боевых порядков составляет монолитная, ощетинившаяся длинными копьями фаланга — плотное построение тяжеловооруженной пехоты. Та же картина наблюдается в целом и в период поздней античности. Победоносные легионы Рима покорили большую часть Европы, Ближний Восток, Северную Африку, поддерживаемые сравнительно немногочисленной и слабой конницей. Образ римского воина прочно ассоциируется с легионером, как и образ воина древнегреческого — с тяжеловооруженным пехотинцем, гоплитом. Только в III—IV вв. н. э. конница получает безусловное преимущество над легионной пехотой. И конница эта использовала тактику и вооружение, в значительной мере позаимствованные на Востоке.

Непререкаемый приоритет восточной конницы давно стал стереотипом. Начиная с античности противостояние Запада и Востока воспринимается как противоборство пехотинца и всадника, копья и лука. Подобные метафоры не во всем отвечают действительности, но в них есть значительная доля исторической правды. Конница Древней Европы в чем-нибудь всегда уступала восточной.

Казалось бы, македонская и фессалийская (лучшая в классической Греции) конница, цвет кавалерии Александра Великого, не уступала

Римские всадники начала II в. Рельеф колонны Траяна

противнику на поле боя, наоборот, источники свидетельствуют о ее превосходстве. И все же, углубившись во время Восточного похода в Иран и далее — в Бактрию и Согдиану, Александр был вынужден активно привлекать к себе на службу местных конников, персов, бактрийцев, среднеазиатских кочевников. Это были не только непревзойденные конные лучники и дротикометатели, то есть блестящая легкая конница, но и всадники, сражающиеся в ближнем бою, и воины в тяжелом вооружении и на покрытых броней конях — весь спектр видов конницы, известных позднейшим античным писателям. Не случайно попытки подразделения конницы — по способу ведения боя (тактике) или по вооружению — впервые были предприняты в военной теории античности в эллинистическое время. Восточные всадники постоянно упоминаются в составе эллинистических армий: саки, массагеты, дахи, бактрийцы и, конечно, скифы. Сам этноним «скифы», под которым «отец истории» Геродот понимал кочевые или полукочевые племена, обитавшие с VIII–VII вв. до н. э. в Северном Причерноморье, у позднейших античных авторов приобретает собирательное значение. Так в источниках могут быть названы сарматы, аланы, по существу — любые кочевники, появлявшиеся на протяжении нескольких столетий из глубин Центральной Азии.

Показательно, что классическая античность почти не знает специфического всаднического вооружения. Хотя греческий писатель и военный теоретик Ксенофонт (около 445–355 гг. до н. э.) дает целый ряд рекомендаций относительно экипировки всадников, практическое применение засвидетельствовано по существу только для «беотийского» шлема[1]. Ни набедренники, упоминаемые Ксенофонтом, ни наручи (для левой руки) не зафиксированы для этого времени. Впрочем, возможно, прав известный исследователь античного вооружения П.Коннолли, полагающий, что подразумеваемой защитой для бедер всадника

[1] Да и то, если предложенная идентификация верна.

служили птериги[1] панциря. С другой стороны, не исключено, что Ксенофонт в своем сочинении пропагандирует персидское всадническое вооружение: в другом месте он описывает набедренники (παραμηριδια) как элемент персидского конного снаряжения, защищающего одновременно и коня, и всадника (Xen. Kyr. VII, 1, 2). Махайра (копис), тесак с обратным изгибом клинка (Ксенофонт пишет о преимуществах этого оружия для конного воина), конечно, был на вооружении всадников, но нет оснований говорить о его изначальной всаднической «спецификации». Отсутствуют и подтверждения использования греками в V – начале IV вв. до н.э. средств защиты коня. Изображениями и редкими археологическими находками представлен бронзовый мускульный торакс (панцирь)[2] с расширяющимся книзу подолом. Вероятно, такие панцири предназначались для всадников: широкий подол не препятствовал посадке на коня. Но это один из немногих примеров приспособления древнегреческого доспеха к нуждам всадника.

В период эллинизма и особенно в римское время с появлением катафрактной[3] конницы входит в употребление довольно разнообразный и развитый арсенал всаднического вооружения. К сожалению, почти не известны подлинные находки доспехов и снаряжения эллинистических и римских катафрактариев. Многочисленные шлемы с масками, богато декорированные поножи, ламинарные набедренники, конские оголовья и наглазники, относящиеся к римскому времени (I–III вв.), представляют в большинстве случаев не боевые доспехи, а военно-спортивное снаряжение[4]. Тем не менее иконографические и письменные источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что античная бронированная конница, вооруженная длинными копьями, отнюдь не фикция. Ко времени заката античного мира конница понемногу превращается в «царицу полей», оттесняя пехоту на второй план. Даже оружие всадника — длинный прямой обоюдоострый меч (спата) — принимается на вооружение пехотой, вытесняя прославленный меч-гладиус. Римские кавалеристы использовали жесткое (на деревянной основе) седло, позволявшее эффективно действовать главным оружием тяжеловооруженной конницы — длинным копьем-контосом. Седло с раздвоенной задней и передней лукой (так называемое «рогатое») было известно, как минимум, с I в. н. э., а к V в. входит в употребление седло гуннского типа. Римский писатель Вегеций сетовал в конце IV или начале V столетия: «Если допустить, что оружие всадников улучшилось по примеру готов и гуннской и аланской конницы, то пехотинцы, как известно, остались незащищенными» (I, 20). Происходивший параллельно усилению конницы упадок пехоты совпал с крушением античного мира. Не случайно многими исследователями за некий рубеж принимается битва при Адрианополе (378 г.), после которой римская пехота, похоже, уже никогда не оправилась. Армии поздней Римской империи были конными по преимуществу, причем состояли как из тяжелой (катафрактной), так и из легкой, вооруженной луками, кавалерии. Но подлинный триумф, абсолютное господство на поле сражения, ожидали европейскую конницу впереди.

История конницы средневековой Европы неразрывно связана с генезисом рыцарства и последующими эволюционными изменениями этого уникального в мировой истории феномена. Под термином «рыцарство» кроется чрезвычайно широкий спектр взаимосвязанных понятий. Не удивительно, что на огромном пространстве от русских степей до английских островов смысловое наполнение данного термина могло меняться, причем зачастую весьма значительно. Например, на Руси и в Византии вообще не приходится говорить о сложении рыцарства в прямом смысле слова. Тем не менее некоторые общие черты позволяют называть тяжелую конницу разных регионов единым термином «рыцарство», хотя в ряде случаев он будет носить, несомненно, условный характер.

[1] Птериги — окантовка пройм и подола доспеха в виде кожаных или матерчатых полос.

[2] Так называемый «мускульный» (или «анатомический») панцирь представляет собой двустворчатую кирасу, нагрудная и наспинная части которой воспроизводят в рельефе мускулатуру торса.

[3] Катафрактарии — так античные авторы называют вооруженных длинными копьями (contos) всадников, облаченных в доспехи и сидящих на покрытых броней конях.

[4] В очерках рассматривается только боевое снаряжение конницы. Турнирное, парадно-церемониальное и (как в данном случае) военно-спортивное оружие и снаряжение, к сожалению, выходит за пределы нашей темы.

Главной объединяющей особенностью можно признать тактику боя, которая основывалась на таранном копейном ударе, как главном средстве достижения победы. Сюда можно добавить и некоторые единые черты снаряжения всадника и коня: тяжелое защитное снаряжение, высокое массивное седло с прямыми луками и длинными путлищами стремян.

Разумеется, во всех европейских армиях присутствовала и легкая конница, причем зачастую ее количество и значение были весьма высоки. Однако она всегда занимала подчиненное положение по отношению к тяжелой рыцарской коннице, что особенно хорошо прослеживается при анализе снаряжения. Легкая конница стран Европы не имела собственного специализированного комплекса вооружения. Как правило, в этом качестве выступал редуцированный (более дешевый, легкий и менее полный) комплекс тяжелоконного снаряжения.

Несколько иная ситуация прослеживается в зонах так называемого фронтира, где традиционные европейские культуры входили в постоянное соприкосновение с народами Азии, исповедовавшими другие способы ведения войны. На Руси и в Византии, в Испании и крестоносных государствах, контактировавших с Великой Степью и арабским миром, а затем и с турками во все периоды имело более или менее широкое хождение специальное снаряжение для легкой конницы. При этом его следует признать заимствованным, не имеющим местных корней, так как его главными пользователями часто выступали наемные или союзные контингенты из числа все тех же восточных народов.

На этапе позднего Средневековья и раннего Нового времени (конец XV – начало XVII вв.) получили развитие новые тенденции, также связанные с рыцарством тактикой, вооружением и способом комплектации. На Руси в это время сложилась своеобразная историческая ситуация, которая диаметрально переменила географический вектор культурной принадлежности военного дела и, в первую очередь, конницы. Русь в момент складывания единого Российского государства по ряду объективных причин оказалась интегрирована в систему восточного военного искусства в гораздо большей мере, чем в систему западную. Это привело к разрыву с рыцарской традицией, складыванию иной тактики и вооружения, что нашло свое высшее выражение при создании поместной конницы. Византия и Балканские страны в этот период вообще утратили самостоятельность военной традиции из-за турецкого завоевания. В Западной Европе же рыцарство неуклонно теряло свое военное значение. В течение XVI столетия рыцарь превратился из основной боевой единицы в офицера и командира, а конница трансформировалась в регулярную кавалерию, ознаменовав начало новой эпохи в истории военного дела. Ниже мы постараемся раскрыть содержание описанных процессов. Оговоримся, что изложение будет иметь концептуальный характер, так как подробный анализ не входит в круг задач данной работы.

Итак, рассмотрим кратко процесс генезиса рыцарства, а также ранний этап существования данной разновидности воинской культуры. Как будет отмечено в одной из приведенных в данной книге статей, конь является важнейшей частью всадника. Однако было бы ошибкой искать непосредственные корни зарождения рыцарства в процессе одомашнивания лошади и зарождении верховой езды, так как это неизбежно заводит исследователя в слишком древние времена. Античная традиция была хорошо знакома с применением тяжелой конницы. Тем не менее между античным катафрактарием и средневековым рыцарем не существует непрерывной связи, напротив, генезис рыцарства связан с прерыванием исторической традиции и последующими революционными изменениями. Именно на обломках великой Римской Империи, которая выступала главным носителем античной традиции, варварские народы сумели создать ряд новых культур, которые накопили разноплановые количественные изменения с тем, чтобы в определенный момент превратить их в единый качественный прорыв, которым и стало появление рыцарства.

Традиция использования тяжелой конницы была усвоена европейскими народами еще в античные времена при столкновении с азиатским военным делом. С тех пор и вплоть до раннего Средневековья положение изменилось мало. Сарматы, гунны, а затем авары не переставали приносить на запад различные новинки в вооружении всадника и тактике конного боя. Тем не менее народы, наследовавшие Римской империи (речь не идет о Византии), в основной массе не имели

обычая верхового боя. При этом и славяне, и германцы давно владели искусством верховой езды, но использовали коней лишь как транспортное средство. В случае войны они могли доезжать на конях до места битвы, где неизменно спешивались и сражались в пешем строю. Ситуация существенно изменилась, когда франки в V в. создали первое свое крупное государственное образование — Франкское королевство. Необходимость защищать границы значительной протяженности, обеспечивать порядок внутри страны, следить за лояльностью местной аристократии и простого народа, собирать налоги привело к целенаправленному созданию мобильного и постоянного войска, функцию которого в то время могла исполнять только конница. Процесс этот перешел в «открытую фазу» в первой трети VIII в.

Серьезным стимулом для возникновения постоянных воинских контингентов послужило наличие внешней угрозы в лице Аварского каганата на востоке и арабов на юге (позднее к ним добавились скандинавские викинги). Необходимость конных войск в этой связи была тем более высока, что и первые, и вторые сражались преимущественно на конях, а традиционная крестьянская милиция не могла эффективно противостоять их стремительным и внезапным наскокам.

Историографическая традиция приписывает заслугу в создании рыцарской конницы франкскому (австразийскому) мажордому Карлу Мартеллу, правившему в первой половине VIII века. По-видимому, роль его была незаслуженно преувеличена. Еще ранее, при его отце Пиппине II Геристальском, исследователь может констатировать появление предпосылок, благоприятствовавших зарождению конницы. В первую очередь, это была повышенная военная активность франков. Сначала она была направлена на решение внутренних проблем, связанных с объединением королевства (в 687 г. Пиппин II разгромил армию Нейстрии при Тертри и был признан мажордомом всего королевства). Впоследствии Пиппин вел войны с соседними народами — фризами, саксами, алеманнами, которые тревожили границы королевства и отказывались подчиняться власти франков. Видимо, уже тогда в VII в. отдельные воинские формирования использовали коней для боя, а не только как транспорт. Тогда же магнаты начали практиковать наделение своих сторонников «васси» земельными наделами вместо предоставления им натурального довольствия в виде пищи, крова и вооружения. В описываемый период подобные случаи встречались эпизодически, однако всякий может оценить, какую роль они будут играть впоследствии. Доход с земли позволял содержать и вооружать собственные отряды, которые должны были являться на службу к королю. Впоследствии благодаря ему стало возможным снаряжать и конные отряды, экипировка которых стоила существенно дороже пехотной. Во времена Карла данные тенденции проявились в полной мере, что привело к появлению первых со времен Римской империи постоянных конных соединений на данной территории. Надо отдавать отчет в том, что Карл Мартелл, при всех несомненных талантах, не сумел бы запустить столь значимый исторический процесс просто своим приказом. Его заслугой, очевидно, следует признать верную оценку ситуации, сложившейся

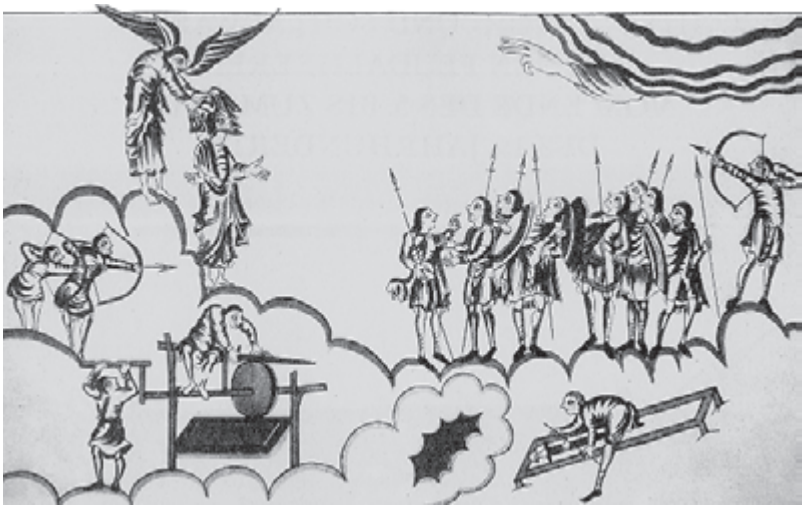
Сен-Галленская рукопись. IX в. Лейденский университет

в тот период. Он лишь направил и стимулировал ход давно назревшего процесса.

Карл Мартелл издал ряд капитуляриев (указов), которые обеспечили экономическую базу для создания конницы, а также подготовили ее правовое оформление. Нуждаясь в значительной прослойке верных людей и не имея средств для непосредственного ее содержания, он все шире начал предоставлять своим васси (далее будем именовать их более привычным термином «вассалы») земельные наделы, которые они обязаны были отрабатывать военной службой. Земель на всех, естественно, не хватало, и Карл пошел на секуляризацию церковных владений. О размахе операции говорят церковные источники VIII в., полные проклятий в адрес мажордома. Еще более красноречивы жалобы на «ограбление», которые рассматривали его сын и внук — Пиппин III и Карл Великий. Вторым источником было прямое завоевание соседних территорий, сюда можно включить и вторичное покорение Нейстрии, отколовшейся от королевства после смерти Пиппина II. Итак, Карл начал систематическое наделение вассалов землями в порядке бенефициального пожалования. Подобную практику применяли и подвластные ему магнаты в отношении своих людей. От вассалов требовалась, в первую очередь, конная служба, хотя пешее ополчение продолжало составлять основу и реальную силу войска.

На эпохе правления Пиппина III Короткого и Карла Великого подробно мы останавливаться не будем. В этот период никаких принципиальных изменений в деле образования постоянного конного войска не произошло. Бенефициальная реформа, начатая Карлом Мартеллом, последовательно продолжалась его потомками. Необходимо, однако, отметить, что при Карле Великом и его сыне Людовике Благочестивом удельный вес конницы во Франкском войске увеличился, можно также предполагать и качественное улучшение личного состава и конского поголовья. Эпоху второй половины VIII — первой половины IX вв. по праву называют каролингским ренессансом, который отразился на всех сферах жизни от культуры и ремесла до военного дела. Относительная стабильность внутри государства и на его границах, достигнутая в начале IX в., была обеспечена в первую очередь сильным войском и его мобильной частью — конницей. И именно конница стала основой дружин князей и графов, которые зачастую выступали фактическими носителями государственности после распада империи Карла Великого.

В непрерывных столкновениях с внешними врагами — аварами, венграми, арабами и скандинавскими викингами, а также во внутриевропейских конфликтах окрепла профессиональная конница, сложились основы комплекса защитного и наступательного снаряжения, конской амуниции, выработались тактика и основные приемы боя. Генезис феодальных отношений в обществе обеспечил мобилизационную базу для европейской конницы. Таким образом, был заложен фундамент для возникновения рыцарства в конце XI — начале XII вв. Структурным стержнем и универсальным средством идентификации данной социальной группы стала особая эмблематическая система — геральдика, которая сложилась окончательно синхронно с рыцарством.



Утрехтская Псалтирь. Начало IX в. Утрехтский университет

На Руси шел аналогичный процесс. Складывание монолитного государственного образования — Киевской Руси — сопровождалось появлением постоянных конных формирований, как и на Западе. Тем более была велика роль конницы в условиях непрерывных военных контактов со Степью. Борьба с пе-

ченегами, а затем и половцами была немыслима без собственной сильной конницы. Кроме того, как показал опыт уже во времена Святослава Игоревича, протяженные границы было затруднительно контролировать при помощи традиционных пеших дружин, даже если на походе они передвигались на конях. Хотя роль пехоты в раннесредневековой Руси оставалась весьма значительной, в XI в. конница представляла серьезную самостоятельную силу. Постепенно профессиональное военное сословие превратилось в сословие всадников, как и на западе Европы. В конце XI—XII вв. конница становится основной ударной силой княжеских дружин. Даже городовые ополчения, которые по аналогии с позднесредневековыми западноевропейскими городовыми полками, например, Швейцарии зачастую считают пешими, на самом деле являлись конными соединениями. Эти формирования практически не отличались от княжеских дружин. И вооружение, и способ ведения боя были полностью идентичны. Набирались они исключительно из профессиональных воинов, которые находились на содержании города. Фигура же воителя «от сохи» для развитого Средневековья представляется в большой мере мифической. Хотя воинское сословие Руси было абсолютно открытым и примкнуть к нему мог любой свободный мужчина, который имел достаточно средств для приобретения оружия и достаточно мужества, чтобы связать свою жизнь с ратным ремеслом. «Народная» пехота использовалась преимущественно при обороне укрепленных пунктов, а также в качестве «судовой рати». В последнюю, правда, также могли входить и профессиональные воины.

Феодальные отношения в чистом виде на Руси окончательно сложились лишь к XV в. Поэтому способ комплектования войска за счет предоставления своим людям земли для «кормления» и приобретения снаряжения и коня не имел распространения. Набор воинов происходил, видимо, в соответствии с архаическим для Европы родовым принципом. При этом имелось и несомненное сходство — солдат для армии в основном поставляла достаточно ограниченная прослойка потомственных военных, в отличие от классического племенного общества, где каждый свободный мужчина являлся воином.

Геральдика на Руси также не сложилась по вполне объективным причинам. Необходимо учитывать, что данная система появилась как ответ на запросы классического феодального общества, которому требовалась четкая система социальной и родовой идентификации. На Руси подобная система возникнуть не могла в силу неразвитости феодальных отношений. Сословию воинов не было особой нужды носить какие бы то ни было отличительные знаки, ведь принадлежность к нему определялась, в первую очередь, по профессиональному признаку, а не по родовому, как в Европе. При этом отечественное воинское сословие имело развитую боевую эмблематику, которая не получила такой упорядоченности, как на Западе, и известна ныне лишь по многочисленным изобразительным источникам.

Рассмотрим концепцию развития наступательного и оборонительного вооружения раннего Средневековья VII—XI вв. применительно к истории европейской конницы. Все элементы комплекса находились в несомненной логической взаимосвязи друг с другом. Наступательное оружие ближнего боя отличалось сравнительно небольшим весом. Данное положение было обусловлено малым распространением тяжелого защитного вооружения. Для поражения же незащищенного или слабо защищенного противника не требовалось массивных наступательных средств. Более важным фактором являлась заточка рабочих кромок, от которой напрямую зависела эффективность поражения цели.

В эпоху раннего Средневековья еще не существовало разделения на военное и гражданское оружие, как это было несколькими веками позднее, поэтому все оружие имело чрезвычайно острые, почти бритвенные лезвия, что напрямую указывает на их нацеленность против легко вооруженного противника. Наиболее универсальным являлось клинковое оружие, равно пригодное для решения любых боевых задач. Специализированное конное оружие так же было известно. Это были «чеканы» или «топорки», предназначенные, в первую очередь, для работы против тех или иных защитных покровов. На преимущественное распространение легкого доспеха указывает и набор средств дистанционного боя. Как конницей, так и пехотой широко использовались сулицы или дротики (легкие метательные копья), практически бесполезные против тяжелого доспеха. Для другого метательного оружия — луков — применялись стрелы с разнообразными наконечниками. Среди

них преобладали широколопастные наконечники, а также универсальные — ромбовидные и листовидные. Специальные бронебойные наконечники встречались редко. Исследования показывают, что стрелы являются наиболее массовым материалом, связанным с военной археологией, поэтому их можно признать одним из наиболее надежных индикаторов, указывающих на распространение того или иного защитного комплекса. Очевидно, что при широком применении тяжелого доспеха большой удельный вес среди находок получают бронебойные наконечники, и, наоборот, при доминировании легкого вооружения в основном распространяются наконечники с широкой рабочей частью, способные нанести повреждение значительных размеров на незащищенной плоти.

Итак, в ходу было легкое и фрагментарное бронирование. В первую очередь защищались голова и корпус. Для этой цели использовался шлем или, реже, кольчужный капюшон, а также тот или иной нательный доспех. Для защиты рук и ног, если таковая вообще имела место, использовались так называемые «птериги» — стеганные матерчатые или кожаные полосы, закрывавшие бедра и плечи. Это была дань античной традиции, которая достаточно быстро исчезла. Ей на смену пришли подолы и плечевые щитки пластинчатой конструкции, которые надевались отдельно или выкраивались зацело с корпусным доспехом. Нет сомнений в том, что данная традиция была привнесена восточными народами в ходе Великого Переселения. Наибольшую популярность в ходе VIII–IX вв. и позднее завоевала кольчужная рубаха, которая представляла собой унитарное защитное одеяние, закрывавшее плечи, бедра и корпус. Защита голеней и предплечий была почти не известна, в отличие от Средней Азии и Дальнего Востока. Исключение составляет лишь Византия с прилегающими областями, да и там после столкновения с легкой арабской конницей доспехи с полной защитой рук и ног стали использоваться очень ограниченно. Прикрытия кистей рук вообще не применялись.

Настоящей основой оборонительного комплекса выступал щит. Более того, часто он применялся в качестве единственного его элемента. При изучении археологических находок (преимущественно материалов захоронений) и изобразительных источников по наличию щита всегда можно с большой долей точности судить о том, с какой разновидностью конницы мы имеем дело. Тяжелая конница, предназначавшаяся для непосредственной рукопашной схватки, как правило, оснащалась щитом. Легкая конница, чьим предназначением был дистанционный бой, разведка и преследование, щитов чаще всего не имела.

Латинская Псалтирь. X в.
Штутгарт, Государственная библиотека

Снаряжение боевого коня и средства управления им были представлены оголовьем, седлом, подковами, шпорами и (или) плетью, последняя, правда, была преимущественно распространена на востоке Европы. Революционным изменением в конском снаряжении можно признать появление в Европе стремян, которые, видимо, были занесены аварами в VII в. С появлением стремян конница приобрела новое качество. Во-первых, стремена послужили точкой опоры, отсутствие которой снижало эффективность конницы в ближнем бою на протяжении всей ее истории. Еще Ксенофонт ярко описал этот недостаток, сравнивая пехоту и конницу в «Анабазисе»: «Десять тысяч всадников все-таки не более десяти

тысяч человек, потому что никто в сражении не был никогда убит от укуса или удара лошади. Мы (пехотинцы. — *Ж. К.*) гораздо сильнее каждого всадника, который **обязан держаться на хребте лошади в совершенном равновесии**. Он не только боится наших ударов, но и опасается упасть с лошади. Мы же, **упираясь твердою ногою, поражаем сильнее, если кто к нам приближается, и вернее попадаем в цель**. У всадников против нас выгода одна: скорее спастись бегством». Во-вторых, стремена сильно облегчили обучение выездке, что позволило создавать многочисленные и эффективные конные соединения среди оседлых народов, не имевших традиционной культуры верховой езды. Стремя позволило развивать и совершенствовать тяжелое защитное и наступательное вооружение, которое за короткое время превратило конницу в решающую силу на полях сражений. Вместе со стременами получило дальнейшее развитие и седло. Его стали снабжать все более высокими прямыми луками, которые сообщили еще большую надежность посадке.

Роль подков в историографии незаслуженно преувеличена. Их долгое время называли необходимым условием для появления тяжелой конницы. Совершенно очевидно, что наличие подков указывает лишь на общую культуру использования коня. Тяжелая же конница вполне могла действовать и на неподкованных лошадях. В самом деле, если бы подковы играли столь важную роль в генезисе конницы, то неизбежно появились бы некие специализированные формы боевых подков, которые бы не употребляли на копытах рабочих лошадей. Однако ничего подобного в истории конницы не произошло. На этом основании можно сделать логический вывод, что подковы являлись не более чем «обувью для коня», которая играла важную роль, предохраняя копыта от снашивания, но оставалась всеобщим атрибутом, не имевшим отдельного боевого значения.

Ознакомимся подробнее с развитием европейского наступательного оружия в VII—XI вв. Наиболее ярким предметом вооружения являлось длинное клинковое оружие — мечи. Мечи раннего Средневековья подразделяются по хронологическому принципу на две основные группы: меровингские мечи и каролингские мечи. Данное деление условно, но имеет устойчивую традицию употребления в историографии и является на настоящий момент общепринятым. Дело в том, что основные центры производства клинкового оружия в центральной и западной Европе располагались на территории государства франков. Таким образом, две династии, последовательно сменившиеся на его престоле (Меровинги и Каролинги), дали наименование двум разновидностям мечей, появление которых, как считалось ранее, совпадало со временем правления той или иной династии. Условность данной периодизации очевидна в свете знаний, накопленных современной наукой. Мечи, которые принято называть каролингскими, появились не ранее конца VIII в., то есть на закате династии Каролингов.

Меровингские мечи, использовавшиеся в Европе VIII в., были продуктом развития мечей эпохи Великого переселения народов. Их изучил и систематизировал шведский исследователь Элис Бемер. Им было выделено четыре основных типа мечей, имевших хождение в Европе с IV—VIII вв. от Р. Х. Основой классификации послужили характерные стилистические особенности оформления эфесов. В рассматриваемый период, судя по данным археологии, максимальным распространением пользовались мечи четвертого типа. Данная группа предметов отличалась своеобразной конструкцией эфесов. Их гарды были небольшими и лишь незначительно превосходили ширину клинков. Навершия были, как правило, еще меньше. И навершия, и гарды имели прямоугольное сечение и были вытянуто-овальными в плане. Они располагались параллельно друг другу в плоскости перпендикулярной плоскости клинка. Гарда представляла собой овальную металлическую рамку, к которой сверху и снизу крепились металлические пластины посредством двух сквозных заклепок по бокам. В накладных пластинах имелись вырезы, необходимые для фиксации гарды на хвостовике всадным способом. Навершие также имело трехчастную составную конструкцию. Монтировка навершия осуществлялась посредством насадки на хвостовик нижней пластины через специальное отверстие с последующим расклепыванием. Сверху устанавливалась еще одна металлическая пластина, между ними помещался сегмент из полированной кости, рога или цветного камня. Средний сегмент мог быть и металлическим,

в таком случае его поверхность покрывалась декоративным орнаментом. Все части навершия фиксировались двумя сквозными заклепками, их шляпки виднелись по бокам верхней и нижней пластин. На верхней пластине обычно имелось пирамидальное увенчание. Рукоять формировалась деревянными или костяными накладками, которые могли стягиваться металлическими кольцами. Поверхность рукояти покрывало рельефное круговое рифление, необходимое для удобства удержания в руке. Все эфесы меровингских мечей имели характер одноручных, причем рукояти придавались такие размеры, чтобы кисть владельца плотно упиралась в навершие и гарду.

В VI в. распространился несколько видоизмененный тип эфеса «с кольцом», который характеризовался наличием кольца, подвижно закрепленного на скобе на боку навершия. Нет сомнений, что оно служило для крепления тканевой или кожаной петли — темляка, в который можно было продевать руку. Подобная деталь была неоднократно описана в скандинавских сагах, которые хоть и относятся к гораздо боле позднему периоду, но местами восходят ко временам Меровингов.

Клинки меровингских мечей отличались средней длиной, не превышавшей обычно 700—750 мм. При этом ширина их в основании была значительна — до 65 мм, хотя обычно составляла 50—55 мм. Толщина клинка колебалась в пределах 4—5 мм в основании. В направлении лезвий и острия его толщина практически сходила на нет, что обеспечивало значительную поражающую способность при контакте с незащищенной поверхностью тела. Сечение клинков было почти исключительно линзовидным, на плоскостях могли проковываться долы. Форма клинка при изучении археологических находок во многих случаях восстанавливается с известной долей условности. Это связано с тем, что практически весь материал происходит из захоронений, куда мечи помещались вложенными в ножны. В земле разложившаяся деревянная масса ножен вследствие коррозийных процессов прикипала к поверхности клинка, практически полностью скрадывая его изначальный силуэт. Еще худшую сохранность имеют мечи из могил с трупосожжением. Подвергшись длительному воздействию высокой температуры, сталь плохо выдерживала многовековой контакт с землей. Несмотря ни на что, все-таки представляется возможным восстановить основные геометрические параметры клинков. Отмечается, что в основном они отличались незначительной степенью сужения к окончанию и слабовыраженным или закругленным острием.

Несовершенство технологии той эпохи делало ковку и закалку длинной полосы клинка весьма сложным процессом. Отсутствие качественного углеродистого сырья в достаточном количестве заставляло прибегать к использованию трудоемких приемов, связанных с приготовлением клинков из дамасской стали. Множество разных рецептов дамаскировки имели в своей основе многократную проковку стальных и железных прутков или плоских пакетов. В результате получалось изделие с достаточной степенью гибкости, упругости и твердости, что обеспечивалось сочетанием множества слоев железа и стали. Обычной была технология, когда дамасская сталь использовалась для изготовления сердечника, к которому приваривались кузнечным способом лезвия из обычной стали. Вполне естественно, что сам клинок при таких условиях производства был весьма дорогостоящей и редкой

Библия Мациевского. Франция, 1240—1250 гг. Оксфорд, библиотека Бодли

вещью. Позволить себе иметь меч могли лишь представители аристократии и дружинной знати. Причем, если воин был достаточно состоятелен, чтобы приобрести клинок, значит, он располагал средствами и на богатую отделку, которую в обязательном порядке и заказывал. В результате до наших дней не дошло простых «народных» меровингских мечей, все они прихотливо украшены. Объектом декорировки, как правило, становились эфес и ножны. При украшении использовались приемы инкрустации, плакировки, позолоты, серебрения, а также чернения.

Дальнейшим развитием меровингского меча явился каролингский меч. Принципиально они мало различались. Представляется возможным отметить разницу в конструктивном исполнении эфесов. Навершия сохранили составную конструкцию. При этом вместо трехчастной меровингской распространилась двухчастная конструкция. В основании лежала полая прямоугольная база, к которой приклепывалось полое же увенчание, которое могло иметь треугольную, полукруглую (полуовальную) или фигурную «лапчатую» форму. Гарды по-прежнему имели вид узких крестовин, ширина которых ненамного превышала ширину клинков, и имели составную конструкцию. Кардинальным отличием каролингских мечей от меровингских предшественников была их повсеместная распространенность. Хотя они и оставались весьма дорогим оружием, но, по сравнению с меровингскими, это было по настоящему массовое оружие. Каролингские мечи имели хождение от Уральских гор до Исландии, и от Скандинавского полуострова до Средиземноморья, где их высоко оценили такие знатоки оружия и металлургии, как арабы. Широкое распространение неизбежно привело к значительному типологическому разнообразию форм исполнения мечей, их оправ и способов отделки. Например, на Руси был распространен местный тип эфеса с изогнутым перекрестьем и базой навершия, что было вызвано желанием максимально приспособить его для конного боя. Известны также простые «народные» образцы с Н-образным эфесом, гарда и навершие которого состояли из простых узких монолитных планок. Впоследствии к X–XI вв. появились мечи с более широкими гардами и монолитными навершиями. Данные образцы, скорее всего, были связаны с зарождающейся конницей и были предназначены преимущественно для верхового употребления. Тогда же появились клинки с выраженным острием вместо традиционного скругленного.

Известным своеобразием отличались византийские мечи. Во-первых, империя еще с римских времен обладала развитым оружейным производством. Во-вторых, массовые армии Византии, в том числе конные, требовали большого количества качественного вооружения. Поэтому меч не мог быть в данном регионе такой редкостью и ценностью, как на западе Европы. Стилистические особенности оформления византийских мечей, видимо, совпадали в основных деталях с характерными особенностями оружия тех или иных областей империи. То есть на всей обширной ее территории не существовало единообразия в формах исполнения военного убора и в том числе мечей, хотя, несомненно, некоторые общие характерные особенности должны были существовать.

Клинки мечей византийской конницы отличались от пехотных большей длиной и, по всей видимости, превосходили в среднем длину западноевропейских мечей. Клинок спаты (меча конника) мог доходить до 800–850 мм в длину. Кроме того, от западных аналогов его отличало выраженное клиновидное острие, пригодное для эффективного укола. Другим отличием был эфес с дисковидным навершием, получившим хождение в IX–X вв. Округлые очертания подобных наверший не закрепощали кисть всадника, что позволяло более свободно манипулировать им в конном бою.

В VIII–IX вв. Европа познакомилась с саблей, которая была привнесена из Великой Степи и являлась высоко эффективным, специализированно конным оружием. Главная отличительная деталь сабли — это однолезвийный изогнутый клинок. Раннесредневековые сабли, кроме того, в обязательном порядке имели хвостовики со значительным углом наклона в сторону лезвия. Данная черта сообщала клинку дополнительный рычаг, что существенно усиляло удар без увеличения массы оружия и позволяла рубить «с оттягом» (смещая оружие назад при контакте с поражаемой поверхностью), совмещая, таким образом, акт расчленения с актом извлечения.

Сабельный клинок был заметно у́же клинка меча (ширина в основании от 30 до 35 мм в среднем). При этом сабли были, как правило, заметно толще (в среднем 5–8 мм по обуху в основании против 4–5 мм у меча). Сечение было клиновидным.

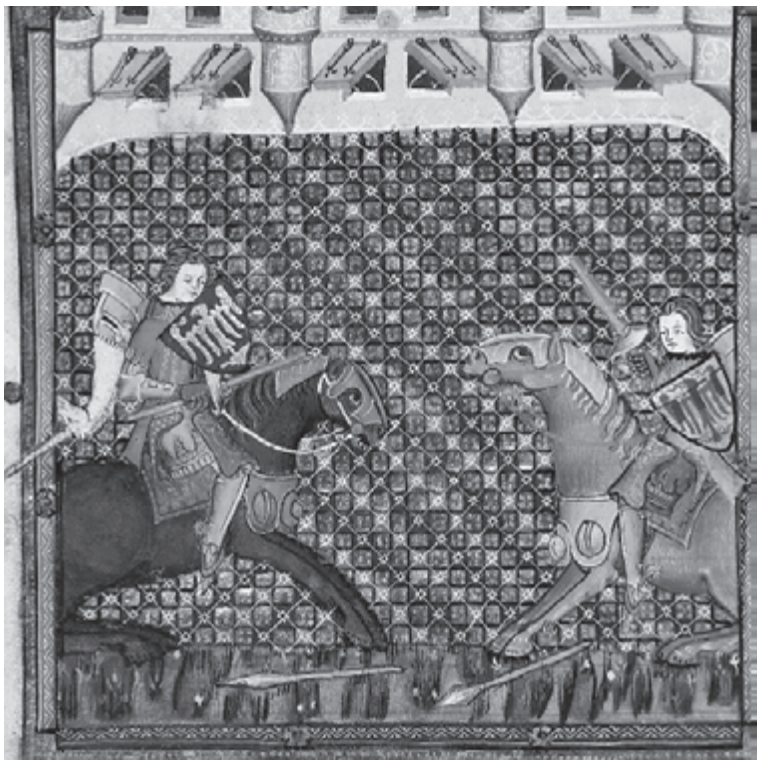
Долы в основном отсутствовали. Клинок почти не сужался к окончанию, лишь непосредственно у острия лезвие резко изгибалось в сторону обуха. Уже в период раннего Средневековья сабли стали приспосабливать к наиболее эффективному уколу, для чего были внесены два изменения в конструкцию острия. Первым и наиболее распространенным в данный отрезок времени было так называемое «фальш-лезвие», которое имело вид заточенного участка клинка на обухе непосредственно у острия[1]. Как правило, длина фальш-лезвия была не велика и редко превышала одну пятую общей длины клинка. Второе изменение получило традиционное наименование «елмань», известное уже по этнографическому материалу[2]. Елманью принято считать выраженное расширение клинка со стороны обуха, имеющее характер четко очерченного выступа, начинающегося непосредственно у острия и образующего дополнительное лезвие. Помимо повышенной колющей способности елмань усилила клинок сабли и как рубящего средства за счет расширения (а значит, повышения массы и прочности) ударной части.

В рассматриваемый период елмани не имели широкого хождения в Европе. При этом известны несколько сабель с чрезвычайно развитой елманью, в большой мере напоминающей позднесредневековый материал. Елмань в данном случае сильно выступает над обухом и составляет не менее двух третей общей длины клинка. Одна из этих сабель имеет хрестоматийную известность и приписывается Карлу Великому. Долгое время она была коронационной принадлежностью германских императоров и дошла до наших дней в идеальной сохранности, хотя и с некоторыми поздними добавлениями. Ныне сабля хранится в Историческом музее Вены. Данный экземпляр относится, очевидно, к IX в. и происходит из Кавказского региона.

Эфесы сабель раннего Средневековья отличались простотой. В качестве гарды использовалась простая короткая крестовина, часто со сферическими окончаниями плеч. С обеих сторон в центре перекрестья со стороны плоскостей оружия появились мысовидные выступы (центральные мыски), которые нависали над основанием, но не касались его и находили на рукоять. Изначально центральные мыски имели вид слабо выраженных треугольных выступов, но к XIII в., во время их всеобщего распространения, они трансформировались в длинные подпрямоугольные выступы. Данный конструктивный элемент служил единственной цели — максимально плотной фиксации клинка в ножнах. С завидной периодичностью появляющееся в историографии мнение о дополнительной защитной функции, которую исполняли мыски, предохраняя кисть сверху и снизу посредством захвата скользящего вдоль клинка оружия (так называемый «эффект запертого удара»), является ошибочным. Их функциональное приложение отлично

[1] Фальшь-лезвие буквально переводится, как «обратное лезвие».

[2] Елмань — относительно поздний термин, относящийся предположительно к XVI в. Тем не менее в европейской историографии он является общепринятым и поэтому употребляется при описании любого материала вне зависимости от хронологических рамок.



Роман об Александре. Фландрия, 1340-е гг.

прослеживается на огромном вещественном материале вплоть до образцов начала XX в.

Рукоять формировалась посредством накладок из органических материалов, чаще всего дерева, которые в большинстве случаев были длиннее хвостовика и крепились на нем за счет нескольких сквозных заклепок. Окончание рукояти венчал тонкостенный металлический колпачок, который исполнял роль навершия. Впоследствии на нем стали монтировать подвижное кольцо для крепления темляка.

Способ ношения сабли отличался от манеры ношения меча. Ножны подвешивались к перевязи посредством двух специальных колец или скоб со стороны обуха, к которым пристегивались два крепежных ремня, отходивших от перевязи. Часто места крепления богато украшались накладными серебряными или золотыми (позолоченными) листами чеканной работы.

Сабли в период раннего Средневековья не получили распространения в Западной Европе, несмотря на длительный военный контакт с ее непосредственными носителями — аварами в VIII в., а затем и с венграми в IX–X вв. Восточная Европа, напротив, восприняла это грозное оружие конницы. Основной зоной распространения сабли стал пояс Руси, Балкан, Византии. В XII — начале XIII вв. археологические находки в ряде регионов фиксируют преобладание сабель над мечами. Это неудивительно, ведь данный географический район выступал буфером между Западом и Степью, о который веками разбивались волны воинственных восточных народов. После гибели Аварского каганата, павшего под ударами ратей Карла Великого, Руси пришлось иметь дело с печенегами и могущественным Хазарским каганатом, который был разгромлен лишь Святославом Игоревичем во второй половине X века.

Родственным сабле оружием является палаш. Он отличается от сабли лишь прямым клинком, который также имеет одно лезвие и может сопровождаться отогнутым хвостовиком.

Клинковое оружие всадника мог дополнять боевой нож. Это грозное орудие ближнего боя в Европе получило название «сакс» или «скрамасакс». Производным от него является «лангсакс», или длинный нож, который по своим размерам мог приближаться к длинноклинковому оружию.

Основным орудием нападения конного бойца, по крайней мере, тяжело вооруженного конника все чаще становилось копье или пика, что было напрямую связано с генезисом рыцарства и рыцарской тактики боя. Данный способ боевого контакта предполагал фронтальный удар сомкнутой массы конников, для чего копье подходило как нельзя лучше в силу своей длины и акцентированно-колющей направленности. Конечно, классическая рыцарская атака с жестко зафиксированным под мышкой копьем сложилась не ранее конца XI в., то есть на закате «темных веков» — раннего Средневековья. Однако, уже на заре европейской средневековой конницы воины отчетливо понимали и по достоинству ценили преимущества, которое предоставляло такое оружие, как копье. Длинномерное древко существенно (в полтора-два раза) расширяло радиус поражения конного бойца по сравнению с любым клинковым оружием. Это было чрезвычайно

Роман об Александре. Фландрия, 1340-е гг.

важно для конника, который был ограничен в маневре пространством собственного седла и часто был вынужден дотягиваться до отстоящей от него цели.

Способ боевого использования копья в раннем Средневековье состоял в нанесении укола за счет движения руки, удерживавшей древко в районе точки балансировки. Известны два основных хвата копья. Во-первых, это «обратный», или «посоховый» хват. Он состоял в удержании копья над плечом, при том что наконечник находился со стороны мизинца. В целом данный хват мало отличался от держания копья при метании и, несомненно, к нему восходил. Во-вторых, прямой или обычный хват, когда копье удерживалось на полусогнутой руке у бедра или талии с наконечником со стороны большого пальца. Способы использования обоих вариантов прекрасно прослеживаются на примере казаков и улан XIX столетия, пользовавшихся оружием со схожими тактико-техническими характеристиками. Специфическим хватом копья пользовались, видимо, византийские катафрактарии, удерживавшие древко двумя руками. Данный способ восходит еще к античным временам и был перенят у парфянской и сарматской тяжелой конницы. Двуручный хват постепенно вышел из употребления, что было связано с постоянным повышением роли щита, который, без сомнений, удобнее было использовать свободной от дополнительной нагрузки рукой.

Император Траян. Шпалера. Фландрия, 1450-е гг. Берн

Археологический материал содержит значительно большее количество копий по сравнению с клинковым оружием. Данная ситуация скорее всего верно отражает реальное положение вещей в раннем Средневековье. Это и неудивительно, учитывая эффективность копья при относительной его дешевизне и доступности.

В период раннего Средневековья бытовали следующие разновидности наконечников копий: листовидные, ромбовидные, ланцетовидные, широколопастные, двушипные. Кроме того, имели хождения пики с пером четырехгранного, квадратного сечения. Интересной чертой оформления некоторых типов наконечников являются выраженные треугольные или прямоугольные выступы на втулке, традиционно именуемые «крыльями». Копье или пику с таким дополнением принято именовать «крылатой». Перекладина под пером, образуемая крыльями, служила стопором, препятствовавшим слишком глубокому проникновению его в поражаемую поверхность. Изначально такие копья были специфиче-

ским охотничьим атрибутом, но затем быстро перекочевали и на поля сражений. Данная разновидность является яркой иллюстрацией проникновения охотничьего оружия в боевую среду, что говорит об известном универсализме средств поражения военного и гражданского назначения в период складывания в Европе воинского сословия. Это вполне соответствует «прозрачности границ» воинского сословия в раннем Средневековье, когда каждый, владевший оружием свободный мужчина, мог влиться в него.

Обратная сторона древка всегда накрывалась специальным металлическим тыльником — втоком, иначе — подтоком, который обычно имел коническую форму. Он служил для предохранения древка от разбивания. Помимо этого, он мог служить балансиром и дополнительным поражающим элементом при действии обратной стороной древка, что вполне могло иметь место в боевой практике.

Сцена страстей Христовых. Гравюра. Л. Кранах Старший. 1515 г. Веймар

Период XII—XIII вв. в Европе явился временем окончательного сложения и наивысшего расцвета рыцарства. Отныне любая армия в Европе могла претендовать на роль значимой военно-политической единицы, только если ее основу составляли рыцари и шире — тяжелая конница. Рыцарская конница в определенных исторических условиях оказалась чрезвычайно эффективной боевой силой. Для контроля над ней и обуздания стихийной агрессивности, унаследованной от воинов «темных веков», общество отчасти сознательно, отчасти инстинктивно выработало и внедрило специфический кодекс рыцарской чести. Данный кодекс явился в том числе и истинной основой идеологии рыцарства. Изначально это был неписаный свод законов и морально-нравственных установок, регламентировавших поведение рыцаря на войне и в мирной жизни.

Итальянский медиевист Франко Кардини остроумно сравнивал рыцаря, лишенного внутренних сдерживающих факторов, с летчиком-истребителем, внезапно сошедшим с ума за штурвалом своей грозной боевой машины. Рыцарский кодекс сложился во многом под влиянием Клюнийской церковной реформы XI в. Требования религиозного характера обусловливали и сакрализировали служение рыцаря обществу, которое он был призван защищать. В XII в. рыцарский кодекс включил в себя еще одно основополагающее положение, а именно — культ Прекрасной Дамы, который отчасти происходил от культа Девы Марии, чрезвычайно распространенного среди воинов. Именно развитый рыцарский кодекс и ознаменовал окончательное сложение рыцарского сословия в начале XII в. Отныне рыцарство получило все свои отличительные атрибуты, определявшие его уникальность в мировой культуре.

В данный период совершенствуются тактические приемы использования тяжелой конницы.

Эволюционные изменения происходили повсеместно по всей Европе, включая русские земли. Если ранее до конца XI в. действия конницы были преимущественно одноактными, состоявшими из единой фронтальной атаки с последующей сшибкой и рукопашной схваткой до победного конца, то классическое Средневековье дало гораздо более упорядоченные способы ведения боя. В рассматриваемый период времени рыцарство научилось сдерживать свой атакующий порыв и жажду личной славы. Коннице предписывалось не только начинать сражение в определенном боевом порядке, но и действовать на поле, не нарушая его в дальнейшем. Повышение дисциплины и управляемости позволило превратить боевой контакт в контролируемый процесс, по крайней мере, на определенных его стадиях. Отныне бой стал многоактным и мог состоять из нескольких последовательных схваток — «соступов» или «суимов», как их именуют русские летописи, которые предпринимали отдельные конные формирования. После столкновения воины должны были при первой возможности собираться под знаменем и восстанавливать исходную формацию с тем, чтобы возобновлять бой в полном порядке. По крайней мере, в идеале это предполагалось. Надо ли говорить, что реальность зачастую была несколько иной. Рыцарство по своей природе не могло воспринять тот уровень дисциплины, какой подразумевается в регулярной армии, хотя значительные изменения к лучшему в сравнении с эпохой раннего Средневековья все же наблюдались. Роль знамени в управлении конными соединениями становилась неоценимой. Помимо немаловажной символической, моральной нагрузки, знамя стало одним из основных элементов управления. Средневековый конный бой создавал почти непреодолимые трудности для звукового оповещения, например, при помощи трубы или барабана, а уж тем более — голоса. Уши воина были закрыты толстым подшлемником и собственно шлемом. Отдельные звуки должны были сливаться в единый гул, растворяясь в грохоте копыт, лязге стали, треске сталкивающихся копий и щитов, криках умирающих. Таким образом, господствующее над полем знамя приобретало роль основного ориентира, вслед за которым шли вперед или отступали конные полки. Звуковая сигнализация приобретала вспомогательное значение. Недаром знамя оберегали любой ценой, а потеря его могла легко привести к поражению.

История Александра Великого. Фландрия, вторая половина XV в. Гота, Научная библиотека

К концу XI в. полностью сложился рыцарский способ ведения боя, единый для всего европейского региона, включая Византию и Русь. Отныне главным способом поражения был укол копьем, плотно прижатым подмышкой; действие производилось не усилием мышц руки и плечевого пояса, как ранее, а движением коня. Копье плотно зажималось подмышкой и нацеливалось на врага. Всадник упирался прямыми ногами в стремена и спиной в заднюю луку седла, сообщая таким образом неподвижно зафиксированному копью скорость и массу коня и собственного тела в доспехах. Подоб-

ный прием был настоящим «абсолютным оружием» средневековой конницы. Понятно, что даже самый сильный и умелый боец ни при каких условиях не смог бы превзойти за счет действия одной только руки усилие, создаваемое пятисоткилограммовой массой коня и всадника на скорости около тридцати-сорока километров в час. Основным аллюром атаки стал галоп. Причем в сторону противника конница могла двигаться хоть шагом, хоть короткой рысью. Но перед непосредственным контактом (дистанция около пятидесяти метров) строй должен был сорваться в галоп, переходящий в неконтролируемый карьер, для того чтобы обеспечить наивысшую эффективность удара. В подобных условиях от боевого коня требовались спринтерские качества — способность развивать максимальную скорость на минимальной дистанции.

Основным строем конницы являлся вытянутый по фронту эскадрон глубиной в две-четыре шеренги, редко больше. В первой половине XIII в. выработалась и другая форма — так называемый «клин» или «свинья», как ее именовали в русских летописях. Это было специфическое построение, которое, по всей видимости, было характерно изначально только для германских рыцарей прибалтийских земель, но затем распространилось по всей Европе. Оно заключалось в том, что число воинов в каждой последующей от начала шеренге увеличивалось на два, располагались они уступом, что образовывало трапециевидную фигуру, обращенную вершиной к неприятелю. С тыла клин поддерживала прямоугольная колонна всадников. Преимущество данного построения заключалась в высокой управляемости и пониженных требованиях к снаряжению и выучке бойцов из центра построения, что позволяло привлекать к боевым действиям максимальное количество личного состава практически без потери эффективности подразделения в целом.

Роль военачальника рассматриваемого периода, конечно, еще не достигла роли полководца в классическом понимании, как, например, в античном Риме. Даже в эпоху развитого Средневековья XII–XIII вв. командир рыцарского войска в первую очередь обязан был выбрать правильное место и время для решительного сражения. Далее его роль, в лучшем случае, заключалась в своевременном введении в бой резервов. Таким образом, личный пример доблести и воинского мастерства командира был зачастую не менее важен, чем его дарования как тактика и стратега. Военачальник сам должен был увлекать людей в битву. При этом опытный и мудрый полководец не должен был забывать и своих обязанностях командующего, верно оценивать ситуацию на поле, вовремя поднимать людей в атаку, правильно задавая ее направление. Одновременно он оставался непосредственно сражающимся бойцом, то есть в любую секунду должен был сохранять готовность к отражению нападения и применению собственного оружия. В качестве примера можно привести Вильгельма Завоевателя, Фридриха Барбароссу или Эдуарда Черного Принца. Но это почти идеальные случаи. Наряду с ними мы встретим и безрассудных сорвиголов наподобие Ричарда Львиное Сердце, что, правда, не мешало им в ряде случаев становиться вполне успешными командирами конницы.

Трудность прогнозирования ситуации в битве, а также пониженная управляемость протекания процессов во время ее заставляли полководцев всячески избегать решительного столкновения. Крупное сражение всегда было сопряжено с фактором непредсказуемости и элементом азартной игры — можно было быстро потерять все, не взирая на, казалось бы, благоприятные условия. Ярким примером может послужить битва при Пуатье 1356 г. Французы, обладая полным численным и техническим превосходством над англичанами, потерпели сокрушительное поражение, приведшее к проигрышу целого этапа Столетней войны, который расценивался современниками в качестве самостоятельного конфликта. С другой стороны, даже убедительная победа не гарантировала благоприятного окончания войны в целом — таковы были политические реалии Средневековья. Кроме того, свою роль играл и простой человеческий страх, ведь прямое столкновение было сопряжено с огромным риском. Достаточно вспомнить, что проигравшая сторона теряла от четверти до половины личного состава. То есть каждый от рядового бойца до военачальника имел вполне осязаемый шанс проститься с жизнью в случае поражения.

Основой комплектования конных армий служил феодальный призыв. В описываемый период система феодальных отношений приобрела логическую завершенность и упорядоченность. Были выработаны четкие нормы взаимоотношений

между господином и вассалом, очерчен круг их взаимных обязательств. Отметим, что обязанности были именно двусторонними. Вассал должен был служить сюзерену, выставляя по его требованию отряд вооруженных бойцов, которых он снаряжал на доходы со своего земельного надела — «лена». Ленное владение могло иметь характер не земельного держания, а прибыльной должности, как, например, часто бывало с рыцарями, проживавшими в городах. Сеньор, в свою очередь, обязан был защищать своего человека, выкупать его из плена, помогать семье в случае его ранения или смерти отстаивать его интересы в суде, заботиться о его потомстве и т. д. Вассальные отношения регулировались договорами «оммаж» и «фуа». Оммаж (от французского l' homme — человек) состоял в том, что будущий вассал изъявлял желание встать под руку господина, стать его человеком (отсюда и термин «оммаж»). «Фуа» представлял собой присягу на верность господину. Тогда же обычно оговаривались и конкретные условия. С XII в. договоры обычно стали оформляться письменно. В случае неверности вассал мог лишиться своего надела и быть изгнанным из владений сеньора. Если сеньор не исполнял оговоренных условий, то есть имела место так называемая «филония», вассал мог ответить «деградацией» — односторонним разрывом отношений со своим господином. Такова была схема. Естественно жизнь была гораздо сложнее и корректировала идеальные условия.

Св. Георгий. Л. Кранах Старший. 1506 г. Мюнхен

В XII—XIII вв. наметился, а затем и развился кризис классических вассально-сеньориальных отношений. Служба на войне и даже в мирное время была весьма убыточной для вассалов. Поэтому сеньоры вынуждены были компенсировать их расходы за время призыва. Обычно компенсация носила частичный характер и была дополнением к доходам от лена. В тот же период были четко определены сроки несения службы по призыву, которые в среднем равнялись сорока дням в году. Если сеньор хотел продлить срок, то он должен был выплачивать жалование своим рыцарям и их солдатам. Постепенно к XIII в. в армиях появился значительный процент обычных наемников — воинов, которые служили не на феодальной основе, а за денежное вознаграждение. В подобном окружении вассалы, которые были вынуждены нести службу себе в убыток, не проявляли особого энтузиазма и рвения, стараясь перевести собственное служение на денежную основу. Это послужило к быстрой смене характера комплектации армий. К концу XIII в. их костяком выступали именно наемники.

Конное вооружение классического Средневековья представляло собой вполне развитый и продуманный комплекс боевых средств. Он являлся логическим развитием тенденций, заложенных еще в X–XI вв.

Снаряжение коня претерпело определенные изменения. Седла стали более тяжелыми и массивными. Прямые луки, служившие для упора при копейной сшибке, увеличивались по высоте, что в середине–второй половине XIII в. привело к появлению «ясельных» седел. Легкие трензельные оголовья уже в XI в. сменяются в боевом обиходе на более совершенные пилямные и мундштучные. К XII–XIII вв. они становятся основными разновидностями оголовий. Формы их на Руси и в Европе могли разниться, но принцип действия и требования к ним оставались едиными. Длинные псалии и жесткие металлические планки, помещавшиеся в рот коня, позволяли максимально точно контролировать его движения в бою. Это приобрело кардинальную важность в условиях сформировавшейся рыцарской тактики, когда укол копьем осуществлялся за счет хода коня, что существенно повысило требования к филигранности выездки.

Защитное снаряжение представляло собой комбинацию щита, шлема и кольчуги. Изначально щит, как и прежде, выступал основным оборонительным средством, не считая шлема. Однако с течением времени все большую нагрузку берут на себя средства статической защиты, непосредственно надеваемые на корпус, руки и ноги. Введение все более длинных кольчужных рубах с полными рукавами, а впоследствии и появление в широком обиходе кольчужных чулок привело к снижению роли щита, что выразилось, в первую очередь, в уменьшении его размеров. Пришедший от XI в. миндалевидный щит сосуществовал в XII–XIII вв. с вытянуто-треугольным щитом. Обе разновидности отличались значительными размерами и закрывали воина от подбородка до колена или середины голени, что предполагает длину около метра–метра двадцати сантиметров и даже более. В начале XIII в. появился, а затем ко второй половине столетия и серьезно потеснил их малый треугольный щит. Он имел иные пропорции, вписываясь в квадрат или прямоугольник с отношением длины и ширины не более чем один к полутора. Подобные щиты отличались средними и малыми размерами и не превосходили одного метра в длину. Развитие тактики конного боя привело к появлению новых систем и конструкций, служащих для удержания щита. Вместо преобладавших изначально щитов с кулачным хватом в XI в. распространяются щиты с так называемым «локтевым», или «предплечным» хватом. Предплечье бойца продевалось в кожаные петли, приклепывавшиеся к изнанке щита. Появление подобного хвата было напрямую связано с введением в обиходе конницы больших миндалевидных щитов в XI в. В отличие от круглых щитов, эти были слишком длинными и тяжелыми, чтобы эффективно управлять ими при помощи одноточечного кулачного хвата. Кроме того, для конника требовалась свободная левая кисть для удержания поводьев. Фиксация щита на предплечье позволила более свободно манипулировать им, особенно в условиях верхового боя, и освободила кисть, что облегчило управление конем. Необходимо отметить, что на раннем этапе (в X в.) были известны и гибридные формы, а именно — миндалевидные щиты с кулачным хватом. Данная разновидность не прижилась и не получила заметного распространения, что доказывает скудное отражение ее в источниках (известна исключительно по редким изображениям).

Эволюционные изменения щита происходили почти синхронно на всей территории Европы, включая Русь и Балканы. Это было вызвано единством тактики и принципов использования оборонительного и наступательного комплекса.

Под стальной доспех на тело в обязательном порядке надевали стеганые подкладки для амортизации ударов и предохранения от возможного натирания. Под шлем и кольчужный капюшон полагался подшлемник, под кольчугу или пластинчатый доспех — стеганая куртка «акетон» или «гамбезон» и т. д. При достаточной толщине набивки они могли выступать и самостоятельным доспехом, что широко практиковалось среди беднейшей части воинства, а также в среде легкой конницы, где не было необходимости нагружать себя стальными доспехами. В известных случаях подобной защитой не брезговали даже представители высшей аристократии.

Стеганые амортизирующие подкладки были хорошо известны с античных времен. Традиция их использования в определенных регионах, например в Византии, не прерывалась. В Европе раннего Средневековья тем не менее нет надежных

Битва при Павии. Шпалера. Фландрия, 1530-е гг.

свидетельств существования специально выделанных поддоспешных одежд. Под кольчуги, видимо, могли поддеваться плотные кожаные или шерстяные рубахи, а под шлемы — войлочные или меховые шапки, которые могли служить элементом гражданской одежды. Под пластинчатые доспехи подкладка, вероятно, могла подшиваться или пришнуровываться. Такая ситуация была оправданна относительно малым распространением стального защитного вооружения, а также преобладанием легкого оружия. Все это снижало необходимость широкого применения специали-

зированных стеганых поддоспешных одеяний. В Византийской империи воинам предписывалось носить стеганые куртки вне зависимости от того, какой вид доспеха они употребляли. Наличие подобных предписаний и рассуждений об их пользе служит надежным индикатором того, что ими периодически пренебрегали, не желая излишне нагружать себя физически и в финансовом отношении. В период развитого Средневековья такого рода предписания почти не известны, что косвенно, но вместе с тем недвусмысленно указывает на распространение подобных одежд и подкладок, наличие которых было самоочевидным в условиях широкого употребления тяжелого оружия, характерного для этой эпохи.

Кольчужное полотно оставалось наиболее популярной разновидностью защитного покрова в XI–XIII вв. Кольчужные рубахи в это время проделали путь от короткополых курток с рукавами до локтя до настоящих пальто с полноразмерными рукавами и подолами, доходившими до середины голени. Впоследствии к концу XII — началу XIII вв. в связи с повсеместным знакомством с развитыми формами кольчужных чулок подолы рубах заметно уменьшились. Укороченный подол был гораздо функциональнее длинного, который значительно утяжелял кольчугу и бесконтрольно болтался в стороны, особенно при быстрой скачке. Для борьбы с этим эффектом подолы рубах часто подвязывали вокруг бедер на манер неких комбинезонов. Наиболее раннее изобразительное свидетельство такого рода представлено на ковре из Байе 1080 гг., одно из наиболее поздних — с миниатюр Винчестерской библии конца XII в.

Важным дополнением к кольчужной рубахе был кольчужный капюшон. Он значительно усиливал защитные качества шлема, под которым его носили, а также мог выступать самостоятельным наголовьем. В XI–XIII вв. широким хождением пользовались капюшоны, приплетаемые к горловине рубахи. Наряду с ними имели хождение и надеваемые отдельно капюшоны с пелеринами. В Византии они были известны и ранее, предположительно с позднеантичного времени (V–VI вв. от Р. Х.).

Определенное недоумение у стороннего наблюдателя может вызывать полное отсутствие прикрытий кистей рук и пальцев до конца XII в. Казалось бы, кисть руки, непосредственно удерживающая оружие, в бою подвергается угрозе прежде всего и требует защиты в первую очередь. Тем не менее отсутствие фехтовальных эволюций с оружием (по крайней мере, в современном понимании) даже в зачаточном состоянии, а также бой с применением щита снижали вероятность поражения кисти практически до нуля. Вместе с тем с возрастанием роли рыцаря как самостоятельного, индивидуального бойца вместо прежнего члена сплоченного общинного строя повышается роль фехтования оружием (в первую очередь, клинковым), связанного с отражением ударов клинком. Это многократно повысило риск поражения кисти, что привело к появлению в 1180 г. прямоугольных кольчужных мысков, которые приплетались непосредственно к рукаву и закрывали кисть сверху. Скоро им на смену пришли кольчужные рукавицы (1190–1200 гг.), к которым в первой трети — середине XIII в. добавились и перчатки с раздельными пальцами. До второй половины XIII в. кольчужные прикрытия кисти всегда выполнялись как продолжение рукавов кольчуги, то есть приплетались к ним. Иными словами, в этот период раздельных рукавиц не существовало. Они появляются лишь в 1260–1270 гг.

Необходимо отметить, что на Руси, какие бы то ни было прикрытия кисти не известны ни по данным археологии, ни по изобразительным или письменным данным. Первое и единственное изображение кольчужной рукавицы относится к 1300 г. (миниатюра Тверского списка Хроники Георгия Амартола). Видимо, определенное хождение такие приспособления на Руси имели, но о сколько-нибудь широком применении говорить не приходится. Это вполне логично укладывается в концепцию развития русского военного дела и, шире, общественных сил, которые не породили и не приняли феномена рыцарства в полном смысле. Русский дружинник, используя схожее в основных чертах снаряжение и приемы боя, ориентирован был прежде всего на действие в составе подразделения, сохраняя наш исконно русский общинный уклад даже в бою, не превращаясь в индивидуалиста, что делало неактуальным различные специальные защитные устройства наподобие кольчужных перчаток или рукавиц. Это вовсе не значит, что тяжеловооруженный снузник не мог выступать как самостоятельный боец, а европейский рыцарь не умел действовать в со-

ставе строя, в данном случае важна общая направленность.

Наиболее яркой страницей истории развития защитного снаряжения XI—XIII вв. является эволюция боевых наголовий и, прежде всего, шлемов. Эта тема достаточно подробно освещена в соответствующих разделах данной книги, поэтому специального внимания здесь мы ей не уделим. Достаточно сказать, что в XI в. повсеместно возобладали конические и куполовидные формы шлемов, на время потеснив полусферические и другие геометрические разновидности. Их эволюционные изменения состояли в том, что монолитные конструкции получили большее распространение по сравнению с более примитивными сегментными. Для защиты лица все шире стали применяться носовые пластины, которые к началу XII в. трансформировались в сплошные маски — забрала с прорезями для глаз и для вентиляции. В XII же столетии распространяются наголовья с цилиндрической и усеченно-конической тульей, так называемые «горшковидные шлемы». Они впоследствии и стали главным приложением для монтажа глухих забрал, превратясь в XIII в. в весьма массивные ведрообразные наголовья. Наряду с ними продолжали существовать более легкие открытые шлемы с простыми наносниками или без них. Тогда же в XII—XIII вв. переживает очередной всплеск мода на шлемы с полями, которые могли использовать как рыцари, так и легкая конница и пехота.

Распятие. Л. Кранах Младший. 1573 г. Дрезден

Русское военное дело в основном характеризовалось открытыми шлемами, которые следовали своим обликом восточной, степной традиции. Одновременно имели хождение и тяжелые закрытые наголовья, оснащенные полумасками или даже полными глухими личинами. Последние появились в конце XII столетия и просуществовали до середины XIII в. По своим функциональным характеристикам они выступали полным аналогом рыцарским горшковидным шлемам. При этом они далеко опередили европейские образцы по технологическим и декоративным качествам. Личины были антропоморфными, то есть повторяли черты человеческого лица и фиксировались на корпусе шлема подвижно посредством петли. В Европе шлемы с откидными забралами появятся лишь в конце XIII — начале XIV вв.

Серьезным ударом по «рыцарской Руси» стало монгольское нашествие 1230 гг. Был нанесен значительный урон ремесленным центрам, которые обеспечивали выпуск

технологически сложного, богато украшенного «рыцарского» снаряжения. Ущерб не был тотальным, но на восстановление первоначального уровня производства ушло несколько десятилетий. Кроме того, потребность в массовом вооружении (особенно конном) сделало невозможным широкое распространение дорогостоящей, элитной продукции. На первое место вышли простые и дешевые «солдатские» вещи. Сказалось это и на облике шлемов. Вплоть до XVI–XVII вв. не появлялись на Руси наголовья такого уровня технологического совершенства, как в первой половине XIII в. Например, монгольское вторжение пресекло развитие таких многообещающих разновидностей, как шлемы с личинами или полумасками.

Наступательное вооружение XI–XIII вв. заметно изменилось по сравнению с раннесредневековыми образцами. Сказалось в первую очередь складывание обширной и влиятельной прослойки населения, основным назначением которой была военная служба. Данный фактор обусловил массовое производство оружия, которое в основной своей массе не могло более нести столь роскошной декоративной отделки, что была в широком ходу в эпоху викингов. Внешний облик оружия становиться более скромным, а все возможные элементы отделки занимают подчиненное положение по отношению к чисто функциональным чертам.

Оружие становиться более дешевым и доступным. Это было связано с упрощением технологии изготовления. В рассматриваемый период мастера оружейники, следуя общему уровню развития ремесла, перешли на использование обычной стали вместо дамасской. Процесс ковки более не был связан с трудоемкими, долгими, а значит, и дорогостоящими приемами приготовления дамаска, который ранее служил основой для большинства клинков. Обычная сталь при грамотной обработке не уступала дамасской ни в твердости, ни в упругости, будучи при этом серьезно дешевле.

Воин-профессионал периода развитого Средневековья в Европе и на Руси, в первую очередь, являлся конным бойцом. Поэтому эволюция профессионального снаряжения, и в том числе наступательных средств, была связана прежде всего с особенностями использования его в конном строю. Иными словами, любой профессиональный комплекс боевых средств являлся специализированно конным, при том что он сам или его отдельные элементы могли использоваться и в иных условиях, например в пешем или морском бою.

Копье как основное оружие рыцарской конницы в период развитого Средневековья заметно увеличилось в размерах, по сравнению с более ранним временем. Развитие рыцарской тактики позволило существенно удлинить и утяжелить древко, так как исчезла необходимость активно манипулировать копьем в бою. Вспомним, что рыцарь неподвижно фиксировал свое оружие подмышкой, в то время как его коллеги из более ранних эпох «фехтовали» копьем, нанося уколы усилием руки, что естественно ограничивало его размеры и вес.

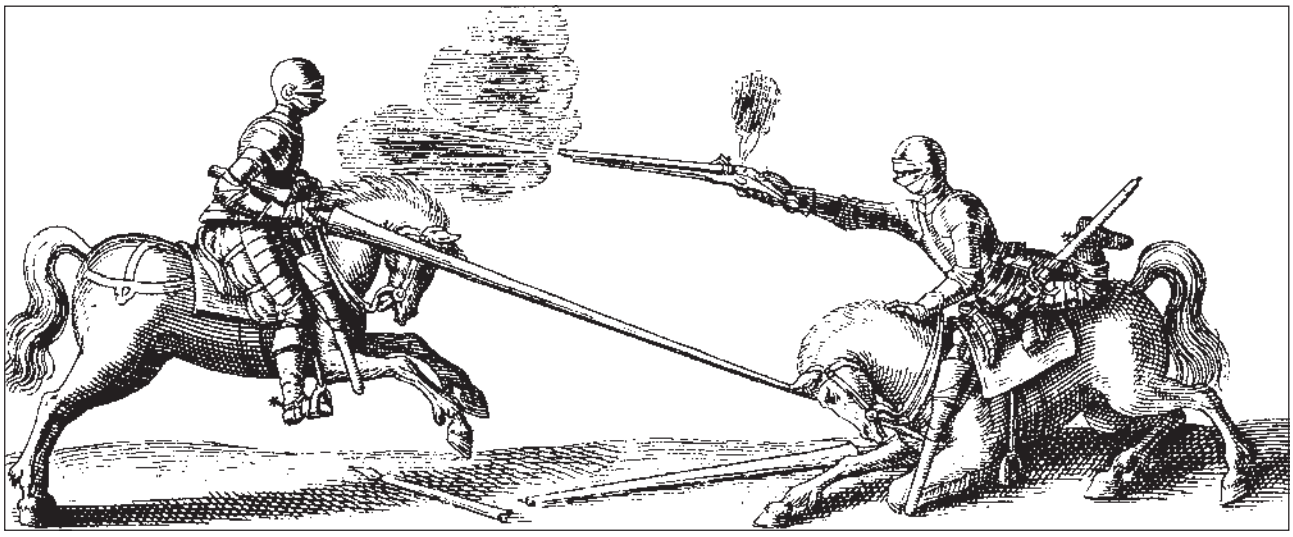
Размеры наконечников копий увеличились незначительно. Более крупным стал диаметр втулки, что было связано с утолщением древка, которое отныне было призвано выдерживать огромные ударные нагрузки, немыслимые в раннем Средневековье. По той же причине увеличилась длина втулки и уменьшилось соотношение длин рабочей части (пера) и втулки. Понятно, что чем больший рычаг по отношению ко втулке представляет перо, тем сложнее его удерживать на древке при нагрузке, и наоборот. Увеличивается и толщина наконечников. Короче говоря, копье превращается в массивное оружие, призванное поражать тяжелый и прочный защитный покров. Форма наконечника изменяется в общих чертах следующим образом: наиболее употребимыми становятся наконечники с вытянуто-треугольными перьями, которые потеснили прочие конфигурации.

Меч в описываемое время превратился настоящую кавалерийскую «спату», какой ее знали античные катафрактарии. Одноручный эфес сочетался с длинным и широким клинком, который обеспечивал максимальный радиус поражения и наибольший разрушительный эффект. Острие приобрело клиновидные очертания, что позволило наносить более результативные уколы по сравнению с классическими каролингскими мечами с их закругленными остриями. Сечение клинков было почти исключительно линзовидным. На плоскостях для облегчения конструкции в большинстве случаев наводились долы, для чего использовался метод ковки с последующей накаткой абразивным камнем. Встречались и клинки с гладкими плоскостями без долов. Толщина клинка составляла 5–6 мм в основании.

Эфес комплектовался широким перекрестьем, которое в данный период уже можно называть гардой в полном смысле слова. Ведь перекрестье каролингского меча настолько незначительно выступало за границы клинка, что скорее служило упором кисти, чем ее защитой. Перекрестье было односоставной монолитной планкой, которая имела прямоугольное сечение. Оно с равной вероятностью могло быть прямым или изгибаться в сторону острия. Навершия также утратили составную конструкцию и стали монолитными. С XI по XIII столетие сменилось множество разновидностей наверший — от линзовидных и полукруглых до дисковидных и т. д. Основной функциональной чертой их в эту эпоху стал изгиб части, прилежащей к рукояти, в сторону, противоположную клинку. Это было необходимо для раскрепощения кисти бойца на рукояти. Данный принцип воплотился еще в раннем Средневековье на византийских мечах, а также некоторых типах каролингских мечей. Однако в рассматриваемый период он полностью доминировал при создании любой разновидности эфеса. В историографии мечи, обладающие описанной совокупностью признаков, были названы общим термином «романские». Они были распространены на всей территории Европы, обозначая единое, условно говоря «рыцарское», пространство, куда в полной мере были включены и русские княжества.

В XII в. появилось новая разновидность клинкового оружия, не представленная среди русских древностей до конца XV в., характерная исключительно для Европы. Имеется в виду так называемый «фальшион», или тесак. Данное оружие характеризовалось клинком с выраженным расширением от основания к острию. Оно снабжалось мечевым эфесом или эфесом боевого ножа (без перекрестья и навершия с приклепанной к хвостовику рукоятью). Это был вариант «асимметричного ответа» на распространение полного кольчатого доспеха, который отличался значительной степенью устойчивости к воздействию обычного одноручного оружия. Расширяющийся клинок обладал повышенной разрубающей способностью благодаря смещенному к острию балансу. Кроме того, фальшион имел усиленную рабочую часть клинка, отличающуюся повышенной прочностью из-за значительной ширины. Напомним, что удар клинковым оружием, как правило, производится последней его третью, где фальшион имел максимальное расширение.

Происходил фальшион, по всей видимости, от некоторых типов европейских палашей или «больших ножей», которые в историографии обозначаются зачастую некорректным, но устойчивым термином «однолезвийный меч». Была известна и несколько иная разновидность фальшионов, когда клинок имел вместо хвостовика втулку и снабжался коротким древком. Древко обычно не превышало длины самого клинка. Оружие,



Бой двух рейтар. По Валльгаузену. 1616 г.

принадлежащее данной группе, мы предлагаем называть собирательным термином «фошард». Оговоримся, что в Средние века оба термина «фальшион» и «фошард» обозначали одно и то же без какого бы то ни было четкого разграничения.

Обе разновидности оружия постепенно завоевали популярность в среде конницы. Изначально они использовались лишь пехотой и легкой конницей из-за своей дешевизны. Впоследствии их активно применяло и рыцарство, что объясняется отличными боевыми качествами данного оружия. Пик распространения фальшионов приходится на конец XIII–XIV вв. Источники этого времени донесли до нас свидетельства существования множества различных типов и вариантов такого оружия, что несомненно указывает на высокую культуру его использования.

Оружие на рукояти или на коротком древке также широко использовалось конницей. В Восточной Европе и особенно на Руси были распространены чеканы — топоры с дополнительным поражающим элементом на обухе в виде выраженного молотковидного или пирамидального выступа. Обычно они имели узкую бородку. Малая длина поражающей поверхности сообщала этому оружию повышенную проникающую способность при ударе, что делало его весьма эффективным боевым средством, невзирая на незначительный вес. Малый вес сообщал чекану высокие мобильные качества, превращая его в неотразимое орудие нападения всадника.

На Руси также применялся полный спектр основных разновидностей обычных секир и топоров, характерных для всей Европы. Представляется возможным выделить и некоторые особенности, обусловленные различной традицией изготовления и применения данного оружия в различных областях европейского континента. Например, на Руси до XIV–XV столетий совершенно не применялась секира с полукруглой (луновидной) рабочей частью. На западе Европы она была известна с конца XI в. и распространилась в XIII в.

В XIII в. завоевывает популярность такое оружие, как шестопер или пернач. Это было вызвано распространением пластинчатого доспеха.

Лук по-прежнему остается основным средством дистанционного боя конницы. В Европе традиция использования конных лучников не была всеохватывающей, кроме, может быть, Венгрии и Польши. Византия, Балканские страны и Русь, напротив, широко применяли лучников на конях, что было вызвано необходимостью мобильной войны с восточными соседями. В этих регионах применялись сложносоставные луки тюркского, турецкого или монгольского типов. Они выклеивались из различных пород дерева и усиливались сухожилиями животных и роговыми накладками в различных сочетаниях. Дуги таких луков отличались большой мощностью, однако, загнутые вперед плечевые накладки создавали дополнительный рычаг, что компенсировало ее и облегчало натягивание. Европейские луки не были составными, а мощность достигалась за счет увеличения размеров. Сложные луки имели хождение лишь в крестоносных государствах, Италии и Испании, которые так или иначе контактировали с восточными народами.

Другим метательным средством выступал арбалет или самострел. Это был лук с дугой настолько мощной, что ее невозможно было натянуть руками. Дуга арбалета помещалась на ложе, снабженном спусковым механизмом и желобом для стрелы. Для натягивания требовалось зафиксировать оружие неподвижно (обычно его прижимали ногой к земле) и, взявшись за тетиву двумя руками, привести ее в боевое положение. В XIII в. с повышением мощности арбалетов появились различные приспособления для натягивания. Первым был простой поясной крюк, позже вошли в обиход и различные механические устройства. В конном строю арбалет употреблялся редко, однако, при переходе на пластинчатые доспехи в середине XIII в. потребовались средства повышенной мощности, что привело к появлению конных арбалетчиков как вспомогательного рода войск. Хотя конный арбалет, видимо, уступал пехотному в мощности, но все же далеко превосходил лук.

XIV–XV вв. — время заката эпохи Средневековья, ее золотая осень. Этот период закончился тотальным сломом традиционного европейского общества, что привело к невиданному в прежние времена кровопролитию. Однако в свои последние времена старая европейская культура расцвела протуберанцем колоссальной силы и яркости. Данное явление затронуло все слои общества, включая, конечно, и рыцарство. Никогда прежде воинское сословие не было носителем столь рафинированной культуры и тщательно разра-

ботанной идеологической системы. Современный наблюдатель может поддаться соблазну и принять многие стороны общественной и личной жизни рыцарства за некое театральное действие, за игру. В определенной мере это, несомненно, правильный взгляд. Тем не менее нельзя не признать, что то, что мы могли бы назвать игрой, пронизывало самое естество позднесредневекового рыцарства, выступая стержнем, вокруг которого строилась жизнь. При этом рыцарь, особенно если говорить о некоем собирательном, идеальном его образчике, даже не пытался скрыть некие театральные элементы своего поведения, со всей серьезностью принимая правила игры. В качестве примера можно рассмотреть такое важное для понимания рыцарства в целом явление, как турнир. Ранее турнир выступал как один из основных способов боевой подготовки тяжелой конницы. Турнир имитировал действия группы всадников на определенной местности. Тренировка, воинское учение, возможность проверить себя в условиях приближенных к боевым без особого риска — вот что лежало в основе турнира классического Средневековья. С конца XIII в. и особенно в XIV столетии на первый план вышел показательный момент. С тех пор турнир превратился в большой спорт в современном понимании. Основным действием стал поединок двух конников, индивидуальная схватка. При этом в дань обычаям старины в рамках турниров часто проводились групповые конные схватки, так называемы «бои на старинный манер». Непосредственная развязка обставлялась со всей возможной роскошью, ей предшествовали сложные и красочные ритуалы, не уступающие своей проработанностью настоящим театральным представлениям. Собственно бои в результате занимали минимум времени, выступая кульминацией по всем законам театрального жанра. Постепенно элемент представления стал преобладать, совершенно затенив (хотя и не подменив окончательно) изначальное предназначение турнира. Конечно, участие в таком «шоу» требовало отменного мастерства, силы, ловкости и личного мужества. Но при этом главные действующие лица были лишь верхушкой айсберга из всех задействованных в подготовке людей — герольдов, глашатаев, пажей, слуг, маршалов, судей и т. д. Все они наряду с рыцарями были необходимыми участниками турнира. Нередко турнир должен был воспроизводить некие античные или библейские сюжеты, хотя и в стилизованном, утрированном виде.

Война, непосредственное предназначение рыцарского сословия, конечно, привносила свою «ложку дегтя» суровой прозы жизни. Военный поход, полный тягот и лишений, куда как мало походил на вычурный блеск турнирных боев. Собственно поход не гарантировал даже полевого сражения, которое могло бы прославить рыцаря или принести материальную выгоду, если бы ему посчастливилось взять знатного и богатого пленника. Как правило, результатом похода становились мелкие стычки, бесконечные маневры и осады укрепленных пунктов, что не сулило ничего кроме грязи, крови, болезней и риска бесславно погибнуть от случайной стрелы или подхватить дизентерию и умереть уж вовсе нелепо. Тем не менее настоящий рыцарь и в таких условиях находил место для приложения своих показательных, назовем их условно «театральными», устремлений. Страсть к внешним эффектам особенно сильно проявлялась в армиях богатых и могущественных государств с развитой рыцарской культурой, например, в Бургундском герцогстве. Бургундские рыцари могли позволить себе выступить на войну, везя в обозе шатры в виде замков с башнями, или озаботиться заказом знамен, шитых золотом и жемчугами, — не самые необходимые предметы на войне. Широко известны примеры, когда рыцари организовывали в рамках военных действий настоящие турниры. Зачастую они несли несколько редуцированный характер, но все же обладали основными их родовыми признаками и, в первую очередь, имели показательную нагрузку. Например, в годы Столетней войны во время очередного перемирия, когда военные столкновения были строго запрещены, англичане и французы использовали турнир в качестве предлога, чтобы помериться силами. Это закончилось знаменитым Боем Тридцати. Тогда погибли и были ранены многие известные рыцари.

Часто рыцари в добавление ко всем «прелестям» военной жизни отягчали себя изнурительными и бессмысленными на наш современный взгляд, обетами. Например, не открывать один глаз, пока дело не дойдет до настоящего сражения, или принимать пищу стоя или не снимать доспехов и т. д. Причем речь идет об очень распространенном явлении, а не о каких-то забавных курьезах.

То, что кажется нам сегодня мишурой, составляло реальное наполнение жизни рыцаря и ши-

ре — дворянина. И это вовсе не мешало рыцарству оставаться наиболее эффективной силой на полях сражений. Вот тут и кроется диалектика развития рыцарской конницы как военной силы в период позднего Средневековья. С одной стороны, можно констатировать постепенное, но неуклонное растворение мифа о непобедимости рыцаря, что являлось реальным фактором его боеспособности. С другой стороны, на поля сражений выходили новые действующие лица, отличавшиеся как способом ведения войны, так и мотивацией своих действий. Новые силы (тяжелая пехота, организованные массы лучников, а также зарождающаяся артиллерия) заметно влияли на само рыцарство, которое вынужденно перенимало новые прагматические способы ведения военных действий, зачастую сливаясь со своими идеологическими противниками. Имела место и обратная связь. Харизматическая фигура рыцаря добавляла уверенности, поднимая боевой дух целого пехотного построения, при том, что отдельно взятый рыцарь в рядах баталии стоил немногим больше обычного пехотинца. Скоро, в начале XVI в., развитие новых сил и тенденций сметет рыцарство с полей сражений. Однако в последние десятилетия своего господства рыцарство достигло максимальной военной эффективности. Великолепное вооружение, выучка и накопленный за века опыт превратили рыцарскую конницу XIV—XV вв. в неотразимое боевое средство. Так нередко бывает, когда рядом со старой испытанной системой возникает новая с аналогичными функциями, но превосходящая ее по техническому потенциалу. Тогда старая система, используя весь ранее накопленный эксплуатационный опыт, на короткое время достигает своего пика, превосходя даже новую систему, несмотря на ее техническое превосходство. Так было, например, с парусными и паровыми судами, когда изящные чайные клиперы легко обгоняли мощные, но неуклюжие пароходы, хотя, как нетрудно догадаться, будущее было за последними. Рыцарская конница в условиях открытого полевого боя растоптала хорошо вооруженную и организованную фламандскую пехоту при Касселе и Розбеке в 1328 и 1382 гг. Однако менее чем через сто лет конница Карла Бургундского ничего не смогла противопоставить швейцарской пехоте, хотя и была вооружена и организована несравненно лучше, чем французская конница

Портрет Карла I принца Уэльского.
Пауль Ван Сомер (?), 1616 г. Частная коллекция.
По каталогу П. Файнера «In Armis Ars». 2003 г.

в XIV в., в то время как швейцарцы в плане технической оснащенности недалеко ушли от своих фламандских коллег.

Необходимо отметить, что в целом позднесредневековое рыцарство как социокультурный феномен проявляло себя в чрезвычайно сложных условиях. Оно было плоть от плоти традиционного средневекового общества, которое неуклонно следовало к кризисному этапу своего существования (речь идет о Реформации начала XVI в.). Первые попытки реформирования католической церкви, как бы мы теперь сказали на «протестантский манер», произошли в XIV—XV вв. и были связаны с деятельностью Джона Уиклифа в 1340—1350 гг. и Джона Болла в 1380 гг. В начале XV столетия произошло выступление

Император Фердинанд II.
Гравюра на меди

Яна Гуса в Чехии. Все это были лишь предвестники «большой реформации» Лютера. До определенного времени в обществе главенствовали традиционные силы, которые жестко, а зачастую и жестоко подавляли данные устремления, осознавая, что речь идет не об очередном конфессиональном споре, а о коренной смене всего жизнеустройства, что может привести к катастрофическим последствиям. На следующем этапе силы, заинтересованные в Реформации (богатые буржуа и ростовщический капитал), стали достаточно влиятельны для решительного переворота в общественном сознании. Старые же силы, в том числе рыцарство, проявили пассивность или напрямую поддержали тех, кто, прикрываясь религиозными лозунгами, за полтора века полностью изменит облик Европы, в которой уже не будет места рыцарству и его идеалам.

Именно в выдвижении на первый план новых общественных кругов, связанных с капиталом, а также во временной поддержке их рыцарством, и следует искать первопричину исчезновения последнего как решающей военной силы и лидера европейского социума.

Развитие Руси в XIV–XV вв. привело к своеобразным, если не сказать — уникальным результатам, в том числе в сфере военного дела. Подводя резюме, можно констатировать, что от внешне весьма схожей с европейской военной системы, основанной на рыцарской тактике ведения боя XIV столетия, Русь пришла во второй половине XV в. к азиатским принципам вооружения и военных действий. Оригинальность данного процесса состоит в том, что он шел на фоне и под непосредственным влиянием генезиса феодализма на Руси. То есть чем больше Русь походила на Европу типом общественных отношений (феодализм), тем менее русские конные воины походили на своих европейских коллег — рыцарей. Сейчас трудно судить, имела ли эта тенденция взрывной, скачкообразный характер или развивалась эволюционно. В 1380 г. «рыцарские» войска Дмитрия Ивановича разгромили полчища Мамая, а уже через сто лет в 1480 г. на реке Угре татарам противостояли конные полки, полностью перевооруженные и организованные на азиатский манер. Ясно одно, развитие феодализма, приведшее в Европе к появлению тяжелой рыцарской конницы, носившей элитный характер, на Руси ознаменовалось появлением поместной конницы, которая имела массовый характер и относилась по европейским меркам к легкой и средней коннице. Не следует делать в этой связи каких-либо оценочных выводов. Оба рассматриваемых феномена не были плохи или хороши сами по себе. Они явились адекватной реакцией породивших их обществ на вполне конкретные исторические условия. Таким образом, изучать и давать оценки можно только, поместив их в реконструированный исторический контекст.

Вооружение и организация европейской конницы XIV–XVII вв. подробно рассмотрены на страницах книги, предлагаемой вниманию читателя. Вкратце заметим, что в середине XIII — начале XIV вв. «Век кольчуги» сменился «Веком пластинчатого доспеха».

Приблизительно за пятьдесят лет кольчуга была вытеснена из боевого обихода, уступив место основного защитного покрова пластинчатым, а позже и монолитным латным конструкциям. Параллельно шел процесс усиления наступательных средств. Это охарактеризовалось появлением полутораручного, а затем и двуручного клинкового оружия, дальнейшим утяжелением копий, введе-

нием в широкий обиход систем с комбинированным поражающим элементом (секиры-клевцы, секиры-булавы, боевые молоты и т. д.). Одноручное клинковое оружие также получило повышенные поражающие свойства. Наряду с мечами традиционных очертаний в обиход вошли мечи с клинками четырехгранного сечения и «игольчатым» силуэтом; они отличались значительной жесткостью и были предназначены для нанесения эффективного укола[1]. Все шире распространяются фальшионы. Временем их наивысшей популярности был XIV в., когда повышенный ударный потенциал клинка был еще актуален. Тогда доспех еще не получил своего окончательного развития, находясь в стадии «экспериментальной разработки», и его с равной эффективностью можно было поражать рубящим и колющим воздействием, хотя первое требовало все большего усиления специализации поражающих элементов.

Постепенно защитное снаряжение приобрело чрезвычайно высокие прочностные качества, что было связано, в первую очередь, с распространением латного доспеха в конце XIV — начале XV вв. С тех пор укол стал основным способом поражения, так как разрубить латные покровы было практически невозможно. Укол был направлен прежде всего в сочленения доспеха, которые естественно невозможно было прикрыть сплошными латными протекторами, так как это привело бы к полной потере подвижности. Подмышки, локтевые сгибы, подколенные впадины, основания стоп, тыльная сторона кистей, основания бедер, а также лицо, пах и горло стали основными зонами поражения. Естественно, их защищали различными конструктивными элементами доспеха. Наиболее очевидным и доступным способом было прикрытие сочленений кольчугой. В этой связи популярность приобрели специальные наступательные средства, которые должны были обеспечивать точный укол, способный с высокой степенью вероятности нарушить защитный поверхность кольчужного полотна. Одним из таких видов наступательного оружия стал «кончар» или «эсток». Кончар имел узкий и клинок значительной толщины, отличавшийся жестким сечением (четырехгранным, трехгранным или крестообразным) и отсутствием выраженных лезвий. Таким образом, это было специализированное колющее средство высочайшей степени эффективности. Показателен один из германоязычных терминов для обозначения этого оружия, а именно «панцерштрехер», буквально «протыкатель кольчуг», что вполне прозрачно указывает на его основную направленность. Появился кончар в конце XIV в. Известен он был буквально по всей Европе. Так, некоторые памятники Куликовского цикла содержат упоминания «кончаров фряжских», то есть — итальянских. Максимальное распространение относится к XV—XVI вв., что вполне логично, ведь именно в это время имели хождение наиболее полные и развитые латные доспехи, против которых использовались кончары.

Постепенное упразднение латного доспеха было связано с распространением огнестрельного оружия. Появление его относится к концу XIII в. и связано прежде всего с осадными орудиями — пушками. Уже в XIV в. достаточно широкое хождение получает ручное огнестрельное оружие — бомбарды. Во второй половине XV столетия в повсеместный обиход входят первые фитильные замки, которые значительно облегчили обслуживание оружия при подготовке к выстрелу и увеличили скорострельность. В конце XV в. появляются и нарезные стволы, которые, правда, в силу

Гибель шведского короля Густава II Адольфа в битве при Люцене. Гравюра. 1630-е гг.

[1] Подобные характеристики могли иметь также клинки полутораручных и двуручных мечей.

крайней дороговизны не получили широкого распространения.

Изначально огнестрельное оружие было маломощным и не могло влиять на развитие защитного снаряжения. Однако с появлением мушкетов в начале XVI в. положение кардинально изменилось. Новое оружие имело длинный ствол и значительный калибр. Мушкетная пуля могла весить до пятидесяти — семидесяти граммов. Тогда же происходит и улучшение качества пороха. На место пороховой мякоти приходит гранулированный порох. Мякоть не взрывалась в привычном смысле слова. Она просто быстро сгорала, создавая в канале ствола избыточное давление газа, выталкивавшего заряд. Гранулы же были гораздо плотнее и были способны именно к взрыву, что многократно повысило бризантность пороха, а значит, и мощность огнестрельного оружия. Во второй четверти XVI столетия наряду с фитильным замком мушкеты начинают оснащаться и колесными замками, которые были гораздо надежнее и позволяли стрелять практически в любую погоду[1].

[1] Несмотря на все свои достоинства, колесный замок был весьма сложен в изготовлении, а значит, и дорог. Поэтому фитильный замок просуществовал вплоть до середины XVII в., когда простой и надежный кремневый замок вытеснил и фитильные, и колесные разновидности. Кстати, колесный замок оказался очень живучей конструкцией. В Германии его продолжали выпускать вплоть до XVIII в.

Новое оружие заставило значительно повысить толщину шлемов и кирас. Это привело к закономерному увеличению веса, что, в свою очередь, заставило постепенно отказаться от прикрытия ног, а потом и рук, чтобы хоть как-то компенсировать возросшую массу доспеха. Эволюция, а точнее, деградация защитного вооружения, продолжалась и далее в описанном направлении до тех пор, пока не появился классический кирасирский доспех, состоявший только из кирасы и каски.

Настоящим переворотом стало появление в середине XVI века пистолета, что позволило вооружить конницу огнестрельным оружием. Подобные попытки предпринимались и ранее (как минимум с конца XV в.), что, однако, не привело к регулярному использованию его в среде конницы. Только пистолеты, а затем и карабины оказались достаточно легким и удобным оружием для эффективного использования в седле[1]. Необходимость постоянного упражнения в строю, что было залогом успешного употребления огнестрельного оружия, совпало и во многом обусловило превращение конницы в регулярную кавалерию. Описанию этого процесса посвящены последние разделы предлагаемой вниманию читателей книги.

[1] Карабин — укороченный и облегченный мушкет или аркебуз.

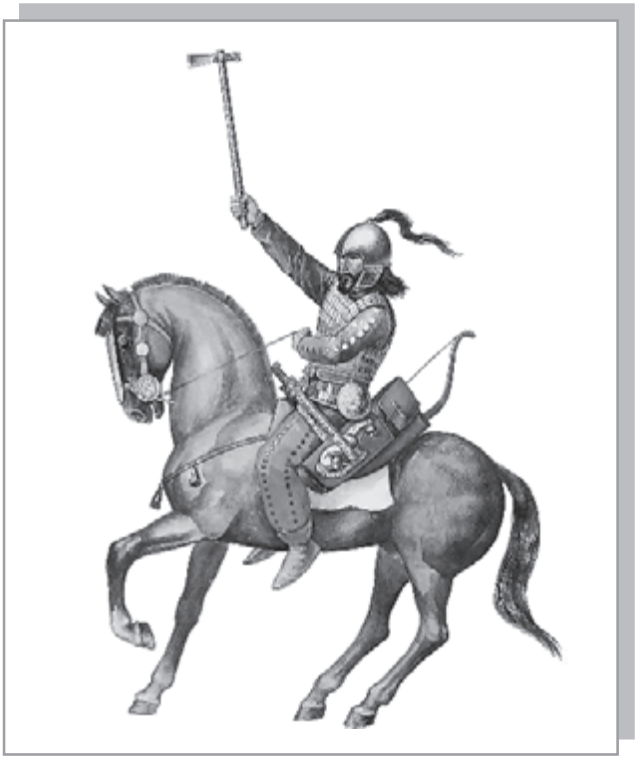
Скифский воин

Вторая половина VII–VI вв. до н. э.

Скифы были, пожалуй, первыми конными кочевниками, которые появились на авансцене европейской истории. Геродот посвятил их описанию значительную часть своего труда. Однако, несмотря на большое количество сведений, в вопросах происхождения и ранней истории скифов по сей день остается много неясного. Впервые эти, по-видимому, ираноязычные кочевые племена, пришедшие из глубин Центральной Азии, зафиксированы в источниках в связи с драматическими событиями, происходившими на Ближнем Востоке в конце VIII—VII столетий до н. э.

Первыми из причерноморских степей в Закавказье вторглись племена киммерийцев, родственные скифам. По сведениям античных авторов, скифы попали в пределы Переднего Востока, преследуя киммерийцев. В ассирийских документах скифы («ишкуза») фигурируют с 70-х гг. VII в. до н. э., однако ассирийцы и вавилоняне, похоже, не всегда четко различали скифов и киммерийцев («гимирри»). Судя по немногочисленным и небесспорно интерпретируемым изображениям, костюм и вооружение всадников обоих племен были почти идентичны. Археологический материал, связываемый исследователями с присутствием киммерийцев в Малой Азии, также позволяет говорить о значительном сходстве (если не тождестве) киммерийской и раннескифской культур. Не исключено, что речь идет о двух волнах скифского нашествия.

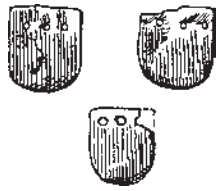
Вторгшись в Переднюю Азию, скифы совершали набеги на Ассирию, доходили до границ Египта, разграбив попутно Сирию и Палестину. Владыки переднеазиатских государств стремились заручиться поддержкой воинственных номадов. В 672 г. до н. э. царь Ассирии Асархаддон склонил скифов на свою сторону, выдав дочь за одного из скифских вождей. Храбрые и воинственные скифы внушали страх как своим врагам, так и союзникам. В конце концов их вожди были истреблены на кровавом пиру мидийского царя Киаксара. Лишенные руководства скифы вернулись на Северный Кавказ, а позднее в степи северного Причерноморья. Современная наука считает, что, возможно, эта легенда относится только к незначительной части скифов, большая часть которых оставалась в северном Предкавказье на всем протяжении переднеазиатских походов.



Вооружение скифских воинов этой эпохи прекрасно реконструируется по захоронениям в Келермесских, Ульских и Костромских курганах, расположенных на Кубани. Богатые погребения в Келермесских курганах исследователи часто связывают с начавшимся в середине VII в. до н. э. исходом старшего поколения скифов из переднеазиатского региона. Обнаруженные в этих захоронениях памятники позволяют детально воссоздать комплекс вооружения знатного скифского воина эпохи переднеазиатских походов.

Сложившееся в это время наступательное вооружение скифского всадника не претерпело существенных изменений вплоть до знаменитой скифо-персидской войны в конце VI в. до н. э. Естественной принадлежностью каждого скифского

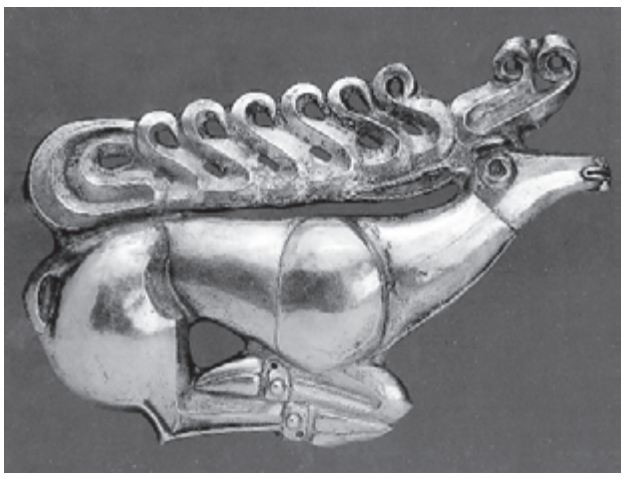
воина является знаменитый в древности лук. Скифский лук имел форму сложной сигмаобразной дуги с выгнутыми наружу плечами. Эта форма во многом похожа на современный спортивный лук, но для древности она была достаточно необычной. Следует отметить небольшие размеры скифского лука, длина которого составляла около 60 см. Однако некоторые луки могли быть длиной до 1 м. Сама форма скифского лука говорит о том, что он был составным, то есть изготавливался из нескольких деревянных частей, которые склеивались между собой и могли быть обмотаны берестой.



Бронзовые чешуйки панцирного набора из Келермесского кургана 1/Ш. По Л. К. Галаниной

Лук и стрелы скифы помещали в футляр, который назывался *горит* и являлся характерной особенностью скифского вооружения. От колчана он отличается тем, что предназначен, в первую очередь, для хранения лука с натянутой тетивой. Стрелы помещались в другое отделение, расположенное на внешней поверхности футляра. Гориты изготавливались из дерева, иногда армированного железными прутьями, и покрывались кожей. К сожалению, у нас нет никаких сведений о существовании горитов и их форме в ранний период скифской истории, кроме изображений на каменных изваяниях, которые позволяют определить ее только приблизительно. Не исключено, что в это время в употреблении были и колчаны. Украшением горита считается крупная четырехугольная золотая пластина с изображением оленей, найденная в Келермесских курганах. Последнее время к накладкам на горит относят массивные золотые фигуры пантеры и оленя, которые ранее считали украшениями щитов. Кроме того, на ранних памятниках найдены металлические и костяные застежки, служившие для замыкания клапана колчана.

В скифский колчанный набор входило от 50–60 до 200 и более стрел. Для раннего периода скифской истории были характерны преимущественно двухлопастные наконечники, сделанные из бронзы. Форма пера лавролистная или даже ромбовидная, у основания иногда расположен шип для затруднения извлечения. Наконечники небольшого размера, древко стрелы вставлялось во втулку. Трехлопастные и трехгранные наконечники, а также применение для их изготовления железа и кости встречается относительно редко, хотя в отдельных регионах можно отметить преобладание таких форм. Стрелы делались не только из дерева, но и из тростника, или составлялись из этих двух материалов.

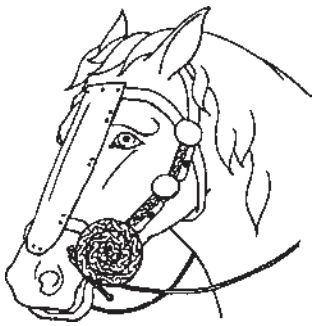


Золотая пластина в виде оленя. Украшение горита. Костромской курган. VII в. до н. э.

Основным оружием ближнего боя скифского всадника было копье. Судя по всему, длина копий колебалась в пределах 1,7–2,2 м. Наконечники копий за редчайшими исключениями делались из железа. Применялись относительно тонкие наконечники лавролистной формы с втулкой, переходящей в ребро, идущее вплоть до наконечника, или с невыделенным ребром. Длина наконечников колеблется в пределах 30–50 см. У основания втулки иногда делались утолщения в виде колец для придания прочности креплению наконечника.

Короткий меч — *акинак* — всегда являлся непременным атрибутом скифского всадника, служа не только наступательным оружием, но и своеобразным подтверждением статуса мужчины-воина. Недаром он упоминается Геродотом как один из центральных предметов скифского религиозного культа. Невозможно провести четкую границу между скифскими кинжалами и мечами, так как

их форма абсолютно идентична. Любопытно, что в раннее время меч и кинжал одновременно встречаются только в самых богатых гробницах, воины победнее обходились только одним акинаком. Считается, что длина кинжалов колебалась в пределах 17–40 см, а мечей — 50–70 см, хотя отдельные экземпляры достигали более значительных размеров. Практически все скифские мечи сделаны из железа, в редких случаях из бронзы изготавливалась рукоять или только навершие. В ранний период бытовали акинаки с клинком, у которого лезвия шли параллельно друг другу. На клинке находилось перекрестье, которое могло отличаться разнообразной формой, а сверху на рукоять укреплялось навершие. Ранние мечи имели так называемое «брусковидное» (прямоугольное) навершие и перекрестье «почковидной» или «бабочковидной» формы. Оба эти типа перекрестья напоминают перевернутую фигуру «сердечко», только у «почковидного» острая часть закруглена, а у «бабочковидного», если оно не совершенно «сердцевидно», прилежащие к острой части стороны вогнуты (как у представленного на реконструкции меча). Кроме того, существовали так называемые «антенные» (то есть загнутые вверх) навершия. Акинаки носились в обтянутых кожей или тканью деревянных ножнах. Нижняя часть имела утолщение, за которое персы привязывали шнур, удерживавший ножны в вертикальном положении. В верхней части ножен находился выступ для прикрепления их к поясу, иногда устью ножен придавалась форма нижнего края перекрестья, а в некоторых случаях оно утапливалось в ножнах. Скифы носили мечи на правом боку, так, чтобы их нижняя часть направлялась влево, на лошади их перекладывали через седло. Вероятно, отсутствие необходимости привязывать нижнюю часть привело к появлению ножен без утолщения на конце. В самых богатых захоронениях ножны обкладывались золотыми пластинами. Наиболее примечательными являются ножны из Келермесских и Мельгуновского курганов, которые напоминают переднеазиатские образцы (такой меч представлен на реконструкции). На этих ножнах изображены фантастические существа, некоторые из них держат в руках натянутые луки, а в верхней части изображено дерево с фигурами крылатых гениев по сторонам. Судя по размеру, в раннее время акинак служил преимущественно для колющих ударов. Однако к раннему времени относится и некоторое количество длинных мечей без навершия, которые, по всей видимости, применялись для рубки с коня. К концу периода этот тип мечей исчезает.



Реконструкция узды коня из Келермесского кургана 1/В. По Л. К. Галаниной

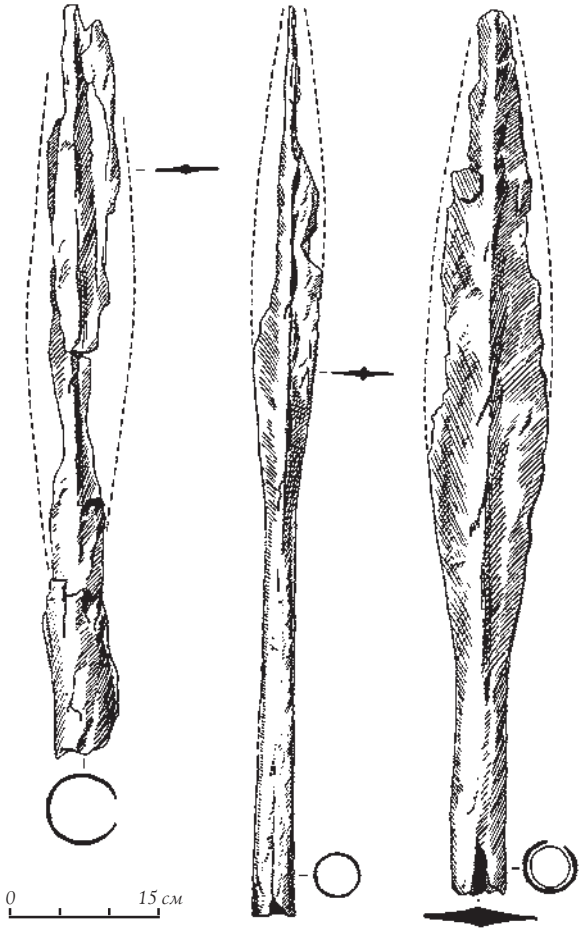
Железный топор с золотыми накладками. Келермесские курганы. VII в. до н.э.

Редким видом вооружения скифов являются топоры и клевцы. Носились они, как и мечи, на правом боку. Топоры и клевцы делались преимущественно из железа, хотя для раннего времени зафиксированы бронзовые и биметаллические (из бронзы и железа) клевцы. Скифские боевые топоры были проушными и имели разнообразную форму, обычно расширяясь к рабочей части и чуть склоняясь вниз. Уникальным является топор из Келермесских курганов, чье лезвие и обух симметрично расширяются от проушной части. Рукоять, обух и проушная часть топора покрыты золотыми пластинами с узорами в переднеазиатском стиле (этот топор представлен на реконструкции).

Древнейшим и наиболее распространенным видом корпусного доспеха был кожаный панцирь. Не фиксируемый археологически этот доспех может быть реконструирован на основании каменных скифских извая-

ний. Для его изготовления применялась, вероятно, обработанная сухим способом кожа крупного рогатого скота. Такой панцирь мог кроиться как в виде двубортной куртки, так и, для удобства одевания, из двух частей, наспинной и нагрудной, соединявшихся посредством ремешков на плечах и боках. Уже в раннее время появляются панцири, усиленные металлическими пластинами или чешуйками.

В VII–VI вв. до н. э. чешуйчатый панцирь был, по-видимому, исключительной принадлежностью знати, но впоследствии получает более широкое распространение. Железные, бронзовые, значительно реже костяные чешуйки нашивались непосредственно на кожаную основу. Зачастую панцири имеют биметаллическое покрытие (из бронзовых и железных пластин). Для изготовления основы использовали тщательно обработанную растительными дубителями кожу крупного рогатого скота, взятую со спинной части, — более прочную и плотную по сравнению с кожей, шедшей, к примеру, на колчаны. С целью достижения большей эластичности доспеха пластины панцирного набора могли крепиться на кожаных полосах, нашитых в горизонтальном порядке на обработанной кожаной основе. Размеры панцирных пластин чрезвычайно разнообразны. Происходящие из раскопок Келермесских курганов бронзовые и железные пластины с прямоугольным верхним и закругленным нижним краем имеют размеры 1,4–1,6 × 1,3 см; три отверстия, пробитые вдоль верхнего края, служили для крепления пластин к основе. Число пластин панцирного набора, обусловленное типом и размером доспеха и величиной самих пластин, было значительно и доходило более чем до 3,5 тысяч. Для придания панцирю импозантного облика применялась плакировка железных и тщательная полировка бронзовых пластин, на панцирном наборе помещались золотые бляшки.



Наконечники копий из Келермесских курганов. По Л. К. Галаниной

Характерным элементом ранней скифской паноплии[1] были бронзовые шлемы так называемого «кубанского» типа. Они характеризуются округлой тульей с валиком, проходящим по оси передней стенки корпуса и завершающимся небольшим выступом или петелькой, служившей для крепления султана. Лицевой вырез оформлен окаймленными бортиком надглазными дугами, сходящимися к переносице и образующими наносный выступ. Толщина стенок колеблется в пределах 3–3,5 мм, вес — 1,4–1,9 кг. По нижнему краю пробивались или просверливались отверстия для крепления кожаных (возможно — войлочных) нащечников и назатыльника, имевших, по-видимому, чешуйчатое покрытие. Шлемы «кубанского» типа изготовлялись литьем с использованием трехсоставной формы.

Применение скифами в VII вв. до н. э. каких-либо других типов шлемов, кроме «кубанского», неизвестно. Только в VI в до н. э. появляется шлем с пластинчатым покрытием. С другой стороны, позднее описанные шлемы полностью выходят из

[1] Паноплия (*греч.*) — комплекс вооружения воина.

употребления в регионе. Любопытно, что прекращение использования шлемов данного типа совпадает по времени с исчезновением из наступательного арсенала скифов биметаллических клевцов. Не исключено, что распространение массивных литых шлемов связано с необходимостью защиты головы от удара клевцом. Вопрос о происхождении шлема «кубанского» типа остается дискуссионным. Предпочтительной представляется точка зрения, связывающая «кубанские» шлемы с памятниками из Северного Китая: именно там обнаруживаются ближайшие типологические и конструктивные параллели, датируемые ранним периодом Западного Чжоу. На реконструкции показан шлем из 2-го Келермесского кургана высотой 17,3 см и весом 1,9 кг.

Бронзовый шлем кубанского типа. Келермесские курганы. VII в. до н.э.

Скифские воины определенно пользовались щитами. Однако относительно их формы для раннего времени почти ничего не известно. Со щитом, имевшим железное покрытие, традиционно связывали золотую фигуру «оленя», обнаруженную при раскопках Костромского кургана, однако, согласно предположению А. Ю. Алексеева, она служила украшением горита.

Своеобразным был и ранний уздечный набор скифского всадника. В это время широко применялись двухсоставные бронзовые удила, скрепленные кольцами на концах, со стремявидными окончаниями. Железные удила входят в широкое употребление начиная с VII в. до н. э. К удилам крепились бронзовые литые или железные псалии с тремя отверстиями (дырками или петлями). Центральное отверстие служило для привязывания к удилам, а также для крепления центрального нащечного ремня уздечки, а его боковые ответвления крепились в два других отверстия. Судя по сибирским аналогиям, кожаные уздечки состояли из затылочного, налобного, наносного и подбородочного ремней. Для их скрепления служили бронзовые или костяные пронизи геометрической формы, иногда в виде круглых бляшек с петельками, порой они оформлялись в зверином стиле. Относительно скифской седельной упряжи данные весьма немногочисленны. Предполагается, что они применяли мягкие седла. Вероятно, форма скифских чепраков могла быть заимствована в Передней Азии.

Цветная вкладка *(стр. 1)*

Скифский воин (вторая половина VII—VI вв. до н. э.). Реконструкция базируется на находках в Келермесских курганах.

Греческий всадник

V–IV вв. до н. э.

Лошадь была известна на Балканском полуострове с эпохи неолита: обнаруженные на севере Греции остеологические остатки датируются началом III тыс. до н. э. В середине II тысячелетия до н. э. лошадь уже широко применяется в военном деле эгейских культур бронзового века (микенской и минойской). Археологический материал, изображения и данные письменных источников свидетельствуют об использовании лошадей как упряжных животных. Отряды боевых колесниц составляли самостоятельный род войск в армиях микенских правителей (ванаков), копирующих в миниатюре военную организацию ближневосточных деспотий. С падением микенской цивилизации практика использования колесничных соединений канула в Лету. Можно утверждать, что на военном деле Древней Греции опыт Микен практически не отразился. В «темные века» (XI—IX вв. до н. э.) и, возможно, в эпоху ранней архаики колесница служила престижным транспортным средством — для доставки военачальника на поле боя. Масштабные колесничные сражения, разворачивавшиеся в древности где-нибудь на просторных равнинах Сирии, в гористой Греции попросту немыслимы. Неудивительно, что греки смутно представляли себе, как можно сражаться с колесницы.

Искусство верховой езды в Греции получает развитие с конца VIII—начала VII вв. до н. э. Однако в ранней истории архаической конницы остается много неясного. Первое упоминание об участии всадников в сражениях датируется концом VIII столетия до н. э. и связано с окончанием так называемой Лелантской войны, победу в которой обеспечила пришедшая на помощь халкидянам фессалийская конница. В это же время боевые колесницы окончательно исчезают из практического употребления в Балканской Греции[1].

В архаическую эпоху всадник и аристократ — тождественные понятия. Традиция сохранила не-

сколько примеров, непосредственно об этом свидетельствующих. Так, аристократы в Халкиде на Эвбее, согласно Плутарху, именовались *гиппоботами* («воспитывающими коней»), а в малоазийских Магнесии и Колофоне — *гиппотрофами* («выращивающими коней»)[1]. Античные авторы напрямую связывали преобладание конницы с аристократическим правлением. В самом деле, содержать коня могли позволить себе только люди состоятельные. Аристократическая конница, по-видимому, действительно на протяжении какого-то периода, вероятно, не слишком продолжительного, господствовала на полях сражений. Однако архаические доспехи и оружие, известные по многочисленным археологическим находкам, представляют собой комплекс вооружения, характерный для тяжеловооруженных пеших воинов. Большой круглый щит-*гоплон*, вытесняющий из обихода другие, более ранние формы где-то в последней четверти VIII в. до н. э., эффективен в пешем сражении и крайне неудобен для всадника. Использование тяжелого защитного вооружения (бронзовый пан-

[1] В позднейшее время использование греками колесниц в военном деле зафиксировано только на Кипре и в Киренаике.

[1] Не менее показательны ономастические свидетельства, например имена сыновей афинского тирана Писистрата: Гиппий, Гиппарх.

цирь, кнемиды, закрытый «коринфский»[1] шлем) при отсутствии жесткого седла и стремян также весьма затруднительно. В классическую эпоху, когда греческие всадники, несомненно, сражались верхом, они не пользовались щитами. Об этом недвусмысленно свидетельствует Ксенофонт, описывая события начала IV в. до н. э.: «*...в Одеоне дежурил гарнизон всадников, имея наготове и коней и щиты*» (Xen. Hell., II. 4. 24), т. е. воины были готовы выступить и верхом, и в пешем строю, как гоплиты (со щитами). Многочисленные изображения всадников, например кавалькады на расписных сосудах второй половины VII–VI вв. до н. э., показывают воинов, облаченных в типично гоплитское снаряжение. При этом всадники зачастую изображены парами — конного воина сопровождает верхом невооруженный слуга. Нередки изображения, представляющие бой между спешенными тяжеловооруженными бойцами, сопровождаемыми невооруженными слугами, держащими коней. Высказывалась догадка, что хорошо известная по архаической иконографии пара всадник/слуга дублирует пару воин/возница, характерную для военного дела гомеровского периода[2]. Поэтому предположение о том, что конь (как, вероятно, и колесница на более раннем этапе) был только престижным «транспортным средством», доставлявшим знатного воина на поле боя, весьма правдоподобно. Таким образом, всадники в гоплитском снаряжении и со щитами на вазах архаического периода, согласно этой точке зрения, представляют типичный пример изображения так называемых «конных гоплитов», аристократов, спешивающихся, прежде чем вступить в бой. К тому же, по-видимому, на рубеже VII–VI до н. э. складывается тактика греческой классической фаланги, плотного построения тяжеловооруженных воинов (гоплитов), и роль конницы в полисных армиях сходит на нет. Фаланговая тактика практически исключала участие всадников в сражении. По выражению одного из исследователей, конница, вытесненная фалангой с полей сражений, превращается в придаток пехоты с сугубо вспомогательными функциями.

Исчезновение конницы, безусловно, происходит не повсеместно. В ряде регионов всадники продолжают играть важную роль в военном деле. Но в первую очередь это касается экономически отсталых и слабо урбанизированных областей Центральной и Северной Греции, главным образом — Фессалии[1]. Немаловажным обстоятельством, определившим сохранение за конницей доминирующего положения в этих областях, было традиционное господство родовой аристократии

[1] Шлем так называемого коринфского типа, появившийся приблизительно в то же время, на рубеже VIII–VII вв. до н. э., прекрасно отвечал требованиям, диктуемым условиями боя в плотном построении, но был малопригоден для легковооруженного всадника, так как сильно ограничивал обзор и слух. Не случайно греческие бронзовые шлемы ранних форм, попадавшие впоследствии в Северное Причерноморье, к скифам, подвергались переделке.

[2] Так условно называется переходный период от «темных веков» к архаике (IX–VIII вв. до н. э.). Главным источником по военному делу этого периода, наряду с археологией, является приписываемая Гомеру эпическая поэма «Илиада», повествующая о событиях легендарной Троянской войны.

[1] Сохраняет свое значение конница также в малоазийских полисах и на греческом западе, в городах Великой Греции (Южная Италия), например, в Таренте. Колофонская конница, по сообщению Страбона, даже вошла в поговорку; о бесспорном решении какого-либо предприятия говорили: «взял себе в помощь Колофон».

Аристократ в гоплитском вооружении на коне, сопровождаемый верховым слугой

и, соответственно, относительная слабость выставляемого крестьянами-общинниками пешего ополчения. Не следует забывать и о природных условиях Балканского полуострова, гористый ландшафт которого ограничивал как эффективное применение конницы в боевых действиях, так и саму возможность развитого коневодства. В центральных районах Греции сравнительно хорошую конницу выставляли только беотийцы. Беотийская (фиванская) конница сыграла заметную роль в событиях греко-персидских войн, в частности, принимала участие в битве при Платеях в 479 гг. до н. э. (на стороне персов).

Об афинской коннице до греко-персидских войн практически нет упоминаний. Афинский тиран Гиппий отразил вторжение лакедемонян при поддержке всадников, призванных из традиционно дружественной Афинам Фессалии: Киней из Кония привел на помощь афинянам тысячу всадников. Геродот пишет, что для свободы действий фессалийской конницы специально вырубили деревья на равнине при Фалере (V. 63). Если даже верно свидетельство Полукса (VIII, 108) о существовании в доклисфеновских Афинах корпуса численностью в 96 всадников (по два на навкрарию[1]), то никаких подтверждений их участия в сражениях нет. Так называемые «всадники» (второй разряд солоновского имущественного ценза) сражались как пехотинцы-гоплиты в фаланге. В начале V века численность аттической конницы ничтожна (300 всадников). Тем не менее в середине столетия афинская конница постепенно растет — и численно, и качественно. Место, которое занимают всадники в представленной на рельефах зофорного фриза Парфенона панафинейской процессии, свидетельствует об их высоком престиже. Увеличение числа всадников происходит между 445 и 432 гг. до н. э., вероятно, в архонат Дифила (442 г. до н. э.). К началу Пелопоннесской войны Афины располагали уже 1000 конных воинов[1]. Тем не менее в Сицилийской экспедиции 415–412 гг. до н. э. афиняне испытывали серьезные трудности из-за недостатка конницы.

К службе в коннице в классических Афинах привлекались представители двух первых имущественных разрядов от каждой из десяти аттических фил[2]. Всадники вносились в списки (καταλόγος; Lys. 15,11; Aristoph. 1369), контроль за которыми осуществляли *филархи*[3]. При записи в конницу гражданин обязательно подвергался *докимасии* (δοκιμασία) — испытанию пригодности самого всадника и качеств его коня в Совете пятисот. Граждане, внесенные в списки всадников (то есть признанные годными к службе в коннице), были обязаны в порядке особой литургии (ἱπποτροφια) содержать исправных коней. Снаряжение коня оплачивалось из государственной казны, причем выделенные для этого средства (κατάστασις) могли в исключительных случаях, в экстраординарном порядке, взыскиваться с провинившихся всадников[4].

Изображение всадника на монете

Всадник с двумя копьями. Изображение в медальоне краснофигурного килика. V в. до н. э.

[1] Навкрарии (*греч.* naukrariai) — территориальный округ в Аттике.

[1] Не считая 200 конных стрелков (ἱπποτοξόται). Впрочем, последние только дважды упомянуты в составе полевой армии: конные лучники участвовали в экспедиции на Мелос (Thuc. V, 84) и на Сицилию (Thuc. VI, 94).

[2] *Фила* — после реформ Клисфена один из десяти Афинских территориальных округов.

[3] Составлением списков занимались καταλογεις, передававшие их затем филархам и гиппархам, осуществлявшим ежегодно проверку наличия всадников и состояния их коней.

[4] Этой процедуре были подвергнуты афинские граждане, служившие в коннице, после падения тирании Тридцати.

Деньги на содержание коня (σιτοζ), составлявшие одну драхму ежедневно (Dem. Phil. 1, 28)[1], выдавались только во время нахождения всадника в походе. Тем не менее конница обходилась государству недешево: по сообщению Ксенофонта (Ἱππαρχοζ 1,19), расходы на содержание конницы доходили до 40 талантов год.

Командование конницей было возложено на двух гиппархов (‘ιππαρχοι), избиравшихся из числа всех граждан. Как и должность стратега, эта магистратура не оплачивалась, вследствие чего претендовать на нее могли только люди обеспеченные. Аристотель пишет, что гиппархи «имеют [над всадниками] ту же власть, что стратеги над гоплитами» (61,4). Юрисдикция гиппархов распространялась на вопросы вооружения и обучения конницы и пополнения ее наличного состава. Несмотря на то, что они формально подчинялись стратегам (как начальствующим над всем войском), их политическая роль была значительна. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что при их избрании проводилось проверочное голосование. Во время боевых действий каждый из гиппархов командовал пятью из десяти фил, на которые подразделялась аттическая конница. По свидетельству Аристотеля (около 325 г. до н. э.), в его время избирался дополнительно еще один гиппарх, «ведавший делами всадников на Лемносе» (61,6).

Стратегам непосредственно подчинялись десять филархов[1], избиравшихся от своих фил и командовавших в военное время одноименными подразделениями, численностью около 60 человек. В источниках есть также упоминания о назначаемых гиппархами десятниках (δεκα′δαρχοι).

В Южной Греции, на Пелопоннесе, где, по мнению большинства исследователей, впервые формируется тактика фаланги гоплитов, конница всегда была слаба. Хорошо известны спартанские «всадники», элитное подразделение неизменной численности (300 человек), не имевшее никакого отношения к коннице. Эти «всадники» сражались в фаланге, рядом с царем. Само название, впрочем, как и в Аттике, восходит к тому времени, когда конные аристократы (безотносительно решения вопроса о том, сражались ли они верхом) составляли ядро войска. Спартанцы впервые создают конницу только в 424 г. до н. э., в разгар Пелопоннесской войны (Thuc. IV, 55)[2]. Сражавшийся в Малой Азии с персами спартанский царь Агесилай неслучайно уделял столь пристальное внимание организации конных соединений, привлекая к военной службе фригийцев, традиционно славившихся в качестве отличных всадников (Xen., Hell. III, 4.15).

Бой всадников.
Изображение на чернофигурном килике. VI в. до н. э.

[1] По соглашению о союзе между афинянами, аргивянами, мантинейцами и элейцами (420/19 г. до н. э.), всадникам выплачивались «кормовые» в 1 эгинскую драхму (=8 аттических оболов) (Thuc. 5.47).

[1] Аристотель приравнивает их к таксиархам в пешем войске (61,5).

[2] В начале войны Пелопоннесский союз располагал всадниками из центральной Греции: Беотии, Фокиды и Восточной Локриды.

Впрочем, реальное значение греческой конницы классического периода было крайне невелико. В эпоху расцвета тактики классической фаланги на поле боя не было места для конницы. В лучшем случае она могла быть использована для преследования обращенного в бегство врага. Ничтожность греческой конницы великолепно иллюстрирует следующий пассаж из Фукидида: «Подле Фригий произошла <...> легкая стычка между одним из отрядов афинской конницы, которому помогали и фессалийцы, и беотийскими всадниками. В этой битве афиняне и фессалийцы держались до тех пор, пока на помощь к беотянам не подоспели гоплиты; тогда афиняне и фессалийцы обратились в бегство, причем немногие были убиты» (Thuc. II.22.2).

Афинский аристократ (всадник) Мантифей, подчеркивая собственную самоотверженность в одном из афинских военных предприятий, заявлял: «...Орфобул (вероятно, филарх, начальник одного из отрядов конницы. — Примеч. перев.) назначил меня в кавалерию. По общему мнению, кавалерия должна была быть вне опасности, а опасность грозила гоплитам. Но я обратился к Орфобулу с просьбой вычеркнуть меня из списка всадников...» Переход из рядов конницы в фалангу расценивается, таким образом, как героический поступок. И наоборот, гражданин, самовольно, без докимасии, вступавший в ряды всадников, подвергался лишению гражданских прав (атимии). В одной из своих обвинительных речей Лисий инкриминирует подобный поступок обвиняемому (XIV. Против Алкивиада... 11): «...как можно <...> оказывать снисхождение человеку, который, будучи поставлен в рядах гоплитов, очутился среди всадников»[1].

Изображение всадника на аттическом надгробии. Около 394 г. до н. э.

Стремясь увеличить устойчивость конницы в бою, фиванцы, по-видимому, первыми среди греков применили оригинальную практику, придавая отрядам всадников специально обученных совместным действиям с ними пехотинцев, *гамиппов* («сражающихся вместе с конницей»). При сближении с противником гамиппы следовали за всадниками бегом, держась за хвосты коней. Позднее аналогичную практику применяли афиняне.

Вооружение греческих всадников претерпело заметную эволюцию. Если архаическая иконография представляет верховых воинов, снаряженных как тяжеловооруженные пехотинцы (и, по-видимому, не сражавшихся верхом), — «конных гоплитов», то в период классики всадники на изображениях представлены почти исключительно легковооруженными и часто без какого-либо защитного снаряжения. Изображение всадника на рельефе надгробия из Фив (Беотия, 480–470 гг. до н. э.; Бостон, inv. 99.339) показывает воина в халкидском шлеме с волосяным гребнем, облаченного в льняной (?) панцирь с птеригами (сравнить: малоазийские памятники конца V–начала IV вв. до н. э.). В таком же снаряжении представлены несколько всадников на зофорном фризе Парфенона. Трудно сказать, насколько широко была распространена в эту эпоху практика ношения панцирей, во всяком случае подавляющее большинство изображений представляет конных воинов без доспехов, в хитонах

[1] Речь идет об Алкивиаде Младшем, сыне известного афинского политического деятеля.

Изображение гамиппа на аттическом рельефе. IV в. до н. э. По Н. Секунде

и плащах (хламидах). На расписных вазах всадники, как правило (в отличие от гоплитов), изображены в обуви — сандалиях или сапогах (ενδρομίζ). Последнее, конечно, не означает того, что пешие воины сражались босиком. По-видимому, здесь обувь может рассматриваться как атрибут, выполняющий маркирующую функцию.

Обычным головным убором греческих всадников был петас (πέτασοζ), широкополая войлочная шляпа. Плащ (χλαμύζ), петас и, непременно, обувь[1] определяют характерный образ всадника на расписных вазах[2], монетах[3], мраморных рельефах греческой классики. Не менее распространенным головным убором была, по-видимому, своеобразная шапка, вероятно, кожаная (возможно — сшитая из шкуры), с тремя лопастями, образующими науши и назатыльник. В таких шапках часто изображены фракийцы — всадники или пельтасты[1]. Подобные головные уборы можно видеть и у некоторых всадников зофорного фриза Парфенона. По мнению исследователей, эти головные уборы «варварского» (вероятно, фракийского) происхождения становятся популярны в среде афинской аристократической молодежи к концу V в. до н. э.

Трудно сказать, насколько распространено было ношение греческими всадниками шлемов. Принимая во внимание особенности тактики греческой конницы, можно заключить, что в период классики в тяжелом оборонительном вооружении не было необходимости. Возможно, классическая иконография адекватно отражает синхронные реалии. Одно из самых знаменитых надгробий позднеклассического периода — стела Дексилея из Афин — показывает всадника в хитоне и плаще, без какого-либо защитного снаряжения. Однако уже около 357 г. до н. э. Ксенофонт настоятельно рекомендует целый ряд специфических для конницы предметов защитного снаряжения, в том числе беотийский шлем, как наиболее удобный для всадников[2]. К достоинствам данного шлема Ксенофонт относит хороший обзор. Действительно, шлемы, бывшие в употреблении в архаический период и в начале классического, удовлетворяли требованию оптимальной защиты головы и лица, но ограничивали обзор и слух. Закрытый шлем, идеальный для сражающегося в сомкнутом строю фаланги гоплита, был неудобен для всадника, которому требовалось оценивать быстро меняющуюся обстановку и слышать команды. Не случайно к концу V в. до н. э., когда тактика греческих армий становится более маневренной, получают распространение и более открытые формы шлемов, без наносника, а зачастую — и без нащечников. По иконографическим источникам хорошо известен шлем так называемого «беотийского» типа[3]. Подлинный экземпляр этого типа (до недавнего

[1] На рельефах обувь зачастую не показана, однако не стоит забывать, что античные рельефы раскрашивались; вполне возможно, ремешки сандалий передавались краской.

[2] Всадники на стамносе из Оксфорда (1916.68), на гидрии с Диоскурами из музея Пловдива и килике из музея искусств и ремесел (Гамбург (1900.164)).

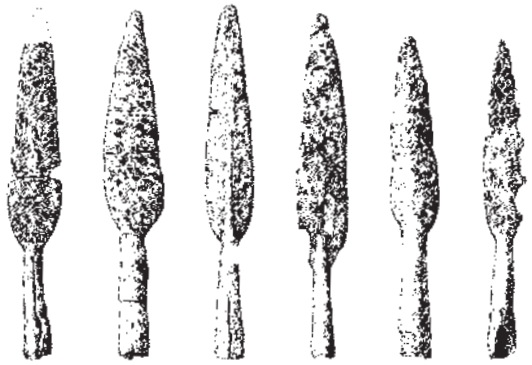
[3] Так представлен всадник на монетах македонских царей Александра I (495–450/40 гг. до н. э.) и Александра II (370–369/8 гг. до н. э.).

[1] Например, фракийцы с конем на кратере из Гамбургского музея искусств и ремесел.

[2] Беотийский шлем (κρανοζβοιωτιουργεζ) упоминают также Элиан (Aelian, VH, 3, 24) и Поллукс (Pollux, I, 149).

[3] Впрочем, адекватность применения данного термина оспаривается некоторыми исследователями: идентичность «беотийского» типа новейшей историографии и той формы, которую подразумевал Ксенофонт (Xenoph., De Re Equest. 12, 3), не очевидна.

времени единственный), найденный в реке Тигр и хранящийся ныне в музее Эшмола, в Оксфорде, относится, несомненно, к позднейшему времени, возможно — ко времени похода Александра Великого. Тем не менее, по-видимому, можно предполагать популярность и значительное распространение этой формы ранее. Об этом недвусмысленно свидетельствуют его изображения на надгробиях[1], а также на монетах Александра Ферского и некоторых фессалийских городов (Скотусса). На рельефе



Наконечники копий из Олимпии. Железо. V в. до н. э. По Х. Байтингеру

надгробия афинян, павших при Коринфе и Керонее (394/393 г. до н. э.), конный воин изображен в шлеме, в котором, несмотря на сильные повреждения, можно узнать «беотийский». Если идентификация «беотийского» шлема верна, то, основываясь на одном упоминании Демосфена, можно предположить, что этот тип существовал уже, по меньшей мере, в середине V столетия, а то и ранее[2]. Особенное распространение шлемы рассматриваемого типа получили в период эллинизма[3].

Вооружение всадников классического периода составляли два копья (или дротика), которые, по-видимому, можно было использовать и как метательные, и в ближнем бою. Копье всадника (ксистон) изготовлялось из кизила и было снабжено железным наконечником и втоком, предохранявшим древко от разбивания и выполнявшим роль балансира. На некоторых изображениях показана перевязь и ножны. Короткий греческий меч, ксифос (длина клинка около 600 мм), при отсутствии стремян едва ли было возможно использовать эффективно. По-видимому, он мог применяться всадниками только как вспомогательное оружие, что, впрочем, в равной степени относится и к пехотинцам-гоплитам, главным оружием которых было копье. Но к концу классического периода, параллельно с увеличением численности конницы и ее значения на полях сражений, получает распространение специфическое однолезвийное оружие с лезвием на вогнутой стороне — *махайра* (или *копис*).

Вопрос о происхождении махайры однозначно не решен. Отдельные экземпляры этого оружия (и близких форм) обнаружены и на Балканском, и на Апеннинском, и на Пиренейском полуостровах, что позволило некоторым исследователям отдать честь его изобретения народам древней Испании или этрускам[1]. Существует и мнение о зарождении этого вида клинкового оружия на Ближнем Востоке. Наиболее вероятно, пожалуй, появление махайры на севере Балканского полуострова, в среде фракийских племен, откуда не позднее третьей четверти VI в. до н. э. она попадает к грекам. С греческими колонистами махайра проникает в Италию и заимствуется, в том числе этрусками, военное дело которых испытывало сильнейшее греческое влияние. Как бы то ни было, ко времени становления конницы как самостоятельного рода войск (то есть к середине IV в. до н. э.) махайра имела широкое распространение во всем Средиземноморье. Не будет преувеличением квалифицировать махайру как преимущественно оружие конного воина[2]. Сохра-

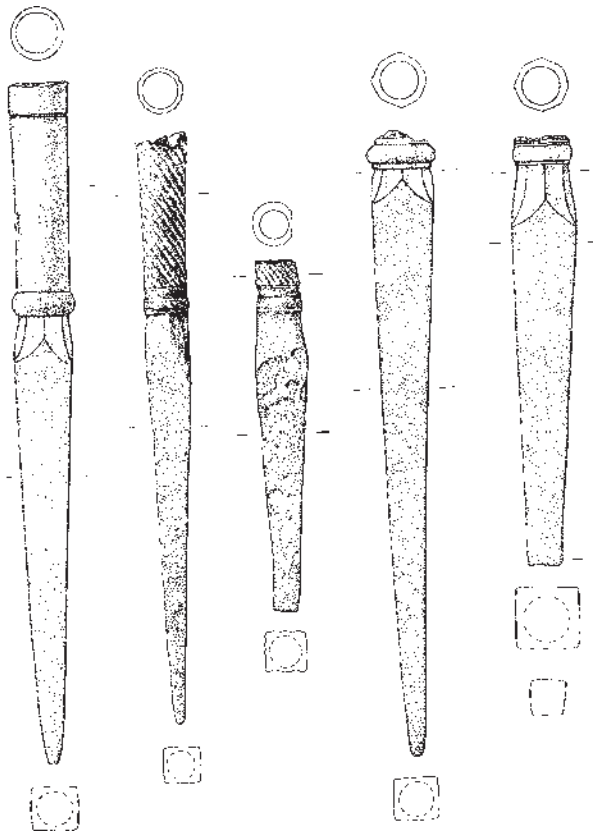
[1] Известны, например, два мраморных надгробия из Феспий, каменный шлем из Галиарта и еще один, неизвестного происхождения (Фивы, Археологический музей, inv. nos. 478, 1962, 45).

[2] Демосфен (LIX (Против Неэры) 94) упоминает беотийские шлемы, говоря о платейцах, изображенных на картине Панэна «Марафонская битва», время создания которой относится к середине V в. до н. э.

[3] Самый известный пример — изображения на сидонском «Саркофаге Александра»; известняковая модель такого шлема происходит из Мемфиса (Париж, Лувр, inv. MND 1484).

[1] Высказывалось также предположение о зарождении этой формы в Центральной Европе, базирующееся на непрямых аналогиях среди памятников Гальштадтской культуры.

[2] В инвентаре Эрехтейона за 307/6 г. до н. э. непосредственно упомянута «кавалерийская махайра» (μαχαιραιππικη).



Втоки копий из Олимпии. Бронза. V до н. э. По Х. Байтингеру

нившиеся экземпляры достигают иногда довольно внушительных размеров: клинок махайры из Продроми — 770 мм, экземпляр из Големата Могила (Болгария) имеет клинок 820 мм, длина махайры, найденной в Палестрине (Италия) — 1100 мм. Ксенофонт подчеркивает преимущество махайры для всадника, заключающееся в возможности нанесения удара с коня (что затруднительно при вооружении ксифосом). Однако речь скорее идет в первую очередь не о длине оружия (обычно длина клинка махайр не превышает 650 мм), а о возможности нанесения мощного рубящего удара.

Рукоять махайры изготовлялась из кости или из бронзы. Обычно она имела завершение в виде головы птицы, орлиного грифона или хищника. Костяная рукоять состояла из двух половинок, монтируемых на хвостовике посредством заклепок. Известна, впрочем, монолитная рукоять из цельного куска слоновьего бивня, с просверленным сквозным отверстием для введения хвостовика. Перекрестье махайры, как правило, асимметричное и выступает в сторону лезвия; иногда выступ перекрестия замыкается с сильно загнутым внутрь навершием, образуя подобие сабельного эфеса.

Носилась махайра лезвием вниз на плечевой портупее в деревянных[1], обтянутых кожей ножнах, часто идентичных ножнам ксифоса (но большей ширины), с костяными или металлическими (из бронзы или железа) устьем и бутеролью. Нередко ножны махайры имеют в нижней трети подтреугольную форму и завершаются массивной бутеролью.

Поздние бутероли, сердцевидные, овально-сердцевидные или в форме вытянутого овала, имеют довольно крупные размеры (ширина около 120 мм). Иногда нижняя часть футляра ножен повторяла абрис клинка; в этом случае бутероль обычно отсутствовала. Костяные устья ножен имеют сквозной щелевидный треугольный паз для вхождения однолезвийного клинка. В эллинистическую эпоху широкое распространение получают устья консольного типа с выступающей нижней консолью, в которой утапливалось асимметричное перекрестье махайры.

Постепенно возрастающее значение конницы находит отражение в военной теории, в частности — в трактатах Ксенофонта, специально посвященных вопросам верховой езды и управления конницей («Гиппарх»). В полной мере эта тенденция развилась в эпоху эллинизма.

Цветная вкладка (*стр. 2*)

Представлен греческий легковооруженный всадник второй половины V в. до н. э. по иконографическим источникам: рельефам зофорного фриза Парфенона, аттическим и фессалийским надгробным стелам, македонским монетам V–IV вв. до н. э. и вазописным изображениям (стамнос Полигнота).

[1] Пеналы ножен могли иметь обкладку металлическую (листовая бронза) или из костяных пластин.

Италийский конный воин

Начало IV в. до н. э.

Лошадь была известна на Апеннинском полуострове задолго до возникновения в VIII в. до н. э. первых греческих колоний на Юге Италии. Археологические находки — псалии из Модены — датируются раннебронзовым веком. По мнению исследователей, колесница применялась здесь уже в середине II тыс. до н. э.; археологически засвидетельствованы фрагменты колес XIV в. до н. э. Характерные вилланованские удила с псалиями[1] в виде фигурки коня датируются VIII в. до н. э. Тем не менее конница появляется в Италии именно под греческим влиянием.

Греки-колонисты (греческие колонии на юге Апеннинского полуострова получили обобщающее название Великая Греция) уже очень рано вынуждены были вести ожесточенные боевые действия с местными племенами. Вместе с тем широко практиковалось привлечение воинов-италиков (кампанцев, луканов, япигов и др.) как наемников. Особенный размах эта практика получает в IV в. до н. э. В ходе столь активного взаимодействия происходил своего рода «обмен опытом», характеризуемый, с одной стороны, несомненным воздействием греческого военного дела (главным образом — вооружения) на италиков, а с другой — определивший своеобразный путь развития военного дела полисов Великой Греции. В ранний период, как и в метрополии, конницу полисов-колоний формирует аристократия. Красноречив рассказ Аристотеля о социально-политическом конфликте в Леонтинах в конце VII до н. э., протагонистами в котором выступают «богатые и всадники» и «бедные и пехотинцы». Характерная деталь — наличие слуг («конюхов» — ηνίοχοι) у всадников аристократов, по-видимому, также позволяет провести параллель с метрополией. По большому счету, и в последующий период не приходится говорить ни о каких революционных новшествах: задачи, ставившиеся перед конницей — разведка, прикрытие флангов, преследование. Однако, сравнительно с греческой конницей метрополии, надо отметить прежде всего больший удельный вес конных подразделений в армиях греческих полисов и, особенно, в армиях тиранов Великой Греции и Сицилии. Так, Дионисий Сиракузский, по оценкам древних, располагал в своих военных предприятиях многочисленной конницей (накануне войны с карфагенянами в 368 г. до н. э. он мог выставить около 3000 всадников); его сын, Дионисий II, унаследовал огромную по греческим масштабам армию, включавшую 9 или 10 тысяч конницы. Кроме того, усиливается, по-видимому, специализация конных подразделений. Тарентинские всадники (возможно, кампанцы на службе Тарента) формируют прекрасную легкую конницу, имя которой становится нарицательным. Так, ког-

[1] *Псалии* — часть древнего уздечного набора, пара стержней, прикреплявшихся к концам удил для закрепления их во рту верхового коня. Делались из металла, реже — из кости.

да Полибий и Ливий сообщают о тарентинцах в селевкидской армии, трудно однозначно сказать, идет ли речь об италийских наемниках, или о всадниках, использующих идентичное вооружение и тактику. Тяжеловооруженная конница также сохраняет свое значение у греков Запада, о чем свидетельствуют, в частности, происходящие из Италии находки конского защитного снаряжения — бронзовых наглавников и нагрудников, датируемых VI–V вв. до н. э. Неслучайно также появление здесь специфического вида мускульной кирасы с широким подолом, возможно, служащим для облегчения посадки на коня: все известные экземпляры такого панциря происходят с территории Италии и датируются IV в. до н. э.

В V в. до н. э. начинается масштабное контрнаступление италиков, видную роль в котором сыграли самнитские племена. Под их ударами пали Неаполь, Кима, Регий (заняты кампанцами), Метапонт (разрушен самнитами), Посидония, Фурии (захвачены луканами) и другие полисы Великой Греции. Несколько раз греки-италиоты терпели сокрушительные поражения — в 473/2 г. до н. э. от япигов, в 390/389 г. до н. э. от луканов. На рубеже IV–III вв. до н. э. единственным полисом, способным противостоять натиску варваров, остался Тарент, в конце концов доставшийся римлянам. С середины IV в. до н. э. начинается противостояние самнитских племен и Латинского союза, а затем — Рима. Победам над греками и этрусками, а в еще большей степени — успехам в длительном сопротивлении римской экспансии самниты были обязаны не в последнюю очередь своей великолепной коннице, лучшей в Италии.

В конце III – начале II вв. до н. э. кампанская конница формирует костяк конных формирований римлян. Показателен состав союзнического легиона[1] — 5000 воинов и 500 всадников (1:10 против 1:15 в собственно римских легионах).

До появлении в Южной Италии греческих колоний на Апеннинском полуострове существовали самобытные традиции производства вооружения. С началом колонизации италийское защитное вооружение испытывало заметное греческое влияние. В первую очередь, греческие инновации сказались на производстве шлемов. Комплекты доспехов, изготовленные в греческих ремесленных центрах юга Италии, происходящие из раскопок захоронений италийской знати (например, гробницы в Альфедене, Лаосе, Конверсано), свидетельствуют о широком распространении греческого оружия в среде местного населения. Тем не менее существовавшая на Апеннинском п-ове собственная традиция оружейного производства была достаточно жизнеспособной. В результате складывается очень своеобразная паноплия, вобравшая как традиционные, так и перенятые у греков особенности.

Греческое влияние на самнитское вооружение усилилось после 400 г. до н. э. В это время получают широкое распространение шлемы, совмещающие греческие и специфические местные черты. К числу наиболее распространенных относятся так называемые шлемы «южноиталийско-халкидского» типа (находки в Лукании и Калабрии датируются IV в. до н. э.). На юге Италии уже, возможно, в VI в. до н. э. появляется оригинальный «итало-коринфский» («апулийско-коринфский») тип. На севере полуострова, в Этрурии (Вульчи, Тоди), доспехи, воспроизводящие греческие формы, также изготовляются с VI в. до н. э.

Всадник. Рельеф из Сиракуз. III в. до н. э.

[1] Два союзнических легиона (набранных из числа союзников-италиков) входили в римское войско наряду с четырьмя консульскими легионами.

Популярным здесь был «аттический» тип[1], адаптированный к местным условиям и вкусам. По наблюдению известного отечественного исследователя С. П. Борисковской, «в форме и декоре этрусских шлемов V в. до н. э. сочетались черты, свойственные греческим шлемам различных типов». Так, «аттические» шлемы этрусского производства отличаются очень массивными нащечниками (сближающими эти изделия с греческими шлемами «коринфского» типа), подвижно закрепленными на шарнирах (особенность «аттического» типа). Оригинальным продуктом смешения местной и греческой традиций стал шлем так называемого «самнитско-аттического» типа. Как правило, такие шлемы имеют полусферическую тулью с выраженным медиальным ребром. Лицевой вырез оформлен надглазными дугами, сходящимися к переносице и образующими наносный выступ. Подвижные нащечники крепились посредством шарнира (на большинстве сохранившихся шлемов они утрачены).

Всадник на монете Тарента. 334—330 гг. до н. э.

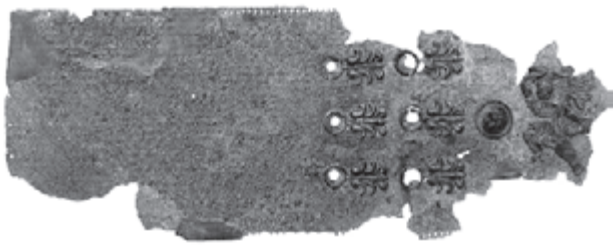
Любопытной особенностью некоторых самнитских шлемов этого типа были своеобразные «трехдисковые» нащечники, свидетельствующие, возможно, о кельтских или этрусских влияниях[1]. Самнитские шлемы отличает также характерное украшение волосяным гребнем и перьями, вставленными в спиралевидные или втулковые держатели. Таких держателей может быть два (по обеим сторонам тульи) или более; в первом случае их нередко маскируют вырезанные из листовой бронзы крылышки, приклепанные к тулье шлема. Это украшение характерно не только для данного типа, но и для ряда других, в частности, для получившего широкое распространение в IV—III вв. до н. э. «фригийского», также заимствованного у греков.

Для изготовления шлемов (и вообще защитного вооружения) использовался классический сплав меди и олова (оловянистая бронза; процентное содержание олова составляет 7—12%, свинца — не более 1%). Этот сплав применялся равно и для ковки, и для литья. Греческие архаические шлемы выковывались из бронзового листа. Толщина шлема варьировалась. Как правило, металл был утолщен в лицевой части (в среднем около 2 мм, наносник — около 8 мм), в то время как толщина затылочной части не превышает обычно 1 мм. Значительная часть этих шлемов была изготовлена непосредственно в мастерских Великой Греции.

Интересно, что греческие корпусные доспехи, напротив, не вытесняют полностью местные формы. Происходящие из погребений италийской знати мускульные («анатомические») *тораксы* греческой работы соседствуют с традиционными боевыми поясами и доспехами пекторального типа.

Одним из древнейших видов доспеха, известным с VIII—VII вв. до н. э., был так называемый

[1] В зарубежной литературе его связывают с греческим «халкидским» типом; в русскоязычной историографии «халкидский» шлем с подвижными нащечниками традиционно именуют «аттическим».

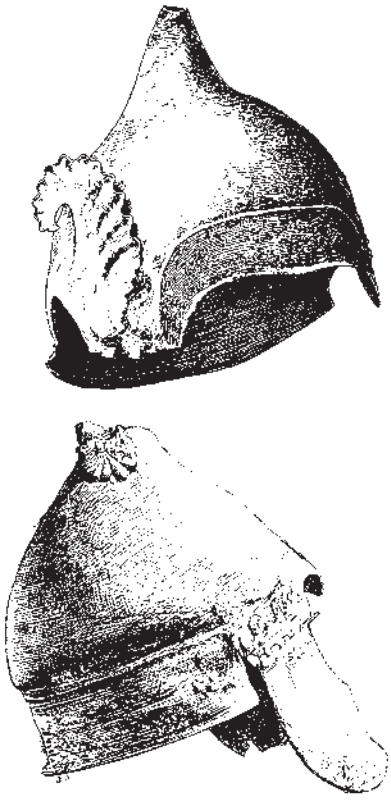


Фрагмент бронзового пояса из гробницы в Лаосе. IV в. до н. э.

[1] Впрочем, существует мнение, что данный тип нащечников — типично самнитский и воспроизводит форму самнитского трехдискового панциря. В пользу этой точки зрения, кроме всего прочего, свидетельствует происхождение кельтских шлемов с идентичными нащечниками с территории Италии (экземпляры в музеях Анконы и Берлина) и датировка их IV в. до н. э., как, кстати, и этрусского аналога из берлинского собрания. Возможно, речь может идти об обратном заимствовании.

«*кардиофюлакс*» — бронзовая пластина в форме диска или прямоугольная, носившаяся на груди при помощи системы ремней, усиленных бронзовыми накладками. Подобные пластины широко распространены на территории Италии и являются, вне сомнения, местной формой. Они представлены находками в центральной и восточной частях Апеннин, на территории Этрурии и Лациума. Бронзовая пластина-нагрудник дополнялась наспинной пластиной и для усиления, вероятно, прикреплялась к железной пластине, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы свинцового припоя на оборотной стороне некоторых экземпляров. К IV в. до н. э. широкое распространение получает самнитский трехдисковый панцирь, обеспечивающий лучшую защиту, однако прямоугольный кардиофюлакс продолжает использоваться и позднее; Полибий упоминает его в ряду современных реалий еще во II столетии до н. э.[1]. Впрочем, нагрудные и наспинные пластины этих доспехов нередко схематично воспроизводят в рельефе мускулатуру торса, в подражание греческим панцирям. Эти пластины относительно невелики, причем нагрудник, как правило, несколько у́же (экземпляр из Национального археологического музея Пестума имеет размеры 370×276 и 295×295 мм для нагрудной и наспинной пластин соответственно, при толщине 1,5 мм); ряд отверстий по краю пластин служил для крепления тканевой или кожаной подкладки-основы. Обе части соединялись посредством наплечных пластин, крепящихся при помощи металлических (бронзовых) петель и колец, и боковых, замыкавшихся на шкворень. Аналогичные панцири изготовлялись и греческими мастерами крупных южноиталийских центров, как, например, великолепный доспех из погребения в Лаосе (Реджо-ди-Калабриа, Национальный музей), украшенный рельефной маской Пана. Очевидно, мастер следовал вкусам заказчика-италика. Применение всадниками панцирей этого типа зафиксировано росписью из Пестума, Лукания (начало IV в. до н. э.).

Живучесть этой формы корпусного доспеха объясняется, возможно, практикой ношения боевых поясов, имевших, наряду с непосредственно функциональным, также символическое значение. Эти пояса, зачастую богато украшенные, представлены многочисленными находками в Центральной и Южной Италии и хорошо известны по южноиталийским вазовым изображениям и полихромным росписям. По словам известного исследователя античного вооружения Питера Коннолли, «что бы ни носил самнит, кампанец, луканец или апулиец, на нем всегда был пояс, который являлся, кажется, прямо-таки символом взрослого мужчины». К этому стоит добавить, что такие пояса обнаружены не только в воинских погребениях, но и в детских могилах, что позволяет говорить о статусном характере этого элемента защитного снаряжения. По мнению исследователей, пояса, возможно, являлись преимущественной принадлежностью всадников, занимавших высокое место в социальной иерархии.



Греко-италийские шлемы. По Б. Шрёдеру

Несомненно, самнитскими изделиями являются пояса с крючками-застежками, имевшие распространение с конца V по III в. до н. э. Они, по-видимому, были продукцией таких центров, как Альфедена, Капуя, Пестум. Археологические находки показывают, что в мастерских имелись наборы специальных матриц, служивших для украшения рельефом предметов защитного снаряжения, в том

[1] Круглые же нагрудники, по-видимому, полностью выходят из употребления. Исследователи справедливо отмечают несовершенство этого защитного снаряжения. Так, из трех дисков, принадлежавших панцирному набору и хранящихся в собрании Государственного Эрмитажа, диаметр самого большого не превышает 240 мм.

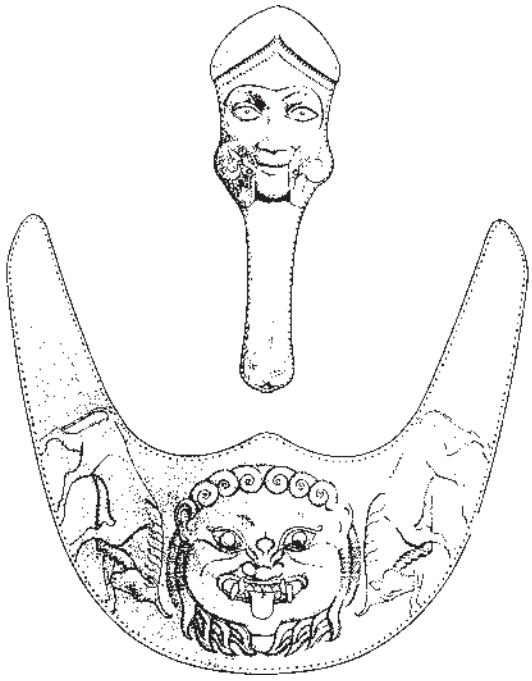
числе поясов, что недвусмысленно свидетельствует о серийном производстве. К числу подобных артефактов принадлежит пояс из Бари, датируемый первой четвертью IV в. до н. э.; его толщина 2 мм, ширина 125 мм.

В целом вооружение самнитов, испытавшее влияние как греческой, так и этрусской традиций, было более легким, отвечающим требованиям тактики, сочетавшей метательный бой и применение рассыпного строя. Очевидно, такой характер вооружения был одинаково приемлем как для конных, так и для пеших воинов (с той разницей, что последние использовали большие щиты — скутумы).

Так же как и греческие всадники, италики, по-видимому, обычно не применяли поножей (во всяком случае, это не было обычной практикой). Редкий случай изображения конного воина в кнемидах (бронзовых поножах) — роспись пестумской гробницы 340 г. до н. э. («черный всадник», Пестум, Национальный археологический музей) — вряд ли можно рассматривать как показательный. В то же время многочисленные изображения — и на полихромных росписях в гробницах, и на италийских вазах, — показывают конных воинов без каких-либо защитных приспособлений на ногах. Исключение представляет очень любопытная деталь, встречающаяся на кампанских росписях, — своеобразный щиток или браслет, закрывающий лодыжку (поврежденная фреска из Капуи, фрески в собраниях Неаполя и Пестума).

Бронзовый итало-греческий шлем. IV в. до н. э.

С другой стороны, кнемиды — настолько типичный элемент паноплии, традиционной для богатых воинских погребений Южной Италии конца IV в. до н. э., что категорически отрицать их применение всадниками сложно. Поножи в Италии получают распространение под греческим влиянием. Одними из первых в VI–V вв. до н. э. их принимают на вооружение этруски. Обнаруживаемые в этрусских захоронениях Умбрии и Тосканы кнемиды подразделяются на две группы. К первой, более ранней, относятся поножи, лишенные декорации (единственным украшением служит схематичное изображение профиля икроножной мышцы), верхний край которых отчетливо выше колена. Средняя высота таких кнемид около 500 мм. Вторая группа представлена «анатомическими» кнемидами, с тщательно моделированным в рельефе коленным суставом; кнемиды данной группы заканчиваются сразу над коленом и они в среднем на 50–100 мм короче. Второй тип утверждается с IV в. до н. э., однако наряду с ним сохраняется и более ранняя форма. Аналогичные кнемиды использовались и на юге полуострова наряду с поножами греческой работы. В более позднее время для италийских поножей характерно наличие ремешков, служивших для более плотной фиксации на ноге воина.



Бронзовые конские налобник и нагрудник. Италия, V в. до н. э. По Г. Расселу Робинсону

Неоднозначен вопрос о применении всадниками щита. Около 500 г. до н. э. щитов, по-видимому, еще нет (изображение всадника без щита

на ситуле из Чертозы), однако к V в. до н. э. относится изображение всадника со щитом и двумя дротиками. По-видимому, это отражает местную, самостоятельную воинскую традицию. В Западном Средиземноморье изображения всадников, вооруженных щитами, известны с очень раннего времени (Пиренейский п-ов, юго-восток Франции и северная Италия, юг Центральной Европы); щиты несомненно применялись и римскими всадниками (в III–II вв. до н. э. и позднее). Не исключено, что греки Великой Греции, испытывавшие определенное воздействие местных воинских обычаев, также были знакомы с практикой применения щита в конном бою; на такие выводы наводят изображения вооруженных щитом всадников, довольно часто встречающиеся на памятниках греко-италийского искусства уже в V–IV в. до н. э.[1]. Впрочем, в позднее время (во II в. до н. э.) использовали щиты и греческие всадники метрополии. С другой стороны, южноиталийские полихромные росписи IV в. до н. э., происходящие из гробниц местной знати, не показывают всадников со щитами.

Вооружение италийских всадников довольно своеобразно. Как правило, наступательное оружие составляли два или три коротких копья, или копье в комплекте с несколькими дротиками. Копья могли быть различной длины, в этом случае более короткие, очевидно, предназначались для метания. Судя по всему, короткие копья были в равной мере пригодны и для метания, и для ближнего боя; от дротиков они, помимо размера, отличаются формой и величиной наконечника и наличием втока. На некоторых изображениях, однако, представлены всадники, вооруженные только дротиками. Наконечники копий весьма разнообразны по форме — листовидные, удлиненно-лавролистные, подтреугольные, удлиненно-ромбовидные, — и по размеру. Наиболее внушительные наконечники достигают длины более 500 мм. Характерны также наконечники с удлиненной втулкой. Втоки, как правило, железные, имеют конусовидную заостренную форму.

Разнообразие форм наконечников, преобладание метательного древкового оружия, облегченный вариант греческой (этрусской) панoплии прекрасно удовлетворяли гибкой тактике кампанской конницы, подвижной, маневренной, но допускающей наряду с дистанционным и ближний бой.

Известны примеры спешивания италийских всадников или их взаимодействия с пехотинцами, вооружение которых также допускало комбинированную тактику на пересеченной и холмистой местности, с применением ложных отступлений, засад, неожиданных атак.

Цветная вкладка *(стр. 3)*

Реконструкция выполнена на основании полихромных росписей (Капуя, Пестум) и археологических находок: панцирь, шлем и пояс из собрания лондонского Тауэра (датированы первой четвертью IV в. до н. э.), конский наглавник и нагрудник из коллекции Национального археологического музея в Неаполе.

[1] Всадник со щитом, очень похожим на римский *парма эквестрис*, показан на одном рельефе из Сиракуз (III в. до н. э.).

Скифский царь и знатный воин

Вторая половина V – начало III вв. до н. э.

После того, как скифские племена надежно обосновались в причерноморских степях, в вооружении всадников произошли существенные изменения. В первую очередь, это связано с притоком новых племен с востока, однако нельзя недооценивать и увеличение греческого импорта в Скифию. Предметы вооружения, изготовленные греческими мастерами, уверенно занимают место в составе скифской панoплии. Естественно, доступны они были только самым знатным представителям кочевой аристократии. Металлические шлемы, пластинчатые доспехи, накладки на ножны и гориты из драгоценных металлов находят в курганах вождей, самыми крупными из которых являются так называемые «царские курганы». Самые ранние из них появляются в Поднепровье во второй половине V в. до н. э. Кроме того, в это же время сооружаются первые курганные группы поблизости от греческих городов, расположенных по берегам Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Огромные курганы являлись настоящими шедеврами степной архитектуры. На побережье Черного моря в их сооружении принимали участие греческие архитекторы, строившие гробницы из камня или сырцового кирпича, которые порой не уступали купольным гробницам древних микенских царей. Погребения царских курганов обычно делались в вырытых в земле камерах. Насыпь имела порой сложную форму, сооружалась из валков дерна, на ее вершине делалась площадка для культовых церемоний. Дабы предотвратить расползание насыпи по краю кургана, иногда сооружался ров или каменная ограда — крепида.

Находки в царских гробницах дают прекрасное представление о характере вооружения богатого скифского всадника эпохи расцвета степной Скифии. Однако следует учитывать, что некоторые предметы могли иметь преимущественно ритуальное значение. Кроме того, ряд вещей попал в гробницы в качестве дипломатических даров или трофеев, не являясь предметом собственно скифского вооружения. Тем не менее наши данные о том, как выглядел скифский воин во время Великой Скифии, значительно более полны, чем для раннего периода их истории.

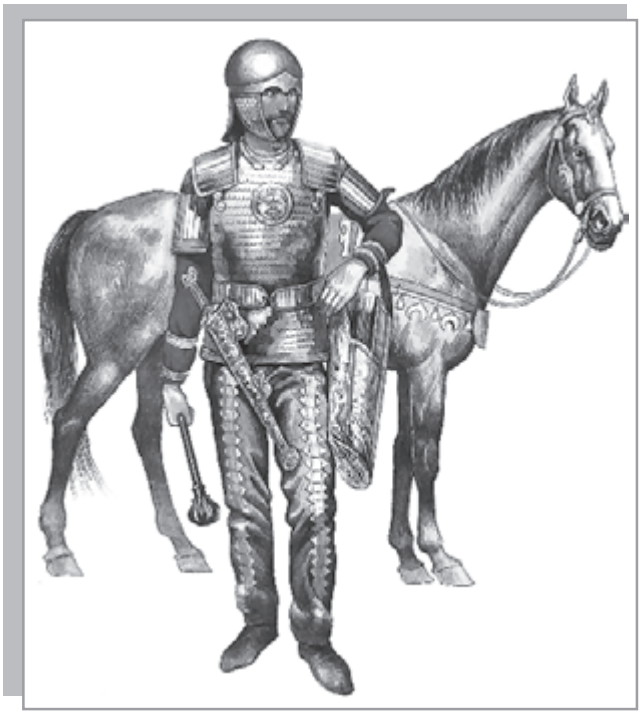
В наступательном вооружении скифского всадника существенных изменений не произошло. Из его арсенала практически исчезает такое редкое оружие, как чекан, топоры встречаются эпизодически, преимущественно в лесостепных районах. Основным оружием, как и в древности, остается лук. Единственный более-менее сохранившийся экземпляр составного, обмотанного корой лука, обнаруженный в Трехбратнем кургане, относится именно к рассматриваемому времени. Для периода расцвета Великой Скифии у нас имеются значительно более полные данные для реконструкции горитов. Серебряные и золотые обкладки горитов царских луков найдены в кургане Чертомлык, Солоха, Карагодеуашх и других. В курганах V в. до н. э. также найдены «ворварки» — большие золотые предметы в форме усеченного конуса. Весьма возможно, что они также украшали внешнюю поверхность горита. Как уже говорилось, горит представлял собой деревянный футляр, обтянутый снаружи кожей. В одном случае зафиксирован горит, покрытый снаружи мехом. Найден также горит из бересты, армированный

железными прутьями. На внешней поверхности горита могли помещаться бронзовые или золотые украшения, большие золотые пластины, украшавшие внешнюю сторону горита, обнаружены только в самых богатых захоронениях. Та сторона горита, к которой прилегал лук, имела выгнутую форму, противоположная ей сторона, где располагалась тетива, была прямой. В верхней части горита с этой стороны мог быть небольшой выступ, дополнительно прикрывающий тетиву от повреждений. Дно горита, как об этом свидетельствуют находки обкладок дна из драгоценных металлов, могло быть продолговатой «грушевидной» или круглой формы. На дне ясно видна рельефная линия, демонстрирующая разделение горита на две части — внутреннюю для хранения лука и внешнюю для стрел. Чтобы обеспечить быстрое вынимание стрел из горита, на его внешней поверхности делался специальный вырез. Судя по сохранившимся изображениям и деталям погребений, горит носился на поясе слева, что, в свою очередь, вынуждало прикреплять меч с правой стороны. Не совсем ясен вопрос об использовании колчанов скифскими лучниками. При раскопках ряда захоронений отмечено присутствие кожаных мешочков с наконечниками стрел, которые вполне могли быть остатками колчанов. Однако они интерпретируются и как запасной комплект наконечников. Не исключено, что колчаны применялись знатными скифскими всадниками только для хранения запасного комплекта стрел и периодического пополнения ими горита. Впрочем, находки остатков колчанов, украшенных золотыми бляшками или вышитых бисером, свидетельствуют о том, что многие знатные скифы также отдавали предпочтение колчанам, а не горитам. Существенным образом изменяется форма наконечников стрел. Большинство из них становится трехгранной формы с утопленной внутрь наконечника втулкой. Концы граней иногда заканчиваются острыми шипами. Также сохраняются трехлопастные наконечники. Иногда при литье на внешней поверхности наконечников делались специальные метки (вероятно, для определения хозяина стрелы). Железные наконечники получают более-менее широкое распространение только с IV в. до н. э., преимущественно на Нижнем Дону. До самого конца скифской эпохи лук остается самым распространенным оружием скифов.

Изменение затрагивают и основное оружие ближнего боя — копье. На смену лавролистным наконечникам приходят более вытянутые к острию остролистные, видимо, эффективнее поражавшие покрытых доспехом воинов. Длина таких наконечников колеблется в пределах 30–55 см, хотя некоторые экземпляры достигают 70 см! Иногда они имеют посредине ярко выраженное ребро жесткости. Зафиксировано также одно копье четырехгранной формы, напоминающее пику, появление которого, возможно, связано с греческим влиянием на скифское вооружение. Длина копий, похоже, не меняется. Ее можно зафиксировать по находкам подтоков, находившихся на нижнем конце древка. Обычно они изготавливались из свернутого листа железа, на Среднем Дону были распространены поджатые в нижней части «рюмкообразные» подтоки. На наконечники скифских копий и дротиков надевались специальные чехлы, которые, по всей видимости, изготавливались, как и ножны, из дерева и кожи. Найден бронзовый литой наконечник такого футляра, кроме того, есть фрагменты свернутых железных пластин, расположенных на наконечниках копий, которые, по всей видимости, также являлись деталью этих своеобразных «ножен». Довольно редко в скифских погребениях встречаются дротики. Это скорее всего связано с тем, что для метания могли использоваться и сами копья, которые часто находятся в погребениях в нескольких экземплярах. По размерам древка дротики совершенно не отличаются от копий и могут оснащаться железными подтоками. Скифские дротики обладали наконечником с небольшим пером «жаловидной» (с вытянутыми по сторонам заостренными шипами, наподобие жала змеи) формы и длинной втулкой, отчасти напоминая знаменитые римские пилумы. Длина такого наконечника составляла 20–50 см. Дротики были особенно распространены в IV–III вв. до н. э., что связывается с поиском оружия, эффективного против прикрытой щитами пехоты. Количество дротиков в погребении одного воина почти никогда не превышает количества копий, что, вероятно, соответствует их боевому использованию. Скифы, как и большинство воинов древности, наносили удар копьем, рассчитывая только на силу рук, а не как рыцарь, использующий при этом массу и скорость

лошади. Кроме того, копья небольших размеров в любой момент могли быть использованы для метания, так как подобное копье может быть брошено с коня на расстояние до 30 м.

Некоторые изменения затрагивают и форму скифского меча. В V—III в. до н. э используются мечи с формой лезвия в виде вытянутого равнобедренного треугольника. Известны (в том числе у знаменитого меча с персидской рукоятью из Чертомлыцкого кургана) лезвия с прорезными отверстиями посредине верхней части. Они очень редки, хотя в Зауралье найден меч, у которого между прорезей были помещены золоченые фигурки в зверином стиле, что можно считать вершиной скифского оружейного мастерства. Подавляющее большинство мечей имело перекрестие в форме треугольника с вогнутым основанием, а навершие парадного оружия приобретает овальную или, в редких случаях, круглую форму. Для рядовых мечей характерным становится вариант небольшого антенного навершия, с загнутыми внутрь концами, наподобие когтей. Сходную форму навершия имеет меч на реконструкции. В IV—III вв. до н. э. появляются также однолезвийные мечи, напоминающие по форме палаш. Исследователи связывают их появление со знакомством через греков и фракийцев с однолезвийными мечами типа «махайры», хотя форма последних существенно отличается от скифских образцов. У таких мечей исчезает часть перекрестья с обратной стороны от лезвия. Длина мечей колебалась в пределах 40—70 см. Несмотря на некоторое увеличение длины меча по сравнению с предыдущим периодом, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что он мало подходил для конного боя. Форма ножен не претерпевает существенных изменений. На реконструкции представлены обложенные золотыми пластинами, украшенными в скифском зверином стиле, ножны из царского кургана Солоха. Их отличает небольшой дополнительный выступ в середине ножен, назначение которого не совсем ясно. Возможно, изначально он предназначался для крепления к ноге воина, однако, как уже говорилось ранее, такое крепление было не характерно для скифских всадников. Из того же кургана происходит и железный шестопер, от которого сохранились железные навершие и подток. Уникальность этого оружия свидетельствует, что оно, видимо, было не столько вооружением, сколько символом власти его хозяина.



Существенного развития достигает в это время скифское оборонительное вооружение. Полностью исчезают из употребления тяжелые литые шлемы «кубанского» типа. На смену им приходят тонкие шлемы греческой работы самых разнообразных типов. В некоторых случаях скифы продолжали использовать их в неизменном виде, но обычно подвергали переделке. Срезались наносник (если он присутствовал), нащечники (как подвижные, так и неподвижные) и назатыльник. По краю шлема, в местах их крепления, делались отверстия, по всей видимости, служившие для крепления кожаного прикрытия щек и шеи, скорее всего, усиленного железными чешуйками, как и сам скифский доспех. Одновременно находились в употреблении шлемы, сделанные из железных пластинок, как и панцири. Впрочем, большинство рядовых воинов довольствовалось шапками без всякого дополнительного усиления.

Основным видом оборонительного доспеха у скифов с раннего времени был панцирь. В IV—III вв. до н. э. количество воинов, обладавших панцирями, растет, однако было бы преждевремен-

Скиф с конем. Фрагмент изображения с серебряной амфоры из кургана Чертомлык. IV в. до н. э.

но говорить о широком распространении этого типа доспеха, так как он все равно присутствует только в захоронениях самых знатных воинов. Рядовые лучники были прикрыты только толстой курткой, в некоторых случаях усиленной дополнительными металлическими деталями. Зафиксировано использование нагрудников, которые защищали прилежащую к шее часть груди. Для усиления доспеха в других частях использовались закрепленные на коже круглые пластины, а возможно, и бляшки в зверином стиле. Изготовленные из бронзы или железа кирасы (одна из них, с изображением головы Медузы Горгоны, была найдена в кургане у станицы Елизаветовской), состоящие из двух половин и прикрывающие весь торс воина, были очень редки. На всем протяжении своей истории скифы продолжали пользоваться относительно легким и эластичным пластинчатым доспехом. В ряде случаев железные чешуйки покрывали нагрудную сторону куртки или даже только ее часть. Однако были распространены и доспехи с длинными рукавами. Для прикрытия рукавов использовались длинные изогнутые пластины, соединение между которыми закрывалось небольшими пластинками. Значительная часть скифских доспехов прикрывает металлическими пластинами только плечи, оставляя рукава открытыми. Обычно доспех расстегивался на боку, где для его соединения наличествовали специальные скобы. На концах шнуров, которыми связывались части доспеха, находились небольшие бронзовые колпачки (обычно их было четыре). Знакомство с греческим населением Северного Причерноморья приводит к широкому распространению в скифской среде панцирей с оплечьями, которые перегибались из-за спины через плечи воина и крепились на груди специальными застежками или завязками. Именно так устроен представленный на реконструкции доспех из 4-го Семибратнего кургана, расположенного в Прикубанье. В нагрудной части этого панциря находилась сделанная из бронзы бляшка в виде головы Медузы Горгоны, являвшаяся не только украшением, но и распространенным в античном мире амулетом. Следует отметить, что, в отличие от греческих, скифские доспехи с оплечьями могут обладать и прикрытыми металлом рукавами, как это представлено на рисунке. Нижняя часть панциря иногда оформлялась рядом из крупных вогнутых пластин, имитировавших широкий боевой пояс. Ниже пояса тело и бедра война прикрывали пластинчатые набрюшники, а иногда и набедренники, которые заворачивались вокруг открытой части ноги. Некоторые из них напоминают греческие «птерюгес» (нижняя часть доспеха, похожая на юбку с разрезами).

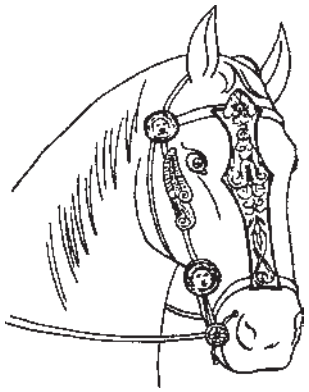
Боевые пояса также были характерной деталью скифского защитного вооружения. Наиболее любопытными являются защитные пояса. Один из них, открытый во втором кургане у села Щучинка, был сделан из ряда выгнутых крупных пластин, сверху и снизу прикрытых рядами мелких пластин. Длина пояса составила более 1 м, а ширина 17 см. Любопытно, что он соседствовал с коротким чешуйчатым панцирем, являясь дополнительной частью доспеха знатного воина. Пояс хранился в свернутом виде. Обычно пояс с металлическими частями надевался поверх доспеха и служил для крепления горита, меча и другого вооружения. Как правило, он также покрывался небольшими поперечными пластинами, хотя встречаются и длинные пластины, шедшие по всей длине пояса. В пластинах делались отверстия для крепления предметов вооружения. Иногда такой пояс мог быть украшен пластинами, часто из драгоценных металлов, в скифском зверином стиле, а его концы оформлены в виде голов хищных животных.

Дополнительным элементом доспеха, заимствованным у греческих поселенцев, можно считать поножи (кнемиды), вошедшие в употребление у знатных скифских воинов. В данном случае

скифы использовали без переделки кнемиды, изготовленные греческими оружейниками. Они делались из цельного куска бронзы и держались на ноге без завязок за счет плотного прилегания к телу. Внутренняя часть кнемид обивалась тканью или кожей, снаружи они моделировали мускулатуру голени и колено. В верхней части поножей иногда изображались морды львов, Медузы Горгоны или другие рельефы. В курганах около античного города Нимфея были найдены прикрытия голени, сделанные из длинных железных полос (так называемые шинные поножи), наподобие тех, которые покрывали скифские щиты. По всей видимости, это не единственная попытка имитации поножей скифскими оружейниками.

Своеобразной деталью скифского доспеха является так называемая «пелерина». Она представляла собой эластичный щит с панцирным набором. Именно такая «пелерина» находится за спиной у всадника на знаменитом золотом гребне из кургана Солоха. Она носилась за спиной воина, крепясь на специальных крюках, расположенных на задней стороне панциря. Для зацепления крюков в нижней части щита, надевавшегося на них горизонтально, располагались трубки. Таким образом, тяжелый щит располагался за спиной всадника, прикрывая его плечи, шею и нижнюю часть затылка. Дополнительно «пелерина» привязывалась ремнями к предплечьям для облегчения управления. Эластичный щит был идеальным прикрытием для всадника, принимавшего участие в перестрелке лучников, когда он мог закрыть голову и лицо одним движением плеча.

Особой частью скифского оборонительного вооружения являются щиты. Сохранившиеся изображения довольно часто показывают скифов, сражающихся со щитами в руках. Небольшое количество щитов, открытых при археологических раскопках, объясняется, в первую очередь, нестойкостью материалов, из которых они были изготовлены. Скорее всего, большая часть щитов сплеталась из бересты, прутьев, тростника и т. д. Подобные щиты могли обтягиваться кожей снаружи или по краю, для лучшей сохранности. Сохранились остатки нескольких деревянных щитов, на одном из которых остались следы красной краски. Знатные воины шли в бой со щитами, имевшими наружное металлическое покрытие. Судя по всему, на вооружении скифов находились круглые щиты со сплошным металлическим (бронзовым или железным) покрытием. Однако находки их крайне немногочисленны. Более распространены были щиты, покрытые такими же рядами чешуек, как и кожаные панцири. Для покрытия щита могли использоваться длинные железные полосы, покрывавшие всю его поверхность. В отличие от доспеха, пластины щита обычно соединялись проволокой, так как щиту не требовалось такой эластичности, как доспеху. Редкой деталью щита является бронзовое нащитное украшение в виде фигуры рыбы, обнаруженное в скифском кургане Толстая Могила (Днепропетровская область). Массивная литая фигура длиной 22 см крепилась железной проволокой параллельно пластинам. Учитывая, что знаменитые золотые фигуры оленя и пантеры, по всей видимости, не являются украшениями щитов, мы можем считать рыбу единственным предметом подобного рода. Не исключено, что эта деталь была заимствована у греков, довольно часто украшавших свои щиты бронзовыми фигурами. Пешие воины и менее знатные всадники скорее всего держали свои щиты в руках за ременные или деревянные рукояти.



Реконструкция конской узды из кургана Толстая Могила. По Б.Н. Мозолевскому. IV в. до н. э.

В заключение описания скифского защитного вооружения можно отметить, что оно было лучшим известным тогда доспехом, совмещавшим в себе надежность и эластичность, вплоть до изобретения кольчуги. Естественно, что подобный доспех надевался непосредственно перед боем или в случае опасности, а до нужного момента мог храниться в свернутом состоянии, как их иногда находят при раскопках.

Помимо доспеха знатный скифский воин мог надевать на себя разнообразные украшения из драгоценных металлов, которые свидетельствовали о его высоком статусе. Маловероятно, конечно, что в костюм скифского воина входили такие прекрасные ювелирные изделия, как пектораль

из кургана Толстая Могила, однако массивная золотая гривна на шее, браслеты и перстни на руках вполне возможны.

Изменения коснулись и скифского уздечного набора. В первую очередь, это касается изменения формы удил. Стремечковидные бронзовые удила уступают место железным, согнутым на концах в петли. На удила иногда надеваются колечки с шипами для облегчения управления лошадью. Одновременно с удилами изменяются и псалии — теперь в них наличествуют только два отверстия, так как удила не привязываются к псалиям, а псалии продеваются через петлю, которой оканчиваются удила. Соответственно, уздечный ремень теперь расходится только на два ремешка, которые крепятся сверху и снизу от удил. Положение остальных ремней в целом не изменяется. Применялись псалии разнообразных форм: S-образные, С-образные, Г-образные и в виде прямых стержней. Края псалий часто украшались фигурами животных в зверином стиле. Для крепления повода служили специальные пряжки, крепившиеся к окончанию удил. В V в. до н. э. появляются нащечники в виде птичьего крыла, бедра хищника или копытного животного. Для скрепления ремней используются круглые бляхи с петельками на оборотной стороне, иногда они бывают довольно крупными и изготавливаются из драгоценных металлов. В некоторых случаях бляха может быть сделана в виде солнечного колеса с головками грифонов. Вместе с нащечниками и круглыми бляшками в комплект уздечного набора входит налобник или наносник. Налобник, который обычно имел фигурную форму, в наиболее богатых погребениях украшался рельефом, например, изображением змееногой богини на налобнике из кургана Большая Цимбалка. На налобнике имелись петли или прорези для крепления ремней. Наносники надевались на среднюю часть наносного ремня, они состояли из узкого продолговатого щитка и расположенной над ним скульптурной головки животного или птицы. Часто в уздечный набор входили многочисленные дополнительные декоративные бляшки. Во многих курганах, в том числе Солохе, Чертомлыке и Огузе, были найдены нагрудные украшения лошадей. В Мелитопольском кургане они состояли из лунообразных и круглых блях, подвешенных на цепочках к нагрудному ремню. Кроме того, можно предполагать, что в IV–III вв. до н. э. некоторые скифские всадники пользовались твердыми седлами на деревянной основе, так как найденные в ряде захоронений украшения седла явно набивались на твердую основу. Однако наличие таких седел, похоже, не повлияло на тактику скифского удара копьем. Использовать седло в качестве упора догадались только сарматские всадники.

Железные копье и дротик из кургана Чертомлык. IV в. до н. э.

Тактика действий скифской конницы известна исключительно по свидетельствам античных авторов. Наиболее подробные данные относятся ко времени скифского похода Дария I, который подробно описан в «Истории» Геродота. Греческие историки в один голос утверждают, что каждый скиф — всадник и воин. Вероятно, так и было в самый ранний период истории этого народа, например, во время азиатских походов. Однако постепенно в орбиту скифского влияния входили разнообразные племена, в том числе земледельцы лесостепи, которые, вероятно, сражались и в пешем строю. Постепенно количество скифской пехоты увеличивается, достигая пика в поздний период перед распадением Великой Скифии. Дарий I совершил свой поход в скифские степи около 515–512 гг. до н. э. Огромное персидское войско перешло через Истр (современный Дунай) по наплавному мосту и двинулось против скифов. До сих пор неизвестно,

насколько далеко персам удалось продвинуться в глубь степи. Геродот утверждает, что войско Дария переправилось через Танаис (Дон), однако, по другим сведениям, он не дошел и до Днестра. Так или иначе, скифам удалось отразить вторжение в их земли. Геродот указывает, что скифское войско было разделено на три племени, каждым из которых командовал свой царь. Самым главным было войско царя Иданфирса, а двумя другими соединениями предводительствовали Скопасис и Таксакис. Тактика, которой руководствовалось скифское войско, была достаточно стандартной при столкновении конных кочевников с регулярным войском. Женщины и дети с повозками и имуществом скифов были эвакуированы в северные районы, недоступные врагу. Конные воины, не вступая в прямую схватку с врагом, выжигали траву, отравляли колодцы, а также по возможности атаковали незначительные персидские отряды, осыпая их стрелами. Порой делались налеты и на основной лагерь с целью не давать покоя врагу. Таким образом, персидская армия изматывалась, а скифы поджидали момент для окончательного разгрома противника. Геродот пишет, что однажды скифы все-таки построились для прямого столкновения, однако неблагоприятное предзнаменование помешало им вступить в бой. Тактика «выжженной земли» продолжилась. С большим уроном Дарию удалось отвести остатки своей армии за Дунай. После победы скифы получили в древнем мире славу «непобедимых». Вскоре после этих событий был совершен скифский поход в Западное Причерноморье, закончившийся на Херсонесе Фракийском (современный полуостров Галлиполи), то есть на северном побережье Эгейского моря. В ходе похода скифы могли еще ближе познакомиться с тактикой и вооружением греков и фракийских племен. По всей видимости, в скифском войске наряду с основной массой конных лучников выделяется и приобретает все большее значение царская дружина, состоящая из хорошо вооруженных и обученных воинов, которая могла наносить в бою более-менее сплоченный удар. Постепенно количество дружинников в составе войска увеличивалось, как, впрочем, и число пехоты, что с IV в. до н. э. связано с оседанием номадов (то есть кочевников) на землю. Без всякого сомнения, лучники должны были измотать вражеское войско обстрелом, после чего дружинники наносили решительный удар. Впрочем,

Сражающиеся скифы. Верхняя часть золотого гребня из кургана Солоха. Вторая половина V — начало IV вв. до н. э.

Бронзовый нагрудник панциря с изображением Медузы Горгоны. Курган у станицы Елизаветовской. IV в. до н.э.

в случае неудачи первой фазы боя конница могла и относительно безболезненно отступить. В середине IV в. до н. э. скифский царь Атей, вероятно, правивший западными областями Скифии, вторгается в Западное Причерноморье и заключает союз с отцом Александра Македонского, царем Филиппом II, однако через некоторое время вступает с ним в борьбу и в 339 г. до н. э. погибает. В 331/330 г. до н. э. понтийский наместник Александра Македонского, Зопирион, вторгается в земли скифов и доходит до греческого города Ольвия на Гипанисе (Южном Буге). Здесь его войско было разгромлено при активной помощи скифов. В результате произошел обмен дипломатическими дарами между скифами и Александром. Не исключено, что персидская рукоять акинака из Чертомлыкского кургана попала в Скифию именно в составе этого дара. К сожалению, нам неизвестны подробности этих военных событий и применяемая скифами тактика.

Единственным более-менее подробным эпизодом, по которому мы можем создать представление о военном деле скифов, является битва на реке Фат в Прикубанье, которая произошла между боспорским царем Сатиром II и его братом Евмелом в 310/309 г. до н. э. В ходе борьбы за трон Боспорского царства между сыновьями Перисада I на стороне старшего брата Сатира выступили скифы, а на стороне претендента Евмела — меотское племя сираков (?) во главе с царем Арифарном. Евмел имел двукратное превосходство в коннице. Как пишет греческий историк Диодор, Сатир встал «по скифскому обычаю» в центре войска, собрав вокруг себя лучшую скифскую конницу. По всей видимости, здесь находились тяжеловооруженные дружинники, в то время как основная масса конных лучников находилась сзади. Пехота располагалась на флангах боевого построения. В решительной атаке конница Сатира опрокинула фатеев Арифарна, после чего повернула и нанесла удар в тыл наступающим на фланге воинам Евмела. Подобный маневр свидетельствует о прекрасной выучке и боевой мощи скифской конницы в конце IV в. до н. э. К сожалению, это практически все, что нам известно о тактике скифского войска. В начале III в. до н. э. скифы покидают основную территорию степи и продолжают селиться в Крыму и Нижнем Поднепровье. Великая Скифия неожиданно, по неясным еще до конца причинам, прекращает свое существование.

Для изучения вооружения скифского всадника особенно много сделали отечественные исследователи, среди которых следует выделить А. И. Мелюкову и Е. В. Черненко. Их работы в значительной степени легли в основу разделов, посвященных скифской коннице.

Цветная вкладка *(стр. 4, 5)*

Представлены скифские знатные воины V–IV в. до н. э. по материалам находок в скифских погребениях. Панцирь, представленный на цветной вклейке 5, реконструирован Е. В. Черненко по находкам в Семибратних курганах; шлем, меч и горит — по находкам из кургана Солоха.

Македонская конница

Вторая половина IV в. до н. э.

Македония вплоть до IV в. до н. э. представляла периферию греческого мира. Филипп II Македонский (359–336 гг. до н. э.), энергичный и талантливый правитель из царской династии Аргеадов, сумел, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, утвердиться на македонском престоле и добиться значительного влияния.

В молодости Филипп провел несколько лет заложником в Фивах, где познакомился с новейшими достижения греческого военного дела, и, придя к власти, осуществил ряд преобразований, многократно увеличивших боевой потенциал македонской армии. В 40–30-х гг. IV столетия он уже довольно бесцеремонно вмешивается в дела греческих полисов, проводит активную завоевательную политику на севере Балканского полуострова (во Фракии), планирует операции в Малой Азии — против персидского царя. Со своей обновленной армией он разгромил греков при Херонее (338 г. до н. э.) и стал гегемоном вновь образованного Панэллинского союза. По инициативе македонского царя начинается подготовка похода на Восток, во владения Ахеменидской державы.

Реализовал этот замысел сын Филиппа, Александр Великий, в ходе грандиозного военного предприятия, раздвинувшего пределы ойкумены и сделавшего царя маленькой Македонии владыкой мировой империи.

Войско македонян было организовано на совершенно иных принципах, нежели полисные милиции греческих государств или начинавшие постепенно вытеснять их наемные армии. Сравнительно слабая урбанизация, сохранение патриархальных отношений обусловили специфику македонской военной организации. Царское войско формировали, с одной стороны, представители родовой знати, сохранившие значительную самостоятельность и могущество, а с другой — многочисленный класс свободных мелких собственников, связанных со знатью своеобразной клиентелой. Знатные македоняне и приближенные из числа эллинов[1], получавшие земельные угодья от царя, сопровождали его на войне со своими отрядами, составляя тяжеловооруженную конницу — гетайров («товарищей», «соратников»[2]).

Исследователи подчеркивают двойственность самого термина «гетайр», употребляющегося в традиции как наименование тяжеловооруженной македонской конницы и одновременно в другом значении: представитель привилегированного круга македонской знати. В этом втором значении гетайры составляли ближайшее окружение македонского царя. Они были его товарищами в битвах, на охоте, сотрапезниками на пирах. Им поручались ответственные миссии как военного, так и дипломатического или административного характера. В начале Во-

[1] Среди сподвижников Филиппа II и, особенно, Александра было немало греков (Неарх, Эвмен). После завоевания Персидской державы в число гетайров были включены знатные персы и представители других народов, прежде подвластных Ахеменидам. Так, агему в 324 г. до н. э. возглавил бактриец Гистасп.

[2] На русский греческое ἑταιροι обычно переводят буквально — «друзья».

сточного похода из числа гетайров назначаются начальники гарнизонов важных стратегических пунктов, управители завоеванных областей. Гетайры сопровождают царя не только верхом, в полевых сражениях, но и во всех опасных предприятиях, например, при штурме городов.

Положение «друзей» в войске, как и значение конницы гетайров в бою, в начале похода было весьма велико. Неслучайно Александр заказал скульптору Лисиппу бронзовые статуи двадцати пяти гетайров, погибших в сражении при Гранике (334 г. до н. э.), освободил от податей их родственников, а самих павших удостоил посмертных почестей.

В начале правления Александра тяжеловооруженная конница гетайров насчитывала, как следует из источников, около 3000 всадников. В войско, подготовленное к походу в Малую Азию весной 334 г. до н. э., были включены гетайры Нижней Македонии, около половины тяжеловооруженной македонской конницы, в то время как илы Верхней Македонии остались в Европе под началом Антипатра. Любопытно, что этот принцип сохраняется и в дальнейшем: в числе подкреплений, посланных Антипатром на Восток, ни разу не упоминаются гетайры Верхней Македонии. Некоторые илы названы в источниках (илы Аполлонии, Анфемунта, так называемая «Белоземельная»). Известно, что при Гавгамелах гетайры были сформированы в 8 ил, включая царскую.

По мнению современных исследователей, средняя численность илы равнялась примерно двухстам всадникам. Царская ила — агема («отборное войско», «гвардия» — отряд, возглавляемый обыкновенно самим царем) — была наиболее многочисленной. В сражении македонская конница использовала клинообразное построение, облегчавшее управление и маневр. В 331 г. до н. э., разделяя между илами прибывшее из Македонии пополнение, Александр ввел подразделение илы на два лоха во главе с лохагами. Возможно, это было вызвано превращением илы в слишком громоздкую тактическую единицу вследствие увеличения числа воинов. В эллинистическое время боевой порядок конницы мог формироваться или всадниками всей илы, или только одной тетрархией (1/4 илы), что, очевидно, также преследовало цель облегчить управление.

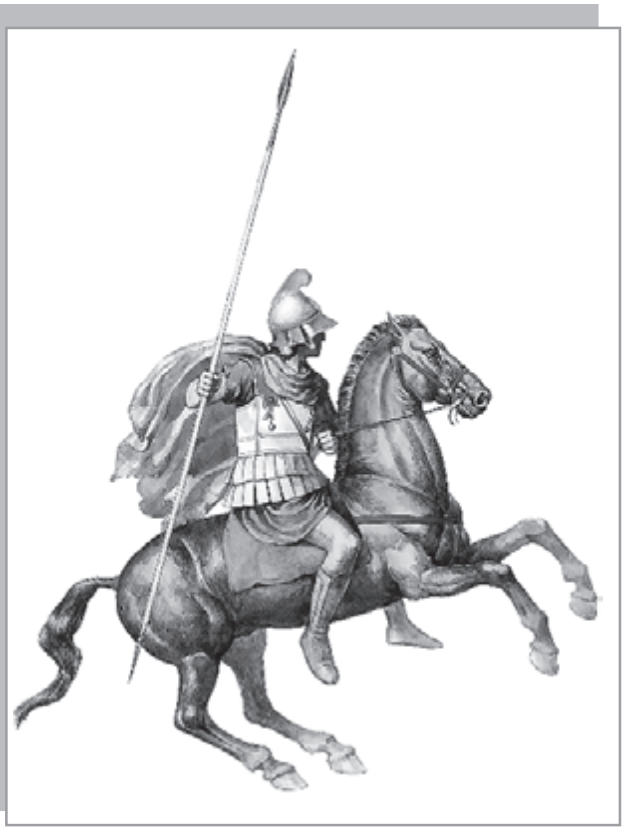
Первоначально весь корпус гетайров в войске Александра возглавлял Филот, один из приближенных царя, сын полководца Пармениона. После ареста Филота по обвинению в заговоре и его казни в 330 г. до н. э. Александр разделил командование гетайрами между двумя военачальниками, очевидно, по политическим мотивам. В традиции два равносильных по численности подразделения, в которые были сведены илы гетайров, названы гиппархиями; одну из них возглавил Клит, сын Дропида, командовавший прежде царской илой. После гибели Клита в Мараканде его гиппархия не получила нового командира. Впоследствии, в описании операций македонской армии в 328—327 гг. до н. э., в традиции термин «гиппархии» используется применительно к кавалерийским отрядам, идентичным, по-видимому, прежним илам. Реорганизация македонской конницы произошла, вероятно, только в 324 г. до н. э.[1], в Сузах, и преследовала не только (а возможно — не столько) военные, но и политичес-

[1] Зимой 325/324 г. до н. э.

Александр Македонский.
Бронзовая статуэтка из Неаполя

кие цели. Именно тогда в число гетайров в массовом порядке были зачислены «конные бактрийцы, согды, арахоты, заранги, арии, парфяне, а из персов так называемые эваки». Вопрос о структуре конницы гетайров после этих преобразований остается дискуссионным. Несомненно, численность ее заметно возросла, а состав стал смешанным, с растущим значением иранского элемента.

Помимо гетайров источники называют в составе македонской конницы «продромов» (греч. «передовые», «следующие впереди»). В походе на Восток участвовали 4 илы этих всадников; иногда в источниках с ними объединяется ила пеонов. Продромы в источниках также называются сариссофорами (т. е. вооруженными сариссой, длинным македонским копьем). Показательно, что данный термин употребляется исключительно в связи с этими всадниками. Хотя продромы иногда упоминаются, как сопровождающие царя при рекогносцировках, в бою они, судя по всему, действуют вместе с тяжелой конницей. Несмотря на свое название (переводимое так же, как «разведчики»[1]), в сражениях продромы всегда располагаются рядом с гетайрами: при Гранике, Иссе, Гавгамелах они на правом фланге. Позднее 329 г. до н. э. эта конница не упоминается, на основании чего высказывалось предположение, что они были инкорпорированы в число гетайров.



По словам одного из виднейших специалистов по истории эллинизма, сэра Вильяма Тарна, прогресс македонской тактики в сравнении с традиционным греческим военным делом заключался в комбинации родов войск и, главным образом, в массированном применении тяжелой конницы, действующей небольшими тактическими единицами, как ударные группы.

Главным наступательным оружием гетайров было копье (ксистон) с железным наконечником и кизиловым древком. Нижний торец древка копья закрывал вток, предохраняя его от разбивания. В отличие от боевых наконечников, втоки часто делались из бронзы. Арриан, впрочем, описывает ситуацию, когда один из гетайров Александра в безвыходной ситуации использовал вток вместо наконечника: «... у Александра сломалось копье; он попросил другое у Ареты <...>, но и у того в жаркой схватке копье сломалось, и он лихо дрался оставшейся половинкой» (I 15, 6; пер. М. Е. Сергеенко). Втоки, обнаруженные при раскопках в Вергине, имеют довольно внушительные размеры: длину порядка 500 мм при весе более 1 кг. Вероятно, такой вток выполнял и роль балансира.

Арриан подчеркивает превосходство вооруженных более длинным ксистоном македонян над персами, сражавшимися дротиком-пальтоном[2]. Впрочем, весной 335 г. до н. э., во Фракии, македонские всадники используют в бою дротики.

Вооружение продромов (сариссофоров) представляет известные трудности. Согласно античным источникам (Феофрасту и Асклепиодоту), длина македонской сариссы в период раннего эллинизма варьировалась в пределах 10–12 локтей

[1] Словарь Liddell-Scott (для словоупотребления Арриана и Диодора) дает значение «конные застрельщики» или «разведчики» (mounted skirmishers, guides).

[2] Показательно, что когда в 324 г. до н. э. персидские воины вошли в число гетайров, те из них, которые были включены в состав агемы, приняли на вооружение македонский ксистон, в отличие от остальных, сохранивших традиционное вооружение.

или 15–18 футов (около 4,5–5,4 м). Высказывалось даже предположение, что сариса первоначально была оружием македонской конницы: впервые будто бы его применили гетайры Филиппа II при Херонее (338 г. до н. э.), а пехота получила его только при Александре. Данная точка зрения, впрочем, неоднократно и справедливо критиковалась. Вообще вопрос о «кавалерийской сариссе» не решен окончательно, несмотря на то, что принципиальная возможность использования длинного копья античной конницей (т. е. при отсутствии жесткого седла с лукой и стремян) доказана экспериментально. Возможно, воин-сариссофор представлен в росписи из так называемой «Гробницы Кинча» близ Науссы (захоронения, открытого К. Кинчем в 1920 г.), датируемой несколько более поздним периодом.

Меч играл второстепенное значение. Как и греческие всадники, македоняне имели на вооружение и прямой обоюдоострый (ксифос), и однолезвийный изогнутый мечи, но в бою преимущественно пользовались копьем. Великолепные образцы мечей представлены находками в Вергине и Берое (Македония).

Защитное снаряжение гетайров состояло, по-видимому, из панциря и шлема. Изображения македонских всадников позволяют сделать вывод, что обычным типом доспеха был льняной панцирь с оплечьем и птеригами, а среди шлемов наиболее популярны были открытые типы, обеспечивающие хороший обзор. Самые известные памятники («Саркофаг Александра», мозаика из Дома Фавна в Помпеях) показывают всадников в шлемах так называемого беотийского типа. Известнейший экземпляр такого шлема был найден в р. Тигр и хранится в музее Эшмола в Оксфорде. Сохранились известняковые модели эллинистического времени, происходящие из Мемфиса, по которым такие шлемы выколачивались (ковались).

Название шлема восходит к античной традиции. Впервые он упомянут у Ксенофонта, описание которого носит довольно общий характер, однако отмечает важную характеристику шлема — хороший обзор. На этом основании как «беотийский» был идентифицирован шлем, многократно встречающийся на беотийских надгробиях IV–III вв. до н. э. и на монетах, причем на фессалийских монетах с первой четверти IV в. до н. э. Возможно, этот шлем, получивший впоследствии широкое распространение, появился первоначально в Фессалии и Беотии, откуда и происходит его название.

Показательно то, что у продолжавших использоваться в это время шлемов ранних типов (например, халкидского) зачастую срезался или укорачивался наносник. Подобные переделки шлемов хорошо прослеживаются на памятниках,

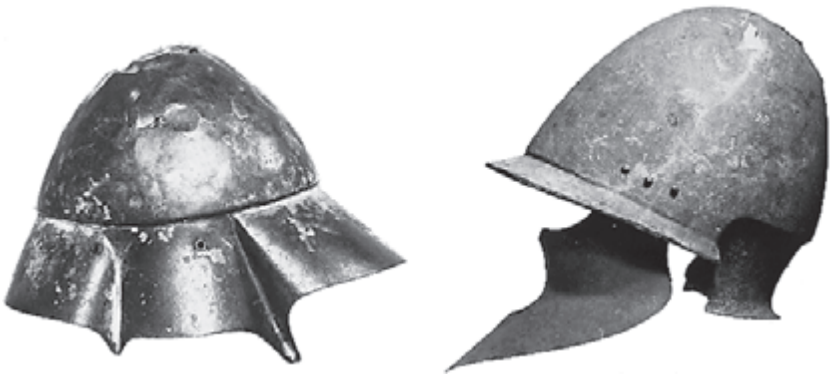
Рельеф «Саркофага Александра» из Сидона. Стамбул, Археологический музей

происходящих из Северного Причерноморья[1]. Два экземпляра шлемов (первой пол. IV в. до н. э.), подвергшихся в древности аналогичной переделке были обнаружены в Олонештском кладе (Молдавия), предметы из которого исследователи связывают с македонским производством. Не меньшей популярностью должны были пользоваться и другие формы, в частности так называемый фракийский тип.

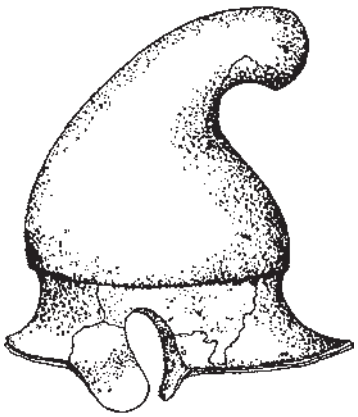
Среди находок оружия в царском захоронении в Вергине (так называемая «Гробница Филиппа») представлен уникальный железный шлем. Обычно шлемы изготавливались из бронзового листа путем горячей ковки на твердой форме-основе. Шлемы могли украшаться султанами из конского волоса, некоторые артефакты сохранили следы позолоты. Изображения венков на шлемах македонских всадников (несомненно — офицеров высокого ранга) следует, возможно, связать со свидетельством Арриана (VII, 5, 4) о награждении Александром отличившихся офицеров — Леонната, Певкеста, Гефестиона и др. — золотыми венками. Не исключено, что подобные знаки отличия (награды) могли носиться и в бою[1].

[1] Причины переделок великолепно прослежены на «скифском» материале в статье Н. И. Сударева. (К вопросу об античных шлемах, подвергшихся переделке // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990. С. 99–109.)

[1] Однако данное объяснение подобных изображений предположительно. Наряду с использованием венков как наград (например, в посвященных божествам агонах — атлетических или мусических состязаниях) известно их применение в культовых целях — как посвящений, атрибутов культа, элемента погребального инвентаря. Традицией зафиксированы по меньшей мере два случая выступления войска в венках, одетых поверх шлемов: воины Филиппа II в лавровых венках на Крокусовом поле в 352 г. до н. э. и воины Пирра Эпирского в 287 г. до н. э. в венках из дубовых ветвей. В обоих случаях прагматическая мотивация была инспирирована религиозными соображениями. В этом свете высказанное в литературе предложение усматривать в венках на шлемах македонян знаки должностных различий представляется, по меньшей мере, нелепым.



«Беотийский» и «фракийский» шлемы. Бронза



Шлем из Олонештского клада. По Г.П. Сергееву

Втоки копья из Вергины. Фессалоники, Археологический музей. Прорисовка по П. Коннолли

По иконографическим и письменным источникам можно представить и македонский костюм последней трети IV в. до н. э. Среди его характерных элементов источники упоминают плащ (хламиду), сандалии (крепиды) и каусию, головной убор особой формы, отождествляемый некоторыми современными исследователями с афганской «chitrali»[1]. Вопрос о связи между этими формами головных уборов и направлении заимствования остается дискуссионным; согласно одной из точек зрения, каусия была принесена в Средиземноморье ветеранами индийского похода Александра Великого. Вместе с тем источники свидетельствуют, что уже Александр носил каусию с диадемой в качестве царской регалии, а позднейшая иконография (в частности, многочисленные монетные типы) показывает, что этот элемент царского облачения был воспринят и эллинистическими правителями. Царская каусия могла быть пурпурной или белой.

На изображениях македонские конные воины нередко представлены в плащах и рукавных хитонах, характерной одежде севера Балканского полуострова. По словам немецкого исследователя Ф. фон Греве, она была распространена у народов-всадников Северной Греции (возможно, и фессалийцев). В рукавных хитонах изображены даже отдельные всадники на северном фризе Парфенона, очевидно, подражающие в костюме фессалийцам или варварам[2]. Судя по изображениям, рукавный хитон одевался поверх простого. Македонский плащ кроился в форме радиально усеченного сектора и носился застегнутым на правом плече. Нижний край плаща на изображениях показан отороченным широкой цветной каймой.

[1] Традиционная шерстяная шапка с блинообразной плоской тульей и широким валиком, кроящаяся из двух кусков свалянной вручную шерсти; широко распространена среди жителей горных районов Афганистана, Пакистана и Нуристана. Подробнее см.: B. M. Kingsley. The Cap that survived Alexander // AJA 85. 1, (1981). P. 39–45.

[2] На северное происхождение данной моды указывают фракийские шапки этих всадников.

Щиты, судя по данным традиции и иконографическим источникам, не применялись македонскими всадниками. Так, согласно описанию одного из боев во Фракии в 335 г. до н. э., гетайры Александра, атакуя обороняемый неприятелем холм, спешились и вооружились щитами. Античные авторы специально оговаривают наличие щитов у димахов («двоеборцев»)[1], преследовавших Дария в Мидии весной 330 г. до н. э. Здесь не стоит усматривать какой-то новый род войск: димахи в войске Александра упомянуты в связи с конкретными тактическими задачами и не являлись постоянным самостоятельным подразделением. По существу, эти воины, на манер драгун XVII в., были «ездящей пехотой», т. е. сражались в пешем строю, используя коней только для передвижения. Так, около восьмисот пехотинцев были посажены на коней во время движения армии к р. Инд по территории современного Пенджаба; источник специально подчеркивает, что воинам были оставлены щиты. Применение Александром димахов не было принципиальным тактическим нововведением. Такой (или сходный) способ передвижения пехоты, с целью увеличе-

[1] Димахами их называет только Курций (V, 13, 8), подчеркивая, однако, что сражались они в пешем строю. Арриан (III, 21, 7) пишет просто о посаженных верхом воинах с обычным пехотным вооружением.

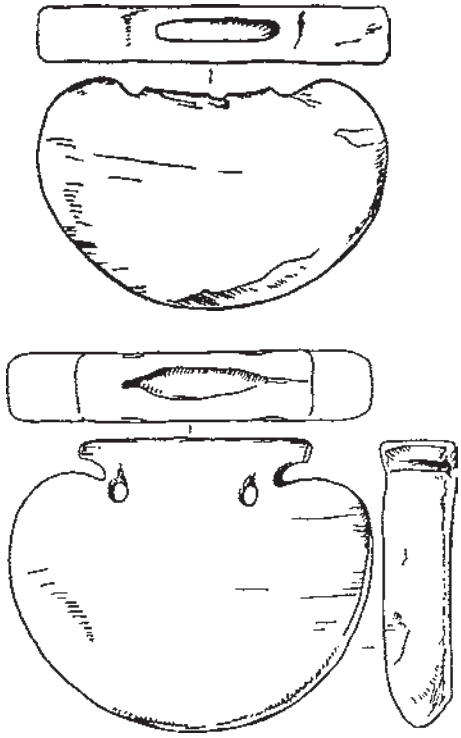
Александр Македонский.
Фрагмент мозаики из Дома Фавна

ния скорости и мобильности, применяли еще ассирийцы. «Верховые гоплиты», как представляется, существовали и в архаической Греции. Впрочем, в последнем случае речь идет не столько о решении тактических задач, но, в первую очередь, о престиже воинов-аристократов.

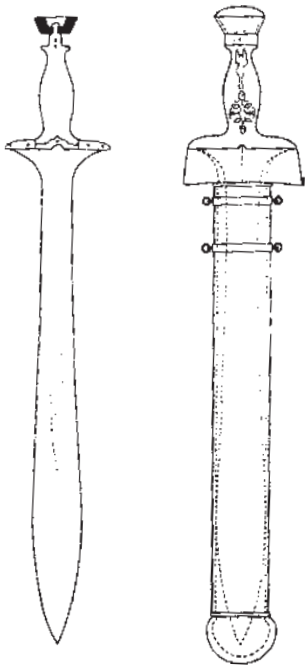
Конское снаряжение, известное по иконографическим памятником и артефактам, состояло из оголовья, узды с трензелями и псалиями (на изображениях часто показаны псалии S-образной формы) и чепрака (возможно — седла-подушки), фиксируемого подпругой и нагрудным и подхвостным ремнями. Ремни сбруи украшались фаларами, которые могли быть позолочены. По сообщению Юстина (XII, 7, 5), накануне похода в Индию металлические детали конской сбруи было приказано посеребрить. По изображениям, в частности — по мозаике из Дома Фавна, известны конские налобники (prometopedia); их упоминает Ксенофонт (XII, 8) наряду с нагрудниками (prosteridia) как элементы конского защитного снаряжения. Несмотря на то, что собственно македонские конские налобники, по-видимому, неизвестны, есть основания предполагать их использование в армиях Филиппа и Александра.

На аутентичных изображениях показаны чепраки, вероятно, из войлока, иногда — иранского типа, с фестончатым краем. С известной долей вероятности можно допустить, что македонские всадники использовали в качестве попон звериные шкуры, также встречающиеся на изображениях (мозаика из Дома Фавна, роспись «Гробницы Кинча»). Один рельеф эллинистического времени (Афины, Национальный музей) позволяет представить крой подобной попоны. Трудно сказать, насколько эта практика была распространена, однако такое использование шкур хищных животных, в частности, пантер — объекта охоты знати — засвидетельствовано традицией.

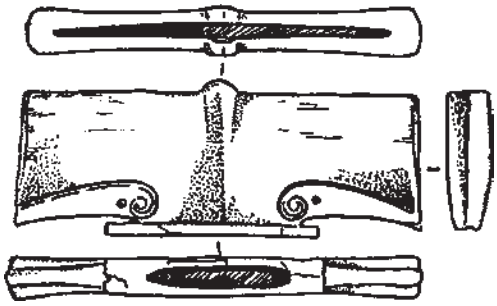
Источники почти не сохранили сведений о ремонте конского состава в условиях похода. Известно, например, что македоняне восполнили потери местными конями в Бактрии и Согдиане. Показательно, что в 330 г. до н. э., когда союзники-фессалийцы вместе с другими союзными контингентами были отпущены на родину, они оста-



Костяные бутероли ножен. Тахти-Сангин. По Б. А. Литвинскому



Меч из Берои. Македония. По Э. Кюнцлю



Костяное устье ножен меча. Тахти-Сангин. По Б. А. Литвинскому

вили своих коней македонянам. Очевидно, проблема пополнения верховых коней, погибавших и выходивших из строя в тяжелых условиях похода, стояла довольно остро.

Союзный фессалийский контингент, состоявший в 334 г. до н. э. из примерно полутора тысяч всадников, был наряду с гетайрами важной составляющей македонской конницы. В боевом построении армии Александра фессалийцам отводился левый фланг.

Греческий писатель II в. до н. э. Полибий отмечал несокрушимость фессалийской конницы в строю (Polyb. IV 8, 10); фессалийские всадники пользовались заслуженной славой и задолго до этого. Самое раннее упоминание о выдающихся боевых качествах фессалийской конницы относится к концу VIII в. до н. э. и связано с событиями Лелантской войны. Можно вспомнить и битву при Фалере (511 г. до н. э.), когда Киней из Кония с 1000 фессалийских всадников разгромил спартанцев Анхимолия. Ко времени возвышения Македонии фессалийская конница была сильнейшей в Греции; Ясон Ферский, например, располагал, если верить Ксенофонту (Hell., VI 1, 19), свыше 8000 (!) всадников. По мнению одного из исследователей, именно Ясоном Ферским было введено в середине 70-х гг. IV в. до н. э. ромбовидное построение, описанное античными авторами (Элианом и Аррианом) как специфичное для фессалийской конницы. После падения ферской тирании Фессалия оказывается в сфере македонской политики; в сражении при Херонее (338 г. до н. э.) фессалийская конница участвует на стороне македонян.

Фессалия была тесно связана с Македонией еще со второй пол. 40-х гг. до н. э., т. е. до Коринфского конгресса и создания панэллинской лиги. Фессалийская конница, по-видимому, уже тогда была включена в македонскую армию. Фессалийцы были связаны с Филиппом (а затем и с Александром) личной унией; за утверждением македонского царя в Фессалии последовало его избрание фессалийским тагом, главой федерации фессалийских общин. К началу 30-х гг. фессалийцы — верные союзники Филиппа (а позднее — его сына). Не случайно, когда Александр добивался от греческих государств признания его гегемоном Коринфской лиги, именно фессалийцы первыми признали его. Как писал известный австрийский историк Ф. Шахермайр, фессалийцы (в отличие от греков-союзников) «воспринимали Александра не как навязанного им гегемона Коринфского союза, а как фессалийского воеводу».

Фессалийская конница проявила выдающиеся боевые качества во всех крупных сражениях Александра, вплоть до 330 г. до н. э., когда в Экбатанах царь распустил союзные контингенты.

Махайра

О вооружении и снаряжении фессалийской конницы приходится судить по косвенным источникам. На фессалийских надгробиях умерший как правило представлен без защитного вооружения, в плаще и петасе, с двумя копьями. Из этого, впрочем, не следует, что всадники в Фессалии не использовали защитного снаряжения.

Умерший на надгробии может быть изображен в охотничьем костюме (охота на севере Балканского полуострова была тесно связана с заупокойной символикой). Роль конницы в фессалийском войске, характер ее состава, наконец, тактика — все это обусловливает необходимость применения доспеха. Отдельные изображения конных воинов в панцирях и шлемах позволяют представить облик фессалийского всадника середины — второй половины IV в. до н. э. Отметим, что изображения щитов на фессалийских надгробиях неизвестны.

Облаченные в шлемы и панцири, вооруженные копьями-ксистонами фессалийские всадники были лучшей тяжелой конницей Эллады. Фессалийская конница, как и гетайры, подразделялась на илы, численность которых, вероятно, была сопоставима с македонскими; лучшей и наиболее многочисленной источники называют илу Фарсала.

Помимо тяжелой конницы (македонских гетайров и фессалийцев) в войске Александра уже на начало восточного похода упоминаются отряды легкой и средней конницы из числа союзных или подвластных македонскому царю племен и государств, в том числе некоторое число греческих всадников. С самого начала часть греческой конницы состояла из наемников; во время похода армия Александра несколько раз пополнялась отрядами наемных всадников-греков. Основу легкой конницы Александра в 334 г. до н. э. составляли фракийцы. Отряды всадников и пельтастов, предоставленные вассальными фракийскими князьями, или рекрутируемые в областях, присоединенных к Македонии, занимали в войске положение, очевидно, отличное от наемников

Бронзовый фракийский шлем из Брястовца. София, Археологический музей

Бронзовая статуэтка всадника. Фракия. София, Археологический музей

и союзников. Александр получал подкрепления из Фракии в 331 и 326 гг. до н.э. Фракийская конница, вероятно, не была отправлена на родину с другими, союзными, контингентами в 330 г., но осталась под началом Агафона.

Как и пеоны, всадники фракийцы в армии Александра выполняли функцию конных застрельщиков, отряжались для разведки. Фракийская (одрисская) конница при Гранике и Гавгамелах сражалась на левом фланге. При Иссе эти фракийцы не упомянуты, однако фракийская пехота Ситалка, совместно с которой они выступают при Гавгамелах, также сражались слева.

Статус фракийцев был отличен от союзников: они выступали скорее, как вассалы или подданные македонского царя. Вооружение фракийских всадников, по-видимому, было традиционным для балканской легкой конницы и состояло из метательных копий или дротиков. Вероятно, фракийские всадники в массе не носили панцирей и другого защитного снаряжения. Однако во главе фракийских отрядов наряду с македонскими ко-

мандирами упоминаются и представители фракийской знати, несомненно, экипированные значительно лучше простых воинов.

Во Фракии существовали самобытные и давние традиции изготовления оружия и доспехов. Хотя эллинская цивилизация оказывала заметное влияние на фракийские племена, особенно Южной Фракии, в некоторых аспектах военного дела и вооружения фракийцы превосходили греков. Раскопки на территории современной Болгарии дали немало замечательных памятников, обнаруживающий высокий уровень развития ремесла и мастерство фракийских оружейников. Поножи, панцири, шлемы, обнаруженные в захоронениях знати, часто греческого производства или выполнены под греческим влиянием (например, поножи местной работы из Аджигёла и Врацы, воспроизводящие характерную для греческих кнемид орнаментику), но некоторые формы, воспринятые греками, в свою очередь, напротив, имели фракийское происхождение. К таковым относится, например, так называемый «фракийский» шлем, получивший распространение около второй четверти V в. до н.э. Давние и прочные контакты фракийцев со скифами также отразились на вооружении. Не вызывает сомнений, что фракийские князья и представители знати, стоявшие во главе одрисской и другой фракийской конницы, имели первоклассное вооружение, не уступающее греко-македонскому.

Впоследствии количество легкой конницы, главным образом варварской, значительно возрастает. Актуальность включения в войско конных соединений из числа бывших подданных персидского царя диктовалась изменением характера боевых действий по мере проникновения македонян в глубины Азии. В составе легкой конницы появляются гиппаконтисты (конные дротикометатели), гиппотоксоты (конные стрелки), комплектуемые из местных контингентов. Практика привлечения восточных всадников, наряду с военно-техническим, имела и важный политический аспект. Александр, создавая мировую империю, стремился к синкретизму восточной и эллино-македонской составляющих во всех сферах: политике, культуре, религии. Организация войска, задуманная великим завоевателем в конце жизни, создание «антитагмы» (войска, укомплектованного воинами из народов покоренной Персидской державы, главным образом — иранцами) в противовес македонской национальной армии, свидетельствуют о продуманной политике, предполагавшей постепенную амальгаму, сращение греко-македонского и иранского элементов в единое целое. В какой-то степени идея создания объединенной, полиэтнической конницы в масштабе отдельных царств была воплощена некоторыми из наследников Александра.

Цветная вкладка *(стр. 6, 7)*

Представленные реконструкции македонского и фессалийского всадников IV в. до н. э. выполнены на основании иконографических и археологических источников.

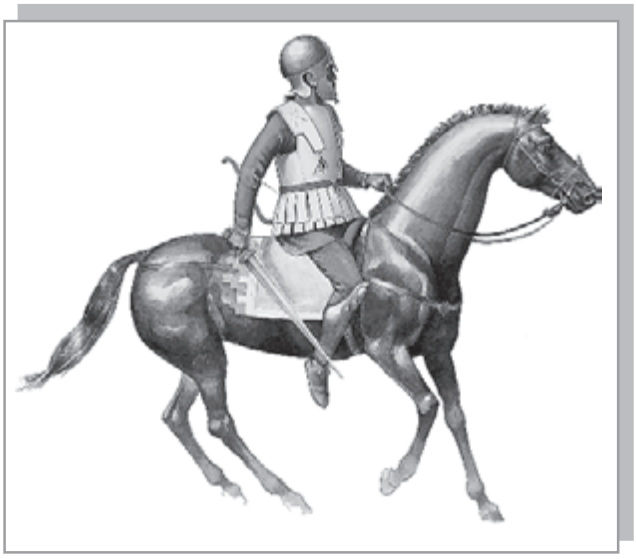
Конный воин Боспорского царства

IV в. до н. э.

Боспорское царство, которое образовалось из многочисленных греческих колоний по обоим берегам Боспора Киммерийского (современного Керченского пролива), являлось уникальным явлением в греческом мире. С самого первого появления на северном берегу Понта Евксинского (Черного моря) в VII в. до н. э. греческие колонисты жили в тесном контакте с местными варварами. Торговля и смешанные браки чередовались с жестокими битвами. Опасность нападения скифских племен заставила греков Боспора в 480 г. до н. э. объединиться под властью рода Археанактидов. В 438 г. до н. э. власть захватил Спарток I, положивший начало династии Спартокидов, правившей царством более трехсот лет. Скорее всего основатель новой династии происходил из царского фракийского рода и появился в Крыму, командуя отрядом наемников. В результате, во главе греческого государства почти с самого начала его образования стал варварский правитель. Это обусловило значительную толерантность местных жителей к негреческим вещам и обычаям.

Являясь своеобразным форпостом эллинской культуры на краю бескрайней дикой степи, Боспорское государство вынуждено было постоянно отражать набеги новых и новых кочевников. Часто это удавалось сделать без применения воинской силы — династические браки и богатые подношения становились эффективнее оружия. Однако контроль над степными территориями Крыма, борьба с покоренными меотскими племенами Прикубанья и Придонья, не говоря уже об отражения внешней угрозы, были невозможны без эффективного конного войска.

Письменные источники демонстрируют, что конница играла большую роль в армии Боспорского государства, начиная с IV в. до н. э. и до самого окончания его существования. В период основания греческих городов и во время господства династии Археанактидов военные формирования колонистов состояли скорее всего из пехоты. Настоящих тяжеловооруженных греческих гоплитов



здесь не было или почти не было. Колонисты должны были быстро освоить навыки легковооруженных воинов для того, чтобы как-то противостоять варварским нападениям. Вероятно, в это время в войске присутствовал отдельные конники, но они не играли существенной роли. Об этом, пожалуй, свидетельствует и слабое развитие сельской территории Боспора на открытом внешним нападениям Керченском полуострове, в отличие от распространения сельских поселений на прикрытой протоками Кубани азиатской стороне пролива (по греческим понятиям, граница между Европой и Азией проходила по Керченскому проливу).

Появление конных воинов на боспорской службе маркируется возникновением вблизи от греческих поселений огромным курганных некрополей. До сих пор высокие курганы окружают подступы к греческим поселениям. Представляется верным, что на территории, прилежащей к античным полисам, могли строить гробницы только те варварские вожди, которые были связаны с греками тесными союзническими узами. Естественно, что верхушка боспорской аристократии находилась в постоянном контакте с варварскими вождями и,

вероятно, составляла небольшую по численности собственно конницу Боспора. В силу возникших родовых связей вооружение и тактика союзной варварской и собственно боспорской конницы были весьма сходны, причем с опорой на первую. Именно этим объясняются существенные трудности, возникающие при попытке разделить курганные захоронения на греческие и варварские. Обычно исследователи говорят о более или менее эллинизированном обряде захоронения, но редко рискуют делать окончательный вывод. Захоронения с оружием, в целом не принятые в V—IV вв. в самой Греции, продолжались на Боспоре на протяжении всего античного периода. Их количество в грунтовых некрополях особенно усиливается с середины V в. до н. э., когда боспорским грекам пришлось отражать первый серьезный натиск скифских племен. Такая ситуация, без сомнения, свидетельствует о серьезном варварском влиянии на культуру боспорских греков, во всяком случае, их верхушки, что, конечно же, сказалось и на воинском искусстве.

Кратко очертим войны Боспорского царства в течение IV в. до н. э., в которых, без сомнения, конница принимала самое активное участие. Придя к власти около 433 г. до н. э., царь Сатир I ближе к концу столетия начинает активное наступление на всех сопредельных территориях. Его войска осаждают Феодосию, он присоединяет к царству близлежащий город Нимфей, вмешивается во внутренние дела царства Синдов, лежащего к югу от реки Кубань. Однако под Феодосией войска царя надолго засели в осаде, а в Синдике дела сложились еще плачевней. Желая выдать свою дочь за синдского царя Гекатея, Сатир предложил ему убить свою супругу — меотянку Тиргатао. Однако Гекатей не убил жену, а только заточил ее в одном из поселений своего царства. Тиргатао бежала и во главе воинственных меотов начала опустошать Синдику и прилежащие земли Боспорского царства. Попытка покончить с непокорной царицей при помощи наемных убийц не удалась. В результате войны Гекатей погиб, а государству Сатира был нанесен существенный урон. Положение было исправлено только при новом боспорском царе Левконе I, которому удалось подчинить Феодосию и умиротворить меотов. Скорее всего неудачная политика Сатира во многом объяснялось отсутствием в боспорском войске значительных масс конницы. Эту ошибку пришлось исправлять Левкону I и его преемнику Перисаду I. Им удалось не только удержать под своим контролем территорию царства, но и покорить несколько новых варварских племен.

Меч и ножны из кургана Толстая Могила. IV в. до н. э.

То, до какой степени изменилась роль конницы, мы можем наблюдать в 310—309 гг. до н. э., когда на берегу реки Фат (приток Кубани) сошлись в сражении войска претендентов на боспорский престол. После смерти Перисада I ему наследовал его старший сын Сатир II. Однако, средний сын покойного царя Евмел выступил против законного претендента. Младший из братьев Притан примкнул к Сатиру. В решающую битву братья вступили всместе со своими союзниками. На стороне законного претендента выступили скифы, 10 тысяч человек из которых составляли конники. Кроме того присутствовало более 20 тысяч человек скифской пехоты. Евмел привел с собой племя сираков из 20 тысяч конницы и 22 тысяч пехоты, которое возглавил царь Арифарн. Последний и возглавил мятежное войско. Сам Евмел находился на правом фланге, командуя греческими наемниками. В боспорском войске греческая наемная пехота находилась под командованием Мениска. Сатир стоял во главе конницы командуя, по словам греческого историка Диодора, «отборными воинами». Видимо, эта лучшая конница состояла представителей боспорской аристократии (во всяком случае — по преимуществу). Именно удар этой группы обратил в бегство конницу царя Арифарна и позволил Сатиру выиграть трудную битву. Увидев, что его пехота находится в трудном положении, боспорский правитель прекратил преследование и вернулся на помощь Мениску. Одержав победу в полевом сражении, Сатир осадил

остатки вражеского войска в ближайшей крепости (видимо, чрезвычайно простого устройства). Во время осады он был смертельно ранен, а боспорский престол достался Евмелу, сумевшему сломить сопротивление Притана. Как видно из описания битвы, боспорские владыки в конце IV в. до н. э. уверенно командуют большими массами конницы, порой лично возглавляя конные атаки. Таким образом, к этому времени слияние традиций греческой и варварской конницы боспорского царства окончательно оформилось.

Особенности вооружения этого гибрида греческой и варварской конницы мы можем наблюдать на примере оружия, найденного в курганных захоронениях Боспорского царства. К сожалению, обломки оружия не всегда были собраны или зарисованы должным образом, но на основе раскопок XIX — начала XX веков можно составить впечатление о том, как выглядели лучшие представители боспорской конной элиты. Наиболее показателен комплекс вооружения в кургане на земле мирзы Кекуватского, открытом Антоном Ашиком в 1839 г. Материалы именно этого захоронения использованы в реконструкции. Здесь у ног скелета находился шлем аттического типа (с подвижными нащечниками) и пара рельефных поножей. Поседние отличаются прекрасной работой, рельеф на них имитирует мышцы воина. По краю поножей сохранился ряд мелких отверстий для крепления прилегавшей к ноге всадника подкладки. Отсутствие нагрудного доспеха не должно нас удивлять. Скорее всего, всадник был одет в панцирь греческого типа с птеригами (прикрытием бедер в виде свисающих полосок ткани), сделанный из органического вещества. Конечно, в качестве материала можно предполагать кожу, но это вполне мог быть и лен, доспех из которого, по свидетельству античных авторов, мог не уступать металлическому. Снаружи такой панцирь часто расписывался красками. Рядом с деталями оборонительного вооружения находился меч с обложенный золотом рукояткой и точильный камень, видимо, находившиеся на кожаном поясе. Клинок меча распался, но можно уверенно восстановить его в виде вытянутого равнобедренного треугольника длиной 0,8—1 м, а возможно, и больше. Такой меч, в отличие от короткого скифского акинака раннего времени, вполне мог позволить рубить с коня пешего противника. В руках погребенного находились два пучка трехгранных стрел с бронзовыми позолоченными наконечниками, на некоторых из которых видны метки. Сохранились также части древок стрел. В комплект наступательного вооружения, без всяких сомнений, входил и лук, но он, как и горит, заимствованный боспорской конницей у скифского окружения, не сохранился. В конском захоронении найдены бронзовые детали конской узды, сделанные в варварской манере. Скорее всего боспорские кавалеристы использовали для езды местных коней, которым сопутствовал уздечный набор варварского происхождения. В знаменитом кургане Куль-Оба, с открытия которого началась российская античная археология, к вооружению относятся только меч в ножнах, которому также сопутствует точильный камень, а также две обкладки горитов (одна в виде оленя). Последняя находка свидетельствует о том, что лук в обязательном порядке входил в набор вооружения знатного воина. Кроме того, неподалеку от костяка были найдены два длинных железных наконечника копья (последние — возле конского захоронения). Сходные находки происходят и из расположенного неподалеку кургана Патиниоти, названного так в честь командира

Рукоять меча из кургана на земле мирзы Кекуватского. IV в. до н. э.

Золотая обкладка горита со сценами из жизни Ахилла. Курган Чертомлык. IV в. до н. э.

флотилии, матросы которого разграбили захоронение. Здесь был обнаружен меч и несколько железных чешуек панциря, обтянутых золотом. Скорее всего, это части пластинчатого доспеха скифского типа. Кроме того было найдено несколько железных пластин, перевязанных бронзовой проволокой. По всей видимости, это фрагменты покрытия щита. Чрезвычайно интересен комплекс вооружения из кургана Ак-Бурун, расположенного на мысу в центральной части Керченского пролива. Греческие особенности конструкции этого погребения в виде черепичного перекрытия склепа отмечаются исследователями. Однако находки вооружения во многом соответствуют представлениям о варварском воине. Здесь найден клинок чрезвычайно длинного меча (более 1 м), остатки чешуйчатого доспеха, наконечник копья и дротиков, остатки многочисленных стрел. Шлем отсутствует, но его заменяет ажурная золотая тиара, вероятно, надевавшаяся на кожаную основу. Можно упомянуть также небольшое погребение у поселения Камыш-Бурун, где был найден колчан с бронзовыми наконечниками стрел, длинный меч и наконечник железного копья. Конечно, последнее погребение не может быть отнесено к высшему слою аристократии, а скорее принадлежало воину более низкого положения. В целом в качестве наступательного вооружения использовались железные копья и мечи с клинками в форме равнобедренного треугольника, часто весьма значительной длины. Кроме того, всадники были вооружены луками. Обращает на себя внимание комплексный характер наступательного вооружения. Здесь одновременно присутствует как оружие дистанционного боя (лук и дротики), так и копья, предназначенные для таранного удара конного кулака, и длинные мечи, приспособленные для сражения с пехотинцами. Таким образом, в отличие от конников Греции, их боспорские современники были, так сказать, специалистами широкого профиля. В качестве оборонительного вооружения использовались греческие шлемы, иногда переделанные (со срезанной нижней частью, вместо которой крепилась кожаная бармица) панцири, как греческого типа, так и чешуйчатые, порой усиленные нагрудниками. Редко использовались щиты. Нижнюю часть ноги прикрывали поножи. Под доспехи на ноги, вероятно, надевались штаны и мягкие сапожки, хотя не исключено, что боспорские аристократы сражались по греческому обычаю с голыми ногами.

Комбинация греческой и варварской традиции в тактике и вооружении позволила коннице Боспорского царства долгое время оставаться мощной силой по поддержанию порядка на покоренных территориях, а также отражать внешние удары кочевников. Следует помнить, что значительное число варварских воинов постоянно находилось в союзе с боспорскими греками, а в случае опасности выступали в поход вместе с царским войском.

Цветная вкладка *(стр. 8)*

Представлена реконструкция конного воина Боспорского царства (IV в. до н. э.), базирующаяся на находках из кургана на земле мирзы Кекуватского.

Конница эпохи эллинизма

III–II вв. до н. э.

После смерти Александра Великого в июне 323 г. до н. э. созданная им держава погрузилась в пучину глубочайшего кризиса. Задуманное Александром величественное здание мировой монархии, объединившей бы эллинский, греко-македонский мир и Восток, оказалось миражом. Главными противниками осуществления грандиозных замыслов выступили прежде всего сами македоняне и греки. Едва получив известие о кончине царя, восстали поселенные на восточных рубежах державы, в Бактрии и Согдиане, греки-колонисты. В Греции начинается масштабное антимакедонское движение, получившее название Ламийской войны (323–322 гг. до н. э.). В самом сердце огромного государства, в Вавилоне, завязывается ожесточенная борьба за власть между ближайшими сподвижниками царя (диадохами, «наследниками»), приведшая в течение нескольких лет к образованию на обломках созданной Александром империи ряда самостоятельных монархий, во главе которых встали вчерашние македонские военачальники: Антигон, Птолемей, Лисимах, Селевк. Другие, менее удачливые, должны были уступить или погибли в жестокой междоусобице.

Смерть Александра открывает новую эпоху античной истории — период эллинизма, верхняя хронологическая граница которого (очень условно) определяется римским завоеванием. История эллинизма представляет череду беспрерывных войн — сначала между диадохами, оспаривавшими наследие Александра Великого, затем между их потомками, стремившимися к новым территориальным приобретениям, к утверждению собственного первенства, укреплению могущества. В конце III в. до н. э. начинается противостояние эллинистических держав и Рима. Наряду с крупнейшими державами (Селевкидским царством, Египтом Птолемеев, Македонией Антигонидов) в этой борьбе принимали участие более мелкие государственные образования, управляемые царями и династами, нередко зависимыми от могущественных владык.

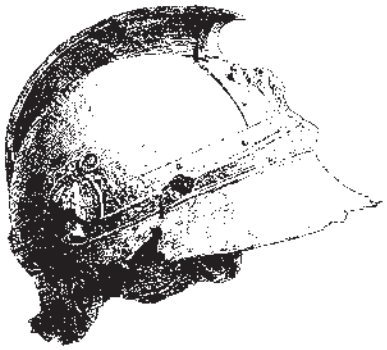
Несмотря на своеобразие и особый колорит, присущие каждому из эллинистических государств, все они были основаны на праве завоевания. Во главе их стояли македонские династии[1], родоначальники которых, диадохи, достигли царской власти собственной доблестью, проявленной на полях сражений. Право царствовать легитимировалось силой и доблестью, предоставлялось победоносному предводителю войском; порой это право переходило от неудачливого полководца к удачливому. Войско же гарантировало повиновение многочисленных подданных. Сама идея власти в глазах армии была неразрывно связана с харизмой вождя. По меткому определению Э. Бикермана, «власть, созданная победой, может исчезнуть в случае поражения». Этим определялась забота эллинистических монархов о соответствии собственному статусу. Характерно, что цари лично принимали участие в боевых действиях, а зачастую сами предводительствовали войсками, выступая, как правило, именно во главе конницы. Парадигматической моделью такого поведения,

[1] Характерно также существование государств с иранскими правящими династиями, претендовавшими на правопреемство власти от Ахеменидов. Таково, например, Понтийское царство, достигшее могущества в период позднего эллинизма.

несомненно, был сам Александр. Не случайно древние историки искали и находили сходство в поступках, даже во внешности некоторых выдающихся эллинистических царей и полководцев с Александром Великим.

Деметрий Полиоркет в битве при Ипсе (летом 301 г. до н. э.) сражался во главе конницы своего отца и соправителя, Антигона Одноглазого. Царь молоссов Пирр, в юности принявший участие в этом бою, впоследствии не раз бесстрашно сражался впереди своих войск. Десять из четырнадцати царей, сменившихся на селевкидском престоле до 129 г. до н. э., встретили свою смерть на поле боя или в походе. Антиох III не раз лично вел в бой своих всадников; даже в преклонных летах он возглавил атаку конницы при Магнесии. Один из ярких эпизодов войн диадохов, сражение, произошедшее в Каппадокии в 321 г. до н. э между войсками недавних соратников, Кратера и Неоптолема, с одной стороны, и Эвмена из Кардии с другой, дает пример единоборства военачальников. Исполненное драматизма описание этого события сохранилось у Плутарха: «Кратер не посрамил славы Александра — многих противников он уложил на месте, многих обратил в бегство. Наконец его поразил какой-то вынырнувший сбоку фракиец, и он соскользнул в коня. <...> В это время Неоптолем встретился в бою с Эвменом <...> с криком обнажив мечи, ринулись один другому навстречу. Когда их кони сшиблись со страшной силой, словно триеры, оба выпустили из рук поводья и, вцепившись друг в друга, стали стаскивать с противника шлем и ломать панцирь на плечах. Во время этой драки кони выскользнули из-под своих седоков и умчались, а всадники, упав на землю, лежа продолжали яростную борьбу» (пер. Л. А. Фрейберг).

Несмотря на все отличия и локальные особенности, прототипом всех эллинистических армий было войско Александра Великого. Конечно, зачастую следование этой парадигме выражалось только в копировании внешних атрибутов (например, в сохранении названий подразделений), но это показательно. В войсках эллинистических монархов непременно присутствует конница «гетайров», конная гвардия именуется, как и у Александра, «агема», а царя сопровождает «царская ила».

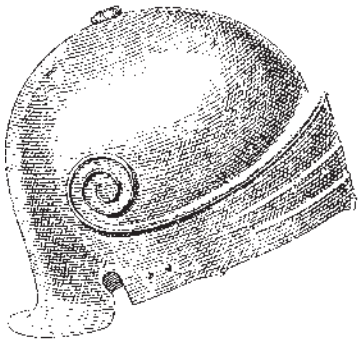


Бронзовый эллинистический шлем. III—II вв. до н. э. Париж, Лувр. По Б. Шрёдеру

В походах Александра, успех которых в значительной степени зависел от мобильности, скорости войск, конница играла очень существенную роль. По сравнению с его войском, в эллинистических армиях меняется соотношение конницы и пехоты,

Форма-основа для выколотки шлема. Египет, конец IV — начало III вв. до н. э. Амстердам, Аллард Пьерсон Музеум

Форма-основа для выколотки шлема. Египет, III в. до н. э. Париж, Лувр

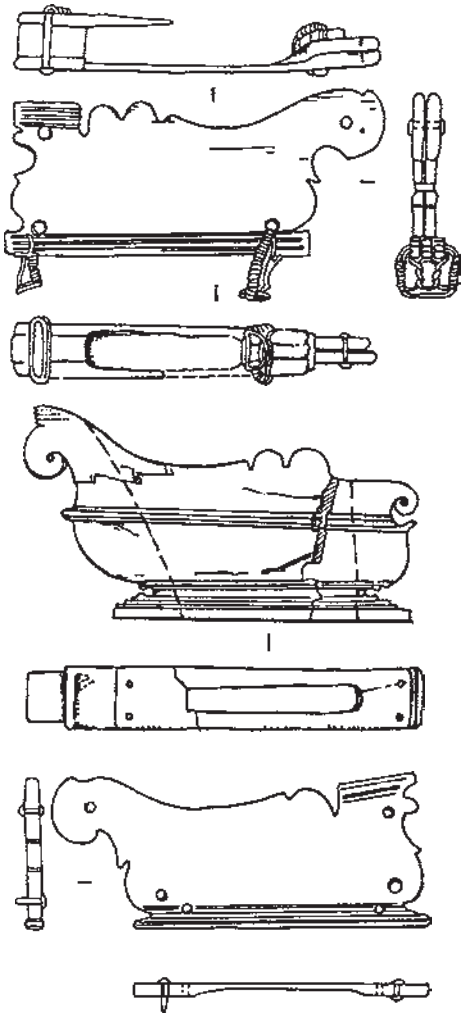


Бронзовый шлем из Пергама. II в. до н. э. Берлин, Государственные музеи. По Б. Шрёдеру

значение последней вновь возрастает. Однако это не означает, что конница сдает свои позиции. Напротив, в крупных сражениях именно маневры конницы, действующей при поддержке легкой пехоты на флангах, задают динамику боя, в то время как массивная, неповоротливая фаланга тяжеловооруженных пехотинцев составляет основу боевого порядка. Отряды всадников способны действовать и самостоятельно. Возрастает число специализированных конных подразделений — лучников, аконтистов (дротикометателей), тяжелой конницы. Численность конницы подчас весьма значительна — так, Селевкиды могли выставить более 12 000 всадников.

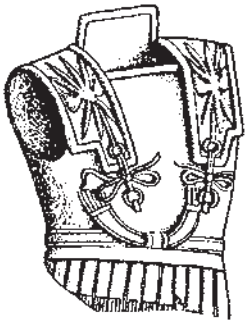
Уже при диадохах значительную часть конницы эллинистических армий составляли местные контингенты. Эвмен из Кардии громил своих противников, располагая каппадокийскими всадниками. Малоазийская конница, всегда имевшая отличную репутацию, входила в состав армий многих эллинистических правителей. Сильнейшей, несомненно, была конница Селевкидов, привлекавших в большом количестве восточных всадников: в источниках упоминаются соединения конных стрелков — даев, мисян, элимеев.

Тем не менее, как и в фаланге, традиционно ценились воины-македоняне. Это были потомки ветеранов Александра и его полководцев, но также и македоняне-наемники. Исследователи отмечают,



Костяные устья махайр из Тахти-Сангин. По Б.А. Литвинскому

Шлем с маской, панцирь и ламинарные наручи. Прорисовка рельефа пергамского фриза храма Афины Никефоры. По Г. Расселу Робинсону



Конская маска и нагрудник с пергамского рельефа храма Афины Никефоры. По Г. Расселу Робинсону

что сам этникон, возможно, приобретал порой нарицательное значение. Военные поселения, основанные еще при Александре и выводившиеся впоследствии многими эллинистическими монархами, также являлись источниками набора войск. Среди воинов-колонистов были и всадники, как, например, жители фессалийской колонии Ларисcы (северная Сирия). Всадники-македоняне и фессалийцы, возможно, комплектовали агему Селевкидов (отборное конное войско, прямо названное в источниках «агемой македонян»), хотя при Магнесии в 190 г. до н. э. она состояла из сирийцев, лидян и фригийцев. Довольно многочисленные конные отряды формировались из галатов, причем среди них упоминаются галаты-катафрактарии.

Катафрактариев, тяжеловооруженных всадников на конях, полностью или частично защищенных доспехами, впервые упоминает греческий писатель II в. до н. э. Полибий. В состав селевкидской кавалерии входили значительные по численности соединения этих всадников: в битве при Магнесии участвовало около 6000 катафрактариев.

С катафрактной конницей часто связывают предметы вооружения, изображенные на фризе храма Афины Никефоры в Пергаме, среди которых узнаются элементы конского снаряжения — нагрудник, отороченный понизу птеригами, и прометопедион с плюмажем. Среди других предметов защитного снаряжения (шлемов, тораксов, поножей) представлены шлем с антропоморфной маской-личиной и ламинарные наручи[1]. Не исключено, что аналогичное снаряжение использовали эллинистические катафрактарии, хотя нет, к сожалению, ни находок подобных доспехов, ни аутентичных изображений тяжеловооруженных конных воинов.

Корпусной доспех III—II вв. до н. э. представлен как льняными панцирями, так и тораксами (кирасами). В эллинистическое время получают распространение доспехи из железа. Известны упоминания железных предметов защитного снаряжения в источниках (например, кирасы, поднесенные Деметрию Полиоркету) и редкие находки подлинных железных шлемов и кирас.

Рукоять махайры в виде протомы грифона. Кость. Тахти-Сангин. По Б. А. Литвинскому

Шлем. Рельеф из Эфеса. III—II вв. до н. э.

Эллинистические монархи заботились о качестве конского состава. Страбон сообщает о селевкидских конных заводах в Апамее, где содержались 300 жеребцов и 30 000 кобылиц; там же упоминаются «объездчики лошадей, люди, обучавшие обращению с тяжелым оружием и все оплачиваемые учителя военного дела». Громкой славой пользовались нисейские кони, доставлявшиеся из Нисы (Маргиана).

О возросшем значении конницы свидетельствуют многие факты. Активное использование боевых слонов в армиях Птолемеев, Селевкидов, властителей менее значительных государств также отражает усиление конницы: боевые слоны наиболее эффективно применялись именно для противодействия неприятельским всадникам. Интерес к различным аспектам использования этого рода войск демонстрируют военно-теоретические сочинения, создававшиеся в это время.

В дошедших до нас трактатах по военному делу («Теоретическая тактика» Элиана, «Тактическое искусство» Арриана), тактике и организа-

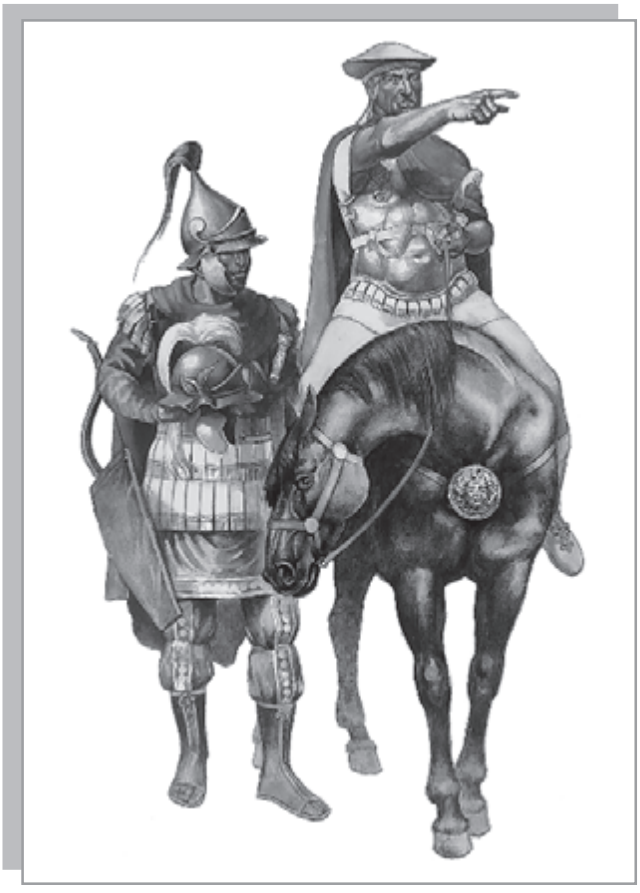
[1] Поскольку данные элементы защитного вооружения представлены вместе с изображениями предметов, трактуемых как детали колесницы и защитное снаряжение колесничных коней, было высказано правдоподобное мнение, что данная панoплия принадлежала возничему серпоносной колесницы (А. К. Нефёдкин).

ции конницы отводится значительное место. Хотя эти произведения относятся к более позднему периоду[1] (первая треть II в. н. э.), они в основе своей восходят к несохранившимся трактатам военных писателей эллинистического времени. Среди авторов военно-теоретических сочинений античная традиция называет Пирра Эпирского, Полибия, Посидония Родосского.

Цветная вкладка *(стр. 9)*

Пергамский всадник III–II вв. до н. э. Наступательное вооружение состоит из копья-ксистона (на рисунке не показано) и однолезвийного меча-махайры (ножны по изображению из гробницы Лисона и Калликла и рельефам пергамского фриза Афины Никефоры, костяные бутероль и устье — по археологическим находкам). Защитное снаряжение составляют бронзовый шлем (рельеф из Эфеса, артефакты) и бронзовый торакс с птеригами; костюм и обувь воспроизведены по иконографическим памятникам эллинистического времени. Всадники пергамского царя Эвмена II (195–159 гг. до н. э.), сражавшегося на стороне римлян против Антиоха III, в немалой степени способствовали победе при Магнесии (декабрь 190/189 г. до н. э.): имея под началом 3000 всадников (из них 800 пергамских), Эвмен стремительной атакой опрокинул левый фланг селевкидской армии, а его брат Аттал (будущий Аттал II), обойдя неприятеля, фактически решил исход сражения[1]. Неоднократно пергамским Атталидам (Атталу I, Эвмену II) приходилось сражаться против галатов. Тем не менее всадники-галаты упоминаются и в числе пергамских во-

[1] Из собственно эллинистических сочинений такого рода сохранился трактат философа Асклепиодота «Тактическое искусство» (I в. до н. э.).



Воин. Изображение на золотой подвеске из Тилля Тепе, Северный Афганистан, I в. до н. э.

[1] Liv. XXXVII. 43. Впрочем, по сообщению Аппиана (App. Syr. 36), успех этой атаки, напротив, не был особенно велик.

инских формирований. Конный отряд галатов был у Эвмена II в 171 г. до н. э. В битве при Пидне (168 г. до н. э.), где пергамские воины сражались на стороне римлян, вероятно, участвовали и галатские всадники — наемники или подданные Эвмена. Трудно сказать наверняка, как была организована система комплектования конницы Атталидов. Значительную часть пергамской армии составляли наемники, вербовавшиеся как из местных жителей, так и из представителей других регионов: Балканской Греции, греческих колоний, Македонии, Фракии и др. Так, среди наемников упоминаются всадники-греки из Ахейского союза. Сложно сказать, насколько были задействованы в комплектовании конницы военные поселенцы — катеки (вероятнее, формировавшие фалангу) и граждане подвластных Атталидам полисов. Возможно, костяк конницы образовывали приближенные царя («гетайры») из числа местной и новой знати.

Цветная вкладка *(стр. 10)*

Реконструкция представляет предполагаемый внешний вид воинов Греко-бактрийского царства (с 206 г. до н. э. на правах вассального в составе Селевкидской державы).

Конница восточной периферии эллинистического мира сочетала в вооружении и защитном снаряжении разнородные элементы. Находки доспехов и оружия, выполненных в греко-македонской традиции, наряду с многочисленными изображениями демонстрируют «западную» составляющую комплекса вооружения воинов эллинизированного Востока. Важное место было отведено дистанционным средствам поражения, особенно луку, непременному оружию кочевых народов Центральной и Средней Азии. У кочевых народов, по-видимому, были позаимствованы и отдельные элементы тактики, о чем свидетельствует Полибий в описании сражения на р. Арий, произошедшего в 208 г. до н. э. между селевкидской армией и войсками греко-бактрийского царя Евтидема I.

Верхом — царь Евтидем I (235–200 гг. до н. э.). Его снаряжение составляют панцирь — бронзовый торакс, покрытый позолотой (по рельефу фриза храма Афины Никефоры из Пергама), и шлем (показан в руках оруженосца), гипотетически воспроизведенный по изображениям на монетах греко-бактрийских царей Евкратида (171–155 г. до н. э.), Архебия (130–120 гг. до н. э.), Антиалкида (115–100 гг. до н. э.), Аминты (85–75 гг. до н. э.). Подобные шлемы с рогами (первоначально — атрибут Зевса-Аммона), представленные также на селевкидских монетах, несомненно, являлись царскими регалиями. Эллинистическая иконография унаследовала этот элемент оформления идеи божественного характера царской власти от Александра Великого. Облик царя дополняют плащ и каусия, реконструированная по изображению на монете Антимаха (вторая четверть II в. до н. э.) и фреске из Помпей, изображающей Антигона Гоната. Наступательное вооружение представлено махайрой с рукоятью из слоновой кости в виде протомы грифона и костяным устьем ножен (по находкам в Тахти-Сангин). Серебряный фалар с горгонейоном на нагрудном ремне коня — по артефакту из собрания Государственного Эрмитажа. Физиономия царя — по синхронным памятникам: мраморной портретной голове рубежа III–II вв. до н. э. (Рим, частное собрание) и изображениям на монетах.

Оруженосец (греко-бактрийский тяжеловооруженный всадник). Шлем — бронзовый III–II вв. до н. э. (из бывшей коллекции А. Гутманна; нащечники гипотетические). Рукоять ксифоса из цельного слонового бивня, украшенная рельефным изображением сцены борьбы Геракла с Ахелоем (Тахти-Сангин, греческая работа IV в. до н. э. по И. Р. Пичикяну). Костюм (рукавный хитон, подвязанные шаровары, обувь) и панцирь (возможно, ламеллярный) представлены сугубо гипотетически, на основании иконографии.

Конница древней Испании

III–II вв. до н. э.

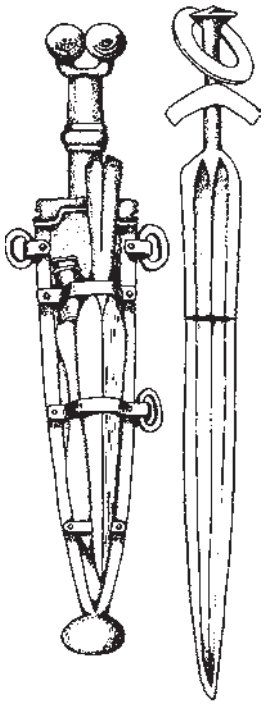
Роль конницы на Пиренейском полуострове была значительно большей, нежели в древней Италии, причем значение лошади как верхового животного, равно в военном деле и в аспекте социального престижа, было непосредственно связано с религиозными представлениями древних испанцев, в которых культ лошади занимал особое место. В испанских армиях численность конницы обычно составляла 20–25% от общего числа воинов, то есть была намного выше, чем в римском войске такой же численности (10–14%). Испанцы уделяли много внимания тщательной подготовке всадников и тренингу животных. Иберийские кони, отличавшиеся выносливостью (Страбон отдает им предпочтение перед нумидийскими), были, например, обучены опускаться на колени и сохранять спокойствие и тишину до сигнала, что имело особенное значение в условиях партизанской войны, столь популярной в Испании. По выражению испанского историка Р. Альтамиры, «местные жители вели войну особого рода, войну, которая значительно позже и в других условиях получит название герильи». Вместе с тем испанские всадники превосходно действовали в правильном сражении. При необходимости они могли спешиваться, превращаясь в первоклассную пехоту. Применяли испанские всадники и тактику смешанного боя, используя легкую пехоту в рядах конницы. На рельефе каменной стелы I в. до н. э. из Лара де Лос Инфантес изображен всадник с копьем и небольшим щитом в сопровождении пешего воина, вооруженного тремя дротиками.

Впервые испанская конница была масштабно задействована в последней четверти III в. до н. э. в карфагенских армиях. Иберийские всадники перешли через Альпы с войсками Ганнибала и принимали участие во всех крупных сражениях с римлянами. В битве при Каннах иберы и галлы обратили римскую конницу в бегство. На Пиренейском полуострове в годы II-й Пунической войны иберийские всадники также сражались против римлян под началом пунийских полководцев. По свидетельствам античных источников, испанская конница безусловно превалировала на полях сражений в эпоху Пунических войн. Перед ней не могли устоять ни римские всадники (даже всадники-италики), ни нумидийцы. Ливий прямо указывает, что «нумидийский всадник уступал испанскому» (XXIII 26, 11). Позднее римлянам неоднократно приходилось убеждаться в неустрашимости и высоких боевых качествах испанских воинов.

Часть Испании была покорена римлянами после победы во II-й Пунической войне, но завоевание всего полуострова затянулось на многие десятилетия и было завершено только при Октавиане Августе. В разных частях Пиренейского полуострова перманентно происходили восстания, выливавшиеся время от времени в полномасштабные войны. Побеждаемые римской дисциплиной в правильных сражениях испанцы не раз наносили римлянам позорные поражения. Одним из ярчайших эпизодов сопротивления римлянам стала Нумантинская война. Спустя немногим более полстолетия Кв. Серторий, призванный восставшими лузитанскими племенами, снова заставил дрогнуть легионы Рима. Тем не менее с самого образования испанских

провинций (Ближней и Дальней Испании) римляне вменяли в обязанность своим испанским подданным предоставление вспомогательных войск. Уже в 70-х гг. II в. до н. э. в римскую армию активно привлекается кельтиберская знать. К концу II–I в. до н. э. Испания становятся одним из основных источников пополнения римской конницы. Так, уже в 82 году до н. э., во время гражданской войны, Сулла разбил в долине реки Кланис (в Этрурии) испанскую конницу консула Гнея Карбона.

Уже, вероятно, в IV в. до н. э. кельтиберами вводится в употребление подкова, что должно было значительно увеличить боевой потенциал кавалерии. Насколько позволяют судить иконографические источники, испанцам, возможно, были известны жесткие седла, хотя более обычна попона из шерсти (иногда — из шкуры животного, например, рыси). Известняковое изваяние коня из святилища Сигарралехос (Мадрид, частное собрание), датируемое III–II вв. до н. э., в деталях передает конскую сбрую. Как и в современной Андалусии, кони пышно украшались; судя по изображениям, шею животного покрывала сетка из цветной шерсти, нарядно декорировалась узда, к которой, помимо всего прочего, крепился небольшой колокольчик (очевидно, в магических целях). Известны и археологические находки удил различных типов, сделанные на юге Испании. Возможно, испанцы применяли шпоры.



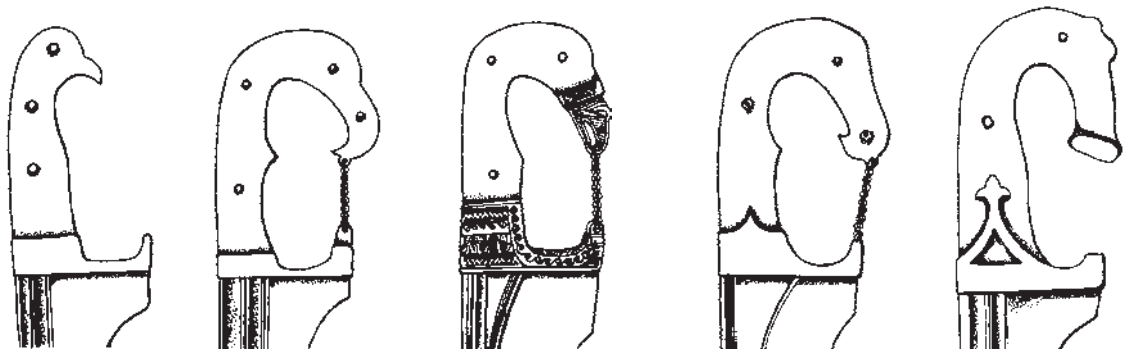
Мечи в ножнах с отделением для ножа и наконечников. По Р. Тревино

Испанские всадники вооружением не отличались принципиально от пехотинцев. Жители Пиренейского полуострова вообще презрительно относились к тяжелому защитному снаряжению, поэтому наиболее распространены были легкие кожаные панцири, бронзовые боевые пояса, дисковидные бронзовые нагрудные пластины. Однако кольчуга и чешуйчатый панцирь также были известны.

Шлемы, бывшие в употреблении у испанских воинов античного времени, довольно своеобразны. Так, иберы носили в бою шлем из кожи или звериных шкур, кельтиберский шлем был бронзовый.

По свидетельству Страбона (III, 3, 6), шлемы лузитанских воинов изготовлялись из сухожилий. Возможно, подобный шлем представлен на знаменитом рельефе из Осуны (Мадрид, Национальный археологический музей). Наряду с местными употреблялись, по-видимому, и различные кельтские формы.

Всадники (как и легковооруженные пехотинцы) сражались с круглым щитом — *цетрой* около 50 см в диаметре. Когда в нем не было необходимости, щит перекидывался на ремне за спину или подвешивался на боку лошади. Подобный щит, висящий на ремне через плечо, представлен на известняковом изваянии воина из Серильо Бланко (Хаэн, Археологический музей). Такой же щит демонстрирует гранитная статуя, изображающая лузитанского воина (Лиссабон, Национальный археологический музей).



Рукояти фалькат. По Р. Тревино

Преимущественно представление об облике воинов древней Испании дают иконографические памятники: бронзовая статуэтка воина из Кольядо де лос Хардинес (Мадрид, Национальный археологический музей), вотивная пластика из святилища Нуэстра Сеньора де ла Лус в Мурсии, терракотовые изваяния из Ла Серреты в Алькое. Статуэтки всадников из бронзы, реже из обожженной глины, обнаружены в провинции Хаэн, на склонах Сьерры Морены, в святилищах Деспеньяперрос и Кастельяр Сантистебан. Изображения воинов представлены на предметах расписной керамики из некрополя Серро Сан Мигель в Лирии (Валенсия, Археологический музей), на «вазе с воинами» из Арчены (Мадрид, Национальный археологический музей). Порой эти изобразительные источники представляют большие трудности с точки зрения интерпретации. Например, изображения всадников на сосудах из Лирии послужили поводом для совершенно фантастичес-

Фрагмент статуи воина с конем. Хаэн

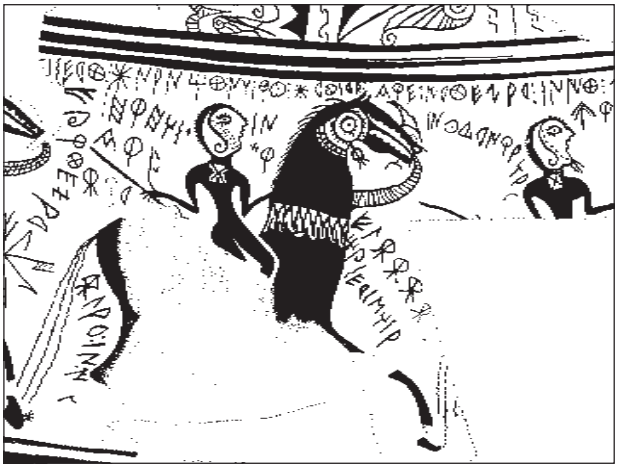
Всадник и пеший дротикометатель. Рельеф, I в. до н. э. Бургос, Археологический музей

Фигурка лошади из Сигарралехос

кой реконструкции. Несомненно, зигзагообразная штриховка, принятая автором реконструкции за изображение кольчуги, в действительности передает фактуру шкуры лошади и ткани. Характерно, что на иберийской керамике всадники, как правило, изображены в боковой посадке («по-женски»); скорее всего это условность изображения, но, с другой стороны, можно усматривать здесь отражение реальной практики соскакивания воинов в бою (на манер греческих апобатов).

Излюбленным оружием всадников была *фальката*, изогнутый однолезвийный меч, заимствованный, вероятно, у финикийцев. Последние переняли это оружие у греков (греческая *махайра*). Великолепная вотивная бронзовая статуэтка из Археологического музея Валенсии представляет иберийского вождя верхом на коне, с цетрой и фалькатой. Многочисленные находки этого оружия, сделанные в иберийских некрополях, хранятся в

Фрагменты статуй воинов из Эльче: нагрудник, фальката



Воины. Прорисовка изображений
на керамике из Лирии. По А. Гарсиа-и-Беллидо

Меч в ножнах. Некрополь Алькасер до Сал.
Лиссабон, Археологический музей

Иберийская фальката из Альмиденильи.
Мадрид, Археологический музей

Всадники. Иберийские бронзовые статуэтки. Мадрид, Археологический музей; Валенсия, Археологический музей; Барселона, Археологический музей (слева направо)

Голова лошади. Фрагмент статуи из Валенсии. Мадрид, Археологический музей

Голова воина в шлеме. Рельеф из Осуны

Археологическом музее в Гранаде, Кордове (находка из некрополя Альмиденильи), Национальном археологическом музее в Мадриде и других испанских и европейских коллекциях. Длина испанских фалькат невелика, клинок в среднем не превышает 450 мм.

Испанский меч (gladius hispaniensis) с прямым широким обоюдоострым клинком, послуживший прототипом римского легионерского меча, также представлен археологическими находками.

Античные источники датируют заимствование римлянами испанского меча концом III в. до н. э.: впервые такие мечи с крепким, широким, хорошо закаленным клинком, ввел в своей армии в Испании Сципион Африканский. Неудивительно, что испанское, в частности иберийское, вооружение оказало столь сильное влияние на римское: в постоянных столкновениях с племенами Пиренейского полуострова римляне неоднократно имели возможность убедиться в отличном качестве и высоких боевых достоинствах испанского оружия.

В ножнах мечей иногда устраивалось особое отделение для сменных (запасных) наконечников копий и небольших ножей с изогнутым махайровидным клинком. Применялись также своеобразные кинжалы с широким подтреугольным клинком (впоследствии эта форма послужит прототипом легионерского кинжала). Наконечники копий и дротиков различаются размерами и формой. Копье из Альмиденильи имело удлиненно-листовидный наконечник и конусообразный черешковый подток. Наконечники дротиков нередко снабжены значительной по длине втулкой (более 300 мм). Специфически испанским оружием являются длинные (более 2 м) монолитные железные метательные копья (*solliferreum*) с зазубренным наконечником. Находки этого оружия были сделаны в некрополе Альмиденильи. Возможно, испанские метательные копья послужили образцом для модернизированного римского *пилума*. О том, что для древних испанцев это было престижное оружие, говорит декорация некоторых экземпляров серебряной инкрустацией. Вполне возможно, что оно применялось всадниками. Особенности традиционной испанской тактики в принципе не позволяют жестко разделять наступательное оружие на всадническое и пехотное.

В I в. до н. э. вооружение испанских воинов испытывает римское влияние. Бронзовый шлем монтефортинского типа, происходящий из Quintana Redonda (Сория), вероятно, римский: он датирован временем Серторианской войны. Но это далеко не единичная находка такого рода. Надо полагать, что аналогичные формы в это время имели распространение и среди испанцев. Трудно сказать, применялись ли подобные шлемы испанской конницей. Во всяком случае, об использовании монтефортинского шлема римскими кавалеристами сведений нет; по мнению Рассела Робинсона, этот тип шлема вообще неудобен для всадника, так как не обеспечивает необходимой защиты шее, особенно уязвимой в конном бою. Тем не менее распространение в Испании предметов вооружения римского производства симптоматично. Впоследствии, в эпоху принципата, по мере романизации Пиренейского полуострова, вооружение всадников-испанцев из отрядов вспомогательной конницы римской армии стандартизируется по римскому образцу.

Всадник. Рельеф из Осуны

Цветная вкладка *(стр. 11)*

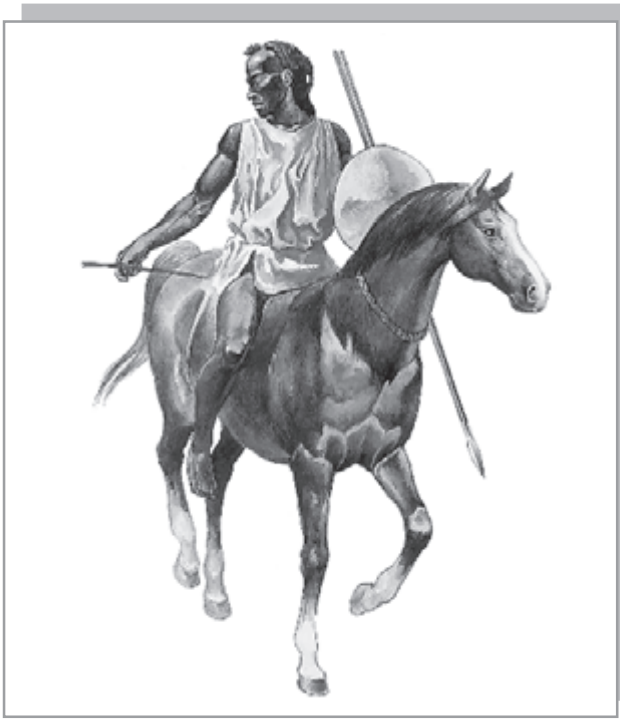
Показан предположительный облик испанского воина III—II вв. до н. э. В основе реконструкции — аутентичные иконографические памятники и свидетельства античных письменных источников.

Нумидийский легковооруженный всадник

III–I вв. до н. э.

Воинственные нумидийцы, обитавшие на территориях нынешнего Алжира, Туниса и Марокко, были предками берберов Атласа. Римляне называли их «самыми непокорными народами Мавритании, охраняемыми горами, составляющими их естественное убежище». Выдающийся этнограф Фридрих Ратцель, описывая современных ему берберов французского Алжира, сообщает, что мальчиков, по достижении ими 16-летнего возраста, переводят в джемаа (общину) и вручают им оружие, которое они должны носить до 60 лет. Войны между племенами объявляются особыми послами, место битвы особо оговаривается, а обмен палками или ружьями служит знаком нерушимости перемирия, что, однако, не мешает берберам совершать ночные хищнические экспедиции против враждебных племен. Судя по всему, воинственные номады сохранили нравы своих далеких предков, и ни римское господство, ни ислам, ни французская колонизация не сломили их свободолюбивый дух.

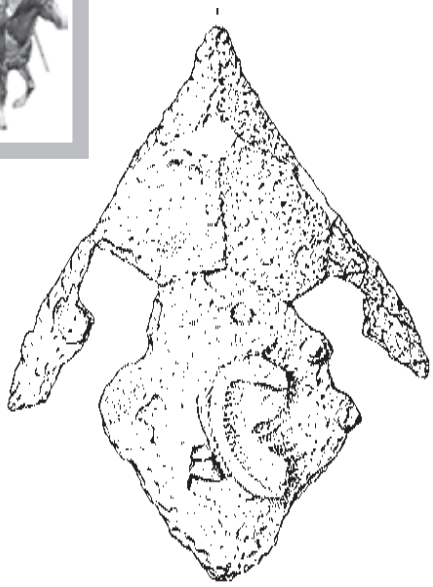
Ранняя история Магриба практически не освещена письменными источниками; античные авторы сохранили о происхождении нумидийцев только обрывочные сведения фантастического характера. Впервые нумидийские племена появляются на исторической арене в эпоху финикийской колонизации североафриканского побережья (с конца IX в. до н. э.). Со времени образования могущественной карфагенской державы полузависимые кочевые племена Нумидии поставляли воинские контингенты в карфагенское войско. Тит Ливий, римский историк I в. до н. э. — начала I в., очевидно сгущая краски, заявляет: «Воевать пешими нумидийцы не умеют, они хороши только в конном бою; предки их испокон веков воевали, не сходя с лошадей» (XXIV 48, 5)[1]. Эта, как ясно из контекста, риторическая фигура



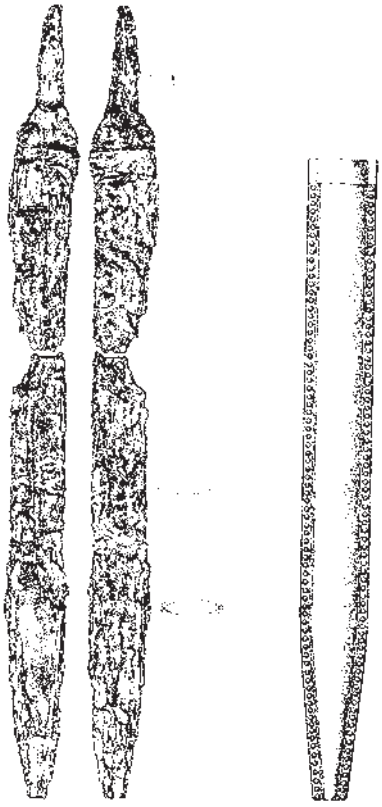
отражает тем не менее исторические реалии. В Пунических войнах, ведшихся между Римом и Карфагеном в III — первой половине II в. до н. э., великолепная нумидийская конница неоднократно проявила себя в сражениях, стяжав славу лучшей легкой конницы античного мира. Нумидийские правители на своих землях были в состоянии выставить довольно значительную по численности конницу: источники называют цифры 10 тысяч всадников и более. Нумидийцы были незаменимы в разведке и в преследовании; им поручались опустошительные рейды по неприятельской территории, наблюдение за передвижениями противника; неожиданными стремительными атаками они изматывали врага.

Нумидийские воины принимали участие во всех крупных сражениях Ганнибала. Действиям легкой, подвижной нумидийской конницы

[1] Ливий, помимо особо оговоренных случаев, цитируется в переводе М. Е. Сергеенко.



Железный шлем из гробницы в Эс-Сумаа. Около 118 г. до н. э. По Х. Г. Хорну и К. Б. Рюгеру



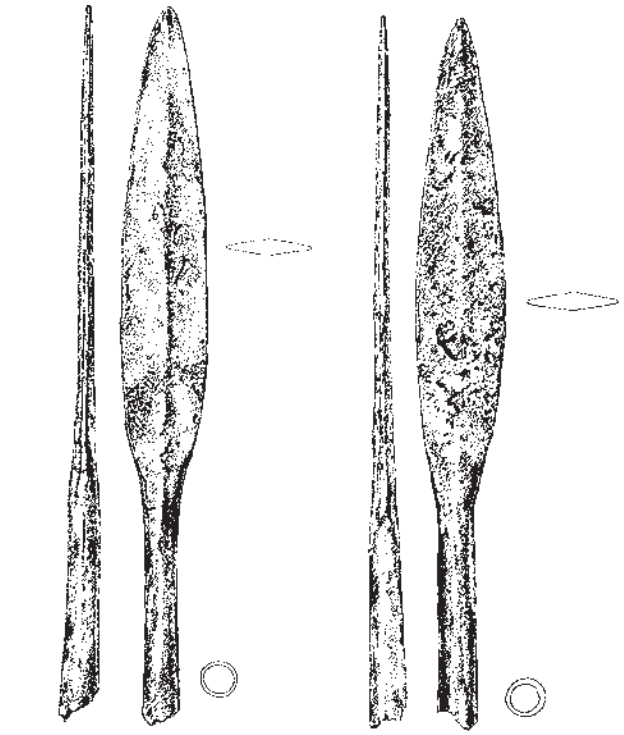
Железный меч и реставрированные ножны из Эс-Сумаа. По Х. Г. Хорну и К. Б. Рюгеру

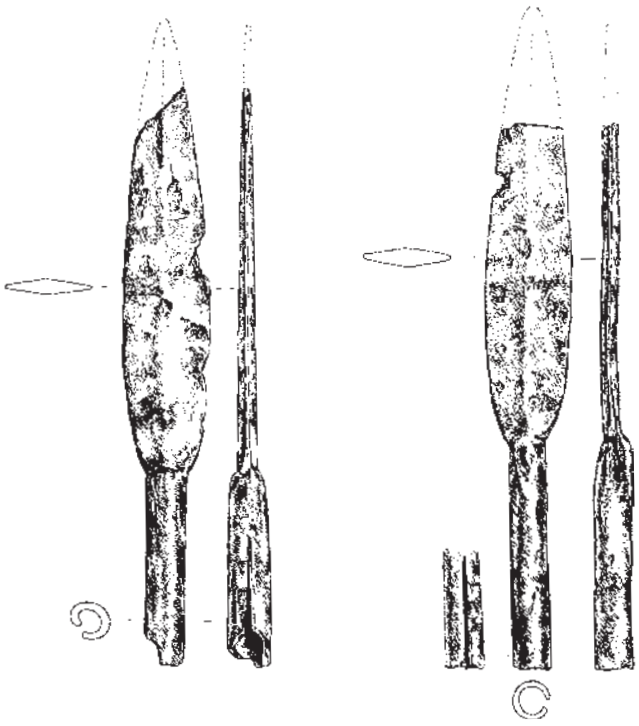
карфагенский полководец в немалой степени был обязан своими победами. В битве при Тицине (218 г. до н. э.) нумидийцы обошли фланги римского войска (Polyb. III 65, 10; Liv. XXI 46, 7); при Треббии 1000 всадников совместно с таким же числом пехотинцев под началом Магона Баркида внезапно атаковали римлян в тыл (Polyb. III 74, 1; Liv. XXI 55, 9); при Каннах (2 августа 216 г. до н. э.) нумидийцы под предводительством Махарбала (по другим данным — Гасдрубала или Магона) занимали правый фланг пунийского построения и, после того как римская союзническая конница обратилась в бегство, преследовали неприятеля (Polyb. III 116, 6–7; 12; Liv. XXII 48, 5).

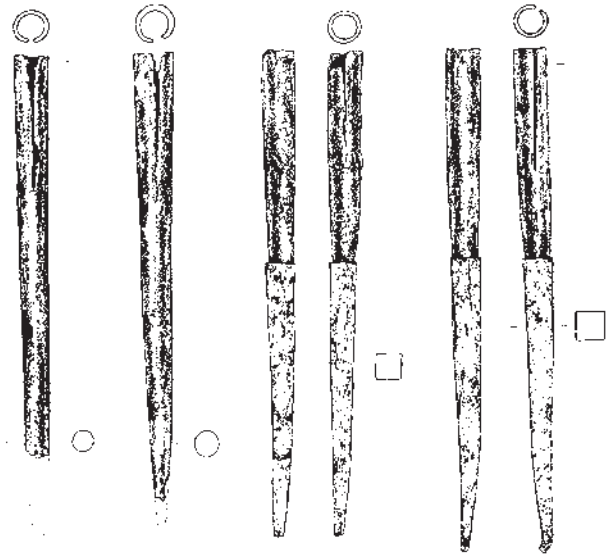
Впрочем, источники отмечают недисциплинированность и алчность нумидийцев: «...известны вероломство нумидийцев, их непостоянство, склонность к мятежам» (Sallust. 46, 3)[1]. Порой они, опрокинув врага успешной атакой, бросались грабить оставленный неприятельский лагерь, сводя к нулю достигнутый результат (Polyb. III 68, 1–3; Liv. XXI 48 5; 6). Неоднократно упоминаются перебежчики из их числа. Нумидийские всадники, служившие под началом карфагенянина Муттона, отказались повиноваться другому командиру и сдали римлянам город Акрагант на Сицилии (210 г. до н. э.). Известны случаи, когда нумидийская конница покидала поле боя, даже не вступив в соприкосновение с неприятелем: «...когда нумидийцы и мавры увидели, что середина строя не выдерживает натиска, они побежали, оставив фланги неприкрытыми и угоняя с собою слонов» (Liv. XXIII 29, 14). По свидетельству Саллюстия, после поражения Югурты «...за бежавшим царем не последовал никто из нумидийцев, кроме царских всадников; каждый ушел туда, куда считал нужным, и это не считается позором для воинов — таковы у них нравы» (Sallust. 54, 4). Саллюстий оставил красочное описание нумидийского войска на биваке: «Разведя много костров, варвары большую часть ночи, по своему обыкновению, ликовали, орали, и их воинственные полководцы считали себя победителями, раз они не обратились в бегство» (Sallust. 98, 6).

В этом свете показательны некоторые высказывания античных писателей. Уже Полибий

[1] Цитаты из Саллюстия даны в переводе В. О. Горенштейна.







Железные наконечники копий и подтоки из Эс-Сумаа.
По Х. Г. Хорну и К. Б. Рюгеру

отмечает «врожденное нумидянам непостоянство в привязанностях и их вероломство» (XIV 1, 4)[1]. М. Туллий Цицерон в письме к Т. Помпонию Аттику (CCCCXVI, 3), сетуя на трудности (письмо написано в разгар гражданской войны, в декабре 48 г. до н. э.), утверждает тем не менее, что «вспомогательными войсками варваров, принадлежащих к самому лживому племени, защищать государство не следует». В письме к М. Теренцию Варрону (CCCCLXVIII, 3), двумя годами позже (уже после победы Цезаря при Тапсе), Цицерон называет нумидийцев (бывших союзников его партии!) «дикими зверями»[2]. Характерен такой пассаж Ливия: «Взгляды всех привлек один нумидиец, вытащенный еще живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался» (XXII 51, 9). Римский военный писатель I в. н. э. С. Юлий Фронтин упоминает вспомогательные отряды нумидийцев, «способных вызвать презрение как собственным безобразием, так и безобразием своих лошадей» (I 5, 16)[3].

[1] Полибий цитируется в переводе Ф. Г. Мищенко.

[2] Здесь и выше — перевод В. О. Горенштейна.

[3] Перевод А. Б. Рановича.

Несмотря на это, нумидийские всадники были непревзойденной легкой конницей. Тот же Полибий, говоря о нумидийской коннице, отмечает, что это «народ замечательно выносливый» (III 71, 10), подчеркивает, «насколько они опасны и страшны для неприятеля, разом обратившегося в бегство» (III 116, 7). Обычно в бою перед нумидийскими всадниками ставилась задача спровоцировать неприятеля на контратаку, увлечь его притворным отступлением с целью, например, заманить в засаду, принудить оставить выгодную позицию или, наоборот, опередив противника, занять стратегически важные пункты. Нумидийцы отряжаются для разведки, в засады, следуют в авангарде армии, тревожат вражеских фуражиров. Им поручаются грабительские набеги на вражеские территории, преследование разбитого врага и захват пленных. Нумидийская конница осуществляет охрану тылов, коммуникаций, стратегически важных пунктов (Lib. XXIV 12, 4). Среди поручаемых нумидийцам задач упомянуты даже расчистка пути для войска (Polyb. III 55, 8) и поддержание порядка на марше во время перехода через затопленные рекой Арно болота (Polyb. III 79,4; Liv. XXII 2,4).

Нумидийский вождь.
Реконструкция П. Коннолли. По Э. Кюнцлю

О численности нумидийской конницы в армии Ганнибала нет точных сведений, известно только, что для обороны Испании он оставил брату Газдрубалу 1800 всадников. Однако ясно, что она была, по-видимому, довольно многочисленна. Несмотря на потери в боях (только в одной стычке с римской конницей, в самом начале войны, нумидийцы потеряли около двухсот человек) и гибель значительного числа воинов, а главное — коней, при переходе через Альпы и позднее, через болотистые низменности между Серкио и Арно, нумидийские всадники широко применяются в военных операциях на протяжении всего похода. Ганнон, действовавший под Беневентом в 215 г. до н. э. отдельно от основных сил Ганнибала, имел под началом 1200 всадников, «почти все мавры, а затем нумидийцы» (Liv. XXIV 15, 2). Между тем Ганнибал практически не получал из Африки пополнений; так, вместо обещанного после Канн подкрепления в 4000 нумидийцев реально набрали только 1500, да и тех отправили в Испанию (Liv. XXIII 13, 7; 32, 5). О ремонте конского состава, практиковавшемся в условиях похода, есть любопытное свидетельство Ливия: «[Ганнибал] разослал нумидийцев и мавров по Саллентинскому округу и апулийским пастбищам, чтобы пограбить. Угнали табун лошадей <...>; тысячи четыре коней были розданы всадникам, чтобы они их объездили» (Liv. XXIV 20, 16).

Начиная со времени II-й Пунической войны, нумидийские конные формирования на правах союзников фигурируют в составе римских армий. В 214 г. до н. э. правитель западной Нумидии (масайсилиев) Сифакс, не без римского влияния, разорвал вассальные отношения с Карфагеном; карфагенянам потребовалось около двух лет, чтобы

Нумидийский всадник. Надгробие из Абизара. II в. до н. э. Алжир, Национальный музей

привести Сифакса к покорности. На завершающем этапе войны римляне нашли союзника в лице Масиниссы, молодого царя восточных нумидийцев (массилиев). П. Корнелий Сципион, возглавлявший высадившуюся на африканском побережье армию, сумел использовать внутриплеменной конфликт в Нумидии, оказав помощь Масиниссе в возвращении отобранных у него владений[1]. Поддержка Масиниссы, в конечном итоге, сыграла решающую роль в победе над Ганнибалом. При Заме (202 г. до н. э.) приведенные им воины (4000 всадников) сражаются на стороне римлян, за счет чего последние получают двукратный перевес в коннице. Впоследствии именно ливийскими и нумидийскими всадниками будет комплектоваться легкая конница римской армии. Во время осады Карфагена (149–146 гг. до н. э.), еще будучи военным трибуном, Сципион Эмилиан привлекает на сторону римлян талантливого пунийского кавалерийского командира Гимилькона Фамею с 2200 всадников и царевича Гулуссу с нумидийской конницей. Нумидийская вспомогательная конница упоминается под началом Кв. Минуция Терма во время завоевания Лигурии. В распоряжении Сципиона под Нуманцией (134–133 гг. до н. э.) находился значительный нумидийский контингент во главе с царевичем Югуртой.

После падения Карфагена Нумидийское царство переживает период расцвета. По словам греческого географа Страбона (63 г. до н. э.–23 г. н. э.), Масинисса «приучил кочевников к гражданской жизни, сделал их земледельцами и научил военному делу вместо занятия разбоем» (XVII, II, 15)[1]. Впервые строятся города (Сирта, основанная при Масиниссе, носила его родовое имя), возводятся монументальные архитектурные сооружения (до наших дней сохранились мавзолей близ Тугги, мавзолей в Крубе, недалеко от древней Цирты — возможно, гробница самого Масиниссы, святилище в Эль-Гофре, Медрасен-гробница в долине Эль-Мадер, так называемая «гробница христианки» близ Цезареи).

Однако после смерти Миципсы, сына Масиниссы (118 г. до н. э.), в Нумидии разгорелась династическая борьба. Победителем вышел Югурта, отважный и деятельный племянник Миципсы, расправившийся со своими двоюродными братьями Гиемпсалом (погиб в 117 г. до н. э.) и Адгербалом (предательски убит 112 г. до н. э.). Беззастенчивое вмешательство римлян повлекло за собой продолжительную и ожесточенную войну (111–105 гг. до н. э.), победоносно завершить которую удалось только благодаря отчаянной храбрости молодого Л. Корнелия Суллы и измене мавританского царя Бокха, выдавшего Югурту римлянам.

После Югуртинской войны Нумидийское царство сохранило самостоятельность: римляне

[1] По версии, приводимой Аппианом, Сифакс и Масинисса оспаривали не только власть над нумидийскими племенами: особенно драматический характер их соперничество приобретало из-за красавицы Софонисбы, дочери Гасдрубала, сына Гисгона.

[1] Цитаты из Страбона даны в переводе Г. А. Стратановского.

передали власть Гауде, старшему брату Югурты, которому, в свою очередь, наследовал его сын, Гиемпсал II. Тем не менее чуть более полувека спустя активное участие нумидийского царя Юбы в гражданской войне на стороне республиканцев привело к роковым последствиям. После поражения в битве при Тапсе (6 апреля 46 г. до н. э.) покинутый воинами, отвергнутый всеми общинами, Юба покончил с собой. Его царство разделили победители — часть Нумидии досталась мавританскому царю Бокху, союзнику Цезаря, из другой же была образована провинция «Новая Африка». Сын Юбы, будущий Юба II, был ребенком увезен в Рим, где и воспитывался. При императоре Августе в Африке — Нумидии был дислоцирован III-й легион и оставался там до времени правления императора Диоклетиана[1].

[1] Исключая период с 238 г. (расформирование легиона Гордианом III) по 253 г. (восстановление его Валерианом).

Нумидийский всадник. Рельеф на стеле. I в. до н. э. Хеншир Аббасса

После убийства последнего царя Мавритании Птолемея (40 г. н. э.) неумолимая логика событий повлекла завоевание римлянами и этого царства. В 42 г. н. э., при императоре Клавдии, в Северную Африку был направлен полководец Светоний Паулин, блестящие действия которого завершились образованием двух новых провинций — Цезарейская и Тингитанская Мавритании. Наряду с Нумидией эти области превращаются в один из источников пополнения вспомогательных частей римской армии, в том числе — конницы. Со второй половины I в. н. э. в Риме становится обычной практикой использование нумидийцев как верховых гонцов[1]. При Траяне отменной репутацией пользовалась вспомогательная мавританская конница Лузия Квиета. Всадники-мавры этого талантливого и тщеславного генерала изображены на колонне Траяна.

Император Адриан вынужден был разоружить Лузия Квиета[2] и, возможно, временно отказался от призыва африканских всадников, тем более что в начале его правления в Мавритании вспыхнуло восстание. Однако с 122 г. нумидийская (мавританская) конница вновь входит в состав вспомогательных отрядов, что подтверждается данными нумизматики (донативы 122–123 гг.).

При Антонине Пие отряды всадников, набранные в провинциях Африка и Мавритания Цезарейская, участвовали в боевых действиях в Мавретании, а после 160 г. — в Дакии. При Марке Аврелии вновь отмечены волнения в Мавритании. В 232 г., при Септимии Севере, вспыхнули восстания в обеих Мавританиях. Однако в это же время в Мавритании были набраны многочисленные войска. В III в. мавританские всадники используются особенно часто, так как они дают двойное преимущество — высокую мобильность и умелое владение дротиком. Кроме того, по меткому замечанию одного современного исследователя, «римляне, похоже, избегали оставлять слишком много мавров в Мавритании».

Г. Саллюстий Крисп, написавший историю Югуртинской войны, оставил подробное описание тактики нумидийской конницы. Компетент-

[1] Сравнить у Тацита (Hist. II. 40).

[2] «Он обезоружил Лузия Квиета, отрешив его от управления мавританскими племенами, так как подозревал его в стремлении захватить власть» (HSA I, V, 8); перевод С. П. Кондратьева.

Нумидийские всадники. Рельеф колонны Траяна

ность этого автора несомненна: он сам воевал с нумидийцами под началом Цезаря, а по окончании войны стал наместником новой провинции с полномочиями проконсула. Саллюстий отмечает мобильность, стремительность нумидийской конницы, неожиданно атакующей и ускользающей, отступающей в труднодоступные местности, пустынные или горные; устраивающей ночные нападения и засады, непрерывно тревожащей неприятельскую армию на марше, истребляющей фуражиров: «...сам [Югурта] с отборными всадниками следует за Метеллом; двигаясь по ночам, крупными дорогами, он, оставшись незамеченным, нападает врасплох на рассеявшихся римлян <...>; затем нумидийцы, прежде чем из лагеря (то есть из лагеря Метелла. — *Авт.*) могла бы прийти помощь, уходят к ближайшим холмам, как им было приказано» (Sallust. Iugurtha, 54, 9–10).

Спустя немногим более столетия, в 20-х гг. I в., подобным образом действовал вождь нумидийского восстания Такфаринат; по словам римского историка Тацита, он «повел войну сразу во многих местах, отступая там, где на него наседали, и затем опять появляясь в тылу у римлян» (Ann. III, 21)[1]. Не случайно Фронтин в своих «Стратегемах» (сочинении о военных хитростях) более половины сюжетов, в которых фигурируют нумидийские всадники, поместил в разделе «Засады» (II, 5, 23; II, 5, 27; II, 5, 40).

Атака нумидийцев всегда неожиданна, они обрушиваются врасплох: «...прежде чем войско успело построиться <...> всадники-гетулы и мавры — не строем и не в каком-либо боевом порядке, а группами, будто собравшимися по воле случая, налетают на наших» (Sallust. Iugurtha, 97, 4). Отступая, нумидийцы рассыпаются в стороны, становясь неуловимыми для преследователей: «...всадники, всякий раз, когда на них нападала римская турма, отступали не сомкнутым строем и не в одно место, но по возможности в разные стороны» (Sallust. Iugurtha, 50, 5)[2]. В сражении нумидийские всадники действуют совместно с легкой пехотой, многократно увеличивающей их боевой потенциал: «Нумидийцы не смогли бы сопротивляться долго, если бы их пехота, действуя вперемежку с конницей, не причиняла нам большого ущерба. Всадники, поддержанные пехотой, не нападали, чтобы затем отступить, как принято в конном бою, но, атакуя на лошадях, вносили беспорядок в наши ряды; таким образом, когда вступала в действие легковооруженная пехота, противник был почти разгромлен» (Sallust. Iugurtha, 59, 3).

С подобной тактикой столкнулись позднее воины Цезаря под Руспиной: «...внезапно вместе с всадниками выскочили <...> легковооруженные нумидийские пехотинцы и начали метать дротики <...>. Каждый раз, когда при этом атаковали

[1] Перевод А. С. Бобовича.

[2] Сравнить у Полибия: «нумидяне то быстро и врассыпную отступали, то возвращались назад, с самоуверенностью и отвагой переходя в наступление: таков свойственный нумидянам способ битвы» (III 72, 10). Также см.: I, 19, 2–3; III 116, 5. Сходную характеристику находим у Ливия: «Нумидийцы то выезжали вперед, то скакали обратно, истомив у <...> [*противника*] и лошадей, и людей и завлекли его к самому лагерю» (XXII 15, 7).

цезарианцы, их [нумидийцев] всадники бежали назад; а пехотинцы тем временем держались до тех пор, пока снова не выскакивали всадники и не помогали своей пехоте. <...> ...пехотинцы [Цезаря], отходя слишком далеко <...> в погоне за всадниками, обнажали фланги и попадали под удары дротиков ближайших к ним нумидийских пехотинцев, а неприятельские всадники легко избегали пускаемых нашей пехотой копий тем, что быстро обращались в бегство» (Bell. Afr., 14, 15)[1].

Вооружение нумидийских всадников III–I вв. до н. э. состояло из легких метательных копий и круглого щита из кожи на деревянной основе (может быть, и просто кожаного): «...нумидийские [*щиты*] из кож, более легкие и производящие меньше шума при ударе» (Sallust. Iugurtha, 94,1)). Щит нумидийского царя Масиниссы, по Аппиану, был сделан из слоновой кожи (App. VII, 46). Страбон о современных ему нумидийцах сообщает: «В ходу у них небольшие кожаные щиты, маленькие копья с широкими наконечниками...» (XVII, II, 7). Интересные, хотя, возможно, не вполне достоверные подробности обнаруживаются у христианского писателя начала V в. н. э. Павла Орозия. Так, он пишет, что нумидийские «легкие и надежные щиты, обтянутые загрубевшей слоновьей кожей», якобы впитывают влагу и делаются малопригодны (тяжелы), намокнув под дождем; по той же причине «скользкими и непригодными» становятся древки метательных копий, которые нумидийцы «обычно бросали без использования ремней» (Hist. V 15, 16–17)[2]. Метательные копья («копье злых мавров», по образному выражению Горация, I, 22[3]) были, по-видимому, страшным оружием. Железные наконечники таких дротиков были найдены при раскопках погребения в Эс-Сумаа (Алжир). Это оружие нумидийцы сохраняют и позднее, при империи. В монетных сериях некоторых императоров (Адриана, Антонина Пия), выпущенных в честь войск провинций, персонификации провинций представлены в виде мужской или женской фигуры с национальными видами вооружения, символизирующей локальные вспомогательные отряды (auxiliares). На посвященных вспомогательным отрядам мавританской кавалерии монетах 122–123 гг., чеканенных в Мавритании, персонификацию провинции в виде амазонки в военной одежде с дротиком в руке (оружием мавританских конников) дополняет изображение лошади[1].

Отличные наездники нумидийцы не применяли удил, управляя конем при помощи кожаного ошейника. По сообщению Страбона, «всадники у них сражаются большей частью вооруженные дротиками, на лошадях, взнузданных веревочной уздой и без седел <...> Лошади у них маленькие, но настолько послушные, что ими можно править прутиком. На лошадей надевают хлопчатобумажные или волосяные ошейники, на которых прикреплены поводья. Некоторые лошади следуют за хозяином, даже если их не тянут за поводья, как собаки» (XVII, II, 7). Саллюстий в описании сражения при Мутуле отмечает: «...лошади нумидийцев, привычные к местности, <...> легко уходили через кустарник...» (Sallust. 50, 6). Любопытно следующее свидетельство Ливия о применении нумидийцами заводных лошадей: «...конники с двумя лошадьми как опытные наездники в пылу ожесточенной битвы привычно перепрыгивали в полном вооружении с усталой лошади на свежую: так ловки они сами и так выучены их лошади» (XXIII 29, 5).

Судя по иконографическим памятникам, в первые века н. э. вооружение и снаряжение нумидийских воинов не претерпело значительных изменений. Нумидийцы (мавры), представленные на колонне Траяна (Numidae, Mauri) — едва ли не единственное достоверное изображение легковооруженных североафриканских всадников. Страбон так описывает одежду и снаряжение нумидийских всадников: «они носят с широкой каймой без пояса хитоны и <...> шкуры в виде плащей и панцирей»; кроме того, волосы они заплетают и отращивают бороды (XVII, II, 7). Изображенные на колонне Траяна мавры показаны в подпоясанных и скрепленных на плечах хитонах (очевидно, не сшитых); в остальном же они полностью соответствуют описанию греческого географа.

Впрочем, еще во времена Пунических войн знать и вожди нумидийских племен, по-видимому,

[1] Перевод М. М. Покровского.

[2] Перевод В. М. Тюменева.

[3] Перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского.

[1] *Абрамзон М. Г.* Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. 1994. С. 64.

пользовались вполне «современным» вооружением. Гимилькон (или Гамилькар) Фамея, переметнувшийся к римлянам со своим конным отрядом, получил в награду за предательство, помимо солидного денежного вознаграждения, полное вооружение и коня с золотой (позолоченной?) сбруей. Любопытный рельеф I в. до н. э., происходящий из Хеншир Аббасса (севернее Хемту), показывает всадника-нумидийца в хитоне и плаще, скрепленном на правом плече круглой фибулой. На ногах всадника башмаки. Характерная прическа и борода служат надежной этнической характеристикой, а диадема позволяет заключить, что данное изображение представляет нумидийского вождя[1]. Особенно примечательно показанное на рельефе конское снаряжение: четко обозначено оголовье с уздой и, по-видимому, седло (возможно, римского типа), фиксируемое грудным и подхвостным ремнями. Вероятно, романизированная нумидийская знать охотно воспринимала элементы конского снаряжения у «цивилизованных» соседей, в то время как простые воины-общинники пользовались традиционным архаичным способом. Археологические находки свидетельствуют о том, что у знати в ходу были типичные для эллинистических армий доспехи и оружие, восточно-греческого или южноиталийского производства. Раскопки захоронения близ селения Круб обнаружили богатое захоронение нумидийского вождя; в составе погребального инвентаря — шлем, меч, серебряные украшения греческой работы.

Реконструкция П. Коннолли, выполненная в 1979 г. по материалам захоронения в Эс-Сумаа, представляет нумидийского царя Мициpсу в полном вооружении. Он имеет вполне эллинистический облик. Вооружение составляют дротики и прямой обоюдоострый меч с клинком примерно 600 мм длиной. Защитное вооружение – железный конический шлем, кольчуга (фрагменты кольчуги обнаружены в том же погребении) и круглый нумидийский щит (по изобразительным источникам).

Цветная вкладка *(стр. 12)*

На реконструкции представлен нумидийско-мавританский легковооруженный всадник по описаниям и изображению на колонне Траяна. Нумидийцы не были чернокожими. Однако негры Центрального Судана уже в древности активно проникали в области Магриба, смешиваясь с местным населением. Харатины, номады, еще в конце XIX столетия населявшие пустыни к югу от Малого Атласа, представляли собой смешанные берберо-негритянские племена.

[1] Сравнить пассаж Полибия о простом, согласно обычаю, одеянии нумидийских вождей (XXXVIII 1, 4).

Римский всадник легионной конницы

III–II в. до н. э.

Римская конница в те исторические периоды, относительно которых имеются надежные данные, всегда была слаба. Свидетельства о коннице раннего Рима носят по большей части легендарный характер. Тем не менее настойчивые упоминания о всадниках в легендарно-исторической традиции должны, по-видимому, опираться на какие-то реальные основания. Не случайно герои ранней римской истории выступают как всадники — это и Гней Марций Кориолан (начало V в. до н. э.), и Марк Фурий Камилл, сражающийся верхом в битве с вольсками (30-е гг. V в. до н. э.), и легендарный Марк Курций, бросившийся в пропасть в полном вооружении и на коне. Тяжелейшее сражение с войсками коалиции латинских городов при Регильском озере (496 г. до н. э.) было выиграно римлянами якобы лишь с помощью всадников, возглавленных божественными близнецами Кастором и Поллуксом. При разделе добычи после победы над Фиденами (426 г. до н. э.) только всадники получили по одному, а особо отличившиеся — по два раба. Складывается впечатление, что конница в период царей и ранней республики играла значительно более серьезную роль на полях сражений, нежели в позднейшее время.

Рельеф алтаря Домиция Агенобарба. I в. до н. э.

Социальный состав ранней римской конницы реконструируется на основании отрывочных, но показательных упоминаний в исторической традиции. Так, после реформы Сервия Туллия (578–535 гг. до н. э.), создавшего новое войско вместо прежних родовых ополчений, представители первых имущественных разрядов (наиболее состоятельные) формировали тяжелую пехоту и конницу. Показателен и анекдот о Тарквинии Приске, вознамерившемся увеличить число всаднических подразделений. Это мероприятие преследовало цель укрепления царской власти путем создания неподконтрольных главам родов войсковых единиц. Однако первое место в коннице, по-видимому, играла именно патрицианская знать. Об этом свидетельствует, например, Дионисий, сообщая о юношах, возглавляющих торжественную процессию «на лошадях своих отцов, имеющих благодаря своей судьбе право быть всадниками»[1]. Аналогичным образом патрицианские всадники участвовали в процессии в честь Кастора и Поллукса. Показательно свидетельство Ливия о Луции Тарквиции, представителе знатного, но обедневшего рода, служившем в пехоте. Л. Квинкций Цинциннат, диктатор 458 г. до н. э., назначил его начальником конницы, стремясь привести в соответствие его положение в войске и знатность.

Вместе с тем, пожалуй, не стоит преувеличивать тактическое значение этой конницы. Конкретные описания ее участия в боях показывают картину, близкую тактике греческих «ездящих гоплитов». В упомянутой битве у Регильского озера всадники бросились в первые ряды, спешившись. Примеры спешивания римских всадников

[1] Цит. по: В. Н. Токмаков. Военная организация Рима ранней республики (VI–IV вв. до н. э.). М., 1988. С. 147.

в бою хорошо известны и для позднейшего времени. В битве при Каннах (216 г. до н. э.) римские всадники, атакованные иберийской и галльской конницей Ганнибала, стаскивали противников с коней, так что, по словам Ливия, сражение уже стало превращаться в пешее (Liv. XXII 47, 3). Всадники, окружавшие раненого консула Л. Эмилия Павла, спешились, вызвав недоуменную реплику пунийского полководца: «Лучше б, связав их, привел ко мне» (Liv. XXII 49, 3; пер. М. Е. Сергеенко).

С середины III в. до н. э. самую боеспособную конницу в римских армиях представляли союзнические контингенты, набираемые из луканов, кампанцев и других народов Центральной и Южной Италии[1]. В то время как римская легионная конница состояла из 300 воинов (на 4200 легионеров), союзническая превосходила ее втрое; соотношение пехоты и конницы в римском и союзническом легионах составляло, соответственно, около 1:14 и 1:6[2].

Легионная конница подразделялась на десять турм по 30 всадников; каждая турма, в свою очередь, делилась на три декурии (десятка) во главе с декурионами, старший из которых командовал всей турмой. Подразделения союзной конницы назывались алами (крыльями). В сражении римская конница занимала правый фланг боевого построения, а союзническая — левый.

Постепенное вытеснение собственно римской (то есть состоящей из римских граждан) конницы отрядами союзников, а позднее всадников-варваров имеет серьезные причины, коренящиеся в тех же процессах, которые привели к изменению социального облика римской армии в целом. Еще в середине III в. до н. э. граждане, обязанные нести службу в коннице, предпочитали ей командные посты в пехоте. Тяготы кавалерийской службы все чаще (и охотнее) перекладывались на плечи союзников — италиков. В конце III—II вв. до н. э. полководцы республики больше полагаются на конницу союзных или вассальных правителей — Масиниссы в Северной Африке, Эвмена II в Малой Азии и т. д. Успешные действия нумидийцев при Заме и атака пергамской конницы при Магнесии во многом обеспечили победу римского оружия. Греческий историк Полибий, бывший со 169 г. до н. э. гиппархом (начальником конницы) Ахейского союза, всячески подчеркивает доблесть этолийских всадников, сражавшихся на стороне римлян во II-й Македонской войне (несмотря на то, что этолийцы были соперниками ахейцев). Гражданская же конница, пополняемая в основном аристократической «золотой молодежью», превратилась в некое подобие свиты главнокомандующего; при этом всадники норовили закрепить за собой положение контуберналиев («сопалатников»), не несущих никаких обязанностей ни в походе, ни в лагере, и приводили полководцев в отчаяние своим высокомерием и непослушанием. В последний раз как действующая часть армии эта конница упоминается в 140 г. до н. э. в Испании. С появлением конных отрядов, формируемых в провинциях, роль римской гражданской конницы и вовсе сходит на нет. Само название — «всадники» — уже в III в. до н. э. переносится на представителей знати, имущество которых оценивается в 400 000 сестерциев; теоретически такой *всадник* был обязан нести кавалерийскую службу. Первоначально в этот разряд попадала и сенаторская знать, но особым законом совмещение звания сенатора со службой в коннице было признано недопустимым. Всадничество выделяется в самостоятельное сословие, объединившее после 218 г. до н. э. (закон Клавдия, запрещающий сена-

Рельеф монумента Эмилия Павла в Дельфах. II в. до н. э.

[1] К числу союзников наряду с италиками принадлежали некоторые греческие города Великой Греции: Тарент, Кротон, Локры и др. Тарентинские всадники на римской службе упоминаются, в частности, в связи с событиями II-й Пунической войны.

[2] Союзнический легион состоял примерно из 5000 пехотинцев. В обеих консульских армиях на два римских легиона приходился один легион союзников, то есть в совокупности союзническая конница была в полтора раза более многочисленной.

торам торговлю) римскую финансовую аристократию. Получив ряд привилегий в результате законотворчества Г. Гракха, всадники утрачивают какую-либо связь со своей изначальной функцией, сохранив, однако, традиционное наименование. Таким образом, обострившаяся во II в. до н. э. необходимость рекрутирования всадников из числа подвластных и союзных племен была обусловлена отсутствием у римлян собственной боеспособной конницы.

Реформы Мария, так называемая Союзническая война, законы о союзниках, Гражданская война 80-х гг. до н. э. привели к серьезным социально-политическим переменам и, соответственно, к важным переменам в комплектовании римской армии. Союзники получают права римского гражданства. Теперь не только Рим и избранные общины, но вся Италия поставляет воинов в легионы, а провинции комплектуют так называемые вспомогательные войска (auxilia), в том числе и конные формирования. Испания, Галлия, Нумидия мало-помалу превращаются в основные источники пополнения римской конницы. В I в. до н. э. эта тенденция становится нормой. Так, в 82 году до н. э., во время гражданской войны Сулла разбил в долине реки Кланис (в Этрурии) испанскую конницу консула Гнея Карбона. Спустя менее тридцати лет в войсках Цезаря практически вся конница будет укомплектована союзниками — галлами (впрочем, в этом случае не всегда можно ясно заключить, где союзники, где наемники, а где заложники). Эти галльские всадники сражались и при Каррах в 53 г. до н. э.: их привел М. Лицинию Крассу его сын Публий, офицер армии Цезаря. Сам Цезарь, оставшись без кавалерии во время Великого галльского восстания, привлек к себе на службу всадников — германцев.

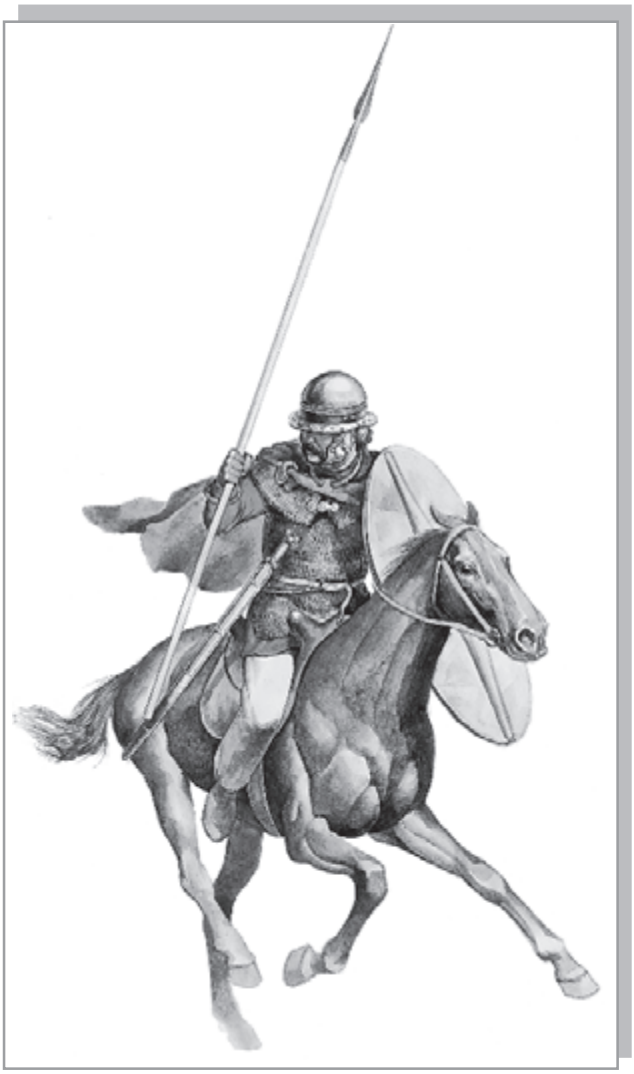
На римской службе отряды галльской и германской конницы часто выступали под началом собственных вождей, на правах союзников, или под командованием римских офицеров. Однако, до окончательного подчинения Галлии, у римских военачальников не было полной уверенности в преданности всадников-галлов и их предводителей. Так, отправляясь на переговоры с германским вождем Ариовистом, Цезарь не решился довериться галльским всадникам и «признал наиболее целесообразным спешить всю галльскую конницу, на ее коней посадить своих легионеров X-го легиона, на который он безусловно полагался, чтобы в случае необходимости иметь при себе самую преданную охрану» (Bell. Gall., I, 42; пер. М. М. Покровского). Вооружение и снаряжение римских всадников республиканского периода известно, главным образом, по сравнительно немногочисленным иконографическим источникам. Подвиг легендарного М. Курция изображался на геммах по меньшей мере с III в. до н. э., причем герой показан верхом, в полном снаряжении (шлеме с волосяным султаном, панцире с птеригами) и с круглым щитом. Аналогичным образом Курций изображен на рельефе периода империи, восходящем к раннему образцу. Щит имеет умбон («омфал»), упоминаемый Полибием. По словам греческого историка, раннее всадническое вооружение римлян было малопригодным, и они переняли эллинское, в частности — копье с железным заостренным подтоком, пригодным для нанесения удара (Polyb. VI, 25, 9). Облик всадника II в. до н. э. представлен на рельефе монумента Эмилия Павла в Дельфах: воин облачен в кольчугу с оплечьем, отличным от галльского; любопытную особенность представляет подол кольчуги с треугольным «вырезом», облегчающим посадку на коня. Другой изображенный на том же памятнике всадник носит круглый галльский щит с вертикальным ребром. Оружием конных воинов были копье и меч. В период поздней республики шлемы римских всадников, по-видимому, отличались большим разнообразием, причем преобладали формы греко-италийского или восточно-средиземноморского происхождения. Последнее, очевидно, отражало характерные для этого времени тенденции. На изображениях можно видеть эллинистические шлемы со сфероконической тульей и выгнутыми полями, с нащечниками или без, украшенные волосяными султанами. Во времена Цезаря, в I в. до н. э., всадники римских армий, набиравшиеся в провинциях, выступали в традиционном вооружении. Железные галльские шлемы, кольчуги, большие овальные щиты определяют характерный облик конного воина заката республики[1].

[1] Отряды конницы, набиравшиеся в восточных провинциях или предоставляемые союзными правителями, также имели традиционное вооружение. В армии Гн. Помпея накануне решительного столкновения с Цезарем, помимо галлов, фракийцев, македонян, были малоазийские всадники и конные стрелки из Коммагены.

Галльский всадник

I в. до н. э.

Воинственные кельтские (галльские) племена, расселившиеся к V в. до н. э. на землях Центральной и Западной Европы, сыграли видную роль в истории вооружения и военного дела. Кельтская экспансия распространилась на огромной территории — от Британии до Малой Азии и от Пиренейского полуострова до Восточной Европы. Около 387—386 г. до н. э. галлы-сеноны разгромили Рим. Спустя примерно столетие кельты вторглись на Балканский полуостров и прошли огнем и мечом по Северной Греции, Македонии и Фракии. Только мужество защитников Дельф спасло в 279 г. до н. э. одно из величайших греческих святилищ от галльского погрома. Галатия в Малой Азии, Галисия в Испании, Галиция в Прикарпатье зафиксировали в исторической топонимике крайние точки продвижения кельтских племен. Однако нестойкость временных военно-политических союзов, разобщенность кельтских племен сделали невозможным сколько-нибудь продолжительное и прочное государственное объединение. Завоевательная активность кельтов, потрясшая в IV—III вв. до н. э. средиземноморский мир, быстро пошла на убыль. Так, галаты (галлы, расселившиеся в Малой Азии) потерпели поражение от пергамского царя Аттала I в 232 г. до н. э. Инсубры, кельтское племя, поселившееся в Транспаданской Галлии (Северная Италия, к северу от р. По, древн. Пад), были в 222 г. до н. э. подчинены римлянами и окончательно покорены к 196 г. до н. э. Нарбоннская Галлия была присоединена римлянами в 125 г. до н. э. и превратилась в Провинцию (территория современного Прованса). В 58 г. до н. э. Цезарь, под предлогом помощи эдуям, кельтскому племени, обладавшему статусом союзника римского народа, против секванов, другого могущественного кельтского племени, вторгается в Галлию, и к 51 г. до н. э. завоевывает галльские земли на территории нынешней Франции, Бельгии, Швейцарии. Вывод колоний римских ветеранов способствовал романизации Галлии; при Цезаре были выведены колонии в Арелат (Арль), Вьенн, чуть позднее — в Лугдунум (Лион). В эпоху принципата Галлия, административно разделенная на

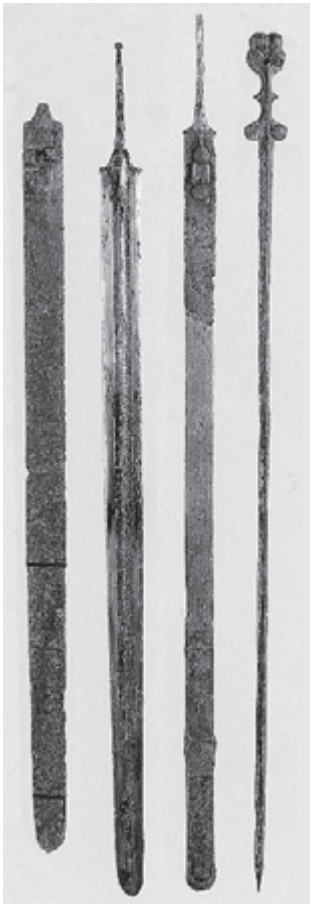


четыре провинции (Нарбонская и Лугдунская Галлии, Аквитания, Бельгика), превращается в одну из наиболее развитых и цветущих областей Римской империи. Как и другие провинции, Галлия поставляет вспомогательные подразделения в римскую армию, в частности, во вспомогательную конницу.

Коневодство было издавна развито в Галлии. Античная традиция сообщает о медлительных, но выносливых крупных галльских конях. Конь был

атрибутом могущества и авторитета знати. Особое место занимал образ коня в кельтских верованиях. Известны изображения Эпоны, богини-всадницы, покровительницы лошадей; культ этого божества сохраняется и в римское время.

Свидетельства античных источников, в первую очередь мемуары Г. Юлия Цезаря, дают представление об организации кельтской конницы, ее вооружении и тактике. Кельтская знать, выступавшая на войне в конном строю, опиралась на собственные дружины. В «Записках о Галльской войне» Цезарь так характеризует одного из галльских аристократов, эдуя Думнорига: «Он постоянно содержит на свой собственный счет большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен» (Bell. Gall. I, 19; пер. М. М. Покровского). В 48 г. до н. э. отрядом союзной галльской конницы в армии Цезаря командовали двое братьев из галльского племени аллоброгов: «они были знатного рода, богато одеты и вооружены, явились с большой свитой и большим количеством лошадей; <...> они имели репутацию людей храбрых...» (Bell. Civ. III, 60; пер. М. М. Покровского). Цезарь, подчеркивая их храбрость, ставит им в упрек жадность и варварское высокомерие. Однако пресловутые галльские алчность и тщеславие имели идеологическую, а не прагматическую мотивацию. Кельтские князья содержали отряды из преданных им клиентов, которых щедро одаривали. Взаимоотношения вождя и его дружины у галлов в конце I тыс. до н. э. в определенном смысле близки комитату германцев, о которых писал Тацит. Представляется возможным провести здесь параллель и процитировать выдающегося отечественного исследователя-медиевиста, А. Я. Гуревича, писавшего на материале позднейшего скандинавского эпоса об эпических героях (представлявших парадигму, идеальную модель поведения), которые «обретают свою реальность именно в соприкосновении с вещами, притом вещами определенного рода — оружием, золотом, конями. Все эти предметы княжеского и дружинного быта включаются в сферу активности персонажей эпоса в качестве неотъемлемого и важнейшего его компонента. Они не только служат героям, но и в свою очередь оказывают на них воздействие. Герой не замкнут в самом себе, его вооружение и богатство суть прямое продолжение его «я»[1]. В этом свете не покажется странным упоминаемое Полибием обыкновение кельтских знатных воинов и их свиты (клиентов, если воспользоваться терминологией Цезаря) вступать в битву, надев на себя украшения — золотые браслеты и гривны: дарованные вождем, эти предметы, с одной стороны, являются зримым и осязаемым подтверждением проявленной доблести, а с другой — свидетельствуют о причастности харизме вождя.



Галльские мечи
I в. до н. э.
Берн, Исторический музей

Тактика галльской конницы в I в. до н. э. известна, главным образом, по тому же источнику. Цезарь сражался с гельветами, которые практиковали использование пеших бойцов под прикрытием всадников. В Британии Цезарь столкнулся с архаичной тактикой колесничного боя, причем колесницы действовали совместно со всадниками, поддерживая последних. В Галлии колесницы в I в. до н. э., по-видимому, уже не применялись в бою, однако сохранились как атрибут престижа; детали кельтских колесниц (эссед) обнаруживают в захоронениях знати.

Достижения кельтов (галлов) в усовершенствовании верховой езды и, что немаловажно, конской сбруи весьма заметны. Так, галльские удила трензельного типа, бронзовые или железные, представлены многочисленными памятниками начиная с IV в. до н. э. Римляне, похоже, использовали заимствованное у кельтов конское снаряжение; во всяком

[1] А. Я. Гуревич. Эдда и сага. М.: Наука, 1979. С. 59.

Галльские шпоры. Моравия, I в. до н. э.

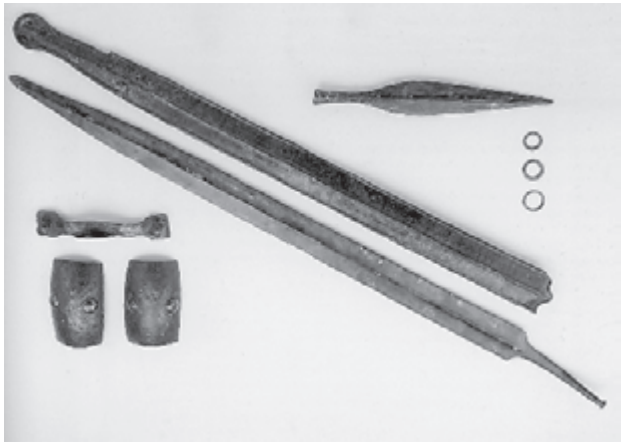
случае, несомненно, испытывали определенное влияние. Возможно, изобретение подковы также было заслугой кельтов. Исследователи связывают с кельтами введение в употребление шпор. Шпоры археологически засвидетельствованы в ареале распространения кельтской культуры начиная с латенского периода I, одна из древнейших находок датируется V в. до н. э. (Брезье, Словения). Кельтские шпоры представляли собой U-образную скобу с шипом на внешней стороне и петлями на концах; в петли продевался ремень, посредством которого шпора фиксировалась на ноге. Идентичные по конструкции римские шпоры найдены в большом количестве при раскопках римских пограничных фортов на территории Великобритании и Германии. Иногда вместо петель на концах скобы со слабо выраженным изгибом помещались круглые уплощенные шляпки, выполнявшие ту же функцию. Такие шпоры, датирующиеся I в. до н. э., обнаружены при раскопках оппидума в Старе Градишко (Моравия).

Неоднозначен вопрос о происхождении так называемого «рогатого» седла с раздвоенной передней и задней луками. Его широкое применение в римской коннице засвидетельствовано начиная с эпохи принципата. П. Коннолли, ссылаясь на иконографические памятники (монумент Юлия в Сен-Реми, кон. I в. до н. э.), уверенно пишет, что такое седло почти наверняка ведет свое происхождение от кельтов. В литературе, однако, высказывалось мнение, что данное предположение недостаточно обосновано; предполагается, что подобные седла были заимствованы римлянами на Востоке, возможно — у парфян.

Конская сбруя богато украшалась. О великолепии убранства коней кельтской знати свидетельствуют серебряные фалары из Брешии, украшенные антропоморфными масками. Расположение фаларов на нагрудном и подхвостном ремнях хорошо видно на изображениях, например — на чеканном рельефе котла из Гундеступа (первая пол. I в. до н. э.; Копенгаген).

В массе галлы, очевидно, были легковооруженными всадниками, но представители знати могли позволить себе дорогостоящее защитное вооружение. Знатные галльские всадники были вооружены копьями с железным наконечником и прямыми, обоюдоострыми мечами, более длинными, нежели римские и лучшего качества. Замечание Полибия о кельтских мечах, будто бы сгибающихся от одного удара, возможно, является преувеличением: кельтские клинки найдены во множестве. Среди находок встречаются экземпляры, подвергшиеся деформации, согнутые (иногда буквально «сложенные» в несколько раз)[1], однако в такое

[1] Gurnay-sur-Aronde (Oise), III в. до н. э. Оттуда же происходят умбоны щитов со следами ритуальной поломки (Компьен, Музей Вивенель). Так же датированы находки из погребения в Батине (Югославия), хранящиеся в венском Музее естественной истории, и из погребения № 15 в Kosd (Венгрия) в будапештском Magyar Nemzeti Museum.



Меч, ножны, наконечник копья и умбоны щитов. Первая половина III в. до н. э. Эперне, Муниципальный музей

состояние клинки, несомненно, были приведены преднамеренно. Подобные примеры известны не только на кельтском материале и связаны с распространенной ритуальной практикой порчи предметов вооружения перед помещением в погребение или святилище.

Находки длинного клинкового оружия довольно многочисленны и позволяют проследить эволюцию кельтского меча. На протяжении всего латенского периода четко прослеживается тенденция к увеличению длины клинка, достигающего к I в. до н. э. 900 мм. Характерной чертой клинков этого времени является скругленное острие, сообщающее мечу характер преимущественно рубящего оружия. Тем не менее продолжают использоваться и мечи с выраженным острием. В коллекции Исторического музея в Берне хранится артефакт конца II — начала I вв. до н. э. с узким длинным клинком ромбического сечения, однозначно колющий. Увеличение длины клинка, очевидно, отражает возросшее значение конницы.

Рукояти поздних кельтских мечей изготовлялись из дерева и монтировались на хвостовике, иногда снабженном металлическим перехватом; известны, однако, металлические (бронзовые или железные) рукояти Х-образной формы, восходящие к антенновидным рукоятям гальштадских мечей. Нередко навершие Х-образной рукояти оформляется в виде антропоморфной маски (меч из погребения в Шатильон-сюр-Эндр, бронзовая рукоять из Национального музея Ирландии в Дублине).

Меч носился на правом боку в железных ножнах, снабженных с обратной стороны небольшой вертикальной скобой. Специфичная конструкция кельтской поясной портупеи описана Диодором и реконструируется на основании многочисленных археологических находок. Она представляла собой две металлические (бронзовые или железные) цепи неодинаковой длины, составленные из звеньев различной формы, обычно спиралевидно перекрученных, соединенные одним концом между собой посредством пропущенного через скобу на ножнах кожаного ремешка. Короткая цепь (обычно из трех спиралевидных звеньев) крепилась к кожаной поясной портупее справа, а длинная (500—600 мм) оборачивалась вокруг пояса сзади и пристегивалась спереди к свободному концу портупеи, пропущенному через верхнее кольцо короткой цепи.

Меч, ножны и фрагменты портупеи. III в. до н. э. Компьен, Музей Vivene

Наконечники копий и дротиков представляют массовый материал в кельтских захоронениях, причем их форма и длина чрезвычайно вариативна. Характерные формы наконечников — удлиненно-лавровидная и с пером, более широким у основания и плавно сужающимся к острию. Длина наконечников колеблется в районе 300—400 мм, но достигает и значительно больших размеров, как экземпляр из Невшательского музея (650 мм, причем более половины длины приходится на втулку). Встречаются наконечники с волнистой кромкой пера. Длина копий кельтских всадников составляла около 2,5 м.

Доспех знатного всадника-галла представлял собой кольчугу, набранную из штампованных и соединенных встык железных колец. Появление кольчуги относят к концу IV в. до н. э., причем изобретение этого вида доспеха еще древние приписывали галлам: об этом прямо свидетельствует Варрон (Ling. Lat. V, 24, 116). Фрагменты кольчуг происходят из кельтского захоронения в Чиумешти (Румыния), датированного первой половиной III в. до н. э. Хорошо сохранившиеся фрагменты кольчуги найдены и на территории современной Швейцарии (Берн, Исторический музей). Изображения кельтских кольчуг демонстрируют скульптурные памятники, обнаруженные в Южной Франции, например — статуи героизированных вождей из Энтремона (район Авиньона) и Рокепертузы (Буш-дю-Рон), III в. до н. э. Судя по ним, кельтская (галльская) кольчуга имела длину примерно до середины бедра и снабжалась своеобразным оплечьем наподобие пелерины, зас-

Кельтский серебряный фалар.
Первая половина I в. до н. э.

тегивавшимся на груди. Характерные двух- или трехдисковые застежки, украшенные характерным орнаментом, представлены изображениями и артефактами.

Шлемы изготовлялись из бронзы или железа и нередко несли богатую декорацию. Железные кельтские шлемы часто украшались орнаментированными бронзовыми накладками; особенно роскошные экземпляры таушированы золотом или даже обложены золотым листом с прочеканенными рельефными орнаментами и коралловыми вставками (шлем IV в. до н. э., Ангулем, музей Общества археологии и истории Шаранты). По изображениям и письменным источникам известны шлемы, украшенные рогами или фигурами животных. Из кельтского погребения первой половины III в. до н. э. происходит уникальный шлем с навершием в виде фигуры хищной птицы с распростертыми крыльями (Бухарест, Национальный исторический музей). Укрепленные на петлях, эти крылья, очевидно, хлопали при движении. Шлемы кельтского производства обнаружены на огромной территории расселения кельтских племен и в контактных зонах. Не исключено, что знаменитый тип Монтефортино, широко использовавшийся галлами, этрусками, а позднее римлянами, восходит к ранним кельтским прототипам.

Наиболее типичен для I в. до н. э. так называемый тип Порт (назван по месту находки близ Порт-на-Нидау, кантон Берн, Швейцария), имеющий тулью с полусферическим верхом, характерный назатыльник и нащечники с вырезами для глаз и рта. Этот шлем станет прототипом легионерского шлема середины I в. н. э. (тип Вайзенау). На реконструкции представлен шлем из Мидово (Югославия), аналогичный шлему из собрания Цюрихского музея и относящийся к другому характерному для этой эпохи типу (Аген). Почти идентичная декорация — стилизованная фигурка птицы, объединенная в один декоративный мотив с тремя небольшими розетками — на нащечнике другого бронзового шлема из Югославии (Любляна, Народный музей).

Галлы использовали как круглые щиты, так и большие фиреи, имевшие, как правило, форму вытянутого овала. Щиты делались из дерева, обтягивались кожей и укреплялись металлическими умбонами. Изображения галльских щитов сохранились на многих эллинистических и римских триумфальных памятниках: на фризе алтаря Афины в Пергаме, на рельефах триумфальных арок Цезаря в Глаконе в Араузио (Оранже). Одно из наиболее ранних — гравированное изображение на ножнах меча второй половины V в. до н. э. из гробницы № 994 в Гальштадте (Вена, Музей естественной истории). Найдены многочисленные умбоны щитов и даже подлинные щиты. Обнаруженные в оз. Ла-Тен (Швейцария) кельтские фиреи середины III в. до н. э. были изготовлены из дубовых досок толщиной около 12 мм и укреплены вертикальным ребром и выпуклым умбоном с характерными симметричными крыльями. При высоте немногим более метра такой щит весил, по подсчетам П. Коннолли, 6–7 кг.

Характерным дополнением облика воина-галла были торквес — золотые гривны, и браслеты, литые или скрученные из витой проволоки. Торквес являлись предметом гордости, символом социального престижа.

Цветная вкладка *(стр. 13)*

Представлен знатный галльский воин I в. до н. э. по материалам археологических находок и изображениям.

Римский всадник вспомогательной конницы

I в. н. э.

В правление римского императора Октавиана Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.) завершается длительный процесс превращения римского гражданского ополчения в постоянную профессиональную армию, начавшийся в эпоху великих войн III—II вв. до н. э. и получивший зримое выражение в реформах Гая Мария. Ко времени оформления принципата (рубеж I в. до н. э. — I в. н. э.) практически вся римская конница комплектуется всадниками из провинций, главным образом — испанских и галльских. Теперь это не только легионная (сократившаяся до 120 всадников на легион), но прежде всего вспомогательная конница, сведенная в отряды (алы) по 500 воинов. Постепенно численность кавалерийских подразделений возрастает и к концу I в. появляются алы, насчитывающие 1000 всадников. Наряду с кавалерийскими алами существовали также смешанные когорты (cohortes equitatae), включавшие 6—10 центурий пехоты и 3—6 кавалерийских турм.

Названия ал указывали на место формирования (провинцию) или племя, в котором осуществлялся первоначальный набор: ала нервиев, ала фракийцев и т. д. Впоследствии конные подразделения зачастую переводились в другие провинции и могли пополняться представителями местных народов.

Подразделения конницы имели отличительные значки в виде полотнища на древке (vexillum). После завоевания Дакии в начале II в. в римской коннице получают распространение специфические значки-драконы (draco), заимствованные, вероятно, у сарматов. «Драко» представлял собой древко, увенчанное полой драконьей головой, к которой крепился длинный матерчатый конус. При быстром движении конус наполнялся воздухом и раздувался, создавая эффект развевающегося драконьего хвоста.

Жалованье всадников вспомогательной конницы было вдвое большим, чем у ауксилиариев-пехотинцев. В эпоху Юлиев-Клавдиев оно колебалось в пределах 150—250 денариев в год, то есть

было сопоставимо с жалованьем рядового легионера, тогда как всадникам легионной конницы выплачивалось 300 денариев. Хотя жалованье было сравнительно невелико, служба в коннице открывала для провинциалов заманчивые перспективы, так как вышедшие по истечении 25-летнего срока в отставку ветераны приобретали права римского гражданства, освобождались от налогов, хотя не получали, в отличие от легионеров, ни земли, ни денежного вознаграждения.

Задачи, которые возлагались на конные подразделения, были разнообразны. Конница, сопровождаемая легкой пехотой из числа вспомогательных подразделений, двигалась впереди армии на марше, обеспечивая прикрытие, разведку местности, наблюдение за неприятелем. Всадники несли

дозорную, посыльную, эскортную службу. В бою конница, по-прежнему играет подчиненную роль. Отряды всадников могут прикрывать фланги первой линии пехотных когорт, выполняют роль резерва за расположением пехоты. В случае обхода флангов на конницу (во избежание растягивания фронта пехоты) возлагается задача воспрепятствовать неприятельскому движению. При отходе противника всадники устремляются вперед, сохраняя строй и выслав передовых с целью удостовериться в непритворности отступления. Таким образом, в сражениях конница главным образом обеспечивает маневры легионной пехоты.

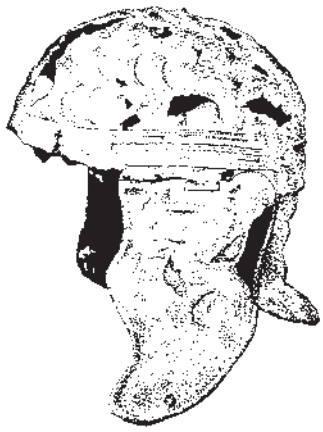
Со временем, однако, возрастает значение специализированных конных формирований. В конце I или начале II в. в армии Римской империи появились иррегулярные формирования (nationes или numeri) из солдат не римского происхождения (иногда даже не из жителей империи), сохранявшие национальные особенности вооружения. К таким подразделениям принадлежали конные лучники, набиравшиеся на Востоке (в Пальмире, Осроене) и во Фракии, мавританские и нумидийские дротикометатели. Во главе этих отрядов стояли римские офицеры.

Централизованное обеспечение оружием и снаряжением из государственных мастерских должно было в значительной мере нивелировать разницу в вооружении и экипировке вспомогательной конницы.

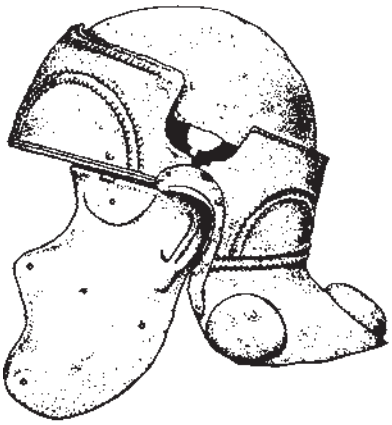
Основным оружием всадника было ясеневое копье с железным наконечником и конусовидным подтоком, одинаково пригодное и для ближнего боя, и для метания. На рельефах, как правило, изображены всадники, заносящие копье для удара. Но рельеф надгробия Тиберия Клавдия Максима демонстрирует в руках всадника три копья; по-видимому, одно воин держал в правой руке, а другие, наготове, в левой, за щитом. Иосиф Флавий, описывая римских всадников 60-х гг. I в., сообщает, что «в колчане, подвешенном с одной стороны, у них лежит еще три или более дротика с широким наконечником» (III 5.5 (94–97)).

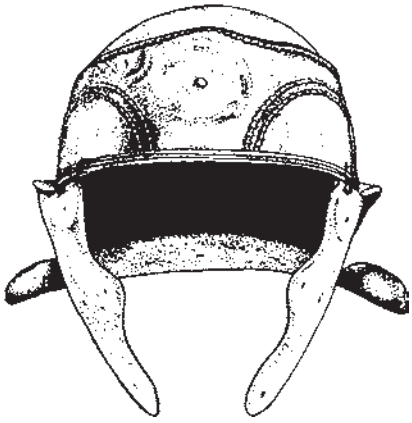
Меч (spatha), с прямым обоюдоострым клинком длиной около 700 мм, носили в деревянных, окованных бронзой, ножнах на плечевой или поясной портупее справа (офицеры — слева). Лицевая сторона ножен могла покрываться листом луженой бронзы. Рукояти вытачивали из кости, навершие и гарда более простых мечей делались из дерева. Рельефы надгробий демонстрируют массивные навершия в форме уплощенного шара или чечевицы.

Непременным предметом защитного вооружения всадника был большой, плоский, вытянутый по высоте щит овальной или шестиугольной формы, по словам Иосифа Флавия, «опирающийся на лошадиный бок».

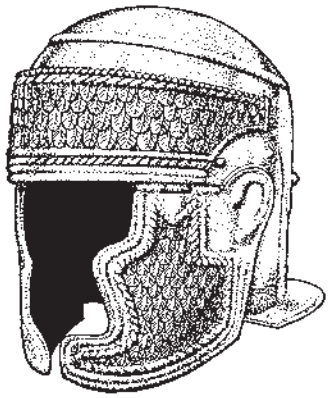


Шлем из Вейлера





Шлем из Уитчем Грэвел



Шлем из Бутцбаха

Щит имел центральную горизонтальную рукоять и ремень, на котором всадник мог перекинуть его за спину или привесить к седлу. Щит изготавливался из досок толщиной около 6 мм и обтягивался кожей. В центре щита четырьмя заклепками крепился большой полусферический умбон, защищавший кисть держащего щит воина. Край щита укреплялся бронзовой оковкой. Щиты расписывались, причем цвет поля щита и, возможно, рисунок на нем определяли принадлежность тому или иному подразделению. Часто изображались атрибуты, связанные с культом императора или популярными воинскими культами.

Шлемы всадников вспомогательной конницы представлены довольно многочисленными изображениями и артефактами. К первым прежде всего относятся надгробные стелы всадников, обнаруженные в Рейнской области от Вормса до Кёльна (главным образом — от Вормса до Бонна) и на территории Британии. В отличие от триумфальных сооружений и памятников официального искусства, они дают очень реалистическое представление о снаряжении воинов. Благодаря этому возможно довольно точно датировать находки подлинных шлемов.

Один из ранних образцов римского кавалерийского шлема происходит из Вейлера (Люксембург); он представляет тип, существовавший, возможно, в последней четверти I в. до н. э. — первой четверти I в. н. э. Железная тулья (толщина около 3 мм, сильно корродирована) декорирована концентрическими рядами рельефных завитков (стилизованно переданные пряди волос) — мотив, очень характерный для кавалерийских шлемов I в., железные нащечники плакированы бронзой. Бронзовая же орнаментированная полоса оформляла нижний край налобника. Шлемы этого типа найдены также в Нориче и Ньюстеде, в Великобритании.

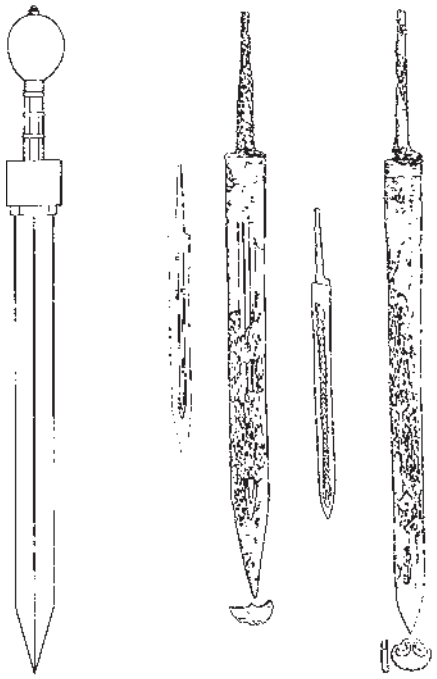
Всадник вспомогательной конницы. Рельеф надгробия из Кёльна

Всадник вспомогательной конницы. Рельеф надгробия из Кёльна

Железный шлем с серебряными накладками. 2-я четверть I в.

Вероятно, с середины I в. распространяется практика изготовления железных шлемов с бронзовыми или серебряными накладками на тулье. Концентрический ряд отверстий на тулье шлема из Ньюстеда был, очевидно, предназначен для крепления подобной накладки, скорее всего с декорацией, выполненной в виде орнаментально трактованных прядей волос. Идентичная декорация тульи шлема представлена на надгробиях всадников из Кёльна, Майнца, Вормса.

Великолепный шлем второй четверти II в. из Уитчем Грэвел (Кэмбриджшир), хранящийся



Кавалерийские мечи (spathae). По М. Симкинсу

в Британском музее, украшен уплощенно-полусферическими бронзовыми накладками-«умбонами», которые Рассел Робинсон остроумно назвал «bicycle-bell» («велосипедный звонок»). Шесть таких «умбонов» помещалось на тулье и назатыльнике, и по пять, меньшего размера, на каждом нащечнике. Этот шлем сохранил следы крепления прямого гребня, возможно, отличительного знака декуриона.

Характерной особенностью всех этих шлемов является глубокий и узкий назатыльник, прикрывающий шею воина, и нащечники, полностью закрывающие боковую плоскость лица и уши. Во II в. получает распространение шлем, еще более закрытый: назатыльник становится более глубоким, а нащечники, замыкающиеся на шкворень на подбородке, один поверх другого, благодаря перпендикулярно отогнутому наружу нижнему краю, практически садятся на панцирь, прикрывая горло. Кроме того, нащечники почти полностью закрывают лицо, оставляя открытыми только глаза, рот и нос. Дополнительно эти шлемы усиливались крестообразной накладкой на тулье и массивным козырьком на налобнике.

Все шлемы обязательно имели подшлемник из плотного войлока для удобства ношения и амортизации.

Корпусные доспехи, использовавшиеся конницей, представлены несколькими видами. Рельеф начала I в. показывает всадников в кольчуге и в чешуйчатом панцире (Палаццо Дукале, Мантуя). Интересно, что покрой кольчуги (*lorica hamata*) отличен от более раннего: он имеет оплечье-пелерину, крепящееся спереди к двум кольцам. Рельефы надгробий римских всадников из вспомогательных ал I в. н. э. показывают несколько иную форму кольчужного оплечья, фиксируемого на груди посредством двойного крючка-застежки. В Сен-Жермен-ан-Лэ хранится такая застежка из бронзы (вторая четверть I в.), представляющая собой два симметрично расходящихся S-образных накидных крюка, подвижно соединенных нижними концами. Кольчуги конца I — начала II вв., представленные на рельефах колонны Траяна и знаменитого трофея в Адамклисси, заметно отличаются от более ранних. Они короче, не имеют оплечья, но снабжены короткими рукавами. На колонне Траяна подолы кольчуг и рукава имеют фестончатый край. Идентичные кольчуги продолжают использоваться позднее: они изображены на рельефах триумфальной арки Септимия Севера в Риме (203 г.). По мнению П. Коннолли, вес такой укороченной кольчуги достигал 9 кг. Носились кольчуги, возможно, поверх кожаной рубахи, надеваемой на тунику. Судя по некоторым изображениям, кольчужное оплечье имело кожаную подкладку (рельеф I в. из Кот-д'Ор) или обшивалось кожаным рантом. Чтобы предохранить шею от натирания краем ворота, воины носили обычно шерстяной галстук (focale), концы которого часто выпускались поверх доспеха. Сохранились довольно многочисленные фрагменты

Подвеска из луженой бронзы. Унтеркирхберг, I в. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг

римских кольчуг, обнаруженные при раскопках римских лагерей и укрепленных фортов.

Другим видом доспеха, популярным среди всадников-ауксилиариев, был чешуйчатый панцирь (*lorica squamata*). Он представлен как изображениями на многих памятниках I—III вв., так и находками подлинных фрагментов, железных и бронзовых чешуек различного размера и конфигурации. Бронзовые чешуйки из Ньюстеда (Великобритания), датируемые концом I в., имеют размеры 29/12 мм, однако, встречаются как значительно более крупные (80/54 мм), так и меньшего размера. Как правило, чешуйки имеют прямоугольную форму с скругленным нижним краем, реже — с нижним краем треугольной формы, как у чешуек из Корбриджа (15/10 мм). По верхнему краю каждой чешуйки прокалывались три ряда отверстий. Крайние (одна или несколько пар, в зависимости от размера пластин) служили для соединения чешуек между собой при помощи проволоки[1], а средние — для пришивания к основе.

Вероятно, уже в I в. применялся ламеллярный доспех, по меньшей мере в восточной части империи. На знаменитом рельефе из Пальмиры, изображающем триаду местных богов, показаны ламеллярные панцири эллинистического облика в сочетании с римским гладиусом. По мнению специалистов, пластинчатые доспехи вообще были более характерны для восточных провинций, а кольчуга — для западных. Пластинчатый панцирь мог дополняться кожаными птеригами, предохранявшими от износа тунику.

На основании фрагмента триумфального монумента из Арлона (Бельгия) было сделано предположение, что всадники-ауксилиарии могли носить и считавшийся прежде исключительной принадлежностью легионной пехоты ламинарный панцирь, условно называемый сегментированной лорикой (*lorica segmentata*). Два всадника на этом памятнике облачены в кольчуги, дополненные ламинарными наплечниками, идентичными обнаруженным в Корбридже. Очевидно, комбинация кольчуги и пластинчатой брони объясняется тем, что жесткий подол обычной сегментированной лорики был крайне неудобен при посадке в седле. Вероятно, подобными комбинированными доспехами обладали наиболее заслуженные воины из частей вспомогательной конницы.

Воины вспомогательной конницы носили шерстяные туники (иногда с длинными рукавами) и штаны (*feminalia*), прикрывавшие ногу до середины голени. Обувью служили обычные солдатские сандалии (*caligae*), снабженные железными шпорами.

Конница ранней империи использовала так называемое «роговое» или «рогатое» седло. Оно было снабжено подпругой, подхвостным и нагрудным ремнями, и представляло собой обтянутый кожей деревянный каркас с набивкой, а четыре «рога» по углам обеспечивали всаднику надежную и удобную посадку. Не совсем ясен вопрос о времени появления седла и его происхождении[1] На рубеже I до н. э. — I вв. оно уже известно. «Рогатое» седло представлено многочисленными изображениями и находкой в Валькенбурге. Обнаружены и бронзовые накладки, которыми укреплялись «рога» седел этого типа (Ньюстед, поздний I в.).

Римляне применяли различные типы узды — как простой трензель, так и более сложные удила, обеспечивавшие жесткий контроль всадника над конем. Несомненно, была известна подкова, но трудно сказать, часто ли ковались лошади вспомогательной конницы. Обнаруженные при раскопках римских поселений съемные конские башмаки применялись скорее для сугубо хозяйственных нужд.

По изображениям и археологическим находкам известны многочисленные элементы конской сбруи: застежки, фалары, подвески, выполненные из луженой бронзы, нередко посеребренные и богато украшенные.

Цветная вкладка (*стр. 14*)

Представлен всадник вспомогательной конницы середины I в. н. э. Шлем — по экземпляру из Бутцбаха, (музей Дармштадта).

---

[1] Тонкие (1,2—2 мм) бронзовые скобы, служившие для соединения пластин чешуйчатого панциря, часто имеют прямоугольное сечение; по-видимому, они нарезались из тонкого бронзового листа.

[1] Вопреки устоявшейся точке зрения на кельтское происхождение «рогатого» седла, В. П. Никаноровым предложена альтернативная версия о восточном заимствовании (*Никаноров В. П.* К вопросу о седлах парфянской кавалерии / Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 21—26). Приведенная ученым аргументация очень убедительна.

Сарматский воин

II в. до н. э. – II в. н. э.

По своей известности сарматская конница немногим уступает скифской. Если вторую прославляли греческие историки, то первая не сходит со страниц римских авторов. В период империи сарматы становятся одними из самых опасных противников римских легионов, чему они обязаны, в первую очередь, своей прекрасно вооруженной и обученной коннице. Она появилась в результате длительного развития тактики и вооружений этого воинственного народа.

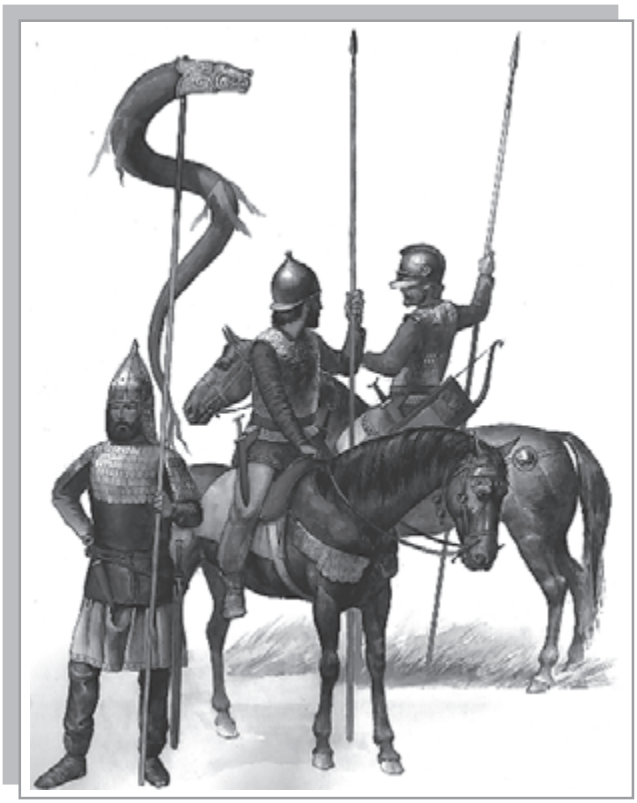
Сарматские племена, по всей видимости, произошли от савроматов — племени, родственного скифам. По легенде, переданной Геродотом, они произошли от брака между скифскими юношами и оказавшимися в скифских степях амазонками. Это, без сомнения, объясняется крайней воинственностью савроматских женщин, в могилах которых часто находят оружие. Этот обычай сохраняется вплоть до среднесарматского времени. Период истории сарматов VII—IV вв. до н. э. называется савроматским. В целом вооружение савроматов во многом сходно со скифским, которое было рассмотрено в предыдущих разделах. Однако наличествуют и некоторые особенности. Лук, которым пользовались савроматы, по всей видимости, не сильно отличался от скифского, который господствует в это время на всей территории степи. Судя по всему, савроматы пользовались для хранения стрел преимущественно колчанами, а не горитами, как скифы. Во многих захоронениях встречены крючки для крепления колчана к поясу, иногда сделанные в зверином стиле. Типы наконечников стрел также совпадают со скифскими. С V в. до н. э. в некоторых областях, наряду с бронзовыми, распространяются железные наконечники стрел, часто черешковые, как трехлопастные, так и трехгранные. Особую роль в савроматском вооружении играл меч. Формы наверший и перекрестий клинкового оружия савроматов не отличаются от скифских. Мечи и кинжалы также носились с правой стороны. Однако длина савроматских мечей в целом несколько превышает скифские, достигая 1 м и больше. На всем протяжении сарматской истории меч являлся важнейшей частью вооружения всадника. Особенно это заметно в

ранний период, так как распространение в савроматской среде копий (они, как и скифские, обладали листовидным железным наконечником) было значительно меньшим, чем у скифов. Остальные виды оружия ближнего боя у савроматов почти не встречаются. Уздечный набор также не отличается от синхронного скифского.

Раннесарматский, или «прохоровский», период датируется IV—II вв. до н. э., назван по Прохоровским курганам, открытым в Оренбургской губернии. В это время сарматы решительно выходят на историческую арену. Постепенно усиливается их натиск в западном направлении. Похоже, «прохоровцы» были весьма воинственным народом, так как количество оружия в сарматских погребениях существенно возрастает по сравнению с савроматским периодом. В колчанах этого времени находят до 300 наконечников стрел, причем фиксируется небрежность при отливке бронзовых наконечников, а количество железных трехлопастных черешковых наконечников постепенно увеличивается. Вместе с остатками колчанов часто находят крюки, а также ворварки и прорези, служившие для крепления колчана к портупейным ремням или для украшения. Широко распространяются длинные (до 1,3 м) всадные мечи «прохоровского» типа. Такие мечи характеризуются длинным клинком в форме равнобед-

ренного треугольника, прямым перекрестием и серповидным или согнутым под прямым углом навершием. Длинные мечи носились преимущественно с левой стороны в связи с тем, что обнажить такой меч при его нахождении справа не представлялось возможным. Вероятно, длинный меч, как и в последующие периоды, при езде дополнительно прижимался ногой. С правой стороны им часто соответствуют кинжалы, аналогичные по форме мечам. Вероятно, колчаны тоже стали носить с правой стороны. Были распространены и кинжалы без перекрестия, в которых рукоять крепится прямо к клинку. Кроме того, время от времени в прохоровских погребениях встречаются находки массивных копий. Из оборонительного вооружения можно упомянуть такую редкую находку, как железную кирасу из Прохоровских курганов, которая стоит особняком в ряду находок степного оборонительного оружия. Вероятно, сарматы пользовались такими же чешуйчатыми панцирями, как и скифы. Шлемы также очень редки. В некоторых погребениях были найдены бронзовые шлемы, часто использовавшиеся в течение весьма длительного времени, что говорит о их большой ценности и редкости.

Надгробие Трифона, сына Андромена. Танаис. II в. н. э.

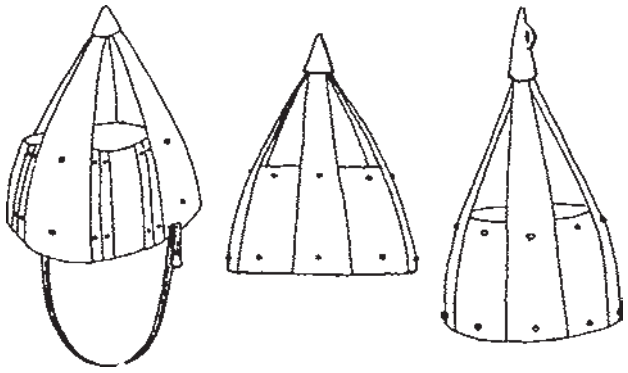


Среднесарматская культура датируется концом III в. до н. э.— II в. н. э. Она отнюдь не является археологической абстракцией. Именно в это время сарматы заявляют о себе во весь голос на мировой арене. Их племена занимают Северное Причерноморье, они активно продвигаются в западном направлении. Влияние сарматов на Боспорское царство в высшей степени усиливается. На реконструкции представлен всадник, вооружение которого относится к первым векам нашей эры. Новый сарматский лук, появившийся в начале новой эры на смену скифскому, укрепляется костяными накладками в центральной части (в районе рукояти) и по краям плеч. Костяные накладки жестко фиксировали покрытые ими деревянные части, в результате чего вся нагрузка при стрельбе ложилась на срединную часть плеч. Луки этого типа первоначально были больше скифских по длине, достигая 1 м. Впрочем, в результате последующей эволюции размеры таких луков также уменьшаются. Можно отметить, что сарматские луки, как и скифские, обладали некоторой асимметрией плеч, которую часто можно заметить на изображениях. В это время лучники широко используют железные трехлопастные втульчатые наконечники, размер которых увеличивается вместе с длиной стрелы. Колчаны со стрелами находят как в мужских, так и в женских захоро-

Всадник с луком гуннского типа. Граффито из Дура-Эвропос. II—III вв. н. э.

нениях. Ряд изображений позволяет предположить, что сарматы использовали как открытые, так и закрываемые крышкой колчаны. Вероятно, всадники надевали на большой палец кольцо для защиты от тетивы. Овидий пишет о ядовитых стрелах варваров, что вполне может соответствовать истине. Древко стрел у перьев в это время красилось в красный цвет, а центральная часть могла быть покрыта зелеными, красными или белыми полосами. Длинные мечи «прохоровского» типа вытесняются более короткими мечами и кинжалами с кольцевым навершием, длина которых не превышает 50—60 см. Судя по всему, навершие в виде металлического кольца является дальнейшим развитием когтевидного антенного навершия скифского времени и серповидного «прохоровского». Рукоять мечей могла обкладываться костью, но чаще была деревянной и окрашивалась в красный цвет. Ножны делались из дерева, иногда с металлическим наконечником, и также красились в красный цвет. Очень редкими были металлические ножны. Возле рукоятей часто находят бронзовые ворварки и бусы, которые, похоже, украшали кисти, привязанные к кольцам. Также бусами могли украшаться и колчаны. Помимо крепления короткого меча или кинжала к правой ноге ремешком, предполагается и способ свободного размещения ножен на портупейном ремне, что позволяло сдвигать их как вправо, так и влево, в зависимости от необходимости. Начиная с I в. н. э. начинают появляться длинные мечи без навершия, характерные для позднесарматского периода. Большие проблемы связаны с конструкцией такого принципиально важного для сарматов этого времени оружия, как копье. Античные авторы отмечают длинные копья сарматских всадников. Однако в погребениях копья встречаются чрезвычайно редко. Ни одна из археологических находок не позволяет предполагать, что длина сарматских копий превышала 3 м, хотя некоторые изображения позволили высказать гипотезу о том, что сарматские копья достигали 4 и более метров. Железные наконечники копий имели длину 30—40 см. Зафиксированы наконечники с длинной втулкой и коротким пером, а также короткой втулкой и длинным листовидным пером. Похоже, что на сарматских копьях отсутствовали втоки.

Некоторые вопросы вызывают и особенности сарматского защитного вооружения. Хотя находки доспехов этого времени крайне редки, можно говорить только об их фрагментах, античные источники в один голос говорят о тяжелых чешуйчатых панцирях на кожаной основе. Для изготовления панцирей могли одновременно использоваться железные и бронзовые пластины. В некоторых случаях их, как и в скифское время, обтягивали золотыми листочками. Естественно, что чешуи могли покрывать не все тело и руки всадника, а только часть (например, грудь). Один из таких панцирей представлен на знаменитом надгробье Трифона из Танаиса (он на реконструкции). Подобный доспех мог быть столь тяжел, что, по словам римского историка Тацита, упавший



Каркасные шлемы из раскопок у хутора Городского в Прикубанье. I—II вв. н. э. По А. А. Сазонову

всадник не мог подняться из-за тяжести доспеха. В это время в составе сарматского вооружения появляются кольчуги или скорее детали доспеха, комбинирующие чешуйчатый панцирь и кольчугу. Шлемы также чрезвычайно редки. К этому времени относятся несколько шлемов центральноевропейских типов. Судя по изображениям, большинство сарматов носили шлем, который изготавливался из металлических пластин, крепившихся на каркасе из обода и вертикальных ребер. К ободу мог крепиться назатыльник и нащечники. Вверху ребра заканчивались шариком или пуговицей. Подобные шлемы представлены, в частности, на колонне Траяна и ряде надгробных плит.

Чрезвычайно важные изменения коснулись уздечного набора. Не останавливаясь на незначительных изменениях в конструкции узды, отметим, что в это время для украшения коня используют фалары — крупные выгнутые пластины, самые крупные из которых украшают грудь лошади, а более мелкие — детали узды. Мягкое скифское седло сменяется на твердое седло с высокими луками на деревянной основе. Для его крепления используется нагрудник, подпружные ремни и подхвостник.

Именно изменение конструкции седла дало возможность сарматской тяжелой коннице усовершенствовать свою тактику. Собственно говоря, в атаке тяжелой конницы в плотном строю не было ничего принципиально нового. Ее практиковали многие народы древности. Однако сарматы научились наносить удар копьем, используя не только силу рук (как, например, скифы или греки), а вкладывая в него массу лошади. Для этого сарматский всадник при ударе опирался на заднюю луку твердого седла. Следует отметить, что еще не достигнута полная ясность относительно того, как сарматские всадники держали копье. Ранее предполагалось, что перед ударом всадник бросал повод и наносил удар, держа копье почти наперевес. Однако потеря управления лошадью в такой ситуации может быть чрезвычайно опасна. Не исключено, что копье держалось так, как указано на реконструкции (с одновременным удержанием копья и повода) или даже одной рукой, зажимая его под мышкой.

Во II в. до н. э. характер сарматского вооружения снова изменяется. Это время принято называть позднесарматским. Значение лука в сарматской среде, похоже, существенно уменьшается. Если раньше количество стрел в захоронениях исчислялось сотнями, то теперь речь может идти о десятках, а то и единицах стрел. Иногда в захоронения кладутся пустые колчаны, что могло иметь только символическое значение. Видимо, использование в бою лука у сарматов этого времени отходит на задний план. Любопытно, что количество копий, которые найдены в сарматских погребениях, тоже очень невелико. Похоже, основным оружием сарматского всадника становится длинный меч, достигавший порой 1,12 м. У таких мечей иногда наличествует небольшое прямое перекрестие, но иногда его могло не быть совсем. Рукоять цилиндрической формы делалась из дерева. Дисковидные навершия подобных мечей делались из халцедона, янтаря, оникса и других материалов. Не исключено, что у многих экземпляров навершие вообще отсутствовало. Также находят разнообразные детали из металла или полудрагоценных материалов, служившие украшением темляка или кисти, крепившихся к рукояти. Ножны крепились к поясу при помощи специальной скобы, через которую пропускался портупейный ремень (на реконструкции). Такой способ крепления меча был удобен только для всадников. Античные авторы говорят об использовании сарматами аркана, которым они опутывали вражеских всадников и сбрасывали их с коня. Дротики сарматами почти не применялись.

На протяжении всей истории сарматского вооружения неизвестны никакие данные об их щитах, возможно, это соответствует их тактике, так как Тацит пишет, что «у них не в обычае защищаться щитом».

В IV в. сарматские племена были в целом рассеяны в результате гуннских походов и влились в состав новых племенных образований. Тем не менее методы действия сарматской конницы (в первую очередь, среднесарматского времени) с успехом продолжали применяться в эпоху Средневековья.

Цветная вкладка (*стр. 15, 16*)

Представлены сарматские воины I в. до н.э. — III в. н.э. по археологическим и иконографическим памятникам.

Римская конница

III–IV вв.

Традиционно в римской армии конница играла существенно меньшую роль, нежели легионная пехота. Но уже во второй половине II в. н. э., при Марке Аврелии, проявляются первые очевидные симптомы несостоятельности прежней римской военной и оборонительной системы. Особенно отчетливо кризис обозначился в начале следующего столетия. На Рейне и Дунае римским границам теперь угрожали крупные племенные объединения германцев, на востоке — агрессивное Ново-Персидское царство. В участившихся столкновениях с варварами значение конницы постепенно возрастает.

При Северах на фоне общего увеличения численности вооруженных сил империи растет и численность конных формирований. Септимий Север (193–211 гг. н. э.) удвоил число конных гвардейцев (equites singulares Augusti). Огромную роль в изменении системы комплектования и организации римской конницы, как и армии в целом, сыграл знаменитый эдикт императора Каракаллы (211–218 гг. н. э.), преемника Септимия Севера, изданный в 212 г.: он распространял права римского гражданства на все свободное население империи. Благодаря этой эпохальной реформе процесс провинциализации и варваризации римской армии значительно усилился, причем в ее рядах все чаще фигурируют варварские подразделения. Значительные конные соединения из германцев набрал император Максимин Фракиец (235–238 гг. н. э.). При Аврелиане (270–275 гг. н. э.) в составе римской регулярной армии создаются вспомогательные подразделения из вандалов, алеманнов, ютунгов, абсолютно варварские по этническому составу и сохраняющие принятые у германцев значки, эмблемы и вооружение. Позднее, при Диоклетиане (284–305 гг. н. э.), только среди ал и когорт, размещенных на восточной границе империи, более 20 носили названия, происходившие от названий варварских племен — франков, вандалов, саксов, готов, сарматов.

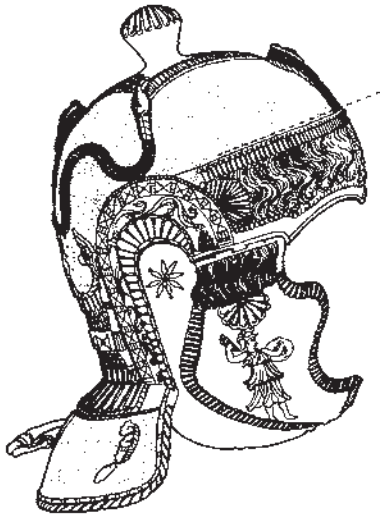
Большое значение в деле создания качественно новой конницы имели реформы, проведенные императором Галлиеном (253–268 гг. н. э.). Возможно, уже Галлиен увеличил численность легионной конницы со 120 до 726 человек; Аврелиан, продолжая его начинания, еще более усилил легионную конницу и, главное, создал из нее самостоятельные тактические подразделения (promoti).

По-видимому, еще в первые годы своего совместного правления с отцом, императором Валерианом, командуя войсками на рейнской границе, Галлиен имел возможность оценить высокую мобильность конницы в борьбе с германцами. Вероятно, легионная конница, наряду с другими конными формированиями (далматинскими, мавританскими, осроенскими), стала ядром сформированного Галлиеном конного корпуса.

Это мощное мобильное соединение, способное выполнять самостоятельные задачи, с 359 г. базировалось в Северной Италии, в Медиолане (совр. Милан). Его первостепенной задачей, по сообщению Зосима (I. 40, 1), была оборона Италии от возможного вторжения войск Постума, в 360 г. провозглашенного императором охранявшими рейнскую границу войсками. Ставший самостоятельным правителем римского Запада, Галльской империи, просуществовавшей более десяти лет[1], Постум представлял серьезную угрозу центральной власти. Однако конный корпус эффективно использовался также для борьбы с другими попытками узурпации власти[2], и как мобильный резерв участвовал в отражении варварских вторжений. По сути, созданный Галлиеном конный корпус являлся мобильной резервной армией, способной противостоять врагу на угрожаемом направлении, без ослабления пограничной линии, неизбежного при переброске в район боевых действий войск с соседних участков границы. Дислокация корпуса на севере Италии позволяла, в случае необходимости, быстро перебросить его на Рейн или Дунай.

О важности, придававшейся императором этому подразделению, свидетельствует, в частности, тот факт, что при Галлиене командир нового кавалерийского корпуса был фактически вторым человеком в государстве, превосходя значением даже преторианских префектов. Первым командующим корпусом был Авреол. Этот пост занимал Аврелиан накануне его избрания императором. Корпус сохранился и при преемниках Галлиена.

Важнейшее значение в кардинальной перестройке римской армии имела военная реформа Диоклетиана, провозглашенного императором в 284 г. Диоклетиан разделил войско: охрана границ была полностью возложена на состоявшие в значительной части из варваров-колонистов войска (limitanei — «пограничные»), а для ведения активных военных действий и подавления внутренних смут в распоряжении императора находилась мобильная армия (comitatenses — «спутники»), расквартированная по городам внутри империи. В нее, в частности, вошли сформированные Диоклетианом новые легионы и конные подразделения. Окончательное оформление реформа получила при Константине Великом (306–337 гг.). Варваризация армии в эту эпоху приобретает необратимый характер. Варвары в массовом порядке принимаются и в пограничные, и во внутренние войска: 40 тыс. готов получили статус федератов («союзников») с выплатой жалованья. Придя к власти, Константин расформировал преторианскую гвардию, набрав вместо нее корпус телохранителей из германских войск — конную гвардию, *схолы* (scholae). К концу столетия насчитывалось свыше десяти таких соединений. Конные воины на протяжении IV в. превращаются в элиту армии, становятся привилегированным родом войск. Всадники имеют более высокое жалованье, несомненно, значительно лучше вооружены и экипированы. К концу столетия, судя по «Notitia Dignitatum» — уникальному своду военных и гражданских должностей империи (V в.), — в составе римской конницы пред-

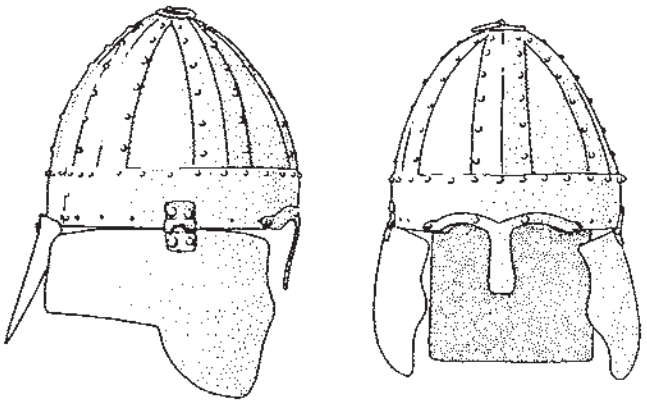


Шлем из Хеддернхайма

«Спортивный» шлем из Рибчестера. Конец I в. Лондон, Британский музей

[1] При Постуме Галльская империя объединяла собственно Галлию, Испанию и Британию. Территориальное единство империи было восстановлено только при Аврелиане, ликвидировавшем Галльскую империю в 274 г.

[2] С помощью конного корпуса были подавлены выступления Ингенуя и Регалиана на Дунае.



Железный шлем из Дейр эль-Мединэ, IV—V вв. Каир, Египетский музей. По Г. Пфлюгу

ставлен весь спектр родов оружия: вооруженная дротиками легкая кавалерия, «скутаты» (всадники со щитами и копьями), конные лучники (equites sagittarii) и тяжеловооруженные конные лучники (sagittarii clibanarii), наконец, тяжелая ударная конница — катафрактарии и клибанарии, вооруженные длинной пикой-контосом.

Впервые попытка организации катафрактной конницы, не имевшая, по-видимому, успеха, была предпринята еще при императоре Адриане (117—138 гг.). При Александре Севере (222—235 гг. н. э.), во время войны с персами, было организовано подразделение панцирных конников-катафрактариев. Переброшенное затем на Запад, это подразделение применялось в операциях против германцев, а позже участвовало в походе Максимина Фракийца на Италию. Особенно возрастает значение тяжеловооруженной конницы при Аврелиане, что объясняется необходимостью ведения войны с противниками, в войсках которых этот род войск имел значительный вес, прежде всего — Персией и Пальмирой. Несомненно, многие элементы тактики и вооружения тяжелой конницы римляне позаимствовали у своих противников.

Огромное влияние на сложение римской тяжелой кавалерии оказали сарматы. Римлянам неоднократно приходилось сдерживать натиск воинственных сарматских племен. В то же время сарматские воины привлекались римлянами на военную службу, за что наделялись землей (в частности, в Галлии). Интересно, что многие известные подразделения катафрактариев имеют галльские названия (*equites Biturigenses, Ambianenses, Albigensens, Pictavenses*). Сарматских катафрактариев активно использовал Галерий (293—311 гг.) в своем персидском походе 296—298 гг. Их изображения сохранились на рельефах триумфальной арки Галерия в Салониках.

Подразделения клибанариев, возможно, имеют восточное, персидское или парфянское происхождение. Новые подразделения тяжеловооруженной конницы целиком снаряжались на персидский манер, что привнесло специфический колорит в облик римской армии. Впервые эти тяжеловооруженные всадники упоминаются в начале IV в., причем их «дебют» был крайне неудачен. Спустя полстолетия, в битве при Аргенторате (Страсбурге) в 357 г., они опять показали себя не лучшим образом, едва не потоптав в панике свою же пехоту. Однако само зрелище закованных в броню воинов на конях, облаченных в сверкающие доспехи, должно было производить сильное впечатление[1]. Клибанарии, похоже, имели более высокий статус, чем катафракты, и более дорогое и блестящее вооружение: упоминаются несколько крупных мастерских, обслуживавших только эти подразделения, в том числе в Антиохии, Кесарии, Никомедии. При раскопках в Дура-Эвропос были найдены две практически полностью сохранившиеся конские попоны (гр. Παραπλευρίδια), набранные из бронзовых чешуек, и одна фрагментированная. Каждая попона состояла из двух больших полотнищ грубой ткани, соединенных между собой полосой кожи с небольшим треугольным нахвостником и вырезом под седло. Чешуйки в среднем имеют размер 25—35 мм и каждая проколота парой отверстий по краям для соединения со смежными посредством скоб или

[1] Аммиан Марцеллин так описывает тяжеловооруженных всадников, сопровождавших императора Констанция II (337—361 гг.) при торжественном прохождении по Риму: «...закованные в доспехи всадники, которых называют клибанариями; покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собой, охватывали все части тела, приспосабливаясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела одеяние плотно облегало его части» (XVI, 0, 8; пер. В. Ю. Кулаковского).

проволоки. Четыре дополнительные отверстия в верхней части каждой чешуйки служили для пришивания к основе. Оттуда же происходит и самый ранний сохранившийся экземпляр античного ламеллярного доспеха (III в.) — пара кожаных набедренников, являющихся, вероятно, частью снаряжения клибанария.

Облик панцирной конницы отражают редкие иконографические памятники, например граффити и росписи из Дура-Эвропос (Сирия). Вопрос о том, применялись ли римскими тяжеловооруженными всадниками средства защиты лица, остается открытым. Аммиан сообщает о персидских шлемах с масками[1]. По-видимому, можно допустить, что, по меньшей мере, какая-то часть римских шлемов с масками-личинами, традиционно рассматривающихся как парадно-спортивное снаряжение, имела функциональное боевое назначение.

Уже в I — начале II вв. римляне использовали средства защиты конечностей. Известны изображения ламинарных наручей (manicae) на рельефах трофея в Адамклисси. Фрагменты подобных доспехов обнаружены археологически (в Ньюстеде и Карнунтуме, Великобритания). Они представляют собой набор прямоугольных металлических пластин, соединенных внахлест и скрепленных изнутри на продольных кожаных ремнях. Такая конструкция обеспечивала достаточную гибкость и свободу движений. Г. Рассел Робинсон интерпретировал фрагменты бронзового ламинарного доспеха из Ньюстеда как набедренник, но теперь их связывают с маникой[1]. Судя по знаменитому изображению из Дура-Европос (II—III вв.), аналогичное снаряжение могли использовать и тяжеловооруженные всадники.

Отношение к катафрактной коннице у самих древних, похоже, было двойственным. Вегеций пишет о панцирной коннице: «Катафракты <...> вследствие тяжелого вооружения, которое они носят, защищены от ран, но вследствие громоздкости и веса оружия легко попадают в плен <...>; против рассеявшихся пехотинцев они пригоднее, чем против всадников. Однако поставленные впереди легионов, или смешанные с легионарной конницей <...> они часто прорывают ряды врага» (III, 23; пер. С. П. Кондратьева). Несомненно, панцирная конница составляла незначительный процент в армии империи, что объясняется, в частности, очень высокой стоимостью вооружения и, по-видимому, относительно малой эффективностью (и довольно узкой специализацией).

Ненадежность восточной границы и эффективность персидской и парфянской конницы обусловили создание римлянами и других специальных подразделений. Таковы конные сагит-

[1] «...железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытие лица так хорошо прилегало к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть, и где через ноздри с трудом выходит дыхание» (XXV, 12; пер. В. Ю. Кулаковского).

Рукоять меча и портупейные скобы. Кость. II—III вв. Штутгарт, Музей земли Вюртемберг

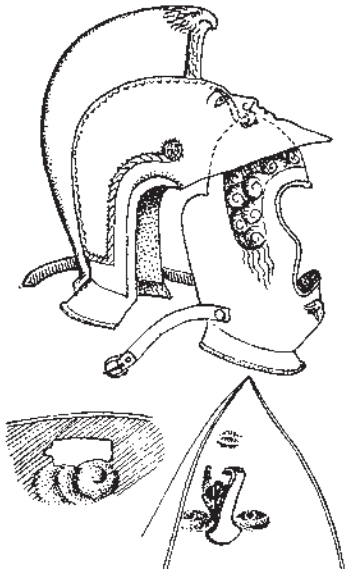
[1] М. Бишопом высказано мнение, что кривизна пластин соответствует скорее манике. В подтверждение этой точки зрения приводятся аналогии среди новейших находок: железная маника, состоящая из 27 ламинарных полос (включая верхнюю пластину, идентичную ньюстедской), недавно найденная в Румынии, и три фрагментированных маники, обнаруженные в 2001 г. в Карлайле (Великобритания).

тарии (стрелки), происходящие в основном из Пальмиры, практиковавшие старую персо-парфянскую тактику удара и отступления. К V в. лук получает в римской коннице широкое распространение.

Основная масса поздней римской кавалерии, по-видимому, незначительно отличалась от вспомогательной конницы предшествующего периода. По мере варваризации армии ее облик мало-помалу изменяется, хотя все оружие по-прежнему производилось в римских мастерских (к началу V в. известно о 35 государственных мастерских, fabricae, изготовлявших оружие и доспехи). Кавалерийская спата к III в. вытесняет из употребления римский легионерский меч-гладиус: даже пехотинцы вооружаются мечами с клинком длиной 700–800 мм (известны экземпляры с клинком длиной до 850 мм). Ножны носятся теперь на левом боку, причем и сами ножны, и способ их крепления к портупее заимствованы у варваров. Деревянные, обтянутые кожей, ножны снабжались вертикальной портупейной скобой и бутеролью, иногда довольно массивной. IV веком датируется прекрасный экземпляр меча с выточенным из кости эфесом, традиционным для римских спат, и длиной клинка 750 мм (Бонн).

На место прежних щитов в форме сильно вытянутого овала приходит большой круглый или овальный щит. Один из найденных при раскопках в Дура-Эвропос щитов имеет 1100 мм в высоту и 900 мм в ширину; высота щитов колеблется от 1070 до 1180 мм. Щит делался из досок (толщина около 10 мм), обтягивался кожей и укреплялся выпуклым полусферическим умбоном. На щите изображалась эмблема подразделения.

Об одежде воинов позволяют судить археологические памятники и многочисленные изображения, в частности — знаменитая мозаика Пьяцца Армерина на Сицилии. Уникальным памятником являются росписи храма в Луксоре (Египет), превращенного при Диоклетиане в военный форт; там был размещен кавалерийский отряд, поскольку изображения представляют в большом числе всадников и офицеров-кавалеристов. Вместо калиг воины поздней империи носят варварскую обувь (*calcei*), штаны, длиннорукавные туники, широкие пояса, плащи.



«Спортивный» шлем. По Г. Расселу Робинсону

Доспехи максимально упрощаются и удешевляются. Традиционные римские шлемы на протяжении III в. постепенно выходят из употребления. Один из позднейших известных экземпляров, бронзовый легионерский шлем из Нидермёрмтера (Бонн, Музей земли Рейн), отличают черты, сближающие его с синхронными кавалерийскими: глубокий назатыльник, массивная пластина, прикрывающая шею. Всеобщее распространение получает появляющийся в это время сегментный каркасный шлем — так называ-

Римская защитная маска шлема. II в. Майнц. По Г. Расселу Робинсону

«Спортивный» шлем

Спата и костяная бутероль ножен из Кёльна. IV в.

емый «Spangenhelm». Конические каркасные шлемы, вроде тех, в которых изображены сарматы на колонне Траяна, становятся в IV в. одним из наиболее распространенных типов: шлемы на арке Галерия в Салониках (304 г.) практически идентичны сарматским. Прекрасный экземпляр позднего III в. происходит из Египта (Дейр-эль-Мединэ). Такие шлемы делались из нескольких пластин, чаще из шести, склепанных на каркасе. Сравнительно неглубокие, они дополнялись приклепанными на петлях боковыми пластинами и назатыльником (у шлема из Лейдена — кольчужная бармица). Для защиты лица служил наносник: Т-образная пластина, приклепанная спереди к тулье верхней частью. Данный тип шлема предвосхищает Spangenhelm раннего Средневековья.

Другой характерный тип шлема, появляющийся на рубеже III—IV вв., традиционно обозначается как римско-сасанидский. Этот шлем характеризует уплощенная с боков яйцевидная или полусферическая тулья с медиальным гребнем. Простые солдатские шлемы IV в. изготовлялись из двух половин, соединенных вдоль гребня, более дорогие составлялись на каркасе из четырех сегментов. Самым известным памятником данного типа, несомненно, является богато украшенный шлем из Беркасово, принадлежавший, очевидно, высокопоставленному офицеру. Тоже офицеру или состоятельному кавалеристу (служившему, вероятно, в подразделении Equites Stablesiani) принадлежал бронзовый шлем середины IV в. из Дёрне (Голландия). Более поздний шлем, примыкающий к той же группе памятников, найден на территории Молдавии (Концешты) и хранится в собрании Государственного Эрмитажа. Зачастую роскошно декорированные эти шлемы имели довольно примитивную конструкцию, были просты в изготовлении и пригодны для массового производства. Аналогичный по конструкции, но лишенный декорации шлем более простых очертаний, обнаружен в Ярмуте (Великобритания).

Если верить Вегецию, начиная с III в. тяжелое защитное снаряжение становится главным образом прерогативой конницы (необязательно катафрактной). Корпусные доспехи представлены разными типами. Входит в употребление кольчуга с длинными рукавами. Из синагоги в Дура-Эвропос происходят изображения панцирей длиной чуть выше колена, с рукавами и закрывающими голову воина капюшонами. П. Коннолли интерпретирует их как чешуйчатые доспехи и считает катафрактами. Однако, не меньше оснований видеть в этих изображениях кольчуги.

В рассматриваемое время конница превращается в привилегированные войска, хотя это не всегда оправданно реальным боевым значением кавалерийских отрядов. Так, последняя блестящая победа над варварами-германцами, одержанная римлянами, битва при Страсбурге, была выиграна пехотой, а позорно бежавших катафрактариев (equites catafractarii) Юлиан, в наказание, провел через весь лагерь в женских одеяниях. При Адрианополе (378 г.) именно всадники едва ли не были главными виновниками поражения римской армии и гибели пехоты. Тем не менее применительно к периоду поздней империи мы вправе сказать: на закате античности конница стала превращаться в доминирующий род войск.

Цветная вкладка *(стр. 17)*

Слева изображен римский кавалерийский офицер кон. II—III вв. н. э. Великолепный железный, отделанный бронзой, шлем из Хеддернхайма (Музей Франкфурта), датирующийся III в. н. э., является, по мнению Г. Рассела Робинсона, одним из последних истинно римских шлемов. Корпусной доспех — ламеллярный панцирь, дополненный птеригами.

Справа — римский кавалерист поздней Империи (IV—V вв. н. э.). На голове воина, железный шлем, реконструированный на основании находок в Ярмуте и Беркасово (Югославия). Большой круглый или овальный щит с сильно выдающимся сфероконическим умбоном. Эмблема на щите — так называемая «хризма», монограмма

Христа, образованная греческими буквами «хи» и «ро». Впервые этот символ как воинская эмблема засвидетельствован в начале IV в. В сражении у Мильвийского моста, произошедшем 27 октября 312 г. между армиями Максенция и Константина, воины последнего несли щиты (согласно Лактанцию) или штандарты (по Евсевию) с изображением хризмы. Этот же символ впоследствии украшал лабарум — императорский штандарт. Изобразительные памятники IV в. подтверждают практику изображения хризмы в качестве щитовой эмблемы (напр., колонна Феодосия I, 386–393 гг.). Еще в начале VI столетия с украшенными подобным образом щитами изображены телохранители Юстиниана на знаменитой мозаике в Сант-Аполлинаре-Нуово в Равенне. Реконструкция показывает хризму, основанную на изображениях щитов на базе колонны Аркадия (348 г.).

Меч с навершием, оформленным в виде орлиной головы (так наз. «тетрархи», 300–312, Венеция, Сан-Марко). Перекрестье, устье ножен и портупейная скоба — на основании археологических находок в северном Причерноморье.

Конница готов

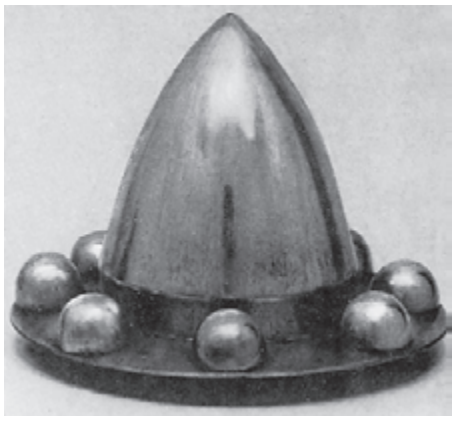
IV–V вв.

По свидетельствам остготского историка Иордана, труды которого базируются на не дошедших до наших дней работах Кассидора по истории готов, прародиной готов является полулегендарный «остров Скандза», нередко отождествляемый с одним из Готландских островов. Еще в начале VI в. между готами, ушедшими за Балтийское море, и их скандинавскими родственниками сохранялось постоянное сообщение. Как свидетельствуют археологические находки в I в. до н. э., готы начинают заселять земли, расположенные по р. Висле, изгоняя оттуда местное население. В II в., столкнувшись, по всей видимости, с проблемой перенаселения, готы начинают движение на юг, растянувшееся на долгие годы. В ходе данного переселения готы стали заселять земли между Днепром и Доном, входящие в сферу влияния аланских племенных союзов. Процесс взаимодействия с кочевыми аланами шел достаточно мирно, что в конечном итоге привело к тому, что эти два воинственных народа заключили между собой достаточно прочный союз. Во времена правления римского императора Клавдия II (268–270 гг.) впервые в источниках появляется упоминание двух близкородственных готских племен — остготах и вестготах. Относительно происхождения данных племенных названий до настоящего момента нет единого мнения и достоверных сведений. По одной из наиболее господствующих в современной науке версий название остготы (остроготы) происходит от термина — сияющие, а вестготы (везиготы) от индоевропейского — хорошие. Между остготами и вестготами сохранились близкородственные, дружественные отношения, длившиеся на протяжении нескольких последующих за разделением веков.

Воспользовавшись тяжелым кризисом, разразившимся в Римской империи в 30-х годах III в., готы переправились через Дунай и опустошили пограничные римские провинции. Ослабленная империя вынуждена была платить дань готам. После прекращения выплаты дани готы совместно с другими германскими племенами возобновили нападения на имперские земли. На протяжении нескольких десятилетий римское пограничье по нижнему течению Дуная и весь балканский полуостров превратились в театр ведения ожесточенных боевых действий. При активной поддержке готов германское племя боранов, проживавшее на побережье Черного моря, осуществляло пиратские рейды на восточное побережье Средиземного моря и нападения на Малую Азию. Ситуация несколько изменилась после 269 г., когда император Клавдий II нанес готам тяжелое поражение при Нише. В 271 г. готы вновь потерпели поражение от римлян во Фракии и Иллирии, после чего на Дунайских землях воцарился мир. На рубеже III–IV вв. вестготы активно заселяют земли, расположенные в римской провинции Да-

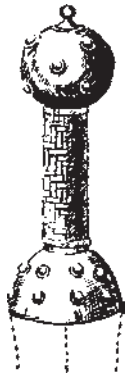
кии, откуда римляне вывели свои войска и наместников. При Константине Великом готы не рисковали меряться силой с вновь окрепшей римской военной машиной и предпочитали служить в римских войсках в качестве федератов. В 322 г. между вестготами и Римом был заключен договор, по которому вестготам предоставлялся статус федератов, согласно которому они были обязаны за ежегодные выплаты защищать границы империи и поставлять вооруженные группы для службы в императорских войсках. Ситуация кардинально изменилась после столкновения готов с вторгшимися на контролируемые ими территории гуннами, пришедшими из Заволжских степей. Первоначально гунны обрушились на племенной союз остготов, во главе которого стоял престарелый вождь Германарих, происходящий из правящего рода Амалов. Помимо остготов и части вестготов в племенной союз, возглавляемый Германарихом, входили германоязычные племена ругов, росомонов и эрулов, а также славянские племена антов, венедов. В данное племенное образование также входили балтские и угрофинские племена, соседствующие с землями занимаемыми остготами. Области, контролируемые остготским союзом, достаточно узкой полосой простирались от Черного до Балтийского моря, захватывая земли, расположенные на территории современной Украины, Польши, Прибалтийских стран и Калининградской области России. На момент столкновения с гуннами Германариху, по некоторым сведениям, было уже около 110 лет, и он в силу физической слабости не мог в должной мере организовать отпор столь серьезному противнику. Под ударами гуннов данное межплеменное образование стало стремительно распадаться, чему в немалой степени способствовало жестокое и неуважительное обращение готов с иными народами, входящими в остготский союз. Высокомерие и жестокость остготов снискала им дурную славу и крайнюю нелюбовь не только в среде славянских и финно-угорских народов, но и у германских племен. Единственным народом, с котором остготы поддерживали дружественные отношения, базирующиеся на взаимном уважении, были аланы, у которых первые переняли отдельные элементы материальной культуры и военного дела. Именно под влиянием общения с соседними аланами остготы активно стали овладевать искусством верховой езды, разведения лошадей и сражения верхом. После понесенного поражения в 375 г. часть остготов, как и большинство их бывших «союзников», примкнула к гуннам, другая часть отступила на земли, занятые вестготами, либо отступила дальше в Европу. Вестготы приняли решение встретить гуннов на Днестре, но те, не приняв «предложение» атаковать в лоб, предпочли обойти противника и напасть с тыла. Разгромленные вестготы отошли к границам Римской империи и попросили убежища у императора Валента. Осенью 376 г. вестготы под предводительством Атанариха из рода Балтов переправились через Дунай у Силистрии. Беглецы испытывали крайнюю нужду в продовольствии, которого не хватало на всех членов вестготского общества. Нехватка продовольствия заставляла вестготов продавать своих детей в рабство к римлянам, что не могло не сказаться на росте напряженностями между представителями двух культур. Ситуация осложнилась еще больше когда вестготские

Позолоченный умбон щита. V в. Найден во Франции



Позолоченный умбон щита. Конец IV — начало V вв. Найден в Керчи, территория «Крымской готии». Государственный Эрмитаж

вожди узнали о краже продовольствия, выделенного им императором, недобросовестными римскими чиновниками, впоследствии продаваемого ими по завышенным расценкам. Недовольство вылилось в столкновение с римскими властями, в ходе которых несколько готов были убиты. Разразился открытый конфликт, осложненный вторжением в Силистрию дополнительных сил остготов и вестготов, ранее не допускаемых на территорию империи. В Риме массовый неконтролируемый приток готов сравнивали с извержением Этны. К готам, обрушившимся на римские земли, присоединились рабы и горнорабочие, объединенные отряды которых опустошали земли, не нападая при этом на укрепленные города. Римские войска, расквартированные на территориях подвергшихся нападению готов, не смогли оказать должного сопротивления и были либо заперты в городах, либо разбиты и рассеяны. Только небольшой воинский контингент общей численностью в 2000 человек под командованием Себастиана остался в Фракии. Остальные войска отступили к Константинополю либо в Иллирию. Угроза, исходящая от готов, оказалась настолько серьезной, что вынудила императора Восточной римской империи Валента обратиться за помощью к своему племяннику, правителю Западной Римской империи Грациану и лично выступить против готов с находящимися в его распоряжении войсками.



Эфес римского кавалерийского меча «спата». III—IV вв. Торсбьерг, Дания

9 августа 378 г. по Адрианополем войска императора Валента, спешно переброшенные с Ближневосточного театра военных действий, не дожидаясь легионов Грациана, идущих из Галлии, вступили в бой с дружинами готских вождей под общим руководством Фритигерна. Накануне сражения конные соединения готов, зайдя в тыл императорской армии, отрезали ей отступление к Константинополю и одновременно перерезали возможные пути подвоза снаряжения и продовольствия. Таким образом, Валент оказался в достаточно затруднительном положении: с одной стороны, следовало бы дождаться подхода войск с запада (совсем недавно одержавших победу над алеманами), с другой — возникла угроза нарушения снабжения и стремительного разорения земель, непосредственно примыкающих к Константинополю (наиболее плодородные области Фракии).

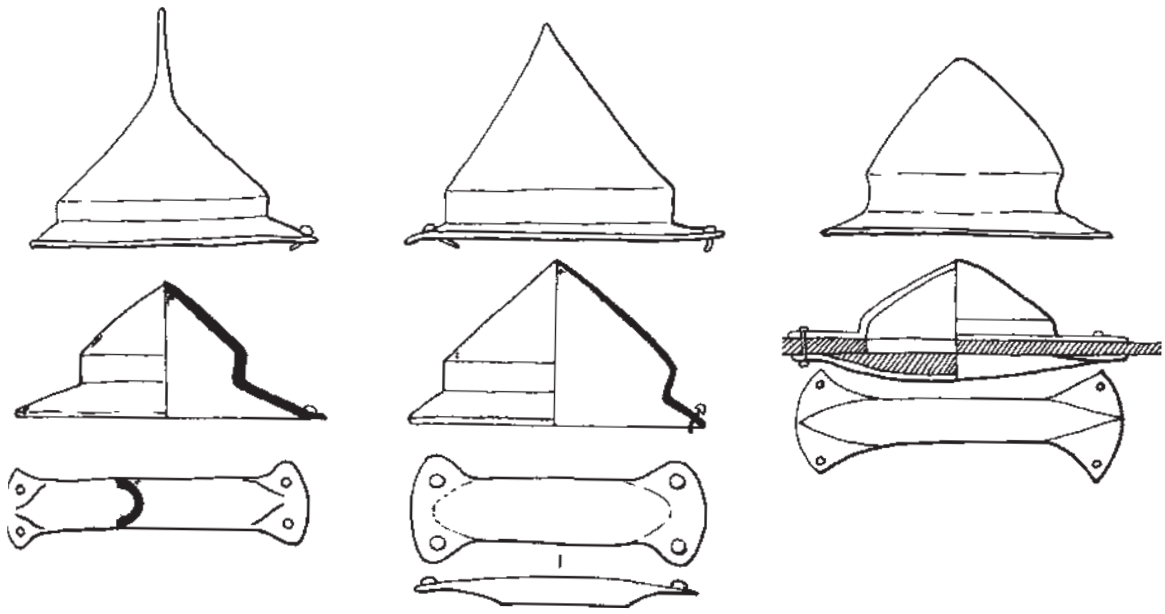
Реконструкция облика германского воина III—IV вв., выполненная по находкам предметов вооружения и конской сбруи в озере Элеруп в Дании

Войско Валента, построенное таким образом, что центр боевого порядка составляли пешие легионы, а фланги защищала кавалерия, атаковало укрепленный составленными в круг повозками войско готов. Первоначально атака легионов, поддержанных кавалерией, увенчалась успехом, и император лично повел в атаку одно из подразделений, полностью уверенный в успехе сражения. Однако ситуация изменилась после того как кавалерия Фритигерна, состоящая не только из готов, но и из союзных алан, обладающих тяжелым вооружением, расстроила боевые порядки и обратила в бегство кавалерию Валента. Вследствие этого войска готов сокрушили фланги противника и окружили центр его боевых порядков. В последующем за этим избиением попавших в окружение и бегущих с поля боя солдат Валента потери проигравших составили настолько значи-

тельное количество, что можно говорить о том, что императорская армия полностью прекратила свое существование. В сражении погиб не только сам император, но и два его военачальника.

В течение нескольких лет, последовавших за победой готов при Адрианополе, войско Фритигерна, рассыпавшееся на несколько самостоятельных отрядов, сопровождаемых семьями воинов и обозами, передвигалось по Балканам, опустошая проходимые территории. Исключение составили крупные города, фортификационные сооружения которых оказались неприступными для готских отрядов. Ситуация изменилась после 376 г., когда между правителями Западной и Восточной Римскими империями и готскими вождями был заключен мирный договор, по которому готы получали для поселения земли в Нижней Мезии и ежегодную компенсационную выплату. Вестготы также обязались охранять границы империи, примыкающие к территории их расселения и поставлять вспомогательные войска. В конце IV в. вестготские вожди со своими отрядами активно нанимаются на службу как к императору Восточной, так и к императору Западной Римской империи (Грациану и Феодосию), значительное число готов начинает служить не только в вспомогательных войсках, но и в имперских легионах. Помимо Нижней Мезии готы под руководством Сафрака и Алатея, с разрешения императора Грациана начинают расселяться в Панонии.

Не все вестготские вожди являлись сторонниками мирного сосуществования с Римской империей, и не все желали вести образ жизни оседлых земледельцев. Как следствие этого в период между 341 и 394 гг. периодически между войсками империи и готами происходили столкновения, нередко перерастающие в достаточно крупные сражения. Несмотря на то, что во всех сражениях готы неизменно терпели поражение, военно-политическая ситуация с каждым годом становилась все напряженнее. Перелом во взаимоотношениях между империей и вестготами произошел в тот момент, когда военным вождем готов, состоящих на службе императора Феодосия, стал Аларих. Первоначально Аларих двинул готские отряды на Константинополь, однако, не имея сил на прямое столкновение с войсками, расквартированными в Константинополе и его окрестностях, повернул в Грецию. Афины чудом избежали разграбления, однако, вынуждены были выплатить значительную контрибуцию. В течение нескольких лет Пелопоннес подвергался разграблению. Ситуация изменилась после того как Стилихон, талантливый военна-



Умбоны щитов, обнаруженные на Кавказе
в ходе раскопок Цебельдинских археологических памятников. IV—V вв.

чальник Западной Римской империи, перебросив морем войска высадился на Пелопоннес. В 397 г. войска Алариха были окружены, однако Стилихон, сам родом из германского племени вандалов, дал готам уйти из окружения без генерального сражения. После ухода из Пелопоннеса войск Стилихона Аларих вторгся в Эпир и прекратил военные действия только после получения от императора Восточной Римской империи Аркадия должности командующего войсками Иллирики. Обеспечив подчиненных ему готов оружием римского производства, Аларих в 401 г. покидает пределы Восточной Римской империи. Еще до момента отбытия дружин и племен и родов, подчиненных Алариху, служившие в военных соединениях Восточной Римской империи готы поддержали командующего всеми военными силами империи Гайну, гота по происхождению. Узурпировав власть Гайна правил до 400 г., пока восставшие жители Константинополя не уничтожили в уличных боях подчиненные ему основные готские силы.

Уйдя из пределов Восточной Римской империи, Аларих перевалил через восточные Альпы, прошел Венетию и осадил Милан, в котором в тот момент находился император Западной Римской империи. Римские войска под командованием Стилихона выступили против Алариха и вынудили его снять осаду Милана. При попытке захватить город Асти готы понесли тяжелые потери и вынуждены были отойти. 6 апреля 402 г. произошла ожесточенная битва при Полленции, в которой ни одна из сторон не достигла решающего успеха, однако легионерами Стилихона был захвачен готский лагерь, и в плен к римлянам попала семья Алариха. С вестготами был заключен мирный договор, по которому Аларих обязывался покинуть пределы Италии. Однако статьи договора не были соблюдены, и в 403 году готы вновь вторглись в Италию. В битве при Вероне Стилихон нанес готам Алариха сокрушительное поражение, однако, вновь как в 396 г. не довершил разгром окруженного противника и дал ему уйти. После поражения готов при Вероне с Аларихом вновь был заключен договор, по которому верные ему готы становились федератами Западной Римской империи и расселялись вне территории империи в области Савы. По заданию Стилихона Аларих предпринял со своими дружинами поход в Восточный Иллирик с целью присоединения данной области к Западной Римской империи. После смерти Стилихона и краха прогерманской партии при дворе Западного Римского императора Аларих вторгается в Италию и осаждает Рим. После непродолжительной осады Рим сдается на милость победителя.

Щит, обнаруженный в озере Элеруп в Дании. III—V вв. Щиты подобной конструкции имели повсеместное хождение в воинской среде на территории от Средиземного до Балтийского морей

Несмотря на получение с жителей Рима огромной по тем временам контрибуции, иных выгод данный поход не принес. Император Гонорий не пошел ни на одно из политических и территориальных требований. Ситуация не разрешилась и тогда, когда в ходе второго похода на Рим Аларих вынудил сенат провозгласить императором парефекта Рима Аттала, германца по происхождению. В 410 году Аларих в третий раз двинул войска на Рим. 24 августа 410 г. обессиленный голодом город пал жертвой предательства, и войска Алариха ворвались за крепостные стены. Не обретя желаемых территорий, Аларих двинулся через Кампанию в Южную Италию, чтобы оттуда, сев на корабли, переправиться в Африку. Одна попытка переправы не удалась из-за бури, разразившейся в Мессинском проливе, и готы Алариха вновь повернули на север. В ходе этого похода Аларих скончался, и новым военным вождем был избран его родственник Атаульф, двинувший дружины

в поход на Галлию. Опасаясь новых опустошений, Гонорий наконец-то решил пойти на территориальные уступки и предложил готам Атаульфа земли, расположенные в римских провинциях Аквитании Второй, Новемпопулана и Первой Нарбонской. Таким образом, территория, занимаемая готами, охватывала значительные территории современной Западной и Юго-Западной Франции. Помимо этого император обещал возобновить поставки зерна, в котором так нуждались готы. Те, в свою очередь, обязывались сражаться за империю в качестве федератов. Зимой 414–415 гг. из-за перебоев с поставкой продовольствия вестготы вынуждены были двинуться в Испанию с целью переправиться в Африку, которая являлась основным поставщиком продовольствия в империю. Попытка переправы вновь не удалась, и готы вернулись на отведенные им для проживания территории. В 418 г. военным вождем вестготов был избран Теодорих I. В период между 423 и 425, а также между 436 и 439 гг. между вестготами и Западной Римской империей произошла цепь войн, в которых вестготы потерпели ряд ощутимых поражений, но не были полностью разгромлены. В какой-то момент римские войска даже осадили Тулузу, резиденцию Теодориха I, однако город так и не был взят. Консолидация между Римом и Тулузой произошла в 451 г. перед угрозой гуннского вторжения. В битве на Каталунских полях вестготы составляли основную боеспособную часть римского войска под командованием Аэция. В этой битве вестготам пришлось сражаться против остготов, входивших в состав армии Аттилы. В ходе сражения Теодорих I был убит, и вождем вестготов непосредственно на поле боя был избран его сын Торисмонд. После убийства Торисмонда вестготов возглавил его брат Теодорих II, начавший проводить проримскую политику, и возобновил федеративный договор. В 466 г., убив своего брата, военным вождем и правителем вестготов становится Еврих, проявившийся себя на этом посту не только как талантливый полководец, но и государственный деятель. За время нахождения у власти Еврих расширил территории, занимаемые вестготами за счет присоединения части провинций империи, расположенных на территории Испании. В начале и на протяжении всего V в. вестготы захватывают земли на территории Испании, где образуется раннесредневековое вестготское государство со столицей в Толедо.

В 70-х годах IV в. остготы после расторжения вынужденного союза с гуннами вторгаются в Италию, и их вождь Одоакр, свергнув последнего правителя Западной Римской империи Ромула, становится властелином нового остготского государства на территории Италии, прекратившего свое существование в V в. под ударами византийских войск.

Эфес прекрасно сохранившегося римского меча (спаты). Конец III — начало IV вв. Озеро Элеруп, Дания

Относительно численности военных контингентов готов нет абсолютно достоверных сведений, тем более, что и численность народа так и не определена. С учетом того, что численность племен вряд ли превышала 100 000–200 000 человек, боеспособных мужчин из их числа насчитывалось не более $^1/_3$ от общего числа населения. С учетом того, что не все боеспособное население участвовало в походах и находилось под властью одного вождя, численность готских армий вряд ли превышала 20 000 человек, а скорее всего была еще и меньшей.

На долю кавалерийских соединений у вестготов, по всей видимости, приходилось не более 1000–2000 человек. Численность кавалерии остготов до момента вторжения в Италию могла быть более значительной и доходить до 5000 всадников.

Относительно боевых порядков готской кавалерии мы не имеем никаких сведений, известно только то,

что Тацит, описывая боевые порядки германцев, говорил, что они строятся клином. Речь, по всей видимости, идет не о боевом порядке, напоминающем некую геометрическую фигуру (треугольник), а о построении в виде плотной колоны, ширина которой меньше глубины, увенчанной группой наиболее умелых и хорошо вооруженных воинов.

Основу военного контингента готских армий составляли свободные члены племени, однако наиболее боеспособными являлись члены военных дружин, лично преданные вождю. Между готским вождем, как и вождем любого германского племени, и его дружиной существовала сакральная связь, поддерживаемая воинскими обрядами и таинствами воинских братств. Преданность семье, роду, племени у дружинника заменяется личной преданностью военному вождю, из рук которого он получает оружие и на котором клянется ему в вечной преданности. Предательство вождя, соответственно, являлось самым страшным преступлением и вело если не к гибели предателя, то к его изгнанию. Однако при этом дружинник мог уйти к другому, более удачливому вождю, главное, чтобы между его прежним и будущим вождем не велись военные действия. В отличие от рядового воина-общинника дружинник не занимался мирным трудом, а исключительно нес воинскую службу, за которую вознаграждался долей в военной добыче, захватываемой в ходе походов. Именно дружинники, являясь профессиональными воинами, составляли основу кавалерийских соединений готов.

Умение сражаться на коне у готов являлось признаком военной элиты и свидетельствовало о принадлежности к воинским братствам и союзам. Конь в среде военных дружин готов становится священным животным, верным спутником своему хозяину не только в битвах мира живых, но и спутником в мире мертвых, сопровождая своего хозяина и в загробной жизни. Конь сжигается вместе со своим владельцем и его оружием в погребальном костре либо опускается в могилу.

Эфес меча, обнаруженный в озере Элеруп, Дания. Конец IV — начало V вв.

Содержание кодекса Евриха позволяет нам составить представление о структуре военной организации готов и их иерархии. Несмотря на то, что данный документ датируется концом IV в., приводимые в нем сведения восходят к более раннему времени. Данный документ также содержит сведения о структуре готского войска. Согласно данному документу во главе военных соединений стоял военный вождь, фактически являвшийся верховным правителем племени. Первоначально верховный (военный) вождь именовался регулом либо дикастесом, что приблизительно можно перевести, как «судья».

Затем за военными вождями закрепилось название дука (герцог), позднее данный термин стал обозначать военачальников в целом. Первоначально они выбирались на совете родоплеменной знати («мегистанов»).

Кодекс Евриха говорит о существовании двух категорий дружинников. К первой категории относятся буццелларии, получавшие за службу не только оружие, но и земельные наделы. Уходя к другому вождю, они обязаны были вернуть то и другое. Сайоны относились к другой категории дружинников и получали за службу исключительно оружие.

Наиболее крупным соединением войска являлась тысяча, возглавляемая тиупадом или милленарием. В состав тысячи входило два отряда по 500 человек в каждом, возглавляемых квингентенарием. Сотни возглавлялись центенариями, а десятки (самая маленькая тактическая единица) — деканами.

О вооружении германских, в том числе и готских воинов, мы имеем прекрасное представление благодаря значительному количеству оружия, найденному в захоронениях, на месте укрепленных пунктов и в «жертвенных» озерах, куда оно сбрасывалось в ритуальных целях.

Комплекс защитного снаряжения готов состоял из шлемов, защиты корпуса и щитов.

Шлемы, бытовавшие в военной среде готов, практически всегда изготавливались, как и иные детали защитного снаряжения в мастерских Западной либо Восточной Римских империй и по конструкции соответствовали аналогичным предметам защитного снаряжения бытовавшим в имперской среде. Корпуса шлемов имели сегментно-клепаную конструкцию и эллипсовидную либо полусферическую форму. Корпус шлема изготавливался, как правило, из двух сегментов, соединенных между собой накладкой, нередко выполненной в виде гребня. Конструкция шлемов могла дополняться вырезами для ушей, нащечниками, назатыльниками и наносниками. Некоторые экземпляры, особенно те, которые предназначены были для офицерского состава, могли богато украшаться серебрением, позолотой, чеканкой и драгоценными либо полудрагоценными камнями. Толщина металла, из которого изготавливались шлемы, обычно не превышала 1 мм.

В качестве защиты корпуса использовалась кольчуга, которая, по всей видимости, была единственным видом защитного снаряжения, о котором достоверно известно, что он имел хождение в готской военной среде. По покрою кольчуги представляли собой туники с рукавами, достигающими локтевого сустава, и подолом, доходящим до середины бедра. В конструкции кольчуги сочетались монолитные и разъемные кольца, изготовленные из проволоки диаметром 0,8–1,5 мм. Весил такой доспех не более 10 кг.

Щиты являлись наиболее массовым видом защитного снаряжения, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов их конструкции. Деревянная изготовленная из досок основа щита могла обтягиваться тканью либо кожей (либо обшиваться ей по краю) и усиливаться металлическим умбоном, имеющим цилиндро-воронковидную, цилиндро-коническую и полусферическую форму (редко). Внешняя поверхность щита, как правило, расписывалась и нередко снабжалась различными декоративными элементами. Щиты имели круглую либо овальную форму.

Оружие готов состояло из мечей, кинжалов, копий и дротиков.

В готской военной среде бытовало несколько групп мечей. К первой группе можно отнести мечи, являющиеся предметом римского экспорта. Это как правило римские кавалерийские мечи «спаты», конструкция клинка и эфесов которых восходит еще к III в. Клинки данных мечей имеют линзовидное либо ромбовидное сечение, ширина их равна 35–50 мм при длине в 600–850 мм. Плоскость клинка могла снабжаться долами (от одного до трех). Эфес состоял из навершия рукояти и перекрестия, которые, как правило, изготавливались из органических материалов (кость, рог, дерево). Ко второй группе могут быть отнесены мечи, конструкция которых, по всей видимости, зародилась в германской военной среде. Их основное отличие от мечей первой группы заключается в конструкции эфеса, состоящего из прямоугольной крестовины, цилиндрической либо усеченно конической, либо бочковидной рукояти и навершия, форма которого близка к дисковидной. Детали эфеса могли изготавливаться как из органических материалов, так и из металла, либо из их сочетания.

Мечи обеих групп носились в ножнах, изготовленных из дерева, посредством плечевой перевязи, проходящей через специальную скобу, закрепленную на ножнах. Деревянная основа ножен могла обтягиваться тканью либо кожей. Конструкция ножен нередко дополнялась декоративными элементами и вычурными наконечниками и устьями.

Кинжалы в готской среде встречались нечасто и представляли собой конструкцию, состоящую из обоюдоострого вытянуто-треугольного клинка длиной не более 250 мм и деревянной рукояти.

Копья являлись основным оружием готов. Наибольшее распространение получили втульчатые наконечники копий, снабженные перьями иволистной, подтреугольной и пламевидной формы, длиной до 350 мм. Встречались наконечники и с двушипным пером. Длина древка готских копий обычно не превышала 3 м при диаметре не более 30 мм.

Дротики являлись фактически единственным метательным оружием готов, поскольку луки имели в их среде ограниченное хождение. Наконечники дротиков по конструкции практически ничем не отличались от наконечников копий, кроме размеров. Длина наконечника дротика

обычно не превышала 200 мм, за исключением наконечников дротиков, имеющих конструкцию, близкую к конструкции наконечника римского пилума. В этом случае длина наконечника могла составлять 500 мм.

Цветная вкладка (*стр. 18*)

Изображен готский воин, облачение которого соответствует времени битвы на Каталунских полях.

Голову воина защищает сегментно-клепаный шлем римской работы, снабженный наушами и небольшим шпилем (находка в Трансильвании). Кольчуга, облегающая корпус, имеет туникообразный покрой и, как и шлем, изготовлена в императорских оружейных мастерских. Круглый щит воина изготовлен из досок, обтянут и обшит, расписной кожей. Конструкция щита усилена металлическим цилиндро-воронковидным умбоном. Плоскость щита снабжена декоративными накладками.

Оружие воина состоит из меча, кинжала и копья. Меч имеет линзовидный клинок длиной около 800 мм. Эфес состоит из подпрямоугольной металлической крестовины, деревянной цилиндрической рукояти и деревянного обтянутого металлом навершия (находка на Таманском полуострове). Меч в ножнах подвешен посредством скобы к плечевой портупее. Ножны деревянные, обтянутые кожей, снабжены металлическим наконечником.

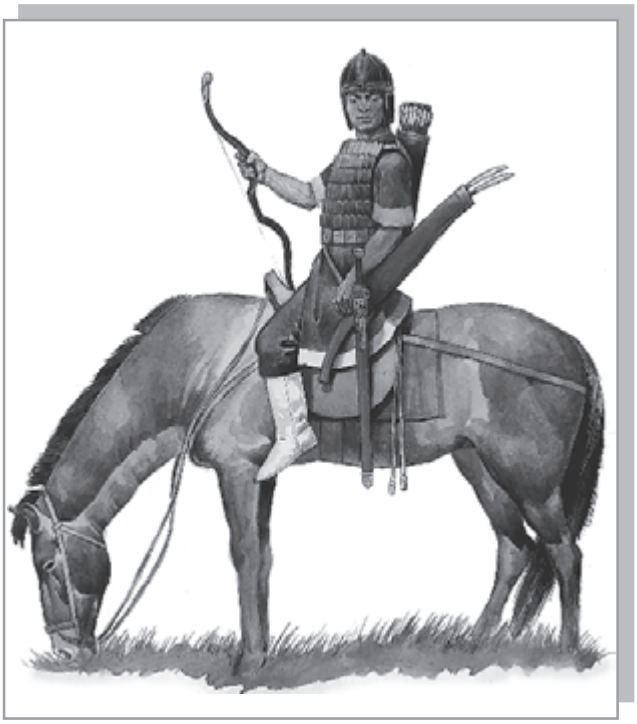
Короткий (не более 300 мм) кинжал имеет простую деревянную рукоятку (находка на территории Цебельдинской цитадели). Ножны изготовлены из кожи и усилены металлическими обкладками.

Копье воина длиной около 2,5 м снабжено втульчатым наконечником с пером пламевидной формы (находки на территории Цебельдинской цитадели в Крыму).

Конница гуннов

IV–V вв.

Одна из ветвей тюркоязычного народа хунну в середине второго столетия н. э. в результате беспощадной войны с близкородственными сямби была вынуждена уйти с обжитых земель и переселиться на новые территории, расположенные в низовьях Волги и Урала. Исход «неукротимых хуннов» не был безоблачным. Всю дорогу до Урала и Волги на протяжении не менее 2600 км сямби вели неутомимое преследование отступающих, которые вынуждены были вести постоянные арьергардные бои с превосходящими силами противника, не имея возможности даже захоронить павших. Оторваться от преследователей непрерывно отступающим с боями хуннам удалось только около 155–158 гг., по достижении территории Урала. Избежать же полного разгрома в ходе преследования удалось, по всей видимости, только благодаря тому, что в числе «неукротимых» были одни только воины и не было детей, женщин, стариков, присутствие которых сковывало бы отступающее войско. Участь ушедших 20–30 тысяч была бы незавидной, если бы им не удалось частично ассимилироваться с племенами преимущественно финно-угорской и угро-самодийской группы, ставшими их соседями на новой родине. Постепенно уже гуннам, а не «неукротимым» хуннам удалось расселиться на Средней и Нижней Волге и занять засушливые прикаспийские равнины, бывшие некогда землями сарматов, а впоследствии — их потомков алан. Смешение хуннов с племенами, обитавшими в районе их новой родины, не могло не отразится на облике их потомков, вследствие чего в облике гуннов явственно проступали угорские черты. Современники писали о том, что великий вождь гуннов Аттила был невысок, широкоплеч, имел темные волосы, плоский нос и редкую бороду. У гуннов также существовал обычай деформировать голову путем удлинения теменной области и наносить на щеки ритуальные шрамы, что не прибавляло красоты их облику. Внешность гуннов была настолько



непривычна для народов, обитающих на просторах от Каспийского до Средиземного моря, что вид их внушал им ужас.

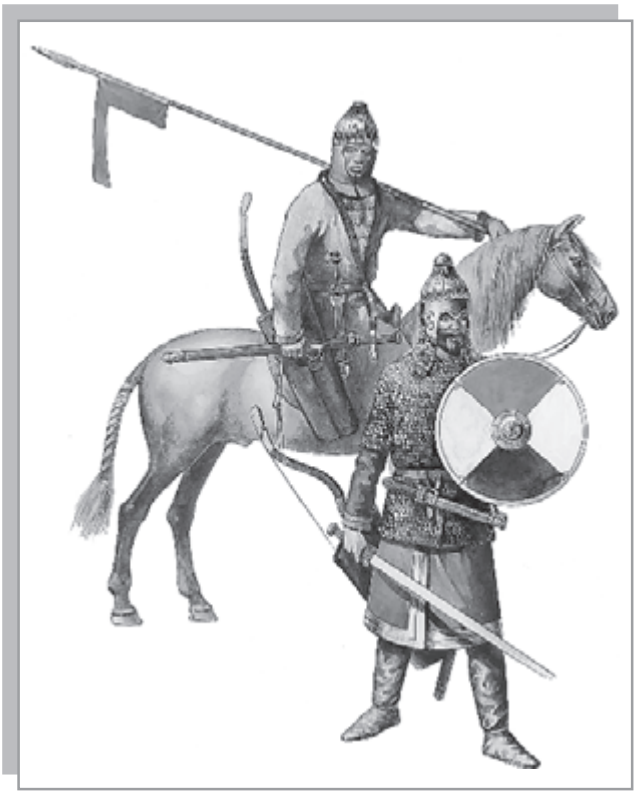
До 350 г., а по некоторым сведениям до 360 г., нет никаких сведений о жизни и деятельности потомков «неукротимых» хуннов на новообретенных землях. В это время между гуннами и племенным союзом алан, которые в начале нашей эры контролировали земли от Волги до Дуная и часть территорий Северного Кавказа, разразилась война, которая закончилась только в 370 г. победой гуннов.

В 371 г. гунны захватили Таманский полуостров и вторглись в Северный Крым, на территории, контролируемые государственным образованием готов. К 375 г. гунны, предводительствуемые вождем Баламбером, выиграли войну с готами и их союзниками, к числу которых относились и аланские роды, не уничтоженные в гунно-аланскую войну и не признавшие их главенство. К 400 г. гунны достигают Дуная и начинают

контролировать Паннонию[1], в 430 г. их конные разъезды появляются уже на берегах Рейна. В 434 г. умирает вождь гуннов Ругила, унаследовавший власть от Баламбера, и власть переходит к Аттиле и Бледе — детям его брата Мундзука, после чего начинается новый интенсивный виток гуннской экспансии. Под предводительством новых вождей гунны вместе с союзниками вторглись на Балканский полуостров и сожгли около 70 городов — от Сирмия до Наиса. В 445 г. Аттила убил Бледу, стал полноправным вождем гуннов и усилил военное давление на Запад.

В 450 г. его разноплеменные войска вторглись в Галлию, огнем и мечом уничтожая все на своем пути. В 451 году состоялась знаменитая битва на Каталаунской равнине между войсками Аттилы и римского полководца Аэция. Несмотря на все усилия Аттилы и сокрушительные атаки гуннской кавалерии, римские войска так и не были разгромлены. Понесенные гуннами в бою потери вынудили их отступить с равнины, римские войска не преследовали отступающего противника, не имея на это достаточно сил. В 452 г. война возобновилась, войско Аттилы вторглось в Италию и штурмом взяло хорошо укрепленную крепость Аквелию, вследствие чего был открыт путь в долину По, которая подверглась тотальному разграблению.

В 453 г. Аттила умер, а уже в следующем году племена, объединенные вокруг гуннов исключительно благодаря личности Аттилы, стали отделяться от них, что, в конечном итоге, привело к краху гуннской державы. Отделение племен не прошло гладко, некогда единое разноплеменное войско Аттилы разделилось на два враждующих лагеря, один возглавили дети Аттилы: Эллак, Денгезих и Ирник, другой — вожди готов и гепидов. Вражда быстро перешла в фазу войны, генеральное сражение которой произошло на реке Недао (современная Недава, приток Савы). Живший примерно в это время историк Иордан писал об этом сражении, бывшем поистине битвой народов, следующее: «... можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, и гунна — стрелой, и алана <...> с тяжелым, а герула — с легким оружием». В этой битве гунны и их союзники потерпели сокрушительное поражение, был убит любимый сын Аттилы — Эллак, а также 30 тысяч гуннов и их союзников. Несмотря на поражение, гунны продолжали сопротивляться готской экспансии, избегая крупных сражений, однако почти все собственно гуннские племена (или роды) были вынуждены покинуть

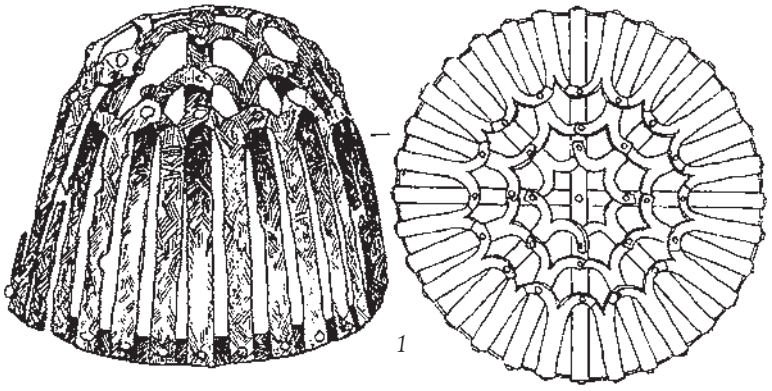


Римский либо византийский кавалерийский офицерский шлем. IV—начало V вв. Концешты, Молдова (хранится в Государственном Эрмитаже)

[1] Паннония (Pannonia) — римская провинция, образованная в I в. н. э. Название получила от населявших ее иллирийских племен — паннонцев; занимала территории современных Венгрии, Югославии, Австрии.

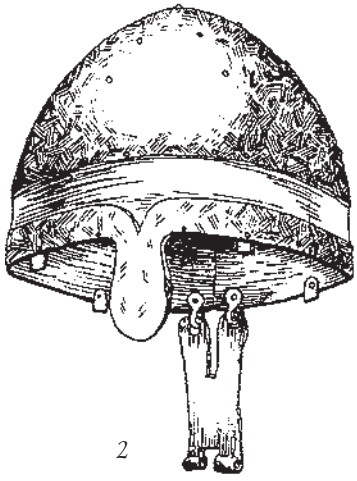
Паннонию и отступить в степи Поднепровья. В 70-х гг. V в. последние оставшиеся гунны перешли Дунай и поступили на службу к императору Восточной Римской империи Зенону, пополнив ряды его кавалерии.

Военные успехи гуннов во многом объясняются преемственностью их стратегии и стратегии хуннов в сочетании с тактическими приемами, перенятыми от соседей, союзников и покоренных народов. Основу стратегии гуннов составлял принцип непрерывного ведения боевых действий, непрекращающихся ни при каких условиях. Гуннские вожди, по всей видимости, совершенно не стремились достичь победы над противником, разгромив его в генеральном сражении, их вполне устраивала ситуация, когда враг обескровливался в процессе многочисленных стычек, партизанских рейдов и мелких сражений. Именно используя данную тактику, гуннам удалось разгромить алан, обладавших не только численным преимуществом, но и значительным количеством латной конницы, эффективность действий которой в первую очередь зависела от возможности массированного применения в ходе сражения против противника, использующего плотное построение, а не рассыпной строй. Гуннами также практиковалось использование военных сил союзников для ведения боевых действий против сил противника либо племен, входящих в недружественную коалицию; большое внимание уделялось массированным кавалерийским рейдам в тыл противника. В отличие от войск хуннов гуннский военный контингент состоял не только из одной кавалерии, поскольку собственно гуннов было не так уж и много, значительная численность их армии достигалась за счет использования отрядов союзных племен, большая часть которых традиционно предпочитала сражаться в пешем строю.

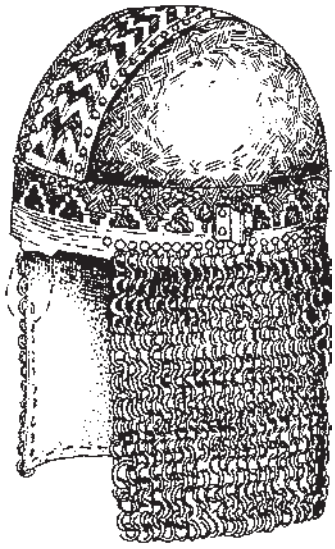


1

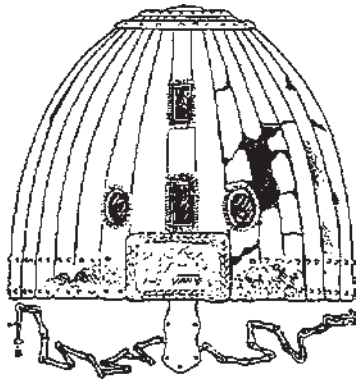
Шлемы «гуннского» времени из могильников Камско-Вятского бассейна (1. Суворовский могильник, погр. 27. р. Вятка; 2. Суворовский могильник, погр. 30. р. Вятка; 3. Тураевский могильник, Елабужский район, Самарской области). V в.



2

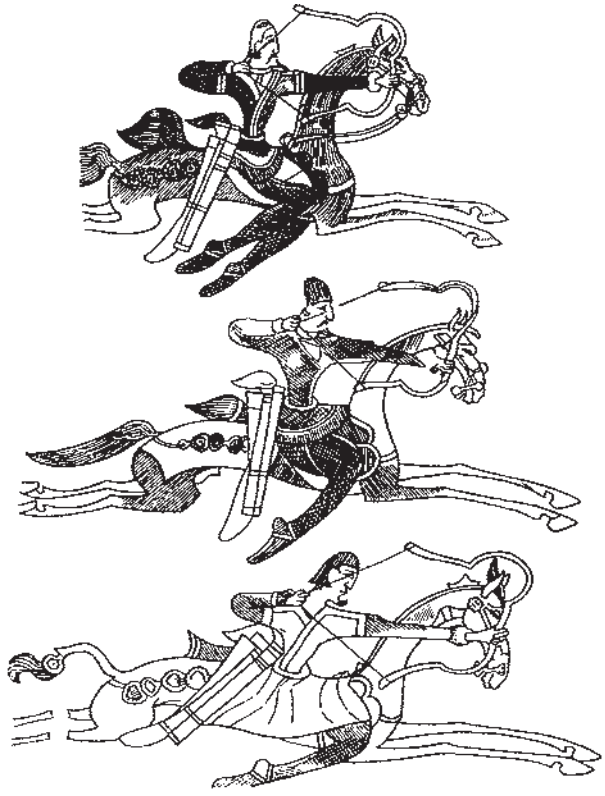


3



Эллипсовидный сегментно-клепаный шлем, украшенный драгоценными камнями, вставленными в касты. IV—V вв. Кишпек

В связи с этим гуннской кавалерии в бою приходилось выполнять не только функции конных стрелков, ударных частей, но и осуществлять фланговое прикрытие пехотных отрядов, а также реализовывать преследование отступающего противника. С учетом того, что подавляющее большинство гуннских кавалеристов не обладало сколь-либо серьезным защитным снаряжением, можно предположить, что основным строем их атакующей кавалерии была «лава». Аммиан Марцеллин, римский историк и солдат, упоминает о ряде тактических приемов, используемых гуннами в процессе сражения. По свидетельству этого хрониста, лично не встречавшего гуннов и получавшего сведения о них из рассказов других лиц, гунны были «отменными воителями» и предпочитали первоначально подвергнуть противника массированному обстрелу из луков, после чего, сблизившись с неприятелем, бились с ним мечами. Этот автор упоминает и еще об одном тактическом приеме, используемом гуннами: «в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг нарочно рассыпаются и, не выстраивая боевой линии, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты, никогда не случается видеть, чтобы они штурмовали или грабили вражеский лагерь». Если в текст Аммиана, повествующего о клинообразном боевом порядке, не вкралась ошибка, то речь, по всей видимости, идет о построении тяжеловооруженной конницы гуннов, состоящей из отборных воинов-«богатырей», обладающих защитным снаряжением, число которых было крайне невелико. Речь также может идти о построении тяжеловооруженных аланских всадников, входящих в состав гуннского войска.



Изображение луков, колчанов и всадников на большой пластине из погребального комплекса кургана № 2 Орлатского могильника, III в. Аналогичные по конструкции луки и колчаны использовали и гуннские воины в IV—V вв.

О численности кавалерии гуннов и их союзников нет абсолютно достоверных данных, можно только предполагать, что численность собственно гуннской кавалерии в период начала их экспансии на Запад вряд ли превышала 30—50 тысяч, еще 10—20 тысяч кавалеристов могли выставить сателлиты.

Управление войском гуннов в целом и отдельными отрядами осуществлялось вождем (царем), принцами крови (наследниками вождя и его родственниками) либо родовой аристократией из числа гуннских племен — ултзинзуров, биттогуров, бардоров и садагов. Управление военными силами покоренных и союзных племен осуществлялось не только представителями гуннской, но и собственной племенной и родовой знати.

Основным оружием гуннской кавалерии был мощный сложносоставной лук «хуннского» типа, стрелы которого были в состоянии поразить даже тяжеловооруженного аланского катафрактария. По свидетельству Аммиана Марцеллина, неменьшей популярностью пользовались дротики. В погребениях гуннской знати можно встретить мечи и кинжалы типов, употреблявшихся многими народами повсеместно от Великой китайской стены до побережья Средиземного моря.

О защитном снаряжении гуннов в настоящий момент нет практически никаких целостных

данных, поскольку в археологических памятниках гуннского круга оно, за редким исключением, не встречается, и строить научно-обоснованные предположения о комплексе защитного снаряжения можно только опираясь на комплекс находок, происходящих с территории, контролируемой гуннами в период расцвета своего могущества.

Метательное оружие гуннов помимо луков было представлено еще и дротиками.

Длина дуги лука «хуннского» типа в напряженном состоянии составляла в среднем 1200 мм и имела сигмообразную форму. Стрелы имели длину около 700–800 мм и, как правило, снабжались массивными трехлопастными наконечниками, по форме близкими к ромбовидным либо вытянуто-треугольным. О конструкции гуннских колчанов и налучей нет достоверных сведений, поскольку в гуннских погребениях остатки данных деталей снаряжения не обнаруживаются, так как изготавливались они из органических материалов, без применения металлических конструкций. Можно предположить, что по своей конструкции гуннские колчаны и налучи были аналогичны подобным деталям снаряжения, бытовавшим в среде хуннов и эфталитов. Особенность конструкции этих предметов заключается в том, что кожаные подтреугольные налучи объединялись в единое целое с цилиндрическими колчанами, снабженными крышками аналогичной формы, и металлических деталей, по-видимому, не имели.

Дротики, по всей видимости, не пользовались особой популярностью в среде гуннской кавалерии, в большинстве случаев данное оружие использовали сателлиты гуннов, такие как руги и жители Кавказа и Предкавказья. В большом количестве наконечники дротиков, датируемые V в., были найдены на территории Цебельдинской цитадели в Абхазии. Они позволяют нам составить представление о том, как выглядело аналогичное оружие, использование которого можно допустить в гуннской среде. Древки дротиков изготавливались из древесины твердых пород и имели длину, в среднем составляющую 1300–1400 мм, и диаметр в пределах 20 мм. Наконечник крепился к древку посредством втулки и обладал граненым пером лавролистной формы. Длина наконечника, как правило, не превышала 200 мм.

Холодное оружие гуннов состояло из мечей, кинжалов, боевых ножей и копий.

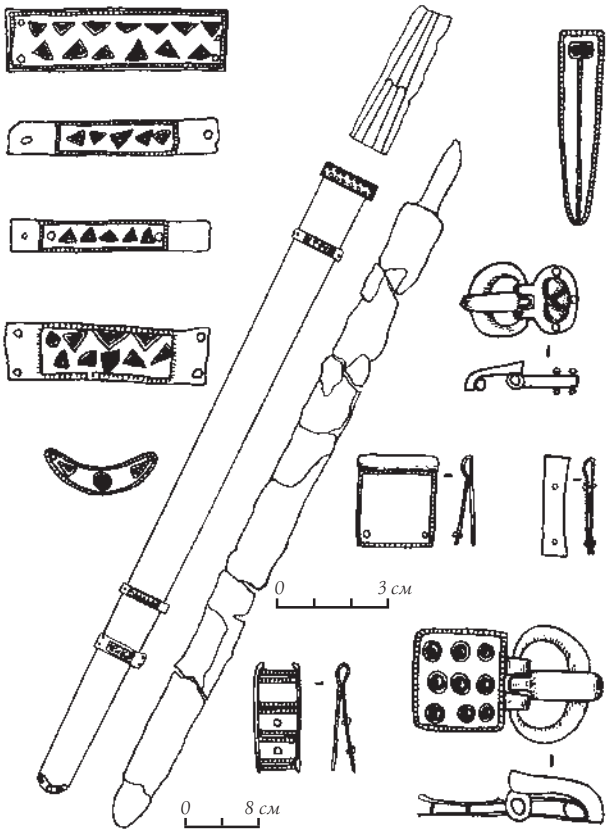
В погребениях степного круга гуннского времени мечи преобладают среди других образцов холодного оружия. Достаточное количество данного оружия IV–V вв. было обнаружено и в причерноморских археологических памятниках. На основании анализа находок можно предположить, что мечи, бытовавшие в гуннской среде, имеют несколько источников происхождения. Часть мечей представляет собой дальнейшее конструктивное развитие образцов, зародившихся в Дальневосточном регионе (Китай, Корея) и впоследствии распространившихся на территории от Китайского до Средиземного морей. Другая часть является следствием трансформации длинноклинкового оружия, бытовавшего в позднесарматской (аланской) среде. Некоторые образцы обнаруживают сходство с мечами, изображенными на памятниках Сасанидского Ирана (Персии). Отдельные экземпляры не имеют прямых аналогий среди памятников предшествующего времени и происходящих с других территорий и, по всей видимости, возникли в среде народов, вовлеченных в процессы, связанные с движением

Предметы вооружения из погребения у колхоза «Восход» близ г. Энгельс Саратовской области

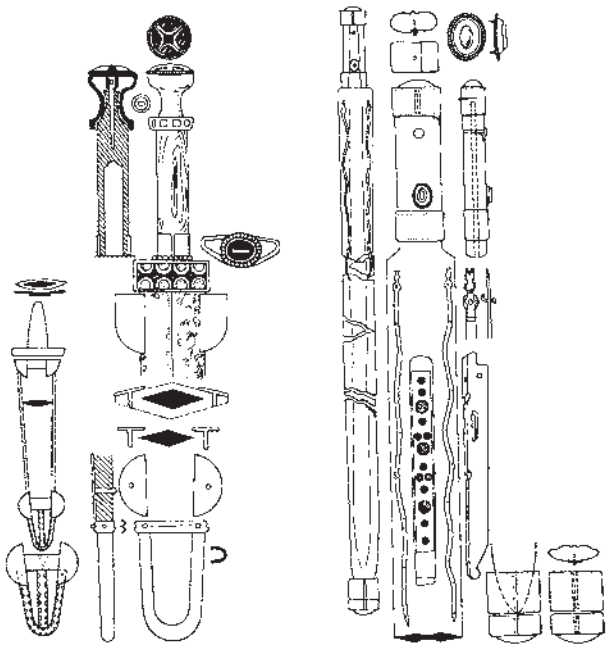
«варварских» народов на территории, некогда принадлежащие Римской империи. Мечи, являющиеся дальнейшим развитием римских кавалерийских мечей (так называемые «спата»), также бытовали в гуннской среде и попадали туда в качестве военных трофеев. В незначительном количестве присутствовали мечи, представляющие собой предметы экспорта из Ханьского Китая и Сасанидского Ирана.

Длина клинков мечей, рассматриваемого времени и среды бытования, колебалась в пределах 600–900 мм. Ширина у рукояти составляла порядка 30–60 мм. Клинки имели ромбовидное, линзовидное либо шестигранное (редко) сечение и могли иметь долы[1] (как правило, по одному с каждой стороны) и ребра жесткости. Толщина клинков составляла в среднем 5–6 мм. В большинстве случаев клинок плавно сужался к острию, образовываемому плавным закруглением лезвий, существовали и клинки, имеющие практически вытянуто-треугольную форму и резко сужающиеся к острию. Эфес мечей состоял из крестовины, рукояти и навершия. Крестовины могли изготавливаться из металла, кости и дерева. Металлические брусковидные крестовины имели ромбовидную, подпрямоугольную, реже луновидную форму. Материалом для изготовления металлических крестовин служила в большинстве случаев бронза, однако иногда использовалось и железо. Некоторые экземпляры изготавливались из нескольких частей и были полыми внутри. Крестовины могли украшаться в технике перегородчатой инкрустации, стеклом, полудрагоценными, реже драгоценными камнями (рубины, гранаты) и обтягиваться тонким золотым либо позолоченным листом, нередко украшенным чешуйчатым орнаментом. В некоторых случаях разные способы художественной отделки предметов могли сочетаться в одном предмете. Костяные крестовины характерны для мечей, конструктивно восходящих к римским кавалерийским спатам. Данные крестовины нередко изготавливались двусоставными и имели подпрямоугольную, реже полукруглую форму. Деревянные крестовины встречались как на мечах, восходящих к оружию Рима, так и на образцах, бытовавших в позднесарматской среде. Для аланских (позднесарматских) мечей характерны деревянные крестовины прямоугольной формы, фактически не выступающие за пределы клинка и изготовленные как единое целое с рукоятями. Деревянные крестовины в отдельных случаях могли покрываться (обтягиваться) золотым листом, покрытым перегородчатой инкрустацией. Рукояти изготавливались из дерева либо кости, имели цилиндрическую либо бочковидную форму и могли покрываться желобками, а также украшаться металлическим листом либо кольцами, украшенными в полихромном стиле. Рукояти мечей, у которых крестовины и навершия отделывались в технике перегородчатой эмали, могли украшаться в таком же стиле. Навершия изготавливались из металла, кости, дерева либо камня и пасты. Большинство мечей гуннской эпохи, не имевшие металлического навершия и происходящие из памятников степного круга, Причерноморья,

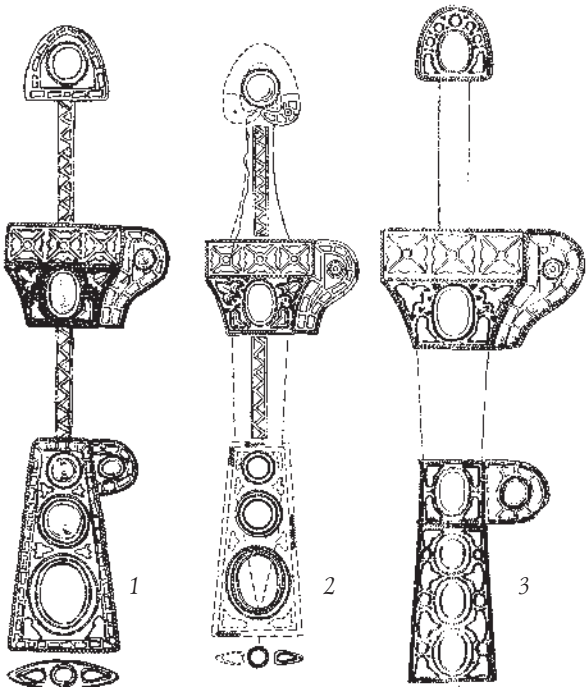
[1] *Дол* — желоб на плоскости клинка.



Погребальный инвентарь разрушенного захоронения у с. Ново-Ивановка. IV–V вв.



Кинжал и меч
из погребений Цебельдинского могильника.
Середина IV— V вв.



Три реконструкции ножен и деталей эфеса кинжала
из погребения у озера Боровое
(1. А. Аназавы; 2. А. Амброза; 3. И. Засецкой).
V — начало VI вв.

Кавказа и Предкавказья, имели навершия, изготовленные из халцедона, нефрита, янтаря или пасты. Эти неметаллические навершия практически всегда имели вид дисковидной пуговицы и могли украшаться металлической орнаментированной либо украшенной перегородчатой инкрустацией накладкой. Металлические навершия имели цилиндрическую, бицилиндрическую, грибовидную и даже грушевидную форму. Навершия могли покрываться тонким золотым листом, нередко покрытым чешуйчатым орнаментом, украшаться вставками стекла и камней, а также отделываться в полихромном стиле. Костяные и деревянные навершия, характерные для позднеримского оружия, могли иметь шаровидную, цилиндрическую и грибовидную форму, однако можно допустить существование наверший иных форм. Ножны мечей изготавливались из дерева и могли своим сечением повторять сечение клинка. В качестве элементов отделки деревянной основы использовалась обтяжка цветной тканью либо кожей, покрытие металлическим листом (бронзовым, серебряным, золотым), украшение накладками, выполненными в полихромном стиле либо вставками из неграненых камней и кабошонов. Ножны могли иметь устье и наконечник. Данные детали, как правило, изготавливались из металла. Устья ножен в большинстве своем имели форму, близкую к цилиндрической, наконечники могли иметь цилиндрическую либо трапециевидную форму, однако могли существовать наконечники и иной формы. Некоторые наконечники представляли собой сочетание соединенных вместе металлических скоб, повторяющих контур оконечности ножен. Устья и наконечники могли украшаться в традиционном полихромном стиле. Ножны подвешивались вертикально на плечевой либо поясной (значительно реже) портупее, посредством скобы, прикрепленной к внешней стороне ножен. Скоба могла изготавливаться из металла, камня, кости и дерева. Достаточно широкое распространение имели металлические скобы, украшенные перегородчатой эмалью, и скобы, изготовленные из камня и кости. Скобы позднеримских и византийских мечей могли иметь металлические скобы, раздваивающиеся на конце.

Палаши встречаются в степных памятниках гуннского времени и керченских склепах. Длина

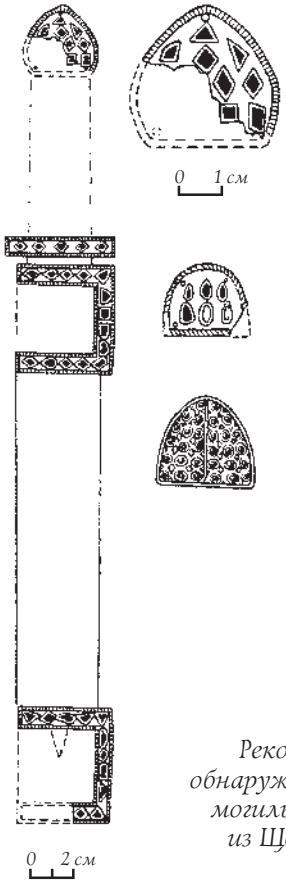
клинков палашей колеблется от 600 до 800 мм при ширине, равной в среднем 40 мм. Эфес и ножны данного оружия соответствуют аналогичным деталям мечей, происходящим из памятников степного круга и Керчи.

Кинжалы достаточно редко встречаются в памятниках гуннского времени. Незначительное число экземпляров происходит с территории Кавказа и степных могильников. Длина клинков гуннских кинжалов в среднем составляет 35 мм при ширине, равной 25–30 мм. Сечение клинков имеет линзовидную, реже ромбовидную форму. Эфес большинства кинжалов состоял исключительно из рукояти, либо рукоять, крестовина и, возможно, навершие изготавливались из дерева как единое целое. Рукояти в отдельных, редких случаях могли покрываться тонким орнаментированным драгоценным листовым металлом и украшаться кабошонами в оправе. Кинжалы также могли снабжаться массивными брусковидными крестовинами либо иметь эфес, близкий по конструкции эфесам мечей, украшенных перегородчатой инкрустацией. Особым богатством отделки отличаются кинжалы гуннского или близкого к нему времени, происходящие из франкских захоронений с территории Бельгии и Франции. Особым богатством отделки в стиле перегородчатой инкрустации отличается кинжал из погребения франкского вождя Хильдериха в Турне. Несмотря на то, что, по всей видимости, данный прекрасный образец оружия изготовлен европейскими мастерами, образцом для них, вероятно, послужили богато изукрашенные кинжалы гуннских вождей.

Ножны кинжалов изготавливались из дерева, могли обтягиваться тканью, кожей и покрываться металлом. Некоторые ножны кинжалов (происходят с территории Цебельдинской цитадели и датируются V – началом VI вв.) имеют рамочные наконечники, повторяющие контур оконечностей ножен. Кинжалы крепились к поясу в горизонтальном положении посредством Р-образных либо П-образных скоб (так называемых «выступов»), нередко отделанных в полихромном стиле либо покрытых чеканным орнаментом. В то же самое время продолжали существовать кинжалы, ножны которых имели четыре выступа (скобы) и подвешивались к поясу в вертикальном положении и дополнительно крепились ремешком к бедру. Данный способ известен с III–II вв. до н. э. Однако в IV–VI вв., несмотря на сохранившиеся четыре скобы (выступа), ножны крепятся вертикально посредством двух верхних и к бедру не привязываются. Тем самым нижние скобы утрачивают свою функцию и продолжают изготавливаться как дань традиции.

Боевые ножи по характеру отделки и деталям эфеса практически ничем не отличаются от кинжалов, за исключением наличия однолезвийного клинка, длина и ширина которого в большинстве случаев аналогична данным параметрам кинжальных клинков. Исключение составляют боевые ножи, происходящие с цебельдинских памятников. Они отличаются значительной длиной, достигающей 500 мм, и наличием долов, проходящих вдоль обуха.

В «гуннских», погребениях степного круга копья как таковые отсутствуют. Исключение составляет наконечник копья, обнаруженный в погребении у колхоза «Восход» Саратовской области. Наконечник втульчатый, имеет перо вытянуто-треугольной формы. Длина наконечника составляет порядка 190 мм, при этом длина втулки фактически аналогична длине пера. Перо крепится к втулке посредством пайки. В то же самое время можно допустить использование гуннами копий, в большом количестве происходящих с «готских памятников» гуннского времени на территории Поднепровья, Крыма и Причерноморья. В этих регионах



Реконструкция внешнего вида кинжала, обнаруженного в могиле VIII Новогригорьевского могильника, и обкладки наверший кинжалов из Щербатой котловины и Кучугуры. V в.

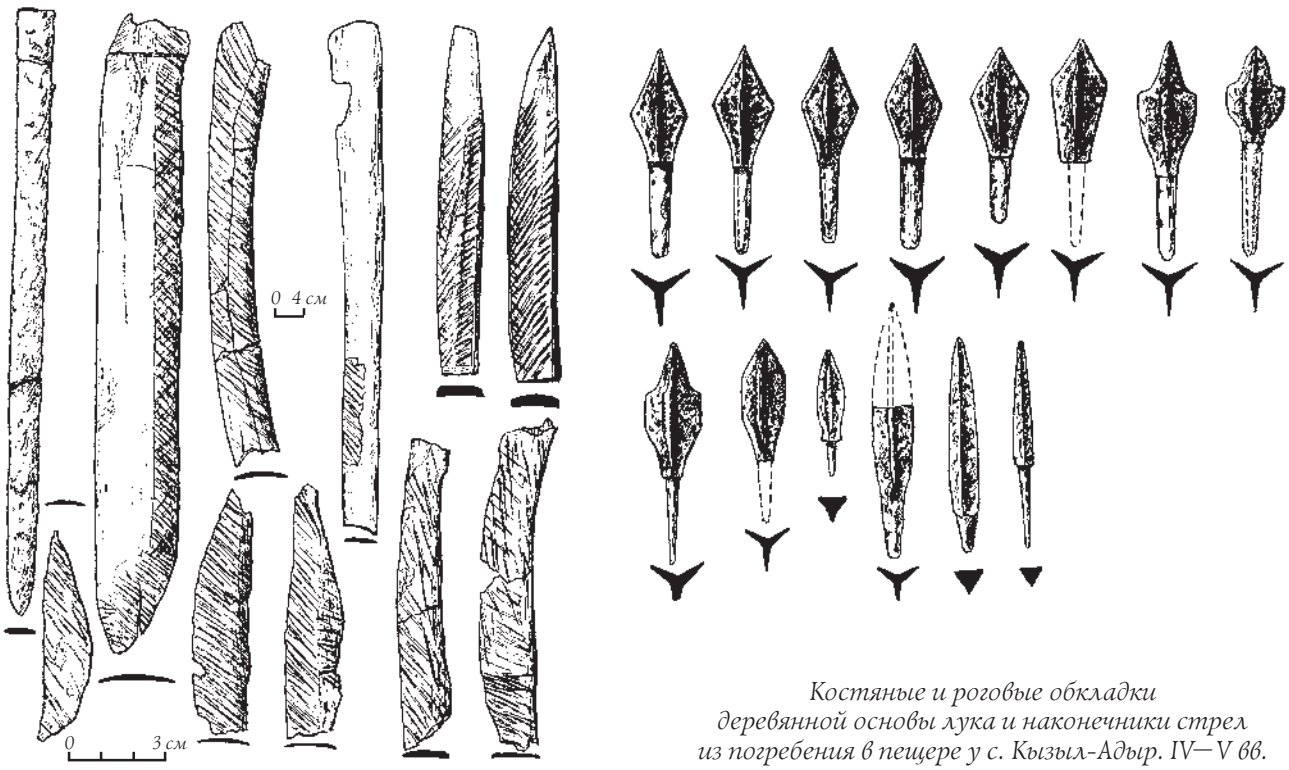
наиболее популярными были копья, наконечник которых снабжался пером лавролистной, вытянуто-треугольной и пламевидной формы.

Защитное снаряжение гуннов состояло из защиты корпуса, боевых наголовий и щитов.

Защита корпуса у гуннов была представлена кольчугами и ламеллярными панцирями[1]. В памятниках степного круга фрагмент кольчуги был обнаружен в погребении у колхоза «Восход», и один целый экземпляр был обнаружен в погребении у села Федоровка. На основании данных находок можно высказать предположение о том, что кольчуги, бытовавшие в гуннской среде, были снабжены короткими рукавами и подолами, достигающими в лучшем случае середины бедра.

Ламеллярные панцири в погребениях степного круга не встречаются, однако их фрагменты присутствуют среди находок, происходящих с территорий, подвергшихся гуннскому вторжению. Так, определенное количество деталей панцирей происходит из погребений франков. Изображения ламеллярных панцирей также можно наблюдать на памятниках византийского изобразительного искусства. Поскольку противники гуннов имели ламеллярные панцири в своем арсенале защитных средств, можно предположить их ограниченное бытование и в кочевой среде. О конструкции этих панцирей нет сколь-либо достоверных сведений, однако, можно предположить, что в основной массе их покрой соответствовал крою «пончо» (две половинки панциря соединялись на плечах и имели разрез по бокам либо на одном боку). Именно такой покрой, если судить по изображениям, имели ламеллярные панцири кавалерии Позднего Рима и Византийской империи. Панцирь фактически состоял из нагрудника и наспинника, набранного из мелких пластин подпрямоугольной формы. Также можно допустить бытование в гуннской среде панциря покроя типа «корсет-кираса», состоящего из ламеллярного на-

[1] Ламеллярный панцирь — гибкий пластинчатый доспех, набранный из кожаных, костяных или металлических пластин подпрямоугольной формы, соединенных посредством шнура, в отличие от ламинарного доспеха, набранного из крупных (кожаных или металлических) горизонтальных полос.



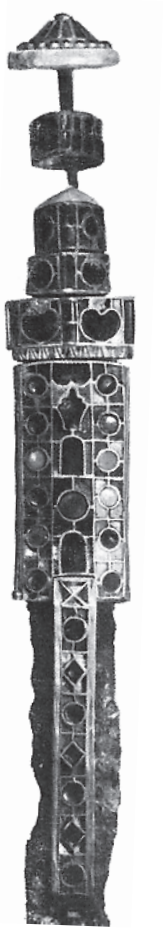
Костяные и роговые обкладки деревянной основы лука и наконечники стрел из погребения в пещере у с. Кызыл-Адыр. IV—V вв.

грудника и наспинника, соединяющихся на боках и снабженных плечевыми лямками.

Боевые наголовья гуннов были представлены исключительно шлемами. Шлемы имели сегментно-клепаную конструкцию, полусферическую, эллипсоидную (яйцевидную) и грушевидную форму. Некоторые шлемы могли украшаться в полихромном стиле (вставками из драгоценных либо полудрагоценных камней) и накладками из цветного металла. В настоящий момент на территории России найдено пять шлемов, относящихся к гуннской эпохе и, возможно, употреблявшихся в их среде. Шлемы происходят из захоронений Суворовского могильника (две штуки), Тураевского могильника, Калкинского могильника и погребения у с. Кишнек. Последние две находки можно связать с ареалом распространения кочевий предкавказских гуннов, так как найдены на территории Дагестана и Кабардино-Балкарии. Шлемы из погребения № 30 Суворовского могильника и шлем из Тураевского могильника снабжены лопаточко-видными наносниками, последний при этом украшен прорезными накладками из желтого металла и имеет трубочки для крепления султанов, расположенные в височной области на венце шлема. Шлем из погребения № 3 Калкинского могильника имеет рудиментарный наносник, подглазные вырезы и анатомически прочеканенные ушные раковины на глубоком венце шлема. Шлемы из Калкинского и Тураевского могильников имели кольчужные бармицы. Можно предположить, что гуннские шлемы, помимо кольчужных, в отдельных случаях снабжались кожаными бармицами, широко известными по изображениям воинов-эфталитов IV–V вв. Толщина металла, идущего на изготовление шлемов, как правило, не превышала 1 мм, что позволяет предположить наличие достаточно плотного подшлемника из органических материалов, остатки которых не сохраняются в погребениях.

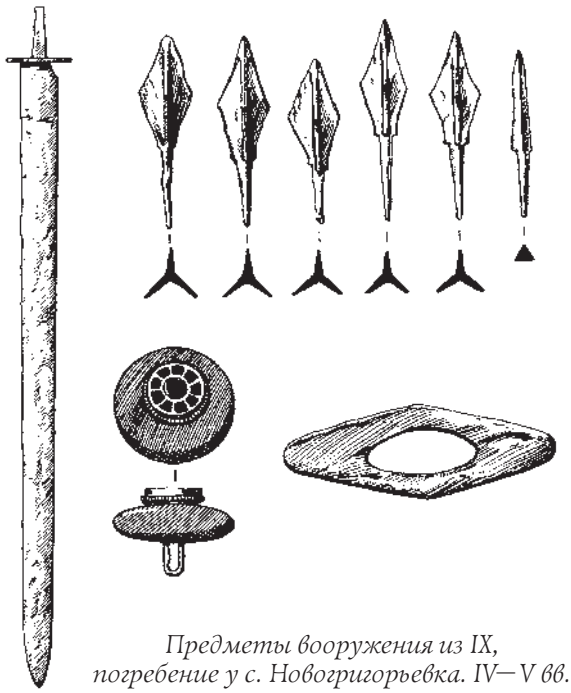
Возможно, гуннами, после их столкновений с военными отрядами Западной и Восточной Римской империй, использовались шлемы, характерные для кавалерии данных государств. О бытовании таких защитных наголовий на территории, контролируемой гуннами, свидетельствует находка обложенного серебряным листом шлема, происходящего из погребения близ села Концешты (современная Республика Молдова).

Щиты являются нехарактерным для гуннов защитным снаряжением, и их использование в кочевой среде документально ничем не зафиксировано. Однако, поскольку длинные мечи упоминаются в числе излюбленного оружия гуннских воинов, вряд ли их эффективное применение было возможно без использования щита, ибо всадник, не защищенный щитом либо иным защитным снаряжением (у гуннов такового было немного), становится уязвимым для оружия противника, в особенности готского или римского пехотинца, вооруженного длинным копьем и закрывающегося большим щитом. Даже если допустить, что до столкновения с готами гунны не знали щитов, сложно представить себе ситуацию, при которой они бы не переняли этого достаточно эффективного защитного снаряжения, тем более, что практически все их противники (пожалуй, за исключением аланов) активно использовали данную деталь вооружения. Если допустить использование в гуннской среде готских либо римо-византийских щитов, можно предположить и их конструкцию, взяв за основу находки остатков щитов, происходящие из Цебельдинской цитадели и памятников Сочинского района. Щиты изготавливались из деревянных дощечек толщиной не более 7–10 мм, снабжались металлической либо деревянной ручкой, металлическим умбоном[1] и, в ряде случаев, металлическими оковками. Диаметр либо длина овальных кавалерийских щи-



Меч, украшенный в технике перегородчатой инкрустации (т. н. «полихромный стиль»). Конец IV — начало V вв. Найден в Керчи. Ныне хранится в Государственном Эрмитаже

[1] Умбон — срединная железная бляха полусферической или конической формы на щите, защищавшая руку воина от пробивающих щит ударов.



Предметы вооружения из IX, погребение у с. Новогригорьевка. IV—V вв.

тов могла колебаться от 500 до 1200 мм. Щиты имели овальную либо круглую форму, поверхность могла обтягиваться тканью либо кожей и покрываться, по всей видимости, преимущественно геометрическим рисунком. Умбоны, являющиеся одной из главных деталей в конструкции щитов гуннской эпохи (впрочем, как и последующих, вплоть до XI вв. включительно), изготавливались из железа (низкоуглеродистой стали) и бронзы и имели куполовидную либо цилиндро-коническую форму. Поверхность умбона могла золотиться, а также покрываться гранями и спиральными желобками. Последний способ отделки, по всей видимости, наиболее характерен именно для византийских щитов.

Реконструкция облика гуннских воинов иллюстрирует возможное сочетание предметов оружия и защитного снаряжения в рамках одного комплекса вооружения.

Цветная вкладка *(стр. 19)*

Показан возможный облик знатного гуннского воина конца V — начала VI вв., состоящего на службе Византийской империи после распада гуннского союза и участвовавшего в военных кампаниях против Сасанидского Ирана.

Комплекс защитного снаряжения воина состоит из панциря и шлема. Панцирь воина, закрывающий грудь и спину, имеет ламеллярную конструкцию и покрой типа «пончо». Панцирь набран из мелких подпрямоугольных пластин, соединенных между собой посредством кожаных сыромятных ремешков (фрагмент панциря из Айгевани, современная Армения). Панцирь надет непосредственно поверх короткорукавого кафтана.

Голову воина защищает византийской работы шлем эллипсоидной (яйцевидной) формы, имеющий сегментно-клепаную конструкцию. Шлем снабжен наушами и гребнем. Все детали шлема покрыты тонким серебряным листом (шлем из погребения у села Концешты ныне хранится в Государственном Эрмитаже, Россия). Конструкция данного боевого наголовья более характерна для IV в., однако данный воин продолжает носить этот великолепно выглядящий шлем, попавший в гуннскою среду в ходе войн с Римом и Византией.

Оружие воина представлено мечом и луком. Меч воина снабжен эфесом, детали которого выложены золотым листом и украшены в полихромном стиле вставками из цветного стекла. В полихромном же стиле украшены и металлические детали ножен, также обтянутые тонким золотым листом (находка в склепе города Керчь, в 1904 г., ныне хранится в Государственном Эрмитаже, Россия).

В руке воин держит небольшой сложносоставной лук сигмообразной формы, конструктивно относящийся к лукам «хуннского» типа. Еще два запасных лука с ненатянутой тетивой убраны в чулковидный кожаный налуч. Конический кожаный колчан персидской работы (иранское блюдо со сценой охоты, находка в Красной Поляне, Сочинский район) повешен на спину и находится в походном положении.

Цветная вкладка *(стр. 20)*

Изображены два знатных гуннских воина, комплекс вооружения которых реконструирован на основе находок с различных территорий, входивших в сферу влияния державы гуннов, и относящихся ко времени противостояния Восточной и Западной Римских империй.

Первый воин облачен в кольчугу с коротким рукавом и подолом (находка у села Федоровка), надетую непосредственно на распашной халат из китайского шелка. Голову воина защищает грушевидный шлем сегментно-клепаной конструкции. Шлем состоит из глубокого венца и цилиндро-сферической тульи, набранной из узких трапециевидных полос, соединенных между собой посредством заклепок (погребение № 3 Калкинского могильника в Дагестане). Навершие шлема имеет полусферическую форму и увенчано небольшим кольцом для крепления плюмажа. На боковых поверхностях венца с большой долей реализма прочеканены ушные раковины. Передняя часть венца снабжена подглазными вырезами и рудиментарным наносником. К нижнему краю венца крепится кольчужная бармица. Щит воина сколочен из досок и обтянут раскрашенной кожей, имеет диаметр около 700 мм, по краю усилен металлическими оковками (склеп № 145 Керченского могильника) и куполовидным граненым умбоном, расположенным в центре плоскости щита (Абхазия, погребение МХ-3-1).

Оружие воина состоит из меча, кинжала и лука.

Меч имеет линзовидный в сечении клинок длиной около 800 мм и шириной 45 мм. Эфес меча состоит из крестовины, рукояти, навершия и украшен в полихромном стиле (погребение у колхоза «Восход»). Крестовина имеет прямоугольную форму и украшена накладками, выполненными в стиле перегородчатой инкрустации, изображающими головки соколов, обращенные в сторону клинка. Рукоять деревянная, обтянута кожей. Навершие представляет собой полую внутри металлическую биконическую деталь, украшенную вверху полихромной вставкой. Ножны деревянные, обтянуты тонкой кожей, усилены металлическим наконечником бицилиндрической формы (погребение Цебелиум-1-43) и подвешиваются к поясу посредством одной скобы, прикрепленной к внешней части ножен.

Кинжал, висящий на поясе воина, состоит из линзовидного в сечении клинка длиной около 250 мм и эфеса, украшенного в полихромном стиле (8-я могила в Новогригорьевке Запорожской области). Эфес состоит из крестовины, рукояти и навершия. Прямоугольная крестовина изготовлена из дерева и обложена бронзовым листом, обтянутым золотом. Крестовина украшена рубчатыми валиками и сердоликовыми вставками в золотой оправе. Рукоять деревянная выполнена как единое целое с сердцевидным навершием, обложенным золотой накладкой, выполненной в одном стиле с накладкой на крестовину. Ножны деревянные, обтянуты кожей и крепятся к поясу в горизонтальном положении посредством П-образных скоб, обложенных золотым листом и украшенных сердолико-выми вставками. Ножны крепятся на поясе, пряжка и наконечник которого украшены в полихромном стиле вставками из сердолика (могильник у села Новогригорьевка, Запорожская область).

Комплект вооружения дополняет сложносоставной лук «хуннского» типа, убранный в кожаный подтреугольный налуч, совмещенный с цилиндрическим колчаном (остатки лука из погребения № 2 в кургане 8 могильника Кубей; изображения воинов с костяных пластин из кургана № 2 Орлатского могильника, Самаркандская область).

Второй воин, представленный на вкладке, облачен в ламеллярный панцирь, набранный из подтреугольных пластин со скругленным верхним краем. Покрой панциря соответствует покрою «корсет-кираса» и защищает только грудь и спину воина. Поверх панциря надет халат, подбитый и отороченный мехом. Голову воина защищает шлем эллипсоидной формы, имеющий сегментно-клепаную конструкцию (погребение у села Кишнек, Кабардино-Балкария). Шлем изготовлен из узких трапециевидных пластин, увенчан уплощенным цилиндрическим навершием. В лицевой части шлема имеется подпрямоугольный вырез, лобовая часть шлема украшена полудрагоценными камнями в золотой оправе. Шлем снабжен кожаной бармицей, полностью закрывающей шею воина.

Воин вооружен длинным мечом, кинжалом, копьем и луком.

Меч воина состоит из клинка, имеющего ромбовидное сечение длиной 750–800 мм при ширине, равной 40–45 мм, и эфеса, состоящего из крестовины, рукояти и навершия, украшенных в полихромном стиле (разрушенное погребение у села Дмитриевка, балка Вольная Вода). Крестовина прямоугольной формы украшена вставками из граната. В таком же стиле отделана нижняя втул-

ка деревянной цилиндрической рукояти. Навершие имеет вид дисковидной «пуговицы», украшенной гранатом в золотой оправе.

Кинжал воина состоит из длинного (до 400 мм) ромбовидного в сечении клинка и эфеса, металлические детали которого изготовлены из позолоченного серебра и украшены в полихромном стиле вставками из зеленого и красного стекла (погребение Цебелиум-1-43, Абхазия). Крестовина имеет прямоугольную, а навершие — близкую к грушевидной форму. Цилиндрическая рукоять украшена у основания серебряной с позолотой цилиндрической обоймой. Деревянные ножны меча обтянуты кожей, снабжены четырьмя металлическими полуовальными выступами и рамочным наконечником.

Копье длиной 2,5 м состоит из кизилового древка, снабженного втульчатым наконечником с пером пламевидной формы (находки в погребениях на территории Цебельдинской цитадели).

Лук воина «хуннского» типа убран в кожаный подтреугольный налуч, совмещенный с цилиндрическим колчаном (остатки лука из погребения у села Кызыл-Адыр; изображения воинов с костяных пластин из кургана № 2 Орлатского могильника, Самаркандская область).

Конные воины франкских дружин

V–VI вв.

В следствие Великого переселения народов, затронувшего множество германских племен, франки в числе других племен, ранее проживавших на обширных лесистых территориях, расположенных за Рейном и Дунаем, под давлением иных, двигающихся на юг от побережья Балтийского моря, в III в. подошли к границам Римской империи, проходящим по Рейну и Дунаю. В 236–238 гг. франки и алеманны[1] перешли границу империи и стали расселяться на территории римских провинций. В течение ближайших 20–30 лет императорам Рима удается сдерживать экспансию франков и алеманнов, направленную на захват римских территорий в провинции Галлия (территория современной Франции). Сравнительно быстро франки разделились на несколько родо-племенных образований — салических (прибрежных) и рипуарских франков.

Длительное время франки в военных кампаниях выступали на стороне Рима, поставляя отдельных воинов и целые отряды в ряды армии Западной Римской империи. В 468 г. франки вместе с бургундами и бретонцами заключили с римским императором Антемием оборонительный союз, направленный на то, чтобы предотвратить захват Галлии вестготами под предводительством Евриха. Ситуация изменилась в тот момент, когда военным вождем одного из племен салических франков стал Хлодвиг из рода Меровингов. Являясь человеком незаурядных способностей, отличаясь военными талантами, крайней решительностью и жестокостью, Хлодвиг очень быстро стал не просто военным вождем, но и сумел, опираясь на дружину, стать правителем, фактически независимым от совета старейшин племени. Именно преданность людей составляющих личную дружину Хлодвига, позволила ему, в конечном итоге, пройти путь от военного вождя одного из франкских племен до властителя могущественной державы франков, заставляющей считаться с собой многочисленные воинственные соседние народы и саму Византийскую империю.

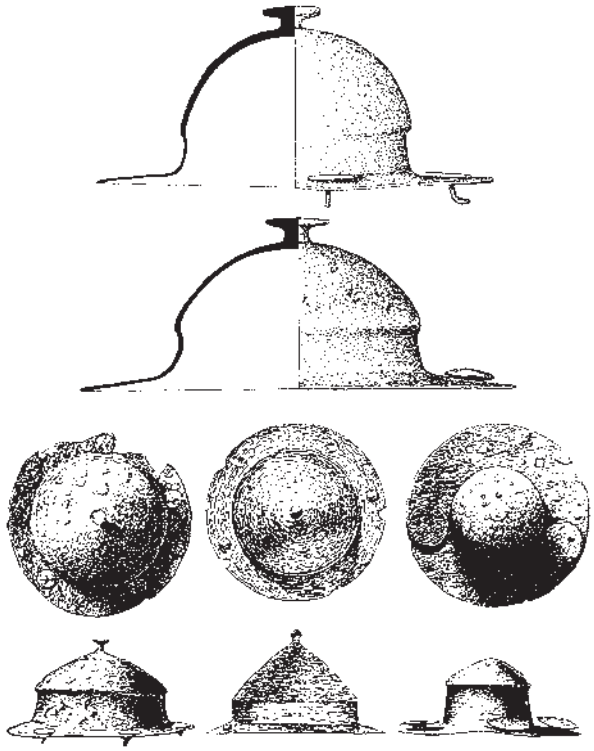
Дружина, являясь неотъемлемым атрибутом франкского (как и любого другого германского) общества, находящегося на стадии разложения родоплеменного строя и перехода к военной демократии, способствовала появлению королевской власти и формированию феодальных отношений. Состоящая из воинов различных народов, зачастую не связанных родоплеменными отношениями ни между собой, ни с племенем вождя, именно дружина являлась его опорой и реальной силой в решении внутриплеменных конфликтов. Воины дружины франкских вождей, как и многих германских народов, были исключительно преданы своему вождю, с которым были связаны клятвенными отношениями и взаимными обязательствами. Воин обязан в жизни и смерти служить своему вождю, за что тот награждал его различными подарками (оружием, украшениями,

[1] Алеманны (швабы) — как и франки, германское племя; в ряде романских языков слово «алеманны» сохранилось как наименование немцев.

земельными наделами). Как правило, поступая в дружину вождя, воин получал из его рук оружие и воинское снаряжение, которое должен был вернуть, уходя со службы либо переходя в дружину к другому вождю. Члены комитата (дружины) были связаны со своим вождем узами иной раз более крепкими, чем родственные. Вождь, первый среди равных, удачливый и отважный, вне зависимости от возраста, в системе междружинных отношений выступал фактически главой, отцом воинского сообщества. Вождь был обязан одаривать своих ближних лошадьми, богатыми подарками, устраивать для них совместные пиршества. Совместной трапезе придавалось особое значение, она служила ритуальным целям единения членов воинского сообщества, облекала их отношения в форму «семейности». Старшие члены дружины, более зрелые и опытные воины, покровительствовали более молодым воинам, наставляя их в воинской доблести и умении владеть оружием. Размеры дружины франкских вождей зависели от личной доблести предводителя, ценившейся значительно выше, чем знатность происхождения. Чем выше была доблесть и воинское умение вождя, тем более многочисленной была его личная дружина.

Особенности менталитета франкского, как и любого германского воина, требовали от вождя непрерывной организации военных походов и захвата многочисленной добычи, которая затем должна быть по справедливости и щедро раздарена членам комитата. Тацит в следующих выражениях описывает данную особенность взаимоотношений вождь—дружина: «Многочисленную дружину удержать в повиновении можно только силой или войной. Воины всегда испытывали благородство вождя, требуя боевых лошадей и копий, запачканных кровью поверженных врагов. Обильное питание воинов шло в счет их жалования. Деньги для содержания войска можно было взять только с помощью войны». Для одаривания своих воинов за личную преданность и доблесть Хлодвиг также использовал многочисленные земли, конфискованные в пользу франков у галлов и римлян, проживавших на землях, захваченных франками.

В ответ на щедрость вождя и его заботу члены дружины платили преданностью своему вождю и должны были сражаться за него до последней капли крови, а также сохранять верность ему и его семье даже после его гибели. Предательство вождя членами его дружины покрывало последних в глазах соратников и членов иных дружин страшным, зачастую несмываемым позором. Тем не менее подобные факты имели место, и даже Хлодвиг прибегал к такому приему, как подкуп воинов в дружинах своих противников. Данный прецедент хорошо описан у Григория Турского, жившего в VI в. и оставившего нам описания деяний Хлодвига. Григорий Турский описывает борьбу Хлодвига с еще одним франкским вождем Рагнахаром, который, по его словам, «настолько сильно погряз в разврате, что даже не гнушался кровосмешения». Хлодвиг, стараясь упрочить свои позиции и обеспечить себе победу над противником, переманил на свою сторону часть дружины Рагнахара, одарив последних золотыми браслетами и перевязями для мечей. В последующем сражении Хлодвиг одержал победу над Рагнахаром, а его самого и его брата Рикхара, обвинив в отсутствии у них доблести, подобающей воинам франкам, собственноручно зарубил боевым топором. Воины, предавшие Рагнахара, обнаружили, что золото, которым рас-



Умбоны щитов. Германия, VI в.
Аналогичные умбоны усиливали и щиты франков

платился с ними Хлодвиг, фальшивое, после чего высказали ему недовольство подобным недостойным великого вождя обманом, на что Хлодвиг, по свидетельству летописца, ответил следующие: «Именно такое золото подобает давать людям, которые умышленно обрекли своего вождя на смерть». Затем он добавил, что они «должны быть благодарны судьбе за то, что смогли сохранить свои жизни, несмотря на то, что за предательство положена смерть».

Успехи военных деяний Хлодвига зависели не только от доблести и многочисленности его дружины, что являлось немаловажным фактором, но и от доблести простых свободных общинников, составлявших основной источник воинов в обществе франков. Каждый свободный франк должен был по зову старейшин либо вождя со своим оружием выступить в поход. Уклонение от участия в боевых действия считалось позором, а впоследствии, с развитием государственности у франков, стало не только наказываться общественным порицанием и презрением, но и денежным штрафом, а иногда и смертью.

Франки, объединенные Хлодвигом, в 481 г. ставшим фактически единственным их правителем, начинают проводить серию военных кампаний, направленных на захват новых земель на территории Галлии и достижение превосходства над соседними, не менее воинственными германскими народами. В 486 г. дружины и ополчение Хлодвига в сражении под Суассоном наносят поражение галло-романской армии под предводительством Сиагрия, самостоятельно управляющего Северной Галлией, и укрепляют свои позиции на севере Франции. Сиагрий бежит в Тулузу, где находит убежище у предводителей вестготов Алариха II. Хлодвиг требует выдачи Сиагрия, в противном случае обещая начать войну с вестготами. Сознавая военное превосходство франков, Аларих выдает Сиагрия посланцам Хлодвига, который предает его казни. В 496 г. между франками и вестготами происходят военные столкновения в области средней Луары. Вестготам даже удается захватить принадлежащий франкам город Сент. Военные успехи вестготов могут быть объяснены тем, что в это время Хлодвиг был занят войной с алеманнами, закончившейся их поражением и признанием Хлодвига своим повелителем. Два года спустя франки наносят ответный удар, захватывают Бордо и берут в плен вестготского военачальника Суатрия. Вестготы заключают антифранкский союз с бургундами, и военные действия возобновляются, при этом ни одной, ни другой стороне не удается добиться существенных преимуществ.

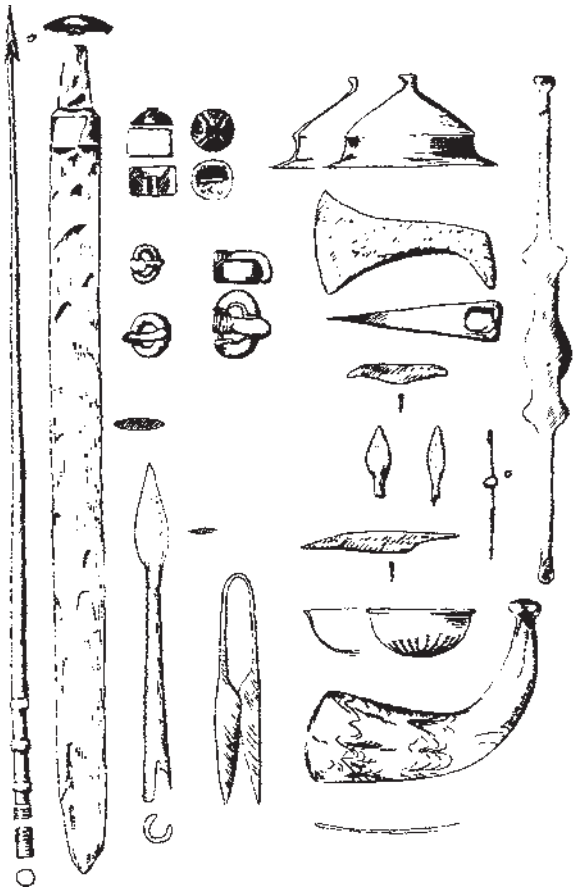
В 498 г. Хлодвиг и его ближайшие сподвижники, а также, возможно, личная дружина принимают христианство. Данный шаг позволил сблизиться с римским населением Галлии, из числа которого Хлодвиг начинает формировать управленческий аппарат своей новообретенной королевской власти. Воины христиане в незначительном количестве начинают появляться в составе отрядов франков. В 502 г. Хлодвиг и Аларих II заключают договор о разделе владений, граница которых должна была, по всей видимости, проходить по Луаре, и военные действия на какое-то время прекращаются. В 507 г. франки, в нарушение мирного соглашения, вторгаются на территорию Галлии, занятую вестготами. Перейдя в решительное наступление, Хлодвиг достиг Пуатье, где дал решающие сражение армии вестготов. Войско вестготов потерпело сокрушительное поражение, а их вождь Аларих II пал в сражении. Победители стремительно проникли в центральные области Вестготской Галлии и вновь заняли Бордо, а также захватили Тулузу, где в их руки попала королевская сокровищница. Сын Хлодвига Теодорих занял Овернь. В 534 г. франки покорили бургундов, вследст-

Богато украшенный гравировкой, чеканкой и позолотой куполовидный сегментно-клепаный шлем. VI в. Обнаружен предположительно на территории Франции. Нью-Йорк, Музей Метрополитен

вие чего вся бывшая римская провинция Галлия фактически оказалась в руках франков и управлялась выходцами из династии Меровингов.

В период ведения боевых действий византийской армии против готов в Италии франки, в нарушение мирных договоров, заключенных как с одними, так и с другими, неоднократно вторгались в пределы Италии, производя опустошения на захваченных землях. Прокопий Кесарийский в своем труде «Война с готами» описывает зверства франков на захваченных готских землях, отмечая, что, будучи христианами, данный народ сохранил много кровавых обычаев своих языческих германских предков. Особенно массовый характер имело вторжение многочисленного войска франков и алеманнов, возглавляемых двумя алеманнскими вождями — братьями Букелином и Лейтаром в 554 г. Первоначально франкам сопутствовал успех, и они сумели практически полностью уничтожить византийскую группу войск под командованием герула Фулкариса. Однако впоследствии, в сражении при Казилине, франки были разбиты византийской армией, возглавляемой непосредственно Нарсесом, командующим византийской группой войск в Италии. В ходе сражения при Казилине франки потерпели сокрушительное поражение и понесли настолько значительные потери, что, по свидетельству Агатия, из всего вражеского войска уцелело лишь пять человек.

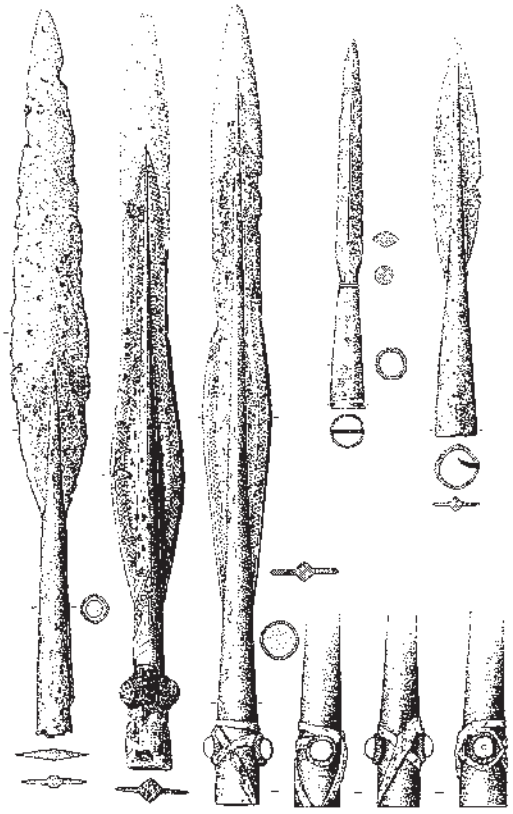
Современники отмечают, что войско франков состояло преимущественно из пехоты. Прокопий Кесарийский, описывая войско франков, под предводительством Теодеберта вторгшееся в Италию, упоминает тот факт, что основу войска составляли пешие франки, вооруженные мечами, метательными топорами (франциски) и снабженные щитами. Незначительное число кавалерии, по свидетельству Прокопия, составляло свиту вождя. Воины этого отряда были вооружены копьями. Несмотря на данный факт и иные аналогичные, свидетельствующие о том, что основу войска франков составляли пешие ополченцы, — свободные общинники, кавалерия играла в военной жизни франков значительную, фактически сакральную роль. Конь сопровождал знатного франка либо члена его дружины в загробный мир, служа как бы проводником между миром живых и миром мертвых. Благоговейное, мистическое отношение франков к коню привело к тому, что спустя каких-нибудь 100–150 лет после смерти Хлодвига во Франции знатным воином, настоящим профессиональным бойцом мог считаться исключительно всадник. Во времена же Хлодвига франки, имея в распоряжении лошадей и будучи, как все прочие представители «варварских» народов, достаточно универсальными солдатами (умели сражаться как в пешем строю, так и на коне), предпочитали сражаться пешком, хотя до поля боя нередко ехали верхом. Более опытными кавалеристами были алеманны, входившие первоначально в состав франкских дружин, а впоследствии и в состав их державы. Алеманны в отличие от своих соседей франков были более инновационны в отношении использования лошади на войне и активно сражались верхом, несмотря на наличие пехоты, во многом аналогичной пехоте франков.



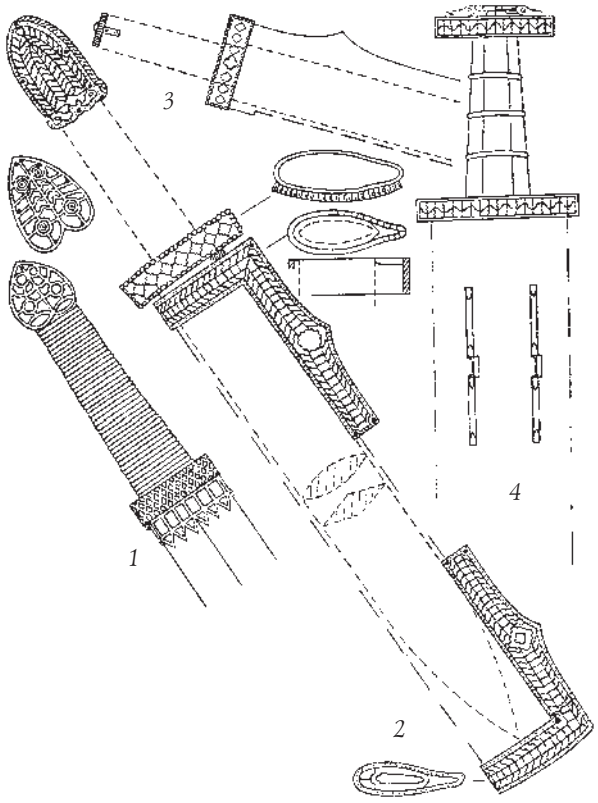
Типичный погребальный инвентарь (оружие, бытовые предметы, утварь) захоронения воина франка. VI в.

Верховное командование военными контингентами франков осуществлял первоначально военный вождь, а впоследствии, со времен коронации Хлодвига, — король. Командование отдельными соединениями осуществляли «старшие» дружинники, наиболее приближенные к королю. Высший командный состав франков первоначально именовался «графами». Впоследствии они превратились в управителей жалованных им областей и земель, а первоначально должны были осуществлять оборону вверенных им земель, являясь по зову повелителя со своими дружинами и ополчением из свободных общинников с управляемых территорий. Отдельными отрядами управляли простые дружинники либо представители родоплеменной знати и старейшины франкских общин. Все соединения были разделены на десятки, сотни и тысячи. Помимо свободных франков и, возможно, определенного числа вооруженных рабов, следующих на войну за своим господином, в состав объединенного войска франков входили и представители романского населения Галлии. Первоначально романское население не привлекалось к участию в боевых действиях, что, по всей видимости, было обусловлено недоверием новых хозяев Галлии к бывшим римским подданным. Впоследствии ситуация изменилась, и к концу правления Хлодвига в числе дружинников его графов и герцогов можно было встретить представителей «коренного» населения. В отличие от франков, предпочитающих сражаться в пешем строю, представители галло-романского населения, знакомые с римской военной культурой, были более опытными наездниками и «заводчиками» лошадей, чем германские франки.

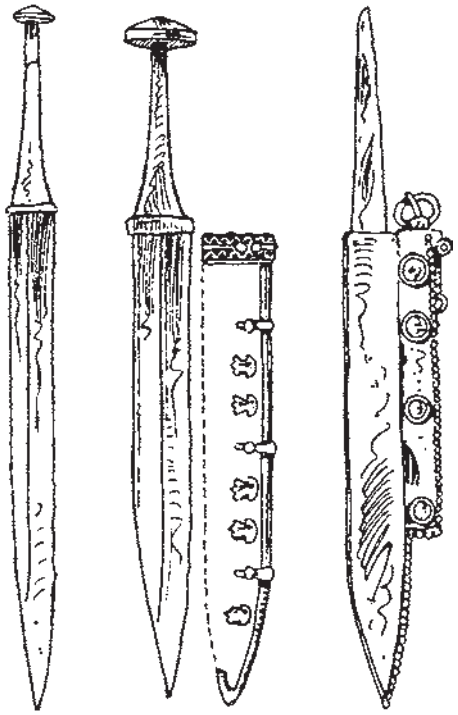
О численности кавалерии у франков не сохранилось достоверных сведений. Связано это в первую



Наконечники копий и дротиков. Нидерштётцунген, Южная Германия, VI в. Аналогичные наконечники копий бытовали и в военной среде франков



Клинковое оружие франков и алеманнов и его конструктивные элементы (1. Пуан и Неметкер, Франция; 2—4 Турне, могила короля Хильдериха, Бельгия). V—VI вв.



Скрамасаксы, найденные на территории Франции и Германии. VI в.

очередь с тем, что ее количество было столь незначительным, что не заслуживало упоминания хронистов.

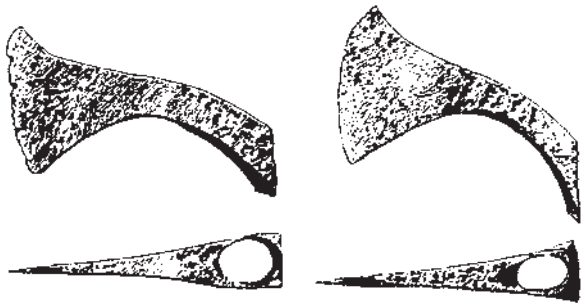
О действии франкской кавалерии в бою, как и об особенностях боевого построения, нет достоверных сведений. Можно только предполагать, что, как и пехота, кавалерия франков, основываясь на германской военной традиции, использовала боевое построение в форме прямоугольника, увенчанного клиновидным боевым порядком передних рядов (так называемая «свинья»). При этом ширина фронта была значительно меньше его длины.

Основным оружием франкской кавалерии, как упоминают хронисты, являлось копье, при этом можно с уверенностью предполагать, что помимо копий использовались мечи, длинные боевые ножи (палаши-лангсаксы) и дротики. Луки, как отмечают современники, не были в ходу в среде франкских воинов, а излюбленные боевые топоры (франциски) были не удобны для сражения верхом.

Сидоний Аполинарий, хронист, живший в середине V в., следующим образом описывал облик франков, их одежду и оружие: «Их глаза бледные и светлые, зрачки серо-голубые. Щеки выбриты. Бороды они не носят, а носят тонкие усы, которые расчесывают гребнем. Облегающая одежда подчеркивает длинные конечности. Штаны короткие, видны голые колени. Узкая талия перехвачена широким ремнем. Самое интересное в процессии—сам князь, который пешком шел между своими солдатами. Его одежда отливает алым, червонным золотом и белым шелком. Его светлые волосы, красные щеки и светлая кожа отлично дополняется светлой одеждой. Даже в мирное время князь и его дружина производят устрашающие впечатление. Ноги до лодыжек закрыты меховыми башмаками. Голени, икры и колени голые. Выше — облегающие фигуру разноцветные штаны, которые едва закрывают бедра. Рубаха с рукавом, открывающая предплечья. Воины несли большие зеленые щиты с малиновым кантом. Мечи подвешены на перевязи из усеянной заклепками оленьей кожи. Такая перевязь украшала и одновременно защищала воина. Копья с пучком волос и метательные топоры они держали в правой руке. В левой они несли щиты, украшенные в центре металлической шишкой, начищенной до блеска. По краю щит был окантован серебряной полосой, которая не только укрепляла щит, но и свидетельствовала о достатке воина».

В многочисленных погребениях франкской и алеманнской знати присутствует значительное количество находок предметов вооружения, позволяющих в полной мере реконструировать облик франкского воина и особенности конструкции его оружия и защитного снаряжения.

Оружие франков было представлено мечами либо палашами, копьями, дротиками, боевыми ножами или кинжалами и боевыми топорами.



Железко франциск (топоров). Нидерштётцунген, Южная Германия. VI в. Аналогичные бытовали и в военной среде франков

Защитное снаряжение было представлено кольчугами, панцирями, боевыми наголовьями и щитами.

Мечи франков, обнаруженные в воинских погребениях, имеют относительно длинные клинки, достигающие 750–850 мм, при ширине, доходящей до 75 мм. В среднем толщина клинка мечей франков редко когда превышала 5–6 мм. Острия клинков мечей образовывались плавным закруглением лезвий. В сечении клинки имели линзовидную, реже шестигранную форму. Можно также допустить существование клинков ромбовидной формы. Конструкция клинка могла дополняться долами, проходящими по боковым плоскостям клинка. Основа клинка изготавливалась в технике сварочного дамаска, путем чередования слоев углеродистой стали и практически чистого железа, либо к бедной углеродом полосе приваривались полосы высокоуглеродистой стали, служащие основой для будущих лезвий. Эфес мечей франков состоял из крестовины, рукояти и навершия. Материалом для изготовления деталей эфесов могли служить как различные металлы, так и органические материалы (кость, дерево). Крестовины рассматриваемых мечей имели подпрямоугольную либо ладьевидную (зачастую фактически овальную) форму. Рукоять, как правило, имела цилиндрическую либо усеченно-коническую форму.

Эфес меча. V в.
Находка в реке Шелде, Германия

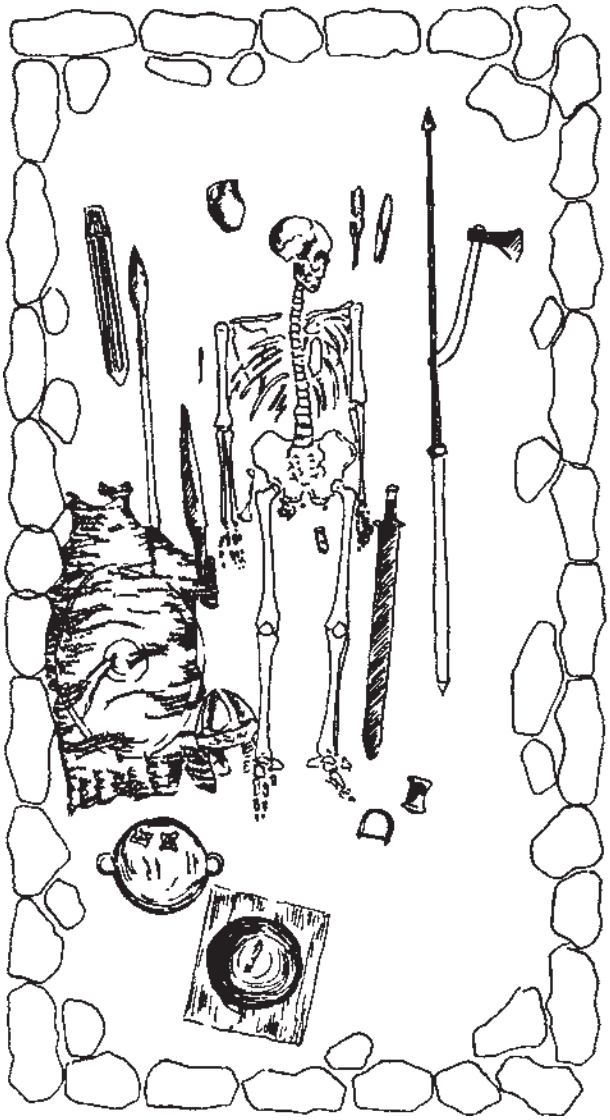
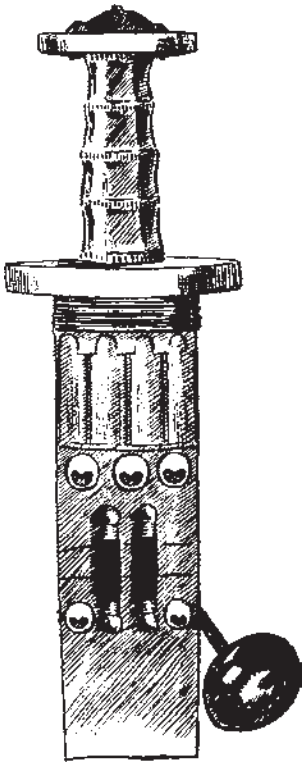


Схема захоронения франкского воина. VI в. Прекрасно видно защитное снаряжение, включающее в себя кольчугу, шлем, щит и оружие, состоящее из фрамеи, ангона, скрамасакса, меча и франциски

Рукоять изготавливалась из дерева и иногда покрывалась металлическим листом. Встречались экземпляры, рукоять которых набиралась из нескольких элементов, цилиндрической, дисковидной и усеченно-конической формы. Длина рукояти обычно не превышала 110 мм. Навершие мечей имело дисковидную, ладьевидную либо сердцевидную (миндалевидную) форму. В последнем случае навершие изготавливалось из дерева и покрывалось

Скрамасаксы. Конец V—VI вв. Нью-Йорк, Музей Метрополитен



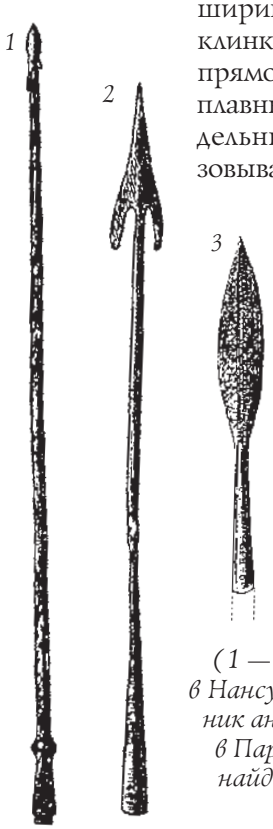
Реконструкция меча из могилы франка либо алеманна в Кляйн-Хюнинген, Швейцария. Конец V — начало VI вв.

металлическими накладками, повторяющими ее форму. В VI в. стали получать распространение мечи, навершие которых состояло из двух элементов, ладьевидного основания и подтреугольного верхнего элемента. Металлические детали эфеса могли изготавливать из драгоценных металлов, преимущественно золота, либо отделывать данным благородным металлом. Достаточно часто в V в. элементы эфеса украшались в полихромной технике. В качестве материалов для инкрустации преимущественно использовалось цветное стекло, как правило, красного цвета. Ножны меча изготавливались из дерева, после чего обтягивались кожей либо цветной тканью и дополнялись металлическими элементами, такими, как устье, наконечник и скобы для портупейных ремней. Можно предположить бытование исключительно деревянных ножен. Ножны либо повторяли геометрию клинка, либо имели вид прямоугольных пеналов. Наконечники ножен мечей франков имели вид прямоугольной либо V-образной оковки ножен. Устья ножен имели прямоугольную форму. Ножны крепились к портупее посредством двух металлических скоб либо специфических фигурных выступов ножен (короткие мечи).

Франкские палаши (лангсаксы) отличались от мечей исключительно конструкцией клинка. Однолезвийные клинки лангсаксов имели длину, доходящую до 600—750 мм, при ширине в среднем равной 50—60 мм. Толщина клинка у основания могла доходить до 8 мм. Зачастую клинок лангсакса имел скос обуха прямой либо вогнутой формы и дол, проходящий вдоль обуха.

Боевые ножи (саксы) были излюбленным оружием франков, значительно более популярным, чем меч. Длина прямого однолезвийного клинка сакса в среднем колебалась в пределах 400 мм при ширине, равной 35—40 мм. Острие клинка образовывалось схождением прямого либо вогнутого скоса обуха и плавным закруглением лезвия. У отдельных экземпляров острие образовывалось исключительно плавным закруглением лезвия и лежало на одной линии с прямым обухом клинка. Достаточно часто на боковой поверхности клинка сакса вдоль обуха проходил один либо несколько относительно узких долов.

По конструкции эфеса все бытовавшие в военной среде франков саксы можно условно разделить на три группы. К первой группе будет относиться оружие, эфес которого

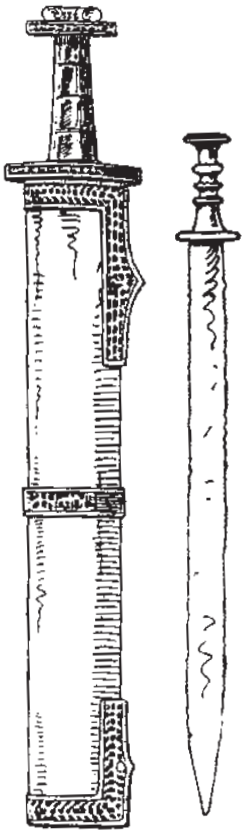


Наконечники дротиков (1 — наконечник ангона, найденный в Нансу, Музей Висбадена; 2 — наконечник ангона из коллекции Музея армии в Париже; 3 — наконечник франциска, найденный в Лондикире, Франция). V—VI вв.

состоит из одной деревянной рукояти, как правило, цилиндрической формы. Ко второй группе могут быть отнесены образцы с эфесом, состоящим из дисковидной либо ладьевидной металлической крестовины, цилиндрической либо конической деревянной рукояти (иногда набранной из нескольких элементов) и дисковидного или низкого цилиндро-конического навершия. К третей группе относятся саксы, обнаруживаемые в могилах представителей франкской знати. Эфесы данного оружия характеризуются богатой отделкой и состоят из прямоугольной крестовины, цилиндрической рукояти и навершия в виде перевернутого «сердечка» либо стилизованной «шишки». Крестовина изготавливалась из металла, рукоять из дерева. Деревянное навершие обтягивалось орнаментированным металлическим листом, покрытым, как и крестовина, геометрическим орнаментом. Рукояти саксов двух последних групп могли обматываться металлической проволокой. Ножны боевых ножей изготавливались из кожи либо дерева. Кожаные ножны повторяли контур клинка и отделывались металлическими фигурными накладками, оковками, устьями и скобами. Оружие утапливалось в кожаные ножны нередко до середины рукояти и более. Ножны крепились к поясу в наклонном положении спереди таким образом, чтобы рукоять сакса смотрела вправо. Клинок располагался в ножнах, как правило, лезвием вверх. Деревянные ножны были характерны для саксов с эфесами, принадлежащих третьей вышеописанной группе. Ножны имели вид прямоугольных «пеналов», обтянутых кожей и украшенных металлическими деталями (устьями, наконечниками, скобами). Металлические детали данных ножен, как и детали эфесов, нередко изготавливались из драгоценного металла (преимущественно золота) и богато орнаментировались в геометрическом стиле.

Кинжалы имели ограниченное распространение в военной среде франкского общества, их функции обычно выполняли саксы. Единичные экземпляры, обнаруженные в погребениях франкской знати, возможно, представляют собой подарки от соседних племен, либо, что тоже вероятно, изготовлены в подражание оружия кочевников, преимущественно гуннов и алан. Конструкция данного оружия мало чем отличается от конструкции богато украшенных саксов, снабженных «мечевидными» эфесами. Основное отличие состоит в наличии двухлезвийного клинка, ромбовидного либо линзовидного сечения, длиной около 200–300 мм.

Не менее популярным оружием были копья, особенно те, конструкция которых восходила к легендарным германским «фрамеям», копьям, наконечник которых был снабжен пером пламевидной формы. Помимо копий с наконечником, снабженным пером пламевидной формы, бытовали копья, перо наконечника которых имело лавролистную, иволистную, ромбовидную и подтреугольную форму. Сечение пера имело, как правило, ромбовидную форму, но встречались экземпляры с линзовидным сечением. Крепились наконечники к древку посредством втулки диаметром обычно не более 30 мм. Втулки имели различную длину, нередко равную или большую, чем длина пера. В VI в. стали применяться копья, втулки, наконечники которых стали снабжаться своеобразными выступами различной формы, препятствующими глубокому проникновению копья в тело. Длина наконечников франкских копий колебалась от 150 до 400–450 мм. Длина древка, изготовленного из древесины твердых пород, колебалась от 2 до 3 м.



Мечи конца V–VI вв. Слева направо: меч короля Хильперика, Париж, Лувр; меч, обнаруженный на горе Кирхберг под Андернахом, Бонн, Рейнский провинциальный музей

Специфические дротики, называемые «ангонами», были одним из популярнейших видов оружия, бытовавшего в среде воинов франков. Неизвестный автор VI в. следующим образом описывает это оружие: « Ангоны представляют собой копья средней длины. При необходимости их можно метать словно дротики, а можно использовать в рукопашной схватке. На протяже-

нии большей части древка ангон покрыт железом, так что дерево видно лишь в задней части копья. Франки метают ангоны перед началом схватки. Если ангон впился в тело, вытащить его очень тяжело. Зазубрины удерживают ангон в теле человека, причиняя ему сильную боль. Человек, раненный ангоном, может умереть, даже если не задеты жизненно важные точки. Если ангон попадает в щит, он застревает в нем и оттягивает щит книзу. Обрубить древко мечом невозможно, так как большая часть древка закрыта железом. Наступив ногой на конец древка, можно вырвать щит из рук противника, оставив его практически беззащитным перед ударом следующего копья, меча или топора». Как следует из текста (что также подтверждается археологическими находками), особенностью конструкции ангона являлось наличие втулки наконечника, снабженной длинной шейкой, перо относительно общей длинны наконечника имело небольшие размеры. Перо в большинстве случаев имело треугольную форму и плечики, переходящие в два шипа. Также встречались наконечники ангонов, перо которых имело ромбовидную либо иволистную форму. Длина наконечника ангона могла доходить до 1000 мм. Диаметр втулки, а, соответственно, и древка обычно не превышал 20–25 мм. Длина древка также обычно колебалась в пределах 800–1000 мм. Помимо ангонов в качестве метательного оружия применялись и обычные дротики («фрамей»), длина наконечников которых обычно не превышала 150–200 мм. Данные наконечники крепились к древку посредством втулок диаметром около 20 мм. Перо имело ромбовидную либо иволистную форму. Большой популярностью пользовались наконечники, снабженные двухшипными подтреугольными перьями.

Богато украшенный гравировкой, чеканкой и позолотой куполовидный сегментно-клепаный шлем (бармица реконструирована). Западная Европа, VI в.

Несмотря на то, что кавалеристы франки, по всей видимости, не использовали метательные топоры «франциски», исключать такую возможность до конца нельзя. Франциска состояла из короткой, около 300–500 мм, рукояти и металлического железка, состоящего из подтреугольного обуха с овальной либо круглой проушиной и трапециевидного двоякоизогнутого клина. Рукояти некоторых топоров-франциск могли покрываться многочисленными металлическими оковками.

В погребениях воинов франков остатки гуннов и стрег практически не встречаются, однако хронисты отмечают, что луки все же имели ограниченное хождение. Как отмечают современники, франки использовали стрелы, наконечники которых смазывали ядом. О конструкции луков франков нам ничего не известно. Можно только предполагать, что они имели простую конструкцию и изготавливались из дуба, тика либо из древесины деревьев группы ильмовых.

Наиболее распространенным защитным снаряжением франков, предназначенным для защиты корпуса, являлась кольчуга. Многочисленные находки этого защитного снаряжения в погребениях франкской и алеманнской знати позволяют получить достаточно полное представление о ее конструкции. Кольчуги имели туникообразный покрой, короткие рукава доходили до локтевых сгибов, подол мог доходить до середины бедра, но, как правило, был несколько короче.

Помимо кольчуг в среде франкской знати бытовали панцири, имеющие ламеллярную конструкцию. О крое данных доспехов в настоящий момент судить крайне сложно, поскольку до наших дней панцири дошли в виде спекшихся кусков железа, в массиве которых просматриваются отдельные пластины. По всей видимости, франкские панцири имели покрой, аналогичный покрою византийских панцирей, бытовавших в этот же период времени. Наиболее же распространенным являлся покрой типа «пончо», при котором панцирь имел вид накидки либо жилета с разрезом на одном плече и боку, либо на обоих боках. Можно также предположить, что обнаруженные в захоронениях франков и алеманнов ламеллярные панцири не являются продуктом местного производства, а попали в их среду в качестве подарков от византийских императоров и прави-

телей провинций, либо были получены в награду за службу в византийских войсках. Это предположение вполне логично, поскольку нет данных о производстве подобных доспехов в землях франков, да и маловероятно, что они располагали необходимыми знаниями и ресурсами. Об использовании франками защитного снаряжения, изготовленного из ткани (стеганых курток, туник), нет каких-либо данных. По всей видимости, данная защита, к примеру, в византийской армии, традиционно надеваемая под металлические доспехи, не пользовалась популярностью в среде франков и не имела сколь-либо заметного распространения. Кольчуги и панцири надевались либо непосредственно на тканевую одежду, либо поверх кожаных рубах, что более вероятно.

О форме и конструкции шлемов, бытовавших в среде франков и алеманнов, можно судить по достаточно многочисленным находкам, обнаруженным в числе предметов погребального инвентаря. Исходя из анализа обнаруженных в захоронениях боевых наголовий, можно сделать вывод, что в среде франков бытовали шлемы преимущественно одной конструкции, изготовленные на территории Византийской империи в одной мастерской либо по одним образцам. Конструктивно данные шлемы куполовидной формы состоят из небольшого венца и шести образующих купол каплевидных либо подтреугольных сегментов, стыки которых закрыты шестью, как правило, Т-образными накладками. Конструкция шлема дополняется дисковидным навершием, зачастую увенчанным небольшим шпилем либо трубочкой под султан. Конструкция шлема могла дополняться большими изогнутыми наушами и кольчужной бармицей. Венец шлема в передней части мог оформляться рудиментарными надбровными вырезами. Внутрь шлема вшивался стеганый подшлемник, подкладку имели и науши. Нередко все элементы конструкции шлема покрывались позолотой и богато орнаментировались в геометрическом и растительном стиле.

Щиты франков имели овальную либо круглую форму. Основа щита изготавливалась из деревянных дощечек, плотно подогнанных друг к другу, после чего могла покрываться тонкой кожей либо тканью. В целом деревянная конструкция щита могла дополняться рядом металлических элементов, к коим относятся умбон, оковка края и рукоять, служащая для удержания. Металлическая оковка края, по всей видимости, могла заменяться обшивкой из толстой кожи. Умбоны имели цилиндро-коническую, цилиндро-куполовидную либо цилиндро-сферическую форму. Конструкция некоторых умбонов в конце VI в. стала дополняться уплощенным диском на невысокой стойке, располагающейся в центральной части.

Цветная вкладка (*стр. 21*)

Изображен конный воин-алеманн из числа дружинников сыновей Хлодвига, комплекс вооружения которого соответствует середине VI в. На принадлежность воина к алеманнам указывает наличие на лице обильной растительности, не свойственной для франкской «моды», и длинных полосатых штанов. Комплекс защитного вооружения воина включает в себя шлем и ламеллярный панцирь.

Куполовидный шлем воина имеет сегментно-клепаную конструкцию и состоит из низкого цилиндрического венца и тульи, образованной четырьмя сегментами, усиленными Т-образными накладками. Шлем увенчан дисковидным навершием, снабженным втулкой, в которую вставлен плюмаж из конского волоса. К нижнему краю венца шлема крепится пара массивных наушей. Внутрь шлема и к обратной стороне наушей крепится стеганая подкладка (реконструкция выполнена по аналогии находки шлема из погребения у Крефельд-Геллеп).

Ламеллярный панцирь изготовлен из мелких подпрямоугольных пластин, соединенных посредством кожаных ремешков. Панцирь имеет конструкцию типа «пончо».

Вооружение воина состоит из меча и пары коротких копий. Меч состоит из длинного (800 мм) клинка и эфеса, состоящего из прямоугольной металлической крестовины, деревянной, покрытой желобками, цилиндрической рукояти и навершия усеченно-конической формы. Ножны, повторяющие контур клинка, изготовлены из дерева, обтянуты кожей и снабжены металлическими деталями. К металлическим деталям ножен относится цилиндрическое устье, V-образный наконечник и скоба для крепления плечевого ремня.

Короткие копья снабжены втульчатыми наконечниками с перьями иволистной формы.

Конница армии Византии

VI в.

Наиболее значимым событием в жизни Византийской империи в VI в. в военном, культурном и политическом плане, безусловно, является правление императора Юстиниана. Вступив на престол в период ослабления государства и военных неудач, во многом связанных с движением гуннов и вытесняемых ими народов на Запад, Юстиниан к концу своего правления сумел добиться значительных успехов в расширении территории Византийской империи и укреплении ее границ. В течение всего времени правления с 527 по 565 гг. Юстиниан планомерно воплощал в жизнь свою идею создания всемирной христианской монархии с самодержавным и полновластным императором во главе. Территория этой новой великой державы должна была, как минимум, включать в себя земли, расположенные в рамках старых границ Великой Римской империи в период ее наибольшего могущества. На пути осуществления этих поистине грандиозных для того времени и политической ситуации планов стояли интересы могущественной державы Сасанидов и молодых варварских королевств Европы, правители которых жаждали славы, богатства и новых территорий для расселения своих племен и родов. Во многом данным планам не суждено было сбыться еще и потому, что византийская армия в рассматриваемый период времени была менее многочисленной, дисциплинированной и боеспособной, чем римская императорская армия, наследницей которой она считалась лишь номинально. Тем не менее полководцам этого блистательного императора и умелого политика удалось в ходе многочисленных военных кампаний вернуть контроль империи над Месопотамией и Италией.

В 30-х гг. VI в. один из виднейших византийских полководцев Велизарий, назначенный командующим войсками империи на Востоке, провел успешную кампанию против персидских войск в Месопотамии, вследствие чего византийцам удалось возвести крепость Дара, которая расположилась севернее Нисба (данная территория в тот момент истории относилась к провинции Армения). В результате побед удалось восстановить контроль над захваченными землями, некогда бывшими провинциями Восточной Римской империи и ранее утраченными. Позднее одним сокрушительным ударом Велизарию удалось покончить с господством вандалов в Африке и установить над захваченными землями власть империи.

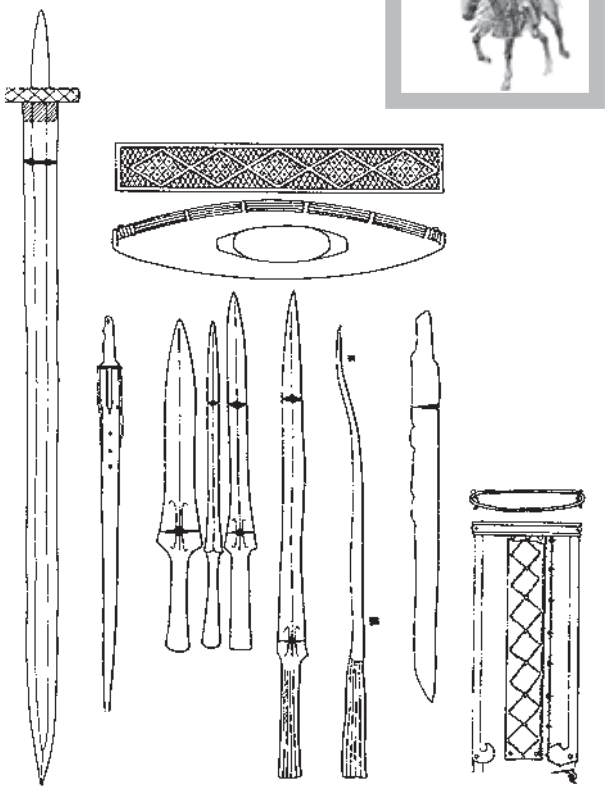
В 535 г. Велизарий вместе со своими африканскими войсками высаживается в Италии и начинает вести кампанию против остготов Ветигеса с целью установления контроля над полуостровом и включением италийских земель в состав империи. Византийские войска без боя занимают Неаполь, Рим и Сполето. Война с остготами с переменным успехом велась в течение долгих 18 лет и закончилась полной победой византийских войск под командованием полководца Нарсеса, принявшего у Велизария командование над итальянскими войсками. Долгое время существовала реальная возможность покорения византийскими войсками Испании, осуществить которую

не удалось вследствие недостаточного количества людских ресурсов. Тем не менее следует отметить, что часть прибрежных средиземноморских портов, расположенных на территории Испании, оказалась захваченной византийскими войсками и удерживалась ими в течение длительного периода времени.

Сведения о византийской армии периода правления Юстиниана, ее тактике, стратегии и частично вооружении мы можем почерпнуть по большей части из исторических трудов Прокопия Кесарийского и Агатия. До наших дней также дошли военные трактаты псевдо-Маврикия (авторство приписывается как императору Маврикию, так и Урбикию) и неизвестного автора «О действиях полководца» («Византийский Аноним»).

Византийская армия в период правления императора Юстиниана состояла преимущественно из наемных отрядов различной численности и достаточно пестро вооруженных. Командиры этих, как правило, национальных соединений являлись не столько офицерами императорской армии, сколько выступали в качестве вождей дружин, объединенных общими интересами либо обычаями, и во многом являлись лишь первыми среди равных. Численность этих «вольных» отрядов зависела от удачливости командира и военачальника, на службе которого они в тот момент состояли. Лояльность таких подразделений и их верность, а также боеспособность обеспечивались своевременной выплатой жалованья и его размерами. Многие командиры и полководцы византийской армии содержали персональные дружины, оплачиваемые из собственного кармана и за счет доли в добыче. Соответственно, и национальный состав византийской армии при таком принципе комплектования был чрезвычайно разнообразен и включал в себя представителей многих народов. Командиры даже многих собственно византийских подразделений (укомплектованных греками, фракийцами, македонянами, армянами и иными «коренными» жителями империи) не являлись первоначально подданными империи, а выдвинулись в таковые за счет личных качеств (верность империи зачастую ценилась выше всего) из варварских народов — готов, франков, гепидов, алан. Так, гепид Мунд, не являясь изначально подданным империи, некоторое время занимал должность командующего восточной группой войск. Такое положение вещей привело к тому, что от личности военачальника и его удачливости во многом зависел успех кампании и численность военного контингента в таковой задействованного. Примером, подтверждающим данную ситуацию, сложившуюся в византийской армии периода правления Юстиниана, может служить один из рассказов Прокопия Кесарийского, личного секретаря полководца Велизария и военного хрониста VI в., который он приводит в своем труде «Война с готами». Рассказ повествует о комплектовании армии полководцем Нарсесом, принявшим после смещения Велизария командование над итальянской группой войск византийской армии, ведущей войну с готами. Прокопий пишет следующие: «Нарсес вышел из Салоны и направился против Тотилы и готов со всем римским войском, которое достигало огромных размеров. Император дал в его распоряжение соответствующие крупные средства. Поэтому он, с одной стороны, смог собрать прекрасное войско и в достаточной мере озаботиться удовлетворением всех прочих военных потребностей, а с другой — он смог также уплатить солдатам в Италии всю ту задолжность, которую в течение непозволительно долгого времени накопил император, вместо того, чтобы, как

обычно, выплачивать им из государственной казны твердо установленное жалованье. У него было даже достаточно средств для того, чтобы переманить к себе тех, которые перебежали на сторону Тотилы, и, соблазнив их звонкой приманкой, снова вернуть в лоно империи. В то время как император Юстиниан вел сперва эту войну без особенного рвения, уже в самом конце он стал вести ее со значительным напряжением. И когда Нарсес заметил, что придется идти в Италию, то он обнаружил такое честолюбие, которое обычно свойственно полководцам. В ответ на приглашение императора он объявил ему, что лишь тогда выполнит его волю, когда в его распоряжение будут представлены достаточные боевые силы. Таким образом, ему удалось получить от императора деньги, людей и военное снаряжение в таком количестве, которое соответствовало достоинству Римской империи, и, проявляя неутомимую энергию, он собрал прекрасное войско. Он взял с собой из Византии очень многих солдат, а также привлек очень большое число воинов из Фракии и Иллирии. К нему примкнул и Иоанн со своими собственными войсками и с теми, которые оставил ему его тесть Герман. Далее, при помощи богатых подарков, посланных императором Юстинианом, а также благодаря заключению союзного договора удалось склонить короля лангобардов Аудина к тому, чтобы выбрать из состава своей свиты 2500 храбрых воинов и послать их в качестве подкрепления Нарсесу, снабдив их 3000 щитоносцев. Затем <...> были отправлены более 3000 из племени герулов, которыми наряду с другими командовал Филемут, многочисленные гунны, Дагистей со своей свитой, выпущенный ради этого из тюрьмы, много персидских перебежчиков под командой Кабада, который <...> перешел в то время на сторону римлян; затем Асбад, молодой гепид, отличающийся выдающейся храбростью, с 300 своими соплеменников, которые также были храбрыми воинами; герул Арут, с юности воспитанный в римском духе <...>, который будучи сам храбрым воином, был окружен многочисленными столь же храбрыми герулами <...>. Нарсес сам по себе обладал необычайной щедростью и охотно открывал перед каждым просителем свой кошелек, а так как он получил от императора большие средства, то тем легче мог следовать этой своей склонности к раздачам. Ввиду того, что уже с прежних времен многие ко-



Оружие из захоронений конца V — середины VI вв., входящих в состав Цебельдинского и Шапкинского могильников в Абхазии, расположенных на месте византийской крепости Цебелиум и прилегающей территории

мандиры и солдаты почитали его в качестве своего благодетеля, все они, — лишь только стало известно его назначении на должность верховного главнокомандующего всеми войсками, действующими против Тотилы и готов, — стали теснится к нему, пылая подлинным рвением и стараясь поступить к нему на службу отчасти для того, чтобы выплатить ему долг своей благодарности, а отчасти, вполне естественно, заслужить у него богатую награду. Особенно расположены были к нему герулы и прочие варвары, благосклонностью которых он заручился при помощи особенной щедрости».

Данный рассказ Прокопия Кесарийского интересен еще и тем, что из него следует, что в составе византийской армии в большом количестве служили представители народов, ранее активно воевавших с империей, таких как герулов, гепидов и гуннов. Многочисленными были в армии

империи и отряды готов, несмотря на то, что наравне с персами (иранцами) в VI в. они являлись основными военными и политическими противниками империи. Большой процент солдат был родом из Армении, традиционно являющейся еще со времен поздней Римской империи «поставщиком живого материала» для службы в императорских армиях. Многие из соединений, полностью состоящих из представителей армянского народа, возглавлялись командирами из числа собственно армянской знати — накхарарами. Помимо соединений, несущих службу на регулярной основе или являющихся наемными частями, воюющими на стороне империи только до тех пор, пока им выплачивается жалование, существовали отряды, состоящие из так называемых федератов. Федератами в византийской армии являлись воины, служащие в подразделениях, организованных по этническому принципу из числа племен, расселенных на границе империи и обязанных в обмен на жалованье, продовольственное довольствие либо в обмен на предоставленные территории нести военные повинности. Такие соединения зачастую выполняли функции пограничной стражи, но могли привлекаться и к участию в крупномасштабных военных кампаниях, к примеру, таких, как война с вандалами и готами. В войнах в Африке на стороне империи выступали федераты из числа маврусиев (берберов), пополнившие ряды легкой кавалерии. Помимо федератов, во времена Юстиниана пограничную службу несли и военные поселенцы (лимитанты), получавшие жалованье и надел земли в приграничной зоне. Эффективность этих лимитантных соединений была крайне невысокой, а денег на их содержание требовалось значительное количество, что в конечном итоге привело к почти полному упразднению данной категории пограничной стражи.

Два полусферических сегментно-клепаных шлема VI в., обнаруженные в Италии

В период правления императора Юстиниана все вооруженные силы империи были распределены по двум огромным военным округам или группам войск — западной и восточной. Военный контингент западной и восточной групп императорских войск складывался не только из наемных отрядов, но и из подразделений, укомплектованных подданными империи и приписанных к конкретному округу или провинции. Нередко внутри таких войсковых группировок существовало деление составляющих их соединений по отдельным армиям, если военные конфликты на их территории носили локальный, а не всеобъемлющий, всеимперский характер.

Численность византийской армии в VI в., несмотря на впечатляющую многонациональность и многочисленность соединений, была относительно невысокой. Агаций считал, что численность всех военных формирований империи составляла порядка 645 тысяч человек, из них в итальянской кампании Нарсеса принимало участие около 250 тысяч. Известный же немецкий военный историк XIX — начала XX вв. Ганс Дельбрюк высказывает мысль, что данная цифра является чрезмерно завышенной, и фактически численность войск никогда не превышала 150 тысяч человек. При этом на кавалерию, роль которой в византийской армии, по сравнению с римской, значительно возросла, приходилось не более половины либо одной трети. Отдельные армии, соответственно, имели значительно меньшую численность. Во время битвы при Даре у Велизария было всего 25 тысяч, в Африке он располагал 15 тысячами, а в Италии высадился, имея в своем распоряжении не более 10–11 тысяч человек. Нарсес же располагал в итальянском походе воинами, число которых было не более 30–50 тысяч. Точная численность отдельных подразделений нам также неизвестна, по всей видимости, она зависела от командира каждого соединения в отдельности и его качеств.

К примеру, личная гвардия Велизария, его «тагм», состояла из 7 тысяч воинов. В среднем же численность соединения вряд ли превышала 1500 человек. Помимо обычных имперских кавалерийских (общевойсковых, линейных) соединений и личных отрядов отдельных федеративных вождей и полководцев существовали элитные части, представленные преимущественно константинопольскими военными формированиями и императорской гвардией. Старейшим кавалерийским константинопольским кавалерийским соединением являлся полк «Скола», появившийся, по всей видимости, в результате слияния нескольких мелких кавалерийских константинопольских охранных соединений (скол), возникших еще в V в. Во времена правления императора Льва I (457—474) им был учрежден полк «Экскубити» («Экскувити»), первоначально являющийся его пешей гвардией и состоявший из 300 человек. Во времена Юстиниана гвардейские функции этого соединения, по всей видимости, сохранились, поскольку гвардейцы продолжают называться экскувитами, но их численность возросла, и они стали выступать не только в пешем, но и конном строю. С 559 г. в числе вышеупомянутых константинопольских соединений начинает фигурировать новое кавалерийское соединение — полк «Вилга» или «Аритмас». Воины данного соединения выполняли функции связных императора, когда тот лично выступал в военный поход, а также осуществляли функции внешнего кольца охранения императорской ставки. Церемониальная гвардия императора, несущая службу внутри дворца и выполняющая функции личных телохранителей, состояла из небольшого числа воинов (протикторов), наделенных офицерским чином и получающим повышенное жалованье.

Как кавалерийское, так и пехотное соединение (полк — «каталог») византийской армии в VI в. состояло из определенного числа сотен (лохов), делившихся на десятки (декурии), пятерки (пентархи) и тройки (тетрархи).

Верховное командование византийской армией или группами войск в отсутствие императора, являвшегося, по определению, верховным командующим, осуществлялось лицом, носящим титул (звание) стратилата либо Магистра милитум. Командование группами войск на Востоке и Западе осуществляли, соответственно, магистры Востока и Запада. Военачальники отдельных армий и крупных соединений (в некоторых случаях — крупных провинциальных ополчений) носили звание — стратиг. Командующие пограничными военными округами носили звание — дукс. Полки (каталоги) возглавлялись комитами (комит милитариус). Сотни возглавлялись лохагами, десятки — декурионами, пятерки — пентархами, тройки — тетрархами. Воины наемных подразделений, по данным Дельбрюка, носили название «гипаспист» либо «буккеларий». Бойцы, входящие в состав воинской элиты, судя по высказываниям Прокопия Кесарийского, именовались щитоносцами (скутатами) либо копьеносцами (дорифорами). Копьеносцами также именовались члены отрядов телохранителей стратилатов и стратигов, носившие младшие офицерские чины, либо приравниваемые к таковым Офицерский чин также носил каптенармус (оптион), отвечающий за снабжение воинских подразделений. В своих произведениях, описывающих военные успехи военачальника Велизария, Прокопий Кесарийский неоднократно упоминает тот факт, что в качестве командиров

отдельных соединений или военных группировок данный полководец нередко назначал своих телохранителей, доверяя им больше, чем иным, даже старшим, имперским офицерам.

Благодаря произведениям Прокопия Кесарийского до нас дошли имена не только Велизария и Нарсеса, но и многих других известных военачальников периода правления императора Юстиниана. Магистрами Востока, помимо Велизария, в различные периоды были Соломон, Мартин, гепид Мунд и фракиец Ливеларий. Помимо вышеперечисленных носителей звания «магистр милитум», упоминаются многие военачальники рангом ниже, такие, как Сита, Ириней, Герман, Геродион, Рекитанг, Феоклист, Марциан, Максимин, Валентин, Фока, Бесс (Весс), Константин и многие другие.

Размер жалования, выплачиваемого солдатам византийской армии, зависел от суммы «контракта», заключаемого командиром отрядов и императором либо одним из крупных военачальников. Боец также мог заключать договор непосредственно с командиром отряда. Помимо выплат, предусмотренных соглашением между империей и отдельным бойцом либо членом отряда, существовала доля в добыче, на которую мог претендовать солдат в случае захвата таковой в ходе военной кампании. Соответственно, и жалованье офицеров и военачальников во многом зависело от размеров военной добычи. В случае успешной кампании или иных военных заслуг командный состав византийской армии мог премироваться особым денежным пожалованием либо иным ценным подарком из рук самого императора. Зачастую таким пожалованием являлось присвоение почетного звания — консул. Данный титул не был связан с реальной властью, как это было в Римской империи, но тем не менее давал его владельцу основания причислять себя к числу византийской знати. В ряде случаев присвоение этого титула сопровождалось пожалованием его обладателю земли на территории империи.

Стратегия ведения боевых действий в период правления императора Юстиниана сводилась к захвату ключевых укрепленных пунктов противника с последующим расширением территории, подлежащей контролю византийскими войсками.

Тонкое серебряное блюдо, изготовленное во времена правления императора Юстиниана. Сюжет, представленный на блюде, предположительно изображает посещение Венерой Анхиза. Воины облачены в защитное снаряжение, характерное для византийской кавалерии VI в. Хранится в Государственном Эрмитаже

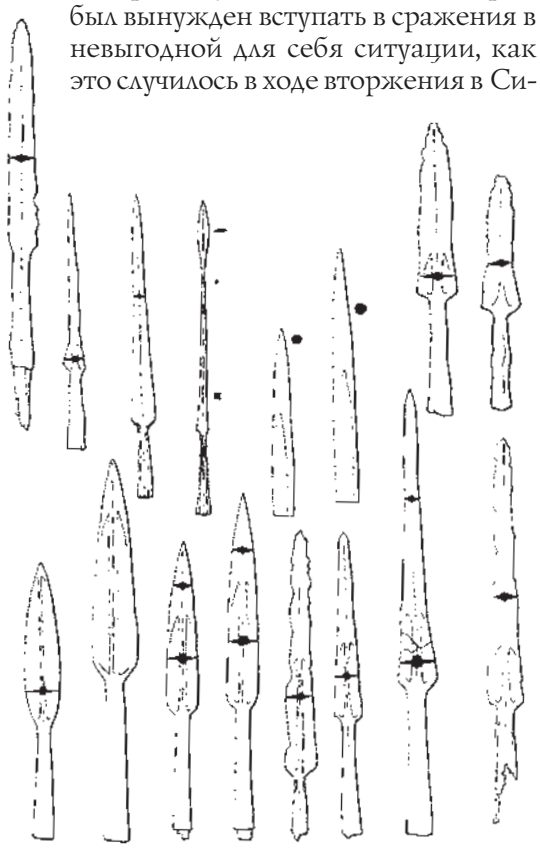
Данная тактика была наиболее характерной для византийской армии, вынужденной вести практически непрерывные боевые действия как на Востоке, так и на Западе. Из-за постоянной нехватки войск для обеспечения ведения интенсивных боевых действий военные кампании часто приобретали затяжной характер. Во многом это объясняется еще и тем, что многочисленного и достаточно хорошо вооруженного противника, действующего на театре военных действий, изобилующем многочисленными укрепленными пунктами, не удавалось разгромить в одном или нескольких генеральных сражениях. Исключение представляет собой кампания против вандалов, где особенно отличилась кавалерия Велизария, сумевшая разгромить армию вандалов фактически в единственном генеральном сражении. Последовавшая за африканской итальянская кампания приобрела затяжной характер, поскольку в распоряжении закрепившихся в Италии остготов (остроготов) были многочисленные

людские ресурсы, помощь союзников в лице германских племен (франков, бургундов) и многочисленные укрепленные населенные пункты с сильными гарнизонами. Затяжной характер итальянской кампании выдвинул кавалерию на передний план в качестве единственного рода войск, способного обеспечить маневренный характер ведения войны, в ходе которой постоянно возникала необходимость блокировать пути снабжения осажденных вражеских гарнизонов продовольствием, оружием и подкреплением. Растянутость вражеских и собственных коммуникаций в случае использования кавалерии в качестве основной ударной силы позволяла осуществлять стремительную переброску военных контингентов с одного локального театра военных действий на другой.

Таким образом, немногочисленным византийским силам, действующим под командованием Велизария в Италии, удавалась сохранять баланс сил. По всей видимости, именно Велизария следует считать «отцом» византийской кавалерии. Именно под его командованием первоначально в Северной Африке, а затем в Италии находились войска, кавалерия которых использовалась в качестве основной ударной силы, а не только для прикрытия пехоты. Популярность кавалерии в войсках Велизария, ведущих кампанию против готов в Италии, была настолько велика, что многие солдаты пехотных подразделений старались обзавестись лошадьми. Подобная ситуация привела к тому, что во время первой обороны Рима Велизарием он испытывал острую нехватку пехоты, вследствие чего значительное число сражений, данных этим полководцем у стен Священного города, были кавалерийскими столкновениями.

Кавалерия была особенно эффективна при реализации стратегических принципов ведения боевых действий, которых придерживались византийские военачальники начиная с VI в. Сущность большинства принципов сводилась к тому, чтобы не предпринимать активных попыток разбить противника в одном генеральном сражении, поскольку враг, стоящий на гране поражения, может оказать отчаянное сопротивление и переломить ход сражения в свою пользу. В военном трактате («Стратегикион» Псевдо-Маврикия), написанном в конце VI—началеVII вв., предписывается полководцам стараться не вступать в открытое сражение, даже имея хорошие шансы на победу, а навязывать противнику партизанскую войну. Тем не менее, несмотря на господствующие представления о преимуществах разгрома противника в многочисленных изматывающих стычках, добиться существенной победы над войсками готов полководцу Нарсесу удалось только после победоносного генерального сражения при Тагине в 552 г. В ходе данного сражения готы понесли значительные потери в живой силе, что в конечном итоге положительно сказалось на результатах всей военной кампании Византии в Италии.

Дисциплина в войсках была достаточной слабой, что нередко отрицательно сказывалось на стратегической ситуации в целом. Так тот же, неоднократно упоминаемый Велизарий был вынужден вступать в сражения в невыгодной для себя ситуации, как это случилось в ходе вторжения в Си-



Наконечники копий, дротиков и подтоки из захоронений конца V—VI вв., входящих в состав Цебельдинского могильника в Абхазии, расположенного на месте византийской крепости Цебелиум и прилегающей территории

рию в 30-х гг. VI в. во время сражения при Каллиниконе (Никифорионе). Вместе с тем уровень подготовки отдельных воинов, служащих в византийской армии, был чрезвычайно высок. Высокая боеспособность византийской армии в целом и кавалерии, в частности, объясняется наемным принципом комплектования армии, при котором империя имела возможность принимать на службу в первую очередь воинов, имеющих значительный стаж участия в различных военных кампаниях — и не только на стороне Византии, но и ее противников. Соответственно, значительное число бойцов имело за плечами несколько кампаний и большой практический опыт ведения боевых действий в различных подразделениях. Искусство владения различным оружием у таких воинов было чрезвычайно высоко, и оплата их воинского труда позволяла приобретать высококачественное защитное снаряжение, что превращало в те времена человека, прошедшего 2—3 кампании, в настоящего профессионала, способного приспосабливаться к различным условиям ведения боевых действий и не отягощенного высокими моральными принципами. Прокопий Кесарийский неоднократно отмечал «универсальность» подобных бойцов, то есть их способность вести сражения, как в пешем, так и в конном строю, и умение владеть не только холодным, но и метательным оружием. Большинство этих воинов были членами германских родоплеменных союзов, что не могло не наложить «варварский» облик на всю византийскую армию в целом.

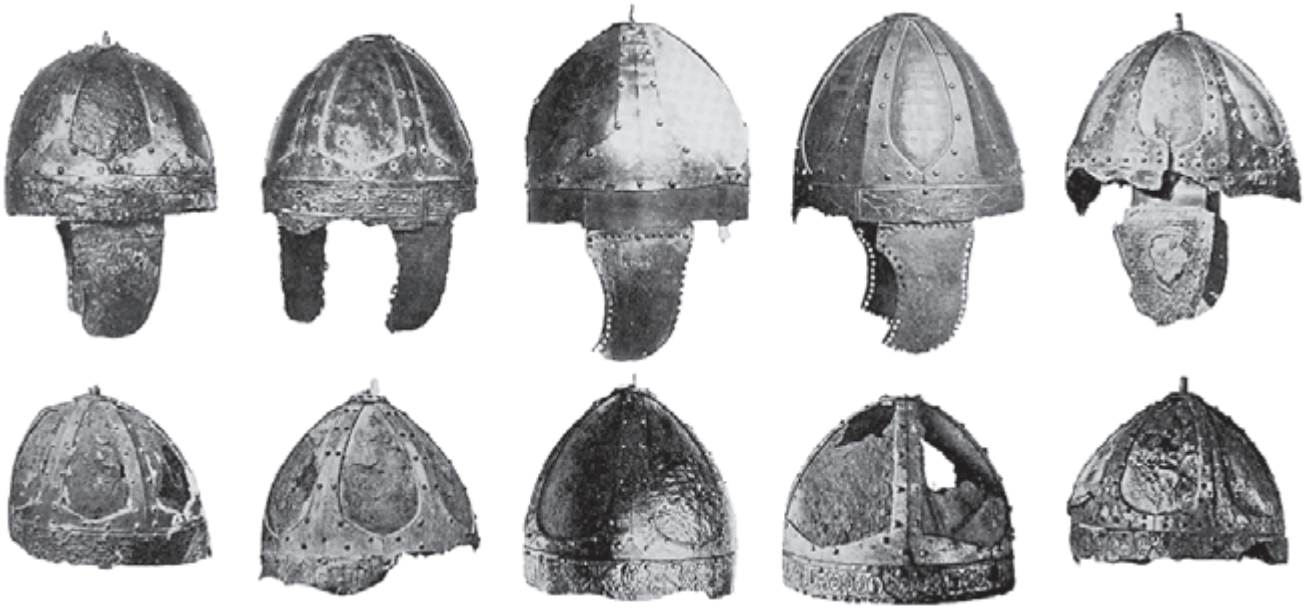
Тактика византийской армии в отношении характера использования кавалерии в сражении менялась на всем протяжении VI в. Если первоначально кавалерии отводилась роль стрелкового прикрытия пехотных соединений, то со временем она играет все более значительную роль. Полководец Велизарий, будучи главнокомандующим войсками Востоке (магистр милитариум Востока), по всей видимости, явился первым военачальником Византии, в войсках которого кавалерия в тактическом плане от кампании к кампании приобретала все большее значение. В битве при Даре мы можем наблюдать кавалерию на флангах византийского войска, и роль ее сводилась при этом к обеспечению массированного обстрела вражеских соединений и «умеренному» преследованию отступающего противника. В ходе войны с вандалами кавалерия уже играет основную роль ударных соединений в ходе тактических решений в рамках отдельных войсковых операций. Именно она выступает основным родом войск, обеспечивающим победу в сражении. Подобная ситуация сохраняется и в ходе итальянской кампании Велизария, когда все сражения строятся по принципу применения взаимодействующих между собой отдельных кавалерийских групп. При этом противник подвергался массированному воздействию метательного оружия в ходе дистанционного боя. Если не удавалось навязать противнику исключительно дистанционный характер ведения боя, в ход шли мечи и копья. Последними действовали либо под прикрытием щита, удерживая копье одной рукой, либо держали его двумя руками. В первом случае удар наносился сверху вниз либо снизу вверх, во втором случае в удар вкладывался весь вес коня и всадника. Изображение всадника, одетого в ламеллярный панцирь и удерживающего копье двумя руками, можно наблюдать на серебряном блюде VI в., предположительно византийской работы, ныне хранящемся в Вероне (Castelvecchio Museum). По всей видимости, именно второй способ удержания копья использовался в единоборстве гота Вариса (Валиариса) и византийского военачальника Артабаза — армянина. Прокопий Кесарийский так описывает произошедшие единоборство: «Оба погнали коней друг на друга и, когда были близко один от другого, столкнулись копьями; но Артабаз предупредил противника и поразил Вариса в правый бок. Получив смертельную рану, варвар готов был уже упасть навзничь на землю, но его копье, упершись сзади его в землю в какой-то камень, не давало ему упасть. Артабаз еще сильнее налег на свое копье, стараясь вонзить его во внутренности врага: он думал, что Варис получил еще не смертельную рану. Тут случилось, что железный наконечник копья Вариса, стоявшего почти прямо, коснулся панциря Артабаза и, вонзаясь все глубже и глубже, прошел через весь панцирь и, выступив оттуда, коснулся кожи Артабаза около шеи. Случайно этот острый наконечник, вонзаясь все глубже, рассек проходившую там артерию, и кровь полилась сильной струей, причем Артабаз не испытывал никакого чувства боли, так что он сам погнал своего коня назад к римскому войску, а Варис трупом упал на мес-

те. Так как кровь никак не останавливалась, то Артабаз спустя три дня скончался и тем отнял у римлян всякую надежду на успех ...» Описывая поединок готского воина Кокаса и телохранителя Нарсеса армянина Анцала, Прокопий сообщает следующие: «Кокас первый ринулся на своего противника, держа свое копье наперевес и целясь им в живот, но Анцала быстро повернул своего коня, так что избежал удара. Очутившись, таким образом, сбоку от своего противника, он вонзил ему копье в левый бок. Тогда тот упал с коня замертво на землю, что вызвало со стороны римлян громкий крик». Как мы видим, из данных отрывков следует, что в среду византийской армии проник «варварский» обычай единоборства сильнейших воинов перед лицом войск и «аланский», либо «парфянский», способ удержания копья двумя руками «наперевес».

С принятием командования над итальянской группой войск полководцем Нарсесом тактика действия византийской кавалерии в итальянской кампании изменилась. Кавалерия вновь стала использоваться для прикрытия флангов пехоты. Многие кавалеристы были принудительно спешены и поставлены сражаться в ряды пехоты. На кавалерийские соединения также возлагалась функция тактического резерва, способного в случае необходимости прийти на помощь как центру, так и флангам. Помимо этого кавалерийские резервные соединения предназначались для флангового охвата армии противника и преследования отступающих врагов.

Анонимный автор трактата «О действиях полководца», написанного в VI в., по всей видимости, непосредственным участником войн империи в период правления Юстиниана, обобщив опыт применения кавалерии в современной ему военной истории, рекомендует не только использовать кавалерию для прикрытия флангов плотного пехотного построения, но и располагать ее в центре боевого порядка. Он же отмечает эффективность использования отрядов всадников для проведения разведки и неожиданных рейдов на коммуникации противника.

В «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия нашли отражения самые передовые взгляды конца VI—начала VII вв. на тактику действия кавалерии в условиях полевого сражения. На основании содержания трактата можно сделать вывод, что в период его написания многочастное деление крупного кавалерийского соединения, а возможно, речь в труде идет о конной армии, является

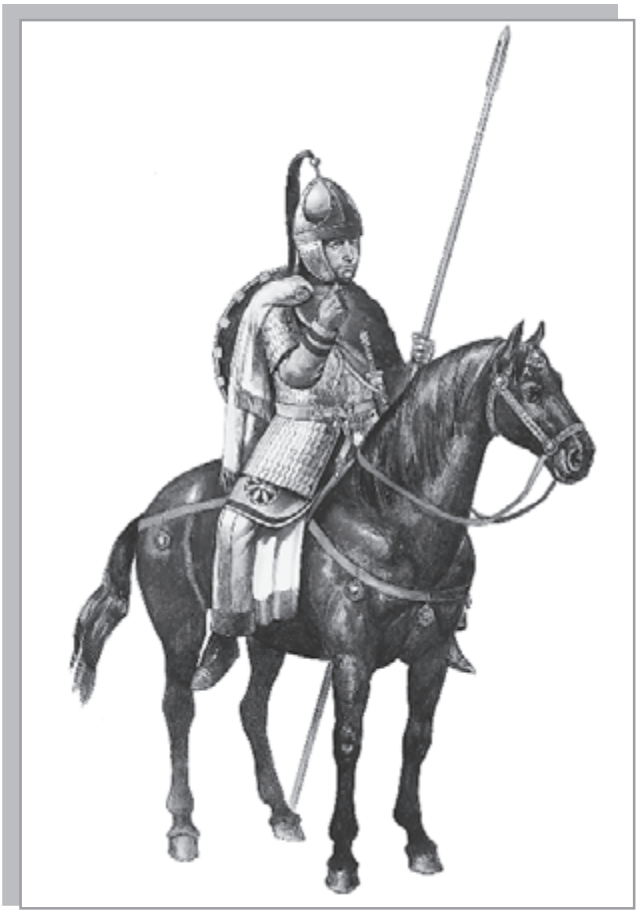


Десять богато украшенных сегментно-клепаных куполовидных шлемов, происходящих с территории Западной и Восточной Европы

не столько исключением, сколько нормой. В составе кавалерийского соединения выделяются курсоры, размещающиеся впереди основных построений боевого порядка (авангард). Курсоры первыми начинают бой и первыми же участвуют в преследовании отступающего противника. Дифензоры действуют в сомкнутом строю и составляют основу боевого порядка. Данные воины должны принять на себя основной удар противника либо же выступить в качестве основной ударной силы, сокрушающей боевые порядки врага. Для охраны флангов служат подразделения плагиофилаков. Охват флангов противника — задача воинов, носящих название «гиперкерасты». Подразделения гиперкерастов также, по всей видимости, играли роль резерва.

Автор «Стратегикона» рекомендует следующее многочастное эшелонированное построение армии. Первая линия должна включать в себя до двух третей всего личного состава войска. В состав первой линии должны входить преимущественно копейщики, располагающиеся в центре боевого порядка, и лучники (как правило), расположенные на флангах. Распределение сил по фронту должно выражаться в пропорции 1:4:1. На расстоянии четырех полетов (от 800 до 1200 м) стрелы от первой линии должна располагаться вторая, разделенная на четыре части. Между этими четырьмя соединениями должны располагаться интервалы (числом 3) шириной в один полет стрелы. Сквозь данные интервалы могут проходить подразделения первой линии в случае поражения или необходимости перегруппировки. Третья арьергардная линия должна состоять из двух тагм (полков). Помимо трех линий боевых порядков должен быть сформирован резерв, располагающийся в засаде и наносящий удар в самый ответственный момент сражения. Столь сложное боевое построение требовало четкой организации всех соединений, наличия квалифицированного командного состава и проведения длительных тренировок по отработке тактического взаимодействия всех подразделений.

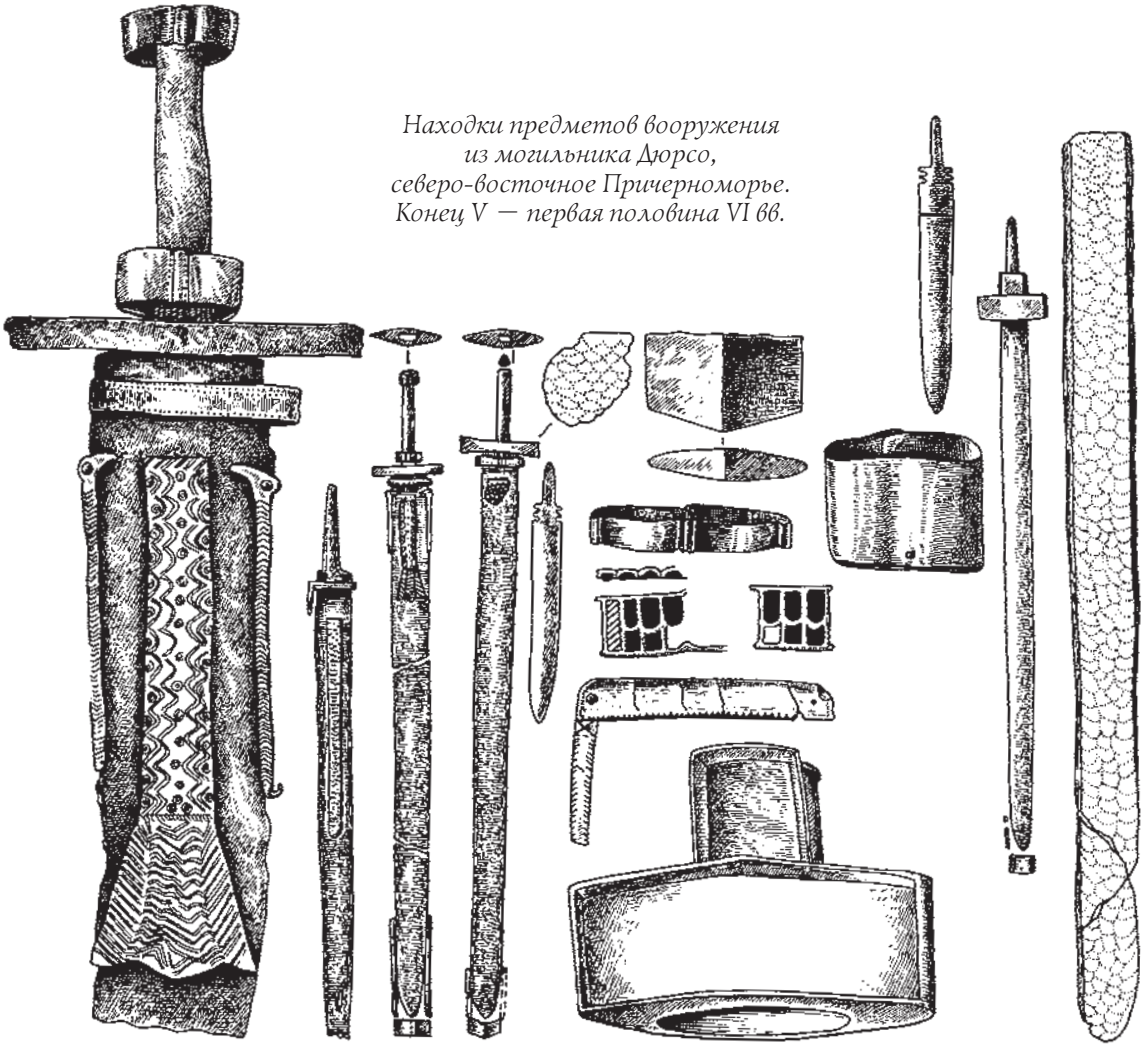
В связи с тем, что зачастую кавалерийские соединения комплектовались по национальному признаку, на что указывают многочисленные свидетельства очевидцев византийских военных кампаний VI в., то и сражались они тем оружием,



которое традиционно было присуще им в силу национальных традиций. Так, персидские всадники, служащие в византийской армии, были преимущественно лучниками, африканские наемники — метателями дротиков, германцы традиционно использовали длинные копья и мечи. Однако, если опираться на свидетельства Прокопия Кесарийского, можно сделать вывод о том, что именно лук являлся основным оружием византийского кавалериста, наиболее предпочтительным и часто используемым. Подчеркивая отличие современных ему конных воинов, являющихся стрелками из лука, от лучников древности, в своем труде «Война с персами» он писал: «Нынешние лучники идут в сражение, одетые в панцирь, с поножами до колен. С правой стороны у них свешиваются стрелы, с левой — меч. Есть среди них и такие, у которых имеется копье, а [на ремне] за плечами — короткий без рукояти щит, которым они могут закрывать лицо и шею. Они прекрасные наездники и могут без труда на полном

скаку натягивать лук и пускать стрелы в обе стороны, как в бегущего от них, так и преследующего их неприятеля. Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцирь не может отвратить ее стремительного удара». В «Войне с готами», описывая сражения у стен Рима, когда войска Велизария находились в осаде войсками Ветигиса, предводителя готов, Прокопий упоминает кавалеристов, отдающих предпочтение копьям и мечам. Описывая кавалерийские соединения, состоящие из маврусиев (кочевое население Северной Африки), Прокопий отмечает их высокое искусство обращения с дротиками, в то время как гуннов (массагетов) он считает прекрасными лучниками, отважными и свирепыми воинами.

К началу VII в. не только вооружение, но и ряд тактических приемов, свойственных первоначально исключительно «варварским» народам, активно заимствуется византийской военной машиной. Процесс заимствования становится настолько обычным и естественным явлением, что прямые указания на это мы находим в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия. Автор указывает на то, что у авар были заимствованы кавалерийские копья с петлей посередине, специальные прикрытия для защиты шеи у лучников (возможно, речь идет о бармице, полностью закрывающей горло), общий покрой одежды у всадников, конструкция лагерных



Находки предметов вооружения из могильника Дюрсо, северо-восточное Причерноморье. Конец V — первая половина VI вв.

палаток, элементы конского снаряжения, двухлинейное (или трехлинейное) построение боевого порядка. У нефталитов (возможно, в оригинале речь идет об одном из гуннских племен либо эфталитах) рекомендуется способ заманивать неприятеля в замаскированные рвы. Искусству стрельбы рекомендуется обучаться у персов (иранцев).

В области обеспечения византийской кавалерии оружием и защитным снаряжением в рассматриваемый период времени прослеживается двоякая тенденция. С одной стороны, наблюдается активное заимствование холодного и метательного оружия «варварских форм», берутся на вооружение первоначально готские, а затем аварские копья, герульские мечи, дротики маврусиев, персидские (иранские) и гуннские луки. С другой стороны, в области развития защитного снаряжения продолжают прослеживаться закономерности, первоначально зародившиеся в недрах поздней Римской империи. Несмотря на «варварский» облик византийского кавалериста, в целом комплекс его защитного снаряжения является прямым развитием позднеримского, «модернизированным» в соответствии с историческими реалиями и общеевропейскими тенденциями в области развития доспехов.

Метательное оружие византийской кавалерии в VI в. состояло из луков и дротиков. При этом первые, о чем мы уже писали, пользовались небывалым успехом и популярностью.

Луки, использующиеся византийскими воинами, относились к категории сложносоставных луков и имели сигмообразную форму дуги в напряженном состоянии. Длина дуги таких луков в напряженном состоянии (с надетой тетивой) могла доходить до 1200–1400 мм. При изготовлении дуги лука использовалась древесина нескольких пород, а также рог и кость животных. Несмотря на то, что в византийской армии применялись луки, изготовленные не только в имперских мастерских, но и сделанные иранскими и гуннскими мастерами, конструктивно они были практически идентичны. Объясняется это тем, что в основу их устройства изначально была положена конструкция сложносоставного лука, принесенного на просторы Европы хуннами и их потомками — гуннами. Луки «хуннского» типа обладали значительной поражающей способностью и позволяли относительно легко поражать защищенного доспехами противника. Стрелы к данному луку переносили в цилиндрических либо трапециевидных колчанах, крепящихся к поясу либо к ремню, перекинутому через плечо, однако конструкция колчанов могла быть и несколько иной. К сожалению, до наших дней не сохранилось изображений колчанов византийских лучников. Однако благодаря изображению тяжеловооруженного иранского всадника с барельефа Так-и-Бустан мы имеем представление о конструкции колчанов в Иране VI в. Изображения эфталитов на костяных пластинах из кургана № 2 Орлатского могильника (Самаркандская область) позволяют предположить конструкцию колчанов гуннов, состоящих на византийской службе. Изображение иранского всадника демонстрирует нам трапециевидный колчан, снабженный верхним закрывающимся клапаном и подвешенный к поясу посредством двух вертикальных ремней разной длинны. На орлатских пластинах представлены кожаные подтреугольные налучи, объединенные в единое целое с цилиндрическими колчанами, снабженными крышками аналогичной формы.

Дротики, состоящие на вооружении византийской кавалерии, имели, как правило, древко длиной 1200–1500 мм и диаметром 15–20, в редких случаях — до 25 мм. Наконечники копий крепились к древку посредством черешка, забиваемого в древко, либо посредством втулки, надеваемой сверху. Перья наконечников копий имели лавролистную, вытянуто-треугольную, иволистную, пиромидальную и коническую форму. Редко встречались копья с наконечниками, снабженными двухшипными перьями. Соответственно, сечение пера имело линзовидную, ромбовидную, круглую и квадратную форму. Длина наконечников дротиков редко превышала 250 мм. Исключение составляют дротики, снабженные наконечником, имеющим удлиненную втулку, переходящую в стержневидную шейку, конструктивно восходящие к римским пилумам и ангонам франков. В некоторых случаях перья отдельных форм могли утолщаться к острию. По всей видимости, в среде византийской армии, в том числе и кавалерии, продолжают бытовать «плюмбаты» и «мартиобарбулусы» — дротики, снабженные изготовленными из бронзы либо свинцового сплава биконическими утяжелителями наконечников.

Холодное оружие состояло из копий, мечей, палашей, а также, возможно, кинжалов и боевых ножей, заимствованных у германцев и гуннов.

Византийской кавалерией использовались копья нескольких групп, принципиальное различие которых заключалось в длине древка. К первой группе могут быть отнесены копья (контос), изначально заимствованные у алан, снабженные длинным древком (3,5–4,5 м) и предназначенные для удержания двумя руками. Вторую группу могут составить копья, предназначенные для удержания одной рукой, длина их древка в среднем составляла 2,5 м. Конструктивно данные копья восходили к копьям поздней римской императорской кавалерии и к копьям германских народов, заимствованным в период Великого переселения народов. Наконечники крепились к древку посредством втулок диаметром, как правило, не превышающим 25–30 мм. Длина наконечника в среднем составляла 300 мм, но встречались наконечники копий, длина которых составляла порядка 450–500 мм, а то и более. Втулки некоторых типов наконечников копий могли иметь наружное огранение (внешняя часть втулки покрыта гранями). Перья наконечников копий имели лавролистную, вытянуто-треугольную, а в некоторых случаях иволистную и пламевидную форму. Сечение в большинстве случаев имело ромбовидную форму. Как и у наконечников дротиков, перья копий могли утолщаться к острию.

Богато украшенный гравировкой, чеканкой и позолотой куполовидный сегментно-клепаный шлем VI в., обнаруженный в Италии

Мечи, бытовавшие в среде византийской кавалерии, представляли собой дальнейшие развитие поздних римских кавалерийских мечей (спаты) и мечей, привнесенных на европейские просторы первоначально аланами, а затем готами и гуннами. Мечи второй группы («варварские»), первоначально возникнув на территории Китая, впоследствии распространились на весь Евразийский континент, сохранив самобытные черты, изначально присущие «базовым образцам» и дополненные конструктивными элементами (как правило, декоративного свойства), присущими тому или иному народу, в среде которого они получили свое дальнейшие распространение. Сочетание в одном образце как «римских», так и «варварских» конструктивных элементов в мечах VI в., не всегда позволяет точно выделить один-единственный источник их происхождения. К сожалению, до наших дней не сохранилось мечей, о которых с уверенностью можно сказать, что они являлись принадлежностью византийского кавалериста либо были изготовлены непосредственно в византийских мастерских. Соответственно, и о конструкции данного оружия мы можем судить по находкам, сделанным на территории, входящей в VI в. в сферу интересов империи, или в землях, принадлежащих в различные периоды византийским федератам. Богатый фактический материал происходит с территории Цебельдинской цитадели в Абхазии и могильников Дюрсо (северо-восточное Причерноморье). С учетом того, что основным противником Византии, наравне с готами и вандалами, являлось государство Сасанидов, можно допустить, что в среде византийской кавалерии бытовали мечи, характерные для территории Ирана, поскольку достаточно большое количество персов, бывших подданных державы Сасанидов, служило империи. Об использовании воинами империи палашей, получивших распространение в среде сасанидской кавалерии, нет никаких достоверных сведений.

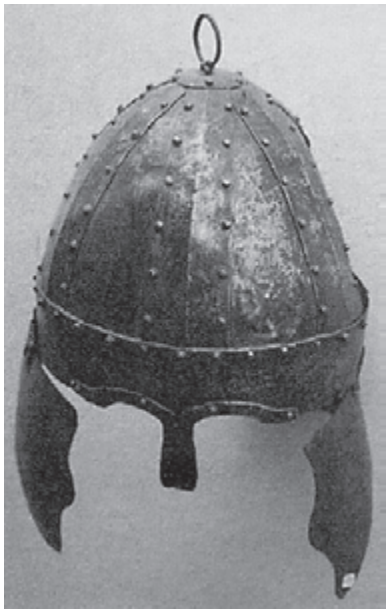
Длина клинков мечей данного временно́го периода составляла порядка 600–900 мм, однако, как правило, редко превышала 700–750 мм. Ширина клинка у рукояти могла колебаться от 30 до 60 мм, хотя наибольшее распространение имели мечи шириной около 45–50 мм. Сечение клинка имело ромбовидную, линзовидную, либо шестигранную форму. Для мечей, происходящих от позднеримских кавалерийских спат, было более характерно наличие ромбовидного в сечении

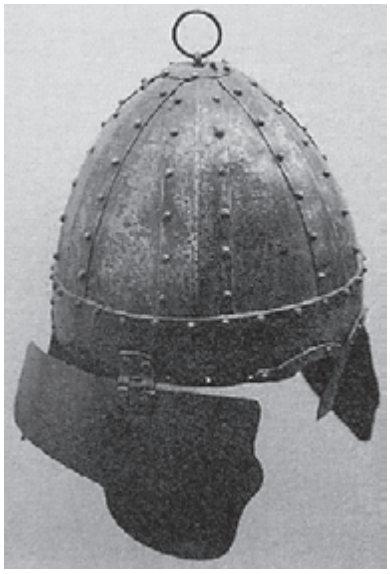
клинка. Боковая поверхность клинка могла иметь долы. Толщина клинков колебалась в среднем от 5 до 6 мм. В большинстве случаев клинок плавно сужался к острию, образовываемому плавным закруглением лезвий.

Эфес мечей состоял из крестовины, рукояти и навершия. Крестовины могли изготавливаться из кости, дерева и металла.

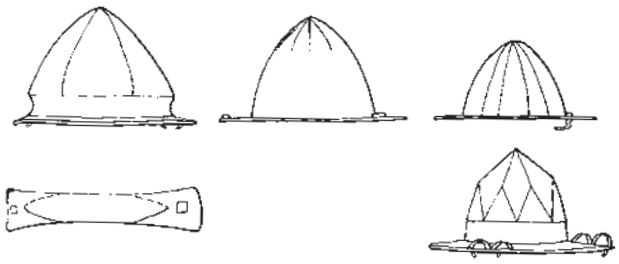
Костяные и деревянные крестовины, в первую очередь, характерны для мечей, конструктивно восходящих к римским кавалерийским спатам. Крестовины нередко изготавливались двусоставными и имели подпрямоугольную, реже полукруглую форму. Деревянные крестовины встречались и на образцах, восходящих к длинноклинковому оружию, бытовавшему в позднесарматской (аланской) среде, откуда оно попало к гуннам. Для аланских (позднесарматских) мечей были характерны деревянные крестовины прямоугольной формы, незначительно выступающие за пределы клинка и изготовленные как единое целое с рукоятями. Наверший данные мечи, как правило, не имели, либо выполнялись они в виде расширений и утолщений рукояти. Деревянные крестовины, по всей видимости, могли украшаться резьбой либо покрываться металлическими накладками. Бытование данного оружия в рассматриваемый период, несмотря на то, что оно являлось архаичным наследием прошлых периодов развития вооружения, было вполне оправданным. В связи с господством метательного оружия и преобладанием дистанционного характера ведения боя меч выступал фактически в качестве вспомогательного оружия, и, соответственно, не было необходимости в оружии, снабженном развитым эфесом, и пригодном для длительных манипуляций. Рукояти мечей «позднеримских форм» изготавливались, соответственно, из кости или дерева и могли покрываться желобками. Навершия, изготовленные также из дерева, имели шаровидную, грибовидную, уплощенно-шаровидную и подпрямоугольную форму.

Мечи, конструктивно восходящие к оружию, проникнувшему на территорию Ближнего и Среднего Востока, а также впоследствии и в Европу обладали несколько более развитым эфесом, при изготовлении которого достаточно широко использовались различные металлы. Металлические брусковидные крестовины данных мечей имели ромбовидную, подпрямоугольную, реже луновидную форму. Материалом для изготовления металлических крестовин служила в большинстве случаев бронза, однако иногда использовалось и железо. Некоторые экземпляры изготавливались из нескольких частей и были полыми внутри. Рукояти изготавливались из дерева либо кости, имели цилиндрическую либо бочковидную форму и могли покрываться желобками, а также украшаться металлическим листом либо кольцами. Металлические навершия данных мечей имели цилиндрическую, бицилиндрическую, грибовидную и даже грушевидную форму. В том случае, когда эфес меча не имел металлического навершия, оно могло изготавливаться из халцедона, нефрита, янтаря или пасты. Данные неметаллические навершия практически всегда имели вид дисковидной пуговицы и могли украшаться металлической





Сегментно-клепаный куполовидный шлем, снабженный назатыльником и нащечниками. V—VI вв. Обнаружен на территории современного Египта. Хранится в Коптском музее в Каире, Египет



Умбоны и рукояти щитов из захоронений конца V—VI вв., входящих в состав Цебельдинского могильника в Абхазии, расположенного на месте византийской крепости Цебелиум и прилегающей территории

орнаментированной либо украшенной перегородчатой инкрустацией накладкой.

Детали эфеса некоторых вышеописанных мечей могли, как и в предшествующую эпоху, украшаться в технике перегородчатой инкрустации, стеклом, полудрагоценными, реже драгоценными камнями (рубины, гранаты), и обтягиваться тонким золотым либо позолоченным листом, нередко украшенным чешуйчатым орнаментом. В некоторых случаях различные способы художественной отделки предметов могли сочетаться в одном предмете.

Ножны мечей изготавливались из дерева и могли своим сечением повторять сечение клинка. В качестве элементов отделки деревянной основы использовалась обтяжка цветной тканью либо кожей, покрытие металлическим листом (бронзовым, серебряным, золотым), украшение накладками, выполненными в полихромном стиле, либо вставками из неграненых камней и кабошонов, отделка отдельными орнаментированными накладка-

Эллипсовидный сегментно-клепаный шлем VI в., украшенный «чешуйчатым» орнаментом, нанесенным пуансонами. Данные шлемы изготавливались в державе Сасанидов (современный Иран) и использовались не только персидскими наемниками на византийской службе, но и другими солдатами империи

ми. Ножны могли иметь устье и наконечник. Данные детали, как правило, изготавливались из металла. Устья ножен в большинстве своем имели форму, близкую к цилиндрической, наконечники могли иметь цилиндрическую либо трапециевидную форму, однако могли существовать наконечники и иной формы (к примеру, дисковидной). Некоторые наконечники представляли собой сочетание соединенных вместе металлических скоб, повторяющих контур оконечности ножен. Ножны подвешивались вертикально на плечевой либо поясной (значительно реже) портупее посредством одной либо двух металлических скоб, прикрепленных к внешней стороне ножен. Скоба ножен «позднеримских» мечей могла раздваиваться на конце.

Об использовании в византийской армии кинжалов и боевых ножей нет сколь-либо достоверных сведений, однако бытование данного оружия в византийской военной среде можно предположить на основании находок в захоронениях воинов на территории Цебельдинской цитадели. Существует обоснованное предположение, что в VI в. в данной крепости располагался многонациональный гарнизон. Однако характер находок предметов вооружения позволяет предположить, что гарнизон был вооружен не только византийским, но и собственным национальным оружием.

Боевые ножи, происходящие с территории Цебельдинской цитадели и относящиеся к VI в. обладают клинком длиной от 200 до 500 мм при ширине, равной 25—30 мм. Клинок имеет треугольное сечение и долы, располагающиеся на боковых плоскостях. У некоторых клинков дол проходит только по одной стороне. Эфес данного оружия изготавливался из органического материала (кость, рог, дерево) и состоял, по всей видимости, исключительно из одной рукояти. Ножны боевых ножей изготавливались из кожи и подвешивались к поясу в горизонтальном положении. Рукоять могла утапливаться в ножнах до половины и более. Клинок располагался в ножнах лезвием вверх.

Цебельдинские кинжалы, которые могут быть датированы VI в., имеют прямой двухлезвийный клинок длиной около 200 мм, при ширине, равной 30–32 мм. Эфес данных кинжалов не сохранился, что позволяет сделать вывод о том, что его детали изготавливались из органических материалов.

Комплекс защитного снаряжения византийской кавалерии включал в себя боевые наголовья, корпусную защиту и щиты. В литературных памятниках встречается упоминание элементов защитного снаряжения, предназначенного для защиты конечностей (Прокопий Кесарийский в своем труде «Война с персами» упоминает поножи), однако данные сведения не находят фактического подтверждения ни в археологических, ни в изобразительных источниках.

Боевые наголовья византийской кавалерии были представлены кольчужными капюшонами и шлемами.

Находок кольчужных капюшонов, датируемых VI в., в настоящий момент официальной науке не известно. Не существует также и изобразительных источников, подтверждающих их существование в рассматриваемое время. Однако известно несколько более ранних изображений византийских воинов, одетых в кольчужные капюшоны (манускрипт V в. из библиотеки Ватикана, роспись III в. синагоги в Дура Эвропос, Сирия). Кольчужные капюшоны (скаплионы) также упоминаются в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия в качестве элемента защитного снаряжения всадника. По свидетельству данного автора, кольчужные капюшоны носились как отдельно, так и вместе со шлемом. В походном положении, как следует из манускрипта, капюшоны снимались с головы и свободно свисали на спине.

Византийские шлемы VI в. имели куполовидную, эллипсоидную (яйцевидную) либо полусферическую форму. По конструкции шлемы могут быть отнесены к одной группе — сегментно-клепаных. Конструкция шлемов зачастую дополнялась наушами и кольчужными бармицами. Данные конструктивные элементы могли как сочетаться, так и использоваться по отдельности.

Сферические и эллипсоидные шлемы конструктивно представляли собой каркас, состоящий из трех-четырех полос, образующих венец и свод тульи. С внутренней стороны к каркасу крепились подтреугольные сегменты числом от четырех до шести. Можно допустить существование шлемов, состоящих из большего количества элементов, образующих корпус шлема. Конструкция данных шлемов традиционно дополнялась парой наушей. Бармица к шлемам данных форм, как правило, не крепилась, поскольку, по всей видимости, они надевались на кольчужные капюшоны, однако исключать такую возможность полностью нельзя.

Меч конца V–VI вв. Обнаружен на Тамани, Россия

Наибольшую известность имеют богато отделанные куполовидные шлемы византийской работы. Такие шлемы благодаря своему качеству и прекрасному внешнему виду были очень популярны в «варварской» среде, куда попадали в качестве военных трофеев и подарков вождям. Именно с территорий «варварских» государств происходит наибольшее количество экземпляров данных шлемов. В настоящий момент известно более 30 целых экземпляров и фрагментов подобных шлемов, наибольшее их количество происходит из франкских и алеманнских погребений.

Конструктивно данные шлемы состоят из небольшого венца и шести образующих купол каплевидных либо подтреугольных сегментов, стыки которых закрыты шестью, как правило, реберными Т-образными накладками. Конструкция шлема дополняется дисковидным навершием, зачастую увенчанным небольшим шпилем либо трубочкой под султан. Конструкция шлема могла дополняться большими изогнутыми наушами и кольчужной бармицей. Венец шлема в передней части мог дополняться рудиментарными надбровными вырезами. Внутрь шлема вшивался стеганый подшлемник, подкладку имели и науши. Нередко все элементы конструкции шлема покрывались позолотой.

В VI в., по всей видимости, продолжают бытовать шлемы более архаичных

форм, конструктивно восходящие к шлемам позднего Рима, периода «варваризации» армии. Для конструкции данных шлемов характерно наличие куполовидного, эллипсоидного либо полусферического корпуса, изготовленного из двух или более элементов, а также массивных наушей, наносников, пластинчатых назатыльников. Корпус шлема мог быть увенчан небольшим навершием либо снабжен гребнем. Корпуса данных шлемов могли украшаться чеканным орнаментом и серебриться либо обтягиваться тонким листовым серебром.

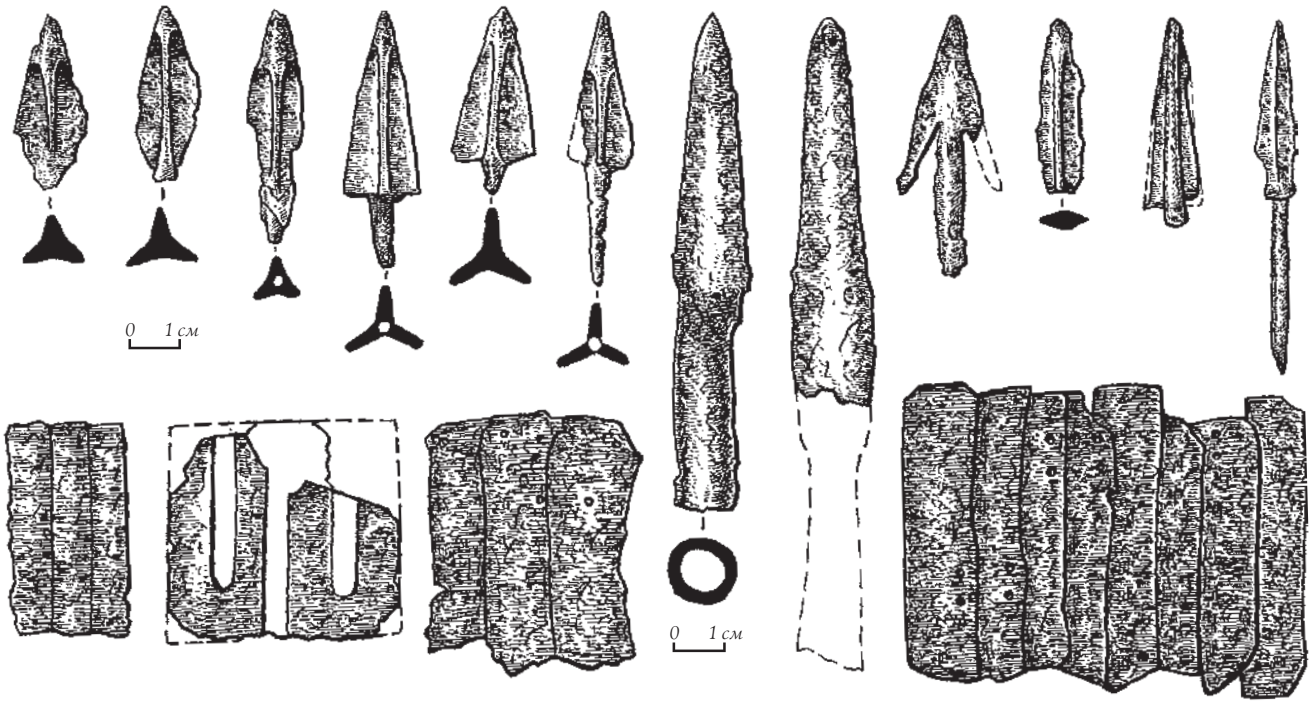
О конструкции поножей, упоминаемых Прокопием Кесарийским в своем труде «Война с персами», нет никаких данных, можно только предполагать, что речь идет либо о длинных подолах кольчуг, закрывающих бедро воина до колен, либо о ламинарных поножах, изображенных на прорисовке XVIII в. рельефа IV в. с Аркадийской колонны (хранится в Кембридже).

Корпусная защита, бытовавшая в среде византийской кавалерии, была представлена стеганными поддоспешными защитными куртками (гематий), кольчугами(цаба, лорикион) и пластинчатыми панцирями (клибанион).

Гематий изготавливался из нескольких слоев плотной ткани либо имел подбой, набитый льняными и шерстяными очесами, который также простегивался. Гематий имел короткие рукава и подол, длина которого, по всей видимости, не превышала середины бедра. Судя по изобразительным источникам, продолжают бытовать гематии, покрой которых восходит к аналогичной защите, бытовавшей в армии императорского Рима. Для покроя данных гематиев характерно вместо рукавов и подолов наличие одно- либо многорядных (числом до трех включительно) прямоугольных либо трапециевидных привесов (полос), набитых очесами либо простеганных из нескольких слоев ткани.

Византийские кольчуги имели свободный туникообразный покрой, рукава, достигающие локтя либо спускающиеся несколько ниже, и подолы, длина которых могла достигать колен. По всей видимости, кольчуга являлась наиболее распространенной корпусной защитой, бытовавшей в византийской военной среде.

Панцири, которые входили в комплекс защитного снаряжения византийских всадников,



Предметы вооружения V—VI вв., обнаруженные в ходе раскопок Двина и Айгевана на территории современной Армении

имели преимущественно ламеллярную конструкцию и изготавливались из небольших металлических пластин подпрямоугольной формы. Пластины соединялись между собой посредством кожаных ремешков либо волосяных веревок. Покрой византийских панцирей не отличался значительным разнообразием. Наибольшее распространение имели панцири покроя типа «пончо», снабженные боковыми разрезами либо разрезом на одном боку и плече. От сасанидских кавалеристов был воспринят ламеллярный панцирь, покрой которого напоминал покрой длиннополого кафтана (халата), снабженного осевым разрезом (спереди либо сзади) и скроенного в талию. О бытовании данных панцирей в среде византийской кавалерии свидетельствует изображение конного воина на византийском серебряном блюде из музея в Вероне, Италия. Есть основания предполагать (основываясь на изобразительных источниках V в.), что в рассматриваемый период времени в среде византийских воинов продолжают бытовать чешуйчатые панцири, изготовленных из мелких, закругленных с одного края, подпрямоугольных пластин. Можно допустить бытование в среде византийского высшего командного состава металлических, богато орнаментированных мускульных панцирей, в качестве элементов парадного убранства, не используемого в боевых условиях.

Панцири по сравнению с кольчугой отличались большей прочностью, но имели менее гибкую конструкцию и, как правило, защищали меньшую площадь тела. Качество панцирей было достаточно высоким, и они обеспечивали надежную защиту своего владельца, о чем свидетельствует один из рассказов Прокопия Кесарийского, посвященный стычке воинов Велизария и готов у стен Рима. «Преследуя очень далеко бегущих, Боха попал в окружение двенадцати врагов, вооруженных копьями. Они все вместе направили на него удары копий. Так как на нем был панцирь, то все эти удары причинили ему мало вреда, но один из готов, зайдя ему в тыл, поразил юношу около плеча в обнаженную часть тела над правой подмышкой».

Комплекс защитного снаряжения византийского кавалериста практически всегда дополнял щит. Византийские кавалерийские щиты имели овальную либо круглую форму при длине либо диаметре, достигающем 1200 мм. Плоские либо несколько выгнутые щиты изготавливались из достаточно тонких (7–10 мм) деревянных досок. Плоскость щита могла обтягиваться тканью либо тонкой кожей, край обшивался кожей либо, в исключительных случаях, оковывался металлом. Поверхность византийских щитов могла покрываться различными, иногда высокохудожественными изображениями. Каждое подразделение византийской армии могло иметь свою специфическую символику, наносимую на плоскость щита. Центральная часть щитов усиливалась куполовидным либо цилиндро-коническим умбоном. Умбон закрывал вырез в центральной части щита, куда помещалась рука воина, удерживающая щит. В бою щит удерживался за одну рукоять, прикрепленную в центре щита с внутренней стороны. Некоторые умбоны могли украшаться пробитыми гранями, а также золотиться либо обкладываться драгоценным металлом.

Возможное сочетание различного вооружения в рамках одного комплекса представлено на планшетах, иллюстрирующих предполагаемый внешний вид византийских кавалеристов различных подразделений.

Цветная вкладка (*стр. 22*)

Византийский катафрактарий V–VI вв. Воин облачен в чешуйчатый панцирь и шлем сегментно-клепаной конструкции с наушами и назатыльником из Концешт (Молдавия), собрание государственного Эрмитажа. Защитное вооружение дополняет круглый щит, наступательное вооружение состоит из копья с ланцетовидным наконечником и меча-спаты. Защитное снаряжение коня состоит из ламеллярных нагрудника, нашейника наголовника.

Цветная вкладка (*стр. 23*)

Изображен тяжеловооруженный воин, участник войны с Сасанидским Ираном.

Комплекс его защитного вооружения состоит из шлема и панциря. В основу реконструкции комплекса вооружения воина положено изображение всадника с серебряного византийского блюда VI в., ныне хранящегося в одном из музеев Венеции.

Голову воина венчает сегментно-клепаный куполовидный шлем, состоящий из небольшого венца и тульи, образованной шестью сегментами, стыки которых закрыты Т-образными накладками. Дисковидное навершие шлема увенчано небольшим шпилем. Конструкцию шлема дополняет бармица, закрывающая сзади и с боков шею воинов.

Корпус воина защищает относительно короткий стеганый гематий, имеющий туникообразный покрой, поверх которого надет ламеллярный панцирь. Панцирь изготовлен из мелких фигурных пластин, связанных между собой тонкими кожаными ремешками. Панцирь имеет покрой короткорукавого, скроенного в талию кафтана, снабженного спереди осевым разрезом. Данный панцирь является трофеем походов в Сирию и Армению.

Воин вооружен длинным, около 3-х метров, копьем (контос), снабженным втульчатым наконечником с пером подтреугольной формы (находки с территории Цебельдинской цитадели).

Цветная вкладка *(стр. 24)*

Фигура воина позволяет представить внешний вид воина египетского кавалерийского соединения, из числа тех, которых Велизарий привел с собой в Италию после победы над вандалами в Северной Африке.

Сегментно-клепаный шлем воина имеет куполовидную форму и изготовлен из многочисленных деталей, склепанных между собой. Низкий цилиндрический венец шлема соединяется с высокой куполовидной тульей, состоящей из двенадцати наложенных друг на друга сегментов. Верхние сегменты снабжены пробитыми вертикальными ребрами. Конструкция шлема дополнена дисковидным, увенчанным небольшим шпилем навершием, наносником, снабженным металлическими бровями, массивными пластинчатыми наушами и назатыльником (так называемый «шлем из Файма», Коптский музей в Каире, Египет).

Корпус воина защищает короткорукавая кольчуга, надетая непосредственно на тунику. Многие византийские авторы отмечают, что воины, страдая от жары, умышленно не надевали под панцири и кольчуги стеганый гематий, что нередко в боевой обстановке приводило к непредвиденным потерям.

Комплекс защитного снаряжения воина дополняет относительно небольшой, обтянутый кожей, собранный из досок щит. Центральная часть щита усилена низким куполовидным металлическим умбоном.

Оружие воина состоит из двух дротиков и меча.

Полуметровые деревянные древки дротиков, диаметром 20 мм, увенчаны гранеными наконечниками.

Меч воина состоит из клинка и эфеса. Длина клинка меча составляет порядка 800 мм при ширине 45 мм. Эфес состоит из крестовины, рукояти и навершия. Поскольку конструкция данного меча восходит к римским кавалерийским спатам, все детали эфеса изготовлены из кости. Подпрямоугольная реберная крестовина состоит из двух половин, соединенных заклепками, рукоять покрыта поперечными ребрами. Венчает эфес подпрямоугольное навершие.

Ножны меча повторяют контур клинка, изготовлены они из дерева и обтянуты кожей. Конструкцию ножен с лицевой стороны дополняет прямоугольная скоба, служащая для продевания плечевого портупейного ремня. Оконечность ножен окована тонкой металлической полосой.

Цветная вкладка *(стр. 25)*

Изображен воин, принадлежащий к старейшему константинопольскому гвардейскому кавалерийскому соединению — «Скола».

Комплекс защитного снаряжения воина включает в себя шлем, стеганую поддоспешную куртку, пластинчатый панцирь и щит.

Шлем воина сегментно-клепаной конструкции состоит из цилиндрического венца и куполовидной тульи, образованной шестью каплевидными сегментами, стыки которых закрыты Т-образными вертикально-граненными накладками. Шлем увенчан дисковидным навершием, снабженным втулкой, в которую вставлен плюмаж из конского волоса. К нижнему краю венца шлема крепится пара массивных наушей и кольчужная бармица, защищающая шею воина.

Гематий (стеганая куртка) воина имеет конструкцию типа «пончо», состоит из стеганного льняными очесами нагрудника и наспинника, снабжен боковыми разрезами, соединяющими-

ся завязками. К подолу и пройме рукавов крепятся тканевые подпрямоугольные элементы (птериги), стеганные таким же образом, как и детали, защищающие корпус.

Панцирь воина, закрывающий грудь и спину, имеет ламеллярную конструкцию и покрой типа «пончо». Панцирь набран из мелких подпрямоугольных пластин, соединенных между собой посредством кожаных сыромятных ремешков (фрагмент панциря из Айгевани, современная Армения, находки пластин на территории современной Италии, фрагменты панцирей из погребений алеманнов и франков на территориях, современных Франции и Германии).

Щит воина изготовлен из деревянных дощечек толщиной около 10 мм, обтянут кожей и усилен металлическим куполовидным умбоном, закрывающим отверстие для кисти руки, расположенное в центральной части деревянного остова. К обратной стороне щита крепится деревянная рукоять, служащая для удержания щита. Лицевая поверхность щита имеет роспись в виде латинских букв «Р» и «Х», заключенных в круг. Наличие данных символов на щите воина свидетельствует о его принадлежности к элитному, базирующемуся в Константинополе, соединению, входящему в число личных императорских войск.

Воин вооружен мечом и копьем.

Меч воина состоит из клинка и эфеса. Клинок имеет длину, равную 750 мм при ширине в 45 мм. Клинок меча имеет линзовидное сечение и плавно сужается к острию. Эфес состоит из подпрямоугольной металлической крестовины, деревянной цилиндрической рукояти и грибовидного навершия (находки мечей V–VI вв. в могильниках Дюрсо, Сочинском и Туапсинском районах). Деревянные ножны меча крепятся к поясной портупее посредством металлической скобы, расположенной в лицевой части ножен.

Короткое копье воина состоит из деревянного древка и втульчатого металлического наконечника, снабженного пером иволистной формы, имеющим ромбовидное сечение (находки в погребениях Цебельдинской цитадели).

Конница Аварского каганата

VI–VIII вв.

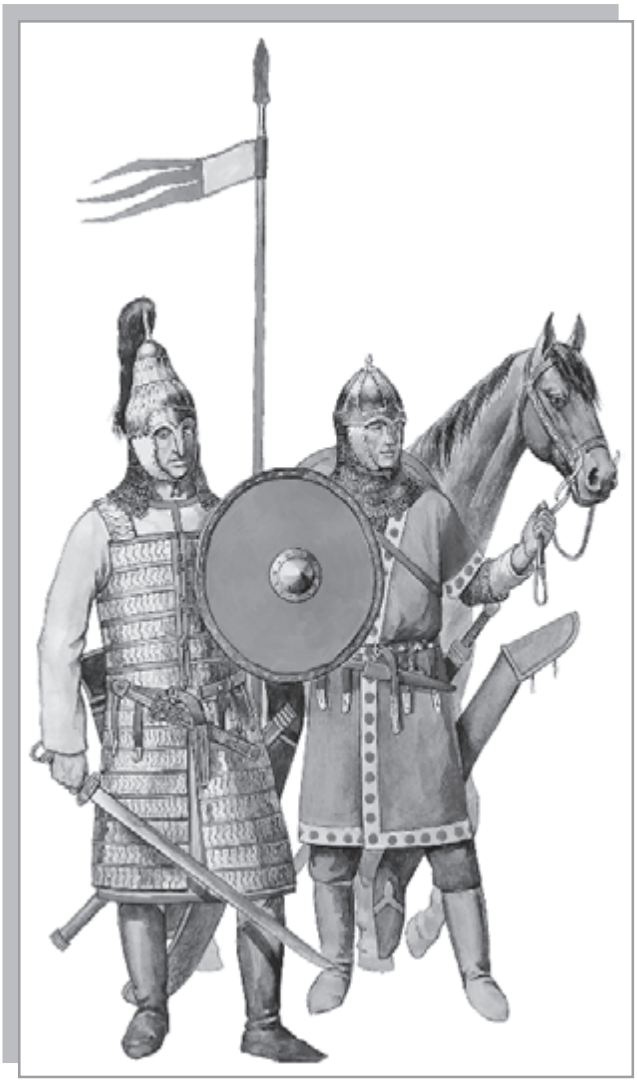
В хуннское время в низовьях реки Сырдарьи жил оседлый европеоидный народ хиониты, происходящий из круга народов сарматского мира. В силу того, что между их поселениями и державой гуннов находилась пустыня, военных столкновений между этими двумя народами не происходило. Естественными противниками хионитов были иранцы, с которыми они вели длительные войны с переменным успехом, иногда выступая их союзниками в войнах с другим противником. В 557 г. под ударами тюрок Истмихана хиониты вынуждены были бежать на запад под защиту угорских племен. Спастись удалось всего 20 тысячам, к которым впоследствии присоединились 10 тысяч угров из племен тарниах, кочагир и забендер, также пострадавших в ходе тюркской экспансии. Обладая незначительными военными силами, хиониты, по мнению известного отечественного историка Л. Н. Гумилева, пустились на хитрость, присвоив себе имя полулегендарного воинственного народа абары, что вызвало панику у прикаспийских народов и позволило хионито-уграм — аварам — практически беспрепятственно добраться до Паннонии.

В Паннонии авары вступили в союз с лангобардами, что позволило им сокрушить гепидов и укрепиться на Тисе и Дунае. Впоследствии им удалось победить франков и даже захватить их короля Сигберта Австразийского. В зависимость от аваров попало болгарское племя кутургуров, им также удалось разгромить славянское племя антов, бывших верных союзников хуннов. В результате привлечения на свою сторону южных славян — склавинов, аварам удалось значительно увеличить численность своих военных отрядов, что позволило им развязать опустошительную войну против Византии за обладание Балканским полуостровом. В ходе ожесточенных боевых действий практически все древнее население Фракии, Македонии и Греции было истреблено, а земли заняты славянами, пришедшими в составе аварского войска.

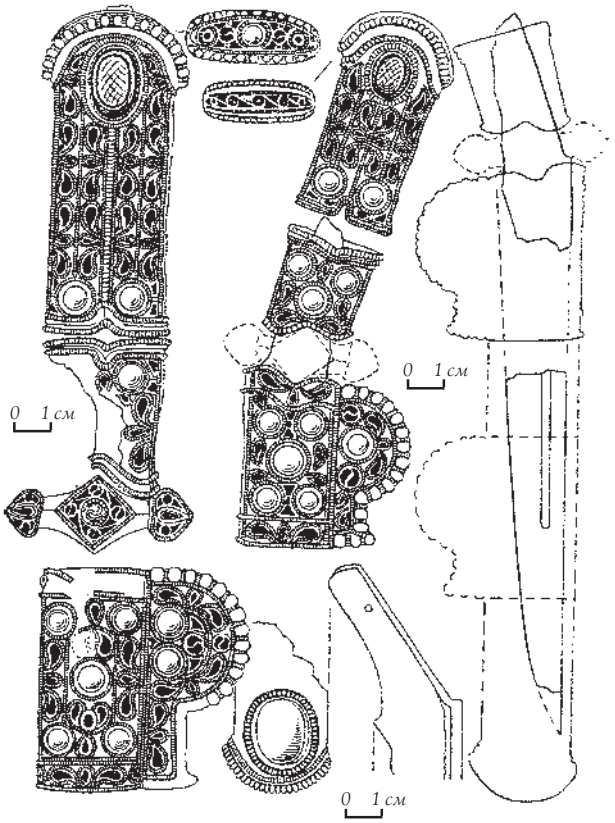
Успех военных кампаний 619–620 гг. против Византии был обусловлен не только военной мощью Аварского каганата, но и дипломатическими успехами его правителей, которым в ходе предпринятых дипломатических усилий удалось добиться союза с Ираном против Византии, что в конечном итоге и обеспечило успех военных действий. Ход военных кампаний был настолько успешен, что аварским войскам удалось дойти до стен Константинополя, где их продвижение было остановлено. Военные устремления авар распространялись не только на территории Византийской империи, опустошительным набегам подвергались и германские земли. В период расцвета могущества Аварского каганата его влияние распространялось на земли от Каспийского до Черного и Средиземного морей. Будучи потомками оседлого населения, авары строили укрепленные поселки и небольшие деревянные крепости, обеспечивающие контроль над приобретенными землями. Наличие укрепленных пунктов позволило аварам, несмотря на войны с обретшими независимость славянскими племенами и натиск франков, удержать за собой некоторые земли в Паннонии вплоть до прихода туда венгров в 899 г., с которыми они объедини-

лись и в конечном итоге смешались. Влияние на восточные земли Аварского каганата и побережье Черного моря было утеряно в результате возникновения и усиления Хазарского каганата.

Несмотря на то, что авары-хиониты и приютившие их угры по сути были оседлыми народами, основу их военной мощи составляла кавалерия. Конные соединения авар не отличались большой численностью, по всей видимости, не превышавшей 10 тысяч. Однако, несмотря на относительно небольшое количество всадников, конное войско авар отличалось высокой боеспособностью, что могло обуславливаться наличием в его составе значительного числа хорошо вооруженных воинов, многие из которых имели качественное защитное снаряжение (что подтверждается многочисленными археологическими находками). В отличие от потрясателей Европы гуннов, авары не вели постоянных тотальных военных действий, призванных измотать противника в непрекращающихся стычках. Относительно небольшая численность конницы и войска в целом не позволяла проводить ни стремительные рейды в тыл противника, ни вести полномасштабную партизанскую войну в тылу противника, а также сражаться на два и более фронтов. Стратегия авар строилась на стремительных ударах по противнику, опустошению захваченных территорий с последующим отходом на уже «освоенные» земли, защищенные укрепленными поселками, строительство которых также способствовало контролю над захваченными территориями. Не пренебрегали авары и возможностью нанести сокрушительное поражение противнику в генеральном сражении. Умели они также, по всей видимости, брать штурмом укрепления. Чудовищную жестокость, проявляемую аварами на захваченных территориях и в отношении противника, также можно объяснить малочисленностью авар, которые вынуждены были внушать ужас в сердцах своих врагов, дабы не быть уничтоженными превосходящими силами противника, который, пребывая в панике от ужаса, терял волю к сопротивлению. В бою конница авар старалась расстроить ряды противника в результате массированного обстрела с последующей атакой в плотном строю. Использование стремян, длинных копий и начинающих входить в употребление пик обеспечивало их кавалерии успех при таранном ударе по противнику. Будучи знакомыми с тактикой степной кавалерии, авары могли использовать такой тактический прием, как притворное бегство, постоянное взаимодействие с пехотой вынуждало их использовать кавалерию для флангового прикрытия их боевых построений.



Основным оружием аварской кавалерии был сложносоставной лук «хуннского» типа в сочетании с длинным копьем или пикой, а также длинноклинковым оружием, мечами и более популярными палашами. Комплекс защитного снаряжения состоял из корпусной защиты, представленной ламеллярными панцирями и кольчугами, защиты конечностей, а также боевых



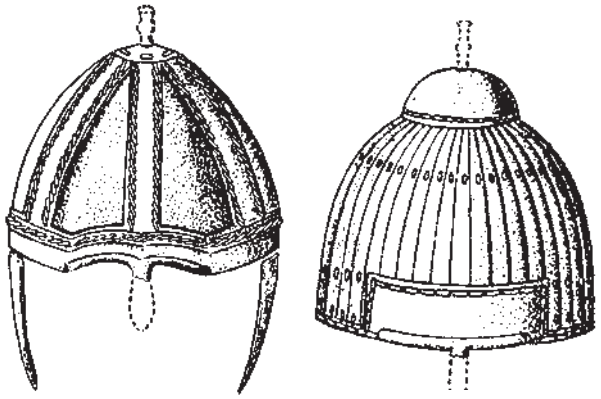
Детали клинкового оружия из кочевнических погребений конца VII—VIII вв. с территории Украины и Венгрии (сверху вниз, слева направо: Вознесенка и Малая Перещепина, территория современной Украины; Кечкемет-Баллосёг, могила 1; Игар, находка 3; Бадьег, могила 8)

авары принесли данную конструкцию колчана на территорию Восточной Европы. Колчан подвешивался в горизонтальном положении посредством двух ремней, пропущенных через специальные скобы, либо непосредственно закрепленных на его корпусе.

Аварские мечи снабжались достаточно узкими клинками шириной 35—45 мм, имели ромбовидное либо линзовидное сечение (встречается реже) и длину около 750—850 мм. В VIII в. на основания клинков в редких случаях стали устанавливаться узкие цилиндрические обоймы. Инновацией в области конструкции холодного оружия Восточной и Западной Европы являлись эфесы аварского холодного оружия. Именно авары принесли в Европу образцы оружия, крестовина которого снабжалась ромбовидным перекрестьем и оканчивалась шаровидными, сердцевидными и дисковидными элементами (утолщениями). Данные конструктивные элементы крестовины впервые появляются в VII в. на территории Туркестана и Ирана, откуда быстро распространяются на сопредельные территории. Помимо этих крестовин «нового» образца продолжают бытовать крестовины подпрямоугольной формы. Рукояти мечей изготавливались из дерева, в редких случаях они могли обтягиваться кожей либо порываться металлическим листом, также рукоять могла снабжаться отдельными металлическими кольцами (втулками). Навершия, как правило, не входили в состав эфесов аварских мечей, а если и встречались, то по форме, разме-

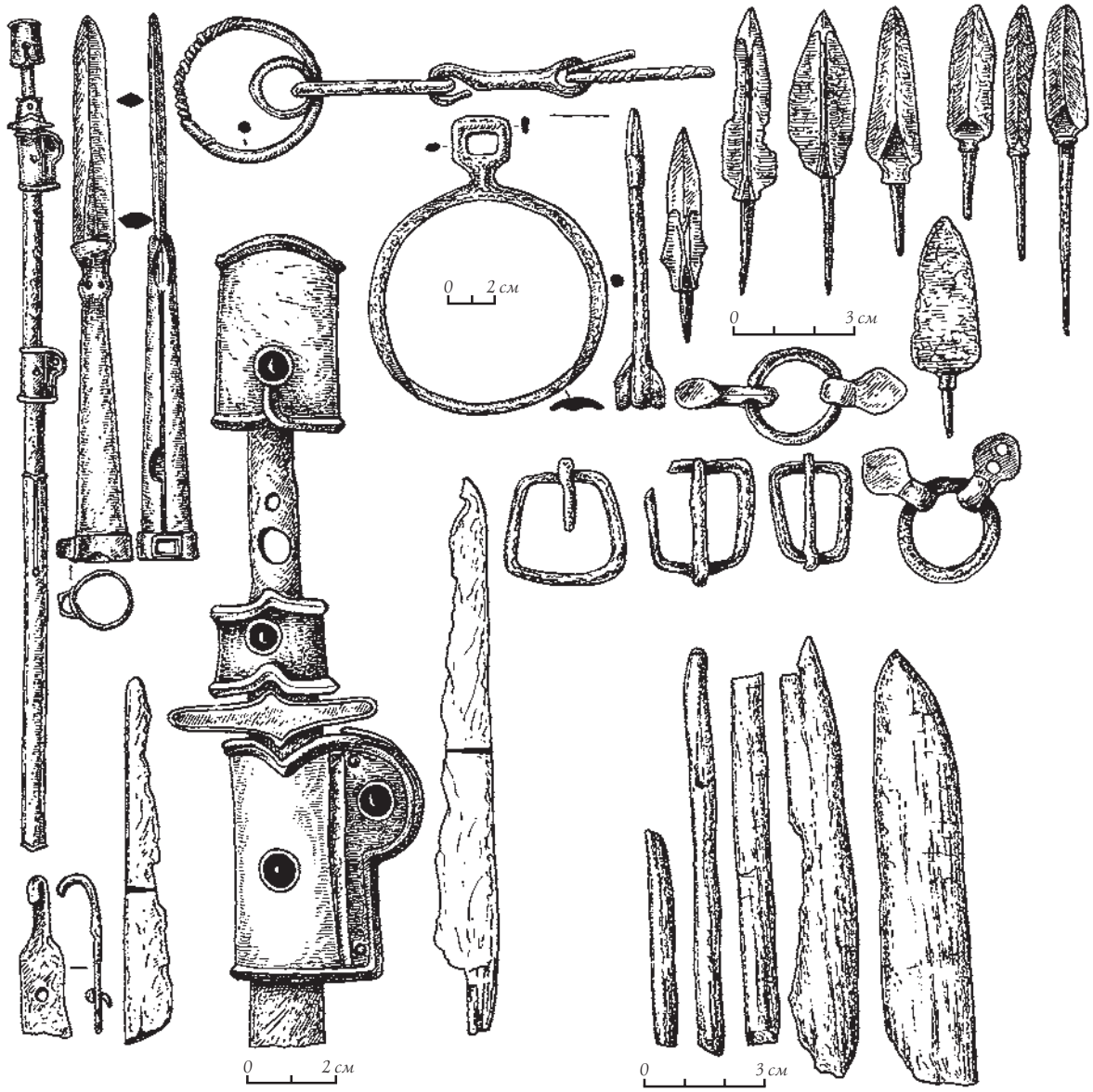
наголовий, среди которых в аварской среде бытовали исключительно шлемы.

Сложносоставные аварские луки, по количеству и месту расположению костяных и роговых накладок относящиеся к лукам «хуннского» типа, конструктивно мало чем отличались от аналогичного метательного оружия, имеющего распространение на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Сибири и Центральной Азии. В походном положении аварские сложносоставные луки носились в кожаных либо матерчатых чулковидных налучах, крепящихся к специальному поясному ремню. С другой стороны к этому поясу крепился трапециевидный колчан, зачастую снабженный верхним карманом, закрывающимся специальной крышкой либо чехлом. Возможно, именно

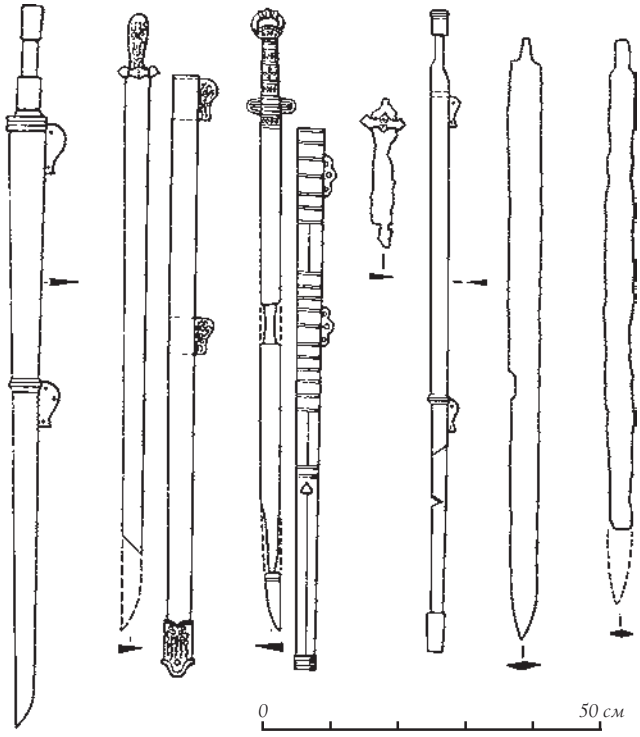


Реконструкция (В. Арендта) двух шлемов ламинарной конструкции VI—VII вв., обнаруженных в ходе раскопок на территории Ильичевского городища в Крыму

рам и конструкции ма-ло чем отличались от наверший палашей. Ножны повторяли контур клинка, изготавливались из дерева, после чего могли обклеиваться тканью, кожей либо покрываться металлом. Полное покрытие ножен металлом — явление все же достаточно редкое. Как правило, присутствовали отдельные металлические детали, такие, как устье, наконечник и Р-образные скобы, посредством которых ножны крепились к портупее. Необходимо заметить, что меч для аваров являлся оружием достаточно архаичным, и его употребление и присутствие в захоронениях, преимущественно кочевой знати, свидетельствует о высоком статусе покойного. По мнению И. Сентпетери и А. И. Семенова, меч в аварской среде носит некий сакрально-мистический смысл, и его наличие в погребении знати свидетельствует об отношении к мечу как к знаку власти. Подобное значение меча в аварской



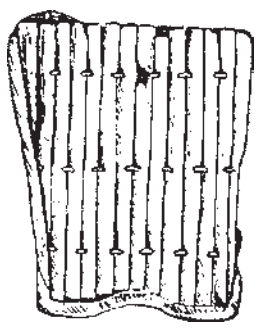
Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня из захоронения начала VIII в. Северо-восточное Причерноморье, могильник Дюрсо, могила № 248



Клинковое оружие VI—VIII вв. из кочевнических захоронений, «аварского круга древностей» (слева направо: Учтепе, Вознесенка, Перещепина, Павлоград, хутор Крупской, станица Красновская)

среде привело к тому, что продолжали бытовать экземпляры, у которых все детали эфеса изготавливались из органических, недолговечных материалов, о чем свидетельствуют достаточно многочисленные находки мечей с несохранившимися деталями эфеса.

Палаш являлся наиболее распространенным в аварской среде длинноклинковым оружием, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. Длина клинка палаша составляла порядка 700—850 мм при ширине от 30 до 45 мм. Толщина клинка у основания могла доходить до 7 мм. Клинок имел подтреугольное сечение. Острие образовывалось плавным схождением обуха и закруглением лезвия. Эфес палашей, как правило, состоял из крестовины, рукояти и навершия. Однако встречались экземпляры, у которых мог отсутствовать один из элементов, такой, как крестовина либо навершие. Прямые крестовины аварских палашей могли иметь небольшие перекрестья и оканчиваться дополнительными выступающими элементами в виде шариков, ромбиков, сердечек и дисков. Встречались отдельные экземпляры, крестовины которых имели «нетрадиционную» форму. Так, крестовина палаша из Учтепе, по всей видимости, имела форму, близкую к усеченно-конической. Рукояти палашей изготавливалась из дерева и имели цилиндрическую форму. Можно предположить, что в случае отсутствия навершия рукоять палаша могла иметь вытянуто-каплевидную форму, однако докомунтально это ничем практически не подтверждается. Рукоять могла полностью покрываться металлической обтяжкой либо снабжаться отдельными кольцами. Также можно допустить, что рукояти палашей обтягивались кожей. Навершия имели форму, близкую к цилиндрической, продольное сечение соответствовало кругу либо овалу. В аварской среде, по всей видимости, длительное время продолжали бытовать палаши с кольцевидным навершием, не встречающиеся на территории Восточной Европы начиная с позднесарматского времени. Возможно, данная форма навершия была принесена аварами со своей старой родины и в ограниченном количестве прижилась на новой. Ножны палашей были аналогичны по своей конструкции ножнам мечей. Из металлических деталей в конструкции присутствовали Р-образные крепежные скобы (выступы) и устья с наконечниками. Наконечники и устья, как правило, имели форму, близкую к цилиндру, однако встречались наконечники иных форм, отличающиеся богатой декоративной отделкой. Детали эфесов и ножен могли изготавливаться из драгоценного металла (золота и серебра), украшаться фрагментарными вставками из драгоценных, полудрагоценных камней и цветного стекла. В крайне незначительном количестве продолжают бытовать предметы оружия, отделанные в полихромной технике. Металлические детали ножен и эфесов также могли подвергаться обтяжке тонким золотым листом и покрываться сканью.



Ламинарный наруч VII—VIII вв. из аварского захоронения с территории Южной Германии

Кинжалы и боевые ножи авар отличались богатством декора и разнообразием формы. Принципиальное различие между боевыми ножами и кинжалами, бытовавшими в аварской среде, заключалось только в том, что последние имели прямой двухлезвийный клинок. Конструкция эфеса, ножен, стиль и способ отделки деталей оружия и ножен были фактически идентичны. В отличие от кинжалов ножи могли иметь хвостовик клинка и, соответственно, эфес, располагающийся под определенным углом к клинку (так называемые коленчатые ножи). Подобная конструкция боевых ножей, по всей видимости, была заимствована аварами у тюркских народов Центральной Азии. Длина клинков боевых ножей и кинжалов колебалась в пределах 150—300 мм при ширине 20—25 мм. На голоменях (боковых плоскостях) боевых ножей могли располагаться долы. В некоторых случаях дол мог быть только один и находиться только на одной плоскости клинка. Эфес ножей и кинжалов мог состоять из одной рукояти либо из рукояти и навершия, а также рукояти, навершия и крестовины. Конструкция элементов эфеса ножей и кинжалов во многом соответствовала конструкции эфесов палашей. Как и у палашей, крестовина кинжалов включала в себя перекрестье, а концы заканчивались конструктивными элементами в виде сердечек либо шариков. Рукоять имела цилиндрическую форму. Навершие выполнялось в виде уплощенного цилиндра, нередко со скругленным верхним краем. В том случае, когда эфес состоял из одной деревянной рукояти, она могла снабжаться подпальцевыми вырезами и иметь более сложную, чем цилиндрическая, форму. Сама рукоять и ее оконечность могли покрываться металлическим листом или отдельными фигурными накладками. Ножны в большинстве случаев изготавливались из дерева, обтягивались кожей и по форме повторяли контур клинков. В гарнитур ножен входили устья, наконечники ножен и обоймы с Р-, реже С-образными выступами для крепления к поясным ремням, а также в ряде случаев оковки оконечностей ножен. Металлические детали эфеса и ножен могли изготавливаться из драгоценного металла и отделываться сканью, чеканкой, гравировкой, а также вставками из цветного стекла и драгоценных (как правило, гранты и сердолики) либо полудрагоценных камней. В VII в. продолжают, в незначительном количестве, бытовать кинжалы (отделка которых выполнена в полихромном стиле), характерные для предшествующих эпох и отличающиеся массивными ножнами с подпрямоугольными устьями и трапециевидными оконечностями.

В аварской среде использовались копья с длиной древка до 3—3,5 м, снабженные втульчатыми наконечниками, имеющими перо лавролистной, ромбовидной, вытянуто-треугольной и особо популярной — невыраженной пламевидной формы. Пики отличались от копий исключительно наконечником, обладающим пирамидальным пером. Длина наконечников копий и пик, как правило, не превышала 250—300 мм.

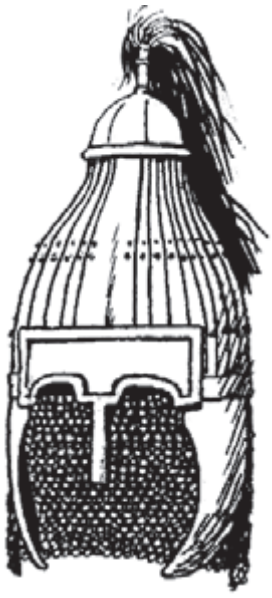
Ламеллярные панцири достаточно широко были распространены в аварской среде и отличались относительным разнообразием покроев. Так, по покрою аварские панцири можно разделить на три группы:

1. Длиннополые кафтаны (халаты) с осевым разрезом (спереди либо сзади), скроенные в талию.

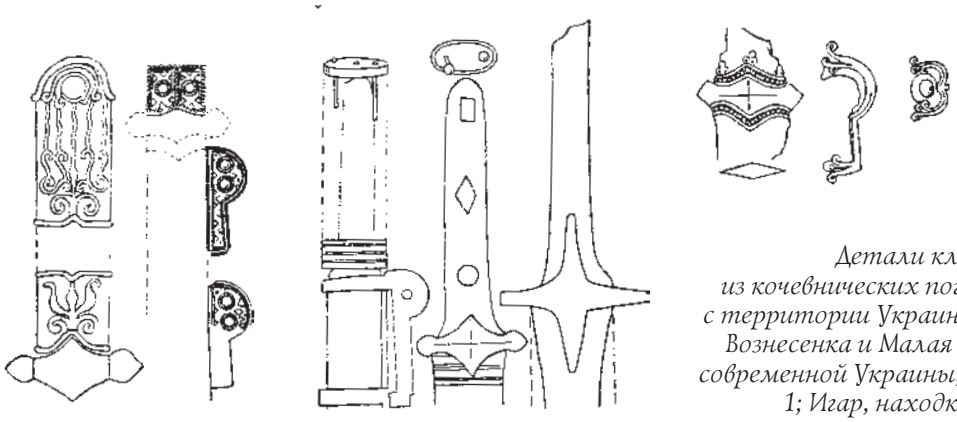
2. Корсеты-кирасы, состоящие из ламеллярных нагрудников и наспинников, соединяющихся на боках, и снабженные плечевыми лямками.

3. Жилеты (пончо), имеющие разрезы на боках или на одном боку и плече.

Панцири, имеющие покрой типа «корсет-кираса», могли дополняться трапециевидными набедренниками, пришнуровывающимися либо пристегивающимися к панцирю. Панцирные пластины, образующие аварские ламеллярные доспехи, отличались небольшими размерами и имели подпрямоугольную форму. Пластины могли иметь закругленный верхний край и фигурные вырезы на одной либо на обеих боковых сторонах. Со-



Реконструкция (О. Гамбера) шлема бисферической («кеглевидной», «грушевидной») формы, ламинарной конструкции. VI—VII вв. Нидерштётцунген, Южная Германия,



Детали клинкового оружия из кочевнических погребений конца VII—VIII вв. с территории Украины и Венгрии (слева направо: Вознесенка и Малая Перещепина, территория современной Украины; Кечкемет-Баллосёг, могила 1; Игар, находка 3; Бадьег, могила 8)

единялись между собой пластины посредством тонких кожаных ремешков либо волосяных веревок. Наиболее интересные и полно сохранившиеся панцири обнаружены в захоронениях Хайдутёрёк (Венгрия), Кунсцентмартон (Венгрия) и Нидерштётцунген (Южная Германия).

Кольчуги были не менее, если не более, популярным по сравнению с ламеллярными панцирями защитным снаряжением. Кольчуги имели короткие рукава и подолы, достигающие середины бедра.

Защита конечностей, бытовавшая в среде аварской кавалерии, была представлена исключительно наручами, которые имели шинную конструкцию. Данный элемент защитного снаряжения имел ограниченное распространение, о чем свидетельствует чуть ли не единичная находка наруча в аварских захоронениях.

Аварские шлемы по своей конструкции можно отнести к категории сегментно-клепаных и ламеллярных (сегментно-шнурованных). По форме шлемы подразделяются на полусферические, куполовидные, грушевидные. Конструкцию шлема могли дополнять такие элементы, как навершия, наносники и науши. К нижнему краю венца у аварских шлемов могла прикрепляться кольчужная бармица. Навершия аварских шлемов зачастую имели полусферическую форму и снабжались небольшими трубочками для крепления плюмажа. Для аварских грушевидных шлемов, имеющих ламеллярную конструкцию, характерно наличие наносника, выполненного вместе с подглазными выкружками в качестве элементов налобной пластины. Последняя могла покрываться орнаментом. Для данных шлемов

Налобная пластина от ламинарного шлема бисферической («кеглевидной», «грушевидной») формы, принадлежавшего королю лангобардов Агилульфу. Начало VII в.

также характерно наличие наушей и кольчужной бармицы. Бармица крепилась либо непосредственно к нижнему краю венца шлема, либо пришнуровывалась к плотному стеганому подшлемнику.

Щиты как элемент защитного снаряжения, по всей видимости, были не особо популярны в аварской среде, поскольку аварская кавалерия предпочитала пользоваться длинными копьями, удерживаемыми двумя руками. Однако можно допустить, что данные предметы были хорошо знакомы аварам, поскольку активно использовались не только их противниками — лангобардами, франками, византийцами, но и славянскими союзниками. Если в аварской среде и бытовали щиты, то, по всей видимости, это были небольшие экземпляры диаметром 500–700 мм, изготовленные из тонких дощечек, обклеенные кожей либо тканью и усиленные в центре первоначально куполовидным, а впоследствии и полусферическим умбоном. Плоскость щита, по всей видимости, могла покрываться росписью либо просто окрашиваться в разные цвета.

Цветная вкладка (*стр. 26*)

Изображен легковооруженный аварский лучник конца VIII в., состоящий на службе Византийской империи.

Защитное снаряжение воина представлено исключительно куполовидным шлемом, имеющим каркасную сегментно-клепаную конструкцию. Шлем снабжен наушами, закрывающими уши и шею воина от боковых ударов (реконструкция выполнена на основании ныне утраченного шлема из Керчи; изображение воина с серебряного блюда с территории Венгрии, Государственный Эрмитаж; изображение воина на камне из Мабара, Болгария).

Воин вооружен палашом и сложносоставным луком. Палаш воина обладает эфесом, состоящим из прямой крестовины, цилиндрической рукояти и кольцевидного навершия (реконструкция выполнена по мотивам палаша, обнаруженного в захоронении у села Малая Перещепина).

Сложносоставной лук «хуннского» типа находится в походном положении (тетива снята, дуга распрямлена) и убран в кожаный чулковидный налуч. Стрелы убраны в трапециевидный кожаный колчан, висящий на правом боку воина.

Цветная вкладка (*стр. 27*)

Реконструкция облика двух аварских воинов позволяет составить представление о комплексе вооружения, бытовавшего в среде воинов каганата в VII–VIII вв.

Первый воин облачен в ламеллярный панцирь, изготовленный из мелких фигурных пластин, соединенных между собой тонкими сыромятными ремешками через узкие кожаные полосы. Панцирь имеет покрой типа «кафтан», снабжен осевым разрезом спереди, соединяющимся посредством завязок, и плечевыми лямками ламеллярной конструкции (панцирь из Нидерштётцунгена, Южная Германия). Голову воина защищает грушевидный шлем, имеющий ламеллярную конструкцию. Конструкция шлема дополнена навершием, снабженным трубочкой для крепления плюмажа, налобной пластиной с подглазными выкружками и относительно длинным наносником, наушами и бармицей, прикрывающей сзади затылок и шею воина (шлем из Нидерштётцунгена, Южная Германия).

Комплекс защитного снаряжения воина дополняет деревянный дощатый щит, усиленный куполовидным умбоном и обшитый по краю кожаной полосой. Данный щит является трофеем, захваченным в ходе столкновений с Византийской империей.

Комплекс оружия воина состоит из палаша, кинжала и лука.

Палаш воина сотоит из клинка и эфеса. Клинок прямой, однолезвийный, длиной около 750 мм и шириной 35–40 мм, имеет вытянутотреугольное сечение. Эфес состоит из прямой крестовины, цилиндрической рукояти и кольцевидного навершия. Детали эфеса полностью обтянуты тонким чеканным золотым листом (захоронение вождя у села Малая Перещепина). Ножны палаша изготовлены из дерева, покрыты чеканным золотым листом и крепятся к поясу посредством двух скоб. Имя мастера (?), нанесенное на внутреннюю часть рукояти, позволяет предположить, что данный палаш изготовлен в Византии специально в качестве подарка аварскому вождю.

Кинжал, висящий на поясе воина, по всей видимости, достался ему в наследство от предка, поскольку изготовлен был в VI в. в Корее и попал в аварскую среду в качестве предмета торговой сделки (кинжал из гробницы № 14, Керим-ло, Корея). Эфес и ножны кинжала покрыты тонкими

золотыми накладками, оформленными в полихромном стиле сердоликовыми вставками. Массивные ножны крепятся к поясу в горизонтальном положении посредством двух-одной Р-образной и одной С-образной — скоб.

Сложносоставной лук воина со снятой тетивой убран в кожаный чулковидный налуч, подвешанный к поясу воина. С другой стороны к поясу воина подвешен трапециевидный деревянный, обтянутый кожей колчан, снабженный верхним карманом, закрывающимся крышкой.

Военный костюм воина дополняет пояс, накладные бляхи которого, пряжка и наконечник изготовлены из тонкого золотого листа (могила № 138, Кёрне, Венгрия).

Второй воин, изображенный на планшете, облачен в кольчугу с рукавами, спускающимися ниже локтя (изображение воина с серебряного блюда с территории Венгрии, Государственный Эрмитаж). Поверх кольчуги надета накидка-кафтан с рукавами, достигающими локтя. Куполовидный шлем воина имеет каркасную сегментно-клепаную конструкцию (находка в склепе Керчи). Внешние сегментные элементы шлема служат каркасом, изнутри которого подведены дополнительные подтреугольные сегменты. Небольшое навершие шлема снабжено трубочкой для крепления плюмажа, в лобовой части шлема венец снабжен подглазными выкружками и небольшим наносником. Конструкция шлема дополнена наушами. Бармица, полностью закрывающая шею воина, пришнурована непосредственно к стеганому подшлемнику.

Оружие воина представлено палашом, боевым ножом, копьем и луком.

Палаш воина имеет эфес, состоящий из прямого, в виде сплющенного с боков, усеченного конуса, двухцилиндрической рукояти и перевернутого усеченно-конического навершия (палаш из погребения Уч-тепе, Кавказ). Деревянные обтянутые кожей ножны палаша повторяют контур клинка, снабжены металлическим цилиндрическим устьем и двумя Р-образными скобами (выступами), служащими для крепления портупеи.

Боевой нож снабжен клинком длиной около 250–300 мм и шириной порядка 20 мм. Эфес ножа состоит из одной деревянной рукояти, расширяющейся к окончанию и снабженной подпальцевыми вырезами. Деревянные ножны повторяют контур клинка и снабжены Р-образными выступами, служащими для крепления к поясу. Оконечность ножен и выступов окована тонкими металлическими полосками (находка в Иловатке, Нижняя Волга).

Длинное копье воина снабжено втульчатым наконечником длиной около 250 мм с пером подтреугольной формы (могильники Дюрсо, Россия, находки с территории Венгрии и Болгарии).

Сложносоставной сигмообразный лук «хунского» типа убран в чулковидный кожаный налуч, подвешен к поясу воина. С другой стороны к поясу крепится трапециевидный, снабженный верхним карманом, деревянный, оклеенный кожей колчан со стрелами.

Костюм воина дополняет пояс, пряжки и накладные бляхи которого изготовлены из серебра (находка в Иловатке, Нижняя Волга).

Конные воины эпохи Карла Мартелла

VII в.

Начало рыцарской конницы лежит в ранней истории империи франков. Как и большинство германских народов, франки традиционно сражались в пешем строю. Кони использовались лишь в качестве транспортного средства. Со времен образования франкского государства при короле Хлодвиге в V в. основой войска являлось ополчение свободных общинников. Это были крестьяне, которые обязаны были вооружаться самостоятельно в соответствии с достатком. Оружие предъявлялось на ежегодных общегосударственных смотрах — «мартовских полях». Имелась также и прослойка профессиональных воинов из числа королевских дружинников. Эта группа была крайне малочисленной и выделялась из общей массы только роскошью снаряжения. При этом замкнутой кастой они не являлись, и в ряды дружины мог влиться любой свободный, владеющий оружием человек. Вместе войска франков формировали сильную, спаянную патриархальной дисциплиной фалангу, которая была способна решать широкий спектр тактических задач.

С течением времени единое королевство Хлодвига клонилось к своему закату. Варварское государство оказалось непрочным образованием, которое удерживала от развала только личная харизма короля — вождя. К концу VI в. наследники Хлодвига образовали три независимых королевства — Нейстрию, Австразию и Бургундию. Династия Меровингов неуклонно вырождалась, наступала эра «ленивых королей». В это время на первый план выступают мажордомы — изначально обычные управляющие при дворе королей. Постепенно они забирают огромную власть и становятся фактическими правителями. В истории Европы особую роль сыграли мажородомы Австразийского королевства. Сын мажордома Пиппина, Карл, борясь за объединение франкского королевства, вел столько войн, что заслужил прозвище «Молот» (лат. Martellus). С его именем историографическая традиция и связывает зарождение конницы как доминирующей силы средневековых армий.

Карл Мартелл, «почти король», попытался создать прослойку профессиональных воинов, которые могли нести службу в любое время года, невзирая на сельскохозяйственный цикл. Кроме постоянной боеготовности, от них требовалась мобильность для оперативного решения тех или иных задач в пределах единого государства. Этим целям лучше всего соответствовала конница. Карл издал капитулярий, согласно которому несколько свободных крестьян должны были снаряжать на войну одного, приобретая для него необходимое снаряжение и фураж. Именно тогда зародилась классическая схема разделения средневекового общества на «воюющих и снаряжающих» или «молящихся, воюющих и работающих». Кроме того, Карл в массовом порядке стал наделять своих сторонников — «васси» (далее будем называть их вассалами) — землей для того, чтобы они могли вооружать себя и своих людей и нести круглогодичную службу. Именно вассалы со своими отрядами и составили основу конного вой-

ска франков. Для увеличения земельного фонда была произведена массовая секуляризация церковных наделов. Эффективности конницы способствовало распространение стремян, занесенных в VIII в. в Европу аварами. Теперь тяжеловооруженный всадник получил столь необходимую точку опоры, отсутствие которой столько веков снижало его боеспособность.

Серьезным испытанием для франкского королевства и его армии стало противостояние арабскому вторжению. Захватив почти весь Пиренейский полуостров, арабы стали совершать набеги, терроризируя всю южную Францию. В 732 г. Карл Мартелл двинул навстречу арабам войско, которое, как считается, впервые в массовом прядке сопровождала конница. Под городом Пуатье арабы были разбиты. Карл получил признание как борец за христианство и правитель своей Галлии.

Не стоит преувеличивать роль конницы в раннем Средневековье. До сложения настоящего рыцарского войска было еще далеко. Роль пехоты в армии оставалась преобладающей. Малочисленная конница не могла соперничать со сплоченной пешей фалангой по эффективности в бою. Даже битва при Пуатье, воспетая историографами как первая победа франкской кавалерии, была выиграна именно пехотой. В те годы мирный франк-землепашец оставался в душе свирепым германским воином, готовым бросить плуг и взяться за топор по требованию своего вождя. О тактике конницы VIII в. трудно сказать что-либо определенное. Видимо, она должна была обеспечивать фланги и тыл пехоты в бою и организовывать преследование либо прикрывать отход. Потребность в коннице объяснялась, в первую очередь, необходимостью мобильных разъездов по стране с целью обеспечения порядка и лояльности населения и местной аристократии. Кроме того, только конница могла сопровождать и оберегать номадный[1] двор короля в его непрерывном путешествии. Чрезвычайно выгодной чертой была повышенная боеготовность конницы вассалов. Народное ополчение без ущерба для экономики страны возможно было созывать только в определенный период времени, да и то ненадолго. Постоянное войско было жизненной необходимостью для Карла Мартелла, так как после битвы при Мамельди 716 г. (против армии Нейстрии) он каждый год совершал походы в том или ином направлении.

Роль «почти короля» в создании конницы также преувеличена в историографии. Процесс начался и продолжался бы без участия Карла. Графы на местах были заинтересованы в постоянных и верных вооруженных соединениях. Карл верно оценил происходящее и поддержал идущие процессы, обусловленные, в первую очередь, определенной исторической ситуацией, а не личной волей некоего правителя. Невзирая на слабость и несовершенство ранней конницы, начало было положено. Над средневековой Европой в полный

Миниатюра Сен-Галленской рукописи

[1] От *фр.* nomades — кочующий.

рост встала тень ее будущего защитника и тирана, покровителя и эксплуататора — тяжеловооруженного конника-рыцаря, а поля сражений застонали в ожидании неотвратимого приближения кованых копыт новых кентавров. В самом деле, все необходимые составляющие для зарождения рыцарской конницы были в наличии. Бенефициальная система земельных наделов обеспечивала экономическую базу. Стремена и тяжелые седла с прямыми луками создали потенциал для совершенствования специального тяжелого снаряжения, использование которого раньше было немыслимо.

При наследниках Карла Мартелла — Пиппине III Коротком и особенно при Карле Великом — конница продолжала развиваться количественно и качественно. Так, по подсчетам К. Ф. Вернера (на наш взгляд, несколько завышенным, но все же заслуживающим внимания), к 800-м гг. империя Карла могла собрать до 35 тысяч всадников при общей численности войска в 120—130 тысяч человек. Таким образом, на одном направлении император мог сконцентрировать до 20 тысяч бойцов, как, например, при походе на Аварский каганат в 796 г. С распадом империи Карла Великого после смерти его сына Людовика Благочестивого значение конницы повысилось многократно. Графы и герцоги, превратившись в фактических правителей своих земель, были вынуждены защищать земли и подданных от набегов соседей в любое время года, быстро перебрасывая силы на опасные направления. Помимо усиления конницы такая ситуация привела к более энергичному и последовательному сооружению постоянных и временных фортификационных укреплений. Особенно полезным конное войско оказалось при отражении венгерского нашествия. Пешее ополчение не могло угнаться за легкоконными кочевниками. В 955 г. именно конница императора Оттона Великого под Аугсбургом на реке Лех нанесла сокрушительное поражение венграм, обезопасив рубежи государства от этой опасности. К концу X в. складывается понятие воина как конного бойца. Например, в «Истории Франции» Рихера (990-е гг.) появляется знаковое выражение «воины и пехотинцы» (milites et peditesque). Трудно придумать более яркое отождествление солдата как такового с конником. С этих пор сословие всадников и воинское сословие синонимизируются, однако еще не превращаются в замкнутую аристократическую касту. Аристократия X—XI вв. дистанцировалась от простых воинов. Совместные сражения и походы постепенно стирали эту грань, так что к XII в. термины «рыцарь» и «аристократ» приобретают знак равенства[1].

Емкость для освящения воды, резная кость, серебро. IX в. Аахенская капелла

Вооружение конницы отличалось простотой и не было тяжелым в обычном понимании этого слова. В V—VIII вв. на первый план в качестве нательного прикрытия выходит кольчуга. Мелкие кольца сами по себе обладали значительной жесткостью. Когда же их сплетали в единую систему «один в четыре», прочность и надежность повышалась многократно. Пластинчатые доспехи значительно проигрывали в этом отношении. Относительно крупные чешуи требовали чрезвычайно сложной выделки, без которой они серьезно уступали в прочности серии переплетенных колец, закрывающих ту же площадь. Кроме того, кольчужная рубаха представляла собой унитарную защиту с рукавами и подолом для прикрытия рук и ног. При полной степени гибкости кольчуга не имела функциональных щелей, обязательных для пластинчатого доспеха. Все эти качества обеспечили кольчугам долгую жизнь в боевом обиходе. Они быстро вытеснили пластинчатые доспехи. С IX—XIII вв. продолжался «век кольчуги», который закончился лишь с революционными из-

[1] Так было не везде. Например, в Германии рыцарство не слилось со старой аристократией. До XIV в. германские рыцари даже не имели места в высшем сословном представительстве — рейхстаге.

Шлем из захоронения в Саттон-Ху. Англия, VII в.

менениями в военном деле и ремесле 1250–1300 гг. Под доспех или кольчугу поддевался матерчатый или кожаный, стеганный на вате и конском волосе жакет (акетон, гамбезон) для амортизации ударов[1]. При достаточной толщине набивки он мог служить самостоятельным защитным покровом. Подобные приспособления, видимо, пользовались популярностью у беднейшей части воинства. Пластинчатые (чешуйчатые и ламеллярные) доспехи оставались в ходу, хотя, как отмечал Клод Блэр: «из сотни доспехов девяносто были кольчужными». В «темные века» подол и наплечники пластинчатых доспехов могли еще оформляться в виде птериг в качестве дани угасающей античной традиции. Шлемы в основном мало отличались конструктивно от варварских наголовий времен Великого переселения. Это были все те же конические и куполовидные шлемы сегментной конструкции. На стальном каркасе посредством клепки укреплялось несколько сегментов, которые могли выполняться как из железа, так и из кожи или полированной кости. Миниатюры Сен-Галленской рукописи VIII в. иллюстрируют шлемы с небольшими металлическими полями. Поножи и наручи, видимо, практически не употреблялись в этот период. Исключение составляет редкое (если не уникальное) изображение венгерского всадника в кольчуге, шинных наручах и поножах.

Меч меровингской эпохи был достаточно редкой и дорогой вещью. Массовым наступательным оружием были топор и копье. Последнее могло употребляться и для удара, и для метания. Копьями бились обратным хватом на поднятой руке для укола сбоку или сверху вниз. Другой способ состоял в уколе вытянутой рукой, наподобие улан или казаков XVIII–XIX вв. Атака сомкнутым строем с прижатыми под мышками копьями не была известна.

Цветная вкладка *(стр. 28)*

Данная реконструкция представляет франкского конного воина VIII в. Облик его восстановлен по миниатюрам Сен-Галленской рукописи.

[1] Прямой аналог античной зомы.

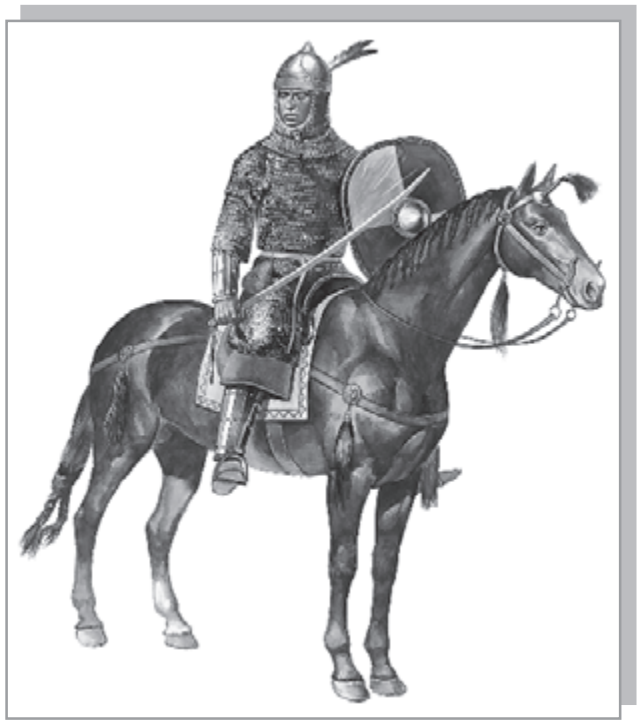
Болгарские конные воины

IX в.

В 70-х гг. VII в. в результате движения кочевых племен по степям Восточной Европы и военной агрессии со стороны Хазарии орда хана Аспаруха из рода Дуло, являющаяся частью тюркоязычного племени болгар, вышла к Дунаю и заняла номинально принадлежавшую Византийской империи, тогда еще малонаселенную северную часть Малой Скифии (современной Добруджи). Соседями болгар, поселившихся на своей новой родине, стали «Союз семи славянских племен» Нижней Мёзии, Византийская империя и Аварский каганат. Контакт представителей разных народов происходил достаточно мирно, без каких-либо серьезных военных столкновений, что объясняется взаимным интересом друг к другу. Славянские племена получили в лице кочевников Аспаруха сильных в военном отношении союзников, способствующих успешному противостоянию Византийской империи и Аварскому каганату. Болгары приобрели возможность расселяться на вновь обретенных землях, не тратя сил на военные конфликты с оседлым населением, также выступающим поставщиками продуктов земледелия, необходимых кочевникам. Более сильные в военном отношении болгары быстро заняли в образовавшемся конгломерате славянских и тюркских племен главенствующее положение и приступили к укреплению границ своего племенного образования, расположившегося на землях между Дунаем и Балканским хребтом, вследствие чего часть славянских племен фактически насильно была переселена на пограничные Византийской империи и Аварскому каганату земли.

Вторжение болгар на земли, входящие в сферу влияния Византийской империи, и их грабительские набеги на земли империи, лежащие близ Дуная, не могли не вызвать ответных военных действий. Успех империи в войнах на Ближнем Востоке позволил ей перебросить часть войск на Балканы для борьбы с Аспарухом. В ходе разразившейся войны Аспарух наголову разгромил войска императора Константина IV.

С того момента фактически непрекращающиеся военное противостояние между болгарскими



ханами и византийскими императорами длилось более двух столетий. Войны, ведущиеся в течение этого времени с целью укрепления власти над славянскими племенами Северной Фракии и Македонии, в большинстве своем заканчивались победами болгар и укреплением их влияния в среде славянских племен. Начало IX в. было вновь ознаменовано крупными военными столкновениями между Византийской империей и болгарскими ханами. В ходе разразившейся войны византийские войска, вторгшиеся в Болгарию, потерпели сокрушительное поражение. В одном из сражений этой войны был убит император Никифор, а войска болгарского хана Крума достигли Константинополя и осадили город. Преемник скончавшегося под стенами Константинополя хана Крума, Омуртаг, заключил с империей 30-летний мир, одним из важных условий которого было возвращение на территорию Болгарии славянских родов, бежавших от ужасов войны на территорию Византийской империи. Видя назревающий в об-

ществе раскол между представителями славянских и болгарских племен, ханы Омуртаг и Пресиан были вынуждены принять меры к уравниванию в правах представителей славянской родоплеменной знати и кочевой аристократии. Окончательное сближение двух народов произошло после крещения Болгарии при князе Борисе-Михаиле (852–889), когда были устранены и культурно-идеологические противоречия между представителями двух этносов. Данный шаг позволил в некоторой степени сгладить и вооруженное противостояние с Византийской империей. В результате сближения представителей родоплеменной знати, смешения кочевого и оседлого этносов, объединенных единой религиозной системой, к началу X в. убыстрились процессы феодализации общества, упрочнения государственной централизованной власти и укрепления позиций новой межплеменной аристократии из числа крупных землевладельцев. Основная масса новой межплеменной аристократии — боляр — являлась потомками кочевой аристократии, но немало в их среде было и представителей славянских племен. Выходцы именно из этой среды, независимо от того, кто были их предки в X в., стали занимать командные посты в феодальных дружинах князей уже этнически единого Болгарского государства.

Следует отметить, что вследствие успешных военных кампаний, проводимых болгарскими правителями в IX в. ко времени правления князя Симеона (893–927), первым из болгарских правителей принявшим титул царя, границы Болгарского государства охватывали не только территорию современной Болгарии, но и земли Сербии, Македонии, часть Фракии и значительные области по Дунаю. В самом начале своего правления Симеону удалось разгромить объединенную греко-хазарскую армию, собранную императором Львом VI, и, несмотря на поражение, причиненное ему венграми, через несколько лет вместе с союзными печенегами разгромить венгерскую страну Леведию, вследствие чего венгры вынуждены были переселиться в Паннонию.

В IX в. основу командного состава дружин болгарских ханов, потомков Аспаруха, все еще продолжали составлять выходцы из среды кочевой родоплеменной знати или принцы крови из правящего рода Дуло. По господствующей в тот период времени в среде кочевников восточноевропейских степей традиции верховное командование над объединенной армией осуществлял хан лично, в независимости от возраста принимающий участие во всех крупных военных кампаниях и походах.

Долгое время с момента прихода кочевых болгар на свою новую родину основу их армии составляли конные дружины различных болгарских родов, в то время как жившие на вновь обретенных землях славяне либо совсем не участвовали в военных походах болгар, либо их участие было незначительным и заключалось в предоставлении в распоряжение болгарских ханов немногочисленных пехотных отрядов. Подобное положение вещей, по всей видимости, сохранялось вплоть до IX в., когда численность славянских пехотных соединений несколько увеличилась, и их роль в болгарской армии возросла в связи с активной завоевательной политикой, проводимой болгарскими правителями. Но, несмотря на увеличение численного состава пехоты, кавалерии в составе вооруженных сил Болгарии принадлежала доминирующая роль, что в немалой степени объясняется еще не успевшими атрофироваться кочевыми традициями ведения войны и комплектования войска.

О численности болгарского войска и кавалерии, входящей в ее состав, в IX в. нет никаких сколь-либо точных сведений, однако примерное количество болгарского войска можно установить с учетом численности противостоящей ей в войнах этого периода византийской армии. Опираясь на сведения арабских авторов (Ибн аль-Факиха и Кодамы), численность восточной группы войск армии Византии в первой половине X в. можно определить в 85–95 тысяч человек. Западная группа войск была менее многолюдной. Общая численность западной группы войск вряд ли превышала 60 тысяч человек. Несмотря на то, что приводимые сведения относятся к более позднему периоду, в IX в. численность византийской армии была не меньшей, если не большей. Можно предположить, что западная группа войск, принимавшая участие в войнах с Болгарией в IX в., с учетом соединений, переброшенных из восточной группировки, составляла 50–60 тысяч человек. Из этого числа около 20–30 % личного состава, по всей видимости, приходилось на войсковую прислугу и обоз. Соответственно, и количество

военных сил болгарских ханов вряд ли превышало численность объединенной западной армии Византии, а скорее всего была даже меньшей. Численность же кавалерии, на наш взгляд, составляла не менее 90 % от численности всего болгарского войска.

В основной своей массе болгарская кавалерия была представлена легковооруженными всадниками, основным оружием которых, как у большинства кочевых народов Восточной Европы, был сложносоставной лук. Защитным снаряжением обладали немногие «богатыри», представители военно-кочевой аристократии и приближенные хана. Преобладание в рядах войска легковооруженной кавалерии не могло не накладывать отпечаток на тактические приемы действия в бою. Поскольку о тактике болгарской кавалерии нет каких-либо достоверных данных, можно предположить, что арсенал тактических приемов включал в себя все характерные черты действия легкой кочевой конницы в рамках сражений — массированный обстрел из луков, ложное бегство, атака «лавой». Из стратегических приемов, характерных для болгарской армии периода раннего Средневековья, стоит упомянуть встречные контр-наступления, стремление навязать противнику маневренный полевой бой, массированные рейды на вражеские территории.

Изображение конного воина, ведущего пленника, с медальона кувшина из Надь-Сент-Миклоше. Конец VIII—IX вв.

Скудность археологических находок при практически полном отсутствии изобразительных источников не позволяет в полной мере составить представление о многообразии комплекса вооружения конного болгарского воина IX в., однако привлечение сравнительного материала с сопредельных территорий позволяет реконструировать его предполагаемый облик.

В немалой степени достоверные сведения о комплекс защитного снаряжения болгарского конного воина мы можем получить на основании анализа изображений, наличествующих на одном из золотых кувшинов клада, найденного на территории Болгарии в 1799 г. в Надь-Сент-Миклоше. Данный клад датируется по-разному, при этом его хронология охватывает период с VII по X вв. Большинство исследователей склоняются к тому, что кувшин был изготовлен в VIII—IX вв. Мастеру, изготовившему данный кувшин, иногда приписывается хазарское либо мадьярское происхождение, что, по всей видимости, ошибочно.

Наличие на иных предметах утвари, присутствовавших в составе клада и близких по стилю изготовления надписей, выполненных греческими буквами, в составе которых присутствуют словосочетания, характерные для протоболгарского языка, позволяет предположить, что все предметы клада могли быть изготовлены непосредственно на территории Болгарии.

На одном из медальонов рассматриваемого кувшина изображен конный воин, ведущий связанного пленного. Воин облачен в кольчугу, голову его защищает конический шлем сегментно-клепаной конструкции, снабженный бармицей и увенчанный перьями. Конечности воина защищены наручами и поножами, изготовленными предположительно из металлических шин.

На другом медальоне изображен конный воин, стреляющий из лука, облаченный в длиннополую клетчатую рубаху (возможно, кафтан) либо, с учетом изобразительной традиции и привлечением византийских аналогов, в кольчугу, византийский пластинчатый панцирь или же стеганый доспех —

бомбакион или кабадия — также византийского происхождения. В пользу использования болгарами ламеллярных панцирей в качестве заимствования у воинов империи свидетельствуют факты находок пластин панцирей данной конструкции в Плиске и Великом Преславле (Преславе) вместе с фрагментами кольчужного плетения.

В качестве элементов защитного снаряжения можно предположить наличие щитов круглой и, возможно, овальной формы, основа которых изготавливалась из дерева.

В качестве холодного оружия могли использоваться копья, пики, палаши, сабли, мечи и небольшие боевые топорики — чеканы.

Копья и пики обладали древком длиной около 3—3,5 м и снабжались втульчатыми наконечниками. Наконечники копий обладали перьями вытянуто-треугольной и лавролистной формы, наконечники пик снабжались пирамидальными перьями. К древку копья или пики у наконечника мог крепиться флажок.

Палаши и сабли, использовавшиеся болгарской конницей, по всей видимости, по своей конструкции и форме были во многом аналогичны данному оружию, бытовавшему в среде кочевников восточноевропейских степей. Также можно предположить, что использовались мечи византийского и западноевропейского производства.

Боевые топорики, использовавшиеся болгарской конницей, отличались небольшими размерами (в среднем длина составляла 165 мм, а ширина равнялась 5—6 мм) и характеризовались трапециевидным (иногда несколько изогнутым) либо Г-образным (снабженным «бородкой») с зауженным основанием (шейкой) клином. Обух мог заканчиваться молотовидным утолщением («бойком») либо клиновидной пластиной.

Болгарскими всадниками использовались сложносоставные луки сигмообразной формы, длина которых с надетой тетивой составляла порядка 900—1200 мм. Конструкция данных луков во многом была близка конструкции сложносоставных луков «хуннского» типа, трансформировавшейся под влиянием национальных традиций изготовления данного вида оружия. Луки носились в колчанах чулковидной либо кабуровидной формы, подвешивавшихся к специальному поясу. Колчаны для стрел имели несколько уплощенную цилиндрическую либо трапециевидную форму и подвешивались к поясу посредством двух скоб, расположенных параллельно на боковых плоскостях у его устья.

Цветная вкладка *(стр. 29)*

В основу реконструкции облика болгарского всадника положено изображение конной фигуры с медальона на кувшине из клада в Надь-Сент-Миклоше, с добавлением элементов, привлеченных из археологических памятников восточноевропейских степей. Воин облачен в кольчугу с коротким рукавом и подолом, достигающим колен, надетую поверх кафтана. Предплечья и голени воина защищают стальные наручи и наголенники, собранные заклепками на кожаной основе и имеющие шинную конструкцию. На голове воина надет невысокий сфероконической формы шлем сегментно-клепаной конструкции, украшенный соколиными перьями (в основу реконструкции шлема положен конструкция шлема из Муравлевского клада с территории Воронежской области (ныне хранится в Государственном Эрмитаже) и изображение с кувшина из Надь-Сент-Миклоша. К подшлемнику, вшнурованному внутрь шлема, прикреплена бармица, полы которой в центральной части соединены посредством шнуровки. Небольшой щит воина изготовлен из тонких деревянных досок, обшит кожей и усилен в центральной части стальным умбоном. Край щита дополнительно укреплен пришитой полосой из толстой кожи.

Оружие воина представлено саблей со слабо искривленным клинком длиной в 850 мм и эфесом, состоящим из деревянной рукояти, и изготовленных из металла крестовины и навершия. Небольшая по размерам, слабо искривленная крестовина оканчивается шаровидными утолщениями. Навершие имеет грушевидную форму и снабжено подвижным кольцом под темляк (реконструкция выполнена по образцам сабель с территорий Волжской Булгарии, Северного Кавказа, района Майкопа, Венгрии).

Мадьярская легкая конница

IX–XI вв.

В IX в. под давлением печенегов полуоседлые племена угров, населяющие земли Южного Урала и Приуралья, перейдя к кочевому образу жизни, начинают постепенное движение на Запад. Будучи в военном отношении союзниками хазар, обеспечивающих их отрядами наемной конницы, угорские племена, более известные как мадьяры, или венгры, расселяются на землях, входящих в сферу влияния Хазарского каганата. Непродолжительное время мадьяры кочевали на обширной территории в междуречье Волги и Дона, а впоследствии продолжили свое движение на запад, переместив свои кочевья к границам Полянской земли и Днепру. Венгры длительное время были надежными союзниками хазар, активными потребителями предметов роскоши (дорогих украшений, металлической посуды, шелковых тканей, богато украшенного оружия) и поставщиками «живого товара» — рабов, торговля которыми в Византии и на землях Арабского халифата приносила значительные прибыли хазарским купцам. Возможно, венгры были не только поставщиками рабов, но и сами непосредственно занимались этим весьма прибыльным промыслом. Гардизи сообщает, что «венгры — огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут их в Рум и продают». Ситуация изменилась вследствие гражданской войны, разразившийся в Хазарии в начале IX в., когда военная аристократия, являющаяся потомками тюркских вождей, сподвижников царевича Ашина, подняла восстание против хазаро-иудейской правящей партии, представляющей интересы торговых общин. Большинство венгерских родов встало на сторону восставших тюрко-хазар, близких им по духу и образу жизни. В ходе жесточайшей войны восставшие тюрко-хазары, получившие название — кабары, и их союзники венгры, преследуемые нанятыми хазарами-иудеями печенегами, вынуждены были отступить в низовья Днепра и на побережье Черного моря. Часть отступающих венгров, спасаясь от преследования, вообще была вынуждена уйти за Днепр в страну

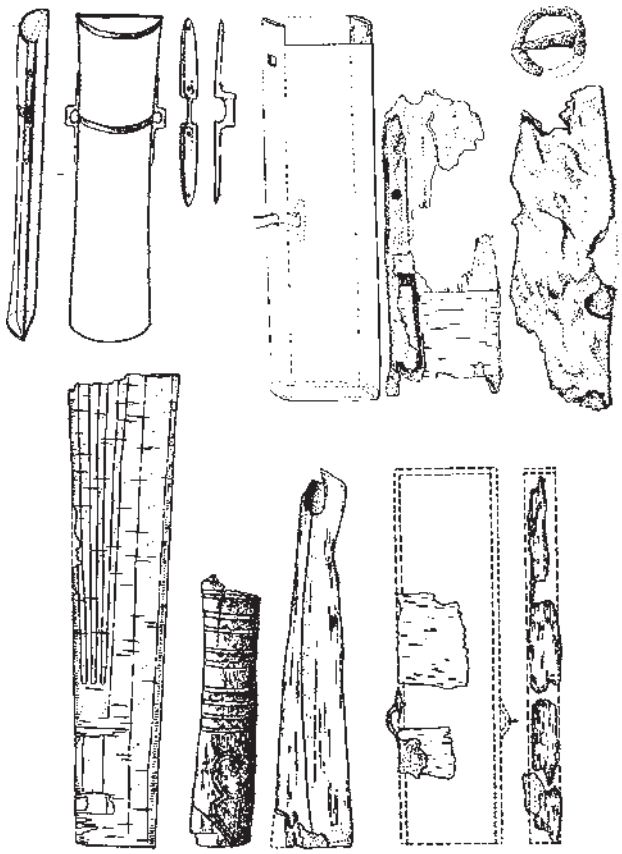
Леведию, граничащую с ослабленным в ходе непрестанных войн Аварским каганатом.

Являясь многочисленным родоплеменным образованием, во многом ориентированным на существование за счет ведения военных действий в качестве наемной силы и грабительских походов, венгры активно вмешивались в военные конфликты, происходящие между их соседями. К середине IX в. мадьярам, населяющим Леведию, удалось отторгнуть часть земель Аварского каганата и открыть путь своим набегам на Запад. В 863 г. мадьяры совместно с кабарами устрем-

ляются в набег на земли, некогда входившие в состав державы Карла Великого, и в сражении на Эльбе разбивают войско франков, вышедшее им навстречу. В 881 г. мадьяры и их кабарские союзники вторгаются на территорию современной Австрии и разоряют земли, лежащие близ Вены. В 899 г. с новой силой в Приднепровье вспыхивает война между мадьярами и печенегами, вынужденными отступать в низовья Днепра и на побережье Черного моря под натиском хазарского войска, усиленного наемниками из числа гуззов. В 894 г. мадьярский князь Арпада вместе со своим войском, нанятым византийским императором Львом VI, на византийских кораблях пересекает Дунай и вторгается в Болгарию, разбивает в сражении войска царя Симеона и, практически не встречая сопротивления, достигает Преславы. Венгерские всадники подвергают опустошению захваченные земли, набирают значительное число пленных и продают их в Византию. Заключив мир на выгодных для Византии условиях, мадьяры покидают Болгарию. В 895–897 гг. болгары совместно с печенегами наносят венграм ряд сокрушительных ударов, вследствие чего гибнет значительное количество венгерских женщин, детей и стариков, оставшихся без защиты ушедших в набег воинов. В 898 г. к мадьярам, в начале века переселившимся на запад, присоединились подвластные хазарам угорские племена, ранее оставшиеся на Южном Урале, Приуралье и землях между Волгой и Доном. Эти племена в ходе своего движения на запад прошли мимо Киева, разбили войска Олега Киевского (легендарного Вещего Олега), взяли с него откуп взамен обещания не разрушать город и продолжили свое движение далее.

В 899 г. мадьяры вторгаются в Паннонию и начинают расселяться по равнинной местности, продолжая вести кочевой образ жизни. Не успев обосноваться на вновь обретенной родине, они в 899–900 гг. заключают военный союз с Византией и вторгаются в Италию, которую подвергают массированному разграблению. К 906 г. мадьяры сокрушили славянское Моравское царство, включили в свой состав остатки аваров, ассимилировали подчиненное славянское население, создав тем самым предпосылки для образования нового венгерского этноса и новой европейской державы. Весь X в. военная удача находится на стороне венгров и их новой родины. В 910 г. венгры вторгаются в южную Германию, которую подвергают беспощадному разграблению. В 926 г. венгры совершают набег на Шампань во Франции. В 934 г. венгры совместно с печенегами начинают военные действия против Византийской империи, преследуя исключительно одну цель — обогащение в ходе набегов. Вялотекущая, сопровождаемая длительными перерывами, война длится около десяти лет и заканчивается миром с Византией. Несмотря на то, что ряд венгерских вождей с 40-х гг. X в. начинает принимать христианство и креститься в Константинополе, набеги венгров на христианские земли не прекращаются.

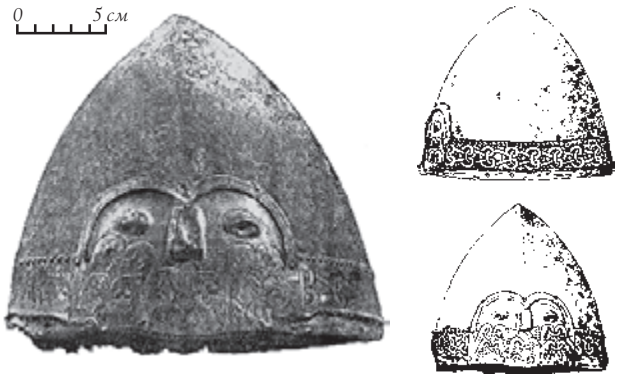
В 954 г. венгры вторгаются в Швабию и осаждают город Аугсбург на Лехе, обороной которого руководит епископ Ульрих. На помощь осажденным для деблокады города и отражения



Колчаны из погребений на Южном Урале. IX–X вв.

венгерского нападения двинулась армия германского короля Оттона I, по свидетельству современников, состоящая исключительно из конных воинов. В состав войска короля, разделенного на восемь отрядов, входили воины из Саксонии, Богемии, Швабии, Баварии, франкские рыцари и рыцари, принадлежащие непосредственно к свите короля. Численность объединенного германского войска выступившего в поход против венгров известный немецкий военный историк Ганс Дельбрюк определяет в 7—8 тысяч всадников, а также высказывает ничем не подкрепленное предположение, что венгров было несколько меньше. Узнав от предателей из числа германцев о приближении армии короля, венгры переправились на другой берег Леха и двинулись навстречу противнику. Первое сражение рокового для венгров 10 августа 955 г. развернулось на правом берегу Леха выше Аугсбурга, на Баварских землях вблизи Голленгофена. Венгры стремительно атаковали авангард армии Оттона, движущейся в походном порядке, однако были отброшены и, видя приближение остальных германских сил, отступили в свой лагерь, разбитый под стенами Аугсбурга. Столкновение было настолько стремительным, а произошедший бой столь скоротечным, что ни та, ни другая сторона не понесла сколь-либо существенных потерь. Зная о численном превосходстве противника, венгерские вожди приняли решение снять осаду, свернуть лагерь и немедленно начать отступление, дабы избежать окружения и разгрома. В это время войска короля Оттона, спустившись вдоль Леха ниже Аугсбурга, развернулись в боевые порядки у холма Гунценлее напротив бродов через реку. Таким образом, отступающие из-под города венгры вынуждены были прорываться через готовые к бою вражеские порядки. Предпринятый венграми обходной маневр с последующей атакой на лагерь войск Оттона, расположенный позади боевых порядков, не привел к изменению общей стратегической ситуации. Несмотря на то, что венграм удалось разбить богемцев, охраняющих обоз, они были обращены в бегство подошедшими франкскими воинами. Венграм, атаковавшим основные силы германской армии, не удалось ни разбить противника, ни прорваться через его боевые порядки. Рассеянные вследствие неудачной атаки венгры вынуждены были отказаться от дальнейшего сражения и стали отдельными группами переправляться через Лех и уходить в сторону Паннонии. Король Оттон приказал организовать преследование отсту-

Эфес и детали ножен так называемой «сабли Карла Великого», оформленные в «венгерском стиле». X — начало XI вв. Долгое время входили в состав реликвий императоров Священной Римской империи германской нации. Хранится в Вене



Шлем из Немеи. Конец X — начало XI вв.

пающих венгров, вследствие которого, через некоторое время после сражения, баварцы под предводительством Генриха Баварского настигли один из отступающих отрядов и захватили в плен венгерских вождей вместе с верховным вождем Леле.

Успешные действия германской армии, ее высокая боеспособность заставили венгров на длительное время отказаться от грабительских набегов на земли, подвластные германским императорам. Тем более, что все чаще политические и военные амбиции венгерских вождей заставляли обращать внимание не на хорошо защищенные западные земли, а на территории Балканского полуострова, которые были ареной непрерывных столкновений между Византийской империей и Болгарским царством. В 968 г. венгры вместе с русами Святослава и печенегами вторглись в Болгарию.

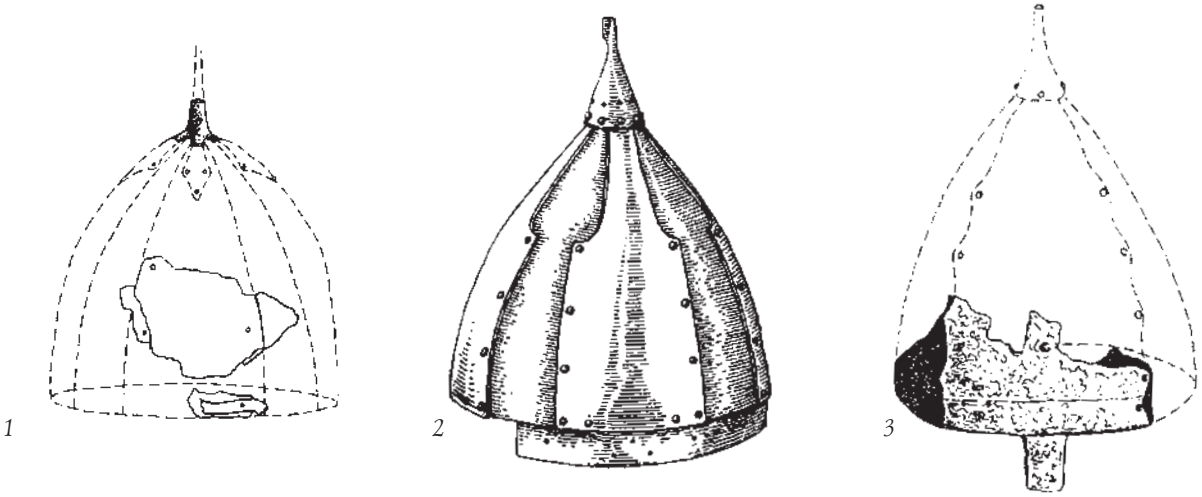
В течение двух лет венгры подвергали опустошительным набегам пограничные земли Византийской империи, вторглись во Фракию и Македонию, но разбитые византийскими отрядами вынуждены были отступить. В 972 г. вождем объединенных венгерских родов был избран Гейза I из правящего рода Арпадов, политика которого была направлена на упрочнение центральной власти и уменьшение влияния родовых образований (родовых советов). Возникшие в результате действия Гейзы I по упрочнению централизованной власти военные столкновения между его сторонниками и противниками вынудили венгров приостановить набеги на сопредельные земли. Предпринимая решительные действия по укреплению верховной власти, Гейза I стал искать политических контактов с западными державами и обращаться за помощью к представителям германской знати. Некоторая часть германских феодалов выступила на стороне венгерского правителя и, возможно, была пожалована ленными владениями на территории Венгрии. Сын и преемник Гейзы I, Стефан I (Иштван, 997–1038), крещенный по римскому церковному обряду, уже при рождении получил от папы Сильвестра II корону и титул короля. Король Стефан I активно проводил в жизнь политику укрепления власти римско-католической церкви и феодализации общества. Все свободные земли и люди были объявлены собственностью короны и могли быть проданы либо пожалованы представителям новообразующейся феодальной знати. Король лично раздал значительное количество земель своим дружинникам, заложив тем самым условия для скорейшего формирования военно-служилого дворянства. Стефан I окончательно упразднил совет племенных старейшин, заменив его постоянно действующим королевским советом, состоящим из выбираемых королем представителей церкви и феодальной знати. Руководил советом назначаемый королем «первый министр» — палатин. Территориально-общинные организации (комитаты) легли в основу административно-территориального деления страны и одновременно были превращены в военные округа. Руководство округом было поручено ишпану (жупану), обладавшему как военными, так и гражданскими полномочиями. Укрепленный замок ишпана, как правило, находился в центре комитата, а вокруг него располагались земли боеспособного мужского населения, которое по первому требованию ишпана отправлялось вместе с ним в поход. Введение военных округов с постоянно проживающим на их территории воинским контингентом, имеющим земли в кормление в обмен на постоянное несение воинской повинности, благотворно отразилось на боеспособности Венгерского государства. В 1030 г. венгерская армия нанесла сокрушительное поражение вторгшейся на ее территорию армии германского императора Конрада II.

Процесс феодализации общества Венгрии протекал отнюдь не всегда гладко. После смерти Стефана I на престол Венгрии вступил его племянник Пётр — сын сестры Стефана и венецианского дожа. Пётр не питал особых теплых чувств к своим внезапно обретенным венгерским подданным,

отдавая предпочтение представителям германской феодальной знати. Подобное положение вещей не могло не привести к народным волнениям. В 1041 г. вспыхнуло восстание, возглавляемое Абой Шамуелем, потомком одного из венгерских родовых старейшин. Петр был изгнан из страны, и Аба Шамуель занял венгерский трон, планомерно начав проводить политику восстановления общинной собственности на земли. Подобное положение вещей не могло устраивать представителей феодальной знати, вследствие чего они обратились за помощью к германскому императору Генриху III. Войска императора вторглись на территорию Венгрии и разбили повстанцев. Аба Шамуель был захвачен императорскими войсками и казнен. На венгерский престол вернулся ранее изгнанный из страны король Петр.

Возвращение на престол непопулярного в народе монарха и возобновление политики репрессий в отношении простонародья вызвало новое восстание. В ходе восстания Петр был схвачен, свергнут с престола и ослеплен, многие его сторонники из числа духовенства и феодальной знати были перебиты восставшими. На венгерский престол был приглашен венгерский принц Андраш, в свое время изгнанный из страны Стефаном I и нашедший пристанище при дворе Киевского князя. Воцарившись на венгерском престоле, Андраш начал планомерно проводить политику феодализации общества, начатую еще при короле Стефане I. Новое народное восстание привело к тому, что в 1061 г. венгерский трон занял король Бела I, вынужденный под угрозой очередного восстания учредить новый государственный институт — народное собрание — и снизить налоги. Однако подобное положение вещей просуществовало недолго — восстание все же вспыхнуло, и в ходе его народное ополчение было разбито королевскими отрядами.

В последнее десятилетие XI в. феодализация венгерского общества окончательно завершилась, и наличие свободных крестьян в этой полностью приобретшей европейский облик стране приобрело характер исключительного явления. Вместе с изменением общественного устройства изменился и облик венгерской армии. Первоначально к моменту «обретения родины» венгерская армия представляла собой совокупность отрядов мадьярских кочевых племен и родов, в подавляющем большинстве не имеющих защитного снаряжения и действующая преимущественно в россыпном строю. К середине XI в. ситуация изменилась, несмотря на некоторые сохранившиеся рудиментарные черты, доставшиеся в наследство от кочевого прошлого (стиль украшения оружия, наличие сложносоставных луков, сабель, пик и боевых топориков), облик венгерского феодального конного воина мало чем отличался от своего германского соседа. Соответствующим образом изменилась и тактика действия конных



Шлемы из мадьярских погребений на Южном Урале. IX—X вв.
1 — Лагеревский курганный могильник, курган № 31; 2 — Житимакский курганный могильник, погребение № 1; 3 — Каранаевский курганный могильник, погребение № 6

отрядов. На смену рассыпному строю кочевников пришел более сплоченной строй раннефеодальной европейской конницы.

В XI в. основу венгерской армии составляли разрозненные дружины свободных членов мадьярских племен и родов. Руководство этими легковооруженными конными массами осуществлялось вождями из числа военной верхушки родоплеменной знати. С момента «обретения родины» (конец XI—начало X вв.) общее руководство всеми разрозненными военными отрядами мадьяр стало осуществляться верховным военным вождем. Верховный вождь выбирался на совете старейшин из числа наиболее отличившихся в военном отношении претендентов. Немалую роль в выборе вождя играла численность и военная отвага и удача племени, из которого происходил кандидат на роль верховного вождя. С началом формирования государства на территории Паннонии и разделения страны на комитаты все большую роль в управлении войсками стали играть управители областей — ишпаны, выдвигаемые правителем, так же из числа родоплеменной знати. Титул верховного вождя стал фактически наследственным и переходил от одного представителя рода Арпада и к другому. Будучи верховными вождями всех мадьярских племен, представители рода Арпада вплоть до возвышения Гейзы I обладали всей полнотой власти только в одном племени, откуда собственно и происходил их род. Остальные мадьярские племена управлялись своими вождями, в дела которых верховный вождь имел право вмешаться только в случае всеобщей военной угрозы. С упрочнением власти верховного вождя военные племенные вожди перестают играть сколь-либо заметную роль в военной жизни страны и не осмеливаются на самостоятельные набеги на земли соседей без соответствующего одобрения со стороны верховной власти. С момента перерождения власти верховного вождя в королевские полномочия и феодализации венгерского общества меняется принцип организации войска и основы его управления. Структуру войска стали составлять не племенные ополчения, а дружины феодалов, являющихся приближенными короля, и отряды, находящиеся в ведении управляющих военными округами (иштанов). Соответственно, и командование военными формированиями из рук родоплеменной знати перешло к назначаемым королем военачальникам, командирам округов (комитатов) и командирам собственных феодальных дружин.

Сабля из захоронения венгерского воина. X в. Хранится в Венгерском национальном музее

О численности венгерского войска в период с IX по XI вв. нет сколь-либо достоверных сведений, мы можем только предполагать, что численный состав мадьярских дружин был не меньше, чем военные контингенты их противников, иначе вряд ли венграм удалось бы успешно противостоять болгарам, византийцам, германцам, а в свое время избежать полного истребления со стороны хазар и печенегов. Гипотетически можно предположить, что в период «обретения родины» объединенные военные силы мадьярских племен были в состоянии выставить до 20—30 тысяч, возможно, несколько больше, воинов. Подобная численность не кажется такой уж фантастической, достаточно вспомнить, что численность византийских армий в IX—X вв. могла достигать 20—60 тысяч. В период феодализации венгерского общества численность армии должна была значительно сократиться, что связано с уменьшением количественного состава свободных общинников, составляющих основу раннефеодальных армий. По всей видимости, в XI в. численность венгерской феодальной армии не превышала 10—15 тысяч человек.

Основу стратегии мадьяр в период «обретения родины» составляли стремительные рейды на «вражеские территории», цель которых заключалась преимущественно в захвате добычи с последующим отходом на уже подвластные земли. Если противник оказывался слабым,

неспособным к длительному сопротивлению и маневренной войне, то его земли могли быть захвачены на длительный срок, а население угнано в рабство. В некоторых случаях земли включались в состав венгерской державы и уже считались своими. Именно так обстояло дело с захватом земель Великоморавского славянского государства князя Прибины.

На раннем этапе развития венгерского общества тактика действий мадьярской конницы при непосредственном столкновении с противником была идентична тактике современной ей легкой конницы кочевников. Наличие лука в качестве основного оружия определяло характер боя, который подразумевал стремительные атаки с массированным обстрелом противника, притворное бегство и фланговые охваты. Незначительное количество оборонительного снаряжения, обнаруженного в венгерских погребениях IX – начала XI вв. в сочетании с высоко развитым комплексом оружия ближнего (рукопашного) боя (мечи, сабли, копья, пики, боевые топоры) позволяет высказать предположение о скоротечном характере рукопашной схватки, практикуемой венграми. В противном случае, несмотря даже на высокую степень подготовленности воина, отсутствие защитного снаряжения неминуемо приведет к ранениям различной степени тяжести. В период феодализации общества возрастает роль тяжеловооруженной конницы, укомплектованной преимущественно представителями военно-феодальной знати. Венгерские военные формирования в этот период все чаще начинают приобретать европейский облик, как в плане организации и тактики, так и в области вооружения. Меч активно вытесняет саблю, тяжелое копье легкую пику, а массированная копейная атака новорожденной феодальной конницы все чаще способствует достижению победы в сражении. Лук утрачивает свое доминантное положение в качестве основного оружия венгерской конницы, в то время как холодное оружие приобретает все большое значение.

Метательное оружие венгров состояло из сложносоставных луков сигмообразной формы, длина которых с надетой тетивой колебалась в пределах 900–1200 мм. Конструктивно венгерские луки близки сложносоставным лукам «хуннского» либо «тюркского» типов. Имеющиеся конструктивные различия легко объяснимы временными трансформациями и национальными особенностями в обработке и подборе материалов, используемых при изготовлении оружия. Мадьяры первоначально носили луки со спущенной тетивой в чулкообразных налучах, впоследствии (к середине X в.) повсеместное распространение получили налучи кабуровидной формы, в которых лук мог носиться с надетой тетивой. На внешней стороне кабуровидного налуча мог располагаться карман для запасной тетивы круглой формы. Внешняя сторона многих венгерских кабуровидных налучей украшалась значительным количеством фигурных блях, изготовленных из цветных и драгоценных металлов. В ряде случаев бляхи покрывались орнаментом, а также чернились и золотились. Налучи, как правило, подвешивались с правой стороны на поясе воина посредством специальных ремней. Венграми использовались колчаны двух форм. К первой группе могут быть отнесены колчаны несколько уплощенной цилиндрической либо трапециевидной формы. Данные колчаны изготавливались из дерева, бересты, кожи, устье и нижний край могли отделываться металлом. Крепление к поясу осуществлялось посредством двух скоб, расположенных параллельно на боковых плоскостях у его устья. Во вторую группу могут быть отнесены трапециевидные либо усеченно-конические по форме берестяные колчаны, устье которых могло оснащаться своеобразными «карманами», нередко закрываемыми крышками. Корпус колчана мог расписываться красками или отделываться кожаной аппликацией. Крепились к поясу данные колчаны посредством двух костяных либо металлических петель, укрепленных на одной из боковых поверхностей его корпуса.

В состав комплекса холодного оружия мадьяр входили первоначально палаши, а впоследствии сабли, мечи, а также копья, пики и топоры.

Палаши использовались мадьярами до момента вытеснения их саблями, ставшими доминантным длинноклинковым холодным оружием в первой четверти X в. В собственно мадьярских погребениях (или причисляемых к числу таковых) палаши встречаются крайне редко, и во многом об их конструктивных особенностях мы можем судить по памятникам степного круга, расположенным на территориях, по которым осуществлялось движение венгров до момента «обретения

родины». Палаши, рассматриваемые нами в качестве оружия мадьярской, а впоследствии венгерской конницы, конструктивно состоят из клинка, эфеса и носились в ножнах. До конца IX в. палаши обладали прямыми клинками длиной от 650 до 800 мм, шириной 30–40 мм, острие которых образовывалось плавным закруглением лезвия в месте схождения с обухом. Толщина клинка у эфеса достигала от 4 до 8 мм. Сечение клинков было преимущественно подтреугольным (клиновидным), однако встречались клинки и линзовидного сечения. Крестовина эфеса могла изготавливаться из стали, цветного, а в некоторых случаях и драгоценного металла. Бытовали крестовины прямоугольной (брусковидной) и ладьевидной формы (сужающиеся к концам). Последние могли оканчиваться трапециевидным, сердцевидным или шаровидным расширением. Центральная часть ладьевидных крестовин могла расширяться, образуя ромбовидное перекрестье. Перекрестье и концевые фигурные элементы крестовины могли отделываться вставками из цветного стекла или камня (полихромный стиль). Рукоять изготавливалась из дерева либо кости. Деревянная рукоять могла покрываться тканью либо кожей, крепление всадной рукояти обеспечивалась плотной клеевой посадкой последней на хвостовике клинка с последующей фиксацией, как правило, одной заклепкой (на хвостовиках некоторых палашей и сабель не выявлено каких-либо отверстий под заклепку). Навершие данных палашей имело цилиндрическую форму, однако можно допустить бытование подобных элементов и грушевидной формы. В X в. в конструкции палашей произошли определенные изменения, которые привели к появлению более длинных клинков, острие которых образовывалось плавным закруглением лезвия и вогнутого скоса обуха, как правило, обладающего фальшьлезвием, образованным двусторонней заточкой. Крестовины ладьевидной формы в большинстве случаев стали дополняться ромбовидным перекрестьем. Широко распространенные концевые утолщения крестовины, помимо шаровидной и сердцевидной, приобрели еще и каплевидную форму. Рукоять стала дополняться нижней фигурной металлической обоймой, нередко выполняемой как единое целое с крестовиной и выглядевшей как одноплечее перекрестье. Фигурный ряд наверший палашей добавился навершиями грушевидной и усеченно-конической (наперстковидной) формы. В некоторых случаях навершие вместе с рукоятью стало крепиться к хвостовику клинка одной и той же заклепкой, головка которой оформлялась в виде темлячного кольца. Металлические детали эфесов венгерских палашей X в. могли покрываться орнаментом в растительном, зверином или зооморфном стиле. Ножны палашей повторяли своими очертаниями контур клинка, изготавливались из дерева и обтягивались кожей или тканью. Металлические детали ножен включали в себя наконечник цилиндрической либо усеченно-конической формы, устье (преимущественно цилиндрической формы) и две П-образные скобы, посредством которых ножны крепились к портупейному или поясному ремню.

Сабля X в. из захоронения венгерского вождя, обнаруженного в Земплине, район Требишов, Словакия. Хранится в Институте археологии САН, Нитра

Сабли венгров помимо своей чисто утилитарной, оружейной функции, в большинстве случаев должны были подчеркнуть и социальный статус своего владельца, что не могло не сказаться на их внешнем виде. Многие дошедшие до нас образцы венгерских сабель представляют собой подлинные шедевры прикладного искусства, богато украшенные в растительном, зверином и зооморфном стиле, при изготовлении которых использовались драгоценные металлы — серебро и золото. Активно при оформлении металлических элементов использовалось такие приемы, как чернение и золочение. Клинки венгерских сабель имеют незначительную кривизну (нередко около 10 мм) и длину клинка в 700–850 мм при ширине 25–30 мм. Толщина клинков у основания (эфеса) может колебаться в пределах 5–8 мм. Острие клинка образуется либо схождением

линии обуха и плавным закруглением лезвия, либо постепенным закруглением лезвия и выгнутого скоса обуха. В большинстве случаев скос обуха имеет фальшлезвие, образованное двусторонней заточкой. Конструкция клинка могла дополняться одиночным долом на боковых поверхностях клинка и незначительно выраженной елманью[1]. Поверхность клинка могла фрагментарно золотиться и орнаментироваться. Сечение клинка имело подтреугольную форму. Эфес состоял из крестовины (зачастую с перекрестьем), навершия и рукояти, нередко отделанной металлическими кольцами, обоймами и накладками. Крестовина ладьевидной формы зачастую оканчивалась утолщениями шаровидной, грушевидной или каплевидной формы. Концы сабельной крестовины могли быть опущены вниз. Перекрестье ромбовидной формы могло заменяться на обойму рукояти или накладку сложнофигурной формы, находящую на крестовину или основание рукояти. В некоторых случаях сабельные крестовины могли изготавливаться из дерева либо кости и покрываться металлическими обкладками.

[1] Елмань — расширение к концу сабельной полосы.

Сабельные рукояти изготавливались из кости или дерева, иногда обтянутого тканью либо кожей. Рукоять имела небольшой наклон и крепилась к хвостовику клинка всадным способом с последующей фиксацией, как правило, одной заклепкой. Оконечность рукояти венчало навершие грушевидной, шаровидной, наперстковидной формы. Ножны сабель повторяли своими очертаниями контур клинка, изготавливались из дерева и обтягивались кожей или тканью. Металлические детали ножен включали в себя наконечник цилиндрической, усеченно-конической формы, устье (преимущественно цилиндрической формы) и две П-образные скобы, посредством которых ножны крепились к портупейному или поясному ремню. Наконечники сабельных ножен могли иметь значительные размеры, доходящие до $^1/_3$, $^1/_5$ от общей длины ножен. Наконечники усеченно-конической формы могли оканчиваться шаровидными утолщениями существенных размеров.

Мечи, использующиеся венгерскими всадниками, условно можно разделить на три группы. К первой группе будут относиться мечи с узкими клинками, преимущественно линзовидного сечения, эфес которых конструктивно близок либо аналогичен эфесам венгерских сабель и палашей. Во вторую группу будут входить мечи с клинками, характерными для так называемых мечей эпохи каролингов, имеющих повсеместное хождение на территории Европы и Руси. Несмотря на европейское происхождение клинков, эфесы мечей данной группы аналогичны сабельным. Третью группу мечей составляют мечи европейских форм и конструктивных особенностей (так называемые «каролинги»). Эфесы многих из данных мечей, бытовавших в среде мадьярских воинов, оформлены в так называемом «венгерском», преимущественно растительном стиле. Значительное распространение в среде венгерских всадников мечи общеевропейского облика получили в XI в., когда племенное ополчение стало заменяться феодальной конницей западноевропейского облика.

Сабля X в., обнаруженная в Трновце над Вагом, район Галанта, Словакия. Хранится в Институте археологии САН, Нитра

Меч, снабженный сабельной гардой из захоронения венгерского воина, X в. Хранится в Венгерском национальном музее

Копья, имевшие незначительное распространение в среде венгерских всадников до периода истории, когда стремительно стала происходить феодализации армии, имели наконечники, состоящие из втулки и пера вытянуто-треугольной, лавролистной, иволистной либо ланцетовидной формы. Наличие в среде венгерских всадников наконечников копий с пером ланцетовидной формы объясняется контактами с носителями североевропейской военной культуры, к коим относились жители скандинавских и балтийских земель, а также русы. Данным влиянием можно объяснить и наличие на втулках наконечников некоторых копий, обнаруженных в венгерских захоронениях, следов орнамента, образованного таушировкой[1] цветного и драгоценного металлов, а также крыловидных выступов. В среде венгерской феодальной конницы копья с пером вытянуто-треугольной и иволистной формы получили наибольшее распространение.

Наконечники пик (в единичных экземплярах), обнаруженные в мадьярских погребениях, имеют небольшие размеры и состоят из втулки и пера пирамидальной формы, ромбовидного либо квадратного сечения. Длина древка венгерских пик и копий до второй четверти XI в. вряд ли превышала 2,5–3 м.

Под влиянием контактов с представителями булгарской, хазарской и аланской военной знати у мадьярских всадников получили распространение боевые топоры небольших размеров, с обухом, который был снабжен молотовидным либо клиновидным конструктивным элементом (так называемые «чеканы»). Возможно, что, как и в среде аланской знати, данное оружие призвано было подчеркнуть определенный социальный статус его владельца — принадлежность к числу военной аристократии или племенной верхушке.

Комплекс защитного снаряжения венгров в период IX–XI вв. включал в себя кольчуги, ламеллярные панцири, стеганые поддоспешные куртки и шлемы, возможно, щиты. Кольчуги, бытовавшие в среде венгерских воинов, до XI в. обладали коротким подолом и рукавами, позднее в среде феодальной конницы наибольшее распространение получило защитное снаряжение, снабженное длинными рукавом и подолом.

Ламеллярные панцири мадьярских воинов изготавливались из узких пластин (прямоугольных и прямоугольных со скругленным верхним краем), соединенных между собой веревками либо кожаными ремешками. Конструктивно мадьярские панцири могли представлять собой корсет-кирасу (с прошнурованными длинными трапециевидными набедренниками), короткий жилет (пончо) либо длиннополый кафтан без рукавов с осевым разрезом спереди. У мадьяр, осевших в Паннонии, ламеллярные панцири не имели сколь-либо широкого распространения, конечно же сильно уступая в популярности кольчуге, что, по всей видимости, объясняется всевозрастающим влиянием европейских традиций в области формирования комплекса вооружения.

Мадьярские шлемы рассматриваемого периода имеют клепано-сегментную либо монолитную конструкцию. Более подробную информацию о строении шлемов клепано-сегментной конструкции, бытовавших у мадьярских всадников, мы можем получить на основании изучения единичных экземпляров, происходящих с территории Южного Урала и современной Венгрии. С территории Южного Урала происходят шлемы, обнаруженные в археологических памятниках Житимак, Легерево, Каранаево. Шлем из Каранаево, несмотря на то, что он был обнаружен на территории курганного могильника, в одном из погребений которого была найдена монета конца X в., конструктивно (наличие наносника и волнистых вырезов на сохранившемся фрагменте лобной пластины) восходит к шлемам более ранней эпохи (шлемы типа найденного в кургане «Черная могила» и из Казазово, Кавказ). В археологическом музее в венгерском городе Печь хранится шлем, конструктивно относящийся к той же группе, что и шлем из кургана «Черная могила» в Чернигове. Все упомянутые нами шлемы клепано-сегментной конструкции, обнаруженные в памятниках мадьярского или предположительно мадьярского круга, характеризуются сфероконической формой различной степени выраженности, а также наличием корпуса, собранного посредством заклепок из четырех либо восьми частей и увенчанного навершием. Шлем из Легерево снабжен прямоугольной пластиной, прикрепленной к нижнему краю затылочной области венца,

[1] Таушировка — насечка металлической фольги или проволоки.

которая, скорее всего, предназначалась для крепления бармицы к шлему. Особенность конструкции шлема из Каранаево заключается в наличии наносника Т-образной формы. Шлем из археологического музея в городе Печь характеризуется металлическими скобами, предназначенными для крепления бармицы, равномерно распределенными по всей окружности нижнего края венца, что позволяет предположить наличие круговой бармицы, закрывающей не только шею, но и лицо воина.

В конце X в. в среде венгерских воинов, под влиянием контактов с носителями военной культуры Западной Европы, стали распространяться шлемы монолитной конструкции куполовидной формы. С венгерскими всадниками принято связывать один шлем подобной конструкции, обнаруженный в Немии. От конструктивно близких шлемов, обнаруженных на территории Европы (шлемы из Олмутца, так называемые шлемы Святого Вацлава, из коллекции фон Кинбуша и др.), данный шлем отличается сравнительно невысоким корпусом, отсутствием подпрямоугольного наносника и наличием двух орнаментированных накладок, прикрепленных к венцу. Орнамент накладок представляет собой сочетание стилизованного растительного орнамента и антропоморфного изображения человеческого лица, расположенного в лобной части шлема. Характерным для шлемов данной группы является наличие четко выраженного центрального вертикального ребра, проходящего в области тульи. Шлемы именно такой конструкции получили наибольшее распространение в среде западноевропейской феодальной конницы в XI в.

Щиты, по всей видимости, не имели сколь-либо значительного распространения в среде венгерских всадников до момента формирования феодальной конницы, оснащенной и организованной по европейскому образцу, в среде которой щит (в XI в. преимущественно миндалевидной формы) занимал важное место.

Цветная вкладка *(стр. 30)*

Облик воина позволяет составить представление о комплексе вооружения венгерского знатного всадника второй половины X в.

Металлическое защитное снаряжение воина представлено кольчугой и шлемом. Кольчуга, обладающая коротким рукавом и подолом, надета поверх короткорукавой поддоспешной стеганой рубахи (ее наличие является гипотетическим допущением). Сфероконический шлем всадника имеет сегментно-клепаную конструкцию и состоит из четырехчастного корпуса и воронковидного навершия (шлем из Археологического музея в городе Печь, Венгрия). Под волнистые боковые края лобной и затылочной пластин данного шлема подложены выступающие медные полосы, имеющие волнистый край и прочеканенные полусферическими выступами. Навершие шлема отделано подтреугольными вырезами, идущими по нижнему краю. К нижнему краю шлема посредством кожаной полосы, надетой на специальные скобы (проволочные кольца), крепится сплошная круговая бармица, полностью закрывающая лицо воина (гипотетическое допущение).

Вооружение всадника состоит из лука, меча, копья и топорика. Сложносоставной лук сигмообразной формы убран в кобуровидный колчан, отделанный серебряными с позолотой бляшками, повешен на заднюю луку седла. Меч состоит из клинка (длина клинка 850 мм, ширина 50 мм), изготовленного в рейнских мастерских, и сабельного эфеса местного венгерского производства. Копье снабжено наконечником, состоящим из конусовидной втулки, отделанной линейным ту-

шированным орнаментом, и ланцетовидного пера. К верхней части древка прикреплен флажок, украшенный вышитым изображением сокола. Топорик воина, по всей видимости, изготовлен на территории Северного Кавказа или в Предкавказье, на что указывает его общая форма и конструкция.

Пояс воина украшен многочисленными серебряными бляхами, покрытыми стилизованным растительным орнаментом и частичной позолотой. Данный богато выполненный пояс призван подчеркнуть высокий социальный статус своего владельца, входящего в состав родоплеменной или межплеменной военной знати. К поясу подвешена не менее богато украшенная гравированным и чеканным растительным и звериным орнаментом поясная сумочка (так называемая «ташка»), клапан которой изготовлен из металла (найдена в Поволжье). Рукоять плетки, надетой на правую руку воина, украшена костяным стилизованным изображением совиной головы.

Цветная вкладка *(стр. 31)*

Изображен мадьярский всадник конца IX – начала X вв., в основу реконструкции облика которого положены археологические находки, происходящие из предположительно мадьярских погребений с территории Южного Урала.

Корпус воина защищает кольчуга с коротким рукавом и подолом (курган № 31 Легеревского курганного могильника), поверх которой надет безрукавный кафтан, застегивающийся на пуговицы. На голове всадника шлем клепано-сегментной конструкции. Корпус шлема склепан из четырех частей таким образом, что лобовая и затылочная пластины, имеющие волнистый край, находят на боковые пластины. Конструкция шлема дополнена воронковидным навершием и Т-образным наносником. Шею воина защищает бармица, пришнурованная к кожаной полосе, которая в свою очередь крепится к нижнему краю венца шлема посредством шнуровки через пробитые в нем отверстия (реконструкция предполагаемого облика шлема из насыпи кургана № 6 Каранаевского курганного могильника). Шлем не имеет подшлемника и надет на головной убор кочевника, представляющий собой конусовидный колпак, изготовленный из войлока либо шерстяной ткани и отороченный по нижнему краю мехом. Воин вооружен сложносоставным луком сигмообразной формы, убранным в расчехленный кобуровидный налуч. Стрелы убраны в трапециевидный колчан, изготовленный из дерева, бересты; колчан обтянут кожей и снабжен металлическими деталями (погребение 1 кургана № 7 Каранаевского курганного могильника).

Комплекс холодного оружия воина состоит из палаша, боевого топорика и пики. Эфес палаша состоит из ладьевидной крестовины с уплощенными, незначительно расширяющимися концами, прямой деревянной рукояти и грушевидного навершия (погребение 4 кургана № 7 Каранаевского курганного могильника). Топорик, которым вооружен воин, происходит из кургана № 16 Легеревского курганного могильника, а пика была обнаружена в насыпи кургана № 7 Каранаевского курганного могильника.

Конница Византийской империи

X в.

К X в. Византийская империя достигла небывалого военного могущества и впечатляющих успехов, вылившихся в значительные территориальные приобретения. Сражающаяся на два фронта на Востоке и Западе византийская армия, несмотря на мелкие неудачи и отдельные проигранные сражения, неизменно выходила победителем в ходе многочисленных военных кампаний. Армия была не только многочисленной, но и относительно хорошо вооруженной (в особенности элитные подразделения), организованной и для своего времени достаточно хорошо оплачиваемой. Являясь прямой наследницей армии поздней Римской империи, византийская армия в стратегическом и тактическом плане превосходила своих противников, в особенности многочисленных, но достаточно плохо вооруженных и организованных кочевников, непрестанно беспокоящих ее западные рубежи. Впрочем, справедливым будет замечание о том, что, несмотря на значительное теоретическое военное наследие, разумное структурное деление и существенную численность, византийская армия не была застрахована от военных неудач вследствие просчетов безграмотного руководства и плохой выучки личного состава.

В немалой степени военные успехи византийского оружия были обусловлены тем, что на протяжении всего X в. базилевсами (императорами) Византии были люди, наделенные незаурядным полководческим талантом. Императоры Никифор Фока, Василий II Болгаробойца и Иоанн Цимисхий были не столько государственными деятелями, сколько блистательными воинами. Особо впечатляющих военных успехов Византийская империя достигла в ходе войны с Арабским халифатом. И если в начале X в. исламский мир еще успешно противостоял византийской экспансии, то со второй четверти столетия Византийская империя переходит в решительное наступление. С 942 г., с момента взятия Мальты византийскими войсками, империя непрерывно теснит своих исламских противников. В 943 г. под угрозой разорения оказывается Нубия и соглашается выплачивать дань империи. К 955 г. Византия овладевает пограничным нубийским городом Ибримом. Особых успехов на Востоке византийская армия достигла при Никифоре Фоке. В 961 г. войска Никифора занимают Алеппо, в 968 г. Византии покоряются города Хама и Химс, где победители захватывают христианскую святыню, голову Иоанна Крестителя. В этот же год армия Никифора берет Латакию, а в последующую зиму захватывает Антиохию. В 972 г. императорские войска подвергают разграблению и опустошению Нисбин и угрожают Багдаду. В 974 г. войска Иоанна Цимисхия завоевывают Баальбек и Бейрут и накладывают на Дамаск обязательство уплаты дани в размере 60 тысяч динаров в год.

На западном фронте Византийской империи успехи были не столь впечатляющими. Находящегося в распоряжении командующего западной группы войск военного контингента хватало толь-

ко на поддержание шаткого равновесия сил в противостоянии с непрерывно накатывающимися волнами печенегов и мадьяр, видевших в разграблении западного пограничья империи легкий путь обогащения. В немалой степени успешной политике сдерживания кочевников способствовала тактика натравливания одних на других, наем кочевников на службу и прямой денежный откуп в обмен на обещание не трогать пограничье империи. Подобная тактика полностью не исключала военной угрозы со стороны кочевников, но давала возможность выиграть время для подготовки западной группы войск к отражению вторжений. Наиболее серьезным противником Византийской империей на Западе являлось Болгарское царство, вооруженное противостояние с которым длилось несколько столетий. Своего апогея противостояние в X в. между болгарами и Византийской империи достигло в период правления болгарских царей Симеона и Самуила. Успехи последнего во многом объясняются ослаблением Византии, непосредственно связанным с восстанием Варды Склира.

В 967–972 гг. Византийской империи помимо войны на востоке против исламских эмиров и Арабского халифа приходится противостоять Святославу Игоревичу, киевскому князю, дружины которого вначале вторглись в Болгарию, а затем, заручившись поддержкой населения, начали наступления на византийские земли. Союзные Святославу печенежская и мадьярская конницы совершали непрерывные глубокие рейды по византийскому пограничью. Угроза империи со стороны Святослава и его союзников, по всей видимости, была настолько велика, что на западный театр военных действий вынужден был прибыть сам император (Иоанн Цимисхий) и перебросить с ближневосточного театра военных действий отборные войска, закаленные в многочисленных сражениях с мусульманскими воинами. В битве под Доростолом дружины Святослава были разбиты и по условиям заключенного мирного договора вынуждены были оставить Болгарию. В победе над войсками киевского князя, как и в успешных воинах на Ближнем Востоке и в Африке, особую роль сыграла византийская кавалерия, переживающая в X в. период своего расцвета. Будучи в этот период времени, пожалуй, самым многочисленным родом войск византийской армии, традиционно имеющей еще и сильную, хорошо организованную и вооруженную пехоту, византийская кавалерия являлась серьезным противником и мощной ударной военной силой империи.

Несмотря на то, что византийцы во многих областях жизни придерживались традиций, зародившихся еще во времена императорского Рима, и даже продолжали называть себя римлянами, организация и структура Византийской армии была абсолютно самобытной и существенно отличалась от римской. Достаточно одного того факта, что даже в армии поздней империи и периода Домината (абсолютизма) кавалерия никогда не играла той привилегированной роли, которую она занимала в армии Византии. Впервые принципы организации византийской кавалерии и армии в целом были сформулированы в конце VI – начале VII вв.

Изображение византийских гвардейцев конца IX в. Манускрипт № 61. Хранится в монастыре Пантократора

в руководстве, приписываемом императору Маврикию[1]. Основные принципы организации армии, описанные в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия сохранились до X в., о чем свидетельствует их практически дословное повторение в знаменитой «Тактике» императора Льва VI, датируемой концом IX—началом X вв.

Согласно «Тактике», основной тактической единицей кавалерии и пехоты являлся «бандон» (либо «банда», от немецкого — знамя), в состав которого предположительно входило 300 всадников. Бандон, в свою очередь, подразделялся на 6 «аллагхий» по 50 человек в каждой. Аллагхий состоял из 5 декарх по 10 человек. Крупные кавалерийские соединения состояли из нескольких бандонов, объединенных в «мойры», «турмы» или «тагмы» (полки). В состав мойры входило от 2 до 3 бондонов, а турма состояла из 3 мойр.

Наиболее привилегированными кавалерийскими соединениями были турмы, входящие в состав караульных подразделений, базирующихся в Константинополе. Данные соединения носили общее название «тагмата» и составляли ядро византийской армии в X в. Кавалерийские полки, входившие в состав «тагматы», назывались «Скола», «Экскубити», «Аритмос», «Икантой».

К X в. элитные константинопольские полки насчитывали уже не одно десятилетие своего существования. Из перечисленных четырех константинопольских кавалерийских полков «Скола» был самым привилегированным и старейшим, предположительно существовавшим уже в начале V в. Полк «Экскубити» также был учрежден в V в. во времена правления императора Льва I и был вторым по старшинству после полка «Скола». Полк «Аритмос», известный по еще одному своему имени — «Вилга», появился в составе константинопольского гарнизона во второй половине VI в. Самым «молодым» из полков «тагматы», возникшим позже других, был полк «Икантой», учрежденный в начале IX в. императором Никифором I.

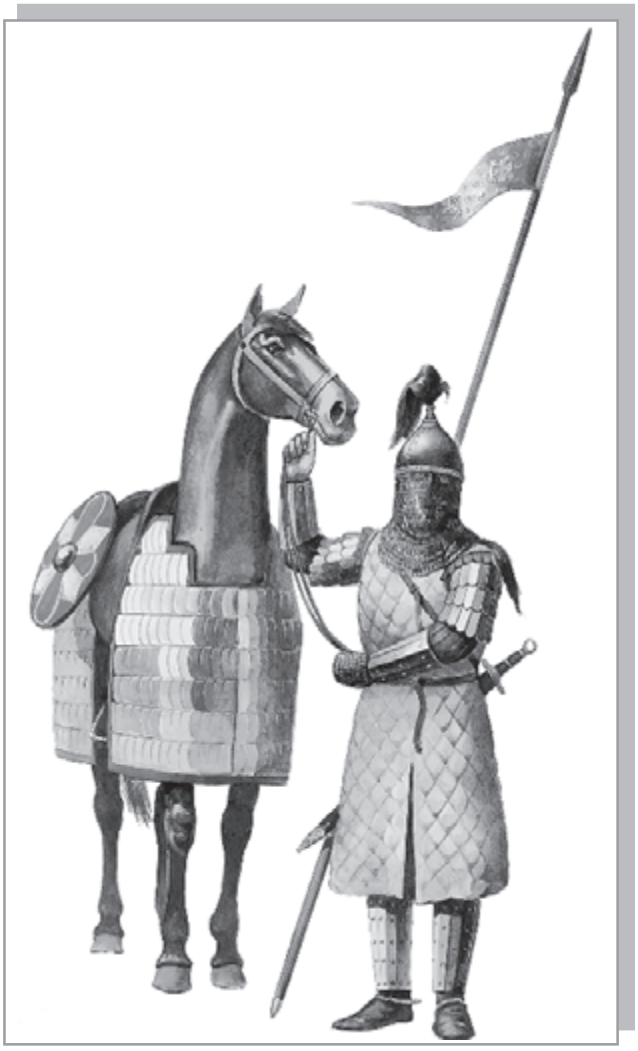
Изображение Василия II Болгаробойца (976—1025). Начало IX в. Венеция, Национальная библиотека

[1] Как уже отмечалось, данный трактат иногда в источниковедческой и исторической литературе называют «Стратегиконом» Псевдо-Маврикия, поскольку точно неизвестно, действительно ли данный труд принадлежит перу императора Маврикия, правившему в 586—602 гг.

Во всех привилегированных константинопольских кавалерийских полках было по 1500 кавалеристов и такое же количество слуг, по одному на кавалериста. Можно предположить, что при различных обстоятельствах численность полков могла отличаться от предписанной в сторону увеличения или уменьшения количества воинов. С 975 г. появились периферийные подразделения «Тагматы», размещенные в провинциях империи. В 961 г. в походе на Крит в составе провинциальных отрядов принимали участие 493 воина полка «Скола», 869 воинов полка «Аритмос», 700 всадников полка «Экскубити» и 456 человек из полка «Икантой».

Помимо перечисленных привилегированных кавалерийских соединений в Константинополе базировался еще один полк, входящий в состав «тагматы» и располагающий кавалерийскими отрядами. Полк именовался «Хатиера» (или «Хатиера Базилик») и был самым элитным из всех константинопольских полков, поскольку являлся личным охранным полком базилевса. Название полка переводилось как «товарищи императора по оружию» или «императорская свита», а сам полк комплектовался не столько из коренных греков, сколько из инородных наемников. «Хатиера» делилась на большую и среднею хотиеру общей численностью от 1000 до 4000 человек (первая цифра выглядит более правдоподобной). Воины «Хатиеры» практически неотлучно несли службу при базилевсе, сопровождая и охраняя его не только во время военных действий, но и на охоте. В состав «Тагмат», помимо «Хатиеры», входили отдельные отряды наемников, «приписанные» к «Хатиере», но напрямую к нему не относящиеся. Наемные кавалеристы, несущие службу при императорской особе совместно с «Хатиерой», преимущественно являлись выходцами из среды хазар и кочевников Ферганы (огузы, впоследствии турки-сельджуки). В 903 г. исламский автор Ибн Руста писал, что во время военного парада императора сопровождали 10 000 наемных кочевников. Нам эта цифра представляется несколько завышенной, несмотря на то, что нанять такое количество степных воинов для императора Византии не составляло большого труда. Помимо степных кочевников совместно с «Хатиерой» несло службу еще одно наемное подразделение, состоящее из воинов родом с востока. Данное подразделение именовалось «манглавиты» и комплектовалось мусульманами, выходцами из юго-западной части халифата — «магрибами». Отдельные приданные «Хатиере» отряды наемной кавалерии, как и соединения «тагматы», могли располагаться не только в столице, но и в провинции. Служить в «Хатиере» считалось настолько почетным и прибыльным делом, что претенденты (видимо, только коренные греки) на службу в данном соединении готовы были платить денежное вознаграждение в размере 10—16 фунтов золота.

Во времена правления Иоанна Цимисхия в составе элитных константинопольских кавалерийских соединений появилось еще одно, просуществовавшие ровно столько, сколько длилось



правление этого императора. Данное подразделение носило название «бессмертные» и, возможно, комплектовалось из числа детей офицеров и знати, погибших на полях сражений во имя величия империи. «Бессмертные» по своему характеру вооружения и тактике действия в бою относились к разряду тяжелой кавалерии. Защитное снаряжение высокого качества имели не только всадники «бессмертных», но и их лошади. О численности этого элитного подразделения, фактически личной гвардии Иоанна, нет точных сведений, можно только предполагать, что, даже несмотря на потери, их число всегда оставалось неизменным, на вакантное место убитого всадника тут же назначался новый кандидат, с нетерпением ожидающий своей очереди. По всей видимости, численность «бессмертных» не превышала численности любого из элитных полков «тагматы» и составляла порядка 1000–1500 всадников, не считая их слуг.

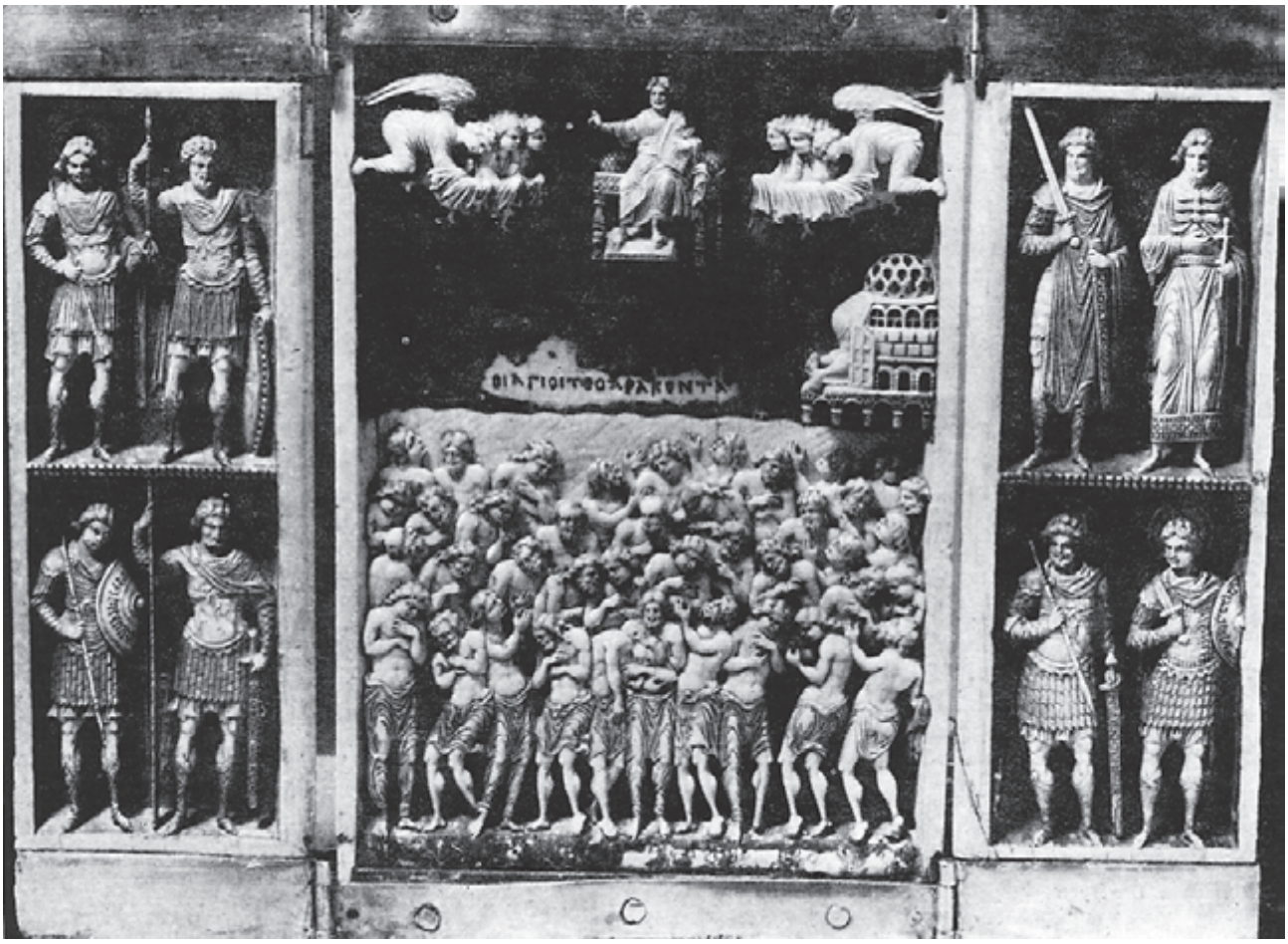
Византийская армия располагала достаточно обширным и строго регламентированным институтом командиров, осуществляющих управление воинскими подразделениями на различных ступенях, от самого маленького по численности отряда до огромных армий. Должностные обязанности были строго распределены между командирами разных звеньев, имеющими возможность продвинутся по служебной лестнице не только в силу своего знатного происхождения (что было немаловажно), но и в силу личных качеств и военной удачи[1] (хотя это было и нечасто, особенно после с перехода армии на фемный принцип комплектования). При фемном принципе организации византийской армии, ставшим господствующим в империи с VII–VIII вв., большинство командиров были из числа крупных провинциальных землевладельцев. Среди византийских офицеров, особенно в пограничных провинциях, было определенное число командиров, вышедших из среды наемников и сделавших военную карьеру в императорской армии, начав службу в качестве рядового воина. Как правило, такие представители из числа наемников начинали свою карьеру в одном из соединений «тагматы», а затем становились командирами провинциальных соединений. Выходцы из кочевой среды могли начинать свою службу сразу в приграничных областях и провинциальных подразделениях. Значительное число византийских офицеров были выходцами из Армении, жители которой в большом количестве поступали на службу в армию императора. Особенно престижной служба в подразделениях византийской армии считалась в среде мелкой армянской знати, поскольку давала возможность обогатиться за счет службы и подняться вверх по социальной лестнице. Следует отметить, что служба в императорских подразделениях была достаточно традиционной для представителей армянской знати еще со времен правления императора Юстиниана, а возможно, что и со времен императора Константина.

Верховное руководство византийской армией в целом, ее западной (Балканы) и восточной (Малая Азия) группами войск осуществлял лично император либо один из стратегов (стратигов), получавших титул верховного главнокомандующего — стратег-автократор. Данный титул позволял военачальнику вести войну по своему усмотрению. Звание стратега являлось наивысшим в византийской военной иерархии и в чем-то соответствовало различным современным ступеням генеральского звания — его носили не только командующие группировками войск, но и командиры отдельных армий, входящих в группировку, а также командиры крупных военных соединений. В византийской военной системе существовали стратеги пяти разрядов. Стратеги четвертого разряда командовали морскими военными контингентами, остальные были пехотными либо кавалерийскими стратегами. Звание стратега первого разряда было наивысшим среди разрядов стратегов византийской армии. У стратега, являющегося командующим военным округом, территориально практически всегда совпадающим с провинцией империи, было три помощника из числа гражданских лиц. Эти лица занимали должности протонариуса, претора и картулариуса. Протонариус отвечал за снабжение войск и выплату жалования. Претор являлся специалистом по юридическим и административным вопросам, фактически являясь гражданским управителем провинции. Картулариус был ответственен за сбор налогов на территории округа, управляемого стратегом. К должности стратега фактически приравнивалась должность доместика — командира

[1] Фемы — военно-административные округа в Византии VII–XII вв.

«Сколы», самого старого из полков «тагматы». Должность доместика была настолько почетной, что нередко именно доместик «Сколы», а не стратег осуществлял командование войсками в случае отсутствия императора. Следует отметить, что любой представитель командования «тагматы» по своему социальному статусу и положению в военной иерархии превосходил командира такого же по численности соединения провинциального войска. В отличие от остальных полков «тагматы» командующий полком «Вилга» носил звание (титул) дхонгариус (друнгарии), а не доместик. Чем было вызвано такое отличие наименования должности командира «Вилги» от остальных командующих «тагматой», к сожалению, не известно. Доместик имел несколько заместителей — топотертов. Топотерты командовали соединениями «тагматы», базирующимися вне стен Константинополя. Отрядами «тагматы», входившими в состав провинциальных войск, с 975 г. командовали офицеры, именовавшиеся дьюками. Особо следует упомянуть, что не всегда командующие округов носили звание стратега, так, в конце X в. округ восточной группы войск Оспикион возглавлял комес (комит), а округ Оптиматон той же группы войск возглавлял доместикос.

Командующий отдельными крупными кавалерийскими подразделениями (полками — турмами)



Триптих, изображающий сорок мучеников на Севастийском озере. X—XI вв.
На боковых створках изображены святые воины в воинском облачении. Слева направо, сверху вниз: Георгий, Федор Тирон, Дмитрий и Меркурий, Евстафий, Евстратий, Федор Стратилат и Прокопий.
Хранится в Государственном Эрмитаже

именовался турмарх, и в его подчинении находились все нижестоящие командиры соединения. Мойрами командовали мойрархи, бандонами — комесы (комиты). Каждой из аллагхий, входящих в состав бандона, командовал офицер, именуемый петиконтархам. Объединенными попарно аллагхиями командовал особый офицер — гекатонтарх (кентарх). Десятники именовались декархами, а командиры пятерок — пентархами. Помимо декархов и пентархов к командному составу отряда из десяти воинов относились еще и тетрархи. Тетрархи командовали тремя воинами. В отдельных случаях лица, носящие звание друнгария, выполняли функции заместителей командиров тагм (турмархов). Некоторые кавалерийские подразделения не имели деления на мойры, и, соответственно, офицеров, носящих звание мойрарха, в таких соединениях не было. В «Тактике» Лев VI упоминает привилегированные категории воинов, к которым относит знаменосцев (дофоров), трубачей (букинаторов), адьютантов или вестовых (мандаторов). Рядовые солдаты провинциальных (фемных) соединений носили общие название — стратиоты.

Помимо вышеперечисленных чинов командного состава византийской армии, существовали и иные, появлявшиеся в различные периоды X в. Многие звания вводились для обозначения положения в воинской иерархии конкретных людей и существовали только в царствование определенного базилевса. Так, император Никифор II (Фока) присвоил евнуху Петру, талантливому военачальнику и командующему армией на Балканах, титул стратопедарха (начальника лагеря). Появление данного титула связанно непосредственно с личностью самого Петра и было вызвано тем, что было необходимо узаконить положение евнуха (в отличие от Халифата Аббассидов, евнух в качестве командующего армейскими соединениями в Византии — явление исключительно неординарное). В «Истории» Льва Диакона, датируемой концом X в., можно встретить упоминание о звании лохаг, в прежние эпохи обозначающее командира сотни и во времена данного автора являющееся терминологическим анохранизмом. В трактате «О сшибках с неприятелем» (X в.) присутствует звание «токсиарх», применительно к командиру соединения в 1000 человек.

На провинциальное конное войско численностью в 4 тысячи человек, по мнению Льва VI, для эффективного управления при идеальной ситуации должно приходиться в общей сложности 1347 офицеров (архонтов) различного уровня: 1 стратиг, 2 турмарха, 4 друнгария, 20 комитов, 40 кентархов, 80 пентеконтархов, 400 декархов, 800 пентархов. По неизвестной причине мойрархи не упоминаются в данном списке.

Источники донесли до наших дней не только военную иерархию Византийской империи X в., но и имена наиболее известных военачальников и командиров, прославившихся в войнах как на Востоке, так и на Западе. Среди высшего командного состава наибольшую славу приобрели представители из рода Фок — Никифор (впоследствии император Никифор II), его брат Лев, племянник Варда, а также Иоанн Цимисхий, Варда Склир и евнух Петр. В качестве командиров (стратигов, турмархов) отдельных соединений (как правило, кавалерийских турм) упоминаются Никифор, по прозвищу Пастила, погибший во время похода Никифора Фоки на Крит, и прославившиеся в войнах с русами Святослава Федор Лалакон и Анемас. Последний был сыном и соправителем эмира Крита Абд-эль-Азиза и, попав в плен в 961 г., перешел на службу к императору Византии.

Провинциальные (фемные) кавалерийские соединения, входившие в состав провинциального войска — «тематы», помимо небольшого числа наемников (за исключением пограничных округов), комплектовались значительным количеством свободных мелких землевладельцев, крупные землевладельцы вместе с челядью также принимали участие в формировании конницы. Крупный землевладелец, обязанный нести службу совместно с определенным количеством своих арендаторов, должен был обеспечить их и соответствующим снаряжением, принадлежащим ему лично, а не государству. Зачастую в провинциальном войске состоятельные землевладельцы, несущие воинскую повинность, служили не простыми всадниками, а занимали определенные командные должности. Бывшие солдаты, получившие за службу надел земли, должны были коллективно, от нескольких земельных владений, приобретать снаряжение и коня для всадника и выставлять человека для действительной службы. В основной своей массе провинциальная кавалерия, в отличие от соединений «тагматы», не отличалась вы-

сокой боеспособностью и качественным снаряжением. Тем не менее, согласно «Тактике» Льва VI, в составе западной и восточной групп было по 4000 тяжеловооруженных первоклассных кавалеристов. Однако в основной своей массе провинциальная кавалерия не отличалась наличием значительного количества оружия высокого качества, в особенности доспехов. Вооружение было самым различным и не отличалось тем относительным однообразием, которое наблюдалось в соединениях «тагматы». В целом основную массу провинциальной кавалерии составляли легковооруженные конные лучники и копейщики. Несмотря на это, кавалерия играла значительную роль в составе провинциального войска. Существовали военные округа, вооруженные силы которых состояли полностью из кавалерийских турм. В мирное время не все подразделения и солдаты кавалерии несли службу постоянно. В период отсутствия военных действий каждое конкретное соединение, полностью укомплектованное личным составом, несло службу круглый год только один раз в три—шесть лет. В остальное время личный состав занимался ведением хозяйства на своих земельных участках. Немалый интерес представляют замечания Льва VI относительно принципов комплектования командирских должностей в фемном войске. На архонтские должности Лев рекомендует назначать людей, обладающих соответствующим опытом, личными качествами и способностями, а также являющихся благонадежными по отношению к императорской власти.

Как уже упоминалось выше, солдаты и командный состав византийской армии получали определенное вознаграждение за службу. Так, простой кавалерист восточной группы провинциального войска получал 1—1,5 номизматы (золотая монета весом в 1/72 фунта) в месяц, что в год составляло 12—18 номизмат. Помимо этого воину «тематы» восточной группы войск за службу даровался участок земли, стоимость которого к концу X в. составляла 12 фунтов золотом. Согласно одному из источников, в течение 12 лет за каждый год службы шла дополнительная оплата (так сказать, «доплата

Рисунок из книги Иисуса Навина, изображающий атаку византийского кавалерийского соединения. Первая половина X в. Апостольская библиотека Ватикана, Рим

за выслугу лет»). Помимо этого в период активной службы в войсках кавалерист бесплатно получал пищевое довольствие. В случае поступления в войска добровольцем новобранец получал разовую премию. Покалеченные воины получали пенсию, а вдовы погибших в сражении воинов — компенсацию за потерю супруга в размере около 5 фунтов золота, что в X в. было вполне приличной суммой. Декархи получали в год 1 фунт золота, или 72 номизматы, петеконтархи (командиры аллагхий) — два фунта, 144 номизматы в год. Стратеги получали жалование в зависимости от того, к какому разряду они принадлежали. Стратеги пятого разряда получали жалованье в размере 5 фунтов золота в год; стратеги четвертого разряда (командиры «морских войск») — 10 фунтов; стратеги третьего разряда — 20 фунтов; стратеги второго разряда — 30 фунтов; стратеги первого разряда получали 40 фунтов золота в год, что составляет 2880 номизмат. Подобное жалованье выплачивалось только личному составу, находящемуся на постоянной службе, а не пребывающему в резерве. Как свидетельствуют византийские документы, жалованье восточной группе войск шло непосредственно из государственной казны и выплачивалось один раз в 3–6 лет. Солдаты и командиры западной группы войск получали, по всей видимости, жалованье меньшего размера, которое выплачивалось не централизованно из казны, а за счет местных налогов.

Наиболее состоятельными и высокооплачиваемыми солдатами и офицерами византийской кавалерии были всадники «тагматы», получавшие жалованье, значительно превышавшее денежное довольствие своих коллег из провинциальных войск. Помимо этого солдаты «тагматы» могли рассчитывать на единовременные премии и подарки императора.

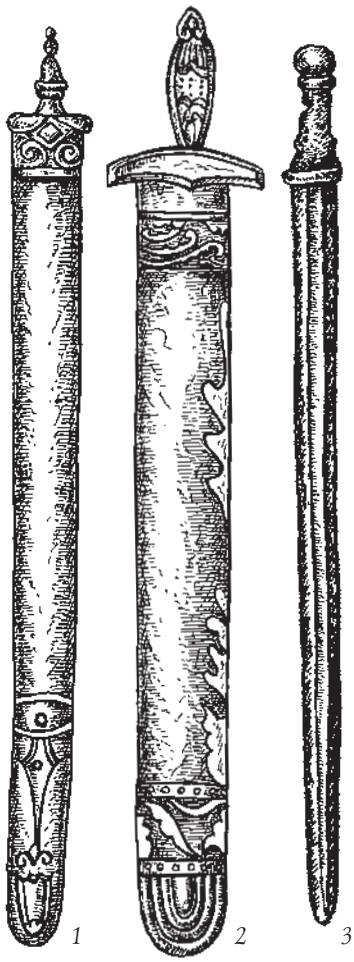
Точная численность византийских кавалерийских соединений в X в. нам неизвестна. Однако с учетом того, что в восточной группе войск, по свидетельству арабских авторов, было около 85–95 тысяч человек, можно предположить, что численность кавалерийских соединений восточной группировки составляла не менее $^{2}/_{3}$ от указанного числа, поскольку нам неизвестно, считали ли арабские авторы только воинов или общий численный состав соединений, около 20–30 % которого составляла войсковая прислуга. Численность западной группы войск была меньше и вряд ли превышала 60 тысяч человек, из которых не менее половины составляли кавалеристы. Как мы уже писали, в составе каждого из элитных константинопольских кавалерийских полков было около 1500 и еще 1000 (по отдельным свидетельствам до 4 тысяч) человек входило в состав «Хатиеры». Помимо этого следует учитывать соединения наемной кочевнической и мусульманской кавалерии, приписанной к Хатиере, общим числом до 10–15 тысяч человек. Вместе с тем какое-то число наемной кочевнической (печенежской, мадьярской, аланской) кавалерии в отдельные периоды действовало совместно с западной группой войск. Таким образом, подводя итоги всему вышеизложенному, численность византийской кавалерии в X в. можно определить в 106–137 тысяч (плюс-минус 10 тысяч) без учета наемной печенежской и мадьярской конницы, численность которой вряд ли превышала 10–15 тысяч человек.

Точная численность кавалерийских подразделений в той или иной провинции достоверно неизвестна, однако в «Тактике» Льва VI упоминается цифра в 4 тысячи кавалеристов, которую он считает достаточной для ведения боевых действий силами одной провинции, в то же самое время он упоминает провинциальное кавалерийское соединение (речь идет фактически об отдельной армии) численностью в 12 тысяч человек. Возможно, речь идет о кавалерийских соединениях трех провинций, либо о феме, включающей в себя значительные территории.

Стратегия византийской армии заключалась в планомерном ведении боевых действий, суть которых сводилась к методичному захвату вражеских территорий и укрепленных пунктов, поскольку, особенно в восточных кампаниях, победа в генеральном сражении не гарантировала успеха всей кампании. Захват укрепленных пунктов, напротив, способствовал созданию плацдарма и продовольственных баз для дальнейшего успешного продвижения в глубь вражеских территорий. Для византийской кавалерии, в отличие от кавалерии кочевников, не свойственны были стремительные глубокие рейды на вражеские территории. Скованная обозами и сидящая верхом на лошадях, не привычных к подножному корму, византийская кавалерия не была способна к стремительным рейдам, зато прекрасно действовала в составе крупных войсковых соединений и была способ-

на сокрушительной атакой решить исход сражения. Характер действия имперской кавалерии в полевом сражении хорошо показан в «Истории» Льва Диакона. Описывая начало военной кампании Никифора Фоки (тогда еще носящего титул стратега-автократора) на Крите в 960 г., Лев Диакон упоминает о том, что высадку войск возглавили кавалерийские отряды. В первом сражении на Крите в ходе данной кампании вся армия была разбита на три отряда, действующих отдельно в сомкнутом строю, при этом речь идет как о пехоте, так и о кавалерии. Во время сражения у стен Преславы (Преславля) стремительная атака «бессмертных» Иоанна Цимисхия на левый фланг русов фактически решила исход сражения за данный город. Во время сражения под Доростолом тяжелая кавалерия византийцев располагалась на флангах, а конные стрелки двигались позади центра войска, имея возможность стрелять поверх голов пехоты. Во время последнего сражения у стен Доростола императорская кавалерия под командованием Варды Склира предприняла фланговый обходной маневр и зашла в тыл войску Святослава, чем и решила исход сражения в пользу византийцев. В ходе этой блистательной атаки русы понесли тяжелые потери, и даже князь Святослав, лично участвовавший в отражении кавалерийской атаки, был неоднократно ранен. Византийская кавалерия была способна решить исход битвы не только умелыми действиями при фланговых охватах и лобовых атаках, но и при массированном обстреле противника из луков и забрасывании его дротиками. Немалых успехов кавалерийские соединения добивались действиями из засад. Так, брат Никифора Фоки (впоследствии император Никифор II) Лев, командуя войсками в Азии, сумел достичь военного превосходства над эмиром Алеппо Абдуль Хасаном Али ибн Хамданом, прозванным Сейф-ад-Даула («меч царства»), разгромив его многочисленное войско, напав на него из засады. В X в. развитию тактики засад и ночных кавалерийских атак на вооруженные силы противника уделялось значительное внимание, о чем свидетельствует пристальное внимание к данным приемам авторов военных трактатов, созданных в этом столетии («De velitatione bellica», «Тактика» Никифора Урана и «Стратегика» императора Никифора II).

Византийская кавалерия сражалась преимущественно в сомкнутом строю, построенная в несколько рядов. О плотном построении византийской кавалерии (возможно, речь идет преимущественно о тяжелой кавалерии) упоминается в книге пятой «Истории» Льва Диакона, когда речь идет о подготовке императором Никифором Фокой отражения вторжения войск Святослава в Болгарию. Историк упоминает тот факт, что император специально тренировал кавалерию, приучая ее к глубинным построениям. Многорядное построение византийского кавалерийского соединения (к примеру, турмы) со стороны должно было напоминать прямоугольник глубиной в пять рядов. Первый ряд состоял из командиров подразделений, вооруженных копьями, второй ряд также состоял из копейщиков, третий и четвертый ряд был вооружен луками либо дротиками. Пятый ряд также состоял из представителей командного состава, вооруженных копьями. Возможно, подобное построение было характерно только для кавалерии, в составе которой воины, вооруженные копьями, численно



Мечи IX—X вв., найденные на территории Грузии и Армении. Конструкция данных мечей соответствует многочисленным изображениям данного оружия, встречающегося на византийских произведениях искусства (миниатюрах, фресках, пластике). 1—2 — мечи, обнаруженные в Грузии; 3 — меч из Ани, Армения

преобладали. Соединения же, состоящие из стрелков из лука, по всей видимости, сражались в рассыпном строю, поскольку их вооружение не было предназначено для рукопашной схватки. В «Стратегике» императора Никифора II упоминается еще одно боевое построение кавалерии. В данном руководстве речь идет о боевом порядке, который должна была принимать перед боем тяжелая кавалерия клибанофоры (разнавидность катафрактариев), отличающаяся от иной тяжелой кавалерии наличием усиленного защитного снаряжения. Появление данных кавалеристов связано с событиями 968 г., когда император готовил войска к походу против русов Святослава. Клибанофоры, в соответствии с руководством Никифора, должны были строиться клином в 10–12 рядов. В первом ряду должно было стоять 20 человек, во втором — 24, в каждом последующем ряду было на 4 человека больше. Соответственно, численность отряда клибанофоров колебалась от 384 до 504 человек. Нам неизвестно точное количество клибанофоров в составе византийской армии в момент их появления и исчезновения в конце X в., но думается, что оно было относительно небольшим. По всей видимости, соединения клибанофоров входили только в состав элитных кавалерийских соединений «тагматы» и в составе провинциальных войск не встречались. Возможно, вооружение и снаряжение, аналогичное такому же, как у клибанофоров Никифора II, было и у «бессмертных» Иоанна Цимисхия.

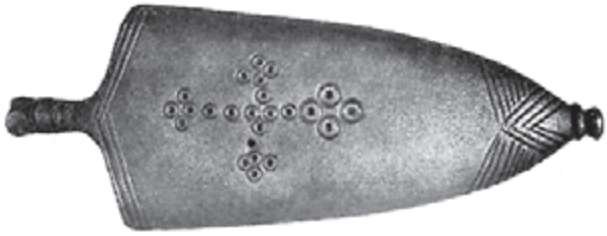
Три меча IX–X вв., найденные на территории современной Сербии, прекрасно иллюстрируют, какие типы этого оружия имели хождение в Восточной Европе и на Балканах. Слева направо: меч тип X (по Петерсену), хранится в Тековском музее, Левице. Меч тип H либо C (по Петерсену), хранится в институте археологии САН, Нитра. Меч, предположительно византийской работы, хранится в институте археологии САН, Нитра

Возвращаясь к тактике действия византийской кавалерии в X в., следует упомянуть, что при всем разнообразии тактических приемов, входящих в арсенал конницы, ее первоочередной задачей в сражении в случае наличия тяжеловооруженных пеших копейщиков (скутатов) являлась защита флангов глубоко эшелонированного монолитного и слабо мобильного пешего соединения. В свою очередь, кавалерия имела возможность в случае поражения перегруппироваться в тылу ощетинившегося копьями многочисленного пехотного строя, располагающегося в центре боевых порядков войск.

Особо следует упомянуть о тактике применения того или иного оружия кавалерией византийской армии в ходе сражения. Вооруженное столкновение с противником начиналось с обстрела его рядов из лука (в состав каждого кавалерийского подразделения, вне зависимости от категории, входило значительное число лучников), при более близком сближении в противника метались дротики, после чего противник атаковался копьями. По свидетельству византийских авторов, тяжеловооруженные всадники широко использовали таранный удар копьем, которое они держали двумя руками (данная традиция, по всей видимости, восходит к манере удержания копья античными катафрактариями). На изображениях конца X — начала XI вв. можно видеть тяжеловооруженных всадников, идущих в атаку, защищающихся щитами и держащих копья одной рукой на уровне бедра. При более плотном контакте с противни-

ком в ход шли мечи, боевые топоры и булавы — излюбленное оружие византийских кавалерийских офицеров.

В зависимости от используемого вооружения и защитного снаряжения кавалерия Византийской империи в X в. делилась на четыре класса. Первый класс составляли клибанофоры и катафрактарии как «тагматы», так и провинциального



Наконечник ножен меча.
Конец X — начало XI вв.
Хранится в Херсонесском государственном историко-археологическом заповеднике

войска, имеющие высококачественное многоэлементное защитное снаряжение и вооружение, состоящие из длинных копий, мечей, дротиков, луков, возможно — кинжалов. Ко второму классу принадлежали кавалеристы провинциального войска, имевшие защитное снаряжение, помимо щитов состоявшее из разнообразной корпусной защиты и боевых наголовий. Вооружение этой категории всадников состояло из мечей, копий, дротиков и луков. В третий класс входили так называемые «трапезиты» — воины, защитное снаряжение которых состояло из боевого наголовья (шлема либо кольчужного капюшона). Их оружие состояло из копья, двух-трех дротиков и меча. Эти воины выполняли функции разведчиков и бойцов отрядов авангарда, первыми вступающих в сражение в случае внезапного обнаружения противника. Четвертый класс включал в себя конных стрелков — «псилосов». Данная категория всадников не имела никакого защитного снаряжения кроме небольшого щита. Основным оружием псилосов являлся лук, однако были воины и подразделения, вооруженные арбалетами (соленариями) либо рычажными пращами. Холодное оружие первоначально состояло из одного боевого топора — тзикуриона, но впоследствии, по всей видимости, стрелки стали вооружаться еще и мечами. Император Никифор II писал, что у конных лучников должен быть маленький щит, два колчана со стрелами по 60 штук в первом и 40 — во втором, два лука, праща, две запасных тетивы для луков, меч и боевой топор.

Византийская кавалерия в рассматриваемый период времени, несмотря на наметившийся к концу XI в. упадок военного дела, все еще обладала высокоразвитым комплексом вооружения и защитных средств. Византийские мастерские были еще в состоянии осуществлять массовое производство оружия и доспехов для нужд армии без существенного ущерба для их качества. Однако, современники отмечали всевозрастающую недостаточность вооружения в провинциальных войсках и нежелание как самих солдат, так и их командиров из числа провинциальной знати тратить средства на приобретение качественного вооружения. Иначе дело обстояло с константинопольскими элитными подразделениями, воины которых не только снабжались оружием из государственных арсеналов за счет императора, но и имели возможность для самостоятельного приобретения элитного вооружения и снаряжения.

Холодное оружие византийской кавалерии в X в. было представлено мечами, палашами, кинжалами, копьями, боевыми топорами и булавами.

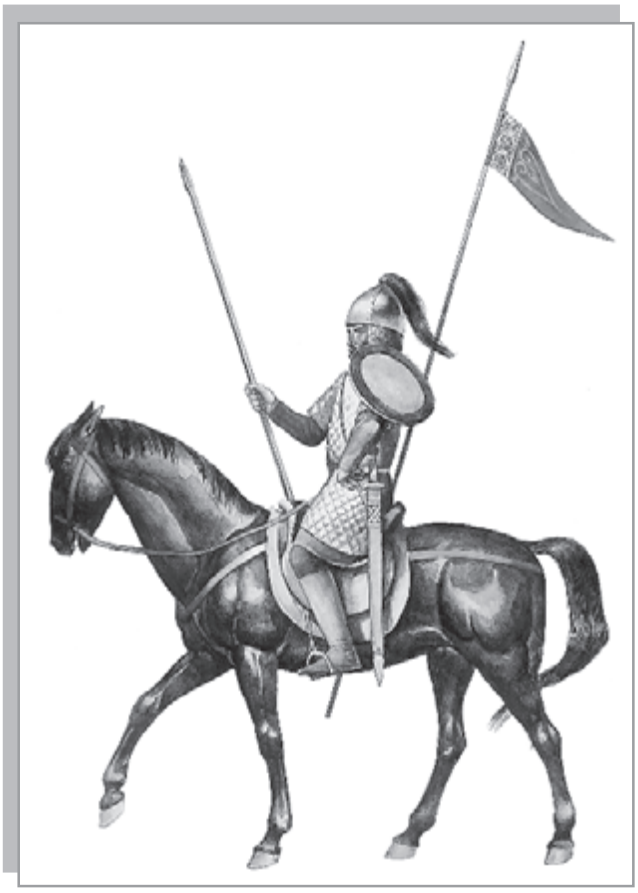
В качестве метательного оружия использовался сложносоставной лук, арбалет (соленарий), пращи и различные дротики.

Наконечник ножен меча.
Конец X — начало XI вв.
Хранится в Херсонесском государственном историко-археологическом заповеднике

Защитное снаряжение византийской кавалерии было чрезвычайно разнообразно и состояло из корпусной защиты, защиты конечностей, боевых наголовий, щитов.

О конструкции византийских мечей X в. нет достоверных сведений в связи с тем, что находки данного оружия с территорий, некогда занятых центральными провинциями империи, отсутствуют. Поэтому судить об их конструкции можно только на основании изобразительных источников и археологических находок с пограничных территорий и земель, входящих в сферу византийского влияния.

Основываясь на находках, происходящих с территории современных Армении и Грузии, внешний вид которых во многом соответствует изображениям мечей на византийских миниатюрах, мелкой пластике и иных источниках, можно выявить следующие особенности конструкции данного оружия.



Длина клинков византийских мечей колебалась от 700 до 850 мм при ширине клинка 45–60 мм. Сечение клинка имело линзовидную форму. Большинство клинков, по всей видимости, имели протяженные долы, ширина которых составляла $^{1}/_{3}$ либо $^{2}/_{3}$ ширины клинка. Помимо клинков, ширина которых плавно изменялась от основания к острию, без резко выраженных перепадов ширины, существовали клинки, имеющие форму, близкую к вытянуто-треугольной.

Эфес собственно византийских мечей состоял из крестовины, рукояти и навершия, либо только из крестовины и рукояти. В большинстве случаев крестовины изготавливались прямыми и имели брусковидную либо ладьевидную форму. Помимо этого встречались изогнутые крестовины, иногда с резко опущенными оконечностями. Прямоугольные крестовины могли иметь четко выраженные расширения на концах, выполненные в виде шаровидных, дисковидных либо каплевидных (сердцевидных) расширений, — меч, имеющий подобную конструкцию, происходит с территории Словакии, а также является оружием Голиафа, изображенного в сцене поединка Давида и Голиафа из «Менолгиума» Василия II (1017 г.). В Армении найден меч, крестовина которого имеет практически овальную форму (находка в Ани). Рукоять мечей изготавливалась преимущественно из дерева, однако могли существовать рукояти и в виде металлических трубок. Можно допустить существование рукоятей, деревянная конструкция которых дополнена металлическими кольцами (находки с территории Грузии). Судя по изображениям, рукояти имели преимущественно цилиндрическую либо усеченно-коническую форму. Навершие византийских мечей, судя по изобразительным источникам (что также подтверждается находками с территории Грузии, Армении и Словакии), имели шаровидную либо дисковидную форму. Навершия некоторых экземпляров имели цилиндро-шаровидную либо цилиндро-дисковидную форму. По всей видимости, достаточно ограниченное распространение имели экземпляры мечей, эфес которых не имел навершия как такового. Данную деталь заменяли элементы конструкции сложнофигурной рукояти, изготовленной из дерева либо из медного сплава. Мечи, снабженные эфесами, имеющими вышеописанную особенность конструкции, изображены на миниатюрах византийской рукописи, известной

как «Парижская псалтирь». Существование данного оружия подтверждается находкой одного экземпляра меча с подобной конструкцией рукояти, происходящей с территории современной Грузии.

Ножны мечей изготавливались из дерева, своей формой повторяли контур клинка и могли снабжаться металлическими деталями, к которым можно отнести устье и наконечник. Металлические устья до наших дней не сохранились, однако их существование подтверждается изобразительными источниками. Данные детали были не столь распространены по сравнению с наконечниками, несколько экземпляров которых было обнаружено в ходе раскопок Херсонеса. Обнаруженные в Херсонесе наконечники ножен меча, датируемые X в., имеют форму, близкую к треугольной, тем самым повторяя контур ножен и боевого конца клинка. Наконечники изготовлены из медного сплава и покрыты циркульным, линейным и стилизованным растительным орнаментом. Основываясь на изобразительных источниках X в., особенно триптихе X–XI вв. из собрания Государственного Эрмитажа, на котором представлены святые воины, можно предположить, что некоторые ножны мечей изготавливались исключительно из дерева и покрывались орнаментом.

Помимо мечей собственно византийских форм, в среде византийской кавалерии бытовали экземпляры, имеющее общеевропейское происхождение и изготовленные в рейнских мастерских. Достаточно большое количество мечей, имеющих прямые аналогии с экземплярами, обнаруженными на территории Скандинавских стран, Западной Европы, России и относящимися к так называемым мечам «каролингской эпохи», найдено на территории Балканских стран, земли которых традиционно входили в сферу влияния Византийской империи.

В конце IX в. в среде византийской кавалерии стало распространяться длинноклинковое однолезвийное оружие, именуемое «парамерион». По всей видимости, данное оружие может быть отнесено к категории палашей. О его конструкции нет достоверных сведений, однако можно предположить, что от византийских мечей оно отличалось исключительно наличием однолезвийного клинка, конструкция остальных элементов, по всей видимости, ничем не отличалась от конструкции соответствующих деталей мечей; либо данное оружие имело специфический эфес, конструктивно более близкий сабельным (подобным оружием вооружен лучник с лицевой костяной обкладки ларца XI в. из собрания Государственного Эрмитажа).

В среде византийской кавалерии, особенно в восточной группе войск, подразделения которой базировались в Крыму, на Кавказе и Балканах, по всей видимости, определенное распространение получили сабли. Конструкция данного оружия ничем не отличалась от конструкции образцов, состоящих на вооружении наемников из числа печенегов, болгар, венгров. Единственное отличие, которое могло наблюдаться, должно было заключаться в орнаментевтике и изобразительных традициях отделки элементов деталей эфеса и ножен.

О кинжалах, бытовавших в среде византийской кавалерии, кроме упоминания об их определенном наличии, нет каких-либо сведений.

Византийские кавалерийские копья могут быть разделены на определенные группы, основное отличие которых будет заключаться в длине древка. К первой группе могут быть отнесены тяжелые копья, именуемые «контос» либо «контарион» (в X в. последний термин имел большее распространение), длина древка которых доходила до 3,5–4 м. Вооружались этими копьями тяжеловооруженные всадники, входящие в подразделения катафрактариев и клибанафоров. Вторую группу могут составить копья с длиной древка от 2,5 до 3 м, так называемые «риптарионы» и «акитионы». Втульчатые наконечники византийских кавалерийских копий снабжались перьями ромбовидной, вытянуто-треугольной и листовидной (преимущественно иволистной) формы. Сечение пера имело ромбовидную либо линзовидную форму.

Помимо копий, в среде византийской кавалерии ограниченное распространение имели пики, заимствованные в кочевой среде и, благодаря пирамидальному перу наконечника, более пригодные для поражения противника, обладающего защитным снаряжением. Длина наконечника в целом редко превышала 250–350 мм. Древки копий изготавливались преимущественно из древесины твердых пород лиственных деревьев, однако могла использоваться древесина и хвойных деревьев. Диаметр древка кавалерийских копий и пик колебался от 30 до 40 мм.

Византийскими легковооруженными кавалеристами иногда использовались боевые топоры (тзикурионы), более характерные для легкой пехоты. О конструкции этого собственно византийского оружия мало что известно, однако значительное количество боевых топоров, датируемых X в., найдено на территории Болгарии, при этом их национальная принадлежность достоверно не определена. Обнаруженные там топорики характеризуются наличием трапециевидного (иногда несколько изогнутого) либо Г-образного (снабженного «бородкой») с зауженным основанием (шейкой) клина. Обух мог заканчиваться молотовидным утолщением («бойком») либо клиновидной пластиной.

Среди командного состава византийской кавалерии определенное распространение имели булавы, именуемые «матзукион» либо «бордокион». Состояли они из деревянной рукояти длиной не более 700 мм и ударного поражающего элемента (навершия). Данная деталь конструкции имела форму, близкую к шаровидной, либо в виде квадрата, по четырем сторонам которого располагались выступы, имеющие вид четырехгранных пирамидальных шипов. Навершия изготавливались из бронзы с внутренней полостью. Внутрь полости традиционно заливался свинец. Навершия по форме близкие к шаровидным предположительно могли изготавливаться и из железа.

«Истории» Льва Диакона упоминается оружие, именуемое «акуфий». По описанию автора, это оружие снабжено поражающим элементом, напоминающим клюв цапли, только не прямой, а изогнутый. По всей видимости, речь идет об оружии, напоминающем клевец. Относительно подробное описание данного оружия свидетельствует о том, что во времена Льва Диакона оно не имело широкого распространения. Возможно, что акуфий имеет восточное происхождение и попал в византийскую военную среду в качестве трофея.

О конструкции луков, бытовавших в среде византийской кавалерии, нет сколь-либо достоверных сведений. Однако, поскольку достаточно хорошо известна конструкция луков, бытовавших в среде кочевников, состоящих на службе империи, можно предположить, что аналогичные луки использовались непосредственно и византийскими конными стрелками, число которых было в X в. относительно небольшим.

Луки, имевшие в тот период времени наибольшее распространение на территории Восточной Европы и в Средиземноморском регионе, как и на Ближнем Востоке, конструктивно восходят к лукам так называемого «хуннского» типа и его региональным либо национальным вариациям. Особенность конструкции данных луков заключается в наличии дуги, изготовленной из сочетания различных органических материалов (кости, рога, древесины, сухожилий), которая в напряженном состоянии (с натянутой тетивой) имеет сигмообразную форму. Тетива изготавливалась из шелка,

Фрагмент боковой створки триптиха, изображающего сорок мучеников на Севастийском озере. X—XI вв. На представленном фрагменте изображены святые воины Георгий и Федор Тирон в воинском облачении. Хранится в Государственном Эрмитаже

Центральный фрагмент иконы начала XI в., изображающего святого Дмитрия. Хранится в Московском Кремле

пеньки либо из сыромятной кожи. Употреблялись также луки «тюркского» типа, основное отличие которых от луков «хуннского» типа заключалось в меньшем количестве костяных и роговых накладок и их форме. Длина дуги данных луков в напряженном состоянии обычно составляла 900—1200 мм. Сила натяжения обычно не превышала 40 кг.

Луки со спущенной тетивой первоначально носились в чулкообразных налучах, к концу XI — началу X вв. повсеместное распространение получили налучи кабуровидной формы, в которых лук мог переноситься уже с надетой тетивой. На внешней стороне кабуровидного налуча мог располагаться карман для запасной тетивы, который имел круглую форму. Налучи, как правило, подвешивались с правой стороны на поясе воина посредством специальных ремней. Колчаны изготавливались из кожи, бересты, дерева либо сочетания данных материалов, имели цилиндрическую либо трапециевидную форму и подвешивались к поясу или (что возможно) к плечевой портупее посредством двух ремней, проходящих через металлические либо костяные петли, закрепленные на корпусе колчана. Некоторые колчаны могли снабжаться верхними трапециевидными карманами. Представление о внешнем виде одной из разновидностей колчанов, бытовавших в среде византийской кавалерии, можно составить, основываясь на изображении колчанов на иллюстрации, показывающей столкновение двух кавалерийских отрядов, из манускрипта «Скилитос», ныне хранящегося в библиотеке в Мадриде (текст и иллюстрации восходят к XI в.).

О конструкции византийских арбалетов — «соленариев» — также до наших дней не сохранилось каких-либо данных. Судить об их конструкции мы можем только на основании имеющегося в нашем распоряжении изображения арбалета на миниатюре из так называемой «Императорской библии» из монастыря Сен-Жермен. Рукопись датируется концом X в. Изображенный на рисунке арбалет состоит из деревянной прямоугольной ложи с направляющей для стрелы в виде желоба, предположительно костяного ролика (так называемого «ореха») с пазами для стрелы, спускового механизма рычажного типа и массивной (предположительно деревянной либо сложносоставной) дуги двоякоизогнутой формы. Переносились стрелы, по всей видимости, в цилиндрических либо усеченно-конических колчанах, изготовленных предположительно из кожи.

Праща (сплендоболон) также упоминается в числе оружия византийских легковооруженных всадников, однако сложно представить эффективность действия метателей в конном строю, особенно в движении. Тем не менее это оружие при его массированном применении было чрезвычайно эффективно даже против тяжеловооруженного противника, поскольку обладало высоким ушибающим воздействием. В византийской армии использовались пращи двух разновидностей — ременные и ременно-рычажные. Первые представляли собой конструкцию, изготовленную из сыромятной кожи и состоящую из двух ремней, прикрепленных к «гамачку», куда укладывался свинцовый либо каменный снаряд (пуля), имеющий круглую либо иную (полукруглую, веретенообразную) форму. Ременно-рычажная праща

состояла из древка (1200–1400 мм), к которому крепилась ременная конструкция, аналогичная конструкции пращи первого типа. Пращи второй разновидности были более эффективны, поскольку позволяли осуществлять метание на большее расстояние с более высокой точностью.

Дротики, бытовавшие в среде византийской кавалерии, отличались разнообразием как размеров, так и форм пера наконечника. В письменных источниках упоминаются такие разновидности дротиков, как «верутта», «менаулион» и «марзобарбулоны», конструктивно восходящие к римским «мартиобарбулосам». Основное различие первых двух разновидностей дротиков состояло, по всей видимости, в длине и диаметре древка, которые, в любом случае, не превышали 1800 и 25 мм соответственно. Марзобарбулоны, оставшиеся, по всей видимости, на вооружении исключительно тяжелой кавалерии, характеризовались металлическим утяжелителем, надеваемым на древко в районе наконечников. Наконечники византийских дротиков крепились к древку либо посредством втулки, надеваемой на древко, либо посредством черешка, внедряемого в торец последнего. Перья наконечников имели вытянутотреугольную, ромбовидную либо листовидную (иволистную, лавролистную) форму. Сечение пера могло иметь ромбовидную либо линзовидную форму. Длина наконечника в целом обычно не превышала 250 мм.

Корпусная защита была представлена пластинчатыми панцирями (клибанионами), кольчугами (лорикионами, цабами) и различными стеганными куртками и рубахами (кабадион, эпилорикион, бамбакион). В источниках также упоминается войлочные плащи и шапки, защищающие от стрел.

Пластинчатые панцири имели ламеллярную или чешуйчатую конструкцию и покрой в виде безрукавной куртки с разрезами на боках либо на одном боку или плече (покрой типа «пончо»). Ламеллярные панцири имели наибольшее распространение по сравнению с чешуйчатыми, которые в достаточном количестве стали появляться в среде византийской кавалерии не ранее конца X — начале IX вв. Конструкция пластинчатого панциря, носимого кавалеристами, практически всегда дополнялась защитными элементами, предназначенными для частичной защиты конечностей. К данной группе элементов защитного снаряжения могут быть отнесены наплечники, плечевые щитки и подолы (юбки). Такие детали могли крепиться непосредственно к корпусной защите (к пройме, плечевым деталям и нижнему краю панциря) либо к стеганой поддоспешной защитной одежде.

Сцена сражения между Давидом и Голиафом из «Менолгиума» Василия II. Начало IX в. Национальная библиотека в Венеции

Наплечники являлись крайне редким защитным элементом и, если судить по изобразительным источникам, практически не использовались. Византийские панцирные наплечники всегда имели форму, близкую к полусферической, и могли украшаться кожаными фестонами, идущими по нижнему краю.

Плечевые щитки и подолы встречались значительно чаще, чем наплечники, и имели ламеллярную, ламинарную или чешуйчатую конструкцию. Плечевые щитки, имеющую ламеллярную конструкцию, обра-

зовывались тремя, реже — двумя рядами пластин, расположенных округлым краем вверх. Плечевые щитки ламинарной конструкции формировались одним рядом длинных узких пластин. Чешуйчатые плечевые щитки набирались в два-три ряда пластин, нашитых на тканевую либо кожаную основу.

Подолы, как и плечевые щитки, имели ламеллярную, ламинарную и чешуйчатую конструкцию. Ламеллярные подолы, как правило, набирались из относительно крупных подпрямоугольных пластин (нижний край мог иметь полукруглую форму) в два ряда. Подолы, имеющие ламинарную конструкцию, формировались из длинных узких пластин, располагающихся в один ряд. Подолы, образованные чешуйчатыми пластинами, могли состоять из двух, трех или четырех рядов. Вне зависимости от конструкции подолы имели тканевую либо кожаную основу и крепились поверх нижнего края корпусной панцирной защиты посредством ремней, расположенных на боковых деталях панциря и подола.

Пластины ламеллярных и, возможно, чешуйчатых панцирей изготавливались не только из стали (часть могла изготавливаться из цветных металлов), но и из кости, рога и кожи, о чем свидетельствуют письменные источники.

Кольчуги были в Византийской империи не столь популярны, как панцири, но тем не менее были достаточно широко распространены, особенно в среде восточной наемной кавалерии и выходцев из поднепровских и причерноморских степей. Данные кольчатые доспехи имели короткие рукава, редко спускающиеся несколько ниже локтевого сустава, и подолы, доходящие либо до середины бедра, либо до колен. Незначительное распространение имели кольчуги, у которых подол и «рукава» изготавливались из металлических пластин.

Доспехи из мягких материалов (стеганые) в византийской армии были представлены несколькими разновидностями, отличными друг от друга особенностями покроя. Кабадион (кабадия) и бамбакион в большинстве случаев использовались пехотинцами. В чем состояло их принципиальное различие, точно неизвестно, возможно, это название одного и того же доспеха либо поддоспешной защитной одежды. И кабадион, и бамбакион имели рукава (возможно, бамбакион имел только короткие рукава) и стеганый капюшон (возможно, кабадион мог не иметь капюшона). Эпилорикион представлял собой не столько стеганый защитный доспех, сколько стеганую тканевую накидку, надеваемую поверх доспеха для предохранения его от соприкосновения с влагой. Он мог также изготавливаться цветным, покрытым рисунком, и в этом случае служил своеобразным опознавательным знаком, по которому можно было определить принадлежность кавалериста к тому или иному подразделению. Данное защитное снаряжение имело подол различной длины (как правило, доходящий до колена) и рукава, которые могли полностью закрывать руку от плеча до кисти. В некоторых случаях эпилорикионы изготавливались настолько плотно простеганными, что могли выступать в качестве самостоятельного доспеха. Стеганое защитное снаряжение изготавливалось из нескольких слоев ткани (иногда для прочности пропитанной вином либо дубильными веществами), войлока либо простегивалось из нескольких слоев ткани или кожи, между которыми вкладывались льняные, шерстяные, хлопковые очесы либо конский войлок. Если судить по византийским изобразительным источникам конца IX — начала XI вв., рисунок простежки был близок к сочетанию ромбов либо квадратов.

К сожалению, до наших дней не сохранилось ни одного шлема X в., который мог бы быть с уверенностью отнесен к образцу работы византийских оружейников. Представление о форме и конструкции византийских шлемов можно почерпнуть только из относительно немногочисленных изобразительных источников. Изображения византийских воинов демонстрируют нам боевое наголовье, преимущественно куполовидной либо сфероконической формы. По всей видимости, речь идет о шлемах, аналогичных найденным на территории Венгрии и датируемым X в. (Немия, Печь, Ольмюц), либо о шлемах, распространенных в среде кочевников причерноморских степей (шлемы из Николаева и Новороссийска IX–XI вв.). Конструктивно данные шлемы смогут быть отнесены к монолитным и сегментно-клепаным. В первом случае шлемы спаивались из двух частей, образуя монолитную конструкцию, при втором способе сборки — лобовой и затылочный сегменты шлема накладывались на боковые. Сфероконические шлемы, как правило, имели навершия — по форме близкие к конусу. Куполовидные шлемы

могли также снабжаться наносником, хотя подобная конструктивная деталь шлемов по изобразительным источникам не прослеживается. Византийские шлемы могли снабжаться небольшими шпилеобразными элементами, через которые продевалось кольцо, предназначенное для крепления разноцветного плюмажа из конского волоса, и бармицами различного покроя. По предписанию императора Никифора II, шлемы клибанофоров должны были снабжаться бармицами, полностью закрывающими лицо. Помимо шлемов, в качестве боевых наголовий в византийской армии, по всей видимости, продолжают использоваться кольчужные капюшоны, носимые как самостоятельно, так и в качестве дополнительной защиты, надеваемой под шлем.

На основании текста трактата «Стратегика» императора Никифора II можно сделать предположение о том, что византийской кавалерией в качестве элементов защиты конечностей использовались металлические наручи и поножи. О конструкции данных предметов нет сколь-либо достоверных сведений. Однако имеется ряд изобразительных источников и единственная, на настоящий момент известная, археологическая находка. С территории Болгарии происходит кувшин, являющийся принадлежностью клада, обнаруженного в Надь-Сент-Миклоше и датируемого VIII–IX вв. На кувшине изображен конный воин, конечности которого защищены наручами и наголенниками, имеющими шинную конструкцию. Воин, облаченный в наголенники шинной конструкции, возглавляет отряд всадников, изображенных в византийской рукописи «Скилитос», хранящейся в Национальной библиотеке в Мадриде и датируемой началом X в. Сюжет иллюстрирует сражение императорских войск против абасгиан, победа над которыми была одержана в 1002 г. Единственная находка наголенника, также имеющего шинную конструкцию, происходит из Борисовского могильника, расположенного недалеко от Геленджика (Северное Причерноморье), и датируется VIII–IX вв. Предположительно наголенник из Борисовского могильника состоял из 4–5 деталей. Передняя часть наголенника, по всей видимости, состояла из двух основных деталей, повторяющих анатомию передней части голени, склепанных посредством центральной накладки, закрывающей шов между ними. Задняя часть состояла из одной пластины, частично повторяющей строение икроножной мышцы голени. Возможно, к передней части наголенника крепилась дополнительная полукруглая пластина, защищающая коленную чашечку.

Бронзовая позолоченная плакетка начала XI в. с изображением святого Федора Тирона, облаченного в доспехи кавалерийского командира. Британский музей

Щиты, бытовавшие в среде византийской кавалерии в X в., отличались достаточно большим разнообразием как размеров, так и форм.

Наибольшим распространением пользовались круглые щиты диаметром около 750–800 мм, называемые «туреос». Не менее популярны были небольшие круглые щиты диаметром около 30 мм. Данные щиты использовались преимущественно всадниками легкой кавалерии, вооруженными метательным оружием, и воинами подразделений катафрактариев. Помимо этих разновидностей щитов, кавалеристами империи использовались круглые либо овальные щиты «скутаты», являющиеся преимущественно деталью защитного снаряжения пехоты. В отличие от пехотных «скутатов» аналогичные по типу щиты, бытовавшие в кавалерии, имели несколько меньшие размеры, и их длина или диаметр обычно

не превышали 1000 мм. Во второй половине X в. стали входить в употребление так называемые «щиты-коршуны», имеющие миндалевидную (каплевидную) форму и длину не более 800–1000 мм. Щиты изготавливались из деревянных дощечек либо из монолитного куска древесины (значительно реже и преимущественно щиты небольшого размера). Поверхность щитов могла покрываться тканью, тонкой кожей, после чего расписываться как геометрическим, так и растительным орнаментом. Можно также допустить бытование росписей, изображающих представителей животного мира, мифологических существ, религиозных символов и святых. Край щита мог обшиваться толстой кожей, предохранявшей его от повреждений холодным оружием. Конструкция щита могла усиливаться умбоном, располагающимся в центральной части щита, хотя его наличие на византийских щитах совершенно не обязательно. Если судить по изображениям, византийские умбоны имели форму, близкую к полусферической, и круглую либо украшенную по краю фестонами площадку основания.

Воины, изображенные на планшетах, позволяют составить представление о комплексе вооружения византийских кавалеристов в X в.

Цветная вкладка (*стр. 32*)

Изображен турмарх кавалерийского соединения западных войск Византийской империи, обладающий комплексом защитного снаряжения, характерного для конца X в.

Комплекс защитного вооружения старшего византийского офицера провинциальной кавалерии состоит из боевого наголовья, стеганой рубахи, панциря и щита.

Боевое наголовье воина представляет собой шлем, имеющий монолитную конструкцию и куполовидную форму. Корпус шлема образуют три одинаковых подтреугольных детали, собранных в монолитную конструкцию посредством пайки. Шлем венчает небольшое цилиндрическое навершие, в котором посредством отверстия закреплено кольцо, служащее для крепления волосяного плюмажа. К нижнему краю шлема посредством отверстий крепится кольчужная бармица, пришнурованная к кожаной полосе (реконструкция шлема выполнена на основании изображений, происходящих с костяных обкладок византийских шкатулок X в. и присутствующих в сцене поединка Давида и Голиафа из «Менолгиума» Василия II (1017 г)).

Корпус воина защищает стеганая кабадия, имеющая туникообразный покрой и короткие рукава, доходящие только до локтя воина. Поверх стеганой рубахи надет ламеллярный панцирь, состоящий из мелких подпрямоугольных пластин, соединенных между собой тонкими кожаными ремешками. Конструкцию ламеллярной корпусной защиты воина дополняют плечевые щитки, имеющие чешуйчатую конструкцию, образованную достаточно крупными пластинами, и чешуйчатый же подол, крепящейся непосредственно к нижнему краю панциря (реконструкция панциря выполнена на основании анализа византийских изображения X в. святых воинов и батальных сцен с костяных обкладок шкатулок и ларцов, а также находок панцирных пластин с территории Болгарии (Великий Переяславль)).

Круглый, достаточно большой (около 700–800 мм в диаметре) щит (туреос), дополняющий комплекс защитного снаряжения воина, изготовлен из нескольких тонких изогнутых дощечек, плотно подогнанных друг к другу. Деревянная основа щита обтянута кожей, покрытой росписью, и усилена металлическим умбоном, имеющим круглое основание с фестончатым краем. К внутреннему краю щита прикреплена стеганая подушка и система ремней, позволяющая располагать руку с внутренней стороны щита в горизонтальном положении (реконструкция щита выполнена на основании изображений византийских всадников X в. из книги Иисуса Навина из Апостольской библиотеки Ватикана в Риме и воинского облачения фигуры св. Теодора с бронзовой плакетки начала XI в.).

Оружие воина состоит из булавы и меча. Булава воина состоит из деревянной рукояти и бронзового литого ударного элемента (навершия). Навершие имеет форму прямоугольника, снабженного пирамидальными шипами, расположенными на его боковых плоскостях (находки с территории Болгарии (Плиска, Великий Переяславль)). Меч воина состоит из клинка длиной 750–800 мм и шириной 50 мм, изготовленного в мастерских, расположенных на Рейне, и эфеса, состоящего из крестовины, рукояти и навершия. Полностью металлические детали эфеса таушированы листовым

серебром и гравированы черненым растительным орнаментом, выполненным в так называемом «венгерском» стиле. Данный меч попал к владельцу в качестве военного трофея в ходе боевых столкновений с воинами Святослава Игоревича на Балканах (в основе реконструкции — меч, найденный в Карабичево). Ножны меча изготовлены в традиционном для Византии стиле из дерева, обтянутого кожей. Ножны снабжены бронзовым литым наконечником, покрытым линейным и циркульным орнаментом (находка в слоях X в. в Херсонесе). Оконечность данной детали ножен снабжена небольшим шаровидным элементом. Ножны меча крепятся посредством двух петель к портупейному ремню, перекинутому через плечо воина (в основу реконструкции способа ношения длинноклинкового оружия, воинами империи положены многочисленные византийские изображения святых воинов, датируемые X в. хранение Государственного Эрмитажа).

Цветная вкладка *(стр. 33)*

Изображен клибанофор из состава элитных подразделений, сформированных императором Никифором II (Фокой) в период подготовки к отражению вторжения на Балканы русского князя Святослава Игоревича (70-е гг. X в.).

Голову воина защищает стальной шлем сфероконической формы, имеющий сегментно-клепанную конструкцию. Корпус шлема образован четырьмя подтреугольными сегментами, соединенными между собой посредством заклепок. Конструкцию шлема дополняет стальное воронкообразное навершие, в которое вставлен плюмаж из конского волоса. К нижнему краю шлема посредством кожаной полосы и стальных кольцевидных втулок, закрепленных на корпусе шлема, крепится кольчужная бармица. Бармица полностью закрывает лицо и шею воина (реконструкция шлема выполнена на основании описания, приведенного в «Стратегике» Никифора II, и конструкции шлемов из Печи и Новоросийска).

Корпус воина защищает пластинчатый ламеллярный панцирь (клибана), снабженный чешуйчатым подолом и трехрядными плечевыми щитками (описание деталей защитного снаряжения в трактатах «Тактика» Льва VI и «Стратегика» Никифора II, изображения святых воинов византийской работы X–XI вв.). Панцирь надет поверх стеганой рубахи (кабадии), имеющей туникообразный покрой, длинные рукава и подбой из льняных очесов. Поверх панциря надет стеганый эпилорикион, защищающий панцирь всадника от атмосферного воздействия и своей окраской свидетельствующий о принадлежности всадника к определенному кавалерийскому соединению. Цветные волосяные султанчики, прикрепленные к плечевым швам эпилорикиона, указывают на принадлежность всадника к подразделениям, размещенным в византийских провинциях.

Руки воина защищены стальными наручами, имеющими шинную конструкцию (описания в «Стратегике» Никифора II; изображение воина на сосуде из Надь-Сент-Миклоша, Болгария). К нижнему краю наручей крепится стеганая лопастевидная деталь, покрытая кольчужным полотном, предназначенная для защиты внешней стороны кисти (описание в «Стратегике» Никифора II). Голени воина защищены стальными поножами, имеющими шинную конструкцию. Пластины поножей закреплены на кожаной основе посредством заклепок и застегиваются на пряжки, ремни которых расположены на внутренней стороне (описание в «Стратегике» Никифора II, изображение на сосуде из Надь-Сент-Миклоша, Болгария, изображение в византийской рукописи «Скилитос», хранящейся в Национальной библиотеке в Мадриде).

Комплекс защитного вооружения воина дополняет круглый щит диаметром около 500–600 мм. Щит изготовлен из деревянных досочек толщиной 7–10 мм. Поверхность щита оклеена тонкой кожей и расписана стилизованным цветочным орнаментом. Конструкция щита усилена металлическим умбоном, расположенным в центральной части.

Вооружение воина состоит из копья и меча.

Копье воина состоит из древка длиной 3 м, снабженного втульчатым наконечником, имеющим перо вытянуто-треугольной формы длиной около 250 мм (находки на территории Крыма). На древке небольшой флажок, украшенный отрядной символикой.

Меч всадника состоит из клинка и эфеса. Клинок имеет длину около 750–800 мм при ширине равной 50 мм и линзовидное сечение. Эфес состоит из небольшой, слегка искривленной металли-

ческой крестовины, оканчивающейся расширением в виде стилизованных сердечек, дисковидного, соединенного с цилиндрической втулкой, навершия и деревянной рукояти (меч с территории Словакии, изображение воинов на шкатулке X в., облицованной слоновой костью). Ножны меча повторяют контур клинка, изготовлены из дерева, обтянуты кожей и оканчиваются бронзовым подтреугольным наконечником. Наконечник заканчивается шаровидным утолщением и покрыт линейным и циркульным орнаментом (находка в слоях X в. в Херсонесе). Ножны меча крепятся посредством двух петель к портупейному ремню, перекинутому через плечо воина. В основу реконструкции способа ношения длинноклинкового оружия воинами империи положены многочисленные византийские изображения святых воинов, датируемые X в., из собрания Государственного Эрмитажа.

Лошадь воина имеет защитное снаряжение, состоящее из ламеллярного нагрудника и покрытия крупа лошади (реконструкция выполнена на основании описания, приведенного в «Стратегике» Никифора II).

Цветная вкладка (*стр. 34*)

Изображенная фигура позволяет составить представление о внешнем облике легковооруженного кавалериста провинциальных соединений западной группы войск Византии.

Комплекс защитного снаряжения воина состоит из стеганой корпусной защиты, стального боевого наголовья и щита.

Шлем воина куполовидной формы имеет сегментно-клепаную конструкцию. Корпус шлема состоит из четырех подтреугольных деталей, соединенных посредством заклепок с плоскими шляпками. Корпус собран таким образом, чтобы затылочная и лобовая детали (сегменты) находили на аналогичные боковые элементы конструкции. Шлем венчает небольшой цилиндрический шпиль, в который посредством отверстия продето кольцо с прикрепленным плюмажем из конского волоса.

Корпус воина защищает плотный стеганый бамбакион, набитый льняными либо шерстяными очесами и имеющий покрой туники, снабженной короткими до локтя рукавами. Шею и голову воина защищает капюшон.

Круглый щит воина изготовлен из тонких, плотно подогнанных друг к другу дощечек. Поверхность щита оклеена тканью. Щит имеет небольшой диаметр, не превышающий 300—400 мм. Для удержания щита во время боя служат два скрещивающихся ремня, расположенных с внутренней стороны. Щит также снабжен ремнем, позволяющим крепить его за шею воина либо забрасывать за спину.

Оружие воина состоит из копья и меча.

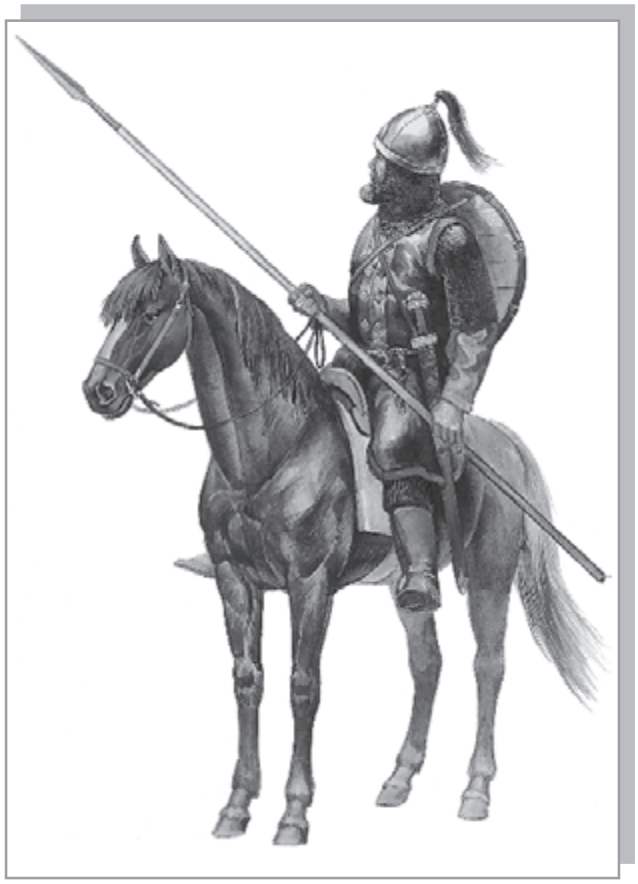
Копье воина имеет древко длиной около 2,5 м и снабжено стальным втульчатым наконечником с пером вытянуто-треугольной формы. Длина наконечника составляет около 250 мм (находки в Крыму). Меч воина состоит из клинка длиной 800 мм, шириной 50 мм и имеет линзовидное сечение. Эфес состоит из крестовины, рукояти и навершия. Прямая крестовина оканчивается шаровидными утолщениями, деревянная рукоять крепится к хвостовику клинка посредством заклепок, дисковидное навершие снабжено цилиндрической втулкой, куда утапливается верхний конец рукояти (в основе реконструкция — находка в Словакии, изображение святых воинов на триптихе X—XI вв., хранящемся в Государственном Эрмитаже). Ножны меча изготовлены из дерева, обтянутого кожей, и повторяют контур клинка. Ножны крепятся посредством двух кожаных петель к портупейному ремню, перекинутому через плечо воина.

Конный строй русов

Середина X в.

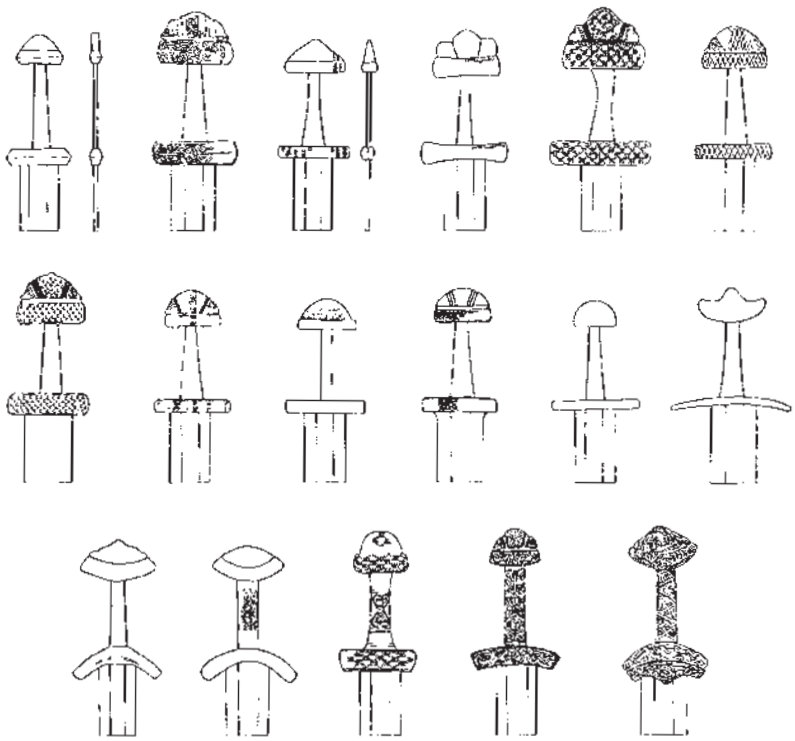
Конница на Руси как самостоятельная, а затем и решающая боевая сила зародилась в X в. Славяне, подобно многим северным и западным народам, широко использовали коней в качестве средства передвижения, а также для нужд сельского хозяйства. Необходимым домашним животным конь сделался, видимо, уже на заре истории славян в первые века нашей эры. Тем не менее воевать в конном строю славяне не умели и в раннем Средневековье предпочитали биться пешими, подобно дедам и прадедам. Надо отметить, что с момента широкого внедрения коня в военный обиход, хотя бы как транспортного средства, превращение его в «живое оружие» было делом нескольких десятилетий. Тем более, создание первого государственного образования — Киевской Руси — потребовало некой универсальной и мобильной силы, способной эффективно действовать на всей территории страны. Первые конные походы зафиксированы в летописи под 907 и 944 гг. Ко времени же князя Владимира Святославича, то есть к 980 г., конница является вполне самостоятельной военной силой.

Стоит остановиться на проблемах генезиса конницы на Руси подробнее. Процесс дифференциации пехоты и конницы был определяющим в развитии европейского военного дела X–XI вв. Подробности о военном деле славян раннего Средневековья мы узнаем в основном из иностранных источников. Арабские и византийские авторы единодушно отрицают боевое использование славянами коней. Лев Диакон, описывая события 970 г., однозначно на это указывает. Араб Ибн-Мискавейх в рассказе о походе русов на Бердаа (на Каспии) в 943 г. описывает их как исключительно пеших воинов. Достаточно прозрачные сообщения имеются и в русских летописях. Например, при заключении мира в 968 г. печенеги в качестве даров преподнесли русам коней, стрелы и сабли, а русы ответили подарком из мечей, броней и щитов. Однако уже во время этой летописной записи на Руси складывается новый обычай ведения войны на коне. Этому способствовали многие факторы. Сложение государства



потребовало ведения завоевательных походов, обороны территорий, регулярного сбора дани, для чего конница подходила лучше всего. Кроме того, война с конными кочевниками на востоке и юго-востоке была немыслима без конного же войска. Частые походы на Византию также стимулировали развитие конницы для противостояния традиционно сильной кавалерии императоров.

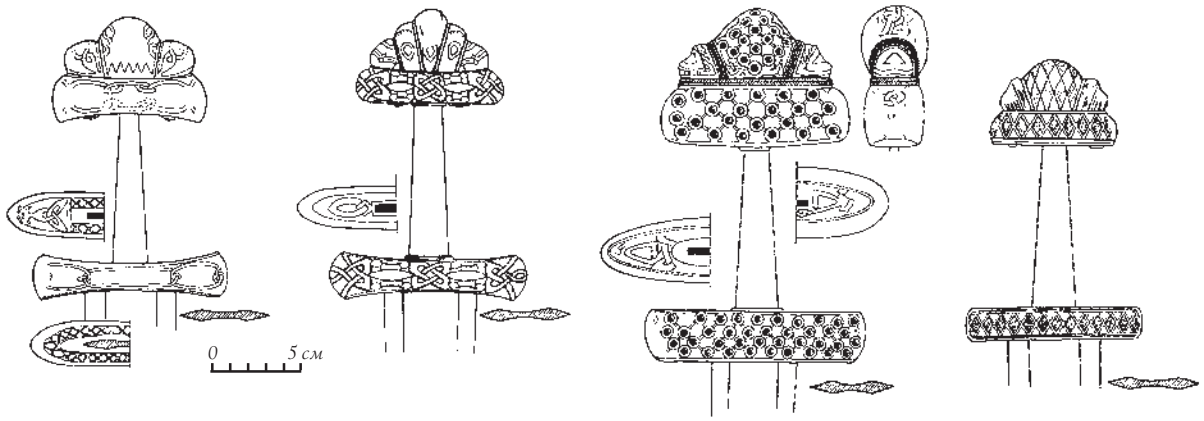
Одно из ранних свидетельств использования коня в бою русами относится к 971 г. Тогда в битве под городом Доростолом дружина Святослава Игоревича атаковала византийских катафрактариев в конном строю, о чем сообщает «История» Льва Диакона. Первые опыты закончились неудачей — конница катафрактариев была слишком



Типология мечей IX—XI вв., имевших хождение на Руси. По А. Н. Кирпичникову

сильна для не обученных верховому бою дружинников. Несмотря на неудачу под Доростолом и скорую гибель Святослава, его потомки осознавали важность создания сильной конницы и поддержали начавшийся процесс. Нарастающее расслоение общества и выделение воинского сословия еще более стимулировали его. Дружинники князя в качестве гвардии и наиболее квалифицированной части войска должны были быть опорой своего господина, сопровождая его как в разъездах, так и в бою. В результате дружина вынуждена была «пересесть на коней». Конное войско обеспечило эффективный отпор кочевникам — печенегам. Вскоре русские смогли наносить ответные удары в Степь. К XI в. конница становится грозной силой, способной самостоятельно решать любые тактические задачи. В последующие двести лет роль конницы на полях сражений делается решающей по всей Европе. С тех пор любое военное предприятие строится главным образом на обеспечении действий конных соединений. Победа конницы означало победу войска в целом.

Важнейшей составляющей всадника является его конь. О том, как он ценился, говорят письменные источники, приравнивая его к самым дорогим предметам военного и хозяйственного быта. Краткая «Русская Правда» XI в. предписывала штраф за кражу коня размером в три гривны, как и за кражу оружия. Тем более были дороги боевые кони. Поначалу выезженных коней завозили



Мечи X в. с о. Хортица, Днепровские пороги. По А. Н. Кирпичникову

из печенежских степей, впоследствии коневодство приобрело самостоятельное значение на Руси. В XII в. русских коней вывозили в германские земли, они положительно оценены во французских рыцарских поэмах. Боевые кони «фари» приравнивались к товарам стратегического значения, недаром шведы и немцы в XII—XIV вв. неоднократно запрещали продавать сильных и рослых лошадей на Русь, как, впрочем, мечи и прочие предметы вооружения. В культурных слоях Древней Руси останки лошадей занимают до 24 % от всех костей домашней живности. Среди них не более 5—10% составляют останки относительно крупных высокорослых коней, которые могли использоваться в бою или для воспроизводства необходимого поголовья.

Тактика конного боя на раннем этапе, видимо, была предельно простой, а сами действия конницы зачастую носили подчиненный характер. Атака «лавой» с активной перестрелкой на сближении и решительная сеча до окончательного исхода, после чего — преследование проигравшей стороны. В таких условиях управление войском было крайне затруднено, учитывая стремительность действий противоборствующих сторон.

Шлемы X в. из Гнездова Смоленской обл. и Чернигова. По А. Н. Кирпичникову

Кроме того, грохот копыт атакующей конницы и звон стали сильно снижали слышимость отдельных команд, что усугублялось наличием шлемов с толстыми стеганными подшлемниками. Уровень строевого взаимодействия был, очевидно, крайне невысок из-за слабой дисциплины и отсутствия строевых упражнений конных дружин. Конное сражение в результате было одноактным. Роль полководца сводилась к верному выбору места боя, правильному расположению войск и последовательному введению в бой резервов, если таковые имелись. В X столетии роль конницы и ее удельный вес в войске были относительно невелики. Так курганный материал этого времени содержит не более 20% захоронений с конским убранством. Пехота оставалась основой войска. Даже в XII в. во время максимального расцвета конницы князья зачастую не решались выступать в поход без «пешцев», хотя в этот период они исполняли вспомогательную функцию.

В X—XI вв. специализация конного бойца практически отсутствовала. Каждый дружинник являлся универсальным воином, владевшим всеми видами наступательного вооружения. Однако уже в XI в. начинается процесс дифференциации функций конников. Выделяется легкая и тяжелая конница — лучники и копьеносцы. Одно из первых упоминаний лучников как самостоятельной части войска относится к 1093 г. (Лаврентьевская летопись). Тем не менее можно предположить, что разделение по родам оружия началось несколько раньше. Например, Галл Аноним (польский хронист) упоминает лучников уже в 1018 г. В состав легкой конницы входили все, кому не хватало средств на дорогое тяжелое снаряжение — рядовые «черные» люди, дворовая челядь, союзные кочевники «яко простии люди суть суще и половец», а также дружинная «молодь».

Вооружение раннего Средневековья отличалось крайней простотой и одновременно роскошным, почти варварским, декором. То есть

Мечи из Карабичева и Фощеватой. Меч из Фощеватой несет на клинке надпись «Людота коваль» и является одним из двух известных мечей с клинком, несомненно, славянского происхождения

всякий, кто мог позволить себе столь дорогую вещь, как шлем, однозначно имел средства на его отделку. Защитное вооружение этого периода представляло собой нечто среднее между собственно боевым средством и шаманским убранством. Итальянский медиевист Франко Кардини остроумно сравнивает воина «темных веков» с шаманом. В самом деле, столь фрагментарное бронирование (в лучшем случае — короткая кольчуга и шлем) очень напоминает гремящее одеяние языческого жреца и в равной мере призвано отражать как силы злых духов, так и вполне материальные копья и стрелы неприятеля. Сходство усугублялось обильным использованием при украшении оружия таких «магических» металлов, как золото и серебро, которые никогда не мыслились просто красивым материалом. Над золотом, которое своим цветом напоминало солнце, не было властно время, что автоматически наделяло его божественными и магическими качествами.

Цветная вкладка *(стр. 35)*

На планшете представлен воин середины — второй половины X в. Так мог выглядеть знатный дружинник князя Святослава Игоревича. Реконструкция проведена по материалам кургана Гульбище под Черниговом (раскопки Д. Я. Самоквасова 1872 г.). Похороненный в кургане воин мог бы послужить прототипом былинного богатыря, так как это был человек огромного роста (около двух метров), что при среднем росте средневекового мужчины в 160—170 см было просто невероятным.

Шлем — стальное сфероконическое наголовье. Имеет сегментную четырехчастную конструкцию с добавлением венца и фигурного навершия. Лобный и затылочный сегменты наложены поверх боковых. Все детали соединены посредством заклепок. В налобной части расположена позолоченная бронзовая полукруглая пластина. Шлем снабжен кольчужной бармицей.

Корпусной доспех — кольчуга с короткими рукавами. Поверх надет шелковый кафтан, отороченный мехом. Кафтан распашной, застегивается на груди при помощи металлических позолоченных крючков и петель.

Щит — круглой формы с центральным умбоном. Собран из деревянных реек толщиной не более 10 мм посредством клея и нагелей на деревянном же каркасе изнутри. Плоскость щита и его кромка обтянуты кожей. Стыки кожаных полос на кромке могли скрепляться несколькими (пять—шесть) стальными скобами.

Наступательное вооружение — копье и меч. Меч каролингский — самый большой меч подобного рода из найденных до сих пор. Общая длина 1 м 26 см Ширина у гарды 60 мм.

Конская упряжь реконструирована по материалам курганного комплекса Гнездово под Смоленском.

В снаряжении воина органично сочетаются европейские и восточные влияния. Европейский меч сопровождается булгарским наборным поясом и кафтаном. Шлем имеет местное русское происхождение, но традиция изготовления и употребления подобных наголовий относится к Центральной Азии.

Конница эпохи Вильгельма Завоевателя

Вторая половина — конец XI в.

Викинги — выходцы из Скандинавии — наводили ужас своими набегами на всю Европу. Поначалу это были обычные грабительские рейды. Впоследствии они переросли в настоящую территориальную экспансию. Потомки викингов к XI в. осели в самых разных областях Европы. Они достаточно быстро восприняли культуру местного населения и совершенно ассимилировались с ним. Тем не менее их часто именовали общим термином «люди с севера», иначе — «норманны». Норманны были одним из самых энергичных и беспокойных составляющих средневекового мира, в полной мере унаследовав страсть своих предков к походам и завоеваниям. И на юге Италии, и на Сицилии, и во Франции норманны показывали себя деятельными политиками и хорошими воинами. Рассмотрим классический пример Нормандского герцогства.

Земля на севере Франции была дарована вождю викингов Роллону Датскому на правах пограничной марки, для обороны границ королевства. По имени новых хозяев земля была названа Нормандией. Потомка Роллона — Вильгельма Бастарда Нормандского — правильнее называть Гийомом, так как это был стопроцентный француз, который, подобно всем его подданным, говорил по-французски, искренне исповедовал католичество, воспринимал французскую культуру, словом, осознавал себя французом. В этот период во Франции шел активный процесс феодализации, в который в полной мере было включено Нормандское герцогство. В результате, ко времени Вильгельма, чьи предки не так давно сражались только пешими, основой его войска уже была тяжеловооруженная конница. Набиралась армия на основе бенефициальной повинности, когда каждый держатель земли расплачивался за нее военной службой. Каждый вассал должен был являться на призыв сеньора сам — «людно, конно и оружно». Если вассал сам был чьим-то сеньором, то дружины своих вассалов он также должен был выставить под знамена своего сюзерена. Здесь

прослеживаются две основные определяющие классической французской модели феодальных отношений: «вассал моего вассала — не мой вассал» и «владею потому, что служу».

Герцогская корона оказалась слишком легкой для Вильгельма. И он начал кампанию по приоб-

ретению собственного королевства. Наиболее доступной казалась соседняя Англия. Завоевание осуществлялось в несколько этапов, рассматривать которые не входит в задачи этой книги. Заключительный этап, собственно завоевательный поход, можно оценить как эталон феодального военного предприятия. Костяк армии составляли отряды тяжелой конницы. Это были вассалы самого герцога со своими дружинами и искатели наживы и приключений со всего королевства Французского. Идеологическая база была обеспечена благословением самого римского папы, который желал покончить с независимостью английской церкви. Брат Вильгельма епископ Одо присоединился к войску со знаменем, полученным от понтифика. Таким образом, война приобрела статус священной и явилась прототипом настоящего крестового похода.

Структура войска Вильгельма Нормандского впоследствии станет классической. Помимо обслуги главную численность войска составляли тяжелые конники — основная ударная сила и пехотные отряды обеспечения — лучники. Тактика конницы имела в основе небольшие сплоченные отряды — «конруа». Они состояли, как правило, из 5–10 человек, которые строились в одну или две шеренги и атаковали сомкнутыми массами стремя к стремени. В случае необходимости компактный строй имел возможность отступить и перестроиться для новой атаки под прикрытием других таких же отрядов. Известным недостатком подобной организации была низкая управляемость отдельных отрядов в бою и их малая численность для решения самостоятельных тактических задач. Несомненным плюсом была общая устойчивость такого порядка, ведь неудача и отступление одного отряда ничего не решали для армии в целом. Невзирая на новую тактику и развитое вооружение, практиковался старый метод владения копьем, когда укол наносился на вытянутой руке. Только это отделяло соратников Вильгельма от настоящего рыцарского боя. Однако, спустя всего тридцать лет, византийская императрица Анна Комнина, описывая воинов Первого крестового похода, говорила, что франкский рыцарь, зажав копье подмышкой и пустив коня во весь опор, способен пробить стену Константинополя. Трудно придумать более точную характеристику отработанному таранному удару с упором в стремена и высокую заднюю луку седла, который определит тактику рыцарского боя на столетия вперед. Даже народы, не воспринявшие рыцарской культуры или воспринявшие ее позднее, оценили и взяли на вооружение этот смертоносный прием, несомненно, являвшийся самым передовым способом непосредственного боевого контакта отдельных конных воинов и целых конных масс.

В 1066 г. армия Вильгельма переправилась через Ла-Манш и высадилась на небольшом полуострове возле местечка Гастингс. Здесь и разыгралось сражение, решившее судьбу Английского королевства. Народное пешее ополчение короля саксов Харальда, не выдержав натиска конницы и дождя стрел лучников, было разгромлено. Битва при Гастингсе выявила всю ущербность пешего ополчения. Во-первых, оно оказалось неспособно к напряжению длительной войны. За несколько недель до Гастингса саксы разгромили при Стэмфордбридже войско другого претендента на владычество над островом —

Ковер из Байе (фрагмент). 1080-е гг.

Харальда Хардрады, норвежского конунга[1]. Необходимость нового похода оказалась непосильной для простых крестьян, надолго оторванных от своих хозяйств. В результате войско Харальда подошло к Гастингсу сильно поредевшим от дезертирства. Во-вторых, вооружение ополченцев оказалось неудовлетворительным. Изобразительные источники, традиционно привлекаемые к исследованию этого периода (ковер из Байо), показывают саксов в тех же доспехах, что и нормандских рыцарей. Несомненно, это явное преувеличение. Подобно рыцарям были снаряжены только дружинники короля — «хюскарлы», которые составляли меньшинство в армии. Основная масса ополченцев имела защитное снаряжение только в виде щита и в лучшем случае — шлема. В-третьих, пешая фаланга отличалась неповоротливо-

Барельеф 1000 г. Аахен.
Воины изображены в коротких кольчугах и клепано-сегментных шлемах, что является типичным вооружением «предрыцарской эпохи»

[1] *Хардрада* — букв. суровый правитель.

Ковер из Байе (фрагмент). 1080-е гг.
Герцог Вильгельм подбадривает войска, объезжая порядки с поднятым шлемом

Ковер из Байе (фрагмент). 1080-е гг. Атака нормандского «конруа».
Комплекс вооружения на изображении заметно отличается от образцов начала XI в.
Наносники на шлемах стали всеобщим атрибутом, кольчуги удлинились до колен и до локтей.
Основной разновидностью щита стал большой миндалевидный щит

стью, в результате чего не могла в полной мере развивать и закреплять достигнутый успех. Эффективно обороняясь, стоя на месте, саксы нанесли ощутимый урон непрерывно атакующей коннице нормандцев. На какой-то момент битва была почти выиграна. Когда же по войску завоевателей прокатился слух, что Вильгельм убит, судьба сражения висела буквально на волоске. В решительный момент пехота не смогла перейти к организованному наступлению, сохранив порядок и не расстроив рядов. Харальд понимал, что потерявшая строй пехота будет растоптана на равнине тяжелой конницей, и поэтому вынужденно стоял на месте. В результате Вильгельм смог навести порядок в войске и решительным натиском вырвать победу из рук врага. До появления идеально организованной пехоты, способной в полном порядке одинаково эффективно обороняться, атаковать, вести штурм и отступать, действовать и против стрелков, и против конницы, и против такой же пехоты оставалось не менее трех веков. Пока же тяжелая конница надолго утвердилась как «царица полей».

Миниатюра Апокалипсиса из Райхенау. Германия, 1020 г. Бамберг, Государственная библиотека

Рыцарство явилось полным антагонистом крестьянской пехоте. Все три основных минуса народного ополчения, перечисленные выше, ни в коей мере не касались рыцарских армий, по крайней мере, на раннем этапе их существования. Напротив, профессиональные воины не заботились о собственном хозяйстве и были способны к более длительным походам, чем простые крестьяне. Они были лучше вооружены, так как их снаряжала целая община. Кроме того, специальное снаряжение было делом чести для профессионала, символом сословной принадлежности и, наконец, «орудием феодального труда». В то же время для крестьянина доспехи были обременительной дорогостоящей и, в общем-то, ненужной вещью, так как война не была смыслом жизни крестьянина. Рыцаря не нужно было заставлять постоянно совершенствовать свое вооружение: он являлся настоящим двигателем прогресса в военном производстве, так как от оружия зависела его жизнь. Крестьянин же довольствовался в большинстве случаев примитивными и дешевыми средствами, пригодными для охоты и бытовой самообороны. И, наконец, рыцари, в отличие от ополченцев, были направлены на агрессивную наступательную манеру боя, способны были активно атаковать, пользуясь малейшей оплошностью неприятеля. В то же время рыцарство было способно к эффективной обороне и даже при необходимости к действиям в пешем строю.

Вооружение раннего рыцарства (если угодно проторыцарства) состояло преимущественно из кольчуги, надетой поверх стеганого акетона. Помимо клепаных сегментных шлемов широко распространяются монолитные сварные или паяные наголовья, которые начинают в массовом порядке снабжаться наносниками для защиты лица. Революционным нововведением стали миндалевидные щиты. Круглый верх таких щитов удобно закрывал воина от плеча до подбородка, доходя до шеи коня; треугольная, вытянутая нижняя часть прикрывала ногу до колена, а заодно и бок коня. Кулачный хват круглого щита сменился более удобным для конника локтевым, для чего к изнанке щита подвели систему ременного крепления и амортизирующую подушку под руку. Стальной умбон продолжал употребляться, но теперь он служил не защите кисти, а усилению плоскости щита. Наступательное вооружение состояло из мечей, топоров и копий. Копье посте-

Ковер из Байе (фрагмент). 1080-е гг.

пенно выходит на первый план как основное оружие конницы. Каролингские мечи отличались широким клинком и эфесом с прямым коротким перекрестьем и навершием с прямым нижним краем. В таком эфесе кисть воина надежно расклинивалась на рукояти, что не позволяло совершать сложных экзерсисов, но было чрезвычайно удобно при широких мощных плечевых ударах. Меч носился на перевязи поверх кольчуги или под ней. При последней манере ношения в кольчуге делалась прорезь, так чтобы эфес меча выступал наружу.

Основным источником по вооружению воинов — участников битвы при Гастингсе является знаменитый ковер из Байо. Однако он был создан на двадцать лет позже завоевания Англии и скорее отражает действительность Первого крестового похода. В это время повсеместно распространяются кольчужные капюшоны для усиления шлема[1]. Они приплетаются к кольчугам или надеваются самостоятельно. Изредка у наиболее богатой части воинства появляются кольчужные чулки для защиты ног. Так, на ковре из Байо в таких чулках изображены только сам Вильгельм и епископ Одо. Кольчужные рубахи удлиняются, приобретая подолы ниже колен и трехчетвертные, а иногда и полные рукава.

Цветная вкладка *(стр. 36)*

На планшете изображен нормандский рыцарь 1080–1090-х гг. Реконструкция произведена по материалам ковра из Байо.

[1] Кольчужные капюшоны были хорошо известны в Византии со времен поздней античности. В Европе распространились не ранее XI в. Ныне кольчуги с приплетенным капюшоном принято называть термином «хауберт», «хауберг», «хаубергон». На самом деле эти древнегерманские слова обозначают кольчугу вообще.

Европейские конные воины

1100–1150 гг.

К концу X—XI вв. Европа избавилась от основных внешних врагов. Христианизация Польши, разгром венгерских племен при Лехсфельде 955 г., завершение рейдов викингов и, наконец, реконкиста в Испании, которая устранила угрозу набегов арабов на юг Европы, способствовали общественно-государственному обустройству европейских народов. Продолжали существовать старые и складываться новые государственные образования. Среди них были относительно компактные и сплоченные, наподобие нормандского королевства Рожера II на Юге Италии, Английского королевства, Кастилии. Другие страны отличались зыбкой и неустойчивой государственностью, представляя собой конгломерат разнокалиберных сеньориальных владений. Как верно отмечал М. А. Заборов: «Даже более или менее обширные государственные образования <...> реально являли собой лишь подобие государственного единства, наложенного на лоскутную <...> ткань княжеств, графств и герцогств». Например, Франция была разделена на множество относительно крупных феодальных наделов, которые представляли собой фактически независимые государства. Не лучше дела обстояли и в Священной Римской империи германской нации, которая, невзирая на сохранение старых институтов власти, была раздроблена на несколько десятков княжеств. В литературе данную ситуацию принято описывать устоявшимся термином «феодальная раздробленность». Более развернуто реальность отражают слова французского медиевиста Ф. Контамина: «Для того явления, которое называется феодализмом (имеются в виду классические формы феодальных отношений. — *Авт.*), раздробленность характерна даже больше, чем личные связи, ритуалы оммажа и вассальной зависимости». Сложная система вассально-сеньориальных отношений поощряла существование множества мелких государств, сообщая им различные иммунитеты и права. Важнейшим было право на самостоятельное объявление войны. Значительная самостоятельность местных владетелей была несомненной необходимостью в эпоху «темных веков», когда при общей нестабильности и постоянной угрозе извне надо было принимать быстрые и волевые решения, имея возможность тут же претворять их в жизнь. Однако при известной стабилизации и исчезновении внешней угрозы, то, что было благом, обернулось злом.

Множество незначительных локальных конфликтов стали своеобразным символом своего времени. Известны и крупные предприятия общеевропейского значения: реконкиста в Испании, начало христианской экспансии в Прибалтике, отражение половецкой угрозы и ответные походы в Степь Киевской Руси, крестовые походы и основание латинских государств в Малой Азии. Значительные внутриевропейские конфликты также имели место. В XI—XII вв. были запутаны такие политические узлы, что на их развязывание ушли столетия кровавых войн. Одним таким узлом был англо-французский конфликт, другим — итало-германские войны, которые начались войной Фридриха I Гогенштауфена с Ломбардской лигой (1150—1170 гг., завершились битвой при Леньяно 1176 г.) и закончились Итальянской вой-

ной 1494—1559 гг. Внутренние конфликты и несогласия всплывали даже при совместных предприятиях. Ярким примером служат раздоры из-за контроля над левантийской торговлей на Средиземном море, имевшие место во время Второго Крестового похода 1147—1149 гг. Внутренние конфликты подогревались тем, что большинство, если не все государства Европы, не имели выраженного национального характера. Лишь ненадежные феодальные обязательства служили объединяющим фактором. Да и простой человек классического Средневековья был глубоко космополитичен. В результате он с трудом воспринимал чьи-либо интересы, кроме интересов своей общины и собственных.

Парадоксально, но в условиях кажущейся внутренней слабости Европы христианские воины одерживали победы и вели успешные войны, добиваясь серьезных внешнеполитических выгод. Особенно ярко успехи проступают при изучении истории отдельных государств, а не мифической химеры единой Европы, о которой в XII в. серьезно уже не вспоминали.

В первой половине XII в. главной фигурой на поле боя окончательно и почти повсеместно стал тяжеловооруженный конник-копейщик. Манера боя, основанная на таранном ударе копья, оказалась чрезвычайно эффективной и определила рыцарскую тактику во всех ее проявлениях. При таком способе ведения боя воин упирался прямыми ногами в стремена, прижимаясь спиной к высокой задней луке седла. Копье неподвижно зажималось подмышкой и иногда укладывалось на край щита. Таким образом, жестко зафиксированный в седле всадник представлял единую систему с конем, что позволяло сообщить копью поступательную энергию движения животного. В любом случае скорость галопирующей лошади (галоп был основным аллюром непосредственного момента атаки), помноженная на совокупную массу самой лошади и седока в доспехах, давала силу удара, многократно превосходящую силу удара, нанесенного простым выбросом руки. Основной задачей воина было плотно сидеть в седле, жестко контролировать движение коня, точно направлять копье, не выпуская его из подмышки и, конечно, прикрываться щитом от возможных контрударов. В таких условиях искусство верховой езды становилось едва ли не основным умением воина. Управление конем было чрезвычайно трудной задачей, требовавшей долгой специальной подготовки, причем как всадника, так и коня. Первый должен был справиться с конем на любом аллюре, будучи облаченным в тяжелые доспехи со щитом на левой руке и копьем в правой. Справедливости ради отметим, что основной вес щита приходился не на руку, так как он висел на нашейном ремне. Так или иначе, поводья в лучшем случае только придерживались левой рукой, т. е. управление почти полностью производилось ногами (шенкелями и коленями), поворотами и наклонами корпуса и, возможно, голосом. Вдобавок тяжелое снаряжение требовало максимально глубокой посадки, а значит, и «длинных» стремян[1], выездка на которых принципиально сложнее, чем на коротких. От второго, т. е. от коня, требовалось не пугаться грохота битвы, послушно идти прямо на врага, быть достаточно резвым и горячим, но в тоже время не слишком раздражительным[2]. Показательно, что в XII—XIII вв. — эпоху классического Средневековья — среди обязательных рыцарских умений всегда упоминалась верховая езда и никогда — искусство боя на холодном оружии.

Меч 1100—1150 гг.

Тактика массированного боевого контакта основывалась на построении «конруа», которое, очевидно, стало более многочисленным и тяжеловесным, способным решать отдельные тактические задачи, в отличие от относительно малочисленного «конруа» XI в.

[1] Естественно, под «длинными стременами» понимаются длинные путлища стремян.

[2] До XII в. в качестве боевых верховых животных предпочитали жеребцов, с XII в. предпочтение все чаще стали отдавать меринам как наименее впечатлительным и более спокойным.

Рельеф 1140 г. Крос-Комбург

Мастерство оттачивалась на воинских играх — турнирах, — которые представляют собой уникальный, чисто европейский, рыцарский феномен. В XII–XIII вв. турниры представляли собой имитацию настоящего сражения, когда в конном строю сталкивались две партии конных воинов. От войны их отличало лишь то, что убийство противника не было первозадачей. Игровые побоища велись на боевом остром оружии с применением полного спектра средств, приемов и зон поражения. Подобные развлечения были весьма опасны. Часты были смертельные случаи и серьезные травмы. Тем не менее их популярность росла, о чем свидетельствуют частые церковные запрещения турниров. Впоследствии, когда турниры превратились в спортивное личностное состязание с элементами шоу, в память о прошлом в их рамках проводились конные групповые бои — «милле а ля ансьен» (или «свалки по-старинному», на старинный манер).

В первой половине XII в. главным видом защитного вооружения оставалась кольчуга — «хауберт». В этот период она приобретает максимальную длину. Часто кольчужная рубаха имеет подол длиной до середины голени, как, например, показано на изображении Жоффруа Плантагенета. Вариант кольчуги с приплетенным капюшоном вытесняет все остальные и становится общеупотребимым, хотя самостоятельные кольчужные капюшоны совершенно не исчезли. Распространены были кольчуги и с неполным рукавом. Наравне с ними имели хождение и длиннорукавные кольчуги. Стеганые акетоны могли быть длиннее кольчуги, при этом кольчуга с коротким рукавом мог-

Рельеф в Ангулемском соборе. 1128 г.

ла ассоциироваться с длиннорукавным акетоном. Все чаще появляются в употреблении кольчужные чулки. Сначала их могли надевать на одну только левую ногу, для защиты голени под щитом. Однако такой вариант не прижился, и в употребление вошли парные чулки.

Голову прикрывал шлем, который мог иметь коническую, куполовидную, полусферическую или горшковидную форму тульи. К тулье добавлялись наносник или закрытая маска с прорезями для глаз. Изначально это были примитивные полумаски, которые приклепывались к венцу шлема. Вскоре появились полные глухие забрала, которые разовьются в горшковидные «большие» шлемы. В XII в. в Европе вновь появляются шлемы с полями «шапель-де-фер» (буквально с французского — «железная шляпа»). Поля надежно закрывали лицо от скользящих ударов холодного оружия и при этом не закрывали обзор.

Щиты оставались традиционных миндалевидных очертаний, но с начала XII в. с ними стали конкурировать вытянутые треугольные щиты. Голова была надежно прикрыта глухим шлемом, поэтому верхняя полукруглая часть щита для улучшения обзора была упразднена. Плоскость щита могла усиливаться различными металлическими деталями, например, умбонами.

Главным наступательным оружием служило копье. Меч тем не менее получил дальнейшее эволюционное развитие. Для борьбы с тяжелым защитным вооружением, а также для удобства рубки с коня клинки мечей делаются длиннее и шире. Острия еще в XI в. приобретают клиновидные очертания для наиболее эффективного укола. Навершия приобретают изогнутые или даже круглые очертания, что раскрепощает кисть владельца на рукояти и позволяет совершать более сложные эволюции оружием. Гарда остается в виде простого перекрестья. Оно удлиняется, более надежно прикрывая кисть воина.

Цветная вкладка (*стр. 37*)

На реконструкции представлен воин эпохи Второго крестового похода. Вооружение носит общеевропейский характер, поэтому точную этническую привязку дать трудно. Основная часть предметов вооружения воспроизведена по германским материалам — данного воина можно определить, в широком смысле, как германского.

Кольчуга — длиннополая рубаха с приплетенным капюшоном и с широкими рукавами в три четверти (миниатюры книги «Диалоги Св. Григория», середина XII в.).

Шлем — полусферическое наголовье, сегментной конструкции. Склепан из четырех деталей и широкого венца. К венцу посредством приклепывания присоединен наносник, который имеет выраженное расширение к окончанию. Внизу его ширина равна 75 мм. Предположительно шлем имеет германское происхождение. (Частная коллекция, точные размеры неизвестны)

Меч классический романский. Общая длина 1022 мм, клинок 887/58 мм, гарда 148, вес 940 г. (Коллекция Р. Юнгфера, Берлин.)

Копье — так называемое крылатое копье. Имеет изначальное охотничье назначение. Отличается прямоугольными выступами на втулке. Играли роль ограничителей для предупреждения слишком глубокого проникновения в поражаемую поверхность. Ведет происхождение из эпохи раннего Средневековья, в качестве боевого оружия известно до первой половины XIV в. (Коллекция А. Гутмана, Германия. Точные размеры неизвестны.)

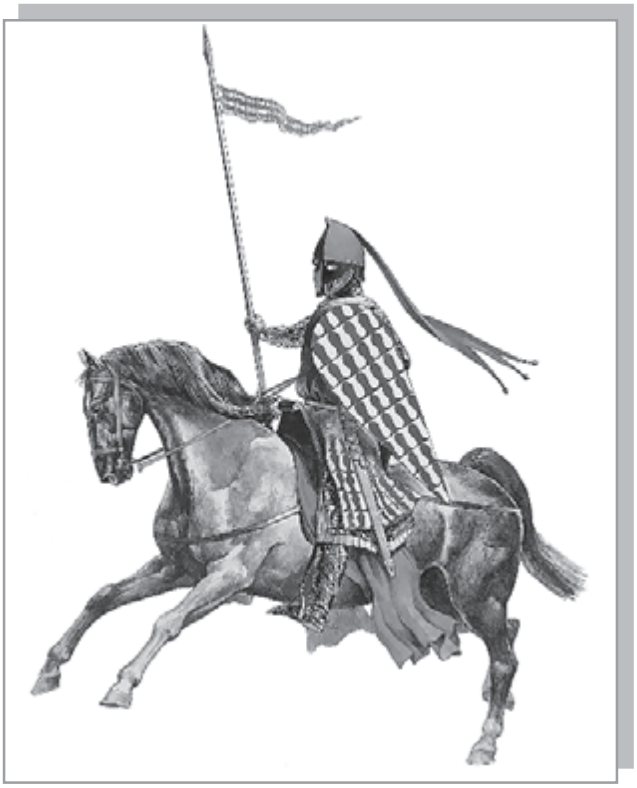
Щит — миндалевидный с центральным умбоном. Поле щита расчетверенное, черное с золотом.

Рыцарь итало-нормандского Сицилийского королевства

1180–1210 гг.

Конец XII — начало XIII вв. явились расцветом рыцарства как военной силы. Это время воспето во множестве романов, кансон и сервент. Слава этого времени дала культурный толчок такой силы, что каждый последующий век многочисленные авторы оказывались буквально загипнотизированными колоритными образами прошлого. Ричард Львиное Сердце, Филипп II Август, Фридрих Барбаросса, Генрих Лев и множество других то и дело становились (и становятся по сей день) героями литературных произведений или объектами исторических исследований.

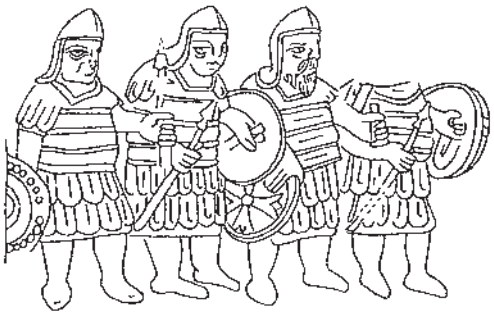
Международные отношения той поры как нельзя лучше способствовали развитию военного дела со всеми его составляющими. Война, которая не прекращалась в Европе даже во время «всеобщего мира», объявленного Папой римским, определяла буквально все сферы жизни. Переплетение интересов самых могущественных владык средневековой Европы порождало бесчисленные конфликты, главным аргументом при разрешении которых был меч. В эту эпоху военная активность сосредотачивалась в основном на нескольких фронтах. Во Франции анжуйская династия Плантагенетов боролась с Капетингами за свои династические владения[1]. Те земли, которые отвоевал у Людовика VII (Капетинга) Генрих II (Плантагенет), его сыновья Ричард и Джон уступили хитрому Филиппу II. В то же время германский император Фридрих I Гогенштауфен, открыто называвший себя «владыкой мира», заявлял о намерении раздвинуть границы своих владений до исторических пределов Римской империи. В результате долгие годы он воевал в Северной Италии, безуспешно стараясь силой оружия и закулисных интриг покорить богатые ломбардские города. Одновременно Фридрих I вынужден был



подавлять сепаратистские устремления своих могущественных вассалов — германских князей, среди которых его главным врагом был саксонский герцог Генрих Лев. Средиземноморский бассейн был еще одной точкой политической напряженности. В XII—начале XIII вв. на покорение Малой Азии и освобождение Гроба Господня европейские рыцари три раза поднимались в крестовые походы. Контроль над путями левантийской торговли был важным стимулом в этих предприятиях, объединивших усилия всей Западной Европы. Особого внимания заслуживает Третий крестовый поход, который по вложенным средствам, количеству участников и уровню организации является крупнейшим военным предприятием средневековой Европы. Парадоксально на первый взгляд, но колоссальные усилия трех круп-

[1] Английская королевская династия Плантагенетов происходила из герцогства Анжуйского. В XII в. основная часть их территориальных владений лежала во Франции.

нейших держав — Германии, Франции и Англии — не принесли практически никаких положительных результатов на малоазийском фронте, явившись, по меткому замечанию И. В. Можейко, «выстрелом горохом из очень большой пушки в каменную стену, которая не пошатнулась». Более того, в результате бесплодного похода обострились многие внутриевропейские конфликты. Тем не менее были и положительные моменты. Третий крестовый поход



Резная шкатулка.
Сицилия или Южная Италия, конец XII в.

Рельеф из церкви Св. Иустина.
1210-е гг. Падуя, Италия

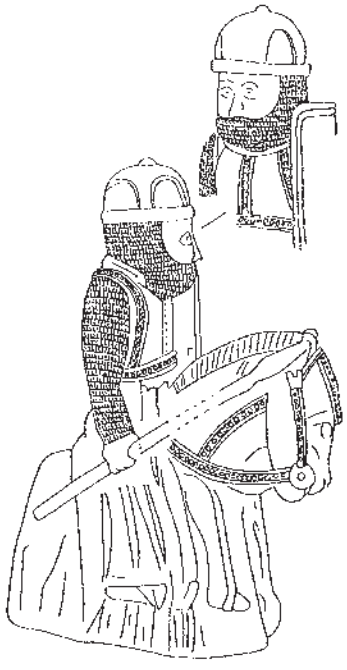
хоть и не спас латинские государства на Востоке, но все же отсрочил их гибель, а также серьезно помог испанской реконкисте. Крестоносная риторика послужила идеологическим основанием и для внутриевропейской феодальной экспансии, например, походам на альбигойский Лангедок на юге Франции и завоеваниям Прибалтики.

Рыцарская конница в описываемое время все еще безраздельно господствовала на полях сражений. Помимо силы оружия, залогом успешного применения этого рода войск являлась идеология. Вера в собственную непобедимость была зачастую важнее реального военного потенциала того или иного рыцарского соединения. Окончательно сложившийся ко второй половине XII в. рыцарский кодекс стал основой жизни многих тысяч людей. Неукоснительное следование, настоящее, а не наигранное поклонение этому неписаному своду законов было основой сказки, ставшей реальностью, — сказки о «рыцаре без страха и упрека», сверхчеловеке, полубоге, некоем идеальном существе, неподвластном земным слабостям. До тех пор пока была жива эта сказка и непонятно было, кто верит в нее больше, сами рыцари или окружающие их простые люди, рыцарство в самом деле оставалось непобедимым. Харизма рыцаря была могущественнее его копья. Харизма атаковала впереди рыцаря, и никто не смел встать на его пути, кроме равного ему собрата по сословию. Известный итальянский медиевист Франко Кардини совершенно справедливо доказывает религиозное основание рыцарской идеологии. Именно идущее из глубины веков обожествление воинского сословия в варварских обществах прослеживается в нарративных (повествовательных) источниках XII–XIII столетий. Например,

когда юный Парцифаль в романе поэта-воина Вольфрама фон Эшенбаха впервые слышит, как вдалеке скачет кавалькада рыцарей, то искренне принимает звон кольчуг за звук райских колокольцев и думает, что это не люди, а ангелы, спустившиеся с небес.

Описанное положение глубоко повлияло на тактику ведения боя рыцарскими войсками. Зачастую пример личного мужества предводителя в битве играл бóльшую роль, чем тщательное планирование, разведка, точное управление войсками и прочие обязательные составляющие военного искусства. Многочисленные военные предприятия апологета рыцарства Ричарда Львиное Сердце служат тому яркой иллюстрацией. В каждой битве он всегда стоял в первом ряду своего войска. В стычках со своими соседями в юности, когда он был графом Пуату, в войне с собственным отцом Генрихом II, в Святой Земле во время Третьего крестового похода или под конец жизни, когда он пытался вернуть свои земли во Франции, отобранные Филиппом II, мы никогда не увидим Ричарда-стратега или Ричарда-политика. Только — бешеный напор Ричарда-рыцаря на коне впереди собственных вассалов. Битвы Ричарда не несут ничего интересного в плане исследования средневековой тактики. Зато они очень показательны с точки зрения рыцарского духа и рыцарской ментальности. Например, в Святой Земле Ричард не проиграл ни одного сражения, что удивительно, так как он сталкивался с изощренными восточными полководцами, которые к тому же воевали на своей территории. Судьбу боя Ричард всегда старался решить отчаянной лобовой атакой тяжеловооруженной рыцарской конницы. Ричард как настоящий рыцарь всю жизнь играл со смертью, и его история знает как героические, так и курьезные моменты. С одной стороны, при осаде Акры Ричард, видя, что небольшой отряд англичан попал в окружение и будет вот-вот полностью уничтожен, помчался ему на выручку, не заботясь о том, кто за ним последовал. Когда же его попытались остановить, говоря, что это слишком опасно, он ответил, что подданные могут не считать его английским королем, если эти люди погибнут без него. С другой стороны, за несколько лет до этого, во время войны со своим отцом Генрихом II, Ричард так торопился вступить в бой, что не успел надеть ни кольчуги, ни шлема. На поле сражения он столкнулся с Гийомом Маршаллом, прославленным воином, военачальником короля Генриха. Тот поднял копье, готовясь поразить безоружного принца, однако Ричард не растерялся и громко закричал, что отказывается биться без доспехов. Благородный Маршалл был вынужден отклонить удар. Фигура Ричарда Львиное Сердце одна из самых неоднозначных в средневековой истории. Благородный рыцарь, смелый воин и талантливый поэт, он стал проклятьем для своих подданных, разорив страну и ввергнув ее в хаос бесконечной войны. Один из выдающихся командиров рыцарской конницы за всю ее историю, он был откровенно слабым тактиком. Не зная пора-

Резная колонна. Сицилия, конец XII в.



Шахматная фигура. Резная кость. Южная Франция или Италия, вторая половина XII в.

Меч. Италия, вторая половина XII — начало XIII вв.

жений как воин, Ричард при этом является одним из главных виновников провала Третьего крестового похода из-за своего полного бессилия как стратега и политика.

Основу защитного снаряжения в рассматриваемый период продолжала составлять кольчужная рубаха — хауберт. Невзирая на известное утяжеление наступательного вооружения во второй половине XII—начале XIII вв., кольчужное полотно продолжало оставаться самым распространенным и эффективным видом защитного покрова. Письменные источники доносят свидетельства надежности кольчуги. Например, английская хроника описывает штурм замка валлийцами на англо-валлийском пограничье в середине XII в. В определенный момент осажденные опускают мост и идут на вылазку. Впереди атакует рыцарь — хозяин замка на коне. Вскоре его лошадь погибает, и он падает на землю в гуще врагов, которые начинают рубить и колоть лежачего. В это время англичане пытаются отбить своего господина. Так они дерутся некоторое время, пока рыцарь не поднимается на ноги, после чего все — и валлийцы, и защитники замка — обращаются в бегство. Почти аналогичный случай произошел в 1214 г. во время битвы при Бувине. Тогда сам король Франции Филипп II Август оказался сбитым с коня среди толпы врагов, которые так и не смогли поразить его через кольчугу, пока к королю не прорвались его рыцари. Латинские и сельджукские хроники описывают, как в битве при Арсуфе 1191 г. рыцари выходили из боя, утыканные стрелами, как ежи иголками, но совершенно невредимые, так как стрелы, застряв между звеньев кольчуги, не могли проткнуть стеганые поддоспешные одежды. Наиболее распространенной формой кольчужной рубахи был хауберт с приплетенными к нему рукавицами и капюшоном. Надо отметить, что защита кисти появляется не раньше 1180–1200 гг., причем изначально она не закрывает пальцев. Лишь затем появляются рукавицы в полном смысле слова — с прикрытием для четырех пальцев от указательного до мизинца и отдельно для большого пальца. Как и в первой половине XII в. кольчужные капюшоны в основном приплетались к горловине хауберта, хотя, как доказал английский оружиевед Ян Пирс, отдельные капюшоны с пелериной для защиты шеи и плеч также имели хождение, хоть и ограниченное. В 1190–1200 гг. появилась мода, определившая внешний облик западноевропейских воинов на века вперед. Имеется в виду манера носить поверх кольчуги матерчатую рубаху — котту или сюрко[1]. Считается, что котта служила предохранению доспехов от прямых солнечных лучей, что было немаловажно в условиях боев в Палестине. Однако, как показали эксперименты, котта совершенно не спасает от жары. Скорее всего, ее появление было обусловлено облегчением распознавания «свой—чужой» в бою. Именно в конце XII в. в Европе складывается искусство геральдики, позволившей помечать воинов систематически разработанной и легко отличаемой системой символов. Традиционным геральдическим полем являлся щит, однако и котты, едва появившись в военном обиходе, стали покрываться гербами и эмблемами своих владельцев. Именно это заставляет думать, что котты, в первую очередь, служили цели опознания воина. Мода оказалась живучей и просуществовала до конца XIV в.

Цветная вкладка *(стр. 38)*

На планшете изображен всадник в рыцарском вооружении середины — второй половины XII в. Подобное снаряжение известно в основном по памятникам итальянского изобразительного искусства. Таким образом могли выглядеть конные воины Ломбардской лиги или же итало-нормандского Сицилийского королевства на Сицилии и Юге Италии. Предположительно южнофранцузское рыцарство было знакомо с подобным снаряжением и могло иметь схожее вооружение.

Шлем: так называемый «фригийский колпак» — куполовидная тулья с вытянутым вперед

[1] От surcoat — буквально «верхняя одежда» или «верхняя рубашка».

острием. Шлем конструктивно состоит из тульи, забрала и дополнительного прикрытия основания шеи. К венцу шлема прикреплена посредством клепки маска-забрало с полукруглыми глазными вырезами. Аналогично зафиксировано и прикрытие шеи в задней части шлема. Подобные шлемы изображены на барельефе «Роланд и Фарагут» из церкви Сан-Зено, Верона и относятся к середине XII в. Видимо, просуществовали до конца столетия, когда к ним могли добавлять для усиления защиты нашейные пластины. Схожие дополнительные усиления шлема можно видеть на миниатюрах «Энеиды» Генриха фон Фельдке (1200-е гг.).

Кольчужное вооружение — хауберт, капюшон и чулки общеевропейского типа. Чулки представляют собой трапециевидную полосу кольчужного полотна длиной выше колена. Снизу приплетено прикрытие стопы. Непосредственно под кольчужный чулок подводилась стеганая матерчатая подкладка или поддевался стеганый чулок. Подобная система описана в уставе ордена Тамплиеров. Сзади чулок затягивается посредством серии ремней. Сверху пришнуровывается к поясу или акетону. С внешним видом и общей конструкцией кольчужных чулок можно ознакомиться на примере более позднего экземпляра из собрания музея Уоллеса и сильно фрагментированного образца из музея Метрополитен, Нью-Йорк.

Щит — вытянутый миндалевидный, покрытый геральдическим полем беличьего меха.

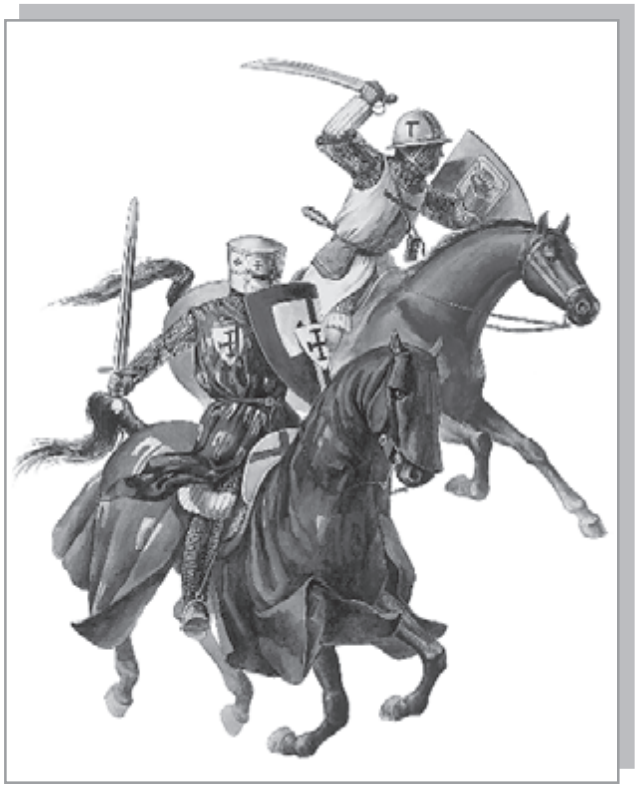
Предположительный общий вес вооружения около 20–25 кг.

Тевтонский рыцарь и кнехт

1220–1240 гг.

На ведении военных действий и комплектовании армий с начала XIII в. отразился общеевропейский кризис феодальной воинской повинности. Отсутствие упорядоченности в феодальных отношениях создало невероятную путаницу взаимных обязательств различных господ друг перед другом. Возможность приносить вассальную присягу и получать фьоф[1] от нескольких сюзеренов неизбежно привела к тому, что вся Европа покрылась сложной паутиной вассально-сеньориальных договоров, которая проникала через любые национальные границы и не знала ограничений. Согласно этим договорам вассал обязан был нести службу у своего господина, но если господ оказывалось несколько, то простая, на первый взгляд, система начинала давать сбои. Особенно если два сеньора, от которых один и тот же вассал держал разные фьофы, начинали воевать друг с другом. А ведь вассал мог иметь и большее количество господ. Иногда их число могло доходить до нескольких десятков. В результате в договорах стало уточняться, против кого или на каких территориях будет обязан нести службу тот или иной вассал. Зачастую система обязательств оказывалась настолько сложной, что разобраться в ней мог только опытный юрист. Оперативно собрать большую и надежную армию на основе ленного призыва в таких условиях было чрезвычайно сложно. Положение усугублялось еще и тем, что служба была ограничена незначительным временны́м отрезком, который в среднем равнялся сорока дням, хотя мог достигать и двух месяцев, в зависимости от условий договора. Рыцарь не мог надолго оставлять свой надел, ведь без присмотра он мог захиреть и перестать приносить доход, необходимый для содержания дорогостоящего вооружения, коней и слуг, без чего рыцарь не мог полноценно нести службу. Получался заколдованный круг. Выход из него открывал самый надежный (и по сей день) посредник между государством и воинами — деньги. Уже в XII в. необходимой составляющей почти всякой армии были наемники. К XIII столетию наемничество приобрело широчайший размах. Наравне с ленным призывом государи охотно использовали отдельных наемников или целые отряды. Более того, вассал по окончании срока мог продолжать служить на платной основе. С некоторых пор имел место феномен, когда вассал получал деньги с самого начала службы. Такой приказ отдал, например, в 1240 г. Фридрих II Гогенштауфен. Его примеру последовали многие государи, сознательно отказываясь от прав, которые юридически у них были (отработка держания лена бесплатной военной службой — основа феодальных отношений). Вероятно, в психологическом и материальном отношении было ошибочным содержать вместе горстку вассалов, крайне неохотно исполнявших со-

[1] Фьоф — то же, что феод: наследственное земельное владение, пожалованное сеньором своему вассалу на условиях несения службы.



Серебряная рака Карла Великого. 1207 г. Аахен. Полуцилиндрические шлемы являются архаической чертой, инерцией традиции XII в.

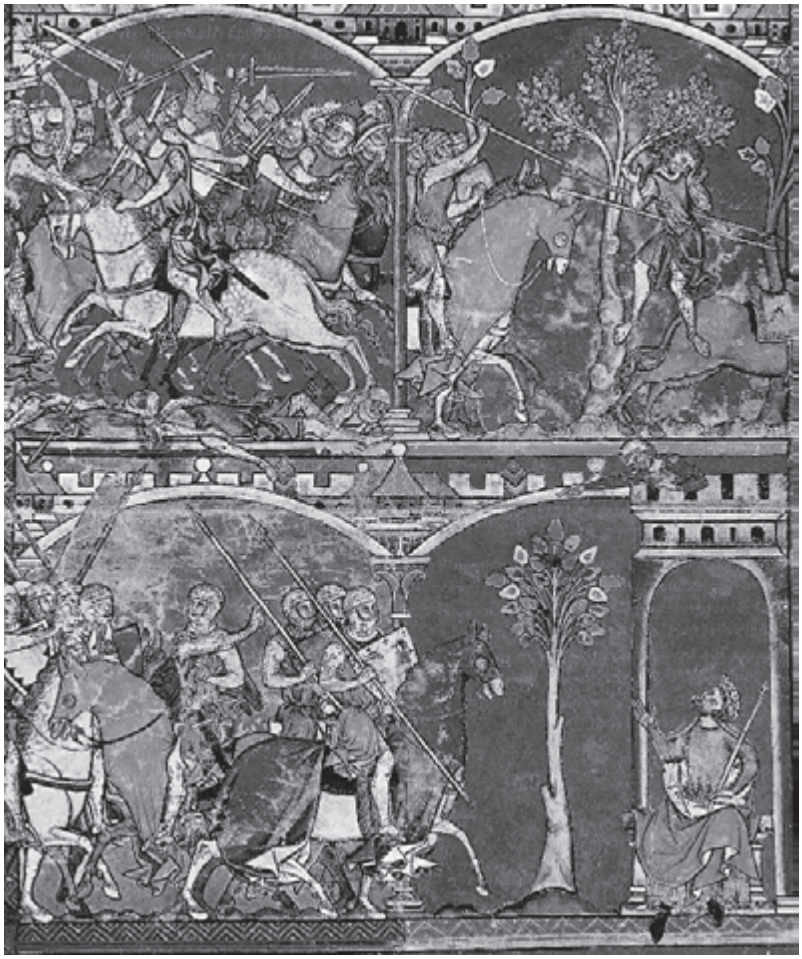
рокадневную службу, вместе с толпой равных им по социальному статусу наемных рыцарей и оруженосцев, регулярно (в идеале) получавших жалование звонкой монетой.

На общем фоне Германия не являлась исключением. Глубокий кризис ленного призыва усугублялся еще и крайним сепаратизмом германских князей. Процессы централизации, шедшие по всей Европе, весьма своеобразно отразились на Священной Римской империи. Они не привели к объединению земель, напротив, наметился распад государства на княжества, внутри которых и шла дальнейшая централизация. В этих условиях все больший вес приобретали крупные феодальные владения: герцогства Саксония, Бавария, Тюрингия, Лотарингия, различные архиепископства, маркграфства и т. д. В отличие от Франции и Англии, германские короли не располагали компактным доменом, что не позволяло создать прочную базу непосредственных держателей короны в лице мелкого рыцарства. Независимые имперские города проявляли не меньший сепаратизм, чем князья, также не будучи надежной поддержкой для короны. Личная харизма императоров Фридриха I и Фридриха II позволяла удерживать центробежные тенденции в государстве. Однако их политика заложила бомбу под здание империи. Долгая и безуспешная борьба против римских пап и североитальянских городов подточила силы Гогенштауфенов и позволила князьям добиться серьезных уступок в свою пользу. Высшим выражением этого стал Мельфийский статут 1231 г.[1]

В то время, как императоры растрачивали силы и средства в опасных и безнадежных крестовых походах и попытках покорить Италию, князья проводили самостоятельную политику и активно расширяли свои владения за Эльбой. В XII в. начался Drang nach Osten. В 1147 г. Генрих Лев из династии Вельфов предпринял, благословленный папой, поход против полабских славян. Были основаны маркграфство Мекленбургское, Померания, маркграфство Бранденбургское, ставшие базой для дальнейшей экспансии[2]. В XIII столетии в процесс колонизации активно включились рыцарские ордена. В 1200 г. епископом Альбрехтом в Ливонии был основан орден меченосцев, утвержденный папой Иннокентием III в 1204 г. В 1230 г. магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца, убедившись в бесперспективности борьбы в Палестине, перенес свое основное поле деятельности на север Германии. Он добился получения от Конрада Мазовецкого территории в Пруссии с целью усмирения и покорения местных языческих племен. Ранее здесь существовал другой «Орден рыцарей на службе Господней» с центром в Добжине, который вынужденно влился в состав тевтонцев. В 1236 г. объединенные войска меченосцев и псковичей были полностью уничтожены литовцами на озере Шауляй, и, как сообщает русская летопись, в Псков вернулся лишь каждый десятый. Потери меченосцев, видимо, были еще тяжелее. Они были вынуждены обратиться за

[1] Согласно Мельфийскому статуту за князьями было закреплено право высшей юрисдикции, чеканки монеты, взимания налогов и пошлин, основания городов. Статут также запретил городам создавать союзы против князей.

[2] Маркграфство Бранденбургское было основано другим крупным феодалом — Альбрехтом Медведем.



Миниатюра Библии Мациевского. Франция, 1240-е гг. Библиотека Пьерпоинт Морган, Нью-Йорк

помощью к Тевтонскому ордену, чтобы избежать полного разгрома. В 1237 г. орден меченосцев прекратил свое самостоятельное существование, превратившись в Ливонское ландмайстерство Тевтонского ордена. Новое государство в Восточной Европе было активно поддержано северо-германскими городами, кровно заинтересованными в торговле в этом регионе, а также в надежных перевалочных базах на балтийском побережье. После потери Акры столица Ордена была перенесена в Мариенбург в Пруссии (ныне город Мальборк, Польша).

О военном искусстве орденов мы узнаем в основном из «Хроник» Генриха Латвийского и Петра из Дусбурга, а также «Рифмованной Хроники». Как и во всей Европе, главной ударной силой у них была тяжелая рыцарская конница. Этим обусловлено то, что масштабные наступательные операции старались проводить зимой, когда кони могли проходить по замерзшим болотам и рекам. В отличие от большинства европейских стран, в Прибалтике огромную роль наравне с конницей играла легкая пехота, то есть стрелки-арбалетчики, реже лучники[1]. Дикие леса, отсутствие дорог, болота затрудняли действия конных масс. Кроме того, местные племена крайне редко давали втянуть себя в «правильное» сражение, предпочитая действия из засад. После массированного и неожиданного применения метательного оружия они тут же отступали врассыпную, если наталкивались на организованное сопротивление. В противном случае атаковали, развивая успех. В условиях тотальной партизанской войны немцам, как, например, и англичанам в Уэльсе, приходилось использовать легкую пехоту для обеспечения укрепленных пунктов и защиты судов, так как реки были единственным надежным путем сообщения. Доктрина войны строилась на планомерном захвате территорий с немедленным возведением опорных точек — крепостей и замков. Экспедиция приводила к покорности местное население или выбивала сопротивляющихся с определенной территории, на которой тут же возводилась крепость. Крепость служила базой для контроля над местностью. Оттуда совершались рейды конницы при активной поддержке пеших стрелков. Проблема состояла в том, что новые крепости были деревянными и не имели значительных гарнизонов. В результате после ухода основных сил язычники имели достаточно шансов напасть врасплох и сжечь временное укрепление, рассеяв защитников. Как правило, сил не хватало на полно-

[1] Источники обозначают арбалетчиков термином «баллистарий».

ценное обеспечение всех новых территорий. Тем не менее такой способ ведения войны оказался действенным. За тридцать лет ордену меченосцев покорились Ливония, Эстляндия и Курляндия, а Тевтонскому ордену за пятьдесят три года — Пруссия.

В первой половине XIII в. произошли серьезные изменения в тактике конного боя. Наряду с традиционным конруа, появилось и стало все шире применяться новое построение. Его зарождение историография не без оснований связывает именно с деятельностью рыцарских германских орденов. Имеется в виду конный клин, который русские летописи именовали «свиньей». При атаке тяжелой конницы главной задачей являлось сохранить плотное построение до непосредственного момента боевого контакта. Причем желательным условием являлось максимальное количество бойцов, одновременно вступающих в бой на всем фронте построения. С другой стороны, слишком вытянутый фронт приводил к неизбежному нарушению строя и атаке «лавой» — наименее эффективному способу атаки тяжелой конницы. Орденские рыцари и солдаты, а также гости были связаны монашеской дисциплиной, что позволило создать новое построение, оказавшееся очень эффективным. Клин образовывался несколькими шеренгами конников. В передней шеренге стояло от пяти до десяти человек. В каждой последующей шеренге число бойцов увеличивалось на два. Получалось трапециевидное построение — «клин». Глубина построения могла достигать пяти-семи рядов. С тылу клин дополняла прямоугольная колонна глубиной в несколько десятков рядов. Внешние стороны клина формировались отборными рыцарями в лучшем вооружении. Хуже экипированные бойцы вставали в глубину построения. Задняя колонна, видимо, формировалась кнехтами, то есть рядовыми бойцами.

Советская историография, начиная с Е. А. Разина, абсолютно неверно оценила способ действия клина в бою: «Клин врезался в центр боевого порядка противника, прорывал фронт и разобщал силы <...> Это был своего рода таран...» На самом деле целенаправленное углубление во вражеский порядок означало добровольный заход в окружение, то есть изощренную форму самоубийства. Более того, подобное действие клина было физически невозможно. Всякий знакомый с практикой верховой езды может подтвердить, что, столкнувшись с препятствием, любой всадник вынужденно остановится, а это означает остановку и всей шеренги. Значит, когда передняя шеренга останавливалась, натолкнувшись на врага, фланговые бойцы задних шеренг автоматически нагоняли ее. Образовывался единый ряд сражающихся. В это время воины из центра построения выез-

Миниатюра. Германия(?), 1240—1250-е гг.

жали на фланги построения или заменяли павших в передних шеренгах. Таким образом, клин разворачивался в вытянутую формацию, получая поддержку из глубины построения. Вопреки мнению А. Н. Кирпичникова, кнехты не стояли сзади пассивно, не влияя на исход битвы. Составляя основное количество бойцов в боевом порядке и будучи вооруженными достаточно хорошо, зачастую не хуже рыцарей, кнехты вступали в бой сразу после первого столкновения. Копейный таранный удар выдерживали хорошо защищенные рыцари. Более легкие воины участвовали в последующей сече накоротке, когда не было необходимости в сверхтяжелом снаряжении. Они же прикрывали тылы и обеспечивали отход в случае необходимости. Управление клином осуществлялось движением знамени и, видимо, звуковыми сигналами труб и рогов.

Клин оказался удобной и хорошо управляемой формой построения. Компактная масса конницы не рассыпалась на любой фазе атаки. Передняя шеренга была относительно короткой и легко держала равнение. Остальным нужно было просто идти сзади, ориентируясь по своим фланговым и идущей впереди шеренге. Таким образом, каждая шеренга выступала естественным ограничителем для последующей. Точное равнение необходимо было только для первой шеренги и для фланговых всадников. То есть всего около двадцати человек или меньше обеспечивали дисциплину и управляемость всего строя. Учитывая, что ими были отборные рыцари на лучших конях, это не составляло большого труда. Клин давал возможность довести до непосредственного столкновения значительное число бойцов в полном порядке, единой компактной массой. При боевом контакте клин легко и естественно разворачивался во фронт, обеспечивая максимальную его ширину, а значит, и число воинов, вступивших одновременно в бой, не требуя дополнительных перестроений, слишком сложных для рыцарского войска, да и невозможных в условиях средневековой битвы. Подобный порядок мог легко осуществлять различные маневры, связанные с поворотами строем. Еще одним преимуществом клина была повышенная устойчивость против метательного оружия. Настильная стрельба воздействовала на облаченных в полные доспехи и слабо уязвимых рыцарей на периметре построения. Навесная стрельба поражала в основном головы и плечи воинов, надежно прикрытые шлемами и

Убийство Томаса Бекета. Барельеф. Первая половина XIII в.

кольчугами. Клиновидное построение оказалось настолько удобным для тяжелой конницы, что распространилось по всей Европе, включая Русь. С XIII до начала XVI вв. оно просуществовало почти без изменений.

Войска ордена строились в основном в трехчастный порядок. Каждая тактическая единица называлась знаменем, или хоругвью, и строилась клином. В зависимости от общего количества войска, число хоругвей могло быть бóльшим или меньшим. Так было в битве на Чудском озере 1242 г. Тогда Ливонский орден был отвлечен восстанием в Курляндии и вынужденно отвлек от новгородского фронта часть сил. Видимо, следует согласиться с мнением И. Э. Клейненберга, который оценивал силы ордена в Ливонии на 1240 г. числом не более ста рыцарей. Следовательно, не стоит удивляться сообщению «Рифмованной Хроники», что на Чудское озеро прибыло всего тридцать четыре рыцаря и ополчение. Если принять среднее количество комбатантов[1] в свите рыцаря на XIII в. за троих, то войско ордена не превышало 136 человек (34+102). Учтем и возможное число наемников из числа христианизированной чуди из-под Дерпта, о которых также говорят источники. Но даже вместе с ними войско не превышало 500 человек, а, скорее, было еще меньше. Все войско было конным. Стоит отметить, что в полевых сражениях с Русью орден практически не применял пеших стрелков, видимо, не считая их эффективной силой против тяжелой конницы русских. Все известные нам побоища в XIII–XIV вв. являют примеры настоящих рыцарских сражений, когда победа добывалась в решительной фронтальной схватке.

Настенная роспись из церкви Иоанна Крестителя. 1250 г. Нидегген, Германия

Рыцарь — гость ордена

Шлем: большой шлем или горшковидный шлем (topfhelm). Не имеет сохранившихся аналогов, поэтому все размерно-весовые характеристики даются предположительно, исходя из более поздних подобных изделий. Конструктивно шлем состоит из пяти сегментов, соединенных посредством клепки. Имеет геометрические очертания цилиндра, который незначительно расширяется вверх и имеет выпуклое верхнее основание. Передняя часть шлема длиннее задней. Таким образом, нижний срез шлема в профиль имеет форму плавной дуги. Тулья конструктивно состоит из лицевой пластины и двухчастного назатыльника. Лицевая пластина достигает примерно до середины шеи. Имеются два глазных отверстия и серия прямоугольных вертикальных отверстий в нижней части. Толщина не менее 2 мм. Поверх зафиксирована крестообразная усиливающая пластина. Толщина не менее 3 мм. Толщина назатыльника 1,5–2 мм. Общий вес около 4–5 кг. Подобные наголовья являлись одним из самых прогрессивных элементов защитной экипировки своего времени. Территория Пруссии была в некотором роде задворками Европы, куда передовые нововведения приходили с большим запозданием. По крайней мере, в период 1220–1240 гг. развитые горшковые шлемы характерны скорее для региона Западной Европы. (Миниатюры французской Библии Мациевского 1240 гг.; печать Николаса V де Руминьи, 1244 г., Лотарингия; каменная накладка с рельефом первой половины XIII в., Швабия и т. д.) Тем не менее многочисленные пилигримы и гости съезжались в орден со всей Германии, привнося новые веяния в моде на доспехи.

Хауберт и кольчужные чулки: полное кольчужное вооружение общеевропейское. Хауберт с капюшоном и рукавицами надет поверх акетона, вес около 14–15 кг. (Рельеф «История Св. Марии Антиохийской» 1240–1250 гг., церковь Торна,

Цветная вкладка (*стр. 39*)

На рисунке изображены тевтонские рыцарь и сержант 1220–1240 гг.

Реконструкция произведена по памятникам германского и восточногерманского круга.

[1] Комбатант (сержант) — любой боец не рыцарского происхождения.

Норвегия; печать ордена со св. Георгием, первая половина XIII в.; статуя св. Георгия, 1230–1240 гг., собор Бамберга и т. д.)

Котта: имеет фасон безрукавной длинополой рубахи с двумя медиальными разрезами по подолу спереди и сзади. Котта несет гербовые изображения, а именно — лазурное поле, без числа усеянное сдвоенными золотыми секирами, в правой верхней четверти положен наискось серебряный щит с черным костыльным крестом (знак служения ордену). Фасон котты характерен для всего XIII в. (Надгробие Дидо Виттина, 1240 г., Вешельбург, Германия.)

Щит: короткие треугольные щиты распространились к началу XIII в. из-за всеобщего принятия на вооружения кольчужных чулок, надежно защищавших ноги. Менее маневренные и удобные длинные треугольные и миндалевидные щиты утратили актуальность, но не вышли из употребления — их изображения то и дело встречаются в искусстве вплоть до XIV в. Щит расписан рыцарским гербом: двумя золотыми секирами на лазурном поле с серебряным щитом, несущим черный костыльный крест в сердце поля. (Печать ордена со св. Георгием, первая половина XIII в.)

Меч: романский меч. Клинок широкий с длинным долом. Эфес состоит из прямого перекрестья с фигурными окончаниями плеч, простой рукояти и дисковидного навершия. (Размеры неизвестны, Германия, 1240–1300 гг., прив. по Oakeshott R. E., 1964.)

Сержант

Шлем: железная шляпа (eisenhut, shapel-defer). Имеет сегментную конструкцию, все детали соединены посредством клепки. Тулья полусферическая. Конструктивно состоит из двух выпуклых сегментов, которые подведены под соединительную пластину в центре. Вдоль нее прокован невысокий гребень — ребро. Толщина около 2 мм. К нижнему краю тульи посредством наложения сверху бортика и клепки прикреплено поле. Поле почти плоское, имеет незначительную степень направленности вниз к краям. Периметр поля отвальцован наружу вокруг проволочной подложки. Толщина около 1,5 мм. Вес около 2–2,5 кг. (Аналог 1240–1300 гг. в Эстонском историческом музее, Таллин.)

Кольчуга и капюшон: общевропейские. Капюшон отделен от кольчуги и снабжен пелериной, вес около 2 кг. Кольчуга с короткими рукавами надета поверх длиннорукавного акетона, вес около 7 кг.

Котта: аналогична рыцарской. Несет орденские цвета. На серебряном (белом) поле черный костыль (Т-образный крест). Геральдический костыль по уставу ордена должны были носить сержанты, в отличие от рыцарей, которым полагался обычный крест.

Фальшион: однолезвийный клинок имеет плавное выраженное расширение к острию. Эфес состоит из простой рукояти, сформированной деревянными обкладками, которые зафиксированы поверх хвостовика посредством заклепок. Гарда и навершие отсутствуют. Представляет собой дешевое солдатское оружие. Может носиться в кожаной обойме на плечевой портупее.

Булава: представляет стальную толстостенную втулку, покрытую рядами массивных стальных шипов.

Воин-дружинник Владимиро-Суздальской земли

1220–1240 гг.

К концу XII — началу XIII вв. русские княжества достигли небывалого культурного и экономического подъема. Господство над значительными территориями и контроль важных торговых путей позволили накопить колоссальные богатства, которые сделали возможным создание великолепных произведений искусства — храмов, настенных росписей, икон, ювелирных украшений. Процветали ткачество, земледелие и, особенно отметим, охота, дававшая один из самых ходовых и ценных предметов русского экспорта — пушнину. Рост ремесленного производства не мог не коснуться самой важной в Средние века категории производства, а именно индустрии вооружения.

Как и во всей Европе, во главе государственных образований Руси стояли представители воинского сословия, которые закономерно создавали спрос на те или иные предметы производства. В первую очередь, они обеспечивали себя совершенным профессиональным снаряжением — доспехами и оружием. В таких условиях не удивителен быстрый прогресс военной промышленности. Обладая относительным материальным достатком, воины имели возможность выбирать наиболее совершенные с точки зрения функциональности и декоративного убранства предметы вооружения. Кроме того, Русь издревле лежала на стыке восточного и западного миров, что давало возможность воспринимать наиболее передовые нововведения и технологии. Открытый рынок того времени, не знавший никаких ограничений, немало способствовал ускоренному обмену новшествами материальной культуры и, в частности, предметами военного обихода. Спрос на оружие был обусловлен еще и непрерывными военными столкновениями, как с внешними врагами, так и междуусобными. В результате княжества домонгольской Руси стали одними из наиболее передовых в военном отношении государств Европы. В особенности это касалось производства защитного вооружения. Русские доспехи имели широкое хождение от половецких степей до Кавказских гор. Археологические раскопки XIX–XX вв. дали множество находок замечательных шлемов русского происхождения в погребениях «своих поганых» — половцев. В этих изделиях словно отразилась вся история средневекового кузнечного ремесла. Самые сложные приемы изготовления и декоративного оформления покорились безвестным русским мастерам. Корпуса шлемов обтягивались золотыми листами, покрывались тончайшей гравировкой и таушировкой. Чернение, чеканка, позолота, серебрение — вот приблизительный, далеко не полный перечень способов украшения доспехов. Некоторые шлемы по сей день считаются шедеврами художественной ковки, например, высокие шатровидные шлемы с антропоморфными забралами — личинами. Экспортировали русские доспехи и на Запад. Так, француз-

Шлем середины — второй половины XIII в. Место находки — предположительно Украина. Государственный Эрмитаж

ские рыцарские романы XII—XIII вв. неоднократно упоминают русские кольчуги, причем с неизменной превосходной оценкой их качеств.

Часть вооружения закупалась за границей. В основном это касалось наступательного оружия и, в первую очередь, мечей. Они завозились, как правило, из германских земель, со времен Раннего Средневековья, известных развитым производством клинкового оружия. Чаще всего закупались только мечевые клинки, которые оснащались эфесами на месте в соответствии с запросами и возможностями владельца. Более простые в изготовлении предметы наступательного воружения, такие как топоры, копья, булавы и кистени, производились на территории Руси. Отечественное литье было развито настолько, что местные рынки не могли потребить всю поступающую продукцию. В результате значительные партии раздробляющего оружия экспортировались заграницу. Например, русские биметаллические булавы (бронзовые со свинцовой заливкой) находят в культурных слоях древних поселений от Поволжья до Западной Европы.

Что же представляло из себя русское воружение XII — первой половины XIII вв.? Главным защитным средством оставалась кольчуга. Она выполнялась на манер рубахи с длинным подолом до колена и рукавами до локтя. Ворот снабжался разрезом для удобства ношения. В это время распространились так называемые панцирные кольчуги, отличавшиеся от обычных кольцами плоского сечения. Такая конструкция была легче и более устойчивой против колющего оружия из-за повышенной жесткости плоских колец. Употреблялись и пластинчатые доспехи. На территории Руси найдены древнейшие в Европе латные наручи. Их производство было налажено в нескольких центрах оружейного производства, Новгороде, Киеве, Гомеле. Они выглядели как полуцилиндрические монолитные створки, соединенные с одной стороны навесными петлями, с другой — застегивавшиеся на пряжки. Прикрытия ног не были широко распространены на Руси. Только тяжеловооруженная конница имела защитные приспособления для ног. В основном это были кольчужные чулки европейского образца, хотя изредка археологические и изобразительные источники доносят свидетельства о существовании латных поножей. Головы воинов закрывали разнообразные шлемы. В основном это были сфероконические или куполовидные наголовья с кольчужными бармицами, которые фикси-

ровались посредством подвешивания к проволоке, пропускавшейся через специальные втулки в нижней части шлема. Тульи шлемов собирались с использованием технологических приемов — клепки, пайки и кузнечной сварки. Для прикрытия лица в основном использовались наносники, которые проиклепывались к корпусам шлемов или отковывались целиком. Интересным приспособлением для прикрытия лица, появившимся на Руси, были боевые полумаски. Они имели вид профилированных, анатомически изогнутых наносников, выходивших из надглазных дужек — «бровей». К наносникам могла крепиться бармица для более эффективной защиты лица. Полумасками оснащались исключительно куполовидные шлемы. В таком наголовье открытыми оставались только глаза воина, но, в отличие от западноевропейских рыцарских шлемов, конструктивные элементы, защищающие лицо, практически не мешали обзору. В качестве динамического средства защиты употреблялись щиты. Традиционно использовались пришедшие от XI в. длинные миндалевидные щиты. По мере развития доспеха они становились все меньше, а с появлением полностью закрытых шлемов их верхнюю полукруглую часть стали срезать за ненадобностью, что привело к появлению треугольных щитов, полностью повторявших западноевропейские. Использовались также и круглые щиты.

Главным наступательным оружием кавалерии оставалось копье. Особенно эффективным способом борьбы с кольчужной защитой были узкие четырехгранные пики. В качестве пехотного оружия (а также как охотничей принадлежности) большой популярностью пользовались рогатины. Символом воинского достоинства и наиболее почитаемым оружием был меч. Его вполне могла заменять длинная тяжелая сабля. Интересно, что в археологических слоях домонгольской Руси сабель найдено больше, чем мечей, даже если исключить половецкие захоронения. Оружием дистанционного боя был мощный сложносоставной лук и, кроме того, метательные копья — «сулицы». В целом вооружение домонгольской Руси можно охарактеризовать как рыцарское, что вполне соответствовало тактике боя и общей направленности военного дела того времени.

Невзирая на богатство и экономическое процветание, русские княжества оказались очень уязвимыми перед лицом сильного врага — монголами. В полной самодостаточности городов-государств крылась их главная слабость. Они патологически боялись черезмерного усиления своих соседей и не сумели рассмотреть общей смертельной угрозы, от которой не могли защитить прекрасно вооруженные и обученные, но разрозненные и малочисленные княжеские дружины и городовые полки. В результате «рыцарская» Русь потерпела полное военное фиаско и на триста лет попала в зависимость от своего нового восточного соседа — Золотой Орды.

Цветная вкладка *(стр. 40)*

Здесь представлен воин-дружинник Владимиро-Суздальской земли периода междуусобных войн и монгольского нашествия 1220—1240 гг. Он облачен в кольчугу с длинными рукавами по европейской моде, в кольчужные чулки и сфероконический шлем с распашной бармицей, которая перед боем могла застегиваться или стягиваться шнуром. Поверх кольчуги надета шелковая безрукавная накидка, затканная золотом, аналогичная европейским рыцарским коттам и византийским эпаноклибанионам, служившим для предохранения доспехов от влаги и облегчения опознания воина в бою. К поясу, покрытому позолоченными бляшками, подвешен характерные романский меч с простым прямым перекрестьем и дисковидным навершием. Вооружение дополняет копье и небольшой миндалевидный щит с изображением вставшего на дыбы хищного зверя (волка или льва) — традиционной эмблемой Владимиро-Суздальской земли. Для управления конем на ногах воина имеются небольшие пиковидные шпоры общеевропейского типа.

Русская конница

1220–1240 гг.

Комплекс вооружения домонгольской Руси в основном соответствовал рыцарским стандартам Западной Европы. Конечно, об институте рыцарства на Руси серьезно говорить нельзя. Русский дружинник далек от понятия рыцаря, по крайней мере, от внутреннего наполнения этого термина. Тем не менее внешние атрибуты княжеских дружин заставляли европейских коллег — профессиональных воинов — признавать их равными себе, то есть рыцарями. Западноевропейские письменные источники XIII в. то и дело именуют русских тяжеловооруженных дружинников термином «рыцарь». Например, в одной английской хронике русские князья названы «суровыми рыцарями». В самом деле, историческая аберрация близости не позволила бы современнику уловить тонкие отличия, доступные современному исследователю.

Защитное снаряжение полностью прикрывало жизненно важные области тела, не уступая западным аналогам ни надежностью, ни красотой отделки. Щиты, длинные копья, мечи и сабли — все это было приспособлено для решительной конной сшибки — традиционной тактики рыцарского боя. Следуя общеевропейским тенденциям развития военного дела и вооружения, Русь активно участвовала в этом эволюционном процессе. Так, многими деталями боевого снаряжения Европа была обязана именно Руси, как, например, колесцовым шпорам (шпорам со «звездочкой»), которые прослеживаются в отечественных археологических памятниках с первой половины XIII в.: на полвека раньше, чем где-либо.

Тактика боя и употребления всего комплекса боевых средств были отработаны в многочисленных войнах и стычках с самыми разными врагами — от германцев и шведов до литовцев и половцев и, конечно, со своими соседями из других княжеств. Тем не менее весь предыдущий опыт принес мало пользы в борьбе с монголами, самым опасным неприятелем из всех, с которыми приходилось встречаться русским городам-государствам. Первым сигналом о полной неготовности Руси к встрече с этой опасностью было сокрушительное поражение в битве на реке Калке 1223 г. Однако ни княжеско-боярская аристократия, ни вечевые собрания городов не обратили на это должного внимания, хотя, несомненно, знали о череде военных успехов монголов на востоке. И вот в 1230 гг. тумены хана Бату оказались на голову сильнее русских княжеских войск. Однако воинская честь не позволяла отступать перед врагом. Одна за другой дружины вступали в неравную схватку и оказывались разбитыми. Крепости и города, не желавшие открывать ворот, брались приступом (монголы имели самую совершенную осадную технику, вывезенную из Китая, которой не могли противостоять деревянные укрепления, традиционные для русских), население вырезалось и частично угонялось в плен, «и был стон и плач по всей земле русской». Современные археологические исследования, как луч прожектора, высвечивают трагедии, разыгравшиеся в те годы. Культурные слои зафиксировали и сохранили для нас свидетельства о последних часах жизни тысяч людей. На многих поселениях жизнь после погро-

Боевая личина из Серенска. Первая треть XIII в. ГИМ

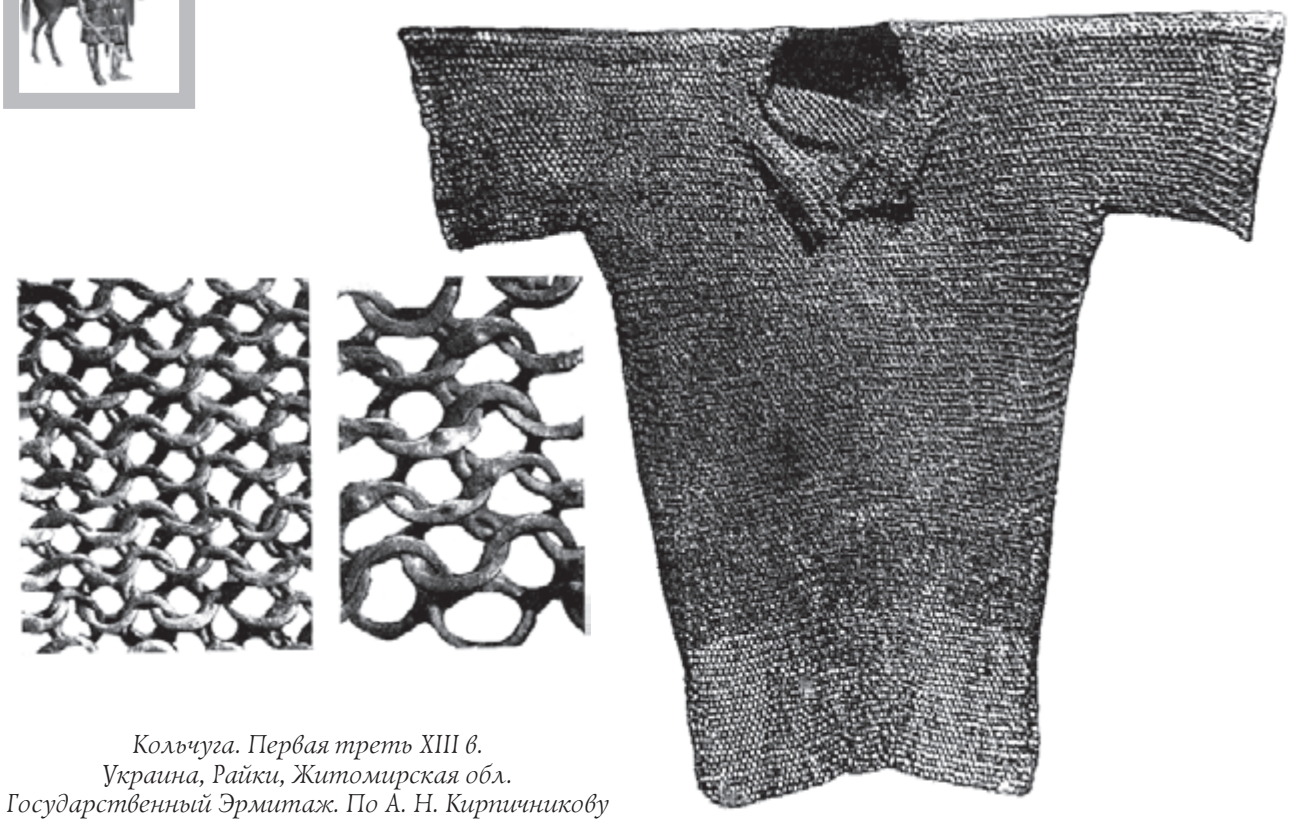
ком» из-за дорогого, позолоченного шлема, явно недоступного рядовому бойцу. Среди костей было обнаружено множество стрел, а меч был весь изрублен и поведен от ударов. Нетрудно догадаться, что «сотник» в одиночку защищал ворота, давая возможность своим товарищам отступить к внутренним укреплениям. Изрубленный меч и наконечники стрел ясно указывают на то, что монголы долго пытались, но не смогли пройти мимо грозного воина в узких воротах, после чего расстреляли его из луков. Можно предположить, что

мов замерла, никто не вернулся, чтобы похоронить павших и, разобрав пожарища, отстроиться и жить дальше, потому что зачастую возвращаться было некому.

Ярким примером служит Городец Волынский — летописный Изяславль, разрушенный в 1237 г. На площадях найдены сотни костяков со следами насильственной смерти, изрубленных саблями и расстрелянных из луков. Интересно, что, зайдя так далеко на запад, монголы оказались настолько перегруженными добычей, что Изяславль не стали подвергать планомерному разграблению, о чем говорят ценные ювелирные украшения, не снятые с трупов.

Изяславльские раскопки (проводились в 1960 г. волынской экспедицией М. К. Каргера) выявили редкое свидетельство воинского героизма и самопожертвования. В воротах, погребенный под развалинами сгоревшей надвратной башни, лежал скелет в кольчуге и шлеме с мечом в руках. Неизвестного воина археологи условно окрестили «сотни-

Фрагмент ламеллярного доспеха XII—XII вв. Украина, Китаев, Киевской области. По А. Н. Кирпичникову



Кольчуга. Первая треть XIII в.
Украина, Райки, Житомирская обл.
Государственный Эрмитаж. По А. Н. Кирпичникову

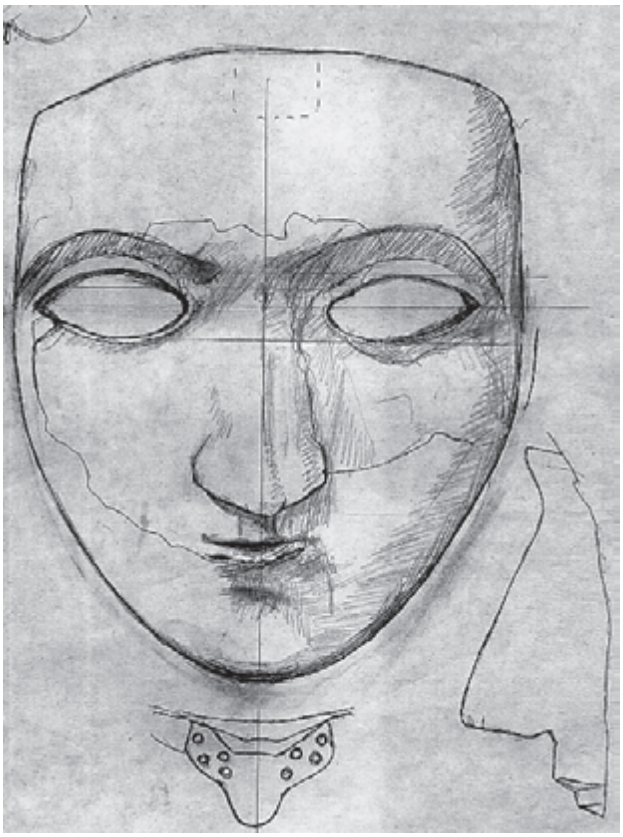
враги, прорвавшиеся через пролом в стене (зафиксированный археологически), подобрались к нему сзади.

Цветная вкладка *(стр. 41)*

Реконструкция воспроизводит возможноый облика неизвестного героя изяславльской дружины. Шлем: корпус шлема (обнаруженного в обломках) имел куполовидную форму, конструктивно состоявшую из трех подтреугольных сегментов (один образовывал налобную часть, два других — назатыльную; классическая конструкция шлемов данного типа), соединенных посредством пайки бронзовым припоем. Тулья шлема имела значительную глубину, закрывая виски и образуя спереди прямоугольный лицевой вырез, закрытый полумаской. Полумаска укреплена на корпусе посредством трех заклепок в центре и по бокам. Она имеет выраженные надглазные выкружки, профилированные наносник и брови. Наносник достаточной длины, чтобы закрыть лицо до рта. К нему, вероятно, подвешивалась кольчужная бармица. Весь шлем был покрыт позолотой, полумаска, видимо — серебрением. Толщина изделия колебалась от 1 до 1,5 мм. Вес без бармицы составлял около 1,5 кг (Государственный Эрмитаж).

Кольчуга: имела вид рубахи с подолом до колен и рукавами до локтя. Предположительно была снабжена расстежным воротом с невысокой стойкой. Кольца набраны по традиционной схеме: одно в четыре. Сечение колец плоское. Вероятно, ряд колец клепался «на гвоздь», ряд — паялся. Внешний диаметр колец 12 мм, толщина, 1,5 мм. Предположительный вес кольчуги — 10–12 кг (Государственный Эрмитаж).

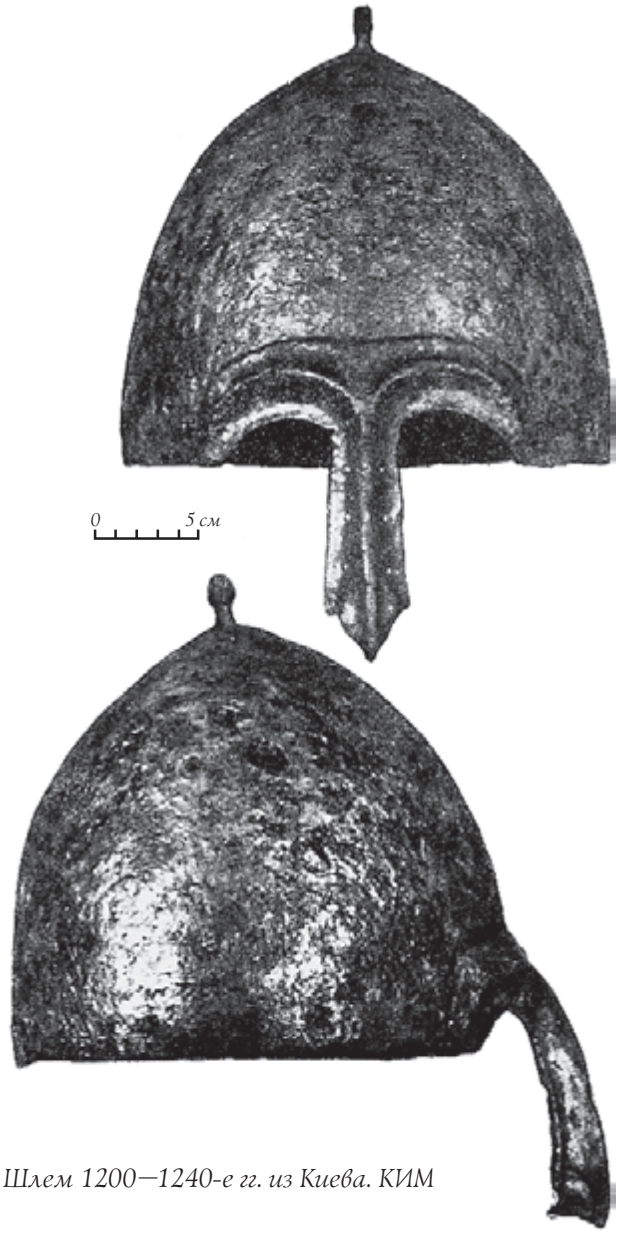
Наручи: в комплекте вооружения «сотника» обнаружены не были, приводятся гипотетически по находке наручей в селе Сахновка Киевской области (слой монгольского погрома 1237 г.). Сахновская находка конструктивно состоит из двух основных деталей — створок полуцилиндрической формы. Основная пластина закрывала предплечье снаружи от кисти до локтя, незначительно



Боевая личина из Изяславля. Первая треть XIII в. Государственный Эрмитаж

расширяясь к окончанию. В области локтя пластина имеет приостренную форму и выкована в виде объемной чашки для лучшего облегания руки. Внутренняя створка — «черевица» — приблизительно в два раза короче и соединяется с основной пластиной посредством двух стальных навесных петель. Вокруг кисти обе створки имеют незначительную отбортовку для придания жесткости и предохранения кисти от возможного натирания жестким краем наруча. Толщина всего изделия около 1,2 мм. Вес около 450 г (Государственный Эрмитаж).

Поножи: как и наручи, приводятся гипотетически. Исходный материал — находка в Новгороде в слоях 1200–1230 гг. Обнаружены узкие пластины с фигурным краем, соединенные между



Шлем 1200–1240-е гг. из Киева. КИМ

собой посредством склепывания. Внизу поножи имели отвальцовку для придания жесткости всей системе и предохранения ног от натирания жестким краем. Изнутри могла подклеиваться амортизирующая подкладка. Поножи имели прямоугольную или трапециевидную форму и закрывали голень спереди, фиксируясь на ней посредством ремней и пряжек. Толщина пластин 1 мм(в местах взаимоперекрытия — 2 мм) (Новгородский музей).

Щит: не сохранился, видимо, сгорел в пожаре. Сохранившиеся европейские аналоги состоят из цельной колотой доски (чаще всего липовой) толщиной около 7—10 мм, иногда усиленной изнутри тонкими вертикальными рейками (около 5 мм). Для увеличения упругости щит изгибался в горизонтальной плоскости. После придания формы щит оклеивался плотной тканью или кожей с обеих сторон. Затем поверхность щита грунтовалась и расписывалась теми или иными эмблематическими изображениями. Судя по имеющемуся материалу, на Руси были популярны также монотонные красные щиты, необычные для западной практики. Слой грунтовки и краски должен был иметь достаточную толщину, чтобы создавать дополнительное препятствие холодному оружию. Кромка щита никогда не усиливалась стальными элементами во избежание его излишнего утяжеления. Изнутри после покраски монтировалась система локтевых ремней для удержания и манипулирования щитом. Для удобства ношения и более жесткой фиксации в момент копейной сшибки щит оснащался нашейным ремнем. Под локтевые ремни подводилась стеганая амортизирующая подушка.

Европейские конники

1260–1280 гг.

Вторая половина XIII столетия была богата яркими историческими событиями и политическими потрясениями. Однако по-настоящему революционные изменения произошли в сфере материальной культуры. В 1250 г. нашли свое выражение процессы, которым суждено было коренным образом изменить защитное и наступательное оружие вообще и снаряжение конницы в частности. Новая экипировка сказалась на способах ведения боя, обусловила изменения в тактике и привела к появлению совершенно новых сил на полях сражений. Революция в вооружении непосредственно повлияла на значительные социально-политические сдвиги в средневековой Европе, явившись одним из решающих факторов трансформации общества в целом. Обычно столь возвышенными славословиями предваряют рассказ о появлении пороха и огнестрельного оружия, которое в самом деле имело место в 1250–1300 гг. В любом случае это неверно. Огнестрельное оружие стало серьезно влиять на эволюцию вооружения и тактики не ранее начала XVI в. Пока же произошло нечто более важное по сравнению с изобретением пороха.

В 1250-х гг. завершился период, в современном оружиеведении называемый «веком кольчуги». Кольчуга господствовала во всей Европе около шести столетий, начиная с VII–VIII вв. Однако в середине XIII в. ей на смену пришли пластинчатые доспехи. Ранее, при достаточно низком уровне металлообработки, доспех из пластин серьезно уступал кольчуге в надежности. Значительная площадь пластины (по сравнению с маленьким кольцом кольчужного полотна), лишенная специальной обработки, была недостаточно жесткой и относительно легко пробивалась хорошо закаленным и заточенным холодным оружием. Надо учесть, что качественная углеродистая сталь была редкостью, а кричное железо было очень мягким. Единственным надежным способом придания жесткости и упругости была термообработка — закалка. Для насыщения поверхности металла углеродом, который позволил бы его закалить, использовались различные сложные и трудоемкие процессы, как, например, цементация и науглероживание. Существовало еще и пакетирование — кузнечная сварка двух пластин («пакетов») из железа и стали. Все эти приемы были отработаны и употреблялись при изготовлении холодного оружия. Однако клинок меча имел достаточную толщину, что значительно упрощало процесс термообработки. Пластина доспеха была гораздо тоньше, и калить ее было много труднее. Для изготовления пластины требовалась очень дорогая листовая сталь (специально обработанная, пригодная к закаливанию), которая расковывалась

Надгробие неизвестного рыцаря из церкви св. Марии и св. Николая. Вторая половина XIII в. Арнхейм, Германия

вручную, так как проката еще не существовало. Маленькое же кольцо из-за своей замкнутой структуры и незначительных размеров обладало большой степенью жесткости само по себе. Его выделка не требовала сложных технических операций. Все это обеспечило кольчуге долгую жизнь в боевом употреблении.

К XIII в. железообрабатывающее ремесло подошло полностью готовым к революционным изменениям в вооружении. Техника выделки и термообработки листового железа, видимо, была освоена[1]. Готовы оказались и потенциальные заказчики нового вооружения — профессиональные военные. Речь идет о коннице в первую очередь, ведь именно конница являлась главным потребителем тяжелого защитного вооружения. Весь XIII в. шел процесс усиления наступательного оружия. Мечи для удобства конного боя делались все длиннее и тяжелее. К 1240–1250 гг. появились мечи «в полторы руки», или «бастарды». Достаточно длинная рукоять позволяла наносить удары двумя руками. Более длинный и массивный клинок и возросшая масса более чем в два раза увеличили разрушительный эффект полутораручного меча в сравнении с одноручным. Вошли в широкое употребление различные виды древкового оружия. Прекрасные миниатюры Библии Мациевского 1240 г. с фотографической реалистичностью передают ужасающую эффективность двуручных секир и фошардов в конном бою[2]. Все шире распространялись арбалеты, все больше повышалась их мощность. Теперь абсолютная гибкость кольчуги стала отрицательным фактором. Концентрированный удар, например, двуручной секиры, если и не нарушал целостности кольчужного полотна, то мог привести к серьезным травмам, вплоть до летальных. Потребовались новые, более жесткие защитные конструкции. Выход нашелся в использовании пластинчатого доспеха. Скоро спрос на него возрастет настолько, что изготовление и торговля пластинчатыми доспехами станет важнейшим экономическим фактором в некоторых регионах.

Доспехи из пластин никогда не исчезали совсем. В некоторых регионах, вспомним Византию, традиция их изготовления не прерывалась с античности. Западная Европа знала многочисленные эксперименты с материалами для пластин — от рога и вываренной кожи до китового уса. Первенство закономерно осталось за сталью. Массовое применение пластин началось при поиске способов защиты суставов — наиболее уязвимых для раздробляющего воздействия оружия. Изначально локти и колени прикрывались плоскими или незначительно выпуклыми дисками. Несколько позднее диски стали прикрывать и плечевые суставы. Они фиксировались на поверхности рукавов кольчуги, чулок или стеганых набедренников посредством шнуровки через систему отверстий. К 1260–1280 гг. появились наколенники, вплетенные непосредственно в полотно кольчужного чулка. Подобный наколенник хранится, например, в парижском Музее армии. Ко второй половине XIII в. прикрытия суставов приобрели более крупные размеры и выраженную выпуклую форму. Вскоре наравне с полусферическими появились приспособления характерных коробчатых очертаний, закрывавшие суставы спереди и с боков. Изначально нововведение коснулось только наколенников. Налокотники отличались более примитивными формами до начала XIV века. Эволюция защиты ног вообще несколько опережала защиту рук. Первые монолитные створчатые конструкции, столь популярные впоследствии, появляются изначально в качестве наголенников. Их появление относится к 1240–1250 гг., что нашло отражение на ми-

[1] С введением пластинчатого доспеха, его изготовление стало уделом весьма ограниченного круга мастеров, сконцентрированных всего в нескольких регионах.

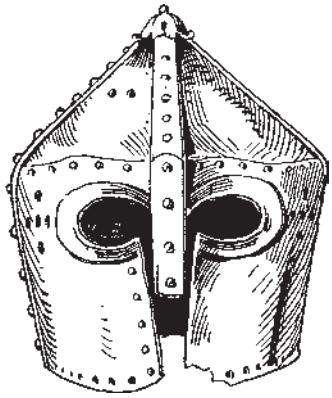
[2] Некоторые моменты данных изображений — явное художественное преувеличение, например, разрубленные надвое шлемы. Воздействие же двуручного оружия на кольчугу отражено вполне правдиво. Достаточно вспомнить кольчужные капюшоны из братских могил под г. Висбю, некоторые из них разрублены буквально от уха до уха.

Фрагмент статуи св. Маврикия из Магдебургского собора. 1240— 1250 гг. Одно из наиболее ранних достоверных изображений бригандины. Данный доспех представляет собой «армированную котту» с застежкой на спине, выложенную горизонтально расположенными пластинами

ниатюре с фигурой Голиафа из Библии Мациевского и на надгробии Гульельмо де Монкадо 1250 г. в Лериде, Испания. Введение жестких пластинчатых конструкций, очевидно, было повсеместным и практически единовременным процессом. В некоторых регионах он начался раньше. Русь, благодаря традиционным контактам с Византией, завершила переход к доспехам из пластин, когда на Западе он только начинался, то есть к 1250—1270 гг. Тем не менее это был единый, общеевропейский процесс, результат единых тенденций в развитии военного дела и единого движения производительных сил.

Защита корпуса также усилилась в середине XIII в. В это время появляется вид доспеха, качественно изменивший все европейское защитное вооружение и определенным образом откорректировавший его развитие. Входит в употребление так называемая «бригандина». Этот доспех формировался пластинами, зафиксированными посредством заклепок на изнанке тканевой несущей основы доспеха. На лицевой стороне проступали ряды заклепок и контуры подложенных пластин. С данным доспехом Европу, видимо, познакомили монголы, которые вывезли его, в свою очередь, из Китая. Вряд ли имело место прямое заимствование. Но своим нетрадиционным внешним видом восточные завоеватели могли подсказать общее направление поисков в деле развития пластинчатого доспеха. Император Фридрих II Штауфен, всегда внимательный к военным новшествам, в письме Папе римскому описывает некоторые монгольские панцири из кожи с подложенными изнутри пластинами. Новая идея упала на благодатную почву, ведь Европа имела давнюю традицию драпировки доспехов тканью. Поэтому первые бригандины не отличались по покрою от обычных рыцарских котт. Необходимость фиксировать панцирь на корпусе обуславливала наличие застежек. На бригандинах появилась ранее не известная система, когда доспех застегивался на спине, вместо традиционных боковых застежек. Это значительно обезопасило ремни от повреждения в бою и сделало их более удобными, так как рукава кольчуги не могли цепляться за пряжки. Покрой бригандин, а также основные разновидности их пластинчатого набора демонстрируют два памятника 1250—1280 гг. Первый — это уникальная скульптура св. Маврикия в Магдебургском соборе 1250 г. Живот закрыт тремя широкими горизонтальными полосами, расположенными с нахлестом снизу вверх, что видно из расположения заклепок. О прикрытии груди судить трудно, так как она почти полностью скрыта пелериной кольчужного капюшона. Аналогично прикрыта и спина. На спине находится застежка. Второй памятник — это барельеф 1260—1280 гг. с изображением спящего воина с алтаря церкви монастыря в Винхау-

Щит ландграфа Гессенского Генриха I. 1290 — 1300 гг. Короткий треугольный щит указывает на распространение развитой защиты ног в этот период



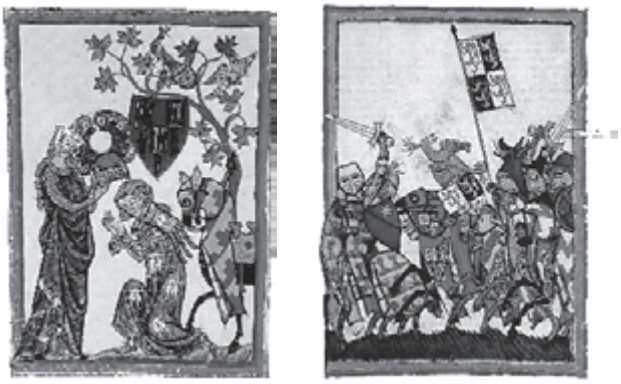
Горшковидный шлем из реликвария церкви в Фавершеме. 1250—1300 гг.

зене. Обычная длиннополая котта воина подбита тремя рядами узких и длинных, расположенных вертикально, пластин[1].

Наряду с бригандинами продолжали существовать старые чешуйчатые и ламеллярные доспехи. Однако уже к началу XIV в. из десяти доспехов девять были бригандинными, все остальное приходилось на долю кольчуг и иных пластинчатых прикрытий. Конструкция бригандины оказалась настолько удачной, что в такой манере стали изготавливать практически любые элементы защитного снаряжения — наручи, поножи и даже бармицы. Итак, со второй половины XIII в. кольчуга как самостоятельное защитное средство начинает уступать позиции пластинчатым защитным конструкциям. Кольчуга отныне становится дополнительным элементом тяжелого рыцарского снаряжения, ее надевают под бригандину или иной доспех.

Процесс усиления защиты, естественно, коснулся и боевых наголовий. Предпочтение все чаще отдавалось шлемам обтекаемых очертаний. Выпуклые или наклонные поверхности наиболее эффективно создавали отражающий момент, противодействуя тяжелому оружию. Плоские или незначительно выпуклые части шлемов покрывали усиливающими пластинами, жесткими углами, создавая максимальную толщину металла в наиболее поражаемых участках. Видимо, именно с рассматриваемого периода шлемы, как и прочие доспехи, стали подвергаться все более сильной закалке. Большой горшковидный шлем — основное наголовье рыцарской конницы — приобретает более значительные вес и размеры. Теперь его венец все чаще доходит до плеч, снимая основную нагрузку с шеи. Это позволило значительно увеличить толщину стенок и вес шлема, который должен был выдерживать прямое попадание тяжелого копья. Кроме того, к большим шлемам иногда крепили дополнительные пластины на подвижном шарнирном соединении для защиты горла и верха груди. Для повышения живучести конного бойца под большим шлемом стали носить так называемые «малые шлемы», или «малые бацинеты». Это были полусферические или куполовидные наголовья, закрывающие верх головы до висков. Их носили поверх кольчужных капюшонов или вместо них, оснащая в последнем случае бармицей. Легкая конница или небогатые рыцари могли обходиться только ими, без дорогостоящего большого шлема. Популярностью пользовались и шлемы с полями — «шапель-дефер». Такие шлемы надежно прикрывали лицо от секущих ударов, однако оставляли открытыми шею и основание черепа. Для защиты этих участков со второй половины XIII в. вошли в употребление боевые ожерелья «горжет» с высокими воротниками той или иной конструкции.

Щиты в условиях всеобщего утяжеления защитного снаряжения значительно уменьшаются



1 *2*

Миниатюры Манесской рукописи (так называемый «Кодекс Миннезингеров»). 1300-е гг.
1. Шенке фон Лимпург; 2. Герцог Иоганн Брабантский. Миниатюра представляет конное сражение в фазе преследования. Обращает внимание круглый щит всадника в углу изображения, — эти формы не были обычными для германских земель данного периода

[1] Отметим, что к 1270—1280-м гг. изображения бригандин появляются и на Руси.

в размерах. Крупные щиты остаются только в пехотных частях. Тяжелая конница была так хорошо снаряжена, что щит был необходим только для непосредственного отражения первого копейного удара.

Вооруженный описанным образом рыцарь был трудноуязвим для холодного оружия. Это привело к закономерному усилению поражающих свойств последнего. Пластинчатые доспехи, особенно надетые поверх кольчуги, было почти невозможно разрубить. Поэтому все большее значение приобретает колющее оружие, действие которого было направлено в сочленения доспехов. Основной целью становились отныне горло, подмышки, локтевые сгибы, подколенные впадины, основания стоп и оборотные стороны кистей рук. Словом, те области, которые невозможно прикрыть неподвижной пластиной. Кольчуга же гораздо хуже сопротивлялась уколам. Разрубающее действие оружия также усиливается за счет увеличения длины и массы его конструктивных элементов. Все большее распространение получает ударно-раздробляющее оружие, которое, даже не пробивая защитный покров, приводило к контузиям и переломам. Все большее практическое применение находит оружие комбинированного действия с несколькими поражающими конструктивными элементами. В результате к XIV в. появляется несколько групп наступательного оружия, способных эффективно поражать любое защитное снаряжение.

Щит с гербом семейства фон Нордек из Рабенау .1300-е гг.

Шлем: шапель-де-фер. Конструктивно состоит из крышки, тульи и поля, все детали шлема соединены посредством заклепок. Незначительно выпуклая крышка заходит с припуском на тулью посредством бортика. Тулья имеет форму усеченного конуса с малой степенью наклона образующих. Поле также имеет усеченно-коническую форму. По внешнему периметру поле отвальцовано наружу. С четырех сторон по тулье и полю пущены вертикальные усиливающие пластины прямоугольной формы. Предположительная толщина деталей 1,5–2 мм. Вес около 2,5 кг. (Миниатюра «Житие Карла Великого», конец XIII в., библиотека Сен-Галленского собора, Швейцария.)

Кольчужное вооружение: общеевропейское. Характерная германская черта — кольчужный капюшон с квадратной пелериной. (Статуя св. Маврикия Магдебургского.)

Отметим отдельные кольчужные перчатки, которые входят в употребление именно в данный период.

Кольчужные чулки короткие, длиной до колен.

Бригандина: имеет покрой длинной котты с четырьмя разрезами по подолу. Застегивается на спине.

Цветная вкладка *(стр. 42)*

На реконструкции представлены два германских рыцаря с символикой Тевтонского ордена.

Рыцарь на первом плане: облачен в кольчужно-бригандинный защитный комплекс ранних форм. Прогрессивное вооружение, характерное для западного рыцарства, указывает на то, что это гость ордена. В основном реконструкция основана на статуе св. Маврикия из Магдебурга и барельефе из Винхаузена.

Миниатюры Манесской рукописи (так называемый «Кодекс Миннезингеров»). 1300-е гг.

Сшита из сукна, бархата или шелка с подкладкой из двух-трех слоев грубого полотна. Пластинчатый набор состоит из трех широких горизонтальных пластин, закрывающих корпус от подмышек до основания бедер, расположенных со взаимным наложением в направлении снизу вверх. Защита груди сформирована тремя вертикальными пластинами. Боковые заходят под центральную. Плечи закрыты небольшими прямоугольными пластинами. Толщина фронтальных пластин 1,5–2 мм. Сходящиеся на спине клапаны выложены тремя горизонтальными пластинами каждый. Толщина 1–1,2 мм. Лопатки не бронированы. Вес предположительно около 4,5–5 кг. (Статуя св. Маврикия Магдебургского.)

Спящий страж. Изображение с алтаря церкви в Винхаузене, 1270-е гг.
В данном случае котта усилена тремя рядами вертикально расположенных пластин

Наколенники: ранняя форма небольших размеров. Имеют коробчатую форму и закрывают колено с трех сторон. Фронтальная часть незначительно выпуклая. Толщина ок. 1,5–2 мм. Вес 300–400 г. (Печать Йоханна фон Лихтенберга, 1284 г. Лотарингия; прямой аналог — наколенники из парижского Музея армии того же периода; предположительно германского происхождения.)

Щит: небольшой треугольный тарч.

Меч: одноручный, переходная форма к полуторараучному — с удлиненной рукоятью. (Надгробие Дитриха фон Брена, 1250 г. Наумбург; аналог найден под Кембриджем, датируется 1250–1300 гг., отличается прямым перекрестьем; прив. по Oakeshott R. E. 1964 г.)

Рыцарь на заднем плане: более традиционное вооружение, в основе которого лежит кольчуга. Относится к братьям ордена, на что указывает и белая котта с черными крестами.

Шлем: большой шлем. Имеет цилиндроконическую (шатровидную) форму. Закрывает всю голову и шею, немного не доходя до плеч. Конструкция сегментная, все детали соединены посредством заклепок. Коническая тулья венчается небольшим выпуклым навершием. Тулья заведена под венец. Венец незначительно расширяется к месту соединения с тульей. На лицевой части венца присутствует Т-образный вырез, где боковые части формируют смотровые щели, имеющие полукруглую форму. Края их усилены стальными накладками. По тулье и венцу на всю высоту пущены спереди, сзади и с боков узкие усиливающие полосы. Фронтальная накладка переходит в наносник, прикрывающий центр лицевого выреза. Толщина накладок 2–3 мм, фронтальной — не менее 4 мм. Все прочие детали около 1,5–2 мм. Вес около 3,5–4 кг. (Аналоги имеются в церкви г. Фавершем и парижском Музее армии, датируются 1250–1300 гг.)

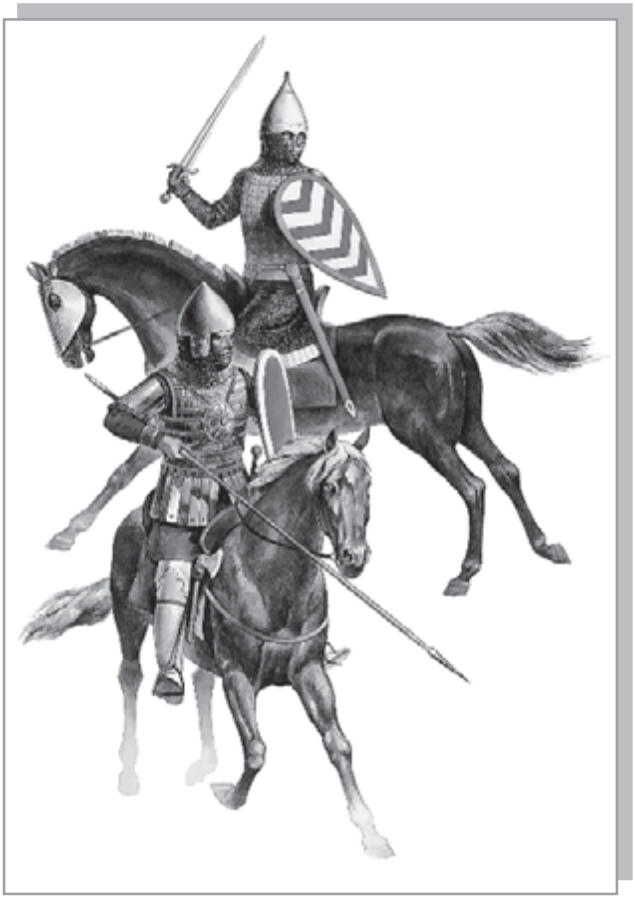
Кольчужное вооружение: общеевропейское, с отдельным капюшоном и перчатками. Кольчужные чулки длинные, на всю ногу.

Русские конные воины

1260–1330 гг.

Монгольское нашествие оказалось страшным ударом для русских княжеств. Разрозненные войска городов-государств оказались бессильны перед сплоченными, спаянными железной патриархальной дисциплиной туменами монгол. Десятки поселений оказались разрушенными, население было частично уничтожено, частично угнано в полон. В первую очередь, объектами порабощения оказывались ремесленники, в которых остро нуждались завоеватели для обеспечения собственных нужд и поддержания экономики. Тем не менее даже в самые глухие годы ига с середины XIII по конец XIV вв. мы не наблюдаем упадка, деградации в военном производстве. Можно отметить лишь изменение географии оружейных центров, которые сместились на запад. Ремесленники спасались от татарской неволи, уходя в свободные западные земли — с этих пор и до конца XV в. одним из самых важных центров оружейного ремесла стал Господин Великий Новгород, не испытавший татаро-монгольского разорения.

Главными носителями развитого комплекса вооружения по-прежнему оставалась конница. Она же в основном влияла на эволюционные процессы, затрагивавшие защитное и наступательное снаряжения. Пехота, впервые после раннего средневековья вышедшая как самостоятельная сила на поля сражения в XIII в., почти не имела специального вооружения и довольствовалась снаряжением конных воинов, возможно, упрощенным и облегченным. Главной тенденцией в развитии русского воинского убора было упрощение и максимальная рационализация защитного вооружения. Этот процесс был вызван повышенным спросом на боевое снаряжение и невозможностью обеспечить рынок дорогим, богато украшенным оружием, столь популярным в эпоху расцвета Киевской Руси. Кроме того, в войска пришло множество «черных» людей (то есть постолюдинов), не имевших возможности покупать полные доспехи. В результате на первый план выходят доспехи, закрывающие только жизненно важные и наиболее поражаемые



области тела — голову, торс, бедра и плечи. Отныне русский доспех массового употребления можно охарактеризовать не как «рыцарский», а как «рейтарский».

Вместе с тем конец XIII—начало XIV вв. это время пика утяжеления доспеха на Руси. Это время ускоренного перехода к пластинчатым системам защиты и отказа от кольчуги как самостоятельного защитного покрова, что ознаменовало закат «века кольчуги» и начало «века пластинчатого доспеха». Известные еще с раннего Средневековья чешуйчатые и ламеллярные панцири получают новое осмысление и распространяются повсеместно. Чешуйчатые доспехи, иначе называемые пластинчато-нашивными, состояли из пла-

стин, пришнурованных к матерчатой или кожаной подоснове. Новинкой явились чешуи с одной или несколькими дополнительными заклепками, которые страховали шнуровку, более жестко фиксируя пластину на несущей основе. Такой панцирь был практически непробиваем, ведь чтобы расторгнуть пластинчатый набор, требовалось вырвать страхующие заклепки или проломить поверхность пластины. И то, и другое представляется затруднительным, так как пластины заходили друг на друга наподобие черепицы и в местах взаимоналожения присутствовал двойной или четверной слой защитного покрова. Подобные панцири надевались на корпус отдельно или поверх кольчуги, как и в Западной Европе того времени. Ламеллярные доспехи имели конструкцию пластин, соединенных непосредственно между собой без несущей основы посредством шнуровки через систему функциональных отверстий. Одной из первых в Европе Русь приняла на вооружение так называемые бригандинные доспехи с пластинами, приклепанными к изнанке матерчатых жилетов, того же покроя, что и чешуйчатые и ламеллярные доспехи. Корпусные панцири могли усиливаться при помощи круглых стальных пластин «зерцал», которые навешивались на ремнях поверх доспеха или крепились непосредственно на пластины посредством шнуровки или приклепывания. Выделяются специальные приспособления для защиты плечевого сустава и подмышек в виде чешуйчатых оторочек доспешных пройм или выпуклых кованых пластин — наплечников шарнирного крепления. Руки воинов закрывали створчатые наручи или длинные рукава кольчуг. Ноги прикрывались кольчужными чулками.

Миниатюры Симоно-Хлудовской Псалтири. 1270-е гг.

Многообразие шлемов домонгольской Руси сменилось несколькими типами достаточно стандартизированных шлемов сфероконической, куполовидной и шатровидной (цилиндро-конической) геометрии. Прикрытия лица в виде личин и наносников практически исчезают. Им на смену приходят укороченные по нижнему срезу венца шлема наносники, часто с подвешенной к ним бармицей, закрывавшей все лицо. Используются и шлемы с полями, которые, нависая сверху, защищали лицо от секущих ударов. Новые открытые шлемы были не так надежны, как прежние с прикрытиями лица, но зато обеспечивали ничем не стесняемый обзор, что оказалось первостепенным при борьбе с маневренными степными всадниками. Кольчужная бармица получила пластинчатые усиления в виде навесных наушей прямоугольной формы. От двух до трех таких пластин могли пришнуровываться к шлему с обеих сторон. Продолжали употребляться и шлемы с простой бармицей или без бармицы вовсе, особенно в среде легкой конницы. Декоративная отделка шлемов упрощается или исчезает совсем, что было связано со всеобщим удешевлением оружия.

Арсенал наступательного оружия значительно обновился. Появились полутораручные, а затем и двуручные мечи, позволявшие наносить более мощные удары. Невозможность разрубить пластинчатый доспех обусловила распространение с конца XIII в. акцентированно колющих мечей с клинками жесткого сечения четырехгранного (ромбического) или шестигранного вида. В это время появляются булавы-шестоперы и секиры с утяжеленным обухом-молотком. Как основное средство тяжелоконной борьбы выступают копья с массивными наконечниками с гранеными жесткими втулками. Сабли исче-

зают из широкого обихода. По крайней мере, археология практически не располагает русскими саблями XIV в., тогда как в XII—начале XIII вв. они местами превалируют над мечами. Вместе с тем на изображениях они встречаются, то есть их ограниченное распространение все же можно предположить.

Цветная вкладка *(стр. 43)*

На рисунке первая фигура представляет тяжеловооруженного дружинника. Его облик реконструирован по тверским изобразительным и археологическим материалам. Общий комплекс вооружения воспроизводится по миниатюре иллюстрированного списка «Хроники» Георгия Амартола из Твери 1300-х гг., изображающей поход Александра Великого на Иудею.

Шлем: сфероконическое наголовье конструктивно состоит из двух сегментов, соединенных паянными медью швами в налобной и назатыльной части. Тулью венчает навершие с фигурным краем и характерным сферическим окончанием. По низу идет приклепанный венец с глубокими надглазными выкружками и петлями под бармицу. Толщина изделия от 1,2 мм до 1,8 мм, вес без бармицы около 1,5 кг. (Конструкция и размерно-весовые характеристики приведены по однотипному шлему из Государственного Эрмитажа.)

Доспех: чешуйчатый жилет с застежками на боках. Состоит из крупных пластин с дополнительной центральной заклепкой. Наплечники подтреугольной формы с фестончатой мягкой оторочкой. Размеры пластин 65 мм/55 мм/1 мм (1,2 мм). Глубина изгиба от 5 до 10 мм. Количество пластин около 150 штук. Толщина основы (восстанавливается по длине стержней заклепок) около 3–4 мм. Вес около 5–6 кг. (Пластины доспеха и наплечники приведены по материалам Тверского музея.)

Кольчуга: аналог европейского хауберга с длинными рукавами и приплетенными рукавицами. Уникальное для Руси изображение происходит с упомянутой миниатюры «Хроники» Георгия Амартола. Обычно воины отображались с незащищенными кистями рук, не знает находок боевых перчаток или рукавиц и археология.

Щит: миндалевидный, расписан чередующимися перевернутыми серебряными и червленными стропилами и синей каймой. Защитный комплекс дополняет конский налобник, деталь, появившаяся приблизительно в это время и схематично изображенная на миниатюре «Хроники».

Меч: клинок шестигранного сечения. Длина около 800 мм, ширина 45 мм у основания и 30 мм у острия. Толщина в основании 7 мм, у острия 2–3 мм. Гарда S-образной формы. Новшество западноевропейского круга, отображено на миниатюре «Хроники» и соотносится с изображениями на фресках в Вестминстерском аббатстве 1280–1300 гг. Навершие уплощенно-дисковидное. Вес около 1,6 кг. (Клинок приведен по находке в Рыдомле, Волынь, собрание Государственного Эрмитажа.)

Вторая фигура представляет воина в облегченном вооружении. Реконструкция проведена по материалам миниатюр Силивестровского списка «Жития

Св. Феодор Стратилат. Миниатюра форзаца Федоровского Евангелия. 1327 г.

св. Бориса и Глеба» XIV в. и Федоровского Евангелия, 1320-е гг.

Шлем: куполовидное наголовье с бармицей, усиленной пластинчатыми наушами. Подобных шлемов XIV в. на Руси не сохранилось, но единовременные европейские аналоги позволяют говорить о том, что конструктивно тулья состояла из двух кованых сегментов, соединенных кузнечной сваркой. Предположительная толщина от 1,5 до 2 мм, вес около 2 кг (облик шлема воспроизведен по миниатюрам «Жития св. Бориса и Глеба»).

Доспех: ламеллярный жилет, набранный из мелких прямоугольных пластин с закругленным верхним краем. Взаимоналожение пластин идет в направлении снизу вверх. Между рядами проложены узкие кожаные полосы, все края доспеха также обшиты кожаными выпушками. Область солнечного сплетения и диафрагмы закрывает зерцальная бляха с чеканным лепестковым орнаментом. Подобные ламеллярные пластины известны на территории Руси с XVIII–IX вв., самые ранние найдены на месте древнего поселения Хотомель. Схожие пластины в слоях XIII в. найдены в Гомеле, Новогрудке и др. На данной реконструкции предлагаются пластины следуюих размеров: 75/30/1 (0,8) мм. Количество пластин в составе корпусного доспеха — около 300 штук. Вес 5–6 кг.

Миниатюры Тверской Хроники Георгия Амартола. 1300-е гг.

Зерцало: подобных зерцал не обнаружено. Приводится по миниатюре с форзаца Федоровского Евангелия.

Прикрытия рук и ног: руки закрыты от плечевого сустава до локтя шинным плечевым щитком. Он конструктивно состоит из длинных стальных пластин, зафиксированных на мягкой подоснове посредством приклепывания по верхнему и нижнему краю со взаимным наложением. Протектор имел форму замкнутой трубы с арковидными вырезами под мышкой и над локтевыми сгибами. Данный элемент доспеха крепился на руке посредством шнуровки к поддоспешной одежде или пристегивания к пройме доспеха. Подол также шинный. Состоял из двух трапециевидных деталей подосновы с укрепленными на них пластинами. Они фиксировались на едином несущем поясе с декоративной фестончатой отделкой, образовывая спереди и сзади медиальные разрезы. Линии разрезов могли при необходимости смещаться на бока поворотом подола на девяносто градусов (особенно при спешивании всадников). Длинные стальные полосы, предположительно относящиеся к наборам подолов и плечевых щитков, были найдены в Орешке, Пскове, под Торжком, в Гомеле. Размеры пластин: длина до 250 мм, ширина до 50 мм, толщина от 1 до 1,5 мм. Прослеживается также множество изображений. Данные приспособления восстановлены по миниатюрам «Жития св. Бориса и Глеба».

Копье: имеет вытянуто-треугольное перо четырехгранного сечения и восьмигранную втулку. Длина общая — 320 мм, длина пера — 210 мм, диаметр втулки — 35 мм.

Меч: романский клинок с полутораручной рукоятью и дисковидным навершием с фигурным краем. Имеет несколько западных аналогов. Относится к распространеной группе клинкового оружия второй половины XIII—начала XIV вв.

Секира: одноручная секира, железко имеет полукруглое (луновидное) лезвие. Аналогичная секира была найдена под Торжком.

Конница Византии и Балканских стран

XIII–XIV вв.

Яркие страницы военной истории Средневековья связаны с Балкано-Византийским регионом. Главной силой местных армий рассматриваемого периода, несомненно, была конница, что представляет специальный интерес данной работы. Ознакомимся вкратце с ситуацией на Балканах, которым волей исторической судьбы суждено было стать на долгие века одним из основных центров политической напряженности в мире.

Одна из наиболее значительных проблем в международной жизни Западной и Восточной Европы XIV—XV вв. была связана с судьбой Византийской империи. С начала XIV в. Византия и славянские государства Балканского полуострова ощущали нарастающую угрозу со стороны Османской империи. Опасность завоевания была обусловлена не только военно-политической мощью султана, но и внутренней слабостью стран Балканского полуострова и постоянными конфликтами между ними. Международную обстановку на Балканах осложняла позиция Западной Европы: папство рассчитывало ослабить Византию и подорвать авторитет православной церкви; Венеция и Генуя боролись за приоритет в средиземноморской торговле.

Последняя попытка Византии остановить продвижение турок в Азии, закончившаяся поражением армии Андроника III при Филокрене в 1329 г., совпала по времени с обострением международных противоречий на Балканском полуострове. В начале 30-х гг. XIV в. Болгария и усилившаяся Сербия конфликтовали друг с другом. Византия, опасавшаяся усиления каждой из них, поддерживала то одну, то другую сторону. В этой благоприятной обстановке турки продолжали наступление на византийские владения в Малой Азии и все чаще появлялись во Фракии.

В 40—50-х гг. XIV в., используя внутренние неурядицы в Византии, в частности восстание зилотов, Генуя захватила ряд островов Эгейского моря (в том числе Самос и Хиос), а Сербия вытеснила

византийцев из Македонии. Византийские феодалы привлекали турок к междоусобной борьбе и войнам с Сербией, что способствовало началу широкого переселения турок на территорию Европы.

В 60-х гг. XIV в. византийские императоры искали поддержку в Западной Европе: Иоанн V ездил в Венгрию (ко двору Лайоша I) и в Италию; он даже принял католичество. Однако эти шаги не приносили реальных результатов. Венеция и Генуя не были заинтересованы в спасении своего соперника — Византии и настолько ослабили друг друга в борьбе за преобладание в Эгейском море (войны 50—70-х гг. XIV в.), что были вынуждены заключить союзные договоры с турецким султаном Мурадом I.

Османская империя использовала эту ситуацию. В 60-х гг. она начала завоевание Фракии. В 1362 г. был захвачен Адрианополь, превращен-

ный в столицу Османской империи. Неизбежная борьба против южнославянских государств облегчалась для турок феодальной раздробленностью Болгарии и Сербии. Поражение сербов у Черномен на реке Марица в 1371 г. открывало Османской империи путь в глубь страны. Попытка сербской армии и боснийских отрядов остановить османское продвижение в Южной Сербии окончилась трагическим поражением на Косовом поле (15 июня 1389 г.). Последовавшие за этим события — признание Сербией вассальной зависимости от султана и покорение болгарского Тырновского царства в 1393 г. заставили до того бездействовавшие государства Западной и Центральной Европы попытаться остановить дальнейшие завоевания турок в Европе.

Германский король Сигизмунд I, ставший в 1387 г. и королем Венгрии, наиболее остро ощутил реальную опасность турецкого вторжения и выступил организатором Крестового похода, в котором приняли участие рыцари Венгрии, Германии, Чехии, Польши, Франции. 25 октября 1396 г. близ Никополя на Дунае состоялось одно из крупнейших сражений европейских народов с турками. Оно закончилось полным поражением недостаточно организованного и не подчинявшегося единому руководству рыцарского войска.

Новые дипломатические усилия, предпринятые византийскими императорами в поисках международной поддержки, не имели успеха. Обращение к правителям Руси оказалось напрасным. Перед русским государством стояли сложные внутренние проблемы: продолжение борьбы против монголо-татарского ига и централизация. Страны Запада по-прежнему занимали неопределенную позицию. В начале XV в. назрело новое обострение утихшего в 50—90-е гг. англо-французского конфликта. Заинтересованные в средиземноморской торговле итальянские города-государства и Арагонская морская держава были поглощены конкуренцией друг с другом. Отсрочка окончательного завоевания Византии Османской империей пришла с Востока вследствие разгрома армии султана Баязида I войсками Тимура в битве при Анкаре 28 июля 1402 г.

Западноевропейские правители и папство попытались использовать турецкую угрозу в целях утверждения гегемонии католической церкви и укрепления влияния государств Западной Европы и Византии в южнославянских странах, а также на Руси. Средства для этого они видели в унии католической и православной церквей под эгидой папства. Начавшиеся в 30-х гг. переговоры византийского императора Иоанна VIII по этой проблеме завершились решениями Ферраро-Флорентийского собора (1438—1439 гг.), провозгласившими унию. Уния была дипломатической победой папства, но так и осталась на бумаге.

Падение Константинополя 29 мая 1453 г. означало конец существования Византийской империи. Завоевание турками-османами стран Балканского полуострова (в 1459 г. пала последняя сербская крепость Смедерево; в 1463 г. захвачены Босния и Герцеговина) внесло новые черты в международные отношения в Европе, значительно осложнило их. Возникла опасность дальнейшего расширения границ Османской империи, был нанесен тяжелый удар европейской торговле со странами Востока.

Трагическое завершение более чем тысячелетней истории Византийской империи напрямую

Миниатюра византийского «Романа об Александре». 1300-е гг.

отразилось на Руси, ее непосредственной культурной наследнице; вспомним, что на европейскую международную арену в XV в. выходила новая политическая сила — Великое княжество Московское, складывавшееся в это время централизованное Русское государство. Оторванная от Европы долгим монголо-татарским игом, которое вынуждало русских князей обращать свою политику главным образом в сторону Орды, Московская Русь, окончательно освободившаяся от ига в 1480 г., смогла снова действовать и в западном направлении. Присоединив к своим владениям Новгород (1478 г.) и добившись окончательной ликвидации независимости Твери, Иван III открыл балтийское направление в политике русского государства, начав войну с Ливонией. В ходе ее в 1492 г. он поставил напротив Нарвы русскую крепость Иван-Город (Орешек) и отбил попытки государства тевтонцев взять реванш (в 1501 г. в битве у крепости Гельмед). Тогда же обозначились и противоречия с Литвой, с которой Иван III начал войну в 1500 г., нанеся литовцам сокрушительное поражение 14 июля под Дорогобужем. В конце XV в. были заключены союзы с Венгрией, Молдавским княжеством, даже с императором Германии Фридрихом III, направленные против Литвы и Польши. Выход Русского государства на международную арену в конце XV в. сопровождался возникновением концепции «Москва—Третий Рим» и ее пропагандой среди иностранцев.

Военное дело Византии и Балканских стран, относящееся к периоду Османского нашествия, или непосредственно предшествовавшего ему, отличалось известным своеобразием. Византийская империя, разгромленная в начале XIII в. в ходе Четвертого крестового похода, возродилась лишь в 1261 г., когда Михаил VIII Палеолог отбил у латинян Константинополь и восстановил целостность государства[1]. В годы его правления большое значение и власть приобрели правители провинций — деспоты, которые собирали свои собственные войска, чей удельный вес в имперской армии заметно увеличился. Кроме того, пренебрегая турецкой опасностью, Михаил VIII лишил привилегий приграничных военных поселенцев — акритов, что существенно сказалось на облике и боеспособности армии. На составе конных войск и способе ведения военных действий сказывалось также широкое использование наемников, которых привлекали и для решения внешнеполитических задач, и для сведения внутренних счетов при гражданских распрях. Наемные контингенты набирались из самых разных народностей, здесь были: половцы, татары, сербы, болгары, западноевропейские наемные компании (например, каталонцы Рожера де Флора) и даже турки-сельджуки, а позднее и турки-османы. Особенный размах данное явление приобрело в первую треть XIV в. во время гражданской войны между Иоанном V Палеологом и его регентом Иоанном Кантакузином против Алексея Апокавка. Все это сказалось на боеспособности, вооружении и способе комплектования армии. Ослабление центральной власти обусловило центробежные силы в империи и превращение земельных проний (пожалований, жа-

[1] До полного восстановления было далеко, так как всю оставшуюся жизнь Михаилу пришлось бороться с оставшимися латинскими баронами, которых активно поддерживал римский престол, а позднее и Карл Анжуйский, владыка Сицилии и Южной Италии.

ловавшихся на условии службы государю) в наследственные вотчины, наподобие западных ленов. Вообще, главным своеобразием византийской армии последнего периода ее истории является сочетание традиционных фемных[1] ополчений с наемными контингентами и феодальными дружинами местной знати.

Славяно-балканский регион и его армии представляли известное своеобразие в связи с более заметными, чем в Византии, процессами феодализации, а также широкими культурными контактами с западными соседями. Например, Посавская Хорватия с конца XI в. входила в состав королевства Венгрии, и ее воинское сословие в значительной мере слилось с венгерским. Еще больше отличались армии далматинских городов, которые в XI в. находились под протекторатом Венеции, затем попали под власть Венгрии (XII в.), а с начала XV в. вновь оказались в сфере венецианского влияния. Наиболее характерна в этом отношении история города-республики Дубровника, который хоть и платил дань то Венеции, то Венгрии, то Турции, сохранял самостоятельность вплоть до XIX в. В целом далматинские города походили на итальянские города-государства, являясь органичным элементом европейской феодальной системы.

Св. Георгий и св. Дмитрий. Византия, XIV в.

Вооружение, в особенности развитое конное вооружение, являлось, по-видимому, тем элементом военного дела, который роднил (по крайней мере, внешне) армии различных государств Балканского региона. Здесь сложилась собственная неповторимая система снаряжения, которая оказала колоссальное влияние в хронологических рамках всего Средневековья на Средиземноморье и, что для нас особенно важно, на Русь. Нет сомнений, что постоянные военно-экономические контакты с носителями иных воинских культур привносили некоторые новые черты в снаряжение, сложившееся в данном регионе. Тем не менее они лишь дополняли и органично вписывались в него, не подменяя собой системы в целом.

Рассмотрим комплекс защитного и наступательного снаряжения, имевший хождение в Балкано-Византийском регионе. Начнем с защитного снаряжения.

Комплекс защитного снаряжения в основных чертах сложился к IX–XI вв. и с течением времени внешне менялся незначительно. Наиболее заметные изменения коснулись боевых наголовий, а также пластин и колец, формировавших защитные одеяния.

Боевые наголовья подразделяются на две основные группы по конструктивному признаку — гибкие и жесткие. К гибким наголовьям относятся кольчужные капюшоны, а к жестким — шлемы.

Кольчужные капюшоны известны с позднеримского и ранневизантийского времени. Так, в Стратегиконе Маврикия (рубеж VI–VII вв.) подробно описываются защитные капюшоны, которые носились под шлемом, но могли употребляться и самостоятельно. Известные под термином «скаплиа», или «скаплион» капюшоны могли сопровождать кольчугу или пластинчатый доспех, причем к кольчуге они могли приплетаться наподобие европейских хаубергов. В более позднее время кольчужные капюшоны оставались в широком употреблении. Имеется несколько изображений, например, Дмитрия Солунского или спящих стражей Святой Гробницы (Орхид, церковь св. Дмитрия) XIV–XV вв., где изображены капюшоны, носимые без шлемов. Известна также позднесредневековая кольчуга с приплетенным капюшоном. Она была найдена у местечка Донья Ржаница Будимлянского района (Сербия) и хранится в Белградском музее. По-видимому, кольчужные капюшоны без шлемов употреблялись исключительно легкой конницей, так как не являлись надежной защитой от тяжелого оружия.

[1] Фемы — территориальные округа.

Шлемы различных конструкций были основным боевым наголовьем в комплекте развитого защитного вооружения. В Византии, без сомнений, существовало собственное развитое производство шлемов, удовлетворявшее внутренние потребности и обеспечивавшее экспорт. По аналогии с западноевропейским материалом балканские шлемы подразделяются на три основные группы: малые бацинеты[1], бацинеты и шлемы с полями. Напомним, что малым бацинетом называется шлем, чей корпус закрывает голову не ниже висков, в отличие от бацинета, распространяющего защиту ниже, вплоть до основания шеи.

Малые бацинеты, без сомнений, были наиболее распространенной категорией боевых наголовий в данном регионе. Не менее девяноста процентов шлемов, представленных изобразительными источниками балканского региона, представляется возможным отнести именно к этой группе. Геометрические формы представляют самый широкий спектр. Достаточно редко встречаются полусферичекие шлемы; куполовидные и сфероконические шлемы, напротив, являются наиболее часто встречающимися. Конструктивно шире всего представлены монолитные (паяные или сварные) шлемы, хотя встречаются и сегментные (клепаные) наголовья.

Св. Прокопий в окружении святых. 1300-е гг. Монастырь св. Екатерины, Синай

Бацинеты представлены в источниках несколько реже. В качестве примера можно привести изображения конических бацинетов из сербского «Романа о Трое» первой половины XV в. Отдельный случай — это импортные бацинеты, которые, несомненно, имели место и завозились преимущественно из Италии. По-видимому, центр их распространения, а возможно, и изготовления располагался в Дубровнике и других далматинских городах. Помимо ряда изображений, иногда, впрочем, неоднозначных, имеются несколько экземпляров итальянских бацинетов, относящихся к 1370–1380 гг. Один из них имеет куполовидныйй корпус и налобную петлю для крепления забрала, второй отличается полусферической тульей с выраженным медиальным гребнем. На нем сохранилось и забрало «клапвизир» (оба шлема в Земальском музее, Сараево).

Шлемы с полями находят широчайшее отражение в источниках византийского круга, особенно с середины — второй половины XIII столетия. В начале XIV в. распространяется разновидность «железной шапки» с направленными вниз полями, образующими усеченный конус. Тулья таких шлемов могла иметь привычную для западной Европы полусферическую, усеченно-коническую (см. роспись церкви св. Климента в Орхиде середины 1295 г.) или куполовидную форму. Наряду с такой геометрией имела хождение и характерная местная форма, практически неизвестная в Европе. Имеются в виду шлемы с высокими сфероконическими тульями (фрески 1314 г. из Студеницкого монастыря) и цилиндроконическими (иначе — шатровидными) тульями, известными по экземпляру из Оружейной Палаты Московского Кремля, утраченному шлему из южнорусских курганов (прив. по Кирпичникову), а также ряду изображений.

Защита корпуса представлена панцирями гибкой конструкции (кольчугами) и жесткой конструкции (пластинчатые доспехи), а также матерчатыми и кожаными доспехами.

Кольчуга, известная под термином «лорика», или «лорикион»[1], имела самое широкое распространение в Византии. Раннесредневековые авторы, такие как император Лев VI («Тактика») и Маврикий («Стратегикон»), считали лорикион

[1] Термин «бацинет» в данном случае представляет собой чистую условность и употребляется из-за краткости и удобства классификационной схемы западного материала.

[1] В отличие от античности, когда лорика обозначала доспех в широком смысле, в Средние века этот термин применяли исключительно для обозначения кольчуги.

идеальным доспехом для всадника. В позднее Средневековье положение изменилось в связи с распространением оружия повышенной поражающей способности, а также из-за потребности в массовом производстве защитного снаряжения (кольчуга была весьма дорога и трудоемка в изготовлении); все эти условия обусловили переход к пластинчатым доспехам. Тем не менее кольчуга не исчезла и продолжала пользоваться достаточной популярностью как в качестве дополнения к пластинчатому доспеху (при поддевании ее), так и самостоятельного защитного покрова, который мог сочетаться с пластинчатыми прикрытиями рук и бедер (св. Меркурий, фреска церкви св. Климента, Орхид). Традиционно в данном регионе использовали кольчужные рубахи длиной от середины бедра до колен и рукавами от локтя до середины предплечья. Главным качественным изменением кольчуги стало введение так называемых панцирных кольчуг, которые состояли из колец уплощенно-прямоугольного сечения. Подобные покровы характеризовались значительной устойчивостью против разрывающего эффекта колющего оружия, благодаря жесткому сечению колец, а также большей, по сравнению с обычной кольчугой, защищаемой площадью. Кроме того, панцирные кольчуги, как правило, были легче обычных, так как значительная ширина позволяла уменьшить толщину колец, а значит, и облегчить всю конструкцию. Византия, видимо, имела возможность познакомиться с подобным новшеством раньше, чем любое государство Европы. Вспомним, что наиболее ранний фрагмент кольчуги из плоских колец был найден в захоронении IX–X вв. из могильника Мощевая Балка, Кавказ. Не исключено, что происходит данный фрагмент из Византии. В любом случае распространение панцирной кольчуги, по всей видимости, произошло в рассматриваемом регионе не ранее второй половины XIII столетия, как и на Западе.

Пластинчатые доспехи подразделяются на полужесткие и жесткие. К первой категории относятся чешуйчатые, ламеллярные и бригандинные доспехи, ко второй — кирасы.

Чешуйчатые и ламеллярные доспехи, видимо, обозначались общим термином «клибанион», известным еще с античных времен. Изначально данный термин применялся, очевидно, только к чешуйчатым доспехам, которые были наиболее распространены еще в римских армиях. Позднее, предположительно к V–VI вв., при широком введении ламеллярных доспехов термин «клибанион» стал применяться и к ним. Пластинчатые доспехи всегда имели самое широкое хождение на Балканах. Когда в Европе наступила «эпоха кольчуги» IX–XIII вв., рассматриваемые области стали настоящим заповедником культуры производства и употребления подобных защитных одежд.

Покрой пластинчатых доспехов не отличался разнообразием. Видимо, он имел вид пончо с застежками на боках или на одном боку. Пластины из состава доспехов, напротив, имели самые разнообразные формы. Ламеллярные пластины можно разделить на: овальные (с полукруглыми верхними и нижними краями)[1], прямоугольные с полукруглым верхним краем, прямоугольные, прямоугольные со скругленной боковой стороной, прямоугольные с треугольной боковой стороной, прямоугольные с трапециевидной боковой стороной, прямоугольные с фигурной боковой стороной, полукруглые или полуовальные пластины. Поверхность пластин могла усиливаться одним или двумя полусферическими выступами — умбонами, или вертикальными гранями. Края пластин иногда отбортовывались для придания жесткости. Кроме того, пластины оснащались сложной системой крепежных отверстий, через которые осуществлялось их соединение посредством шнуровки.

Пластины чешуйчатых доспехов, иначе — чешуи, также имели несколько основных разновидностей: прямоугольные, квадратные, полуовальные, прямоугольные со скругленным нижним краем. Они, как и ламеллярные пластины, могли усиливаться вертикальными гранями, но никогда не несли умбоновидных выступов. Чешуи крепились к мягкой подоснове (тканевой или кожаной) посредством шнуровки через горизонтальный ряд отверстий в верхней части. С 1250 г. широко распространились пластины с дополнительным креплением в виде одной или нескольких заклепок в центре. Подобные пластины сообщали доспеху повышенные прочностные свойства, особенно против колющего воздействия, но

[1] Пластины в составе пластинчатого доспеха почти всегда располагались вертикально, поэтому короткие стороны называются верхними и нижними, а длинные — боковыми.

почти совершенно лишали его гибкости. Другой вариант, отличавшийся меньшей жесткостью, состоял из пластин с двухрядной шнуровкой.

Проймы пластинчатых доспехов часто снабжались чешуйчатыми или ламеллярными оторочками. Они появились в XI в., но распространились не ранее конца XII в. Для защиты плечевого сустава использовались также монолитные наплечные пластины выпуклой формы. Известны они были приблизительно с VIII в., однако популярностью стали пользоваться в XIII–XIV вв., при массовом введении, а точнее — возвращении в обиход пластинчатых защитных конструкций.

Другим дополнением к доспеху могли выступать пластинчатые ожерелья. Они имели чешуйчатую или ламеллярную конструкцию и состояли из оплечий с высоким воротником-стойкой, закрывавшим шею и подбородок. Начало повсеместного использования ожерелий, а это весьма частый атрибут защитного вооружения, судя по изобразительным источникам, относится к концу XIII в.

Еще одно приспособление, призванное усилить доспех, появилось также в конце XIII в. Это была монолитная выпуклая стальная бляха, позднее получившая название «зерцало». В большинстве случаев она изображается в виде правильного круга, реже — в виде восьмиугольника, а в единичных случаях имеет прямоугольную форму. Носилась она поверх нагрудника, прикрывая область диафрагмы. Зерцала с равной вероятностью пристегивались поверх доспеха или включались непосредственно в его состав, за счет шнуровки или приклепывания. Зерцала явились ярким признаком конного защитного снаряжения «эпохи пластинчатого доспеха», который сменил «век кольчуги». Их появление, как и появление чешуй с дополнительной клепкой, может служить индикатором начала новой эры защитного снаряжения.

Св. Георгий. Греческое письмо, XV–XVI вв. Лувр, Париж

Бригандины не нашли отражения в изобразительных источниках византийского круга. Тем не менее они, несомненно, использовались, хотя и имели, видимо, импортное происхождение. Упоминания о бригандинах имеются в письменных источниках, например, Дубровника. Скорее всего, их закупали в Милане, признанном во всей Европе производителе подобных доспехов.

Иным привозным доспехом являлась кираса. Всегда ее изображение сочетается с полным комплектом западноевропейского, а точнее — итальянского снаряжения. Чаще всего подобные свидетельства встречаются среди источников XV в. и в основном концентрируются в районе Дубровника (статуя св. Роланда 1420 гг., фреска со св. Георгием 1450–1470 гг. и т. д.). Тем не менее известны кирасы уже с конца XIV в., например итальянская кираса из Белграда (Белградский Музей).

Заменителем стального доспеха выступал тканевый или кожаный панцирь. Это одна из древнейших форм защиты корпуса, хорошо известная со времен классической Греции под термином «линоторакс» — «льняной панцирь». В эпоху Средневековья за ним закрепился термин «кабадия», или «кабадион». По описаниям раннесредневековых трактатов, таких как Тактика Льва VI, Стратегикон Маврикия, Praecepta militaria, Syllogy tacticorum, кабадия состояла из нескольких слоев льна и шелка, проложенных ватой или войлоком и плотно простроченных. Слои ткани и войлока могли вощиться и проклеиваться уксусом или кислым вином. Например, Никита Хониат в начале XIII в. описывал доспех Конрада Монфератского (время правления Исаака II Ангела — 1185–1190 гг.) как панцирь, составленный из восемнадцати слоев льна, пропитанных соленым кислым вином. Эти ранние свидетельства не утратили актуальность и в позднее Средневековье, в чем можно убедиться, сравнив их с западноевропейскими аналогами XIV–XV вв. Судя по изображениям, кабадия представ-

ляла собой по покрою точную копию клибаниона (короткой безрукавной куртки пончо), с той лишь разницей, что защита обеспечивалась стеганой поверхностью ткани или кожи. Простежка изображается исключительно в виде диагональных пересекающихся линий, образующих серии ромбов.

Другим термином, обозначавшим матерчатый доспех, была «неврика». Интересно отметить, что, как правило, данный термин обозначал конский доспех, который имел вид полной или фрагментарной попоны. Впрочем, неврикой мог называться и доспех для человека. «Катафракта неврика» же был специфическим термином, обозначавшим исключительно конский доспех.

Безопасность рук и ног осуществлялась посредством нескольких разновидностей защитных приспособлений. Кольчуга как унитарное защитное одеяние обеспечивала прикрытие рук и бедер за счет своих рукавов и подола. В основном в рассматриваемом регионе были распространены кольчуги с коротким рукавом, однако встречались и рубахи с полноразмерным рукавом. Кольчужные чулки обеспечивали защиту ног. В качестве примера можно привести изображения с фресок церкви св. Николая Орфаноса начала—середины XIV в. из Фессалоник. Данные свидетельства представляют полноразмерные чулки, повторяющие западные аналоги.

Пластинчатые прикрытия конечностей были представлены в основном плечевыми щитками и подолами. И те, и другие пристегивались или шнуровались к доспеху или поддоспешной одежде. Они могли иметь ламеллярную или чешуйчатую конструкцию. Предплечья и голени закрывались специальными защитными приспособлениями достаточно редко. Тем не менее они имели определенное распространение. Так на миниатюрах Хроники Иоанна Скилицы XII в. представлены изображения ламеллярных наголенников, видимо, заимствованных из Средней Азии. В XIII—XIV вв. имели ограниченное хождение специфические шинные наголенники, известные по изображениям и археологическим находкам с VIII—X вв. Предплечья и голени также предположительно могли закрываться латными накладками, наподобие хорошо известных русских наручей из с. Сахновка Киевской области.

Все разновидности защитного снаряжения в обязательном порядке надевались поверх специальных поддоспешных одежд. Без сомнений, они имели то же устройство, что и кабадии, но отличались меньшей толщиной и большей гибкостью. Видимо, некоторые доспехи, особенно пластинчатые, могли снабжаться подкладками, пришнурованными к ним изнутри непосредственно. Эти специальные одеяния препятствовали прямому контакту с телом железа или грубого материала доспеха и тем самым облегчали ношение доспеха. Единственное известное сообщение об этом принадлежит анонимному военному писателю VI в., но оно не потеряло своего значения и в позднейшее время. Там сказано, что один из факторов эффективности вооружения — его удаленность от тела: «они именно должны носить не платье (обычное), как это делают некоторые, чтобы преуменьшить тяжесть вооружения, но специальную подкладку, которая по меньшей мере толщиной в один дактиль, которая позволяет избежать соприкосновения вооружения, в особенности позволить ему хорошо облегать тело, с другой стороны препятствует ударам врагов легко проникать до плоти ...»

Поддоспешное одеяние составляло существенную нагрузку для солдат, но защищало от повреждения самим доспехом и предлагала повышенную защиту от вражеского оружия. Этот же аноним пишет, что амортизирующие подкладки должны носиться не только под железным панцирем, но и под кожаным или войлочным, причем значение их защитной функции при этом возрастает.

Щиты были представлены круглыми (коническими), наподобие азиатских калканов, миндалевидными и треугольными. В некоторых районах Сербии, Хорватии и Византии имели хождение трапециевидные тарчи с вырезами для упора копейного древка. Видимо, последние пришли туда из Венгрии.

В плане наступательного вооружения Балканские страны позднего Средневековья были равно интегрированы в европейскую и азиатскую системы. Такое клинковое оружие, как меч, почти исключительно имеет западное происхождение. Известно несколько десятков археологических находок полуторараучных и одноручных мечей XIII—XV вв., которые полностью копируют германские и итальянские образцы, а скорее всего напрямую происходят из этих регионов. Показательна в этом плане коллекция мечей из Военного музея Белграда.

Сабли широко использовались в рассматриваемом регионе. Наряду с азиатскими саблями присутствовали и европейские сабли, которые отли-

чались мечевыми эфесами. Другим однолезвийным оружием выступали корды, которые имели характер как сабель, так и палашей. Ограниченно представлены в источниках и фальшионы, повторяющие западноевропейские очертания. В зоне византийского влияния найден фальшион (возможно, европейского происхождения), оснащенный сабельным эфесом (ордынское захоронение начала XIV в. у с. Каирка, Крым).

Широко были распространены боевые кинжалы и ножи.

Копья повторяли очертания рыцарских копий, что вполне соответствовало тактике боя византийских катафрактариев.

Оружием дистанционного боя конницы выступали луки и арбалеты. Причем луки, как и на Руси, являлись атрибутом как легкой , так и тяжелой конницы. На Балканах использовались преимущественно луки монгольского и турецкого типов. В комплекте с ними существовали азиатские трапециевидные колчаны, стрелы в которых носились наконечниками вверх.

Цветная вкладка (*стр. 44*)

Представлен византийский тяжеловооруженный всадник конца XIII в. Защитное снаряжение состоит из кольчуги с длинными рукавами, чешуйчатого доспеха с монолитными наплечниками и отдельным подолом из длинных шин. Шлем куполовидный, снабжен круговой кольчужной бармицей, тулья покрыта конелюрами. Голени закрыты шинными поножами. Щит круглый со стальным умбоном (конец XIII в., статуя короля Содома из Реймского собора, Франция, изображен воин в византийском вооружении). Наступательное оружие состоит из булавы, полуторараучного меча и кинжала (фреска со св. Георгием, Лесново).

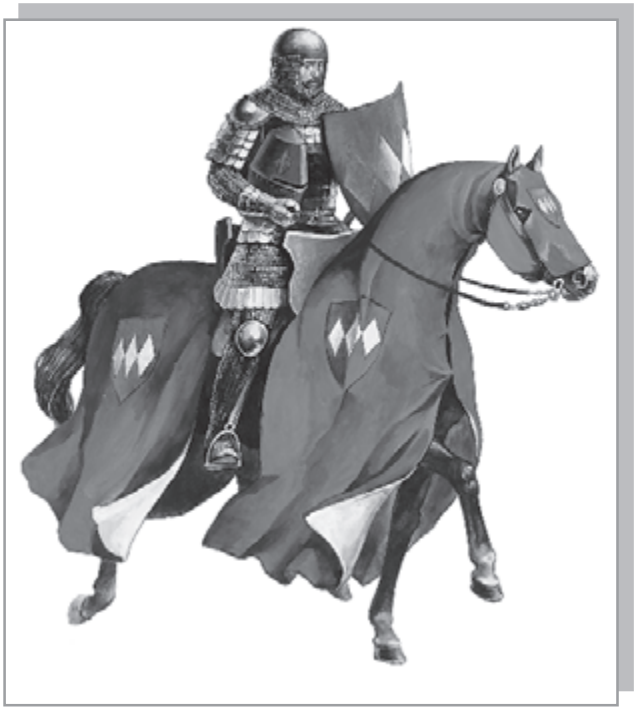
Цветная вкладка (*стр. 45*)

Византийский конник середины XIV—начала XV вв. Доспех: стеганая кабадия с навесной зерцальной пластиной. Под доспех поддета кольчуга с коротким рукавом. К доспеху пристегнуты однорядные чешуйчатые плечевые щитки и подол (Диптих «Богородица Кикотисса и св. Прокопий в окружении святых» 1300-е гг.). Шлем с полями надет поверх кольчужного капюшона с закрытым лицом («Миниатюры Романа об Александре», середина XIV в.). Наступательное оружие представлено азиатской саблей с елманью (фреска со св. Никитой, Манасия, конец XIV—начало XV вв.).

Французский рыцарь

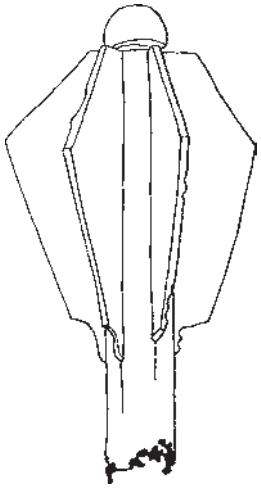
1300–1320 гг.

Средневековую Францию в исторической литературе с полным основанием называют «страной классического феодализма». Помимо эталонной модели феодальных отношений, Франция считается еще и родиной рыцарства. Французская земля воспитала множество легендарных воинов, которых можно именовать «идеальными рыцарями», и закономерно являлась основной законодательницей «рыцарской моды». При всех европейских дворах знать старалась подражать французскому рыцарству во всем, от костюма и манеры поведения до вооружения и тактики ведения боя. Вооружение производилось в основном в Италии и Германии. Первые мастера фехтования происходят также не из Франции, а из упомянутых регионов. Тем не менее французское рыцарство было окружено неким романтическим ореолом. И если нечто, например доспех того или иного фасона, завоевывало признание во Франции, то можно было быть уверенным, что оно станет модным и популярным во всей Европе. Французская рыцарская конница по праву считалась одной из лучших, если не лучшей. Всегда вооруженные по последнему слову военной техники своей эпохи рыцари Франции отличались высоким индивидуальным боевым мастерством, формируя эффективные конные соединения.



Тактика конного боя существенно не изменилась к началу XIV в. В Германии зародился так называемый конный «клин», однако трудно судить, был ли распространен этот способ ведения боя во Франции первых десятилетий XIV в. Скорее всего, в рассматриваемом регионе придерживались общей для всей Европы тенденции к соединению конных масс в несколько крупных монолитных тактических единиц. Значительная численность и сплоченность были залогом успешного действия в любой обстановке. Каждое формирование должно было держать строй и атаковать или маневрировать единой массой, которая концентрировалась вокруг собственного стяга, хоругви. В источниках основные тактические единицы часто именуются поэтому «хоругвями» ,или «знаменами». Знамя служило главным средством управления боевым порядком. Воины должны были следовать за ним и, если строй нарушался, собираться к нему при первой возможности. Главное знамя короля или главнокомандующего армией обычно располагалось в самой крупной и боеспособной части. Оно служило общим ориентиром и являлось основой управления армией в бою. Роль знамени для полководождения в Средние века трудно переоценить. Звуковые сигналы играли вспомогательную роль, так как в условиях средневековой битвы их было физически трудно услышать и идентифицировать. Грохот многих сотен копыт звон и треск сталкивающегося оружия, крики умирающих, ржание лошадей — все это образовывало звуковой фон, в котором сложно было распознать голос именно своей трубы, подающей ту или иную команду. Кроме того, толстые подшлемники и шлемы на головах сильно приглушали звуки. Адъютанты, развозящие приказы по полкам, были хороши в начале битвы или когда какая-то часть находилась в бездействии и ее нужно было ввести в дело. Знамя же господство-

вало над полем сражения, и его было видно издалека. Поэтому движения знамени являлись самым эффективным способом управления в бою. Знамя берегли любой ценой, ведь потеря его означала потерю управления. А это если не поражение, то, по крайней мере, серьезное осложнение тактической ситуации.



Шестопер. Конец XIII — начало XIV вв. Лондон, Лондонский музей

В отличие от тактики, вооружение к началу XIV в. претерпело серьезные изменения, особенно заметные при рассмотрении боевого комплекса тяжелого конника. Для защиты головы употреблялись несколько разновидностей шлемов. Основным боевым наголовьем тяжеловооруженного рыцаря был горшковидный «большой» шлем. Это был, пожалуй, первый специализированный элемент доспеха, предназначенный почти исключительно для конного боя. Узкая специализация позволила достигнуть высокой эффективности в применении. Значительные размеры шлема позволили упирать его непосредственно на плечи, снимая нагрузку с шеи. В результате вес его увеличился, что повысило надежность при копейном ударе. Непосредственно к тулье большого шлема посредством заклепок или шнуровки крепился подшлемник. Он служил для дополнительной амортизации и для того, чтобы голова нигде не соприкасалась с поверхностью тульи. Под большим шлемом в XIV в. рыцарь, как правило, носил малый бацинет с бармицей, который также снабжался подшлемником. Малый бацинет, в свою очередь, получил дальнейшее развитие. Появились более глубокие наголовья, опускавшиеся до висков и ниже, образуя подпрямоугольный лицевой вырез. Подобные шлемы, известные под термином «бацинет», могли носиться под большим шлемом или употребляться независимо. В самостоятельном употреблении бацинет оказался чрезвычайно удобным. Вскоре именно бацинет станет основным рыцарским наголовьем, и вся эволюция боевых шлемов будет связана в основном с ним. Корпус защищал стеганый акетон или гамбезон. Данная поддоспешная одежда кроилась по фасону повседневного верхнего платья «катарди» с застежкой на пуговицах спереди и на рукавах для лучшего облегания тела. Для амортизации ударов акетон набивался конским волосом, паклей, ватой или просто ветошью. Таким образом, металлическая защитная одежда обеспечивала непроницаемый внешний покров, а акетон исполнял функцию погашения разрушительного воздействия удара. Следовательно, от качества набивки акетона зависели защитные функции доспеха в целом. Поверх акетона носилась кольчуга с длинными или короткими рукавами. Сверху кольчугу дополнял пластинчатый панцирь той или иной конструкции. Ноги закрывали кольчужные чулки на стеганой подкладке. Пластинчатые элементы могли дополнять как рукава кольчуги, так и кольчужные чулки. Защитное снаряжение периода первой половины XIV в. по весу было, очевидно, самым тяжелым за всю историю средневековой Европы. На основе научных реконструкций (к сожалению, полных комплексов вооружения этого времени до нас не дошло) можно судить, что доспех на всад-

Бронзовая фигура рыцаря. Первая треть XIV в. Копье имеет дисковидную гарду — упор «рондель» в районе кисти воина

ника среднего роста (около 170 см) будет весить около 35 кг[1]. В дальнейшем развитие доспеха шло по пути уменьшения веса за счет улучшения конструктивно-геометрических характеристик и качества выделки комплектующих деталей.

Основным доспехом для корпуса к началу XIV в. окончательно становится бригандина. Однако во Франции (и Германии) продолжали употреблять и чешуйчатые доспехи. Чешуйчатый доспех конструктивно состоит из серии выпуклых пластин, зафиксированных на поверхности гибкой подосновы посредством приклепывания и (или) шнуровки. Такие панцири ничем не отличались от восточноевропейских аналогов. Более того, их бытование на Западе напрямую обязано контактам с Русью и Балкано-Византийским регионом. По восточной традиции, плечи и бедра также могли прикрываться плечевыми щитками и подолами чешуйчатой конструкции.

[1] В реконструируемый комплект входили малый бацинет с большим шлемом, акетон, кольчуга с длинными рукавами, бригандина с наплечниками, латные наручи с налокотниками, латные перчатки, кольчужные чулки с наколенниками и одностворчатыми латными наголенниками.

Давид и Голиаф. Миниатюра Бревиария Филиппа IV Красивого. Франция, 1290 — 1300-е гг. Париж, Национальная библиотека (Ms. Lat. 1023)

Миниатюра французского манускрипта начала XIV в.

Другим заметным нововведением конца XIII — начала XIV вв. наряду с бригандинами стали пластинчатые перчатки. Одна из наиболее ранних фиксаций этого феномена в письменных источниках относится именно к Франции. Это королевский ордонанс оружейникам Парижа 1296 г., где перечислены требования к изготовлению пластинчатых перчаток. Судя по тексту, мы имеем дело с защитными конструкциями на манер чешуйчатых доспехов или бригандин. Небольшие стальные пластины должны были фиксироваться поверх ткани или между двух слоев ткани. О внешнем виде перчаток, какими их увидел XIV в., можно судить по ряду надгробий и миниатюр. Они повторяют фасон обычных светских перчаток с длинными расширяющимися крагами по моде той эпохи. Крага доходит почти до середины предплечья, образуя своеобразный редуцированный наруч. Интересный вариант можно видеть на миниатюре французской иллюминированной рукописи «Хроники Сен-Дени» 1317 г., посвященной королю Филиппу. На изображении представлены не перчатки, а рукавицы без раздельных пальцев — пример уникальный для всего XIV в., когда в ходу были исключительно перчатки. По сравнению с кольчужны-

ми пластинчатые перчатки были, несомненно, прогрессивной чертой. В условиях боя, когда размеры и роль щита существенно снизились, а длинное оружие позволило действовать им двумя руками, кисти рук, вынесенные из-под прикрытия щита, должны были поражаться в первую очередь. Тонкие кости пальцев и кистей легко травмировались через гибкий покров кольчужных перчаток. Многослойное пластинчатое прикрытие значительно увеличило надежность и сделало возможным более смелые действия в бою.

Надгробие Гийома де Вендемара. 1325 г. Гент. Голени защищены одностворчатыми трубчатыми поножами с медиальной гранью

С конца XIII в. все большее распространение получает конская броня. Как правило, это были кольчужные попоны, закрывавшие коня целиком, включая шею, голову и круп. Известны и облегченные варианты, когда конь прикрывался кольчугой только спереди. Под кольчугой обязательно помещалась стеганая попона, которая, при достаточной толщине набивки, могла выступать самостоятельным защитным средством. Со второй половины XIII в. во Франции входят в употребление и пластинчатые прикрытия для коня. Одни из самых ранних упоминаний относятся к 1266 и 1302 гг. и происходят из описей арсеналов графов де Невер и де Несль соответственно. В них содержаться описания налобников и нагрудников из стальных пластин или из вываренной кожи. Точная форма и конструкция их неизвестна, так как самые ранние достоверные и подробные изображения относятся к 1330–1340 гг.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах защитный комплекс коня и всадника начала XIV в. Снаряженный подобным образом рыцарь был бы практически неуязвим для традиционных образцов холодного оружия. Однако усиление доспеха дало толчок к дальнейшему развитию средств нападения. В первую очередь, изменилось традиционное рыцарское копье. Наконечники копий стали более массивными и толстыми. Втулкам часто придавалось восьмигранное сечение, что значительно повысило жесткость наконечника и сообщило ему большую разрушительную способность. Внутренний диаметр втулок увеличился, доходя иногда до 35–40 мм, что позволило использовать более толстые и прочные древки, способные выдержать значительную нагрузку. Важное качественное нововведение коснулось самих древков. В месте удержания непосредственно перед рукой древко все чаще стало снабжаться деревянным или металлическим защитным диском. Помимо предохранительной, он играл и более важную роль. А именно, сообщал руке надежный упор при ударе. Теперь кисть неподвижно фиксировалась на древке и не соскользнула бы вперед даже при самом сильном столкновении. Трудно переоценить роль этого революционного изобретения. Появилось оно, очевидно, во Франции, так как самые ранние изображения происходят именно оттуда.

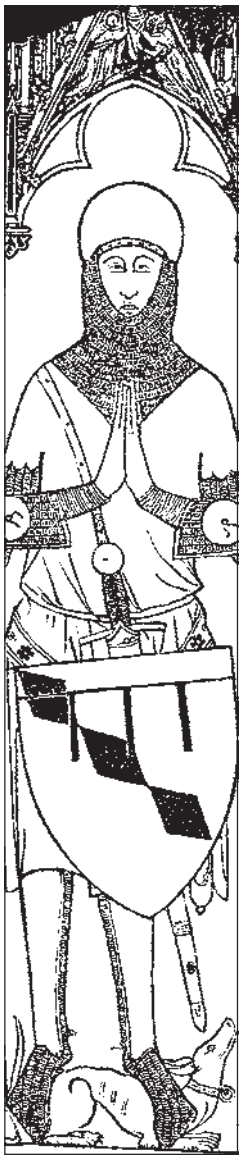
Изменилось и клинковое оружие. Появились новые типы мечей акцентированно колющей направленности. Жесткое четырех- или шестигранное сечение клинка с узким и очень толстым негибким острием позволяло наносить эффективные уколы. Кроме того, их можно было использовать в качестве копья, когда укол наносился мечом на неподвижно выставленной руке направленным движением коня. Полуторараучные мечи в некоторых случаях увеличились настолько, что ими невозможно было владеть одной рукой, то есть превратились в двуручные мечи. Как правило, их возили не на поясе, а у луки седла. Значительная длина (свыше 140 см) и масса (свыше 2,5–3 кг) превратили такие мечи в смертоносное оружие, опасное, невзирая на любые доспехи. Кроме того, со второй половины XIII в. огромную популярность, в том числе во Франции, завоевала такая разновидность клинкового оружия, как фальшион[1]. Фальшион имел обычный мечевой эфес и массивный одно-

[1] Falchion *фр.* — букв. большой нож, тесак.

лезвийный клинок с выраженным расширением к острию. Это тяжелое оружие отличалось смещенным от гарды, за счет расширения клинка, центром тяжести, что позволяло наносить более мощные удары, сравнимые по действию с ударом топора. При этом фальшион имел клинок, что позволяло им фехтовать, делая куда более удобным оружием, чем топор. Фальшион, очевидно, стал отличным средством борьбы с кольчужной и стеганой защитой. Распространились в начале XIV в. и кинжалы, которые эффективно использовались в ближнем бою для поражения сочленений доспеха.

Ударное оружие приобрело большую действенность после появления в широком употреблении шестоперов или перначей. Они были способны нанести серьезную травму, даже не пробив доспех. Особенно опасными шестоперы оказывались при поражении головы и суставов. «Абсолютным» оружием Средневековья были клевцы или боевые молоты. Они совмещали силу амплитудного удара с колющим действием узкого граненого острия. В начале XIV в. клевцы практически не встречаются, зато распространяется оружие комбинированного действия, например, секиры с шипом на обухе.

С появлением комбинированного оружия связано и появление на полях сражений новой силы, способной противостоять рыцарской коннице, а именно — тяжелой пехоты. Первыми тревожными вестниками были битвы при Леньяно 1176 г. и Бувине 1214 г., когда рыцари не могли прорвать сплоченный строй пехоты. Копье и пика стали главным оружием борьбы с конницей. Однако только комбинированное древковое оружие позволило эффективно поражать закованного в броню всадника.



Надгробие неизвестного рыцаря. Франция, 1320—1330 гг. Ноги прикрыты кольчужными чулками и поножами. Поверх рукавов кольчуги пришнурованы дисковидные налокотники

Совмещение пики и топора на длинном древке породило алебарду, которая в руках швейцарских и германских пехотинцев стала ужасом рыцарей в последующие века. Безобидный, на первый взгляд, сельскохозяйственный сучкоруб, снабженный дополнительными шипами и насаженный на двухметровое древко, превратился в глефу — еще одно смертоносное орудие. Клинок фальшиона на древке за внешнее сходство был прозван «коузой» — «косой», которая пожала обильный урожай смертей на полях сражений. Перечисление можно продолжать. Длинное древко позволяло колоть противника на безопасном расстоянии, особенно если это был тяжелый всадник, неповоротливый в высоком седле. Рычаг, каким являлось длинное древко, сообщал невероятную силу рубящему удару, тем более опасному, благодаря дополнительным поражающим элементам в виде различных шипов и крюков.

Великолепной рыцарской армии Франции пришлось на собственном опыте убедиться в силе пехоты и ее нового оружия в 1302 г. в битве при Куртрэ. Плотная фаланга фламандских горожан и спешенных рыцарей стояла под прикрытием стрелков на берегу ручья Гренинген, выставив перед собой примитивный палисад. В тылу находился резервный отряд. Общая численность фламандцев была около 10—13 тысяч, по оценкам разных источников. Французы под командованием графа д'Артуа имели в своем составе от 5000 до 7500 человек (по-видимому, не считая стрелков) — значительная сила по тем временам, учитывая, что основу войска составляла рыцарская конница. Кроме того, в тылу фламандцев находился французский гарнизон Куртрэ, готовый ударить в тыл при необходимости. Против него был выделен специальный заслон. Опытный воин граф д'Артуа приказал стрелкам обеспечить атаку конницы. Под стрелами и дротиками фаланга горожан была вынуждена отступить. Французы атаковали, очевидно, тремя разными колоннами одновременно. На флангах рыцари не смогли завершить переправу, завязли на палисаде и были изрублены и переколоты бросившейся впе-

Турнир. Костяная накладка на шкатулку. Франция, конец XIII — начало XIV вв. Лувр

ред пехотой. В центре, где ручей делал изгиб, конница успела переправиться и даже слегка потеснила пехоту, однако вступивший в дело резерв решил исход битвы. Ничего не смогла изменить и вылазка осажденного гарнизона. В жестоком побоище пал даже граф д' Артуа. Всего было уничтожено до 40% французского войска. Горожане сняли с убитых рыцарей 700 золотых шпор — неслыханные для Средневековья потери.

Само по себе поражение при Куртрэ мало что значило и уж точно не являлось свидетельством неэффективности рыцарского войска. Пехота в это время и в этом регионе не была еще способна решать в поле какие-либо задачи, кроме обороны с опорой на естественную или искусственную преграду. В 1328 г. и 1382 г. те же фламандцы были растоптаны французскими рыцарями при Касселе и Розбеке. Однако начало было положено. Миф о непобедимости рыцарского войска умер или, по крайней мере, был при смерти. И это было главное. Скоро в сражениях при Моргартене 1315 г., Лаупене 1339 г. и других тяжелая пехота о себе заявит в полный голос.

Цветная вкладка *(стр. 46)*

На реконструкции представлен французский рыцарь начала XIV в. Все элементы вооружения восстановлены на основе миниатюр «Хроники Сен-Дени» 1317 г.

Прикрытие головы: состоит из малого бацинета и горшковидного шлема. Горшковидный шлем конструктивно состоит из глубокого цилиндрического венца, усеченно-конической тульи и выпуклой крышки, которые соединены посредством заклепок. Малый бацинет состоит из полусферической тульи монолитной конструкции, снабженной бармицей. (Аналог — три идентичных наголовья, выставленные на аукцион German Historica 2 мая 2002 г.).

Корпусной доспех: чешуйчатый панцирь с полусферическими латными наплечниками. Доспех дополняют чешуйчатые плечевые щитки.

Наколенники: полусферические, зафиксированы поверх кольчужных чулок посредством крепежных ремней.

Прикрытия кисти: чешуйчатые рукавицы. Конструктивно состоят из гибкой основы с пришитыми поверх пластинами, которая, в свою очередь, укреплена на поверхности кожаной или матерчатой рукавицы с широкой и длинной крагой.

Щит: небольшой треугольный, несет герб рыцаря — три золотых (желтых) ромба, положенных в пояс на червленом (красном) поле.

Испанский рыцарь

1320–1330 гг.

Страны Иберийского полуострова, изолированные от остальной Европы Пиренейским хребтом, существовали в особых геополитических условиях. Значительную роль в их историко-культурном развитии сыграло арабское завоевание — «конкиста» начала VIII в. Арабское влияние сказалось практически на всех сферах жизни, от литературы и языка до материальной культуры и военного дела. С условной даты 718 г. принято считать начало обратного процесса реконкисты — «отвоевания». Это был долгий и мучительный путь, полный побед и поражений, политических интриг и междоусобных войн, союзов с мавританскими владыками, закончившийся только в 1492 г. с падением Гранадского халифата. По подсчетам испанских историков за весь период реконкисты только с арабскими войсками христианские государства сражались около 3700 раз, включая полномасштабные битвы и незначительные стычки. Если добавить сюда еще и многочисленные войны друг с другом, то становится понятно, почему «испанское общество было организовано для войны», почему война «одновременно завоевательная и религиозная сформировала социальные структуры».

Начавшись в VIII в., реконкиста с нарастающим успехом продолжалась до XI в., когда арабская Испания оказалась разделенной на несколько эмиратов. В результате продвижение христианских государств стало более быстрым и планомерным. В середине XII в. полуостров был рассечен на две части по линии Лиссабон — Толедо — Тортоса. Отвоеванные территории остались под властью четырех королевств: Португалии, Кастилии, Арагона и Наварры. Неспособность выступить единым фронтом и различные политические устремления христианских королевств замедлили поступательное движение реконкисты, превратив ее в дискретный процесс наподобие приливов и отливов. Постоянная война со своими соседями требовала огромных затрат, которые не могли окупиться только за счет военной добычи. Содержание войска, укрепленных пунктов и всей военной инфраструктуры вызывало необходимость немалых материальных усилий со стороны всех слоев общества. В этой ситуации нашел применение феодальный принцип «жить своим», когда никто, даже король, не мог свободно запустить руку в карман своих подданных. Постоянное военное напряжение и различные экстраординарные налоги требовали одобрения сословий. В результате в Испании к середине XII в., раньше, чем где-либо в Европе, зародилось сословное представительство, парламент, или по-испански «кортесы».

Особенность военного дела на Иберийском полуострове заключалась в органичном смешении европейских и восточных способов и приемов ведения боевых действий. Пожалуй, ни на какой пограничной территории, даже на Руси, это не прослеживается настолько явно. Кроме того, на тактику и вооружение влияли особый ландшафт и климатические условия. Главной ударной силой оставалась тяжелая рыцарская конница. При этом существовал чрезвычайно высокий процент легкой конницы и пехоты. Легкая конница формировалась в основном за счет небогатых и незнатных землевладельцев, обязанных к военной службе. Это были так называемые «кабальерос вилланос» (рыцари вилланы, caballeros villanos). Они были легко вооружены и использовали ми-

нимум защитного снаряжения, подражая своим мавританским противникам. Сходство усугублялось низкими седлами с короткими стременами, на которых было удобно привставать, поворачиваясь в любую сторону, что облегчало использование метательного оружия. В данной среде употреблялись невысокие быстрые лошади, по имени которых и называлась вся легкая конница Испании — «хинетес» (jinetes).

Пехота (pedones) к XIV в. во многом утратила свое значение и использовалась, как правило, для обороны крепостей и саперных работ.

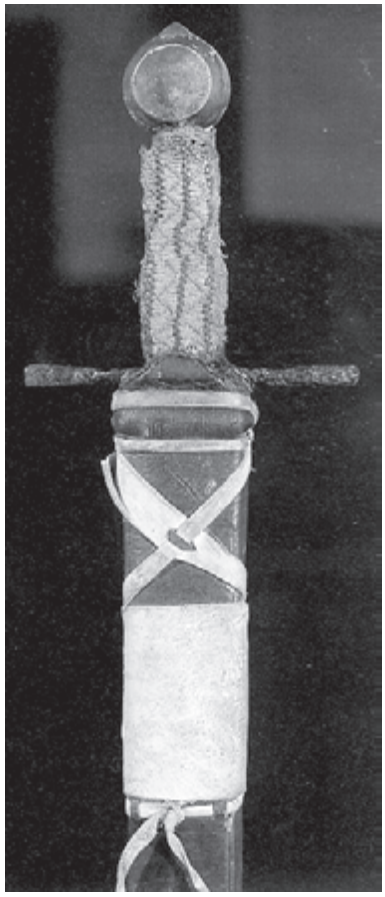
Тяжелая конница выставлялась городами, нобилитетом, богатыми людьми и, естественно, самим королем. Их называли «кабальерос идальгос» (рыцари идальго, инфансоны, caballeros hidalgos).

Различные слои общества и военного сословия были обязаны службой в зависимости от типа военных действий. Испанский язык имеет массу синонимов термина «война», каждый из которых несет особую смысловую нагрузку. Bellum — обозначала войну с маврами. Hueste — значительная наступательная кампания большими силами. Fonsado — военная кампания локального характера, как правило, устраиваемая городами. Apellido — всеобщий призыв для защиты при нашествии. Guerra — междоусобная война. Cavalgada, corredura — набег, рейд на вражескую территорию.

Рельеф из королевского монастыря в Поблете. Конец XIII в. Изображение демонстрирует полную кольчужную защиту и куполовидный малый бацинет. Круглый щит отражает восточное влияние в испанской военной традиции

О тактике конницы трудно судить подробно. Видимо, распространенным был прием «нападение-отступление» (torna-fuye), когда противник выманивался со своих позиций притворным бегством. Если уловка пользовалась успехом и неприятель ломал боевой порядок, наносился контрудар всеми силами при поддержке тяжелой конницы. Очевидно, использовались и фланговые охваты. Когда противник избегал сражения или его оборонительная позиция была слишком сильна, конница рассыпалась по окрестностям, штурмуя незначительные поселения и укрепленные пункты, выжигая окрестности городов и замков, грабя местное население, что, впрочем, было традицией всех средневековых армий. Эти приемы реалистично описаны в «Песне о Сиде». Это

Надгробие Альваро де Кабрера (ум. 1314 г.). Рыцарь изображен без шлема, но скорее всего в комплекте с горжетом употреблялся кабасет



Меч Фернандо де ля Цедра. Монастырь Лас Хуэсас, Бургос. Меч относится к 1270-м гг., однако в первой трети XIV в. в Испании имело хождение практически идентичное клинковое оружие. Характерной местной чертой является оплетка рукояти шелковыми шнурами

эпическое произведение относится к XI в., но реалии военных действий вряд ли изменились к XIV в. коренным образом.

Английский оружиевед XIX в. Джон Хьюит писал: «В истории прогресса средневековой военной науки и рыцарского вооружения нет периода интереснее, чем XIV столетие». Тем более эти слова применимы к Испании, существовавшей в столь напряженной военно-политической обстановке, несомненно, стимулировавшей развитие военного дела. Вооружение королевств Иберийского полуострова, испытывавшее сильное арабское влияние, тем не менее держалось в курсе общеевропейских тенденций в развитии военного снаряжения. В основной массе испанские воины не только не переняли облика своих мавританских коллег, но, даже наоборот, серьезно преобразили их внешний вид, привнеся различные элементы европейского вооружения. Тем не менее местное оружие отличалось значительным своеобразием. Например, боевой комплекс испанского рыцаря XIV в. легко отличим от французского. В украшении были заметны и часто преобладали арабские мотивы и приемы декорировки. Конструктивно с XIV в. испанское вооружение находилось под значительным итальянским воздействием. Несмотря на то, что Испания имела ряд центров с налаженным оружейным производством, большие партии снаряжения, в первую очередь, оборонительного, очевидно, закупались в Италии. Однако элементы доспеха итальянского происхождения или изготовленные по итальянским образцам неизменно приспосабливались к местным условиям. Как отмечено выше, климат и ландшафт властно диктовали свою волю. Воевать приходилось на равнинах, которые неожиданно и прихотливо сменяли холмы и горы. Маневренная война с мобильной мавританской кавалерией в таких условиях требовала от всадника хорошего обзора для уверенного ориентирования на поле боя. Жара, часто усугубляемая влажным приморским воздухом, также накладывала отпечаток на вооружение.

Неудивительно, что глухие шлемы не пользовались популярностью. Наголовья с открытыми лицами или с частично закрытыми лицами, напротив, были в широком ходу. Малые бацинеты и бацинеты получили всеобщее признание. В этом регионе зародились и распространились некоторые специфические варианты защиты лица помимо стандартных подъемных забрал. Во-первых, это кольчужная завеса лица, выполненная как продолжение бармицы и укрепленная на редуцированном наноснике[1]. Во-вторых, узкий длинный наносник, выполненный зацело с тульей, переходящий в широкую пластину, закрывающую челюсть, которая, в свою очередь, соединяется с назатыльником, образуя, таким образом Т-образное прикрытие лица. Второй вариант, правда, не был широко распространен.

Яркой отличительной чертой испанского вооружения стало повсеместное использование шлемов с полями — «шапель-де-фер», которые обозначались общим термином «кабасет». Наиболее популярны были, по-видимому, кабасеты монолитной конструкции с куполовидными или сфероконическими тульями и опущенными вниз полями. Не закрывая обзор и не затрудняя дыхания, такие шлемы надежно прикрывали лицо за счет нависа-

[1] Прямой аналог русским шлемам середины—второй половины XIV в., появившимся в схожих условиях.

ющих сверху полей. Для повышения надежности и защиты шеи и основания черепа в комплекте с кабасетами носили защитные ожерелья «горжеты». Они снабжались высокими латными воротниками, которые могли доходить от подбородка до середины носа, образуя также частичную защиту лица (прекрасный пример — алтарный барельеф 1320–1330 гг. наваррской работы из Музея изящных искусств Барселоны). К нижнему краю воротника чаще всего крепилась пелерина бригандинной конструкции. Пелерина, как правило, была короткой и круглой формы, но в Испании она иногда видоизменялась, приобретая иные очертания. На скульптурном надгробии Рамона Фолька X де Кордона 1325 г. из королевского монастыря в Поблете изображен горжет с треугольной передней частью пелерины, доходящей до уровня диафрагмы. Горжет мог сопровождать не только кабасет, но и бацинет и даже горшковидный шлем. На примере защитной системы «кабасет-горжет» можно проследить адаптацию иностранного заимствования к местным условиям. Очевидно, что рассматриваемый элемент доспеха появился в Италии. Однако в Италии и сопредельных странах кабасет был преимущественно атрибутом пехоты и легкой конницы. В Испании же кабасет, особенно в комплекте с горжетом, употребляла, в первую очередь, тяжелая конница. Кабасет стал национальной формой защиты головы и эволюционировал на местной почве совершенно самостоятельно, в отрыве от итальянских корней, вплоть до XVI столетия.

Меньшая тяжеловесность по сравнению с остальной Европой отличала испанское защитное вооружение вообще. Не только легкая конница, но даже тяжелые рыцари обходились зачастую без двойного доспеха, ограничиваясь только кольчугой, пластинчатым (обычно бригандиной) или стеганым панцирем. Широко применялась кожа. Вываренная кожа шла на изготовление частей доспехов. Из нее могли делать и шлемы, особенно для беднейших слоев воинского сословия. Подкладываясь изнутри, кожаные ремни часто служили для соединения пластин между собой на различных элементах доспеха вместо жестких шарнирных соединений.

Наступательное вооружение конницы ничем не отличалось от европейского. Предположительно можно отметить, что оно было более легким в расчете на относительно слабое защитное вооружение вероятного противника. Достоверно известно на основании письменных источников, что, помимо традиционных длинных рыцарских копий, испанцы широко применяли легкие и укороченные копья, а также дротики. Они упомянуты в «Хронике» Рамона Мунтанера, «Хронике дю Геклена» Фруассара и др. Для облегченных копий использовался термин «ascona montera». Судя по всему, их с равной вероятностью могли использовать и на войне, и на охоте. Видимо, они являлись переходной формой от оружия ближнего боя к метательному оружию. Рамон Мунтанер упоминает, что такие копья иногда снабжались длинным

Фрагмент центрального порта церкви Санта-Мария де Сусо. Первая треть XIV в.

Фрагмент барельефа собора в Памплоне. Около 1325 г.

стабилизатором из железа или перьев. Укороченные рыцарские копья использовались конницей в случае спешивания. Дротики легкая конница применяла для метания. В исключительных случаях ими можно было колоть, как копьем, в ближнем бою. В источниках отражено также употребление мавританских дротиков «ассегаев».

Клевцы, шестоперы и секиры, в особенности, снабженные дополнительными поражающими элементами в виде шипов, в среде конницы употреблялись редко, по крайней мере, вещественных и изобразительных подтверждений этого очень мало. Не часто говорят об этом и письменные источники. Их отсутствие объясняется, в первую очередь, легким вооружением противника, для борьбы с которым не требовались наступательные средства значительной поражающей способности.

Клинковое оружие в Испании, напротив, применялось широко и повсеместно. В основном оно известно по многочисленным приношениям в соборы и монастыри. Имеется также множество изображений. Как правило, это одноручные рыцарские мечи с широким гибким клинком линзовидного сечения. Чаще всего клинок несет долы. Известны и фальшионы. Прекрасный археологический образец второй половины XIV в. хранится в Музее археологии Кордовы. Он имеет длинный хвостовик и перекрестье. Клинок плавно расширяется к окончанию. В последней четверти имеется дугообразный скос лезвия к острию.

Отметим также заимствования мавританского наступательного оружия. Помимо копий, о которых говорилось выше, относительно широко использовалось клинковое оружие, чаще всего мечи и кинжалы. Все заимствования его делятся на три основные группы. Во-первых, непосредственное заимствование, когда в ход шло трофейное или покупное мавританское оружие. Во-вторых, частичное заимствование, когда привозные арабские клинки оснащались европейскими эфесами и ножнами. Кстати, имел место и обратный процесс. В-третьих, подражание или опосредованное заимствование, когда испанские воины заказывали оружие в арабском стиле.

Цветная вкладка *(стр. 47)*

Изображен испанский рыцарь 1320–1330 гг.

Наголовье: шлем «кабасет». Имеет монолитную конструкцию. Тулья сфероконическая, изго-

товлена, видимо, из двух выпуклых деталей, соединенных посредством кузнечной сварки по медиальному шву. По нижнему краю тульи идет ряд заклепок, которые удерживают подшлемник. Поле не широкое, к тулье также приварено. По внешнему периметру отвальцовка. Предположительная толщина 2–1,5 мм. Вес 2,5 кг. Шлем надет поверх кольчужного капюшона (барельеф из собора Памплоны, 1325 г.)

Горжет: конструктивно состоит из двучастного латного воротника и бригандинной пелерины. Горжет имеет застежку на левом боку (ремни и пряжки могли заменяться съемным шкворнем). На правом боку воротника подвижная петля, позволяющая открывать горжет (пелерина имеет конструкцию со значительной степенью гибкости, поэтому на ней петля не монтировалась). Воротник конструктивно состоит из задней и передней деталей полуцилиндрических геометрических очертаний. Спереди, для обеспечения равномерной защиты, воротник несколько длиннее, чем сбоку, что образует плавный изгиб по его нижнему краю. Этот изгиб точно соответствует кривизне горловины доспеха, в соответствии с которой он и пригонялся. Верхний край воротника оформлен отвальцовкой наружу, вокруг толстой (около 2 мм) проволоки. Эта черта служила повышению жесткости и предотвращению соскальзывания вражеского оружия вверх. К нижнему краю воротника идет небольшой бортик, поверх которого наложена пелерина, зафиксированная посредством заклепок. Набор пелерины состоит из двух рядов прямоугольных пластин, расположенных вертикально. По необходимости край пластин подрезался по форме пелерины. Толщина воротника предположительно около 1,5 мм, пластин пелерины — не более 1 мм. Вес не более 1,5 кг. (Барельеф из собора Памплоны 1325 г.)

Корпусной доспех: бригандина с длинным небронированным подолом и застежкой вдоль спины (барельеф из собора Памплоны, 1325 г.)

Защита ног: состоит из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренники: стеганые, полностью скрыты подолом бригандины и акетона. Выполнены в виде двух коротких штанин, не соединенных между собой. Закрывают ногу от основания бедра до колена. Крепятся к изнанке акетона посредством шнуровки.

Наколенники: носятся поверх стеганых набедренников. Конструктивно состоят из двух монолитных деталей, собранных на несущих внутренних ремнях. Все соединения осуществлены посредством заклепок. Собственно наколенник закрывает колено с трех сторон. Обводы профиля формируются двумя образующими с незначительной степенью выпуклости, которые, идя сверху и снизу, соединяются под тупым углом в центре по линии горизонтального ребра жесткости, наведенного методом чеканки. Снаружи наколенник снабжен защитным боковым крылом овальной формы. Предположительная толщина около 1,5 мм. Наколенник дополнен широкой прямоугольной переходной пластиной с отвальцовкой наружу по нижнему краю. Толщина около 1 мм. Сзади наколенник притянут к набедреннику крепежным ремнем, который может быть дополнен шнуровкой.

Наголенники: латные анатомические конструкции, конструктивно состоящие из двух деталей — задней и передней створок. В верхней части они заходят под наколенники. В нижней части опускаются по бокам почти до конца стопы, образуя спереди арковидный вырез для стопы. Верхний и нижний края обеих створок снабже-

Надгробие Рамона Фолька X де Кардона (1259 — 1320 гг.). Королевский монастырь в Поблете. Около 1325 г. На надгробии хорошо видна петля на левой стороне ворота горжета, что позволяет предполагать двухчастную конструкцию данного вида защитного снаряжения

ны отвальцовкой наружу, для придания жесткости. По внешнему краю изнутри идет кожаная петля. Она представляет собой длинный несущий ремень, который соединяет обе створки по всей высоте посредством заклепок. Толщина передней створки 1,5–1,2 мм, задней — 1,2–1 мм. (Все элементы защиты ноги, кроме сабатонов — барельеф из собора Памплоны 1325 г.).

Сабатоны: латные башмаки. Сформированы тремя рядами прямоугольных пластин, зафиксированных на поверхности несущей подосновы посредством заклепок. Кожаная основа после монтажа пластин нашивается на башмак. Толщина пластин 1 мм. (Барельеф со св. Вилардельем 1320 г. из собора Барселоны).

Кольчуга: длиннорукавная рубаха. Поверх пришнурованы бригандинные плечевые щитки. Они скроены на манер рукавов верхнего платья и аккуратно заходят под пройму бригандины, не оставляя щелей. Набор конструктивно состоит из длинных прямоугольных пластин, расположенных вертикально со взаимным наложением, которое составляет не менее 10 мм. Толщина около 1–1,2 мм. (Надгробие дона Альваро де Кабрера, ум. 1299 г., памятник не ранее 1310 г.)

Перчатки: кольчужные с бригандинными крагами. Имеют германское происхождение, в данном случае изображены как возможное допущение.

Щит: круглый «рондаш». Имеет равномерно выпуклый профиль. Конструктивно состоит из двух слоев тонких (липовых ?) досок, выгнутых над паром, уложенных крест накрест и соединенных посредством клея и нагелей. С обеих сторон обтянут кожей или толстым холстом и расписан рыцарским гербом — полем шахматной клетки червлени и золота. (Барельеф из королевского монастыря в Поблете конца XIII в.)

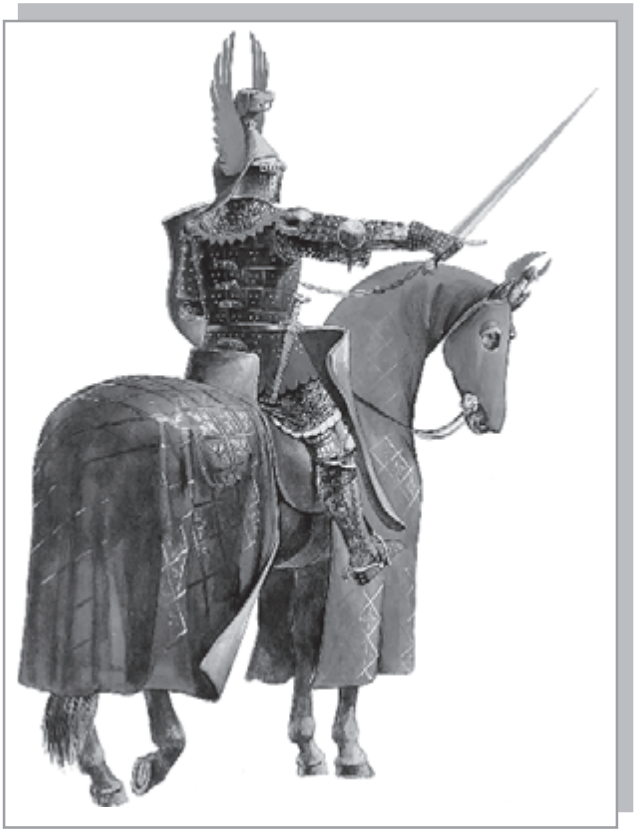
Меч: одноручный с изогнутой гардой. Ножны деревянные, обтянутые бархатом и снабженные U-образным серебряным наконечником. (Барельеф из собора Памплоны, 1325 г.; аналог — меч короля Кастилии Санчо IV Храброго 1295 г., точные размеры неизвестны).

Итальянская конница

XIV в.

В конце XIII — первой половине XIV вв. конница широко применялась во всех военных предприятиях. В это время имели место несколько крупных конфликтов общеевропейского характера. В первую очередь, надо отметить войну за сицилийский престол, закончившуюся битвой при Тальякоццо 1268 г., и Столетнюю войну, которая началась в 1337 г. Помимо затяжных полномасштабных войн в то же время происходили и многочисленные мелкие локальные столкновения. Характерным примером являются войны северо- и центрально-итальянских городов. В эти незначительные по территориальному охвату конфликты зачастую вовлекались силы и средства, которые сделали бы честь любой короне заальпийской Европы. Богатые города-государства могли позволить себе набирать и содержать многочисленные, прекрасно вооруженные армии. Не привнеся никаких решительных новшеств в развитие средневековой тактики, войны итальянских городов примечательны способами набора и комплектации армий, а также весьма разнообразным и развитым вооружением, которое использовалось противоборствующими сторонами. Вообще частые войны обеспечивали устойчивый спрос на вооружение. Это стимулировало быстрое развитие последнего, а также местное военное производство, которому суждено было стать ведущим в Европе, особенно в области защитного снаряжения.

В Италии практиковались интересные и самобытные способы набора войск и в том числе — конницы. Состав войск итальянских городов можно условно разделить на три категории. Первая — ленное ополчение сеньора или самого города как субъекта феодального права. В XIV в. по всей Европе эта система набора войска окончательно уходит на второй план. Вместо нее выступает фьоффрента, когда вассал обязался служить бесплатно оговоренный срок только в пределах собственных владений (или иной оговоренной территории), за пределами которых он имел право на получение денежного содержания от сеньора. Кроме того, господин обязан был возмещать деньгами потери боевых и гужевых коней рыцаря и его свиты.



Вторая — призыв военнообязанных горожан. Долгое время сила армий итальянских городов зависела в основном от местного ополчения. В городах селилось множество профессиональных военных. Из-за дефицита свободных земель рыцарство в Италии часто получало, как фьоф, различные доходные должности в городах. Вообще, весь город был обязан участвовать в ополчении. Приведем пример Флоренции. Все граждане мужского пола от 15 до 70 лет являлись военнообязанными. Болезнь или физическое увечье, по заверении городским врачом, освобождали от службы в армии. Злостное уклонение во время войны каралось смертью и конфискацией имущества. Служба в тяжелой коннице была уделом «жирных пополанов», то есть тех флорентийцев, которые имели доход свыше 500 флоринов в год. Им предписы-

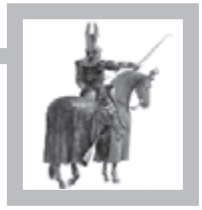
Кинжал. Италия, первая половина XIV в. Частная коллекция. По каталогу аукциона Германа Хисторика

валось иметь качественное снаряжение и боевого коня не дешевле 35—70 флоринов. Вместо себя «жирные» могли выставлять замену, вооруженную соответствующе. К 1320—1330 гг. описанная система комплектации войска уже почти не работала. По крайней мере, богатые горожане предпочитали торговать, преумножая свое благосостояние и богатство города, что позволяло покупать им услуги наемников. Конница, в лучшем случае, переходила на содержание богачей, но обычно полностью сменялась наемными контингентами. По инерции «жирный» народ обязался поставлять боевых коней для городской конницы. Еще в 1339 г. 600 граждан Флоренции содержали коней, хотя сами, естественно, не воевали. В 1325 г. во время войны, закончившейся битвой при Альтопашо, Флоренция выставила 2000 тяжелой конницы. Из этого числа 400 принадлежали коннице горожан. Это один из последних примеров действия старинного института тяжелой конницы «жирных пополанов».

Третьей категорией, как легко догадаться из вышесказанного, являются наемные отряды. Именно в XIV в. они приобретают решающее значение в итальянском военном деле. До этого периода компании наемников, несомненно, встречались, но только с начала XIV столетия им по совокупности причин досталась роль отличительной особенности местных армий. Рыцарей, получающих плату за службу по фьоф-ренте, нельзя назвать наемниками в полном смысле слова. Их жалованье является скорее не платой, а возмещением убытков, неизбежных в случае дальнего похода. Таким образом, плата была лишь дополнением к доходам от фьофа. Для наемников, напротив, оплата службы была главным источником дохода. Кроме того, в отличие от рыцаря, который являлся на службу в одиночку с небольшой свитой, наемники действовали относительно крупными отрядами — компаниями. Только в этом случае они представляли реальную военную силу. Наемные компании действовали по всей Европе. Но нигде, кроме Италии, наемничество не приобрело такого размаха и строгой упорядоченной формы. В XIV в. роты наемников и их капитаны играли важную роль в политике городов и решающую роль в их военном деле. В XV столетии наемники стали влиятельной силой и в сфере политики. На итальянской почве наемничество приобрело весьма специфические черты. Капитаны наемников — кондотьеры — вливались в политическую жизнь Италии, получая верховную власть в городах и областях. Но это было делом будущего. В XIV в. предшественники кондотьеров сотрудничали со своими работодателями на несколько иной, менее упорядоченной основе, хотя бы потому, что наемники вербовались в основном из неитальянской среды.

До конца XIV столетия длилась в Италии эпоха компаний. В своей основе они имели неитальянские элементы, от командиров до рядового соста-

Фреска церкви Сан-Франческо. Ассизы, работа Симона Мартини



Несение Креста. Симоне Мартини

ва. В 1334 г. в Центральной Италии действовала компания «рыцарей голубя», состоявшая из германцев. Затем с 1342 по 1380 гг. были отмечены деятельностью четырех «Великих компаний» — германцев Вернера фон Урслингена и Конрада фон Ландау, маркиза Монферратского на службе у графа Савойского и, наконец, бретонца Сильвестра Бюда[1]. Далее, три «Компании св. Георгия» — германская 1339 г. на службе Лодриджио Висконти, английская, с которой сотрудничал Джон Хоквуд, и компания Альбериго де Барбиано, разбившая «Великую компанию» Бюда в 1380 г. при Марино. Наконец, вспомним знаменитый «Белый отряд» Джона Хоквуда, который с 1360 по 1394 гг., то есть до самой смерти, был одним из самых грозных капитанов в Италии[1].

Со смертью этого замечательного человека завершается целая эпоха в истории наемничества в Италии. В XV в. большинство наемников будут иметь итальянское происхождение. Феодальная верхушка государств будет сознательно укреплять и расширять свои связи с капитанами, ассимилируя их в своей среде. Таким образом, время вольных компаний сменяется временем кондотьеров. Капитан «Великой кампании» был главарем банды, в то время как кондотьер являлся генералом на службе у города, который становился ему родным.

Отношения между компанией и городом регулировались договором о найме — «кондоттой». В XIV в., особенно в первой половине, кондотта не приобрела еще классической формы, известной на примерах XV столетия. Тем не менее основные юридические принципы и содержание кондотты сложились именно в рассматриваемый период.

В сознании обывателя, не знакомого с военной историей, часто происходит подмена средневекового понятия «наемник» и понятия «лан-

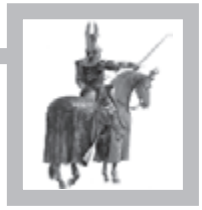
[1] Конрад фон Ландау сменил на посту капитана фра Мориале — бывшего госпитальера из Прованса. Последний был казнен в Риме во время восстания Кола ди Риенцо.

[1] «Белый отряд», вопреки мнению Ф. Контамина, получил свое название не потому, что его солдаты носили «белые», т. е. не покрытые тканью, доспехи. В 1360-х гг., когда отряд появился, «белого» доспеха еще не существовало. Видимо, отряд, состоявший преимущественно из англичан, в качестве униформы использовал традиционные для Англии белые котты с красным крестом св. Георгия.

дскнехт», таким образом, наемник превращается преимущественно в пехотинца. Это ошибочное представление всячески укрепляется современным кинематографом и литературой, например, знаменитым романом Конан Дойля «Белый отряд». На самом деле, в XIV столетии наемные роты в качестве главной ударной силы использовали тяжелую конницу и нередко состояли в основном из конницы. Это неудивительно. Во-первых, в этот период рыцарская конница (имеется в виду не социальный состав, а способ действий на поле боя) оставалась наиболее эффективным средством прямого боевого контакта. Хорошую тяжелую пехоту в этот период найти можно было лишь в Швейцарии и Южной Германии, кроме того в рассматриваемое время вряд ли кто-то в полной мере осознавал все перспективы использования и развития этого рода войск. Во-вторых, немалый процент наемников составляли выходцы из рыцарского сословия. Множество капитанов были рыцарями или даже принадлежали среде высшей аристократии. То есть они не были знакомы с иным способом ведения боя, кроме рыцарского. Конечно, компании имели в своем составе и пехоту, процент которой мог быть очень велик. Это объясняется необходимостью вести многочисленные осадные действия или, наоборот, защищать укрепленные пункты. Кроме того, стрелки — лучники и арбалетчики, прикрытые тяжелой пехотой, — выступали эффективной опорой коннице на поле боя. Вспомним триумф английских лучников в сражениях Столетней войны. К тому же после мира в Бретиньи 1360 г. оставшиеся не у дел английские солдаты пополнили многие наемные компании, в том числе в Италии. Таким образом, состав вольных рот по родам войск был весьма неоднородным, конница, однако, имела определяющее значение.

Распятие. Симоне Мартини

Сказать что-либо об особенностях тактики наемников в Италии трудно. Видимо, им был доступен весь перечень боевых приемов, известных европейскому военному делу. Можно сказать только, что боеспособность наемной конницы, да и наемных войск вообще, с годами повышалась. Постепенно компании превратились в спаянные боевые единицы с крепкой дисциплиной и системой внутренней субординации. Зачастую наемники оказывались более дисциплинированными, чем феодальное ополчение. Пока им регулярно выплачивалось жалованье, они не грабили местное население и легко подчинялись приказам. В то же время рыцари и их свиты могли наносить серьезный урон хозяйству, стремясь максимально снизить собственные траты во время службы. При этом не играло большой роли, в какой местности они находятся. Объектами грабежа могли в равной мере стать крестьяне своей собственной страны во время постоя и чужие во время похода. Наемникам, напротив, грабить местность, в которой они служат, было невыгодно, так как это подрывало то хозяйство, за счет которого им выплачивалось жалованье. Другое дело — если деньги не поступали вовремя. Тогда компании, не имевшие иных сдерживающих факторов, силой брали то,



что им полагалось по договору, и даже более того. Известны случаи, когда капитаны вынуждали города выплачивать огромные контрибуции. Когда война заканчивалась, оставшиеся без дела наемники могли начать собственные военные действия. Например, Джон Хоквуд после окончания конфликта Милана и Рима в 1373 г. вторгается на земли Флоренции и вымогает под угрозой грабежа выкуп в несколько десятков тысяч флоринов. В 1375 г. уже на службе у Папы Хоквуд, ведя войну в Тоскане, получает от Флоренции выкуп в 130 тысяч флоринов. Никогда не было гарантии, что компания не перейдет на службу к противнику, если тот заплатит больше. Все это постепенно навело на мысль об отказе от услуг иностранных наемников, что вывело на первый план итальянских кондотьеров.

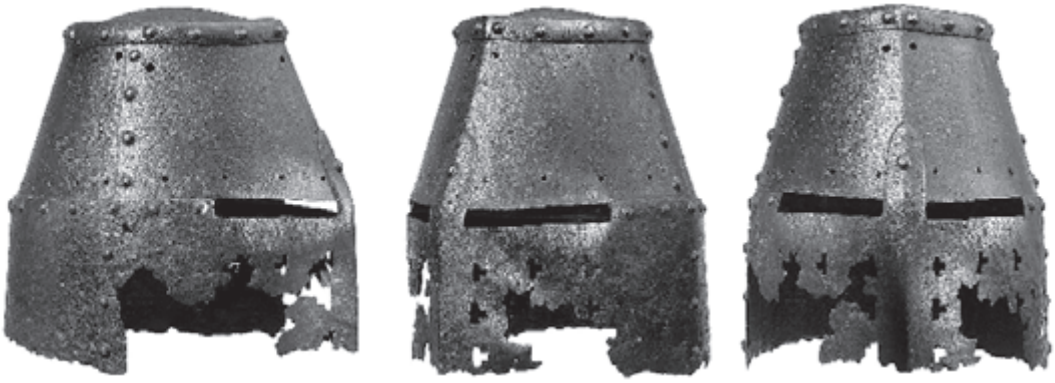
Меч полуторный. Италия, середина XIV в. Арсенал Александрии

Цветная вкладка *(стр. 48)*

Реконструкция рыцаря в итальянском доспехе. Реконструкция основана на северо-итальянских материалах.

Прикрытие головы: большой шлем, надетый поверх кольчужного капюшона или, возможно, бацинета с бармицей. Кольчужная пелерина имеет фигурный край, выполненный в виде треугольных фестонов. Шлем конструктивно состоит из трех деталей — венца, тульи и крышки. Все соединения осуществлены посредством потайной клепки. Все вертикальные соединительные швы расположены сзади. Глубокий венец практически опирается на плечи. Имеет форму усеченного конуса, с незначительной степенью расширения к верху. Тулья также усеченно-коническая. Выпуклая крышка закрыта наметом и нашлемной фигурой в виде крыльев и собачьей головы с шипастым ошейником. В месте соединения тульи и венца спереди помещена выраженная горизонтальная амбразура со значительной степенью выпуклости. В ней расположена серия вертикальных смотровых отверстий, образующих конструкцию наподобие решетки. Ниже расположены вертикальные прямоугольные дыхательные отверстия, а также крестообразные крепежные отверстия для крепления к нагруднику доспеха посредством цепей со шкворнями. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа.)

Прикрытие корпуса: бригандина с застежкой вдоль спины. Перед, видимо, изготовлен из горизонтальных стальных полос. Спина набрана из серии прямоугольных и трапециевидных стальных пластин, каждая из которых зафиксирована на изнанке несущей основы посредством трех заклепок. Подол бригандины расклешен от талии. Под бригандиной имеется кольчуга с подолом до середины бедра и рукавами ниже локтя. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа).

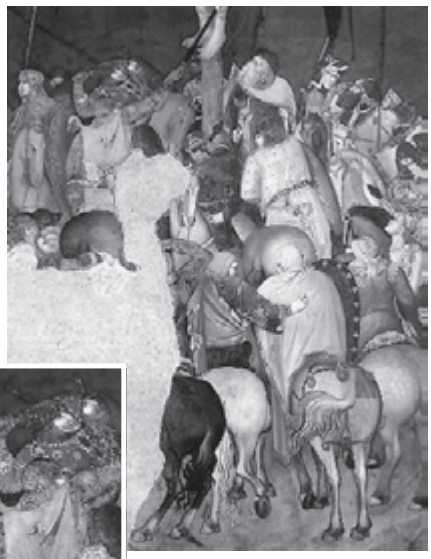


Большой шлем. Италия, первая половина XIV в. Частная коллекция. По каталогу аукциона Германа Хисторика

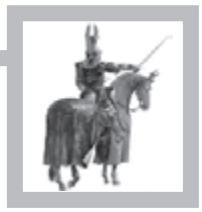
Прикрытия рук: состоят из наплечников, плечевых щитков, налокотников, наручей и перчаток.

Наплечники: стальные дисковидные пластины со значительной степенью выпуклости. Окантованы по периметру фигурной кожаной полосой, предохраняющей основу плечевых щитков от повреждения краем наплечника. Крепятся к бригандине посредством навесных петель. (Надгробие Жерардуччио де Жерардини. 1331 г.)

Плечевые щитки: бригандинные. Основа имеет подпрямоугольную форму с полукруглым верхним краем для лучшей стыковки с проймой бригандины и наплечником. Закрывает плечо сверху и с боков. Зафиксирован поверх кольчужного рукава посредством шнуровки. Пластинчатый набор конструктивно состоит из длинных прямоугольных стальных полос, уложенных вдоль основы со



Распятие. Амброджо Лоренцетти. 1320-е гг. Фрагменты фрески



взаимным перекрытием в горизонтальной плоскости. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа.)

Налокотники: стальные дисковидные пластины с незначительной степенью выпуклости. Зафиксированы на поверхности кольчужного рукава посредством шнуровки через два центральных крепежных отверстия. (Надгробие Луиджи де Капене, 1348 г., Сиена.)

Наручи: шинные, конструктивно состоят из длинных прямоугольных стальных полос, уложенных вдоль трапециевидной основы и укрепленных на поверхности посредством серии заклепок. Фиксируются на руке посредством застежек на ремнях и, возможно, шнуровки к рукаву акетона. (Надгробие Филиппо деи Дезидери, 1315 г., Болонья; надгробие Лоренцо ди Николо Аччиаюоли, 1353 г., Флоренция.)

Перчатки: бригандинные с длинной крагой. («Коронация Девы» Симона деи Кроцефиссио, 1340–1350 гг., Национальная пинакотека Болоньи.)

Защита ног: состоит из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренники: латные одностворчатые. Незначительно расширяются вверх, имеют полуцилиндрическую форму и выраженные отвальцовки наружу по верхнему краю. Крепятся посредством шнуровки к акетону и застежек на ремнях вокруг ноги. (Конная статуя Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг.; аллегорическая фигура планеты Марс, 1342–1347 гг., Флоренция, часовая башня собора.)

Наколенники: закрывают ногу с трех сторон. Обводы профиля формируются двумя образующими с незначительной степенью выпуклости, которые, идя сверху и снизу, соединяются под тупым углом в центре по линии горизонтального ребра жесткости, наведенного методом чеканки. Крепятся ремнями вокруг ноги и, возможно, изнаночными ремнями на заклепках к нижнему краю набедренника. Внизу наколенник продолжен кольчужной подвеской в виде замкнутой круговой прямоугольной полосы, укрепленной посредством шнуровки на нижнем окончании стеганых набедренников, подведенных под наколенник и латный набедренник. (Конная статуя Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг.; аллегорическая фигура планеты Марс, 1342–1347 гг.,

Бацинет.
Италия, первая половина XIV в.
Внизу — фрагмент фрески из церкви Сан-Аббондио, изображающий аналогичный бацинет

Флоренция, часовая башня собора.)

Наголенники: двухстворчатые анатомические. Изготовлены из вываренной кожи со стилизованным растительным орнаментом, наведенным золотом методом тиснения. Створки крепятся друг с другом посредством кожаных петель на внешней стороне и ремней с пряжками на внутренней. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа.)

Сабатоны: бригандинные, конструктивно состоят из серии прямоугольных пластин и выпуклого треугольного прикрытия носка, а также серии пластин, прикрывающих пятку. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа.)

Щит: сложнофигурный тарч. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа; конная статуя Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг.)

Меч: одноручный меч с четырехгранным вытянутым клинком. (Парадный щит с фигурой св. Георгия, 1320–1340 гг., Генуя, собрание Государственного Эрмитажа; меч, 1300–1330 гг., из частной коллекции.)

Кинжал: так называемый «базилард». Все стальные детали эфеса монолитны с клинком. Поверх через серии крепежных отверстий посредством заклепок укреплены боковые костяные накладки, формирующие эфес. (Надгробие Луиджи де Капене, 1348 г., Сиена.)

Снаряжение коня: по конной статуе Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг.

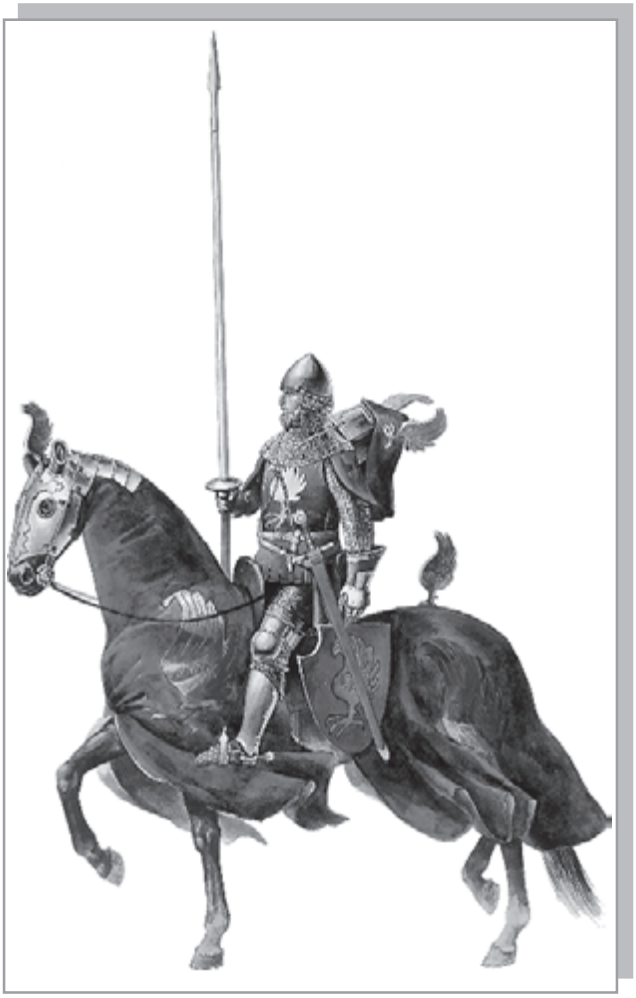
Итальянский рыцарь

1330–1340 гг.

Наиболее интересным периодом в истории развития средневекового вооружения является XIV столетие. Это было время кардинальной перестройки комплекса защитного и наступательного снаряжения. Время поиска, ознаменовавшееся смелым экспериментированием с различными конструкциями и материалами, известными ранее, и массовым изобретением новых, до того не применявшихся или прочно забытых. Изыскания в сфере защитного вооружения породили невиданное ранее количество разновидностей и типов доспехов. Усилившаяся защита инициировала, в свою очередь, развитие наступательных средств, вписав новую страницу в бесконечном соревновании оборонительного и наступательного вооружения.

Производство развитого пластинчатого доспеха не могло быть повсеместным. Для этого требовалось слишком много благоприятных факторов. Регион должен был иметь совершенную инфраструктуру и давние традиции металлургического производства. Необходимо было бесперебойное снабжение мастерских сырьем. Для этого точка производства должна была находиться вблизи от места добычи железной руды или располагаться на торговых путях, где сырье можно было покупать. Дороги также обеспечивали бесперебойный спрос на продукцию и облегчали сбыт. Неудивительно, что к началу XIV в. Северная Италия начала выходить в лидеры индустрии вооружения, ведь здесь сосредоточились наиболее развитые в техническом и экономическом плане государства средневековой Европы. Венеции, Генуе и, в первую очередь, Милану суждено было стать более чем на полтора столетия главным поставщиком защитного высококачественного вооружения на континенте. Исследователям хорошо известна многочисленная группа предметов наступательного вооружения итальянского происхождения, однако именно доспехам Италия обязана славой лучшей в Европе военной индустрии.

Период первой половины XIV в. особенно важен при изучении военного производства в Италии, так как это было время становления искусства местных мастеров, сложения неповторимой местной школы. Доспех являлся залогом боеспособности рыцарской конницы. Итальянские доспехи из-за своих высоких боевых качеств считались лучшими в Европе. Поэтому необходимо рассмотреть важнейшие аспекты изучения истории итальянского доспеха отдельно, пусть даже в отрыве от истории конницы.



Базой любого исторического исследования являются источники информации по изучаемому предмету. При исследовании истории доспеха, в частности итальянского доспеха XIV в., привлека-

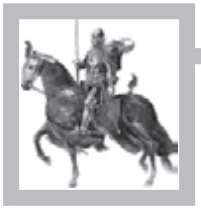
ются следующие группы источников. Во-первых, вещественные источники. Это предметы вооружения, дошедшие до настоящего времени в качестве археологических находок или коллекционных антикварных материалов, не попадавших в землю. Для периода 1300–1350 гг. на сегодняшний день известна сравнительно незначительная группа разрозненных предметов вооружения или их фрагментов. Как правило, это мечи, которые хранились в храмах как пожертвования донаторов. Элементы защитного снаряжения редки и даже в лучшем случае не представляют полного боевого комплекса своего времени. Во-вторых, письменные источники. Это хроники, платежные документы и ведомости, росписи снаряжения наемных отрядов, описи арсеналов, завещания и т. д. Вспомним и нарративные (повествовательные) источники, ведь описания тех или иных военных моментов встречаются во множестве средневековых литературных произведений. Все они — бесценное подспорье для определения количественных соотношений, цен на вооружение, аутентичной терминологии. Однако конструктивные особенности и данные о внешнем виде комплекса вооружения с их помощью в подробностях не восстанавливаются. Отметим, что по Италии сохранились богатейшие архивы документов, упоминающих предметы вооружения. В-третьих, изобразительные источники. Данная категория источников предоставляет наиболее подробную информацию о комплексе защитного и наступательного вооружения XIV в. Необходимо упомянуть следующие группы изобразительных материалов: книжная миниатюра, станковая живопись, мелкая пластика, монументальные изображения. Живописные источники Западной Европы отмечены печатью реалистической школы, что сообщает их информативному наполнению высокую степень достоверности. В высшей мере эта оценка применима и к памятникам итальянского искусства. Ведь именно в этом регионе в начале XIV в. берет начало эпоха Возрождения, когда фотографическая реалистичность стала одним из высших достоинств того или иного произведения. Но при изучении живописи Возрождения как источника оружиеведения, начиная с раннего этапа, необходимо учитывать, что многие изображения, невзирая на протокольную подробность, не имеют ничего общего с реальностью. В первых декадах XIV столетия появляется традиция гротескных и псевдоисторических изображений. Если в эпоху раннего и развитого Средневековья художник писал некий библейский сюжет или сцену из античных мифов, его произведение отражало современные ему реалии. Герои древности с полной уверенностью наделялись рыцарскими званиями. Отсюда происходят изображения Александра Великого или Энея в хаубертах, горшковидных шлемах, с рыцарскими мечами и копьями и т. д. В XIV в. такое положение вещей сохранилось, однако художники с веянием времени постепенно пришли к пониманию, что тысячу лет назад вооружение и костюм не могли

Надгробие Жерардуччио ди Жерардини. 1331 г. Графическая реконструкция Е.Т. Коэльо

быть такими же, как в их дни. В результате появляются изображения, где некоторые или все персонажи одеты на античный манер, как это представляли рисовальщики XIV в. Приведем хрестоматийный пример из творчества Джотто. На картине «Арест Христа» 1304–1306 гг. аутентичные изображения оружия соседствуют с панцирями и шлемами неправдоподобных очертаний и декорировки. Подобные памятники приходится вычленять из общей массы и исследовать с особой осторожностью.

Надгробие Джованни ди Каструччо Кастракане. 1343 г. Графическая реконструкция Е.Т. Коэльо

Монументальные памятники являются наиболее ценным источником по периоду XIV столетия. Основная же информация получается при исследовании рыцарских надгробий, которые изображали воинов в полном вооружении. Надгробия отражают реальность с высочайшей степенью достоверности. Нередко прорабатывались даже надписи и изображения на перстнях покойного, не говоря уже о деталях вооружения. Надгробие должно было нести имя покойного и дату смерти, отталкиваясь от которой определяется время бытования изображенного комплекса. Можно выделить два основных варианта соотнесения аутентичности изображения с датой смерти его владельца, которые зависят от времени и условий изготовления надгробия. Во-первых, прижизненное изготовление надгробия. В таком случае вооружение относится к периоду, предшествующему дате смерти. Временной промежуток можно сузить, если известны годы жизни покойного. Тогда в расчет принимается период от совершеннолетия до момента смерти, когда рыцарь мог активно использовать изображенный комплекс вооружения. Если рыцарь жил достаточно долго и мог сменять вооружение на более современное, более уместным кажется время, приближенное к дате смерти. Во-вторых, посмертное изготовление надгробия. В такой ситуации возможно полное соответствие реалиям периода жизни покойного, частичное соответствие или полное несоответствие. В первом случае скульптор или резчик имел перед глазами полный комплекс снаряжения покойного и ваял с натуры. Во втором случае мастер имел возможность ознакомиться лишь с некоторыми предметами вооружения, которые хранились в храме как дар или реликвия. Как правило, данная ситуация имела место, когда надгробие изготавливалось спустя некоторое время после смерти рыцаря. Тогда изображалось современное мастеру вооружение, с которым он был хорошо знаком, но с добавлением отдельных более ранних элементов снаряжения, принадлежавших покойному. Как правило, это были меч и шлем, которые семья оставляла при надгробии. Классическим является пример надгробия Эдуарда Английского Черного Принца. Он умер в 1376 г. и был похоронен в Кентерберийском аббатстве. Аббатству были пожертвованы большой шлем, щит, перчатки и геральдический джупон принца (там они хранятся по сей день). Надгробие из чеканной бронзы было изготовлено в начале XV в. и отображает классический итальянский доспех этого периода, однако оно несет и несколько архаических для начала XV в. деталей, а именно — горшковидный шлем под головой принца, перчатки и джупон, выполненные с фотографической точностью. Их делали с реальных образцов, в то время как остальной доспех покойного был утрачен, и вместо него изобразили то, что видели в обиходе высшей аристократии своего времени. В третьем случае надгробие изготавливается без каких-либо памятных образцов. В основном этот происхо-



дило через несколько десятилетий после смерти владельца, то есть имеет место полное несоответствие изображения с реалиями даты смерти. В данной ситуации необходимо знать время изготовления надгробия или датировать его, сопоставляя с группой единовременных источников. Приведем пример надгробия св. Генриха епископа Упсальского. Он умер в 1150 г. Надгробие было изготовлено только в 1412 г. северогерманскими мастерами. Здесь имеет место не только полное временно́е, но и территориальное несоответствие, то есть надгробие выступает источником не по шведскому вооружению XII в., а по германскому XV.

В Италии к XIV столетию сложились несколько разновидностей рыцарских надгробий. Первая разновидность — это мраморная плита с барельефом, который изображает лежащего на спине рыцаря со сложенными на груди руками в полном доспехе с мечом у бедра. По краю обычно идет латинская надпись, содержащая краткий некролог покойному (имя, титулы, даты жизни). Для Италии характерно статичное изображение рыцаря. Чрезвычайно редко встречается фигура в некоей «живой» позе. Вторая разновидность была более дорогостоящей и, как следствие, менее распространенной. Это саркофаг, имевший форму массивной прямоугольной базы с уложенным сверху барельефом или, реже, скульптурным изображением покойного. Верх саркофага мог оформляться в виде полога, поддерживаемого рядом витых колон. По периметру базы часто шли резные панели с изображением значительных событий из жизни покойного, вооруженных фигур, так называемых стражей, или просто орнаментальных вставок. Третья разновидность является самой редкой и самой ценной. Это конные надгробия. В Италии XIII–XIV вв. конные статуи вообще были мало распространены. Конных же надгробий до нашего времени дошло всего три: Киостро ди Морти, 1289 г., Флоренция; Колаччио Беккаделли, 1341 г., Имола; Тиберио Брандолини, 1397 г.; Банкавалло (недалеко от Имолы). Конное надгробие ценно тем, что дает исчерпывающую информацию о полном комплексе снаряжения коня и всадника. Они позволяют судить о конструкции, внешнем виде, способах употребления и взаимосочетаемости тех или иных деталей вооружения, словом, дают комплексную информацию по интересующему предмету.

Надгробие рода Ферретти. 1357 г. Аскона

Конное надгробие Колаччио Беккаделли заслуживает пристального внимания при исследовании итальянского рыцарского вооружения 1330–1340 гг. Это мраморная плита с барельефом, установленная в стене церкви св. Николая и Доминика в Имоле. Ранее плита лежала на саркофаге, но впоследствии была перемещена. Плита окаймлена латинской надписью: «Под этой плитой лежит Колаччио Беккаделли, рожденный в Болонье, готовый предстать перед Господним Судом. Он был украшен многими достоинствами, потому что превзошел многие свершения. Он умер в Девятом Индикте 13 мая 1341»[1]. Колаччио (сокр. от Николаччио) родился в конце XIII в. В 1305 г. сражался против

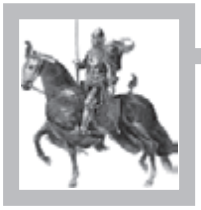
[1] Индикт — пятнадцатилетний период срока действия налога на имущество, который устанавливал римский император.

Гвидинелло Монтекуччоли, в 1315 г. участвовал на стороне Флоренции в битве при Монтекасино, где были разбиты войска гвельфов. Служил послом в Ферраре и Падуе в 1319 г. В период с 1320 по 1335 гг. неоднократно избирался старейшиной коммуны, являясь, таким образом, одной из наиболее влиятельных фигур в городе. В 1337 г. семья Беккаделли была изгнана и лишена владений за политические проступки. В 1350 г. изгнанники вернулись в Болонью, однако Колаччио умер за девять лет до этого в Имоле.

На надгробии изображен рыцарь на коне. Голову закрывает куполовидный бацинет без забрала с двойной бармицей — характерной чертой итальянского доспеха первой половины XIV в. Нижняя бармица полная и закрывает подбородок, шею и плечи. Верхняя бармица представляет собой разомкнутую широкую прямоугольную полосу, которая монтируется на тех же втулках, что и нижняя бармица. Она закрывает голову на уровне висков и скул, идя от одного края лицевого выреза до другого. За спину откинут большой шлем. Он крепится к нагруднику доспеха цепями со шкворнями, которые помещены в крестообразные пропилы в нижней части шлема. О точной конструкции и геометрии шлема судить трудно, так как он покрыт почти полностью наметом и нашлемной фигурой в виде двух крыльев с орлиными лапами. В лицевой части шлем усилен крестообразной стальной накладкой с фигурными окончаниями. Шлем снабжен двумя глазными прорезями. Корпус защищен бригандиной, которая полностью скрыта геральдической коттой с гербом — золотым крылом с орлиной лапой на лазоревом поле. Бригандина угадывается благодаря цепедержателю, который смонтирован на нагруднике и помещен в вырез в котте. Под бригандиной надета длиннополая кольчуга. Рукава кольчуги закрывают руки. Кисти защищены перчатками с длинными крагами, видимо, из выварен-

кожи. Собственно кисть, включая основание большого пальца, закрывает монолитная стальная пластина, которая зафиксирована на кожаной подоснове посредством заклепок. Пальцы прикрыты чешуйчатыми накладками. Крага сверху усилена отдельной прямоугольной пластиной. Ноги закрыты набедренниками, наколенниками, наголенниками и сабатонами. Набедренники бригандинные защищают бедро спереди и с боков. К набедреннику крепится трехсторонний коробчатый наколенник. Он имеет значительную степень выпуклости. Во фронтальной части снабжен выраженным гребнеобразным

Надгробие Томазо и Карлуччио Вулкано. 1337 и 1345 гг. Неаполь



ребром жесткости. Внизу наколенник продолжен круговой кольчужной подвеской — еще одной характерной итальянской деталью. На тыльной части бедра виден стеганый набедренник, подведенный под бригандинный набедренник, наколенник и кольчужную подвеску. Наголенник латный, анатомический, конструктивно состоит из двух створок. Створки соединены с наружней стороны посредством трех навесных петель. Сабатоны бригандинные.

Наступательное вооружение представлено на надгробии мечом и шестопером. Меч полуторараучный с дополнительной оплеткой рукояти кожаным шнуром. В правой руке воин держит четырехлопастной шестопер, употреблявшийся почти исключительно в Италии.

Голову и шею коня закрывает стальной наглавник — «шаффрон». Наглавник латный, конструктивно состоит из пяти деталей. Основная пластина закрывает голову спереди и с боков. Снабжена двумя круглыми глазными прорезями, крестообразной стальной накладкой и прикрытиями ушей в виде стальных трубок, приклепанных к поверхности пластины. С боков имеются узкие латные подвески по две с каждой стороны. В задней части наглавник продолжен серией широких прямоугольных пластин, закрывающих шею и собранных посредством заклепок и изнаночных ремней. Тело коня задрапировано геральдической попоной, под которую могла поддеваться защитная стеганая попона.

Цветная вкладка *(стр. 49)*

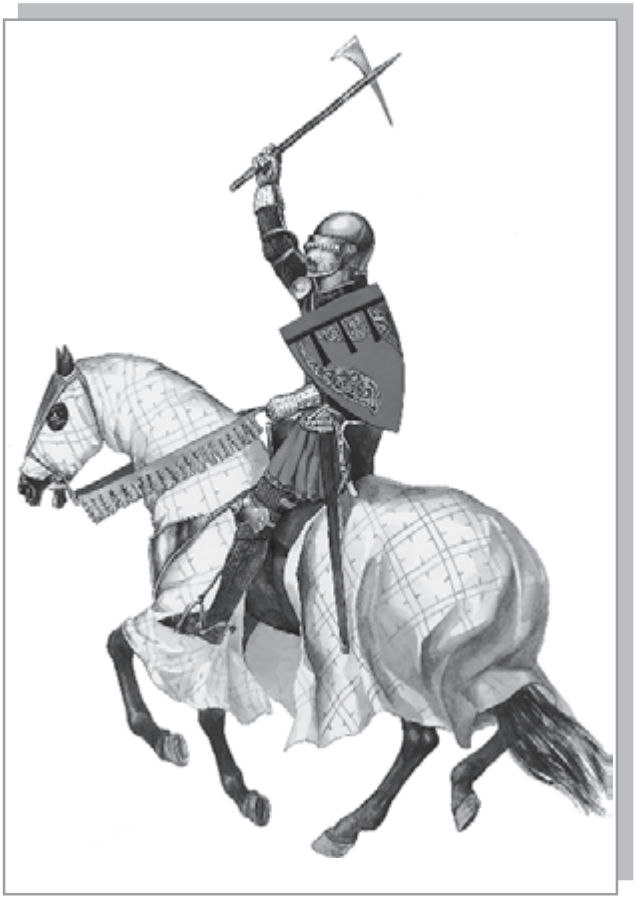
Реконструкция выполнена на основе надгробия Колаччио Беккаделли. Исходное изображение надгробия несет одно исправление и одно дополнение. Во-первых, у задней луки седла нарисован щит, которого нет на надгробии. Щит — тарч с вырезом в правой верхней части под копье. (Статуя Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг., Верона.) Во-вторых, вместо шестопера в руку воина вложено копье с ронделем[1]. (Статуя Мастино II делла Скала, 1340–1350 гг., Верона.)

[1] Рондель — устройство, защищающее руку на копейном древке и одновременно сообщающее ей упор в момент удара.

Английский рыцарь

1340–1350 гг.

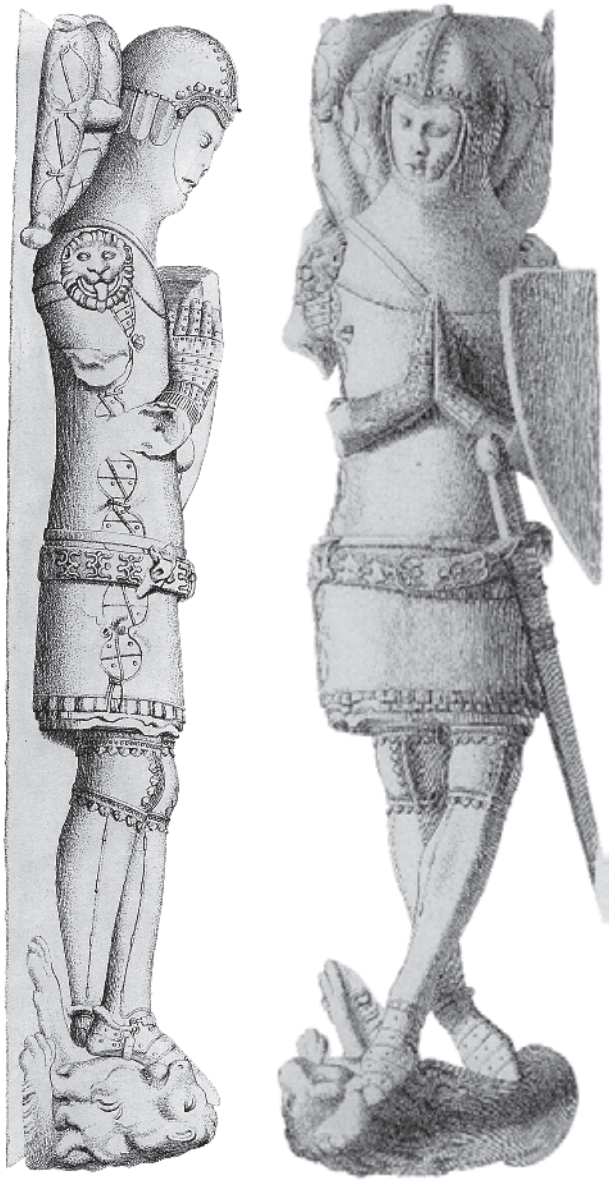
В первой половине XIV столетия Европу охватило пламя конфликта, которому было суждено стать самой затяжной войной в истории человечества. Не трудно догадаться, что речь идет о Столетней войне между Англией и Францией. Несмотря на длительные перерывы в военных действиях, противостояние было обусловлено единым комплексом причин, единой логикой развития событий и единым логическим завершением. Столетняя война продолжалась с 1337 по 1453 г. Она явилась продолжением целого ряда других конфликтов между Англией и Францией. Яблоком раздора выступали династические владения английских Плантагенетов на континенте. Столетняя война вовлекла в свою орбиту множество стран, став поистине «мировой войной». Военное искусство этого периода уже несколько веков является объектом пристального внимания ученых. Тем не менее вместе с множеством установленных фактов достоянием общественной мысли стало несколько легенд и мифов, связанных с этой войной. Во-первых, это «легенда о спешенной конице». Во-вторых — «легенда о триумфе длинного лука». Все перечисленные темы непосредственно затрагивают историю конницы, и на их примере представляется возможным осветить основные вопросы по тактике, формированию и снаряжению конницы. Наиболее ярко очерченный круг тем проступает при изучении первого этапа Столетней войны, когда произошли события, породившие описанные заблуждения позднейшей историографии[1].



Рассмотрим феномен спешенной конницы и так называемый «триумф длинного лука». Две знаменитые битвы первого этапа войны, а именно — битва при Креси 1346 г. и битва при Пуатье 1356 г. — были блестяще выиграны англичанами при помощи тактического приема спешивания конницы в сочетании с массированным применением лучников. Аберрация дальности несколько исказила историческую действительность, значительно преувеличив роль англичан в изобретении этих способов ведения боя. Кроме того, блеск побед при Креси и Пуатье совершенно затенил другие сражения, имевшие место в то же время, не менее интересные с точки зрения развития тактики. Надо ясно отдавать себе отчет в том, что англичане вовсе не являлись первооткрывателями описанных приемов. Уже в XII в. во время Крестовых походов и военных предприятий в Европе рыцари спешивались при необходимости или вынужденно. Для реалий военного дела Священной Римской империи спешенные рыцари вообще не являлись чем-то необычным. В «Хронике» Вильгельма Тирского отмечено, что «тевтонцы обычно так делают (спешиваются. — *Авт.*),

[1] Первый этап Столетней войны — 1337–1360 гг., с самого начала до подписания мира в Бретиньи.

когда того требует необходимость». В Англии начиная с XII века также прибегали к спешиванию рыцарей, наример в битвах при Тенчбере 1106 г. и Бургтерульде 1124 г. Это был общеупотребимый прием в XII—XIII вв. Высокий профессионализм и отличное снаряжение превращали рыцарей в приемлемую замену тяжелой пехоты, которой почти не знала Европа Классического средневековья. Несомненная заслуга английских полководцев периода Столетней войны только в том, что они вовремя и уместно использовали прием спешивания конницы. Надо отметить и то, что спешенные рыцари оставались рыцарями, то есть, в первую очередь, конниками, а не профессиональными пехотинцами. Отсюда происходит ряд слабых сторон этих средневековых «драгун», которые проявлялись при столкновении с конницей в определенных условиях.



Надгробие сэра Джона де Леверика. 1340-е гг. Кент, Англия

«Триумф длинного лука» также является значительным преувеличением. Распространению легенды о непобедимости английских лучников способствовали в немалой степени сами французы. Деморализованные колоссальными потерями и полным разгромом лучшей в Европе рыцарской конницы, они описывали дождь стрел, от которого не было спасения, затмевавший солнечный свет, сметавший все на своем пути, пробивавший любые доспехи. Например, Жан Фруассар, писавший свои «Хроники Франции» спустя много лет после событий сороковых 40—50-х гг. XIV в., все еще находился под гипнотическим воздействием пережитого другими ужаса. Ему вторила позднейшая историография и литературная традиция. От книги к книге, от статьи к статье кочевал миф о победе длинного валлийского лука над рыцарской броней. А справедливо ли это? Ответим однозначно — нет! Для подтверждения данного постулата необходимо ознакомиться со сравнительными характеристиками полного рыцарского доспеха в сравнении с поражающей способностью длинного лука. Основой рыцарского доспеха являлся бригандинный защитный комплекс в сочетании с элементами снаряжения иных конструкций. Для Англии и Франции того периода был характерен бригандинно-латный доспех. Корпус прикрывался бригандиной, а руки и ноги — латными щитками. В качестве прикрытия конечностей могли использоваться бригандинные или шинные протекторы[1]. Все реже самостоятельным защитным средством выступает кольчуга. Кольчужные рукава

[1] Шинной называется защитная конструкция, противоположенная бригандинной, когда пластинчатый набор состоял из длинных стальных пластин — «шин», уложенных поверх гибкой основы со взаимным перекрытием или встык. Шинный доспех является разновидностью пластинчато-нашивного или чешуйчатого доспеха. Употреблялся исключительно для защиты конечностей.

и чулки в рассматриваемый период еще могли использоваться без усиления пластинчатыми элементами, но это было показателем силы исторической инерции, а не прогрессивности снаряжения. Единственной частью кольчуги, которая почти никогда не прикрывалась пластинчатыми усилениями до 1420 г., оставался подол. Наименее обеспеченные слои воинства могли вовсе не употреблять кольчуг, полагаясь исключительно на стеганые гамбезоны или акетоны. Бармица также часто использовалась самостоятельно, хотя, как отмечалось выше, ее могли дополнять отдельные пластинчатые элементы доспеха (защитные ожерелья — «горжеты») и латные дополнения к шлему (предличные прикрытия, подбородники — «биверы»). Отметим, что английские источники фиксируют как раздельное, так и совместное использование обоих защитных приспособлений. Исключительно английской чертой является ламинарное усиление бармицы. Уникальное изображение этой детали продемонстрировано на фигурах стражей надгробия леди Перси 1340-х гг. Кольчужная бармица чрезвычайно часто использовалась самостоятельно до второй половины XV столетия. Столь долгая жизнь в боевом употреблении объясняется, по-видимому, устойчивой традицией ношения поддоспешных камзолов с массивным воротником стойкой, усиленным кольчугой. Таким образом, в районе шеи образовывался двойной слой кольчуги, как минимум, с одним слоем подстежки. Если же подшлемник имел пелерину, то к защите шеи добавлялся еще один тканевый амортизирующий слой. Все это, очевидно, обеспечивало вполне удовлетворительное прикрытие шеи.

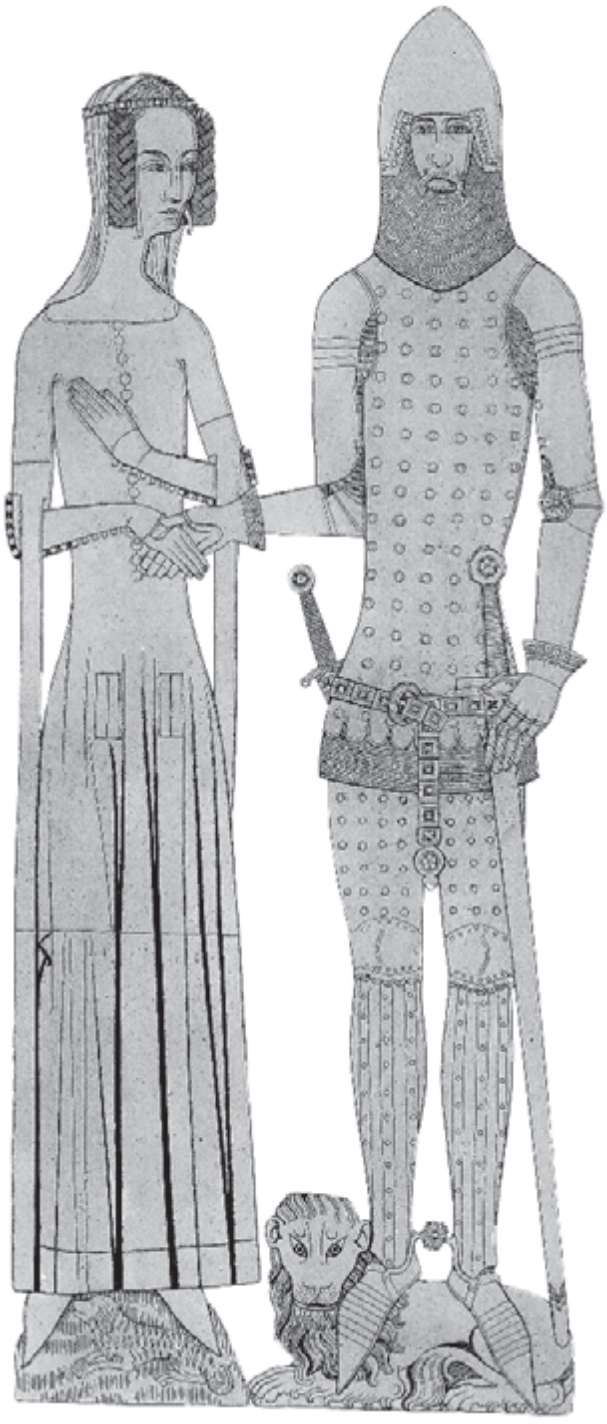
Защиту лица обеспечивало забрало. Это могла быть глухая личина большого шлема или подъемное забрало бацинета, которое со временем стало безусловно превалировать. 1340–1350 гг. были временем постепенного отказа от традиционного большого шлема в пользу бацинета с подвижным забралом. Забрала, изначально повторявшие внешний вид лицевой части большого шлема, быстро приобрели новые специфические очертания. Основной эволюционной тенденцией было придание забралу выпуклой формы, которая сменила простые, изогнутые в горизонтальной плоскости лицевые пластины, иногда скругленные в районе подбородка.

Надгробие сэра Джона де Нортвуда (?) (ум. 1337 г.). О. Шеппей. Англия. Изготовлено надгробие, видимо, в 1340-е гг.

Рассмотрим теперь поражающую способность длинного лука и то, насколько эффективно он мог противостоять рыцарскому доспеху. Английский лук был достаточно примитивным и дешевым оружием. Он не был ни сложносоставным, ни рефлексивным. Сила его натяжения в лучшем случае составляла 40–50 кг, а обычно была еще меньше. Последние эксперименты доказали, что подобный лук не способен повредить любой пластинчатый доспех даже при выстреле в упор. В то же время кольчуга пробивается из лука достаточно легко при условии использования специализированных наконечников стрел. Для этой цели применялись бронебойные наконечники — массивные долотообразные или ромбовидные стальные стержни. Лучше всего действовали против кольчуги вытянутые шиловидные наконечники, которые не разбивали звенья защитного покрова, а проникали между колец, не встречая особого сопротивления. Источники донесли свидетельства того, как стрелы, видимо, оснащенные подобными наконечниками, поражали цель через два слоя кольчуги.

Кольчужные и стеганые доспехи скорее всего и стали ахиллесовой пятой французской конницы. Вспомним, что руки и ноги полностью или частично нередко прикрывались в рассматриваемое время только кольчугой. Необходимо принимать в расчет и то, что в войске должно было быть много людей, не имевших полного доспеха или располагавших только кольчужной защитой. Часть воинов, без сомнения, носили открытые шлемы без забрал. Очевидно, это были оруженосцы и наименее обеспеченные воины, составлявшие задние ряды боевых порядков. Плотный лучный обстрел с большой вероятностью позволял поражать именно эти уязвимые части защитного снаряжения, раня и убивая атакующих. Значительные потери понесли французы и в конском составе. Кони в это время все еще прикрывались доспехами крайне выборочно или вовсе не прикрывались. Несомненная заслуга англичан в том, что они нашли способ использовать лучников на всем протяжении боя. Ранее стрелки часто обращались в бегство, не выпустив ни одной стрелы, только при виде наступающей конницы. Теперь, когда их прикрывала пехота вперемешку с рыцарями, они могли планомерно расстреливать неприятеля, полностью реализуя убийственный потенциал своего оружия. Особенно результативной оказывалась стрельба в упор, когда конница увязала в передних рядах пехотных отрядов и вынуждена была отходить и перестраиваться под градом стрел. По всей видимости, важным оказался и психологический эффект. Рыцарство, в первую очередь, рассчитывало на непосредственный контакт с противником. К непрерывному массированному дистанционному поражению рыцари были не готовы. Здесь и кроется причина той паники, в которую повергал французов ливень английских стрел. Например, в Великой Степи лучный бой был обычным делом, и тучи стрел не вызывали особых эмоций у воинов и какого бы то ни было примечательного отклика в источниках.

Таким образом, «триумф длинного лука» на деле был порожден тактической мыслью английских полководцев, и, в первую очередь, короля Эдуарда III, а не повышенными боевыми качествами самого оружия или особенными достоинствами стрелков. Кроме того, это явление было временным. Через двадцать-тридцать лет воору-



Надгробие сэра Майлса Степлтона (ум. 1364 г.). Норфолк. Англия

жение полностью приспособилось к массовому применению метательного оружия, да и шокового эффекта оно больше не вызывало. Даже в ходе первого этапа войны англичане потерпели ряд чувствительных поражений, которые выявили многие слабые стороны их стрелковых контингентов, проявлявшиеся при определенных неблагоприятных условиях.

Сражения при Креси и Пуатье дают яркий пример идеальных условий для использования лучников против тяжелой конницы. В обоих случаях англичане занимали сильную оборонительную позицию. Французы и их союзники при этом были абсолютно уверены в своих силах и решительно атаковали по всему фронту. Англичане спешивали всю или почти всю конницу, усиливая ею отряды пехоты. Построение имело вид вытянутой линии, где колонны тяжелой пехоты перемежались с отрядами лучников. Позади строя выделялся общий резерв из нескольких рыцарских знамен. О специфическом пехотном оружии английских войск судить трудно. Известно только, что рыцари укорачивали свои копья для удобства действия в пешем строю. Построение французов представляло собой классический рыцарский порядок данного региона. Они образовывали несколько крупных соединений — полков, которые имели три-четыре ряда в глубину и были вытянуты по фронту, то есть имели прямоугольную форму. В шеренгах воины стояли как можно более плотно друг к другу. Используя обычные для средневековых текстов эпитеты, конники должны были стоять так плотно, чтобы брошенное яблоко не упало на землю, а наткнулось на острие копий, чтобы ветер не пролетал между копейными древками. Между рядами выдерживалась дистанция, достаточная для свободного бега коней, то есть около одной-полутора длины корпуса лошади. Наступление велось по нескольким направлениям, каждому из которых соответствовал отдельный отряд конницы, именовавшийся «эшелоном», «колонной», «эскадрой» или «баталией»[1]. Для сохранения линии построения атака начиналась шагом, потом коней переводили в рысь, затем в короткий галоп, и непосредственно перед столкновением их отпускали в бешеный карьер. Средневековые тексты употребляют самые сильные слова, характеризуя конную атаку: страстно, стремительно, яростно и т. д. При этом командир должен был следить за верным направлением атаки, так как после определенного момента конницу было невозможно остановить или развернуть.

Итак, организованная описанным образом конница французов вынуждена была штурмовать труднопреодолимые преграды. В первом случае, при Креси, это были склоны холма. Во втором случае, при Пуатье, коннице противостояли палисады, как и при Азенкуре в 1415 г. Пока натиск конницы разбивался об отряды пехоты, лучники имели возможность буквально расстреливать французских рыцарей. И, хотя большинство стрел не пробивало доспехов, часть все же находили свою цель, нанося все большие потери атакующим. При Креси французы после полутора десятков атак потеряли столько людей, что вынуждены были отступить. Причем спешенные английские рыцари не имели возможности преследовать отходящего неприятеля, чтобы довершить разгром. При Пуатье после первой неудачной конной атаки, которую спровоцировал отход английского авангарда, французы спешились и предприняли новое наступление, также не увенчавшееся успехом. Исход дела решила контратака английской конницы.

Не стоит переоценивать силу английских лучников и недооценивать рыцарскую конницу, как это делает Е. А. Разин. При менее умелом выборе местности и построении войска стрелки при поддержке пехоты явно уступали кавалерии. В битве при Мороне 1352 г. в открытом поле лучники Уолтера Бентли не выдержали атаки конницы Роже д'Анжэ и побежали, оголив левый фланг и поставив под угрозу все войско. Только поспешная ретирада англичан на холм, поросший кустами, где они смогли восстановить порядок, спасла их от разгрома. Далее повторился рисунок боя при Креси, когда атакующие, взбираясь по откосу, методично истреблялись лучниками и пехотой. В стычке под Кутантеном 1356 г. англичане сами были вынуждены атаковать. В этих условиях лучники не смогли повлиять на исход боя, и английский отряд был уничтожен. Не всегда лучники могли задержать и наступающих одновременно

[1] Термин «баталия», видимо, одинаково применялся для обозначения как пехотного, так и конного порядка.

пехотинцев и спешенных и конных рыцарей. Так, при Ардре в 1351 г. лобовая атака конницы и фланговый охват пехоты решили исход дела в пользу французов. В 1359 г. при Ножан-сюр-Сене пехота, напротив, приняла удар стрел на себя, предприняв фронтальную атаку, что дало возможность французской коннице обойти спешенных англичан и разгромить их.

Подводя итог, можно сказать, что в XIV в. рыцарская конница далеко не сдала своих позиций, хотя ее безраздельное господство на полях битв заметно пошатнулось. Правильный выбор места и времени для битвы являлся обязательным залогом успеха, что, впрочем, касается не только конницы, но и любого другого рода войск.

Надгробие сэра Джона де Бланшфронта. 1346 г. Уорчестершир. Англия

Цветная вкладка *(стр. 50)*

На реконструкции представлен английский рыцарь 1340–1350 гг. Он облачен в смешанный бригандинно-кольчужно-латный доспех. Обращает внимание фрагментарное бронирование коня латными накладками на грудь и лоб. Реконструкция основана на материалах надгробия сэра Хью Гастингса и миниатюр Хольхэмской Библии.

Прикрытие головы: большой бацинет. Конструктивно состоит из тульи, забрала и подбородника. Тулья монолитной конструкции полусферическая опускается ниже уровня подбородка, образуя подпрямоугольный лицевой вырез. Забрало подвижно зафиксировано на височных долях тульи посредством шарнирных соединений. Оно имеет приостренную книзу форму. В центре забрало имеет выраженную выпуклость. Смотровая щель оформлена в виде выступающей амбразуры с частыми вертикальными перегородками. Ниже смотровой щели забрало несет серию круглых дыхательных отверстий. Подбородник зафиксирован на шарнирах в нижней части тульи, имеет незначительную степень выпуклости в передней части, верхний и нижний края несут отвальцовку. Шлем оснащен кольчужной бармицей на внешней подвеске. Предполагаемая толщина конструктивных элементов от 1,5 до 3 мм. (Надгробие сэра Хью Гастингса.)

Прикрытие корпуса: акетон, кольчуга и бригандина. Все покрыто длиннополой гербовой коттой. Кольчуга с длинными рукавами. (Надгробие сэра Хью Гастингса.)

Прикрытие рук: конструктивно состоит из наплечников, плечевых щитков, налокотников, наручей и перчаток.

Наплечники: круглые стальные диски с незначительной степенью выпуклости. Фиксируются на руке посредством шнуровки к кольчуге.

Плечевые щитки: полуцилиндрические латные створки, закрывающие плечо только сверху. Верхняя часть имеет скругленную форму для лучшей стыковки с проймой бригандины. Фиксируются на руке посредством шнуровки к кольчуге и застежки на ремнях и пряжках.

Налокотники: аналогичны наплечникам.

Наручи: аналогичны плечевым щиткам.

Перчатки: шинные. Конструктивно состоят из вертикальных трапециевидных пластин, прикрывающих крагу; горизонтальных пластин на кисти; мелких чешуеобразных пластинок на пальцах. Все конструктивные элементы набраны со взаимным перекрытием. Зафиксированы на мягкой основе посредством заклепок. Основа, в свою очередь, пришита к перчатке. (Миниатюры Хольхэмской Библии, 1330–1350 гг.)

Прикрытие ног: набедренники, наколенники, кольчужные чулки.

Набедренники: бригандинные. Пластинчатый набор конструктивно состоит из длинных вертикальных пластин. Набедренники пришнурованы к акетону с изнанки.

Наколенники: имеют стеганую подкладку, верхняя часть которой заходит на набедренник и пришнурована к нему, нижняя часть заходит поверх кольчужного чулка. Наколенники закрывают ногу с трех сторон. Наружняя часть имеет полукруглое боковое крыло. Передняя часть наколенника венчается выраженным граненым коническим выступом.

Кольчужные чулки: короткие, до колена. Снабжены прикрытием стопы. (Надгробие сэра Хью Гастингса.)

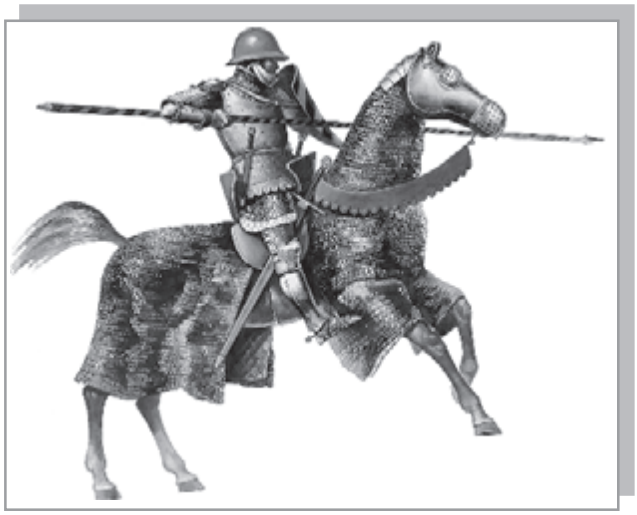
Наступательное вооружение: полутораручный меч и секира. Секира имеет длинную втулку. На обухе расположен клевец. Спереди имеется длинный колющий шип. (Миниатюры Хольхэмской Библии, 1330–1350 гг.).

Снаряжение коня: защитное снаряжение состоит из латных накладок поверх попоны. Грудь закрыта подтреугольной пластиной, лоб — ромбовидной. Под матерчатую внешнюю попону может быть подведена стеганая защитная попона. (Миниатюры Хольхэмской Библии, 1330–1350 гг.).

Фламандский рыцарь

1340–1350 гг.

Территория графства Фландрского лежала на пересечении политических и экономических интересов Франции и Англии. Юридически граф Фландрии являлся вассалом французской короны, и начиная с конца XIII в. могущественный сосед всеми способами пытался положение де юре привести к де факто. С другой стороны, Англия в лице Фландрии имела естественного союзника, так как экономические связи сулили последней немалые выгоды. Суконное производство требовало постоянного ввоза шерсти из Англии. Кроме того, фландрийские города выступали посредниками при торговле собственным английским сукном. В результате экономические интересы городов оказались до поры сильнее политических устремлений знати, ориентированной на союз с Францией. Точно так же, как Шотландия выступала геополитическим плацдармом Франции на Альбионе, так Фландрия стала плацдармом Плантагенетов на континенте. Фландрия оказалась в орбите очередного англо-французского конфликта в конце XIII в., когда разгорелась война 1294–1302 гг. за Гасконь и Аквитанию — ленные владения Плантагенетов. В 1303 г. был подписан Парижский мир, сохранивший статус-кво, то есть ничего не решивший. Следовательно, дальнейшие столкновения были неизбежны, а Фландрия оказалась между двух огней. Скоро две самые мощные державы Европы столкнутся в жестокой войне, затянувшейся более чем на сто лет, и Фландрии не удастся остаться над схваткой. Изначально Фландрия выступила на стороне Англии, так как не могла самостоятельно справиться с притязаниями Франции, которая стремилась подчинить себе богатые торгово-ремесленные города. Несмотря на победы Фландрии при Куртрэ 1302 г. и Арке 1303 г., в 1328 г. она потерпела сокрушительное поражение при Касселе и остро нуждалась в сильном союзнике. В 1337 г. началась Столетняя война. Территория Фландрии превратилось в поле боя. По ее землям прокатывались то английские, то французские войска, что вовсе не способствовало подъему экономики. Кроме того, с 1347 г. английские купцы из партнера превратились в опасного конкурента, когда был захвачен важный порт Кале. Теперь англичане могли самостоятельно ввозить на континент шерсть и сукно. Таким образом, фактор экономического сотрудничества был нарушен, и Фландрия стала склоняться к поддержке Франции. Нашлись и политические рычаги для создания такого союза. В 1364 г. Карл V женил своего брата Филиппа Храброго герцога Бургундского на единственной наследнице графского престола Маргарите Фландрской.



Считается, что города Фландрии на войне делали ставку на пехоту. Однако здесь проживало достаточно рыцарских родов, чтобы сохранить традиции конного боя. Тем более, как выяснилось впоследствии, городская пехота могла соперничать с французской конницей лишь в определенных условиях. Все успехи местной пехоты были обеспечены, в первую очередь, не ее силой, а временной слабостью конницы. В любом случае, оказавшись в составе герцогства Бургундского, Фландрия была обречена на всплеск популярности рыцарской конницы. Ведь Бургундия всегда оставалась своеобразной Меккой рыцарства. Кроме того, на территории Фландрии действовало отделение Тевтонского ордена. Это рыцарское объединение традиционно опиралось на конницу.

Миниатюра Хольхэмской Библии. Англия, 1340-е гг.

Постоянная военная опасность порождала спрос на вооружение. Как и в Италии, местные города оказались достаточно развитыми с технической точки зрения, чтобы этот спрос удовлетворять собственной продукцией. В XIV в. была заложена необходимая база, позволившая Фландрии в XV–XVI столетиях стать третьим в Европе после Италии и Германии производителем вооружения.

Развитие вооружения в 1340–1350 гг. лучше всего прослеживается при изучении рыцарского снаряжения. Разумеется, совершенный комплекс боевых средств мог использоваться и пехотой, однако, он в любом случае оказывался подражанием рыцарскому, так как специфическое пехотное снаряжение в это время еще не сложилось.

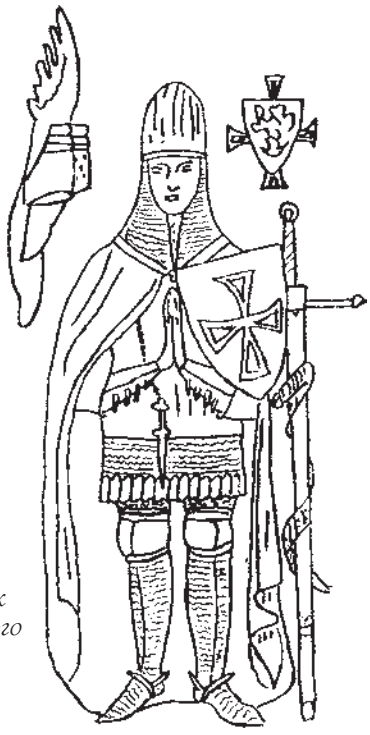
Итак, попытаемся на примере источников, происходящих преимущественно с территории Фландрии, проследить особенности развития вооружения в середине XIV в., а также произвести реконструкцию комплекса снаряжения всадника и верхового коня.

Представляется возможным выделить общие тенденции в развитии вооружения 1340–1350 гг. Начнем с рассмотрения защитных средств. Прежде всего отметим максимальное применение в рамках одного защитного комплекса пластинчатых конструкций. С этой поры доспех все больше приобретает формы позднего «белого» доспеха. В середине XIV в. была создана база для последующего развития доспеха. Основные принципы производства и боевого применения, комплектующие элементы, конструктивные узлы и способы соединения деталей — все это было заложено в рассматриваемый период. С 1340–1350 гг. прерывается процесс увеличения веса доспеха. Прочность достигается за счет улучшения методики производства, обработки стальных поверхностей, лучшей компоновки и сочетания деталей, создания выпуклых отражающих поверхностей, ребер жесткости и т. д. Кольчужная рубаха в данный период, видимо, начинает терять значение даже в качестве дополнения к пластинчатому доспеху. Вместо полной рубахи под панцирь надевается акетон с нашитыми фрагментами кольчужного полотна, которые закрывают наиболее уязвимые части тела. Кольчуга прикрывает локтевые сгибы, подмышки, подол, горло. Таким образом, достигался серьезный выигрыш в весе, без потери прочности. Вес доспеха в среднем, очевидно, не превышал 30 кг, с учетом стеганых подкладок, а впоследствии он еще уменьшился.

К середине столетия в употребление входят два основных способа конструктивного соединения главных узлов доспеха. Во-первых, это уже известные внутренние несущие ремни для соединения переходных пластин или целых элементов доспеха, например, плечевых щитков и налокотников. Во-вторых, появляются и входят в широкое употребление шарнирные сочленения. Ранее их использовали почти исключительно для петель. С этого периода шарниры соединяют практически любые части доспеха. Они были менее подвижными, но гораздо более прочными по сравнению с изнаночными несущими ремнями. Видимо, тогда же начинают использовать комбинацию обеих разновидностей в составе одного защитного элемента, например, наплечника.

С введением шарнирных соединений связано и появление в широком обиходе такой прогрессивной черты, как подвижного забрала. Понятно,

что шарнир был единственным способом монтажа такого элемента защиты. Подъемные забрала появляются в конце XIII в. Ими оснащаются горшковидные шлемы. К середине XIV столетия основным носителем забрала стал бацинет. Горшковидный шлем достиг такого размера и веса, что его употребление в бою стало затруднительно. Согласимся, что такое наголовье надежно прикрывало голову. Но плохой обзор, еще более суженный из-за ограниченной свободы поворота головы, мог плохо послужить хозяину шлема. В результате, после копейной сшибки большой шлем стали сбрасывать с головы, оставаясь в одном бацинете. Это наголовье было легче и удобнее большого шлема. Оно отлично обеспечивало защиту головы, благодаря обтекаемым обводам. Эти качества позволили ему вытеснить большой шлем из боевого обихода, сделав его церемониальной и турнирной принадлежностью. Конечно, этот процесс не был мгновенным и занял не менее двадцати лет, начиная с 1340 г. Время быстрого развития боевых средств со всей ясностью поставило вопрос о создании некоего универсального боевого наголовья для конницы. И таким наголовьем стал бацинет. Чтобы прикрыть лицо при копейной сшибке, бацинет оснастили забралом на шарнирах в височных долях тульи, повторявшим очертания забрала большого шлема. Впоследствии боевые личины претерпели стремительное эволюционное развитие, породив несколько самостоятельных форм защиты лица. После копейного удара, когда начинался ближний бой, забрало можно было поднять, обеспечивая полный обзор. Если появлялась возможность возобновить копейный бой, забрало опускалось на место одним движением. Теперь не было необходимости производить сложные манипуляции со сбрасыванием большого шлема за спину, где он болтался на цепи, отнюдь не добавляя комфорта. Вернуть же большой шлем на голову без помощи оруженосца вообще было проблематично. В бацинете, даже не поднимая забрала, воин лучше ориентировался на поле боя и в ближнем бою, так как этот шлем позволял легко поворачивать голову. Надо отметить, что вскоре (приблизительно к 1350 гг.) появились съемные забрала со шкворневыми соединениями петель. Возможность быстро снимать забрало прежде всего увеличило ремонтопригодность наголовья даже в полевых условиях. Помимо забрала бацинеты оснащались и другими подвижными усиливающими деталями. Речь идет о латном подбороднике — «бивере». Это была трапециевидная пластина, изогнутая в одной плоскости вокруг подбородка или слегка выпуклая в плане. Она крепилась посредством двух шарниров по бокам в нижней части тульи, усиливая бармицу в области подбородка и горла. Бацинет, снабженный забралом и подбородником, стали именовать «большим бацинетом».



Надгробие Рене фон Фалькенбурга . Льеж, 1342 г. Надгробие уничтожено в годы Первой мировой войны. Известно лишь по прорисовке в альбоме Жозефа ван ден Берга (1836 — 1917 гг.) Примечательной чертой является двуручный меч — одно из самых ранних изображений этого вида наступательного вооружения таких развитых форм. Скорее всего использовался в качестве прилучного меча

Бивер мог сопровождать и шапель-де-фер. Употребление такого рода усилений шапеля как раз характерно для фландрского региона. Кстати, на примере шапелей можно проследить живучесть традиции ношения двух шлемов в отражении источников фландрийского круга. Миниатюры «Романа об Александре» 1338–1344 гг. несколько раз демонстрируют шапель-де-фер, надетый поверх бацинета.

Середина XIV в. — время пикового развития бригандинных доспехов. Никогда ранее бригандинные покровы не пользовались столь широким распространением и не отличались таким разнообразием форм. Почти все основные фасоны покроя и пластинчатые наборы, употреблявшиеся в будущем, были изобретены именно в данный период. Видимо, все

или почти все они имели хождение во Фландрии, судя по свидетельствам изобразительных источников. Важным нововведением были приталенные бригандины. Приталенной мы называем бригандину с выраженным сужением талии относительно грудной части и подола, что заложено в покрое несущей мягкой основы и пластинчатого набора. За характерной формой приталенной бригандины с плавным обводом талии в историографии закрепился устойчивый описательный термин «песочные часы». Приталенный панцирь гораздо лучше сидел на корпусе. Весь вес распределялся между плечами и тазом — самыми мощными и приспособленными к тяжести областями человеческого тела. Кроме того, расширяющийся подол не мешал движениям ног, благодаря тому, что он располагался под некоторым углом к поверхности тела. Наряду с приталенными бригандинами существовали и иные фасоны панцирей. Во-первых, традиционные для германского региона бригандины изначальной формы — «бочки» с параллельными боковыми образующими. Во-вторых, панцири с расклешенным подолом — все те же бочкообразные бригандины с выраженным расширением подола. В-третьих, уталенные бригандины, когда сужение талии достигалось за счет утяжки крепежных ремней.

Бригандинную конструкцию мог иметь практически любой элемент доспеха. Популярность этого вида защиты обеспечивалась высокой надежностью, подвижностью, простотой в эксплуатации (поверхность не надо было чистить и защищать от коррозии), высокой ремонтопригодностью и, главное, крайней дешевизной изготовления. Кроме того, современники, видимо, высоко ценили декоративный эффект, создававшийся сочетанием изысканной бархатной, шелковой или суконной поверхности с аккуратными рядами блестящих заклепок.

Наступательное оружие конницы в общих чертах продолжало линии развития, намеченные в более ранний период. По-прежнему увеличивалась роль колющего оружия. Как вспомогательное средство колющей направленности выступает кинжал, ставший обязательным атрибутом рыцарского вооружения. Арбалет был самым грозным средством борьбы с многократно усилившимся доспехом. Распространяются контингенты конных арбалетчиков. В основном они действовали как позднейшие драгуны, то есть использовали коня в качестве транспортного средства, а воевали пешком. Тем не менее в определенных условиях они могли действовать и в конном строю. Комплекс наступательного вооружения рыцаря расширился. Для эффективного действия в любых условиях рыцарь мог брать в бой до четырех единиц наступательного оружия. Помимо обязательного копья и меча (или фальшиона, очень популярного в середине XIV в. во Фландрии) рыцарь имел на поясе кинжал, а также то или иное орудие на луке седла. Это мог быть шестопер, секира или прилучный меч, достигавший зачастую размеров двуручного. Прилучные мечи отличались от двуручных, как правило, более коротким хвостовиком и гардой, что было необходимо для свободы действий в седле.

Цветная вкладка *(стр. 51)*

Реконструкция рыцарского вооружения 1340–1350 гг. Основана на источниках фландрийского круга.

Наголовье: шапель-де-фер, надетый поверх кольчужного капюшона. Шлем конструктивно состоит из двух деталей, соединенных по медиальному шву методом кузнечной сварки. Тулья имеет яйцевидные геометрические очертания. Снабжена выраженным медиальным гребнем, полукруглым в сечении. Тулья плавно переходит в пологие поля с отвальцовкой по внешнему периметру. Шлем дополнен латным подбородником, укрепленным посредством шарниров изнутри тульи. (Миниатюры «Романа об Александре» — 1338–1344 гг., Фландрия; Хольхэмская Библия, 1330–1340 гг., Англия.)

Прикрытие корпуса: состоит из акетона и бригандины.

Бригандина: приталенная с застежкой вдоль спины. Перед набран из горизонтальных стальных полос и большого монолитного нагрудника. Спина набрана из серии прямоугольных и трапециевидных стальных пластин. Несущая основа покрыта желтым бархатом. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.).

Акетон с нашитыми фрагментами кольчуги на подмышках, локтевых сгибах и подоле.

Прикрытия рук: состоят из наплечников, плечевых щитков, налокотников, наручей и перчаток.

Наплечники: подтреугольные стальные пластины со значительной степенью выпуклости. Крепятся к бригандине посредством кожаных изнаночных петель. Окантованы по периметру фигурной кожаной полосой, предохраняющей тканевую основу плечевых щитков от повреждения краем наплечника. Снабжены застежками для соединения с плечевыми щитками. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.; вещественный аналог в собрании Парижского Музея армии.)

Плечевые щитки: бригандинные, имеют замкнутую трубчатую конструкцию с аркообразными функциональными вырезами над локтевыми сгибами и подмышками. Крепятся к акетону посредством шнуровки и к наплечникам посредством застежек.

Налокотники: закрывают сустав с трех сторон. Имеют подконическую форму со слегка скругленными образующими. Заходят под плечевой щиток, где фиксируются посредством шнуровки. Имеется застежка на ремне вокруг руки. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.).

Наручи: латные, двустворчатые на петлях и застежках. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Перчатки: конструктивно состоят из трех деталей, не считая прикрытия пальцев. Собственно кисть, включая основание большого пальца, закрывает анатомическая монолитная стальная пластина, которая зафиксирована на кожаной подоснове посредством заклепок. Под нее заходит узкая прямоугольная переходная пластина. Поверх нее подвижно на заклепках и кожаной основе укреплена двучастная латная крага. Пальцы прикрыты чешуйчатыми накладками. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.; аналог — перчатки из раскопок захоронений при Визбю, 1361 г.)

Защита ног: состоит из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренники: бригандинные с длинной стеганой подкладкой, заходящей под наколенник. Пришнурованы к акетону. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Наколенники: конструктивно состоят из трех деталей, собранных на несущих внутренних ремнях и шарнирах. Собственно наколенник закрывает колено с трех сторон. Обводы профиля формируются двумя образующими с незначительной степенью выпуклости, которые, идя сверху и снизу, соединяются под тупым углом в центре по линии горизонтального ребра жесткости, наведенного методом чеканки. Снаружи наколенник снабжен защитным боковым крылом овальной формы. Наколенник дополнен узкой прямоугольной переходной пластиной на шарнирном креплении к основной детали. Далее идет широкая трапециевидная пластина с отвальцовкой наружу по нижнему краю и аналогичной задней створкой. Сверху наколенник крепится к основе набедренника посредством заклепок. Сзади наколенник притянут к ноге крепежным ремнем. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Наголенники: латные, анатомические, конструктивно состоящие из двух деталей — задней и передней створок. В верхней части они заходят под наколенники. В нижней части опускаются по бокам почти до конца стопы, образуя спереди арковидный вырез для стопы. Верхний и нижний края обеих

Миниатюра «Романа об Александре». Фландрия, 1338 – 1344 гг.

створок снабжены отвальцовкой наружу, для придания жесткости. По внешнему краю имеются две встроенные стальные петли. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Сабатоны: латные башмаки. Сформированы тремя рядами прямоугольных пластин, зафиксированных на поверхности несущей подосновы посредством заклепок. Кожаная основа после монтажа пластин нашивается на башмак. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Щит: треугольный тарч, плавно изогнутый в двух плоскостях для лучшего отражения копейного удара. (Миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Меч: поясной, одноручный, с дисковидным навершием.

Кинжал: базелард с короткой изогнутой гардой.

Прилучный меч: достигает размеров около 1500 мм. (Надгробие Рене фон Фалькенбурга, 1342 г.)

Копье: древко достигает 3–3,5 м. Наконечник вытянуто-треугольный, перо четырехгранного сечения. Сзади древко снабжено стальным втоком.

Снаряжение коня состоит из двучастной кольчужной попоны и наглавника.

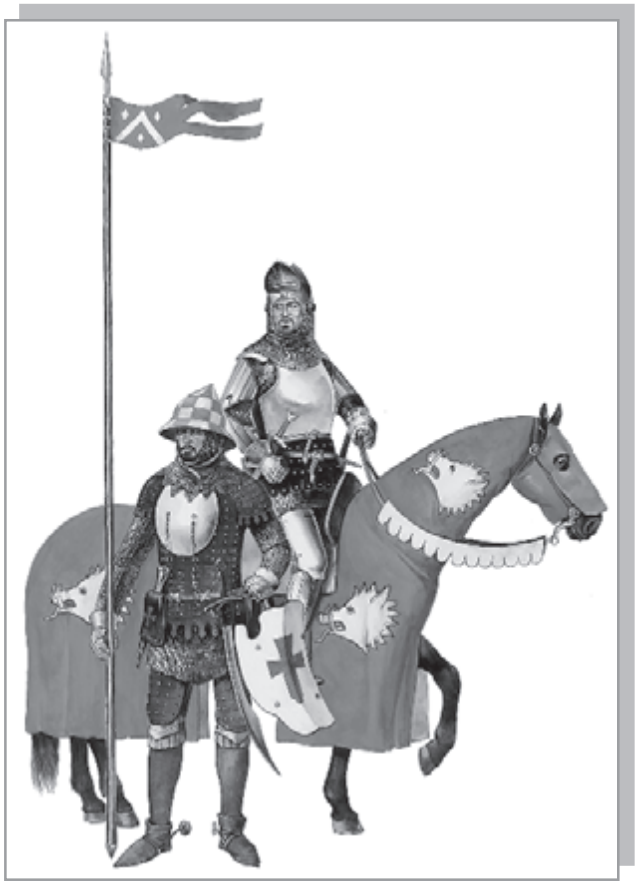
Наглавник: крупная стальная пластина, защищающая всю голову лошади спереди и с боков, снабжена перфорированным прикрытием глаз и носа. Отдельно укреплены посредством заклепок трубчатые прикрытия ушей. Сзади наглавник продолжен нашейником из серии прямоугольных пластин. (Собрание Вулвичского замка, 1350 г., Англия, Фландрия (?); миниатюры «Романа об Александре», 1338–1344 гг.)

Попона: состоит из двух кольчужных полотнищ, надетых поверх стеганых подкладок (аналог — одночастная попона из собрания графа Нессельроде XIV в. (?)).

Эволюция германского рыцарского доспеха

1360–1370 гг.

Вторая половина XIV столетия явилась переломным моментом в истории рыцарского снаряжения и прежде всего доспеха. 1250–1350 гг. были своего рода инкубационным периодом, когда зарождалось новое защитное снаряжение на основе пластинчатого доспеха. К 1380–1400 гг. сторонний наблюдатель с высоты веков со всей ясностью видит окончательно сформировавшееся оборонительное вооружение, основным линиям которого будет следовать доспех всю свою последующую историю. Короткий двадцатилетний период 1360–1370 гг. стал временем, когда ранний пластинчатый доспех еще не окончательно вступил в эру развитого «белого» доспеха. Тем не менее дыхание перемен уже ощущалось. В момент недолгого балансирования на грани старого и нового свет увидел невероятное разнообразие защитных приспособлений самых различных конструкций и геометрических очертаний. Данный раздел посвящен основным тенденциям эволюции доспеха конного воина 1360–1370 гг. на примере материалов Священной Римской империи германской нации.



Европейскому защитному вооружению рассматриваемого периода можно дать следующие общие характеристики: во-первых, это повсеместный и стремительный переход к полному латному доспеху; во-вторых, окончательное складывание специфических местных форм защитного снаряжения; в-третьих, постепенное понижение роли средств динамической обороны — щитов. Как отмечалось выше, смешение старых и новых тенденций в развитии доспеха породило максимальное разнообразие защитных средств за всю историю. Именно в рамках этого изобилия форм и конструкций и стало возможным выделение нескольких крупных школ производства и употребления доспеха. В начале XIV в. в Европе, несомненно, существовали некоторые национальные особенности оборонительного вооружения. К середине столетия они проступают все более явственно. В 1360-х гг., благодаря выдающемуся многообразию видов и типов, стало возможным относительно точное определение главных национальных черт защитных комплексов. Германия занимала центральное географическое положение в Европе. На ее землях пересекались воздействия самых разнообразных культур и мод. Кроме того, чрезвычайно обширные территории создавали предпосылки для появления локальных, внутригерманских культурных особенностей. Все это обусловило то, что германский доспех 1360–1370 гг. отличался наибольшим в Европе разнообразием форм и конструкций. Остановимся на германском рыцарском снаряжении подробнее.

Бацинет с забралом «хундсгугель». 1370 — 1380 гг. Налобное крепление забрала типа «клапвизир». Подвеска бармицы на цилиндрическких втулках — типичная германская черта

Эволюция боевых наголовий привела к созданию весьма совершенных и надежных защитных конструкций в последней трети XIV столетия. Это привело к окончательному уходу большого шлема из боевого обихода. Отныне он стал почти исключительно турнирной и церемониальной принадлежностью. Развитие рафинированной турнирной традиции в это время требовало специального снаряжения. Большой шлем стал первой разновидностью специальных турнирных наголовий. Его дальнейшая эволюция породила хорошо известный шлем «жабья голова». Некоторые изображения больших шлемов начала XV в. можно однозначно охарактеризовать как «жабьи головы». Имеется также и вещественное свидетельство — большой шлем Генриха V Английского 1410—1420 гг. Германия и особенно ее восточная часть, известная своим традиционализмом, видимо, дольше всех сохраняла большой шлем в качестве боевого. При раскопках замка Таненберг, разрушенного в 1390 г., был обнаружен большой шлем, который предположительно мог употребляться в бою.

Рельеф. Бамбергский собор, 1370-е гг.

В 1360—1370 гг. бацинет окончательно утверждается как основное военное наголовье конницы также и в Германии. В рассматриваемый период бацинеты приобрели очень развитые и совершенные формы. Они стали оснащаться глубокими назатыльниками, которым могла придаваться изогнутая анатомическая форма, повторяющая очертания основания черепа и шеи для максимального удобства ношения. Основным приемом соединения конструктивных элементов тульи этих шлемов был метод кузнечной сварки. В Германии (и Италии) периодически встречаются изображения клепаных бацинетов, что, видимо, было исключением. Можно выделить несколько основных типов бацинетов, исходя из формы тульи. Во-первых, бацинеты с куполовидной тульей или куполовидные бацинеты. Во-вторых, полусферические бацинеты. В Германии описываемого периода они не были распространены, судя по наличествующим источникам. Полусферическими могли быть малые бацинеты, так называемые «цервильеры». В-третьих, пилотковидные бацинеты. Отличались приостренной, куполовидной формой в анфас, с выраженным медиальным ребром. В профиль же они имели скругленную, полусферическую или более вытянутую яйцевидную форму. В-четвертых, бацинеты со смещенным назад верхом. Стремление повторить или приблизиться к форме человеческого черепа заставляло сдвигать назад острие шлема. В конце концов к 1380—1390 гг. задняя образующая зачастую составляла прямую линию от основания до верхушки тульи. В 1360 г. этот процесс

Полутораручный меч — так называемый «бастард». Вторая половина XIV в. Германия

только начал набирать обороты, и верх смещался назад не более чем на три четверти длины шлема. В Священной Римской империи данная разновидность шлема была наиболее распространена в рассматриваемый период. Интересной разновидностью были шатровидные или цилиндро-конические бацинеты. Коническая или воронковидная тулья у них с выраженным углом перехода продолжалась вниз цилиндрическим или усеченно-коническим венцом. Данная форма не была распространена в Германии, кроме восточных земель. Это же касается и сфероконических бацинетов.

Забрала приобрели в это время очертания со значительной степенью выпуклости. Для придания лучшей обтекаемости и усиления отражающего эффекта, а также чтобы максимально удалить поверхность забрала от лица владельца, в 1360–1370 гг. они все больше вытягиваются и заостряются в центре. Результатом этого процесса стало появление в 1380-х гг. (не исключено, что и в конце 1370-х гг.) забрал с конической или подконической передней частью. За внешнее сходство их прозвали «собачьими головами», или «хундсгугель». В 1370 гг. уже существовали переходные формы от обычного забрала к хундсгугелю. Например, забрало из музея кантона Золотурн (Швейцария) так подано вперед, что почти образует конус.

Наряду с традиционными забралами с двухточечной шарнирной подвеской на височных долях тульи появились забрала с одноточечной подвеской на петле в лобной части тульи. Такая конструкция называлась в Германии термином «clapvisier» — «клапвизир». Судя по дошедшим до нас шлемам и надгробным изображениям, подобные забрала были наиболее распространены на территории Священной Римской империи. Появились они, скорее всего, в Северной Италии, где подъемные наносники на шарнире в лобной части шлема были известны с 1330–1340 гг. В Германии была распространена другая система крепления подвижного наносника. Имеются в виду откидные носовые пластины, нижний край которых крепился к бармице, а верхний вдевался в скобу или на поворотный шкворень над лицевым вырезом. Синтез обеих систем привел к появлению забрал «клапвизир», максимальное распространение которых было связано, в первую очередь, с германским рыцарством. Эволюция клапвизира и привела к появлению хундсгугелей. По крайней мере, забрало из Золотурна и прочие однотипные забрала имеют именно такую конструкцию подвески к шлему.

Шея и плечи прикрывались бармицей, которая в рассматриваемом регионе в это время была почти исключительно кольчужной. Некоторые бацинеты с достаточно глубокой назатыльной частью могли употребляться вообще без бармицы, так как полностью закрывали шею. Наибольшее распространение данный вид приобрел в Италии. Бармица могла иметь внешнюю или внутреннюю подвеску[1]. Внешняя подвеска характерна для большинства шлемов, происходящих с территории империи. Она осуще-

[1] Все описываемые способы подвески бармицы появились в конце XIII — начале XIV вв., когда бацинеты вошли в широкий обиход.

ствлялась посредством пришивки кольчужной сетки к кожаной полосе, которая, в свою очередь, надевалась на ряд втулок вдоль нижнего края шлема и лицевого выреза. Через втулки пропускался толстый и прочный кожаный шнур, который фиксировал полосу с бармицей. Для Германии были характерны втулки в виде длинных круглых или пятигранных трубок, приклепанных к тулье, в отличие от итальянских шлемов с массивными, короткими сферическими втулками. Внутренняя подвеска осуществлялась посредством приклепывания кожаной полосы к тулье изнутри. К полосе подшивалась кольчужная бармица.

Надгробие Бурхарда фон Штейнберга. 1379 г. Особый интерес на надгробии представляет анатомическая «мускульная» кираса наподобие античных тораксов. Вооружение дополняют шинно-бригандинные наручи — известные в основном по надгробиям семейства Шварцбургов

Шапель-де-фер (или шлем с полями) продолжал пользоваться успехом у конников. Традиционно его использовали воины, которым не грозила непосредственная копейная сшибка. Это были представители легкой конницы — стрелки, а также бойцы из задних рядов конных батальонов. То есть все те, кому было необходимо свободно ориентироваться на поле сражения во время дистанционного боя или ближнего боя с использованием клинкового и ударного оружия. Отметим, что такой порядок не являлся правилом, а только намечающейся тенденцией. Конники задних рядов часто использовали бацинеты с забралом, а в передних шеренгах могли носить и шапель, особенно если он был снабжен подбородной пластиной. Все перечисленные категории воинов могли также носить бацинеты без забрала.

В 1360–1370 гг. конница в Германии, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, использовала почти исключительно шапели с куполовидной или сфероконической тульей. Поля для лучшего прикрытия лица и затылка опускались все ниже, пока, наконец, не возникла необходимость в арковидном вырезе в лицевой части, который обеспечивал бы обзор[1].

Прикрытие корпуса в данный период могло осуществляться посредством кольчуги или стеганого панциря — «жака», особенно в среде легкой конницы. Тяжелая конница продолжала употреблять бригандинные доспехи. Эволюция бригандин была обусловлена требованиями к повышению безопас-

Щит с гербом швейцарского семейства фон Фройденберг. Конец XIV в.

[1] Подобные сверхглубокие поля были характерны, в первую очередь, для шапелей итальянского происхождения. Тем не менее они могли иметь хождение и в Германии, особенно в южных землях.

Рельеф. Бамбергский собор, 1370-е гг. Изображение представляет вооружение рядового рыцаря, которое контрастирует со аристократическим снаряжением, изображаемым на богатых надгробиях княжеских и графских семей

ности и удобства употребления. Последнее условие нашло реализацию в приталивании бригандин за счет точной подгонки по фигуре. Приталенные бригандины появились в широком ходу в Германии в 1340-е гг. За подобной формой в историографии укрепился описательный термин «песочные часы». В 1360–1370 гг. бригандины «песочные часы» приобрели еще более изящные очертания благодаря более выпуклой нагрудной части, которая контрастировала с узкой талией. Тогда же появился несколько иной Х-образный силуэт бригандины. В данном случае переход от нагрудной части к подолу осуществлялся не плавно, а резко — через выраженный угол на талии. Продолжали употребляться и старые «не модные» бочкообразные бригандины, которые, невзирая на кажущуюся неуклюжесть и архаичность, обладали отменными боевыми качествами.

Надгробие графа Герхарда фон Юлиха и Гемелина. Конец XIV в.

Эволюционные изменения пластинчатого набора бригандин были подчинены двум основным тенденциям. Во-первых, укрупнение пластин и создание все более жесткой и монолитной защиты. Появление Х-образного силуэта и выпуклогрудых «песочных часов» было связано именно с этой тенденцией. Она закономерно привела к появлению монолитного нагрудника, который, увеличившись в размерах, стал прототипом кирасы. Шагом, непосредственно предшествовавшим ее появлению, стало введение в 1360-х гг. (возможно, что и в конце 1350-х гг.) монолитного нагрудника, зафиксированного поверх несущей основы бригандины. Изначально это были небольшие пластины наподобие ранних русских зерцал. Они закрывали пространство от горловины до диафрагмы. Приведем в качестве примера статую св. Георгия из Бамбергского собора, 1360–1370 гг., а также надгробие неизвестного рыцаря того же периода. Скоро нагрудник увеличился еще больше, закрыв также и область диафрагмы, как показано на надгробии Альберта фон Лимбурга 1374 г. из Вюртемберга. Все описанные нагрудники входили в состав бригандин с силуэтом «песочных часов». Все они имели внизу продолжение из одной-трех горизонтальных полос, которые плавно переходили в подол аналогичной конструкции. Спина прикрывалась небольшими прямоугольными и трапециевидными пластинами, набранными горизонтальными рядами. С введением кирасовидного нагрудника, который закрывал корпус до талии, связано появление Х-образных бригандин, ибо с ним отпала необходимость в серии переходных полос на талии. Нагрудник продолжался непосредственно подолом, который обычно состоял из пяти полос, редко больше. Самое раннее изображение — это надгробие баварского рыцаря Конрада фон Сайнсхайма 1369 г. в Швайнфуртской церкви. Аналогичное изображение относится к 1376 г. Это надгробие Конрада фон Лимбурга (родного брата Альберта). Отметим, что кирасовидный нагрудник мог устанавливаться и на изнанке тканевой основы в традиционной для бригандин манере. Например, замечательный доспех (к сожалению, сохранилась только передняя часть) из баварского Национального музея, Мюнхен, 1370–1380 гг. Он имеет несомненное итальянское происхождение. Подобные примеры во множестве встречаются в итальянском искусстве этого периода. Бригандины же с «белым» нагрудником — яркая отличительная черта германского доспеха. Упразднение тканевой основы и непосредственное

Надгробие Рудольфа фон Саксенхаузена. 1371 г. Франкфурт-на-Майне

соединение конструктивных элементов между собой привели к появлению кирасы в полном смысле слова. Введение кирасы можно датировать концом 1370 г. Интересным и необычным для столь раннего периода является свидетельство надгробия Бурхарда фон Штайнберга 1379 г., Хильдесхайм. Рыцарь облачен в мускульную кирасу, наподобие античных тораксов, которая дополнена ламинарным подолом[1].

Вторая тенденция в развитии пластинчатых наборов имела противоположенную направленность. Она заключалась в создании максимально гибкой и легкой защиты. Панцири выкладывались мелкими пластинами, число которых все увеличивалось и могло достигать 600–700 штук. Характерным примером служит доспех из братских могил под Визбю 1361 г.

Известны пять основных типов выкроек тканевых основ бригандин, распространенных в большей или меньшей степени в Германии этого периода. Первый — с асимметричной застежкой. Застежка осуществлялась на одном боку и плече. Или на обоих боках и плече. Второй — задняя застежка посредством клапанов, заходящих на наспинник. Оба типа были относительно слабо распространены в 1360–1370 гг. В любом случае прогрессивной чертой они уже не являлись и доживали последние годы в боевом обиходе[1]. Третий тип — застежка по бокам, то есть выкройка наподобие «пончо». Употреблялась, судя по всему, преимущественно на бригандинах из мелких пластин. Четвертый — медиальная застежка сзади с фиксацией на плечах. Пятый — аналогичная медиальная застежка спереди. Последние два типа были наиболее распространены. В первую очередь, такая выкройка (особенно с застежкой сзади) сопровождала бригандины из горизонтальных полос с монолитным нагрудником.

Рассмотрим комплекс прикрытия рук и ног. Конструктивная эклектика 1360–1370 гг., в первую очередь, отразилась на этих боевых средствах.

[1] В данном единичном для XIV в. случае имеет место подражание античному искусству. Феномен этот характерен скорее для оружия, начиная со второй четверти XVI в., причем парадного, а не боевого.

[1] В Восточной Европе такие доспехи продолжали употребляться вплоть до начала XV в. Например, в Польше найдена одна бригандина с клапаной задней застежкой.

Шапель-де-фер. Вторая половина XIV в. Нюрнберг, Национальный Германский музей. По периметру полей хорошо видна отвальцовка, служащая для придания жесткости конструкции

Надгробие графа Иоганна фон Кацнеленбогена (ум.1353). Изготовлено надгробие не ранее 1360-х гг. Эбербах

Особенно ярко данное положение прослеживается на примере германского доспеха. Руки все еще могли полностью прикрываться кольчужными или даже стеганными покровами (кольчужными рукавами или рукавами акетона) даже в случае с тяжелой рыцарской конницей. Предплечья прикрывались наручами. Латные наручи этой эпохи приобретают сложные анатомические «тюльпановидные» очертания для наилучшей пригонки к руке владельца. Помимо латных, в ходу остаются шинные, бригандинные, шинно-бригандинные конструкции. Суставы закрываются выпуклыми стальными пластинами. Налокотники в рассматриваемое время почти исключительно трехсторонние с боковыми защитными крыльями различных форм. Наплечники в Германии, как правило, в сравнении с ламинарными наплечниками итальянского происхождения, остаются архаичными — в виде крупных монолитных выпуклых пластин. Локти и плечи могли прикрываться удлиненными конструктивными элементами плечевых щитков и (или) наручей. Во второй половине XIV в. прикрытия рук стали соединять в единый защитный комплекс. Причем для исконного германского вооружения был характерен метод фиксации деталей на внутренних несущих ремнях, а для итальянского — посредством шарнирных соединений. Кисти рук закрывались перчатками. С середины XIV в. появляются и к 1360-м гг. входят в повсеместный обиход латные перчатки с прикрытием кисти монолитной конструкции и короткой крагой. За внешнее сходство за ними укрепился термин «песочные часы» (не путать с бригандиной).

Защита ног развивалась аналогично. Большинство исследователей справедливо констатируют некоторое эволюционное опережение по сравнению со средствами защиты рук. Например, латные поножи обязательно имели развитые, геометрически сложные анатомические наголенники и набедренники, в отличие от защиты рук только с наручами анатомических форм.

Комплекс защиты рук и ног в Германии отличался наибольшим количеством сочетаний различных конструкций. Самые передовые средства могли сочетаться с самыми архаичными. Например, на надгробии Гюнтера XXIII фон Шварцбурга из Франкфурта-на-Майне (1370 г.) развитые латные поножи сочетаются с шинно-бригандинными наручами и кольчужной защитой плеч. Схожая ситуация с надгробием Бурхарда фон Штайнберга — плечевые щитки латные, одностворчатые (см. выше). Надгробие 1372 г. Гартмана фон Кронеберга представляет развитые анатомические латные поножи в сочетании с кольчужными плечами и одностворчатыми латными наручами без налокотников.

Вообще, при изучении защитного вооружения Европы 1360–1370 гг. необычные конструктивные решения и сочетания защитных приспособлений для рук и ног зачастую помогают с большой долей уверенности выявлять экспортные германские доспехи или доспехи, изготовленные под влиянием германского стиля. Например, английское надгробие сэра Томаса Чейна 1368 г. изображает полное латное бронирование рук с ламинарными наплечниками и налокотниками на шарнирах в сочетании с бригандинными набедренниками и шинными наголенниками.

Цветная вкладка *(стр. 52)*

На реконструкции представлены германские рыцари 1360–1370 гг.

Фигура на коне изображает тяжелое снаряжение, характерное преимущественно для аристократов или воинов из их свит, а также рыцарей из богатых торгово-ремесленных городов. Основа реконструкции — надгробие Конрада фон Сайнсхайма, 1369 г., Швайнфурт.

Прикрытие головы: куполовидный бацинет монолитной конструкции с забралом «клапви-

зир». Забрало съемное. Крепится в налобной части посредством скобы и поворотного шкворня. (Надгробие Альберта фон Лимбурга, 1374 г.; прямой аналог — бацинет, приписываемый королю Польши Казимиру, 1360–1370 гг.)

Бригандина: имеет вертикальную медиальную застежку на спине и две горизонтальные застежки на плечах. Нагрудник кирасовидный укреплен поверх основы посредством заклепок. Силуэт доспеха Х-образный. Подол из пяти полос. Наспинная часть набрана из трапециевидных пластин. (Надгробие Конрада фон Сайнсхайма.)

Прикрытие рук: конструктивно состоит из наплечников, плечевых щитков, наручей и перчаток.

Наплечники: имеют монолитную конструкцию. Форма пластины пятиугольная с незначительной степенью выпуклости. Зафиксирована на поверхности бригандины посредством навесной петли.

Плечевые щитки: шинные. Имеют замкнутую трубчатую конструкцию Сформированы набором из широких, изогнутых в одной плоскости, горизонтальных полос. Зафиксированы поверх рукава кольчуги посредством шнуровки в верхней и нижней части. Заходят на область локтя сверху, накрывая окончания наручей.

Наручи: шинные с застежкой. Имеют анатомическую форму и закрывают локоть.

Перчатки: латные, «песочные часы». Пальцы защищены крупными длинными пластинами с выпуклыми прикрытиями суставов. (Надгробие Конрада фон Сайнсхайма.)

Прикрытия ног: конструктивно состоят из набедренников, наголенников и сабатонов.

Набедренники: латные, анатомические. Выполнены монолитно с наколенниками. Закрывают ногу спереди и с боков. В области колена имеют выраженную выпуклость. Нижний край имеет вид узкого фигурного бортика. Зафиксированы на ноге посредством застежки. Пришнурованы к акетону. Надеваются поверх стеганой подкладки.

Наголенники: анатомические, шинные. Застежка сзади.

Бацинет. Вторая половина XIV в. Нюрнберг, Национальный германский музей

Латная перчатка (изнаночная сторона). 1370 — 1390 гг. Нюрнберг, Национальный германский музей

Сабатоны: ламинарные. (Надгробие Конрада фон Сайнсхайма.)

Наступательное оружие представлено мечом и кинжалом «базелард» с «антенновидным» эфесом.

Вторая фигура представляет вооружение рядового рыцаря. Основа реконструкции статуя св. Георгия 1360–1370 гг. из Бамберга.

Прикрытие головы: кольчужный капюшон и шапель-дефер.

Шлем имеет массивную сфероконическую тулью с коротким шпилевидным увенчанием. Поле приспущено под значительным углом, кроме лицевой части, где оно поднято выше для обеспечения обзора.

Прикрытие корпуса: бригандина поверх акетона с пришнурованными кольчужными элементами — подолом и рукавами.

Бригандина: приталенная, «песочные часы», имеет вертикальную медиальную застежку на спине и две горизонтальные застежки на плечах. Нагрудник укреплен поверх основы посредством заклепок. Имеет выраженную выпуклость. Формирует защиту от области диафрагмы до горловины. Продолжен горизонтальными полосами на талии (три штуки) и подоле (пять штук). Бригандинные наплечники выполнены зацело с панци-

рем. (Статуя св. Георгия, 1360–1370 гг., Бамберг.)

Прикрытия рук: кольчужные рукава и перчатки.

Перчатки: латные, «песочные часы». Прикрытие кисти имеет монолитную конструкцию. Пальцы закрыты небольшими стреловидными чешуями. (Статуя св. Георгия 1360–1370 гг., Бамберг.)

Прикрытия ног: набедренники. Набедренники бригандинные, трехсторонние. Закрывают ногу до колена включительно. Внизу продолжены двумя переходными пластинами, соединенными посредством шарниров. Переходные пластины не покрыты тканью и закрывают верх голени. Под набедренники подведена стеганая подкладка. (Статуя св. Георгия, 1360–1370 гг., Бамберг).

Щит: сложнофигурный тарч с вырезом под копье. (Статуя св. Георгия, 1360–1370 гг., Бамберг.)

Наступательное оружие: копье, кинжал и фальшион.

Копье: наконечник четырехгранный вытянутотреугольной формы. К древку под наконечником подвязан прапорец с гербом владельца.

Фальшион: клинок саблевидный с выраженной елманью на $^{1}/_{4}$ длины клинка. Вдоль обуха идет узкий дол. Гарда в виде простого перекрестья с кольцом для продевания указательного пальца со стороны лезвия.

Чешский рыцарь

Конец XIV в.

Чехия, как и другие государства Центральной и Восточной Европы, существовала в условиях, в определенной мере отличающихся от реалий Западной Европы. Это создало предпосылки к появлению некоторых особенностей в социально-политическом развитии и, как следствие, в военном деле. Определяющую роль в жизни Чехии играло то, что она лежала в сфере непосредственных интересов Германии. Король Чехии был одним из курфюрстов Священной Римской империи. В результате в Чехии оседала масса германских колонистов — от крестьян до дворян и купцов, которые постепенно занимали ведущее положение в стране. Положение усугубилось в конце XIII в., когда после битвы при Мархфельде 1278 г. Рудольф Габсбург стал королем Чехии. В первой половине XIV столетия Чехия стала частью владений Люксембургской династии. В 1356 г. король Чехии Карл I Люксембург стал германским императором. Это привело к увеличению удельного веса германцев в среде королевских чиновников, городского патрициата, купцов и духовенства, что вызвало закономерное недовольство исконного чешского населения и привело к взрыву в начале XV в., когда началось гуситское движение. Таким образом, конфликт универсалистских тенденций империи и местных национальных устремлений играл важную, если не сказать, определяющую роль в социально-политической обстановке в Чехии.

Попытаемся описать особенности развития чешского королевства в XIII—XIV вв. В первую очередь, необходимо затронуть аспекты, непосредственно или косвенно касавшиеся рыцарского сословия — главной военной силы государства.

Экономической базой военной мощи Чехии, как и во всей Европе, было крестьянство. Крестьянство находилось в феодальной зависимости, то есть в значительной мере было прикреплено к земле. Дворянин получал со своего надела ренту, благодаря которой мог вооружать себя и своих людей. Такова была традиционная схема. В ней к XIII—XIV вв. наметились определенные перемены. В эпоху классического и позднего Средневековья

в Чехии широко распространилось латифундиальное землевладение высшей аристократии. Магнаты постепенно обретали права судебного и податного иммунитета. На раннем этапе это вызвало закабаление крестьян и усиление налогового гнета. Следствием явился подъем классовой борьбы, вылившийся в массовые побеги, переходы крестьян, а также в серию восстаний, которые часто становились предметом разбирательства высших королевских чиновников. В XIII—XIV вв. чешское дворянство оказалось активно вовлечено в обще-

европейский процесс становления и распространения товарно-денежных отношений. Потребность в наличных деньгах заставила пересмотреть отношения с крестьянством. Практика отработок и натурального оброка практически исчезает. Их заменяет денежная рента. Обычным становится освобождение крестьян и переход их на наследственное держание на основе аренды[1]. Этот процесс усиливается значительным притоком иностранных колонистов, преимущественно из Германии, которых привлекали для заселения пустующих земель с гарантией благоприятных условий держания. Отличительными чертами крестьянского общества в Чехии были личная свобода и денежная рента, важнейшим итогом данных социальны х перемен стала нивелировка внутрисословных градаций крестьянства и создание единого в правовом отношении класса.

Другой важной составляющей экономики страны были города. Они же обеспечивали значительные военные резервы, в том числе конные, за счет городовых ополчений и наемников, которых богатые торгово-ремесленные центры могли выставлять в большом количестве. Города являлись третьей военно-политической силой в королевстве вместе с королем и шляхтой. В XIV в. из-за политики Люксембургов, носившей

Фрагмент семейной иконы Яна Оско из Вилсема. 1370 г. Национальная галерея Праги. Обращает внимание архаичное для этого периода кольчужное вооружение

экспансионистский и иногда антигородской характер, в городах усилились социально-экономические и межэтнические противоречия. В результате города, наряду с мелким и средним рыцарством, стали одной из главных движущих сил гуситского движения, которое прославило военное дело Чехии.

В положении профессиональных воинов — чешского рыцарства — произошли значительные изменения. С некоторым запозданием, относительно Западной Европы, в XII—XIII вв. развернулся процесс превращения их в феодалов — собственников земли. Отметим, что часть раннесредневекового воинства не смогла обзавестись землей с зависимым населением и вернулась в исходное крестьянское состояние. Некоторые из них пополнили ряды магнатских клиентел[1]. Другие стали обрабатывать землю своим трудом, превратившись в так называемую «загородовую шляхту», количество которой в Чехии, правда, было очень невелико. Характеризуя основные черты сословного положения рыцарства в Чехии, выделим следующие основные черты. Во-первых, сложился и получил законодательное выражение комплекс прав и обязанностей феодальных землевладельцев. В письменной форме они отразились в привилегиях короля Яна Люксембургского 1311 г.[2]. Феодалы получили права налогового иммунитета, которые со временем все расширялись. Значительная часть продуктов и денеж-

[1] Так называемый «эмфитевсис», или «эмфитевтическое право», — аналог французской цензивы. Подобная форма использования крестьянского труда была выгодна прямым денежным доходом. Кроме того, снижались убытки от возможных восстаний и массовых побегов зависимого населения.

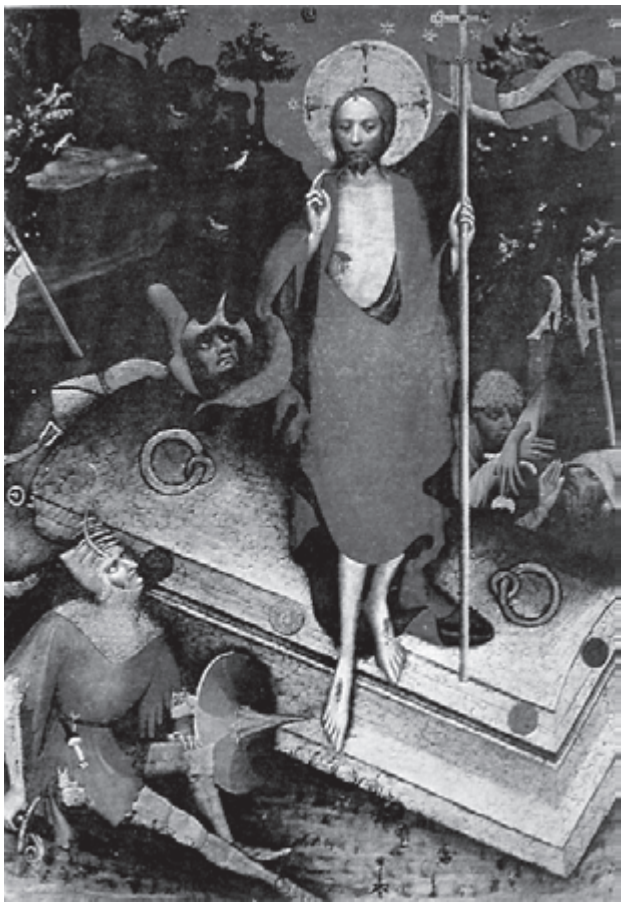
[1] Клиентела (*лат.* clientela) — форма взаимоотношений между патроном и клиентами.

[2] Привилегии эти, видимо, не содержали никакого юридического новаторства, а отражали уже существовавшие нормы права.

ных средств, поступавших от крестьян, оставалась в руках дворян. Господская запашка, очевидно, налогом вообще не облагалась. Денежный налог был очень невелик и приобрел фиксированную форму относительно количества дворов в том или ином владении. В Чехии главный поземельный налог «берна» взимался в размере 33 грошей со двора. Причем с 1311 г. он мог взиматься только при коронации, браке короля или его детей. Отдельной статьей шли повинности, связанные с обороной страны — строительство мостов, дорог и крепостей. Утвердилось право феодалов на использование всех ресурсов своих наделов. В первую очередь, землевладелец получал право полного распоряжения землей, включая право продажи и наследования[1]. Добавим сюда право охоты, обустройства мельниц, трактиров, торговых мест и т. д. В результате этого поступления в казну резко сократились, финансовое могущество же феодалов, напротив, возросло. Землевладельцы конституируются в особое сословие с иным функциональным положением в обществе, по сравнению с воинами раннего Средневековья. Во-вторых, значительно изменилось главное обязательство воинов — нести службу в оплату земельного надела. Теперь несение службы ограничилось территорией страны. В случае заграничного похода рыцарь должен был получать денежное вознаграждение. На государственную власть возлагалась обязанность выкупа феодала из плена и возмещение убытков пострадавшему в походе лицу.

Отметим, что описанные привилегии касались в основном крупных феодалов. Мелкая и средняя шляхта, обойденная королевскими милостями, шла на конфликты с магнатами за сохранение собственности. Борьба мелкого рыцарства за сохранение и приобретение собственности приобретала характер сопротивления сосредоточению в руках аристократии всей полноты административной власти. Конфликтная ситуация усугублялась и межэтническими разногласиями чехов с германскими землевладельцами. Засилье германского духовенства также отнюдь не умиротворяло местное чешское население. Кроме того, практика взимания церковной десятины вытягивала значительные денежные средства из чехов (в первую очередь — из рядовых землевладельцев) и сосредотачивала их в руках церкви, которая в значительной мере контролировалась германцами. Все это привело к требованиям церковной реформы, высшим выразителем которых был Ян Гус. Реформаторская программа стала идеологической базой гуситского антигерманского движения.

Внешняя политика Чехии XIII—XIV вв. также во многом определялась усиленной германской экспансией. Чехия формально была имперским курфюршеством, однако ее короли неоднократно пытались включить страну в иные государственные образования. Вспомним державу Пржемысла II (Отокара) или попытки объедине-



Воскресение Христово.
Тржебоньский алтарь. 1380-е гг.

[1] Государству отходили только выморочные земли, т. е. земли умершего, у которого либо нет наследников, либо они лишены наследователем наследства или отказались от него.

Статуя короля Отокара II. Начало XV в.

ния с Польшей и Венгрией. Все попытки не имели решительного успеха. Только движение гуситов, предпосылки которого закладывались во второй половине XIV в., смогло укрепить международный авторитет Чехии и дать толчок ее самостоятельному развитию.

Тактика боя чешского рыцарства вряд ли чем-то отличалась от общеевропейской в ее германском исполнении, по крайней мере, до начала XV в. Характерной чертой германской тактики было, как отмечалось в предыдущих разделах, использование клинообразного построения конных полков. На знакомство чехов с подобной тактикой косвенно указывает рассказ Яна Длугоша о Грюнвальдской битве 1410 г. Хоругви войск антитевтонской коалиции, по его описанию, строились «клиньями», причем, видимо, имелись в виду именно клиновидные колонны, а не простое обозначение конных отрядов. Отметим, что в случае с битвой при Грюнвальде клинья были составной частью линейного построения. Три линии конных хоругвей стояли друг за другом, обеспечивая бой из глубины построения. В Чехии в ходу была, очевидно, и стандартная линейная тактика общеевропейского характера. В битве при Мархфельде 1278 г. рыцари короля Пржемысла II сражались в линейном построении, когда хоругви образовывали единую шеренгу. Каждая хоругвь предположительно имела 2—4-шереножное построение. В тылу стоял общий конный резерв. Аналогично были построены и войска Рудольфа Габсбурга. С большой долей уверенности можно утверждать, что данная схема была общей для всех битв в данном регионе, если, конечно, конницу по тактическим соображениям не выстраивали клином. Могло варьироваться количество шеренг и их взаиморасположение в зависимости от местности и количественного состава войск. Изменяемой величиной был и резервный полк, когда он вообще был в наличии. Известный отпечаток на рисунок боя должно было накладывать и наличие значительных контингентов конных стрелков в чешском войске, количество которых на разных этапах могло колебаться. Тем не менее основной ударной силой, по общеевропейской традиции, всегда оставались конные рыцари и их свиты. В 1420 г. гуситы почти исключительно перешли на применение спешенных рыцарей с опорой на естественные и искусственные укрепления («вагенбург»), что объяснялось ярко выраженной оборонительной направленностью их действий.

Вооружение чехов было полностью интегрировано в центрально-европейскую систему военного дела и военного производства. В конце XIV в. по всей Европе идет быстрый процесс перехода на латные («белые») доспехи, что было связано с дальнейшим усилением наступательных средств. Важнейшим и знаковым нововведением стало появление монолитного стального нагрудника — кирасы в конце 1370 гг. Изначально это был именно нагрудник (без наспинной части), который притягивался к корпусу посредством системы ременной подвески сзади. В конце XIV—начале XV вв. появляется и латное прикрытие спины, присоединенное к нагруднику, то есть кираса в полном смысле слова. Кираса трансформировалась из бригандинного доспеха и постепенно вытеснила его с ведущих позиций. В качестве защиты рук и ног латные конструкции также начинают преобладать. Схожие процессы наблюдались и в восточно-, центрально-европейском регионах, хотя в данном случае приходится констатировать некоторые местные особенности.

Чешское вооружение находилось под сильнейшим германским влиянием. Почти все использо-

вавшиеся фасоны и конструкции оборонительного и наступательного вооружения происходят из областей Германии. Тем не менее известная удаленность от ведущих центров производства оружия заставляла изготавливать его в местных мастерских, что объясняет ряд особенностей снаряжения чешских воинов. Большинство из этого снаряжения по сравнению с Западной Европой носило характер неизбежной архаизации. Так, даже в источниках конца XIV—начала XV вв. имеются ясные указания на широкое употребление кольчужного доспеха. Например, миниатюры Крумловской рукописи начала XV в. часто изображают рыцарей на конях с полной кольчужной защитой рук, что было немыслимо, скажем, в Бургундии того же времени. Прикрытия суставов — налокотники и наколенники — часто носят в отражении центральноевропейских источников крайне неразвитый характер. Нормальным является изображение полных латных анатомических поножей в сопровождении примитивных, мелких полусферических или конических наколенников, как на росписи нефа костела в Римавской Бани, Венгрия, 1380 г. Они, видимо, присоединяются к набедренникам по германской моде посредством несущих внутренних ремней. Вместе с тем встречаются и весьма «продвинутые» комплексы снаряжения, на уровне лучших итальянских или германских образцов. Приведем пример миниатюр Библии короля Вацлава IV Чешского, 1390–1410 гг., которые представляют рыцарей в кирасах, бацинетах и развитых поножах и наручах. Справедливости ради отметим, что, скорее всего, в данном случае имелись в виду импортные предметы снаряжения — на изображениях часто прослеживаются характерные итальянские или германские черты тех или иных элементов вооружения. Другой пример — роспись Тржебоньского алтаря 1380-х гг. Отметим уникальную деталь, которая прослеживается только на этом памятнике. Один из воинов изображен в бацинете с «клапвизиром» в виде решетки, состоящей из одной вертикальной полосы по центру и пяти горизонтальных. Предположительно за пределами Чехии подобные забрала не употреблялись, а в данном регионе были редкостью.

Св. Георгий. Роспись нефа костела св. Бенедикта из д. Гронски, Бенядик, р-н Жяр над Гроном. Конец XIV в. Отметим монолитные коробчатые наколенники и налокотники без боковых крыльев, которые являются, несомненно, архаичной чертой при сравнении с западноевропейскими образцами того же периода

Цветная вкладка *(стр. 53)*

На реконструкции представлен богемский рыцарь в полном доспехе по германской моде 1380–1410 гг. Забрало шлема является ярко выраженной местной чертой. Основа реконструкции — материалы росписи Тржебоньского алтаря 1380-х гг. и миниатюры Библии короля Вацлава IV, 1390–1410 гг.

Шлем: бацинет с забралом «клапвизир». Глубокая тулья имеет куполовидную форму со смещенным назад острием. Присутствует выраженная медиальная грань. Конструкция монолитная. Забрало подъемное, на петле, имеет вид решетки монолитной конструкции с центральной вертикальной полосой и пятью поперечными перекладинами. Оно крепится в налобной части тульи посредством крепежных скоб и поворотной за-

порной пластины сверху. Шлем оснащен бармицей на внешней подвеске. (Тржебоньский алтарь, 1380 г.).

Прикрытие корпуса: латный нагрудник, кольчуга и акетон.

Нагрудник: имеет монолитную конструкцию. Отличается равномерным плавным изгибом по всей длине, что выдает его германское происхождение. По нижнему краю, проймам и горловине идет массивная отвальцовка наружу. Нагрудник закрывает корпус спереди и с боков, доходя до талии. Фиксируется на корпусе посредством ременной подвески сзади. (Миниатюры Библии короля Вацлава IV, 1390–1410 гг.).

Под нагрудник надет декоративный шелковый упелянд (набивная куртка) с фестончатыми широкими и длинными рукавами от плеча.

Прикрытия рук: плечевые щитки, налокотники, наручи и перчатки.

Плечевые щитки: латные, двустворчатые, с отвальцовкой по верхнему и нижнему краю. Внутренняя створка крепится посредством подвижной петли

Статуя св. Вацлава. 1380-е гг. Примитивные кольчужные рукава сочетаются в едином комплексе с развитыми латными поножами и башмаками, что характеризует состояние чешского воинского убора конца XIV в. в целом

и застежки на ремнях и пряжках. Шнуруются к рукавам кольчуги.

Налокотники: имеют монолитную конструкцию. Закрывают сустав с трех сторон. Имеют форму с выраженным заострением и четырьмя гранями, сходящимися в центре.

Наручи: латные, двустворчатые, анатомические. Соединяются с налокотниками и плечевыми щитками посредством внутренних несущих ремней.

Перчатки: «песочные часы». Имеют монолитное прикрытие кисти с короткой крагой и пластинчатые прикрытия пальцев. (Тржебоньский алтарь, 1380 г.).

Прикрытия ног: полностью аналогичны прикрытиям рук. (Тржебоньский алтарь, 1380 г.).

Щит: треугольный тарч с вырезом под копье.

Наступательное вооружение: копье и фальшион.

Фальшион: клинок длинный слабоизогнутый, со скосом обуха у острия. Вдоль обуха имеется узкий дол. Эфес состоит из S-образной гарды, изогнутой в единой с клинком плоскости, рукояти и дугообразного навершия. (Тржебоньский алтарь, 1380 гг.)

Русский «снузник»

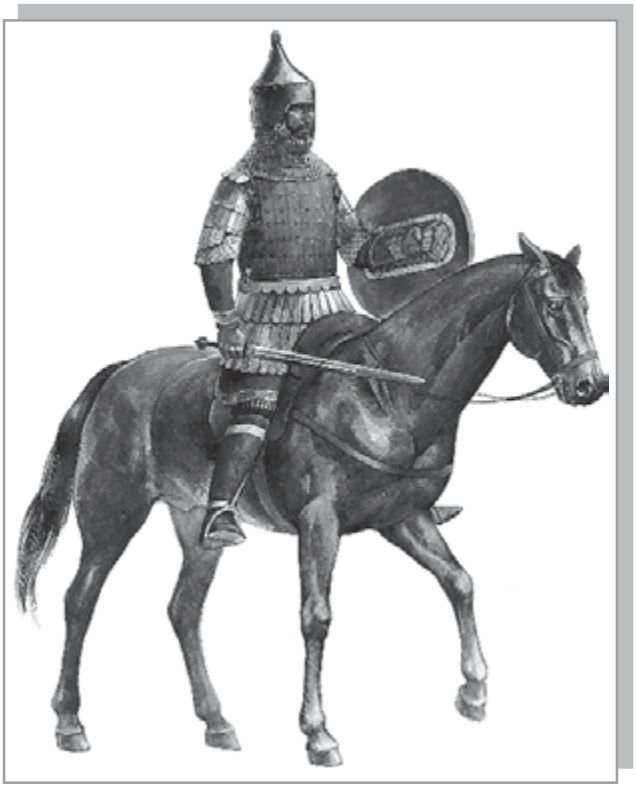
1370–1410 гг.

К середине и второй половине XIV в. на территории Руси складывается обстановка, благоприятствовавшая политической консолидации удельных княжеств. Золотая Орда, препятствуя черезмерному усилению тех или иных земель, неосознанно создала предпосылки для выхода на политическую арену новой силы, способной собрать разрозненные княжества воедино.

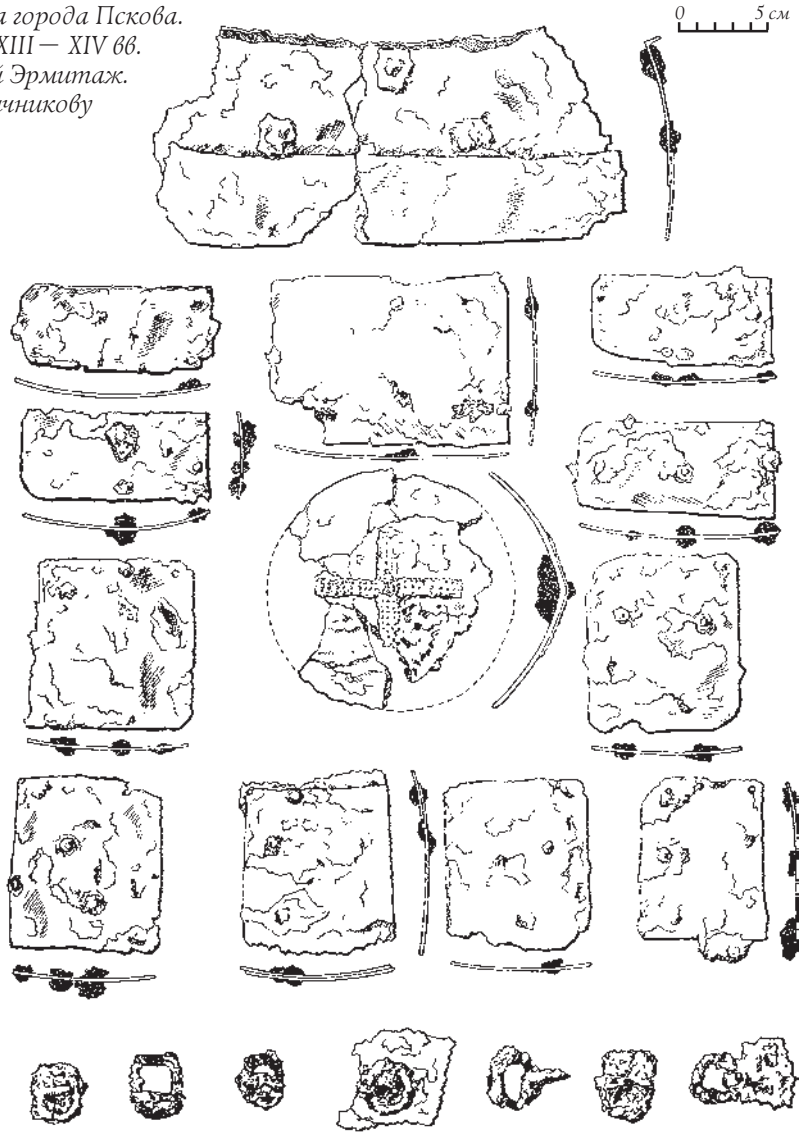
В плане вооружения и военного дела Русь периода монгольского нашествия наследовала домонгольской Руси. Тем не менее происходили и заметные изменения, продиктованные новыми историческими условиями. Невозможность противостоять монголам силами одних только княжеских дружин привела к увеличению численности армий за счет широкого привлечения «черных» людей. Результатом явилась значительная демократизация вооружения по сравнению с предыдущими веками. Этот процесс отразился в примитивизации или отказе от декора защитного вооружения, отказе от полных доспехов и переходе на облегченные полудоспехи, более дешевые и удобные в употреблении. Вспомогательные боевые средства и аксессуары снаряжения воина-профессионала также значительно упростились. Например, наборный пояс — знак воинского достоинства, краса и гордость дружинника домонгольской Руси — практически выходит из употребления после монгольского нашествия, по крайней мере, в археологических слоях XIV в. находки поясных гарнитуров становятся редкостью.

Важным фактором, влиявшим на развитие военного дела Руси, была ситуация войны на два фронта. Ведь, помимо военных контактов с кочевниками на Востоке, на Западе постоянными были военные столкновения с различными европейскими государствами — Швецией, Венгрией, Тевтонским орденом и т. д. Казалось бы, у русских княжеств было мало шансов сохранить самобытную воинскую традицию в таких условиях, растворившись в потоках заграничных влияний и заимствований. Однако, перенимая у соседей прогрессивные элементы вооружения и тактики, Русь последовательно придерживалась древних воинских обычаев, проверенных временем. Письменные источники высоко оценивали боеспособность русских войск, характеризуя их как «любящу русский бой», «обычай русских отцов своих», «русский лад».

Противостояние столь разным военным системам не могло не сказаться на общем состоянии военного дела Руси, что особенно ярко проявилось с XIV в. Главной фигурой на поле боя оставался тяжеловооруженный конник «снузник», вооруженный копьем, мечом и щитом, в седле с высокими луками и низко отпущенными стременами. Потенциальная возможность столкновения как со степным кочевником, так и с европейским рыцарем заставляла использовать снаряжение достаточно тяжелое и надежное, для фронтальной сшибки с последним, и достаточно удобное и под-



Доспех из Довмонтова города Пскова. Вторая половина XIII — XIV вв. Государственный Эрмитаж. По А. Н. Кирпичникову



вижное для маневренного боя с первым. Кроме того, множество бойцов, с утратой аристократического характера воинской среды не могли позволить содержание многочисленного штата прислуги, обеспечивавшей их в бою и в походе. В силу описанной совокупности исторических условий происходит универсализация воина и его снаряжения. Различия между тяжелой и легкой конницей в значительной мере нивелируются, хотя специальные контингенты легких стрельцов, видимо, не исчезают. Тем не менее в этот период даже представители воинской элиты — княжеские и боярские дружинники — включают в состав своего вооружения лук и стрелы наряду с копьем и мечом.

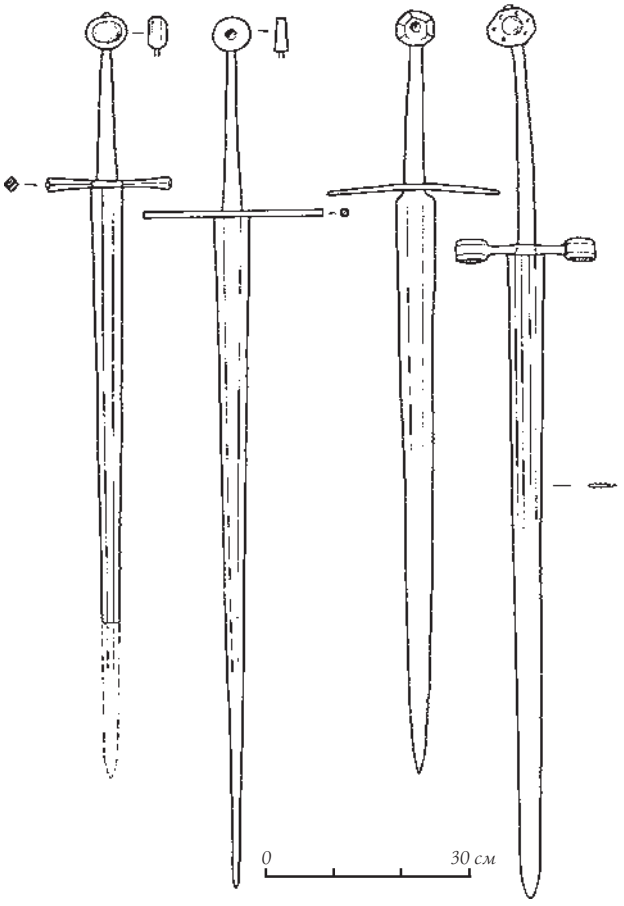
Стирание географических различий в боевом снаряжении конницы (решающей военной силы той эпохи) и его универсализация подтверждаются данными археологии. Например, в Новгороде наряду с рыцарскими звездчатыми шпорами XIV—XV вв. находят множество деталей плетей — традиционного атрибута легкой восточной конницы; из Твери, Торжка, Торопца, Смоленска происходят панцирные пластины, идентичные пластинам из Новгорода или Пскова с их тяжеловооруженными «коваными ратями». Русская конница была способна стойко выдерживать интенсивный лучный обстрел степняков и сметать их решительным фронтальным натиском и одновременно изматывать маневренным боем бронированные полки европейских рыцарей. Диалектика развития отечественного военного дела и вооружения XIV—XV вв. была отмечена А. Н. Кирпичниковым, который привел слова замечательного русского мыслителя XVII в. Ю. Крижанича из трактата «Политика» (1663—1666 гг.), вполне применимые к реалиям рассматриваемого периода: «В способах военного дела мы занимаем среднее место между скифами (обозначение татар и турок) и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением. Мы же удобно пользуемся и тем и другим и с достаточным успехом можем подражать обоим упомянутым народам, хотя и не сравняться с ними. Скифов мы превосходим вооружением тяжелым, а легким близко к ним подходим; с немцами же совершенно наоборот, а поэтому мы должны против обоих употреблять обоего рода вооружение и создавать преимущество нашего положения».

***Цветная вкладка** (стр. 54)*

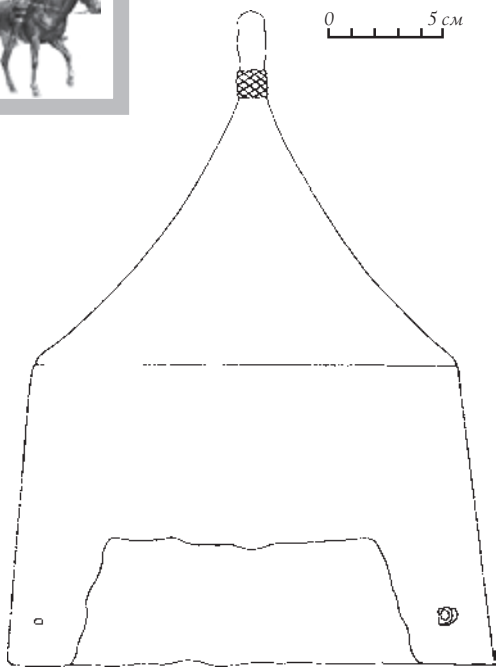
На планшете представлен русский воин-«снузник» второй половины XIV — начала XV вв. Внешний облик реконструирован по материалам раскопок в крепости Орешек, находкам в Городце на Волге, миниатюрам Симоно-Хлудовской Псалтири 1270 гг., Киевской Псалтири 1397 г., Радзивиловской летописи конца XV в.

Шлем: глубокое шатровидное (цилиндро-коническое) наголовье, соответствующее по своим параметрам европейской группе шлемов «бацинетов», то есть закрывающее голову от висков до основания черепа. Шлем представляет собой клепаное боевое наголовье с воронковидной тульей, глубоким цилиндрическим венцом, снабженным трапециевидным лицевым вырезом. Высота шлема 290 мм, диаметр 220 × 215 мм. Толщина стенок корпуса составляет от 1 до 2 мм. Полоса венца склепана тремя заклепками с наложением в 25 мм. Тулья свернута из одного листа и склепана пятью заклепками. Шов значительно смещен относительно линии симметрии. Тулья приклепана к венцу изнутри восьмью заклепками с наложением около 10 мм. Стык аккуратно зачищен впотай. Навершие являет собой короткий стержень 36×15 мм, с ромбической насечкой, вставленный в технологическое отверстие тульи и расклепанный изнутри. Полностью сохранились три втулки для крепления бармицы, а также один фрагмент. Это толстостенные трубки — около 3 мм — с разведенными внутри корпуса шлема усиками. Все втулки расположены в 20 мм от нижнего края шлема. Высота лицевого выреза — 55 мм, ширина вверху — 120 мм, внизу — 155 мм. Шлем реконструирован на основе находки в Городце (случайная находка, частная коллекция, так называемый второй шлем из Городца). Городецкий шлем имеет втулки для крепления бармицы, в то время как на планшете представлено наголовье, надетое поверх кольчужного капюшона. Подобная манера ношения, видимо, имела место на Руси, о чем говорят изображения кольчужного капюшона на миниатюре Киевской Псалтири, упоминание и изображение их в византийских источниках. Кроме того, шатровидный шлем из города Белая Калитва не имеет следов крепления бармицы, что может подразумевать наличие капюшона.

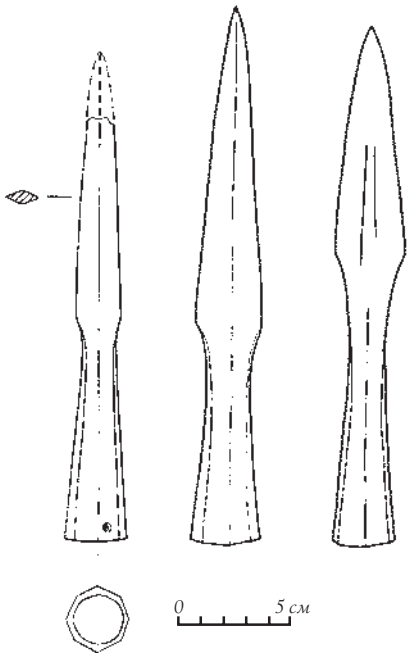
Доспех: бригандина, состоит из прямоугольных пластин, приклепанных к изнанке матерчатого жилета. Покрой, видимо, не отличался от общеевропейского и представлял собой пончо с застежками на боках или на спине. Материал несущей основы (покрышки) — бархат (возможно, шелк, парча или сукно) на подкладке из двух-трех слоев грубого льна или тонкой (не более 2 мм) мягкой кожи. Пластины 67/45/1,5 (1,0) мм, 50/27/1,0 мм. Подобные найдены в крепости Орешек в слоях второй половины XIV— начала XV вв. Предполагаемое количество пластин — 150–170 штук. Оторочка пройм из пластин со скругленным краем, укрепленных на основе доспеха посредством заклепок. Пластины набирались со взаимоналожением около 10 мм. Направление нахлеста — снизу вверх. Предполагаемое количе-



Мечи полуторараучные XIV — XV вв. из Рыдомли, Волынь; Водички, Хмельницкая обл.; Киева и Себежа. Государственный Эрмитаж и Каменец-Подольский музей. По А. Н. Кирпичникову



Шлем из Городца на Волге. Вторая половина XIV — начало XV вв. Частная коллекция



Копья XIV в. из Новгорода и Переяславля-Рязанского. По А. Н. Кирпичникову

ство — от 5 до 9 на каждую пройму. Аналогичные пластины оторочек найдены в Новгороде и Пскове в слоях XIV—XV вв. Предполагаемый вес доспеха — 5,5—6,5 кг.

Подол: имеет чешуйчатую (пластинчато-нашивную) конструкцию, состоит из 3 рядов узких длинных пластин на матерчатой или кожаной подоснове. Подол пристегивается поверх доспеха (характерная особенность русского защитного снаряжения) посредством ремней, пряжек и укрепленных в нижней части доспеха петель, через которые осуществлялась фиксация. Пластины с петлями найдены в Новгороде, Пскове и предположительно в Вятке в слоях XIV—XV вв. Покрой подола можно реконструировать как две трапециевидные детали (с различным заполнением поверхности — в зависимости от конструкции), укрепленные короткими верхними основаниями на едином несущем поясе посредством шнуровки или приклепывания. Таким образом, получалось защитное приспособление наподобие поневы или юбки с медиальными разрезами спереди и сзади или на боках. Подол закрывал тело от талии и, максимум, до середины бедра. Пластины подола реконструированы по находке в Орешке второй половины XIV в. (фрагмент пластины). Восстановленные размеры 17/120/1,0 мм. Длина подола предположительно 300—350 мм. Вес — 2—2,5 кг.

Плечевые щитки: имеют вид замкнутых трубчатых устройств, надеваемых на плечо наподобие рукава рубахи с последующей фиксацией на доспехе или поддоспешной одежде посредством шнуровки или пристегивания. Конструкция и пластины аналогичны подолу. Вес — 500—600 г.

Щит: круглый, имеет аналогии на миниатюрах Киевской Псалтири и Радзивилловской летописи.

Меч: полутораручный, найден в Киеве, относится ко второй половине XIV в. Имеется множество аналогий в русском и европейском единовременном материале. Размеры — клинок 850/55 (в основании), толщина — 6 мм(в основании), хвостовик 270/32/6,5 мм, гарда 250 мм. Вес — 2 кг.

Русская боярская конница

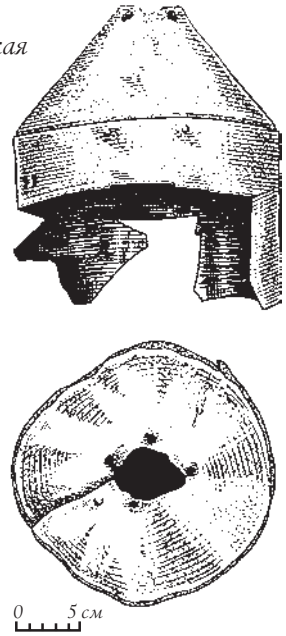
1370–1410 гг.

Тактические приемы русских войск и конницы как основной ударной силы отличались разнообразием, оперативной гибкостью и высокой степенью эффективности, являясь одними из наиболее передовых в Европе. Русское военное дело сосредоточило в себе выдающиеся достижения теоретической мысли своего времени. К сожалению, до наших дней не дошло ни одного отечественного трактата, наставления или иного письменного памятника XIII–XV вв. по военному ремеслу. Трудно, тем не менее, считать столь развитую систему тактики, вооружения и вспомогательных средств плодом стихийного, иррегулярного эволюционного процесса. Видимо, мы имеем дело с некой традицией, передававшейся из уст в уста, приспосабливавшейся к тем или иным историческим условиям.

Что же кроется за безликим летописным термином «русский бой»? Может возникнуть иллюзия, что речь идет о некоем мифическом способе фехтования или рукопашного боя, наподобие разнообразных современных искусственных систем, которые автоматически переносятся на средневековые реалии некоторыми далекими от науки авторами. Беспристрастный анализ комплекса источников позволяет предположить, что данное понятие применялось к совокупности способов построения войск, тактических приемов, организации походного порядка, набора и обеспечения войск, а также, вероятно, вооружения, временной и капитальной фортификации. Расшифровка термина «русский бой» является обязательной для понимания военного дела как важнейшей составляющей отечественной средневековой культуры. Для современника это понятие было совершенно прозрачно и не нуждалось в пояснениях. Русские письменные источники неоднократно упоминают его (например, Ипатьевская летопись). Характерно, что иностранцы также были знакомы с данным историческим феноменом и обозначали его удивительно схожим образом (например, «Хроника Эрика» под 1301 г., описание осады Ландскроны).

Итак, в качестве основного ядра войска в XIV–XV вв. выступала конница. Во второй половине XIII–XIV вв. в связи с процессом «демократизации» войска возрастает роль пехоты, особенно в западных землях. Ошибкой было бы предположение, что «убогие» люди формировали только пехоту. Очевидно, что, как и в Европе, ряды конницы широко пополнялись выходцами из неблагородных семей, тем более что в XIV в. военная среда потеряла свою кастовую замкнутость. Это подтверждается и археологическими находками упрощенного снаряжения, которое было доступно средним слоям населения.

Изначально в XII–XIII вв. русские войска строились в традиционный для всей Европы порядок, расчлененный на две или три тактические едини-



Шлем из Белой Калитвы, Ростовская обл. XIV в. ГИМ

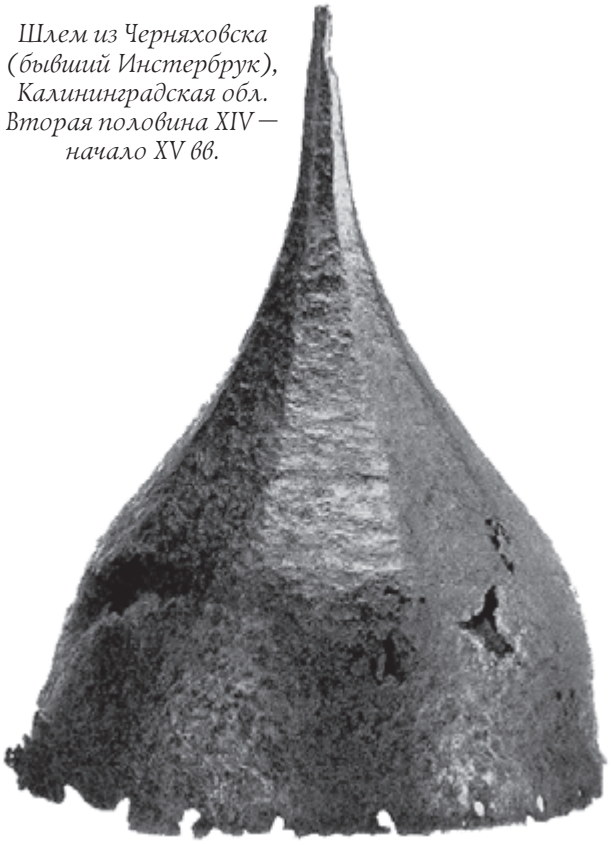
цы. Эволюция структуры войска состояла во внедрении более дробного деления, в появлении все большего количества мобильных тактических единиц, способных выступать самостоятельно, как на марше, так и в бою. Уже в конце XII в. были известны случаи многочастного деления войск. Со второй половины XIII в. такая система входит в постоянную практику. В битве при Раковоре 1268 г. русское войско было разделено на четыре полка против трех германских. Новинкой в средневековом военном деле явилось усиление правого фланга еще одним выдвинутым вперед полком, который обеспечивал фланговый охват неприятеля. С середины XIV в. стало обычным пятичастное деление войска. В то же время, если требовала тактическая обстановка, войско могло иметь и менее дробное деление, как, например, в битве на р. Воже 1378 г., когда татары были разбиты копейным конным ударом с трех направлений. Вершиной развития тактической организации русских войск можно считать Куликовскую битву, когда впервые был применен революционный для всей Европы семичастный порядок построения. Отметим еще и безупречное взаимодействие конницы и пехоты.

Русская конница могла эффективно действовать и в составе разноплеменных воинских контингентов, подчиняясь общему порядку ведения боя. В качестве примера как чисто конного сражения, когда пехота не играла решающей роли в войсках противоборствующих сторон, приведем Грюнвальдское сражение 1410 г. Тогда смоленские полки, сражаясь в составе польско-литовских войск, после разгрома полков князя Витовта, прикрыли их бегство с поля боя и помешали окружению польских союзников, обеспечив победный исход битвы.

Непосредственный боевой контакт русской конницы с неприятелем включал несколько этапов — дистанционный бой (луки, метательные копья «сулицы»), сближение и таранный удар (копья), рукопашная схватка (клинковое оружие, секиры, булавы и т. д.). Данная схема, сложившаяся и отработанная к XII в., в XIV столетии получает дальнейшее развитие. При сохранении описанной последовательности количество схваток в рамках одного сражения могло увеличиваться, если неприятель выдерживал первый натиск. Для XII–XIII вв. такой порядок ведения боя не прослеживается в источниках. Как установил А. Н. Кирпичников, самая ранняя летописная фиксация термина «первый соступ», «первый суим» относится к 1323 г. Первый соступ отличался наибольшей напряженностью и кровопролитностью, поэтому предводители, по рыцарской традиции, часто вставали в первых рядах атакующих полков. За первой схваткой могла последовать вторая и третья и так далее вплоть до решительного исхода битвы. Если враг бывал опрокинут, то конница начинала преследование, добивая и деморализуя неприятеля. Например, на Куликовом поле в 1380 г. русская конница гнала татар пятьдесят километров — «...ихъ бити и сечи горазно тоску имъ подаваше». Интересно, что в Западной Европе рыцарская конница крайне редко преследовала бегущего противника, обычно удовлетворяясь взятием обоза и пленных непосредственно на поле боя. Если воинская удача отворачивалась от конных дружин и отступить в боевых порядках не удавалось, тогда начиналось бегство, и воины «... обрезав брони на собе...» и «... мечуще с себе доспехи своя тягости ради коней своих». Бегство было сопряжено с максимальными потерями для разбитого врага. Показывая спину, воин оказывался беззащитен перед атакующими, ведь убегая, он не мог эффективно использовать оружие для отражения ударов, да и доспех в наспинной части был всегда значительно легче, а значит, более уязвим, чем нагрудная часть. Поэтому при прекращении организованного сопротивления начиналось массовое избиение, на долю которого приходилось до 80–90% всех потерь.

Цветная вкладка *(стр. 55)*

Изображен всадник в тяжелом боярском снаряжении. Так могло выглядеть вооружение военной аристократии Руси второй половины XIV — начала XV вв. Для реконструкции использованы



Шлем из Черняховска (бывший Инстербрук), Калининградская обл. Вторая половина XIV — начало XV вв.

материалы источников соответствующего периода, происходящие в основном из северо-западного региона Руси.

Шлем: так называемая «шапка железная», или «шапка греческая», прямой аналог европейского шлема «шапель-де-фер». Наголовье имеет высокую куполовидную тулью и широкие, приспущенные вниз поля. Навершие украшено фигурой в виде лилии. Шлем надет поверх кольчужного капюшона. Имеет широкие аналогии как в Европе, так и в Балкано-Византийском регионе. Непосредственно соотносится с изображением архангела Михаила на фреске церкви Спаса на Ковалях, Новгород XIV в., и с изображением на печати Ивана Ереминьича (без отображения должности) около 1372 г.

Ожерелье: имеет вид высокого стоячего воротника с пелериной (оплечьем). Конструктивно состоит из прямоугольных шин, укрепленных со взаимным нахлестом посредством пришивки и приклепывания к мягкой подоснове. Застежка находится сзади или сбоку. Изнутри имеется стеганая амортизирующая подкладка. Данный элемент защитного снаряжения появился в середине—второй половине XIII в. в Италии. К концу XIII и началу XIV столетия это прогрессивное приспособление распространилось по многим европейским странам средиземноморского бассейна, в том числе на Балканах. Видимо, из этого региона оно и было занесено ко второй половине XIV в. на Русь. Для реконструкции использовано изображение неизвестного святого воина из церкви Успения на Волотовом поле, Новгород, конец XIV в.

Доспех: чешуйчатый доспех, усиленный в нагрудной части зерцальной бляхой. К нему пристегнуты шинные плечевые щитки и подол. Соотносится с некоторыми балканскими изображениями конца XIV в. и находками пластин того же времени в Новгороде и Пскове.

Наручи: двустворчатые латные наручи. Полуцилиндрические створки соединены навесными петлями и застегнуты на пряжки. По сравнению с наручами из села Сахновка данные наручи короче и не доходят до локтя. Соотносятся с изображением на миниатюре Киевской Псалтири 1397 г.

Конский доспех: ламеллярная попона состоит из нагрудника, нашейника и накрупника. Изображения двух первых деталей имеются на резной иконке со св. Георгием конца XIV в. (ЗИХМЗ) и на печати великого князя Василия Васильевича 1425–1462 гг. Накрупник реконструирован гипотетически. Наглавник коня соотносится с находкой аналогичного защитного приспособления у села Ромашково в Южной Киевщине (КИМ). Обычно датируется в литературе 1200-х гг., в то время как относится ко времени не ранее конца XIV — начала XV вв.

Восточногерманская конница

Начало XV в.

В данном разделе будут рассмотрены история Великой войны Польши, Литвы и Руси с Тевтонским орденом и роль конницы в этом противостоянии.

Один из старейших военно-монашеских орденов — Тевтонский орден — был создан в XII в. в Святой Земле. Стандартный набор задач, в который входило изгнание мусульман из Палестины и защита Гроба Господня, неожиданно обнаружил значительный политико-экономический потенциал, причем сфера его реализации далеко выходила за рамки средиземноморского побережья Малой Азии и Африки. Контроль над торговыми путями и многочисленные дарения настолько усилили экономическую мощь ордена, что он смог уже в XIII в. основать ряд своих подразделений — «комтурий» — по всей Европе. Когда в середине XIII столетия стал очевиден полный провал крестоносного дела в Святой Земле, Тевтонский орден безболезненно перенес свою основную деятельность на восток Европейского континента, где оказалась масса потенциальной паствы, все еще прозябавшей во мраке язычества. В 1309 г. Великий магистр Зигфрид фон Фейхтванген переместил капитул ордена из Венеции в Мариенбург. С тех пор орденское государство, выступавшее проводником германской экспансии на Востоке, превратилось в серьезную угрозу целостности и независимости соседних Польши, Литвы и западных русских княжеств. Комплекс территориальных и политических противоречий привел к созданию антиорденской коалиции в 1385 г. и впоследствии — к началу Великой войны 1409–1410 гг.

Противоборствующие стороны вступили в войну, имея практически равные силы. Для истории средневековой конницы военное искусство данного противостояния чрезвычайно показательно, так как конница была основой обеих армий. Интересно и то, что военные действия велись с использованием всех известных в данном регионе разновидностей конницы и в примерно равном процентном соотношении. Армия ордена в качестве основной ударной силы использовала тяжелую рыцарскую конницу при поддержке конных и пеших стрелков, не игравших, правда, заметной роли в прямом полевом столкновении. Силы союзников состояли из конницы польской шляхты, в основе своей идентичной коннице ордена и по составу, и по вооружению, и по тактике. Вместе с ней выступала русская конница, которую можно охарактеризовать как среднюю по вооружению и в то же время как рыцарскую по тактике. Кроме того, русские традиционно более широко использовали дистанционный бой в сравнении со своими западными соседями. Помимо контингентов конных стрелков, многие тяжеловооруженные воины могли иметь при себе лук со стрелами. Третьей составляющей была литовская конница, отличавшаяся легким вооружением и низкорослыми быстрыми конями. Конечно, определенный (незначительный) процент литовского воинства был вооружен по западному рыцарскому образцу. Определяющей роли подобные исключения, видимо, не играли и относились к среде высшей аристократии и их личных телохранителей. Отметим и то, что в составе литовского войска был татарский отряд царевича Джелаладдина[1]. Количество

[1] Джелаладдин — сын Тохтамыша. Бежал из Орды к своему союзнику Витовту от Едигея, ставленника Тамерлана.

воинов в нем колебалось, по разным оценкам, от 300 до 3000 (последнее маловероятно; скорее всего, гораздо меньше).

Вооружение сторон представляло собой примечательную смесь стилей, форм и направлений различных оружейных школ. Рыцарское вооружение поляков и орденских всадников было в основном схоже. В конце XIV—начале XV вв. происходит быстрый переход к латному доспеху. Стремление к созданию монолитной защиты было оправдано усилившимися средствами нападения. Рыцарские копья, снабженные граненными наконечниками с массивными втулками, способны были наносить серьезные повреждения практически любому виду защитных покровов. Разрушительное действие усиливалось за счет тяжелых и толстых древков. В рассматриваемый период их толщина значительно увеличилась. От 35—40 мм у наконечника древко плавно утолщалось до 50—60 мм к месту удержания его рукой, где выбирался специальный паз. В широкое боевое применение вошел и рондель, защищавший руку на копейном древке и одновременно сообщавший ей упор в момент удара. Вес копья увеличился настолько, что удержать его одной рукой стало невозможно. Для образования второй точки опоры еще в XIV в. щиты стали снабжать вырезом в правом верхнем углу, куда должно было укладываться копье. В 1380 г. появилось новое, очень важное изобретение, которое повсеместно распространилось к 1410—1420 гг. Имеется в виду металлический крюк на правой стороне нагрудника — так называемый «фокр»[1]. Он выполнял функцию опоры для копейного древка. Теперь, когда копье, лежа на фокре, фиксировалось подмышкой, с руки воина совершенно снималась нагрузка по его удержанию. Рука только направляла копье, которое стало возможным еще более утяжелить и удлинить без потери маневренности и точности действий. Вес почти не играл роли, ведь он целиком приходился на фокр. Снятие нагрузки с руки позволило направлять копье с филигранной точностью, что при увеличившемся весе превратило его в смертоносное оружие.

Надгробие Конрада фон Бикенбаха. 1393 г. Грубинген

Для отражения разрушительного действия таранного удара лучше всего подходила монолитная, гладкая и обтекаемая поверхность. Такими качествами в полной мере обладала кираса, которая закономерно стала в рассматриваемый период наиболее популярным корпусным доспехом тяжелой конницы. По сравнению с бригандиной кираса не только отражала удар, но и обладала значительным моментом соскальзывания, не позволявшим оружию жестко встретиться с защитной поверхностью, полностью реализовав свой разрушительный потенциал. При этом кираса, несомненно, проигрывала бригандине в подвижности. Гибкость позволяла бригандине закрывать весь корпус и иногда даже основание бедер. Монолитная же кираса доходила только до талии. Для защиты низа живота к кирасе в 1370—1380 гг. стали крепить ламинарный подол, который повторял очертания и отчасти конструкцию бригандинных подолов из горизонтальных полос[1]. В отличие от бри-

[1] Фокр (*франц.* faukre) в английском обозначается описательным и точным термином «lance rest» буквально — упор для копья.

[1] Параллельно продолжали существовать кирасы без подола. Они употреблялись спорадически вплоть до 1420 г. Кроме того, в Германии и сфере германского влияния изредка использовались чешуйчатые подолы.

Меч поясной (одноручный). Середина — вторая половина XIV в. Длина клинка 788 мм

гандин, подолы кирас собирались посредством крепежа на внутренних несущих ремнях и шарнирных соединений по бокам. С начала XV в. бригандина как рыцарский доспех, отходит на второй план. Тем не менее высокие боевые качества, обусловившие ее популярность в XIII—XIV вв., обеспечили ей определенное распространение и в XV столетии. В этот период стали превалировать бригандины с набором из мелких пластин, отличавшиеся высокой степенью гибкости. Жесткую систему защиты почти полностью монополизировала кираса, хотя вплоть до конца XV столетия продолжали иметь некоторое хождение бригандины с кирасовидным нагрудником[1].

Основным боевым наголовьем конницы с 1380 г. стал бацинет с куполовидной тульей со значительно смещенным назад верхом. Такие шлемы сопровождались забралами, которые в основе своей имели конус. Благодаря внешнему сходству подобные забрала получили название «хундсгугель» — «собачья голова». Смотровые щели помещались в выраженных амбразуровидных выступах, образуя «глаза». Смотровая щель для обеспечения обзора нижней полусферы оформлялась аналогично, образуя «рот». Дыхательные отверстия, как правило, располагались только на правой стороне забрала. Левая сторона, в первую очередь, поражалась при копейной сшибке, и ее нельзя было ослаблять, нарушая ровную монолитную поверхность ската. Изначально забрала «хундсгугель» крепились к шлему посредством одной налобной петли, что было обусловлено конструктивными особенностями их эволюционных предшественников — забрал «клапвизир» 1360—1370 гг. (см. выше). С некоторым запозданием к 1385—1390 гг. появились двухточечные крепления забрал посредством шарнирных петель на висках. Все без исключения забрала в рассматриваемый период были съемными, так как крепились к петле на подвижном шкворне.

Наручи и поножи данного периода в основном латные. Лишь наплечники иногда могли иметь бриандинную конструкцию. В результате щит еще более уменьшился в сравнении с последними декадами XIV в. Отныне, по крайней мере в среде конницы, это было вспомогательное средство защиты от копья в первый момент сшибки. Вскоре, при дальнейшем развитии доспеха, от щита отказались вовсе, поставив точку на его многовековом боевом использовании[1].

Описанные тенденции развития рыцарского вооружения относятся лишь отчасти как к орденским рыцарям, так и к польским. Данный регион являлся задворками Европы, поэтому местное снаряжение отличалось крайней архаичностью, запаздывая относительно западных областей лет на двадцать. По последнему слову могли быть вооружены лишь некоторые, наиболее богатые рыцари. Все прочие довольствовались куда более простым снаряжением. Носителями передовых веяний являлись в основном гости ордена, которые приезжали со всей Европы (преимуще-

[1] Подобные бригандины могли снабжаться фокрами, что однозначно указывает на их применение в конном бою. Примером служат две бригандины (сильно фрагментированные), найденные на о. Эвбея при раскопках города Халкис.

[1] Это касается тяжелой конницы, так как легкая конница продолжала употреблять щит и в XVI, и в XVII вв.

ственно из Германии)[1]. Таким образом, рыцарское вооружение противоборствующих сторон представляло смесь чрезвычайно архаичных и самых передовых элементов доспеха и наступательных средств.

На снаряжении русской конницы мы не будем останавливаться, так как оно подробно рассмотрено в предшествующих разделах. Литовская конница была снаряжена, видимо, наподобие русской, но в основной своей массе более легко.

Итак, вернемся непосредственно к событиям Великой войны. Создание коалиции Польши и Литвы в 1385 г. (Кревская уния) было воспринято орденом крайне негативно[2]. После захвата территории Жмуди у Литвы и Добжиньской земли у Польши большая война стала неизбежной. Поводом послужило восстание жмуди и захват орденом польских кораблей с продовольствием для Литвы. 9 августа Тевтонский орден объявил войну Польше. Военные действия протекали с перевесом тевтонской стороны. Имел место захват и разграбление ряда польских земель и крепостей. В ответ поляки захватили крепость Бромберг. Успехи тевтонских войск не имели решающего значения, и осенью 1409 г. было заключено перемирие. Весной 1410 г. военные действия возобновились. Зимой обе стороны подготовились к войне. Союзники провели переговоры в Брест-Литовском и наметили план действий. Был назначен сбор войск в Вольборже, откуда было решено нанести удар на Мариенбург, взять его, одним ударом решив исход противостояния. В условиях численного превосходства союзников магистр ордена Ульрих фон Юнгинген предоставил им инициативу, решив занять оборонительную позицию на своем берегу Вислы. 10 июля у Кауэрника силы союзников подошли к притоку Вислы реке Древенцу, но не стали переправляться на виду у войск ордена. Предприняв фланговый марш, 15 июля разъезды союзников встретились с основными силами ордена на поле между деревнями Таннен-

[1] Например, в битве при Грюнвальде участвовал знаменитый французский рыцарь Жан ле Менгр — маршал Бусико.

[2] Литовский князь Ягайло стал королем, женившись на польской королеве Ядвиге из династии Пястов. Литву возглавил его родственник Витовт. Великий магистр Конрад Цольнер расценивал этот союз как гибельный для ордена.

берг и Грюнвальд. Всем было понятно, что роковое столкновение неизбежно, и войска пошли на сближение.

Армия союзников насчитывала около 16–18 тысяч бойцов, которые были организованы в 91 хоругвь. Польская сторона выставила 51 хоругвь, литовцы — 40 хоругвей. Исходя из свидетельств источников, неясно, следует ли включать в описанный состав отряд татар или его нужно считать отдельно. Интересно, что до половины армии составляли русские силы. Семь русских хоругвей было в войске поляков и 36 хоругвей в войске Витовта — итого 42 хоругви. Кроме того, союзники располагали контингентами наемников. Считается, что чешским отрядом командовал Ян Жижка, будущий герой гуситских войн. Тевтонские войска насчитывали порядка 10–11 тысяч бойцов. Из них

Статуя св. Георгия из Базельского собора. 1372 – 1374 гг.

до 8–9 тысяч приходилось на долю тяжелой конницы. Прочие являлись пешими стрелками — преимущественно арбалетчиками и орудийной прислугой. Конница делилась на 51 знамя.

Польской частью армии командовал рыцарь Зындрам из Машковиц, литовской — князь Витовт. Верховное руководство формально осуществлял король Ягайло, но, очевидно, истинным командиром и душой коалиции был многоопытный воин и политик — Витовт. Армию ордена возглавляли Лихтенштейн, Валенрод и магистр Ульрих фон Юнгинген, который являлся верховным главнокомандующим.

Утром 15 июля войска ордена на виду у сил союзников построились на поле между Грюнвальдским лесом и деревней Танненберг[1]. Магистр выстроил знамена в три ряда. Первыми двумя командовали Лихтенштейн (20 знамен) и Валенрод (15 знамен). Резерв из 16 знамен возглавлял сам фон Юнгинген. Войска союзников несколько часов скрывались в лесу, после чего армия ордена отступила назад, давая пространство для построения неприятеля. Отход был осуществлен на заранее подготовленные позиции, где были устроены рвы и орудийные расчеты. Вперед выдвинули стрелков. Королю был послан вызов на бой. Армия союзников вышла на поле. Она также была построена в три ряда. Правый фланг заняли поляки, левый — литовцы. Ввиду значительного численного перевеса союзников тевтонцы были вынуждены растянуть фронт, выведя на левый фланг линию Валенрода. О построении каждого отдельного знамени судить трудно. Ян Длугош сообщает, что знамена Витовта были построены «в клинья и отряды» (per cuneus et turmas), где лучшие воины стояли впереди и на флангах, а худшие — в середине строя. Таким образом, здесь описано построение «свиньей» или «клином», хорошо известное по германским источникам. Предположительно поляки построились аналогичным образом, хотя ясных данных об этом нет. Германское построение знамен неизвестно. Видимо, линии войск также не были сплошными, а представляли собой раздельно построенные знамена.

Сражение началось с атаки правого фланга союзников. Орудия ордена дали залп, поддержанный арбалетчиками. После чего стрелки пропустили вперед тяжелую конницу Валенрода. Невзирая на почти трехкратное превосходство войск Витовта, они были смяты фронтальным ударом и бросились бежать. Часть тевтонских знамен стала преследовать литовцев. Другая часть ввязалась в упорный бой со смоленскими хоругвями, единственными подразделениями Витовта, оставшимися на поле. Смоленские хоругви до последнего сдерживали натиск тевтонцев, прикрыв фланг польского войска. Только их доблесть спасла союзников от разгрома, так как удачную контратаку Валенрода поддержал Лихтенштейн, бросив вперед свои 20 знамен. Зындрам выдвинул против них 17 хоругвей своей первой линии. Завязалась упорная схватка, исход которой был совершенно не ясен. Через некоторое время вернулись тевтонцы, преследовавшие литовцев, и ударили во фланг, прикрытый смольчанами, которые выдержали и эту атаку, хотя и понесли серьезные потери. Считается, что они потеряли до трети личного состава, но не отступили. В этот момент пало королевское знамя поляков. Традиционная польская историография говорит, что к знамени прорва-

[1] Протяженность поля составляла около 2500 м.

Бацинет «хундсгугель» с забралом «клапвизир». Собрание замка Вест Кобург

лись германские рыцари. Достоверность этого факта маловероятна. Ягайло вообще не участвовал в бою, находясь со свитой в тылу, как минимум, за одной линией польских войск, еще не вступавшей в контакт с неприятелем. На самом деле имело место нечто иное. На свиту короля выехал германский рыцарь фон Кикериц, который бросился с копьем на Ягайло, надеясь, видимо, что король примет вызов и вступит в схватку один на один[1]. Рыцари короля прикрыли своего сюзерена, повалили немца на землю и убили. После чего Ягайло приказал спустить знамя, чтобы не подвергаться более ненужному риску. Видя, что наступил критический момент сражения, магистр повел в наступление резерв. Возможно, он увидел, что пал королевский стяг, и неверно расценил этот факт. Он стремился ударить во фланг польским хоругвям, наседавшим на войска Лихтенштейна. Зындрам из Машковиц сохранил больше свежих резервов. Задняя линия вообще не участвовала в бою. Вторая линия могла принимать участие в отражении воинов Валенрода, которые уже были сильно потрепаны сражением с литовцами и русскими, да и находились в явном меньшинстве. Неудивительно, что атака Зындрама стала фатальной для ордена. Свежий резерв переломил ход боя. Тевтонцы потеряли строй и были частично перебиты, частично рассеяны. Возвращение на поле боя части литовцев усугубило разгром, хотя и без них все было ясно. Преследование бегущих продолжалось на протяжении 30 км.

Меч полуторараручный (фрагмент). Вторая половина XIV в. Собрание замка Вест Кобург

Потери ордена составили примерно половину армии.

Орден проиграл сражение и войну. Его могущество было подорвано окончательно. Ульрих фон Юнгинген вложил в подготовку к войне огромные материальные и людские ресурсы, которые в случае поражения не могли быть восполнены. Он поставил на карту все, и все проиграл. Стать свидетелем последствий поражения ему, правда, не довелось. Как истинный рыцарь он лично повел своих людей в последний бой и погиб вместе с ними.

Победа далась союзникам дорогой ценой. Потери были так велики, что организовать стратегическое преследование оказалось невозможным. Когда поредевшие войска союзников все же дошли до стен Мариенбурга, то взять эту сильнейшую крепость им оказалось не по силам. Тем не менее война была выиграна. В 1411 г. был подписан мир. В 1466 г. Тевтонский орден прекратил свое существование.

Грюнвальдское сражение показывает степень развития стратегии и тактики боя в Средние века в Европе. Союзники правильно рассчитали свои мобилизационные способности и умело провели сосредоточение войск (целиком заслуга Витовта).

На поле боя стало очевидным решающее значение флангов для конных армий. Обе стороны не могли переломить друг друга в лобовом столкновении (кроме случая с литовцами) и старались охватить фланги. Обеспечению флангов были подчинены все действия противников. Особая заслуга русских войск в прикрытии правого фланга поляков, где, по сути, решилась судьба боя. Обе стороны активно маневрировали, не теряя строя, показав высокую для Средневековья степень управляемости войск. Тактическая глуби-

[1] Личность фон Кикерица примечательна. Предположительно он был наемным поединщиком Ордена. Он ездил по Европе, вызывая на бой и убивая не угодных своим хозяевам людей. Вполне возможно, что на поле боя он выполнял очередной «заказ».

на построения и наличие резервов обусловили крайне напряженный характер боя и его продолжительность. Присутствовало также членение линий на основные единицы — «знамена», которые являлись одновременно тактическими и организационными. Как видно, в ходе боя знамена могли выступать с равным успехом как в составе единой линии, так и самостоятельно. Грюнвальдское сражение является классическим рыцарским сражением, где пехота не играла почти никакой роли при полном господстве конницы на поле боя. Действия обеих противоборствующих сторон можно расценивать как верх развития рыцарской тактики своего времени.

Миниатюра Хроники Вильгельма Оранского. 1383 г. Библиотека замка Амбрас. Вена

Цветная вкладка (*стр. 56*)

Представлен тяжеловооруженный конник в рыцарском вооружении конца XIV—начала XV вв. Корпус воина прикрыт бригандиной, надетой поверх кольчуги. Бригандина маскируется коттой орденских цветов — белой с черными крестами. В качестве средства динамической защиты воин использует небольшой трапециевидный сложно-изогнутый тарч с вырезом для копья. Копье является основным орудием нападения, а полуторараручный меч — вспомогательным. На копье укреплен прапорец с гербом в виде серебряного ключа на червленом поле. При Грюнвальде этот знак несла хоругвь казначея Тевтонского ордена Томаса Морхайна[1]. Голову прикрывает итальянский хундсгугель развитых форм. Ноги защищены полными латными поножами с шарнирным креплением наколенников и анатомическими наголенниками и набедренниками. Наручи также латные. Последние два элемента, скорее всего, имеют итальянское происхождение. Чрезвычайно развитое и дорогое для данного региона вооружение выдает гостя ордена или представителя местной аристократии, например, комтура[1]. Воин изображен в классическом положении рыцарской атаки. Он несется вперед на галопирующем коне с копьем наперевес, расклинившись в седле между высокой задней лукой и стременами.

[1] Казначейство ордена базировалось в Мариенбурге.

[1] Комтур — глава земельного подразделения в государстве Тевтонского ордена.

Итальянская конница

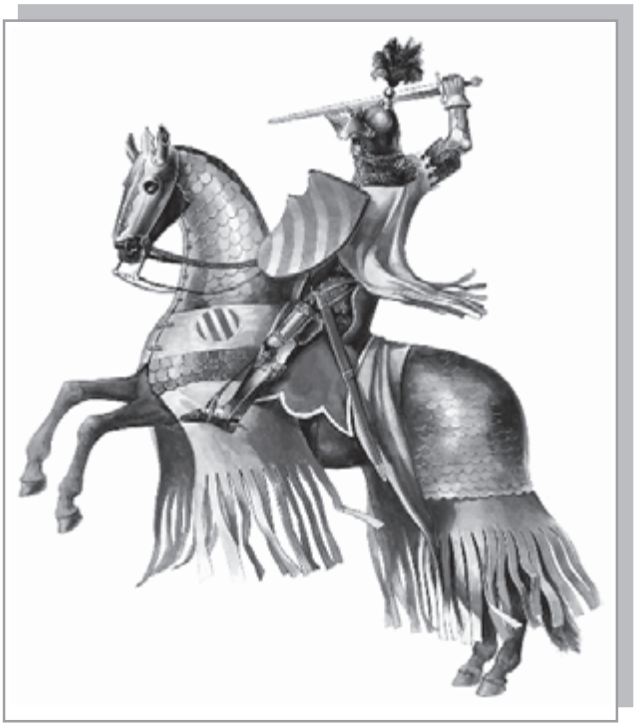
Начало XV в.

Как писал Ж. Жироду в «Ундине»: «Конь, как известно каждому, составляет важнейшую часть всадника». Рассматривая эпоху Средневековья, когда тяжеловооруженный всадник господствовал на полях сражений, с этим утверждением приходится полностью согласиться. От качества и достоинств боевого коня, от его выучки и снаряжения боеспособность всадника зависела почти полностью. В сражении всадник был ограничен в маневре относительно своего коня, поэтому он должен был быть полностью уверен в нем, как в самом себе. Взаимная выучка была призвана превратить рыцаря и коня в единую боевую систему. Пехотинец, сражаясь пешком, полностью полагался на собственные ноги, всадник, в неменьшей мере, должен был полагаться на своего коня.

Эффективность того или иного конного соединения зависела от качества его конского состава. Это отчетливо понимали, и ко времени классического Средневековья сложились определенные требования к боевым, вьючным и верховым коням для рыцаря, оруженосца и т. д. Абсолютным мерилом качества коня была его стоимость. Надо отметить, что стоил хороший конь чрезвычайно дорого, хотя конкретная цена, разумеется, формировалась рыночной ситуацией в различных регионах. Как правило, требования предъявлялись к минимальной стоимости лошади. Например, Флоренция в 1277 г. нанимала на службу контингент всадников из Прованса. Им предписывалось явиться на конях стоимостью не ниже 30 лир, что составляло жалование за 133 дня. В 1222 г. власти Венеции приказывали каждому рыцарю на Крите, владевшему полным фьофом, завести коня стоимостью не менее 75 венецианских лир. Кроме того, такой рыцарь должен был выставлять двух конных оруженосцев. Рыцарь с половинным фьофом должен был обзавестись конем ценой не менее 50 лир. Вообще стоимость коня составляла от одной трети до половины суммы, которую средний рыцарь вкладывал в снаряжение. В Англии середины XIII в. стоимость снаряжения рыцаря вместе с конем составляла около 20 фунтов, то есть эквивалент его годового дохода. Наемники XIII в. в среднем могли рассчитывать, что стоимость их экипировки и лошади окупится за 6–8 месяцев.

Крайняя дороговизна боевых коней заставляла государей строго следить за состоянием конского поголовья в среде военнообязанных. Эдуард I Английский в 1282 г. отмечал нехватку коней, «пригодных к войне», и предписывал всем подданным вне зависимости от сословия, имевшим годовой доход в 30 фунтов, содержать «сильного и боеспособного боевого коня с полным вооружением»[1]. В Италии городские власти выделяли специальных

[1] В Англии с ее сильной центральной властью короли всегда стремились в приказном порядке зачислить в дворянское сословие (т. е. в группу военнообязанных) всех, имевших соответствующий доход. Таким образом, состоятельные крестьяне и бюргеры, если не хотели попасть под призыв, обязаны были вносить «щитовые деньги», штраф за неявку на службу к сеньору.



проверяющих комиссаров, которые инспектировали количество и качество боевых коней, обязательных к содержанию. Держать и обеспечивать коней должны были все состоятельные граждане — «жирные пополаны». Приведем пример Флоренции, где в 1260 г. число казенных лошадей должно было равняться 1400, в 1300 г. — 1000, в 1312 г. — 1300. Филипп III Смелый в 1279 г. издал указ, согласно которому все благородные люди королевства, имеющие во владении землю стоимостью в 200 турских ливров, или горожане с имуществом в 1500 турских ливров, должны были растить одну племенную кобылу; «большие люди» — бароны, графы и т. д., владевшие пастбищами, — должны были растить до 6 племенных кобыл.

Некоторые сеньоры, располагавшие достаточным доходом, покупали для себя и своей свиты баснословно дорогих коней. Собираясь в поход на Фландрию в 1302 г., Робер II граф де Артуа купил 5 «больших коней» за 280 парижских ливров каждый, 8 обычных коней по 115 парижских ливров, одного скакуна за 60 парижских ливров, 2 парадных коней за 50, 14 упряжных или вьючных лошадей по 34 и 3 малых упряжных лошадей по 12 парижских ливров[1]. Итого, кони обошлись графу в 2992 ливра. Если учесть, что войну граф проиграл, а сам погиб в бою при Куртрэ, то речь идет о колоссальных убытках в результате и неоправданных расходах при подготовке похода.

Миниатюра французской рукописи 1416 г. (Часослов маршала Бусико). Изображение демонстрирует типичные итальянские доспехи конца XIV — начала XV вв.

Чтобы стимулировать столь серьезный финансовый риск своих подданных (ведь исход войны никогда не ясен), государство брало на себя обязательства по компенсации стоимости раненых и убитых коней. В последних декадах XIII в. во Флоренции маршал города учитывал погибших коней и возмещение выплачивалось автоматически, если о потере заявляли в течение трех дней. Филипп III после похода на Арагон выплатил компенсации в размере 34691 турских ливров примерно за 1100 коней.

В эпоху позднего Средневековья требования к коням принципиально не изменились. По-прежнему была необходимость в высоких сильных конях хорошей стати, способных легко нести человека в доспехах. Стоимость коня в целом осталась прежней. Изменились требования к количественному составу коней в копье или знамени. В XIV—XV вв. количество бойцов в основных тактических единицах возросло. Соответственно возросло и количество лошадей. Причем в этот период количество коней на одного всадника в среднем было большим, чем в XIII—начале XIV вв. (по крайней мере, теоретически). Филипп Мезьер в уставе своего будущего ордена Страстей Исусовых в конце XIV в. пишет: «... отправляясь в поход (магистр. — *Авт.*) будет иметь при себе оруженосца в полном вооружении, малого слугу, каковой понесет его копье и шлем либо бацинет, и другого, большого слугу, облаченного в жак, каковой понесет его кольчугу, и пешего слугу — он поведет его вьючную лошадь; итого для войны оный рыцарь будет иметь четырех человек и пять лошадей». Простой рыцарь должен располагать тремя или четырьмя лошадьми и тремя людьми, из которых один или двое будут комбатантами.

[1] Отметим, что в это время граф находился на жаловании у короля.

Нагрудник (турнирный?).
1400-е гг. Предположительно северо-итальянский.
Государственный Эрмитаж.
Данный экземпляр уникален в своем роде и не имеет аналогов. Возможно, это один из наиболее ранних образцов специального турнирного вооружения

Согласно кондотте[1], заключенной между Флоренцией и кондотьером Микелетто дельи Атендоли в 1432 г., последний обязывался выставить копья, каждое в составе одного капитана, помощника или конюшего и одного пажа с двумя лошадьми. К последней трети XV в. численность копья и коней, полагавшихся ему, еще более возрастает, особенно в Италии. Устав миланской армии 1472 г. предполагает наличие 3604 кавалеристов в 136 эскадронах с 24 617 конями, то есть примерно по 6–7 коней на всадника. Кондотта между Флоренцией и Эрколе Бентивольо 1483 г. требует «четырех лошадей на одного кавалериста в кирасе ...».

[1] Кондотта — специально оформленный и сформулированный договор на предоставление услуг наемной армии.

Строгие требования и высокая стоимость боевых коней предполагали тщательную ремонтировку конского состава армии. Restauratio equorum — осмотр коней специальной комиссией — известен с XIII в. Маршал и его люди обязаны были составить список коней с указанием их стоимости для установления соответствия требованиям и во избежание обмана, в случае если придется возмещать стоимость убитого животного. Джон Гонт герцог Ланкастер использовал в контрактах с наемниками следующую формулу: «И будут сии боевые лошади должным образом оценены, и согласно каковой цене будет произведена ремонтировка...» В Италии XV в. был известен специальный чиновник «bullator equorum», который составлял списки с именами и званиями каждого наемника и принадлежащих ему коней с точным их описанием.

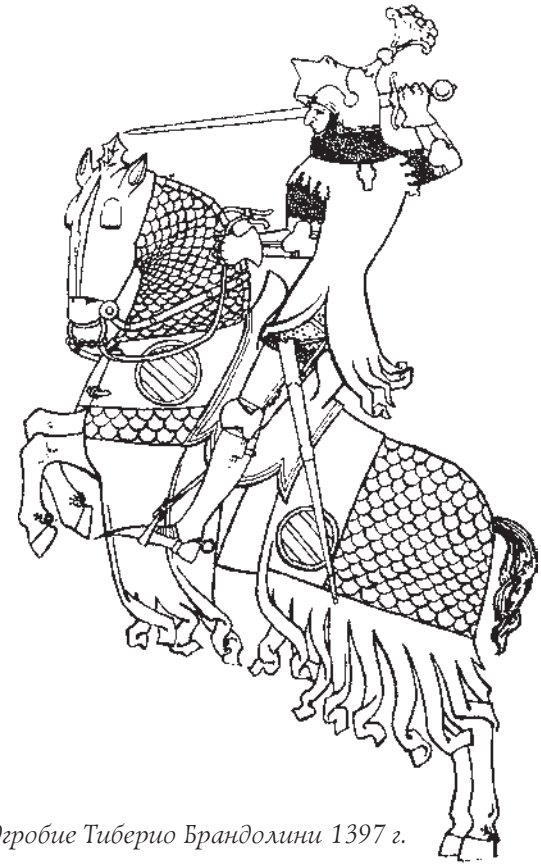
Столь дорогое животное, как конь, должно было быть соответствующим образом снаряжено. Конское снаряжение можно подразделить на две категории: сбруя или снаряжение для управления конем, седло и защитное снаряжение. Сбруя состояла из наголовья с поводьями. Оно представляло систему ремней и пряжек, которые фиксировали во рту лошади непосредственное средство управления — мундштук, пилям или трензель. Трензель — наиболее древнее средство, конструктивно состоит из металлических планок на гибкой сцепке с кольцами по бокам. К кольцам крепились поводья для манипулирования

Шпора. 1400 гг. Франция или Италия.
Государственный Эрмитаж.
Шпора выполнена из бронзы и декорирована позолотой и эмалевыми вставками на ременных обоймах. На дужках надпись «Je le desir»

конем. Пилям представляет собой трензель с добавлением псалий. Последние являются металлическими рычагами, которые крепятся к трензельным кольцам и служат более жесткому управлению конем. Мундштук отличается монолитной, не гибкой металлической планкой во рту лошади. Как правило, она имеет изгиб в центре, но может быть и прямой. Мундштук всегда снабжен псалиями. Для максимально точного управления мундштук мог оснащаться двумя поводьями. Первые крепились к нижнему окончанию псалий, вторые — к мундштучным кольцам. Мундштук и, реже, пилям были основными средствами управления рыцарским конем. Трензельные оголовья использовались почти исключительно в среде легкой конницы. Другим важным средством управления были шпоры, которые к началу XV в. заметно удлинились по сравнению со шпорами XIV столетия. В начале XIV в. в Европу с территории Руси были занесены шпоры с зубчатым колесиком или «звездочкой», которые были гораздо удобнее прежних шпор с пиковидным окончанием.

Седло было необходимой составляющей рыцарского способа ведения боя. Только уперевшись в заднюю луку рыцарь мог сообщить копью всю массу и скорость атакующего коня. Таким образом, укол производился не относительно слабой человеческой рукой, а сильным и быстрым животным, к которому добавлялся вес всадника и его доспехов. Седло рыцаря должно было иметь высокие луки. В XIV в. распространяется «ясельное» седло, луки которого доходили почти до середины человеческого торса. В XV в. луки боевых седел заметно уменьшились, что позволило всаднику более свободно поворачиваться в стороны. На седельные луки возлагалась также предохранительная функция. В XV в. их стали все чаще оковывать железом, что стало обычной практикой к XVI столетию.

Конский доспех до XIV в. не был распространен широко. Изначально это были кольчужные и стеганые попоны, которые просуществовали до XV в. В XIV в. их стали дополнять латными или кожаными налобниками. Появились и латные нагрудники. Некоторое распространение, особенно в Италии, получили бригандинные попоны. До 1440–1450 гг. конский доспех переживал стадию эксперимента. Только в середине XV в. появилась окончательная форма конского доспеха, просуществовавшая до конца XVI столетия с незначительными изменениями.



Надгробие Тиберио Брандолини 1397 г.

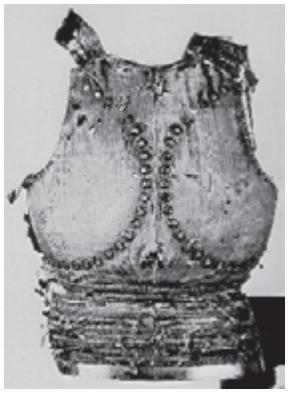
Цветная вкладка *(стр. 57)*

Представлен итальянский рыцарь в снаряжении конца XIV—начала XV вв. Реконструкция основана на надгробии Тиберио Брандолини (ум. 1397) из церкви св. Франциска в городе Багнокавалло. Изображенное снаряжение может относиться к более позднему времени, а именно к началу XV в.

Шлем: бацинет «хундсгугель». Тулья куполовидная, монолитной конструкции, со смещенным назад острием.

Прикрытие корпуса: акетон, кольчуга с короткими рукавами и бригандина. Бригандина видна в боковом разрезе котты. Судя по расположению заклепок, сгруппированных по три, задняя ее часть состояла из мелких прямоугольных и трапециевидных пластин. Представляется возмож-

ным соотнести ее с тремя бригандинами из города Халкис и некоторыми единовременными изображениями[1]. Они имеют Х-образный силуэт и медиальный разрез спереди на ремнях и пряжках и застежки на плечах. Грудь прикрыта двумя монолитными пластинами, представляющими половины кирасовидного нагрудника. Внизу нагрудник продолжен подолом из серии (5–7 штук) горизонтальных полос, также разделенных по центру надвое. Спина в районе лопаток и основания шеи прикрыта крупным монолитным Т-образным наспинником. Внизу он дополнен серией трапециевидных пластин, которые смыкаются по бокам с нагрудником и подолом.



Нагрудник. 1390–1400 гг. Милан. Мастер «Р»

Прикрытие рук конструктивно состоит из плечевых щитков, налокотников, наручей и перчаток. Плечевые щитки, налокотники и наручи собраны в единую систему посредством подвижных шарнирных соединений.

Плечевой щиток полуцилиндрический, одностворчатый, доходит до середины плеча, где шнуруется к рукаву акетона.

Налокотник конструктивно состоит из основной пластины и четырех переходных пластин, по две с каждой стороны. Основная пластина имеет выраженную выпуклую форму с горизонтальным ребром жесткости и крупным боковым крылом с изгибом внутрь по центру. Через переходные пластины линзовидной формы налокотник посредством шарниров соединяется с плечевым щитком и наручем. Шарниры последнего помещены в длинные горизонтальные прямоугольные отверстия, что обеспечивает свободу движения предплечья по кругу (так называемые скользящие заклепки).

Наруч: анатомический, двустворчатый.

Перчатки латные — «песочные часы». (Аналог всем компонентам прикрытия руки в арсенале замка Курбург, Южный Тироль, 1380–1400 гг.; имеет итальянское происхождение.)

Фрагмент бригандины (нагрудник и подол). Милан. 1360–1400 гг. Баварский Национальный Музей. Мюнхен

Прикрытия ног: конструктивно состоят из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренник: латный, анатомический, двустворчатый. Посредством шнуровки крепится к подолу акетона. Соединен с наколенником посредством шарниров.

Наколенники: идентичны налокотникам. Продолжены внизу широкой переходной пластиной с заостренным вытянутым центром. В нижней части последней переходной пластины имеется ремень, посредством которого наколенник фиксируется поверх наголенника. Тыльная сторона колена прикрыта кольчужной вставкой.

Наголенник: латный, анатомический, двустворчатый.

Сабатон: кольчужный, с ламинарной накладкой сверху[1].

Щит: сложнофигурный тарч с вырезом для копья и скругленным нижним краем. Несет герб владельца — золотые перевязи на пурпурном поле.

Наступательное оружие: полутораручный меч. Клинок вытянутый, сечение четырехгранное. Эфес простой, с изогнутой крестовиной и дисковидным навершием.

Конский доспех состоит из чешуйчатого нашейника и нагрудника, а также отдельного чешуйчатого накрупника; голова прикрыта полным латным наглавником с ламинарным назатыльником, который в данном случае закрывает всю шею и доходит почти до седла.

[1] Арсенальная башня г. Халкис рухнула в результате землетрясения в 1840 г. При раскопках были обнаружены более сотни шлемов и части доспехов XIV–XV вв.

[1] Кольчужные сабатоны и кольчужные привески к наколеннику были одной из наиболее узнаваемых черт итальянского доспеха XV в.

Рыцарское снаряжение

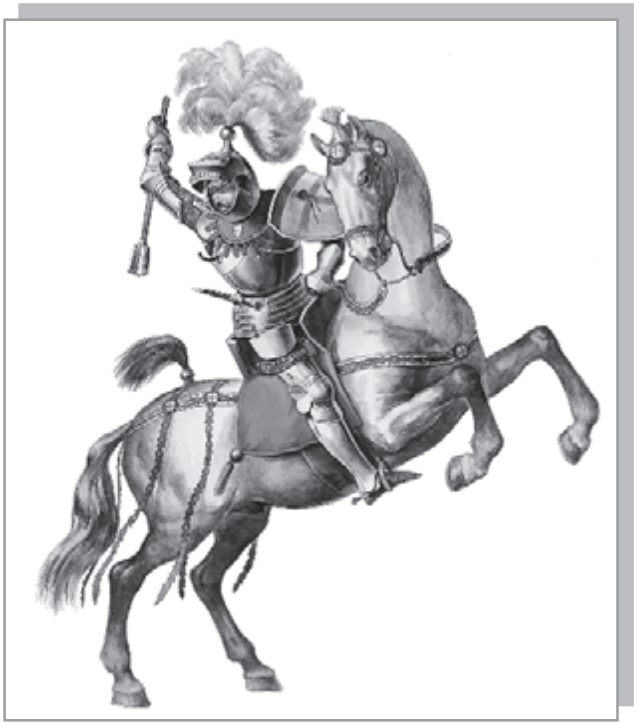
Первая половина XV в.

В 1420–1430 гг. рыцарский доспех претерпел значительные конструктивные изменения. С этого времени берет начало период в истории защитного снаряжения, который Клод Блэр метко назвал «Великим периодом». Одновременно завершается процесс формирования основных европейских оружейных школ Германии и Италии. При этом итальянские производители доспехов прочно занимают лидирующие позиции на ближайшие полвека. Только к 1490–1500 гг. германские мастерские смогли составить им заметную конкуренцию. Искусство итальянских мастеров наиболее ярко реализовывалось в изготовлении латных доспехов, которые с той поры стали основной формой защитного вооружения.

Дальнейшее распространение и развитие «белого» доспеха было напрямую связано с эволюцией наступательного оружия. По сравнению с 1350–1410 гг. собственно поражающие свойства оружия принципиально не усилились. При этом средства нападения стали гораздо удобнее и более пригодны для нанесения точечного, филигранного поражающего воздействия. Этим фактом объясняется широкое применение различных небольших аксессуаров доспеха, призванных дополнительно защищать наиболее уязвимые части защитного снаряжения.

Остановимся подробнее на оружии конника. Развитие копья мы затронули в одном из предыдущих разделов. В период 1420–1440 гг. оно еще более утолщалось и становилось тяжелее. Потери точности и маневренности действий этим оружием не происходило благодаря повсеместному внедрению фокра.

Рыцарский меч претерпел следующие усовершенствования. В рассматриваемый период превалируют массивные граненые и негнущиеся клинки мечей, рассчитанные на нанесение жесткого укола. Одновременно сохраняются и рубящие клинки[1]. Изменяется оформление рукояти.



Преобладание точного укола над рубящим воздействием обусловило широкое использование рукояти с выраженным «ортопедическим» утолщением возле гарды, которое позволяло более удобно размещать кисть при нанесении укола. Навершия повсеместно приобретают удлиненные вытянутые формы, что делало возможным удлинить рычаг хвостовика, а значит, и улучшить балансировку без особого утяжеления оружия[1]. Трудно переоценить значение хорошо сбалансированного клинка для нанесения укола.

Другая группа клинкового оружия, которым пользовалась конница, была представлена фальшионами. По сравнению с XIV в. фальшионы XV столетия приобрели более изящные формы.

[1] Плоские и широкие клинки в основном отходят в сферу невоенного употребления, например, как оружие самообороны или пардно-церимониальный атрибут.

[1] Подобные навершия и рукояти с «перехватом» были известны уже в XIV в., однако с 1420-х гг. они становятся преобладающими.

Как правило, они имели клинки с плавным изгибом и выраженной елманью, которая могла превышать треть общей длины клинка. Наличие елмани значительно усилило острие и сделало оружие более эффективным при уколе. Искривленный клинок с расширением к острию был удобен также при рубящем воздействии. В первую очередь, с фальшионами связано появление развитых гард, лучше защищавших кисть, что позволяло более смело и точно владеть оружием. В 1340 г. фальшионы стали оснащать перекрестьями с защитным кольцом. Оно располагалось со стороны лезвия и служило для защиты указательного пальца, перенесенного через плечо перекрестья. Этот так называемый «итальянский хват» сообщал дополнительный рычаг для контроля над оружием, многократно повышая его фехтовальный потенциал. В первой трети XV в. гарды с защитным кольцом приобрели широкое распространение. Другое нововведение явилось дальнейшим развитием перекрестья, появившегося в 1280–1300 гг. Речь идет о S-образных крестовинах. Изначальные формы отличались короткими плечами перекрестья со слабой степенью изгиба. К 1430 г. появились улучшенные варианты подобных гард с длинными, значительно изогнутыми перекрестьями. С одной стороны дужка почти полностью закрывала пальцы на рукояти, с другой — значительно изгибалась в направлении обуха. Подобные гарды могли впоследствии дополняться защитными кольцами. Развитые формы гард в описываемый период стали устанавливаться и на мечах.

Кинжалы в начале XV в. стали очень опасным оружием. Обычно на поясе латника в описываемый период висел кинжал с коротким, очень массивным трех-четырехгранным клинком, который мог легко проткнуть кольчугу. Эфес таких кинжалов, как правило, формировался двумя дисковидными шайбами вместо навершия и гарды («schaibendolch» — нем.) или «почковидной» гардой и конической рукоятью, расширяющейся к навершию («neirendolch» — нем.). Оба вида эфесов жестко фиксировали удерживающую их кисть, обеспечивая надежный упор, что сообщало уколу высокую эффективность. Кинжал был незаменимым оружием ближнего боя.

Дальнейшее распространение и развитие получает ударное оружие — секиры, клевцы и шестоперы.

В XV в. рыцарям все чаще приходилось сталкиваться с дисциплинированной тяжелой пехотой или самим биться в пешем строю. Оружие пехоты в это время стало поистине смертоносным.

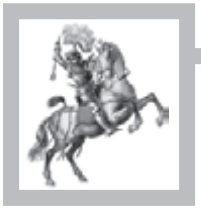
В качестве основного средства нападения все чаще выступала длинная пика с массивным четырехгранным в сечении наконечником. Своим распространением она обязана, в первую очередь, знаменитой швейцарской пехоте. Хорошо обученная пешая баталия не нуждалась теперь в полевых укреплениях (ров, палисад, вагенбург) для отражения конной атаки. Частокол пик предоставлял достаточную защиту.

Комбинированное древковое оружие — алебарды, коузы, глефы и т. д. продолжали реализовывать тенденции развития, заложенные еще в XIV столетии. Акцент на укол, навеянный временем, объясняет появление массивных граненых шипов в качестве дополнительных или основных поражающих элементов оружия. В 1430–1440 гг. подобное оружие стало часто снабжаться дисковидными гардами непосредственно под клинком (коуза, альшписс) или в середине древка (двуручная секира, клевец). Гарда защищала кисть и обеспечивала упор при уколе. На обухах все чаще (относительно XIV в.) стали появляться различные выступы, пригодные как для нанесения удара в ближнем бою (на манер клевца), так и для парирования вражеского оружия. Древки в массовом порядке стали оковывать стальными пожилинами[1]. В результате оружие прибавило в весе и значительно выиграло в прочности.

На усиление доспеха влияли и арбалеты повышенной мощности. Ручное огнестрельное оружие, хоть и распространялось все больше, не могло конкурировать с арбалетом в пробивной силе и серьезно влиять на развитие защитного снаряжения.

В условиях всеобщего применения описанных средств нападения вполне логично выглядит и распространение улучшенных форм доспеха. Неутомимый двигатель прогресса всего Средневековья, а именно, тандем воин–оружейник, аккумулировал к началу XV в. огромный теоретический и практический опыт производства и употребле-

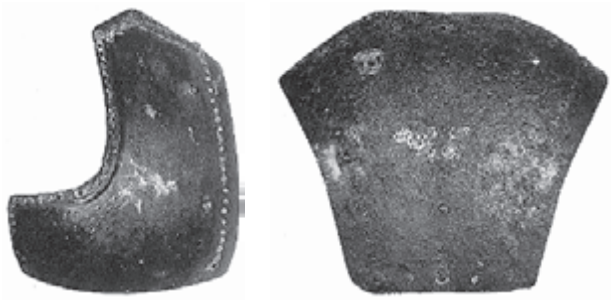
[1] В XIV в. достаточно часто встречались неокованные древки.



ния различных видов доспехов. Наличие такого базиса позволило совершить поистине революционный скачок в защитном вооружении, так что XV в. по праву считается золотым веком в истории доспеха.

Общей тенденцией в развитии защитного вооружения является стремление к созданию максимальных площадей «разнесенного бронирования». Пластины должны располагаться со значительным взаимоналожением. Это увеличивало подвижность отдельных деталей доспеха и способствовало лучшему отражению кумулятивного эффекта поражающих элементов наступательного оружия. Значительно улучшилась также выделка стальных поверхностей доспеха. В этот период закалка пластин достигла высокой степени совершенства.

Рассмотрим подробнее, из чего состояло рыцарское защитное снаряжение. Прежде всего из толстой стеганой куртки — камзола, которая в обязательном порядке поддевалась под латы. Она шилась из кожи или прочной грубой материи на конском волосе, вате или пакле. В XIII–XIV вв. этот матерчатый доспех назывался «акетоном», в XV в. за ним закрепился термин «дублет». От толщины набивки и качества простежки дублета во многом зависели защитные свойства любого доспеха. Ведь сильный удар мог, не пробив лат, серьезно травмировать владельца ушибающим действием собственного доспеха. О том, как выглядел и изготавливался дублет XV в., мы знаем в основном из письменных и изобразительных источников. Единственный дошедший до наших дней экземпляр хранится ныне в Филадельфийском музее в составе бывшей коллекции Отто фон Кинбуша. Дублет кроился по фасону модного в XV в. «вамса» — короткой приталенной куртки, обычно с застежкой спереди и стоячим воротником. Как и у вамса, длинные рукава дублета могли не пришиваться, а пришнуровываться к проймам. Наиболее толстая набивка прикрывала самые уязвимые места тела — шею, грудь, живот. На локтевых сгибах и подмышками набивка была совсем тонкой или вовсе отсутствовала, дабы не стеснять движений воина.



Детали бригандины: половина составного нагрудника (слева) и наспинник. Милан (?), 1420-е гг. Найдены на о. Эвбея. Коллекция Афинского этнографического музея

На голову под шлем надевался стеганый подшлемник. Один подшлемник, как правило, монтировался внутри шлема, второй, более тонкий, меньшего размера, надевался непосредственно на голову владельца наподобие светского чепца, именуемого «каль». Столь мощные амортизирующие подкладки вызывали необходимость в значительном увеличении размеров шлема, который существенно превосходил диаметр головы рыцаря. В венском Историческом музее демонстрируется подшлемник турнирного шлема, который дает общее представление о покрое и внешнем виде аналогичных предметов.

Под ножными латами также полагалось носить стеганые подкладки. Английский манускрипт 1440 г., содержащий наставления о защитном вооружении для пешего боя, — «How a man shall be armyd at his ese when he shal fighte on foot», ясно указывает, что под наколенниками должна быть стеганая прокладка на шерсти. Множество набедренников XV в. имеют приклепанные изнутри по периметру кожаные полосы, к которым могла шнуроваться подкладка.

Поверх дублета под доспех могла надеваться кольчужная рубаха. Однако с появлением полных надежных пластинчатых доспехов, то есть с середины XIV в. вместо полной кольчуги к дублету стали все чаще пришнуровывать фрагменты кольчужного полотна. Они прикрывали сочленения доспеха — локтевые сгибы, подмышки, также подол и ворот дублета. Самый ранний пример подобного фрагментарного окольчужения относится к 1361 г. — это найденный на поле знаменитой битвы под Визби отдельный кольчужный рукав. Развитый вариант кольчужного полотна мы видим на замечательной сохранности дублета из коллекции фон Кинбуша. Употребление кольчужных фрагментов позволило, не теряя надежности (ведь сочленения — наиболее уязвимые области

доспеха, оставались прикрытыми), серьезно выиграть в весе. Хорошо известны многочисленные прецеденты, когда воины вообще пренебрегали кольчугой, будь то полная рубаха или только фрагменты на дублете. Видимо, это были чрезвычайно самоуверенные или недостаточно состоятельные люди. Один точный укол в сочленения доспеха мог привести к чрезвычайно серьезным травмам и летальному исходу.

К первой трети XV в. в употреблении рыцарского сословия находилось четыре вида шлемов: бацинет, армэ, салад (шалер), шлемы с полями (шапель-де-фер, айзенхут).

От предыдущего столетия пришел так называемый шлем «бацинет». Самое популярное боевое наголовье XIV в. оказалось настолько перспективной конструкцией, что просуществовало, видоизменясь и эволюционируя, вплоть до XVI в. От бацинетов произошел ряд других видов шлемов, которые, уже не являясь таковыми по сути, продолжали зачастую именоваться этим термином[1]. Конструктивно бацинет представлял собой глубокое наголовье, закрывающее голову до основания черепа и ниже. Тулья могла быть полусферической или куполовидной. Любой приостренный вариант еще с XIV в. подчинялся тенденции смещения верха (острия) шлема назад, так что задняя образующая шлема имела вид прямой линии или стремилась повторить анатомический изгиб затылка и шеи. Для бацинетов конца XIV–XV вв. было характерно наличие назатыльной пластины, нередко доходящей до ключиц и лопаток, подвижной монолитной шейной защиты (нашейник), прикрепленной на шарнирах к венцу шлема на уровне челюстных костей черепа. Таким образом, шлем опирался на плечи владельца, надежно защищая голову и шею воина. Бацинеты с удлиненным назатыльником и прикрытием горла назывались «большими бацинетами» и получили широко распространение в рыцарской среде. Большие бацинеты всегда снабжались забралом. В конце XIV в. исключительной популярностью пользовалось удлиненно-коническое забрало, которое, как уже отмечалось, из-за сходства с собачьей головой называлось «хундсгугелем». Своеобразная обтекаемая форма забрала позволяла легко отражать самые мощные копейные уколы без вреда для владельца. К 1420–1430 гг. хундсгугели доживали последние годы, неуклонно вытесняясь с полей сражений новой разновидностью забрала с полусферической «бульбовидной» центральной частью. Бацинеты, снабженные забралом подобной конструкции, получили название «бикок» или «бикокет»[1]. Глазные прорези забрала отбортовывались наружу или защищались пропиленной решеткой, что создавало дополнительную защиту от уколов. Для облегчения дыхания и обеспечения лучшего обзора забрала снабжались нижней прорезью на уровне рта и сквозной перфорацией центральной части. Нередко перфорацией покрывалась только одна правая половина забрала. Подобное расположение отверстий обуславливалось условиями конного боя на копьях, являвшимся основным для рыцарского сословия, когда в первую очередь поражалась левая половина шлема, которую по понятным причинам нельзя было ослаблять отверстиями. К нижней части шлема посредством металлических втулок или сквозных отверстий могла пришнуровываться кольчужная бармица, нижний край которой часто оформлялся в виде треугольных фестонов. Простые бацинеты (не снабженные нашейной пластиной и удлиненным назатыльником) продолжали использоваться в рассматриваемый период, хотя они все чаще становились атрибутом пехоты, легкой конницы и беднейших слоев рыцарства. Значительное количество бацинетов работы знаменитых итальянских мастеров (Миссаглиа и др.) хранится в оружейной коллекции замка Курбург в Южном Тироле, в музее Метрополитен в Нью-Йорке, лондонском Тауэре.

Непосредственным конструктивным развитием бацинетов являлся шлем «армэ». Основное различие между армэ и бацинетом в 30-х гг. XV в. заключалось в наличии у первого двух снабженных шарнирами нащечных пластин, смыкающихся перед подбородком и запирающихся посредством накидного крюка или съемного шкворня.

[1] Например, шлем «армэ» до начала XVII в. часто именуется в источниках бацинетом.

[1] Бикокет — буквально «малый бикок». Видимо, так назывались шлемы с подобным забралом, но без нашейного прикрытия и удлиненного назатыльника.

Забрала ранних армэ (1415–1420 гг.) ничем не отличались от забрала бацинетов типа хундсгугель или изготавливались в виде изогнутой пластины с ярко выраженной продольной гранью. Отметим, что к 1430 г. второй вариант стал преобладающим.

Наиболее ранние образцы армэ с забралами обоих типов можно наблюдать на двух итальянских изображениях. Первое изображает св. Георгия, 1420 г., второе — надгробие неизвестного рыцаря из Брешии, 1410 г. Приблизительно с этого периода термин «армэ» начинает прослеживаться и в письменных источниках.

От бацинета ведет свое происхождение еще одна разновидность шлемов, а именно так называемые «салады». Другим часто употребимым термином для обозначения данных шлемов был «барбют». Родиной этого боевого наголовья принято считать Северную Италию. Отличительными чертами являлись полусферическая тулья с медиальной гранью или гребнем, а также ярко выраженное удлинение нижней части назатыльника. Эти шлемы никогда не оснащались бармицами и надевались на кольчужный капюшон либо стеганый подшлемник. Термин «салад» встречается впервые в описи арсенала семьи Гонзага (Италия) в 1407 г. К 1420–1430 гг. данный шлем стал снабжаться подвижным забралом, крепящимся к тулье двумя шарнирами. Известно два вида забрал салада. Первый — сравнительно короткий — доходил до уровня рта. Глазная прорезь образовывалась между нижним краем лицевого выреза шлема и верхним краем забрала. Второй — больший по размерам — закрывал голову от налобной части до подбородка. Если первый вариант был общеупотребимым и широко представлен в источниках, то второй встречается в описываемый период крайне редко. Едва ли не единственной находкой подобного забрала, относящегося к описываемому периоду, является экземпляр, обнаруженный при раскопках в городе Халкис на Эвбее. С первым вариантом забрала часто носилась специальная подбородная пластина, второй вариант мог употребляться самостоятельно. Шлем «барбют», видимо, отличался от «салада» только менее удлиненной назатыльной частью и специфическим, более закрытым лицевым вырезом.

Салад с подбородником. Милан. 1430-е гг. Коллекция Парижского музея армии

Шлемы с полями (шапель-де-фер) были очень популярны в среде профессиональных военных. Форма обычной шляпы обеспечивала полный обзор и незатрудненное дыхание, при этом нависающие поля защищали лицо от поперечных ударов. Наибольшее распространение этот шлем получил в среде пехоты, однако рыцари и даже коронованные особы не пренебрегали им. Вспомним роскошный, украшенный золотом шапель-де-фер (скорее всего итальянского происхождения) Карла VI Валуа, найденный в колодце Лувра. Тяжелая конница передних шеренг боевого построения, принимавшая на себя первый, самый страшный копейный удар, носила закрытые шлемы, бойцы же задних рядов чрезвычайно часто употребляли шлемы с полями. На миниатюрах Хроники Фруассара первой половины XV в. множество конников изображены в шапелях. Удобство этого шлема заставило адаптировать его и для нужд жандармов передних шеренг[1]. Огромные,

[1] Жандармы (hommes d'arm — *фр.*) — букв. «вооруженный человек». Термин использовался для обозначения любого тяжеловооруженного воина.

низко опущенные поля таких шлемов почти полностью закрывают лицо, в комплекте же с нашейной и подбородной пластиной, аналогичной той, что употреблялось с саладом или бацинетом, шапель почти не уступал в надежности бацинету, армэ и саладу с забралом. Наибольшее распространение в рыцарской среде получили шлемы данной конструкции с тульей куполовидной и сфероконической формы. Подобный шлем изображен на миниатюре «Роскошного часослова герцога Беррийского» 1410 г.

Шлемы всех рассматриваемых видов украшались в соответствии с модой, желанием владельца и этнографическими особенностями того или иного региона. Так, для французских рыцарей были характерны плюмажи, закрепляемые в трубки, устанавливаемые в верхней части тульи. Английские рыцари предпочитали носить на своих шлемах вышитые бурилеты (набивные валики). В Италии популярностью пользовались роскошные плюмажи самых разнообразных форм, закреплявшиеся в специальных трубках на острие шлема. Шлемы также могли золотиться или расписываться темперными красками.

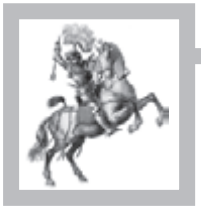
Защита корпуса была представлена доспехами трех видов: кольчуги, бригандины и кирасы. В среде тяжелой рыцарской кавалерии преобладали кирасы. В 20—30-х гг. XV в. военное сословие Европы использовало кирасы германского и итальянского происхождения. Итальянские кирасы существовали в нескольких модификациях. Существовали две основные их конструктивные разновидности. Первая монолитная разновидность, известная с 60-х гг. XIV в., представляла собой выпуклый нагрудник и наспинник, которые доходили до талии, где соединялись с пластинчатым подолом. Нагрудник имел несколько уплощенную верхнюю часть и традиционно не имел вертикальной грани, однако на экспорт граненые нагрудники кирас данного типа производились итальянскими оружейниками в большом количестве. Вторая разновидность состояла из нагрудника и наспинника, которые, в свою очередь, набирались из двух частей, верхней и нижней. Части классических итальянских кирас данного вида соединялись между собой ремнями с пряжками. Вариант, производимый для продажи в другие страны, собирался на скользящих заклепках, заменяющих ремни. Нагрудник и наспинник первого варианта соединялись на левом боку петлей и застегивались на правом боку пряжкой. Наиболее ранний образец составной кирасы (1420 г.) мы наблюдаем в оружейной коллекции замка Курбург.

Пластинчатые подолы закрывали тело от талии до основания бедер и имели плавные колоколовидные очертания. Они набирались из горизонтальных стальных полос, находящих друг на друга снизу вверх, по краям соединялись заклепками. По центру обычно пропускалась дополнительная кожаная полоса, приклепанная изнутри. Количество стальных полос подола колебалось от 4 до 7 или даже 8. Передняя часть подола по длине, как правило, совпадала с задней частью. Иногда встречались варианты с облегченной короткой задней половиной подола. Итальянские подолы с левого края соединялись петлями (по одной петле на каждую пластину) наподобие таких же кирас. Ко второй половине 1420-х гг. к низу подола стали привешивать на ремнях подпрямоугольные пластины, закрывавшие основание бедра. Эти пластины, называвшиеся «тассетами» (tassets), надежно прикрывали ногу от уколов, направленных снизу.

В рассматриваемый период продолжали использовать и бригандины, состоящие из мелких трапециевидных пластин. Матерчатая основа кроилась по фасону «вамса» с резко выраженной талией. Наиболее распространенными цветами покрышки бригандинного доспеха были красный и синий, реже желтый или зеленый. С 30-х гг. XV в., в редких случаях, бригандины могли усиливаться цельнометаллическими элементами, а именно нижней частью составной кирасы («плакарт») и пластинчатым подолом.

Кольчуга в качестве самостоятельного доспеха рыцарями не использовалась. Ворот, подол и рукава кольчуг могли декорироваться вставками из бронзовых позолоченных колец и выплетаться треугольными фестонами.

Руки воина защищались специальными стальными накладками, к которым относились наручи, налокотники, плечевые щитки, наплечники. Наручи представляли собой двустворчатую конструкцию, детали которой соединялись петлей и ремешками с пряжками. Налокотники выглядели как сильно выпуклые пластины полусферической, конической или куполовидной формы. Внешняя часть налокотников, как правило, снабжалась боковым щитком, имеющим форму раковины. Плечевой щиток защищал руку воина от локтя до плечевого сустава. Он



имел форму монолитной или разомкнутой в тыльной части трубы. Наплечник полностью защищал плечевой сустав, а также частично лопатку, ключицу и основание плеча. Подмышка могла прикрываться дополнительной подвесной пластиной той или иной формы. Для доспехов итальянских разновидностей характерно наличие асимметричных наручных лат. Левосторонний наплечник и налокотник отличались большими размерами. На рубеже 20–30-х гг. XV в. их стали усиливать дополнительными съемными накладками. Это было вызвано необходимостью выдерживать копейный удар, чаще всего приходившийся в левую половину доспеха. Итальянские наручи, налокотники и плечевые щитки соединялись в единую систему посредством узких подвижных переходных пластин. Соединение наруча и налокотника обеспечивалось скользящими заклепками. В Англию и Францию итальянские оружейники экспортировали преимущественно симметричные наручные латы.

Армэ. 1430 гг. Милан. Собрание замка Курбург

Интересной разновидностью прикрытия плечевого сустава были бригандинные наплечники. Они выполнялись в манере обычного бригандинного доспеха со стальными пластинками под тканью. Подобные наплечники или пристегивались (пришнуровывались) к панцирю наподобие латного наплечника, или выкраивались зацело с матерчатой основой бригандины.

Кисти рук закрывались латными перчатками или рукавицами. Они набирались из полос железа и пластин различных форм посредством шарниров. Пластинки, защищавшие пальцы, приклепывались к узким кожаным полосам, которые, в свою очередь, пришивались к пальцам обычных перчаток. В 1420-х гг. в Италии были изобретены латные рукавицы из широких полос стали на шарнирном соединении. К 1430 г. они совершенно вытеснили из обихода перчатки с раздельными пальцами.

Латы, закрывавшие ноги, традиционно опережали в развитии наручные латы. К первой трети XV в. это положение в значительной мере нивелировалось, и поножи стали в основном повторять конструктивные особенности наручных лат. Набедренник через переходные пластины на шарнирах присоединялся к наколеннику. Наколенник, как и налокотник, с внешней стороны дополнялся раковинообразным боковым щитком. Нижняя часть наколенника оснащалась несколькими переходными пластинами, последняя из которых по моде XV в. имела значительную длину, примерно до трети голени (иногда и до середины голени). В 1430-х гг. или немного раньше верхняя часть набедренника стала дополняться одной переходной пластиной для лучшего облегания ноги, а также для усиления защиты основания бедра. Задняя часть бедра закрывалась несколькими вертикальными полосами на петлях и пряжках. Под нижние переходные пластины наколенника надевался двустворчатый латный наголенник. Наголенник точно повторял особенности анатомического строения голени, что соответствовало требованиям удобства и практичности. Стопа помещалась в аркообразный вырез передней створки наголенника. Этот вырез имел отвальцовку по периметру для увеличения жесткости наголенника.

Стопа защищалась латным башмаком — «сабатоном», «солеретом». Как и латная рукавица, сабатон набирался из поперечных полос на шарнирах. Его носок имел приостренную форму по фасону обычного кожаного башмака «пулена».

Ножные и наручные латы декорировались накладками из цветного металла, зачастую покрытыми различным чеканным или гравированным геометрическим орнаментам.

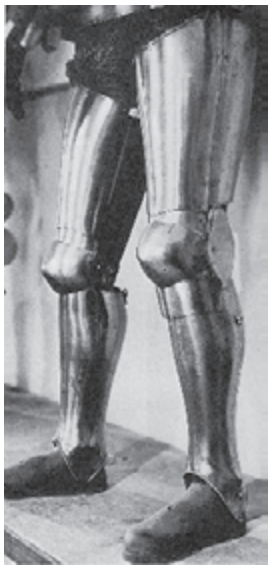
Прекрасный образец подобных ножных лат 1420–1430-х гг., найденных в городе Халкис, мы видим в коллекции музея Метрополитен в Нью-Йорке.

Вес рассматриваемого нами комплекса латной защиты первой трети XV в. вместе со стеганными и кольчужными элементами составлял 20–25 кг., но могли встречаться и более тяжелые экземпляры. В большинстве случаев вес доспеха зависел от физических данных его владельца. Толщина пластин доспеха составляла, как правило, от 1 до 3 мм. Наибольшую толщину имели защитные детали, закрывающие торс, голову и суставы воина. Поверхность латных доспехов дополнительно насыщалась углеродом и подвергалась термообработке (закаливанию), благодаря чему пластины приобретали повышенные прочностные свойства.

Облачение воина происходило в следующем порядке. Первоначально надевались наголенники с сабатонами, затем на корпус воина надевался стеганый дублет, к которому пришнуровывались набедренники, соединенные с наколенниками. Потом надевались наручные латы, пришнурованные к верхней части рукава дублета. Затем на корпус воина надевалась кираса с латным подолом или бригандина. После того как закреплялись наплечники, на голову воина водружался стеганый подшлемник со шлемом. Латные перчатки надевались непосредственно перед боем. Для облачения рыцаря в полный доспех требовалась помощь одного или двух опытных оруженосцев. Процесс одевания и подгонки снаряжения занимал от 10 до 30 минут.

В рассматриваемый период времени в рыцарской среде продолжал использоваться щит. Он изготавливался из одной или нескольких досок. Щит имел различную форму (треугольную, трапециевидную, подпрямоугольную), одну или несколько параллельных граней, проходящих через центральную часть щита, и вырез под копье, располагавшийся с правой стороны. Поверхность щита оклеивалась кожей или тканью, после чего грунтовалась и покрывалась темперной росписью. Изображения на щитах представляли собой гербы владельцев, аллегорические рисунки, растительный орнамент, девизы, бейджи (отличительные значки) владельцев или отрядов. К внутренней стороне щита крепилась система ремней и набивная амортизационная подушка.

Доспех. Милан, мастерская Миссаглиа, 1420-е гг. Курбург



Цветная вкладка *(стр. 58)*

Реконструкция представляет рыцаря в итальянских (миланских) доспехах 1420–1430 гг. Исходным материалом послужило изображение св. Георгия работы Жакопо Жакерио 1420 г. из замка Санта-Фенис.

Шлем: ранняя форма армэ с забралом хундсгугель. Тулья стандартного куполовидного бацинета со смещенным назад острием имеет монолитную конструкцию. Она дополнена двумя выпуклыми нащечными пластинами, подвижно зафиксированными посредством петель на боках шлема. Нащечники застегиваются в районе подбородка посредством съемного шкворня. Забрало съемное. Смотровые прорези оформлены в виде амбразуровидных выступов, полукруглых в сечении, снабженных частыми прямоугольными вертикальными отверстиями, образующими подобие решетки. Шлем оснащен бармицей на внешней подвеске. Бармица накрыта декоративной шелковой пелериной с фестончатым краем.

Прикрытие корпуса состоит из дублета с пришнурованными кольчужными вставками и кирасы.

Св. Георгий. 1397 г.

Кираса конструктивно состоит из верхней части — нагрудника (пластрона) и нижней — плакарта.

Пластрон: имеет вид короткой кирасы, не доходящей до талии. Наспинник крепится к передней части посредством подвижной петли в левом боку. На плечах и на правом боку имеются застежки на ремнях и пряжках. Горловина и проймы окаймлены массивной отвальцовкой наружу через проволоку. В правой части нагрудника установлен откидной фокр.

Плакарт: надевается поверх пластрона. Соединяется с последним посредством пряжек в центре задней и передней частей, через которые пропускаются ремни, установленные на пластроне. Плакарт имеет стрельчатую форму с выраженным заострением в центре. Он перекрывает пластрон приблизительно на половину общей площади. Плакарт соединен со спинной частью посредством подвижной петли на левом боку и кругового ремня на талии. Плакарт дополняется ламинарным подолом из шести полос, плавно расширяющимся вниз. Боковые образующие подола имеют форму пологой дуги. Детали, формирующие подол, соединяются посредством шарниров на боках и внутренних несущих ремней и заклепок в центре. Подол доходит от талии до основания бедер. К подолу посредством пряжек пристегнуты две трапециевидные пластины, прикрывающие верх бедер, так называемые «тассеты».

Прикрытия рук конструктивно состоят из наплечников, плечевых щитков, налокотников, наручей и перчаток. Все элементы прикрытия рук соединены в единую систему посредством скользящих заклепок.

Наплечник: состоит из основной пластины и шести переходных пластин — по три сверху и снизу. Основная пластина выпуклая, закрывает плечевой сустав, верхняя и нижняя часть имеют выраженное закругление. Наплечник крупный и закрывает сверху проймы кирасы. К основной пластине на ремне подвешен рондель — прикрывающий подмышку. Наплечник пристегивается к плечевому ремню кирасы. (Ближайший аналог находится в арсенале замка Курбург, Милан, 1430 г.)

Плечевой щиток: имеет форму разомкнутого цилиндра, который пришнурован к рукаву дублета.

Налокотник конструктивно состоит из основной пластины и четырех переходных пластин — по две с каждой стороны. Основная пластина имеет выраженную выпуклую форму с горизонтальным ребром жесткости и крупным боковым крылом со значительным изгибом внутрь по центру.

Наруч анатомический, двустворчатый.

Перчатки: состоят из крупных монолитных прикрытий кистей с длинными крагами. Спереди они доходят до окончания первых фаланг пальцев. Прикрытия пальцев бригандинные. (Курбург. Милан, 1420 г.)

Прикрытия ног конструктивно состоят из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренник: латный, анатомический, двустворчатый. Посредством шнуровки крепится к подолу акетона. Соединен с наколенником посредством шарниров.

Наколенники: идентичны налокотникам. Отличаются вертикальной гранью (вместо горизонтальной на налокотниках). Продолжены внизу широкой переходной пластиной с заостренным вытянутым центром. В нижней части последней переходной пластины имеется ремень, посредством которого наколенник фиксируется поверх наголенника.

Наголенник: латный, анатомический, двустворчатый. Дополнен внизу прямоугольной пластиной, прикрывающей основание свода стопы.

Сабатон: кольчужный.

Щит: небольшой прямоугольный тарч, пришнурован к левому наплечнику.

Наступательное оружие: четырехлопастной шестопер и почковидный кинжал.

Германская рыцарская конница

1430–1440 гг.

В XIV–XV вв. внешняя политика Германии перестала ориентироваться на Италию. Империя отказалась от бесплодной борьбы с североитальянскими городами и Анжуйской династией, укрепившейся на юге Апеннинского полуострова и на Сицилии. В 1365 г. у Франции, серьезно ослабленной поражениями в Столетней войне, было отнято Бургундское графство. Основные усилия Германии с тех пор надолго были сконцентрированы на южном и юго-восточном направлении. Германская экспансия в Восточной Европе вызвала всплеск национально-освободительной борьбы. Это привело к поражению Тевтонского ордена в Великой войне 1409–1410 гг. и гуситскому движению в Чехии. Последнее имело место в 1420–1430 гг. Война с гуситами стала одной из важнейших точек приложения сил Германской империи. Для подавления движения на территорию Чехии один за другим были направлены пять Крестовых походов с 1420 по 1433 гг. Все попытки силового разрешения гуситской проблемы закончились крахом для Германии. Несколько раз гуситы переносили войну с территории Чехии на земли Германии, Австрии и Венгрии в 1423, 1427 гг. Только к 1434 г., воспользовавшись внутренними противоречиями в лагере гуситов между таборитами и чашниками, империя смогла подавить освободительное движение.

Тактика германского рыцарства в этот период находилась под несомненным влиянием военного искусства их противников. Против гуситов в основном использовалась тактика спешенной конницы при усиленной поддержке стрелков и полевой артиллерии. Гуситы вступали в сражение, опираясь на то или иное временное полевое фортификационное сооружение. Как правило, это был вагенбург, которым гуситы научились пользоваться в совершенстве[1]. Телеги вкапывались в землю, укреплялись специальными откидными бортами и большими станковыми щитами «павезами». Защитники вагенбурга массированно применяли ручное огнестрельное оружие, арбалеты и полевую артиллерию. В поле вне укрепления

[1] Вагенбург (Wagenburg — *нем.*) — букв. «город из телег». Временное полевое укрепление, создаваемое из поставленных в круг телег обоза. Известно в широком использовании с начала XII в. Гуситы строили вагенбурги с несомненным искусством, за короткое время, превращая примитивную преграду в неприступную крепость.

Распятие. Конрад Лайб, 1449 г. Фигура рыцаря на коне несет одно из наиболее ранних изображений ожерелья с воротом, поддетого под кирасу

пехота укрывалась за павезами, выставленными сплошной стеной, поражая из-за нее неприятеля при помощи метательного и ударного оружия[1]. Несмотря на то, что основной движущей силой гуситов было мелкое рыцарство, конница играла в их войске вспомогательную роль. Германская конница была почти бесполезна при штурмах укреплений. Этим объясняется широкое использование приема спешивания рыцарей.

Помимо спешивания, германское рыцарство первой половины XV в. было знакомо с полным спектром тактических приемов конницы. Основными построениями были линейное и клиновидное. Последнее, например, было применено в сражении при Пилленрейте 1450 г. между Нюрнбергом и маркграфом Бранденбургским Альбрехтом Ахиллом. Примечательно, что и городская конница и конница маркграфа начинали сражение в клиновидных колоннах.

Комплектация клина вряд ли изменилась по сравнению с XIII–XIV вв. По-прежнему впереди и на флангах шли лучшие рыцари в отборном вооружении. В центре ставились худшие воины. Прямоугольная колонна в тылу клина формировалась из кнехтов и оруженосцев. За ними могла идти шеренга рыцарей для поддержания порядка, как поступили, например, нюрнбержцы в бою под Пилленрейтом. В XV в. впервые встречаются более или менее точные количественные данные и подробности организации отдельного клина. Например, Альбрехт Ахилл оставил подробнейшее описание построения конного войска в трактате «Приготовление к походу», которое он написал для своего сына Иоанна в 1477 г. Данное воинское наставление А. Н. Кирпичников справедливо оценил как уникальное по исторической ценности. Согласно данному трактату, конное войско возможно было расчленять на три знамени (хоругви) с типическими названиями — «Великая», «Хоругвь святого Георгия» и «Гончая». В хоругвях насчитывалось 700, 500 и 400 воинов соответственно. Хоругвь строилась колонной с клиновидной фронтальной частью — собственно клином. В глубину клин имел пять шеренг. Первая шеренга состояла из 3, 7 или 9 рыцарей, смотря по численности хоругви. Задняя шеренга — 11, 15 или 17 рыцарей. Численность клина «Гончей хоругви» составляла 35 бойцов, «Хоругви святого Георгия» — 55 и «Великой хоругви» — 65. За клином следовала прямоугольная колонна, ширина которой по фронту не превышала ширины задней шеренги клина. Соответственно в порядке возрастания хоругви имели по 365, 445 и 635 человек в задней части построения. Трудно сказать, насколько данное теоретическое пособие соотносилось с действительностью. Скорее всего, испытанный воин маркграф Альбрехт опирался на не-

[1] Бой с использованием станковых павез впоследствии стал характерной особенностью богемской пехоты.

кие реальные данные из собственного опыта. В любом случае рассматриваемый трактат весьма показателен в плане развития европейской военной мысли XV столетия, особенно применительно к тактике конницы.

Клин не являлся боевым построением в полном смысле слова, в чем необходимо согласиться с Гансом Дельбрюком. Как отмечалось в одном из предыдущих разделов, сражаться в данном построении было невозможно. Оно лишь служило для подведения максимального числа воинов компактной группой в надлежащем порядке к фронту неприятеля, где клин разворачивался в линию. Вообще линейное построение конницы использовалось шире клиновидного. По крайне мере, в источниках свидетельства линейного построения встречаются гораздо чаще. Линия позволяла нанести слитный удар силами всего конного эскадрона одновременно. Причем вытянутый фронт позволял в ряде случаев охватить фланг или фланги противника, что являлось почти абсолютной гарантией успеха. Для обеспечения тыла и поддержки фронтальной шеренги эскадрону придавалась обычно минимальная глубина построения в два-три ряда, редко больше. В задних рядах должны были идти оруженосцы и боевые слуги, поддерживавшие своего рыцаря в переднем ряду. Они, как правило, имели более легкое вооружение, позволявшее эффективно действовать в условиях ближнего боя. Невзирая на несомненные достоинства, линейное построение не всегда было приемлемым в условиях средневекового сражения. В период нового и новейшего времени линия стала единственно возможным строем конницы, благодаря высокой дисциплине и выучке солдат, коней и, что особенно важно, строевой подготовке целых подразделений. Рыцарские соединения часто не обладали необходимой степенью дисциплины, строевой подготовки и съежженности конского состава при несомненно хороших индивидуальных качествах каждого отдельного бойца. В таких условиях правильная атака более или менее длинной линией становилась затруднительной. Держать постоянное равнение в развернутом построении было возможно только при наличии специальной подготовки всего подразделения. В противном случае единый фронт мог легко рассыпаться, потеряв все преимущества слитного натиска.

Использование «свиньи» в качестве исходной формации позволяло в значительной мере нивелировать известные недостатки рыцарского войска. Малая ширина строя обеспечивала равнение при движении. Низкая динамика конного боя в эпоху Средневековья, когда основным аллюром атаки была рысь, давала достаточно времени для развертывания строя непосредственно в момент столкновения. В XV в. клин, видимо, использовался германским рыцарством чаще, чем в XIII–XIV вв. Объяснением этому может служить все возраставшая численность армий, когда в одном строю могли оказаться бойцы, друг друга раньше в глаза не видевшие, не говоря о совместных строевых упражнениях[1].

Вооружение имперского рыцарства в 1420–1440 гг. находилось под властью общеевропейских тенденций своей эпохи. Наступательное вооружение данного региона отличалось несомненной прогрессивностью. Можно сказать, что

[1] Еще о действии клина см. в разделе о тевтонских рыцарях 1240-х гг.

Алтарь Альбрехта II. Клостернойбург, 1436–1438 гг. Необходимо обратить внимание на многочисленные шлемы с полями в комплектах рыцарского снаряжения, а также на хундсгугель с кольчужной бармицей

многие смертоносные новшества зародились именно на территории империи, так как там традиционно располагались одни из основных центров производства наступательного снаряжения. В Германии также наблюдался активный переход к полному латному доспеху. Всеобщим признанием пользовались итальянские латы, завозившиеся в массовом порядке. Например, знаменитый арсенал тирольского замка Курбург был почти полностью укомплектован итальянскими доспехами[1]. В качестве прикрытия корпуса использовались доспехи трех основных видов (если не считать стеганых мягких доспехов): кольчуги, бригандины и кирасы, при явном преобладании последних в среде тяжелой рыцарской конницы. Отличительной чертой германских кирас до 1420 г. была равномерная степень выпуклости нагрудника по всей площади от горловины до талии. Традиционно германские нагрудники снабжались медиальной гранью. Грань имела характер невысокого ребра, треугольного в сечении. Напротив, грань на итальянских кирасах имела вид выраженного высокого гребня, полукруглого в сечении[2]. Одновременно продолжали существовать и гладкие нагрудники, которые, правда, в изобразительных источниках описываемого периода стали встречаться все реже.

В 1420 г. появилась новая разновидность германских кирас, известных под термином «кастенбрюст». Отличительной чертой являлась особая форма нагрудника, напоминавшая расположенную косо коробку. Нагрудник от горловины вниз по пологой траектории удалялся от поверхности корпуса. В нижней трети имелся резкий переход к талии. Таким образом, поверхность нагрудника формировалась четырьмя выраженными плоскостями: двумя передними — верхней и нижней и двумя боковыми. При этом плоскости отличались заметной, но незначительной степенью выпуклости и соединялись друг с другом под углом по линиям выраженных граней. Другой вариант отличался более выпуклыми плоскостями с плавными переходами без заметных ребер. Поверхности обеих разновидностей с 1440 г. могли нести серии параллельных ребер жесткости, расположенных настолько часто, что создавался эффект гофрированной поверхности. Замечательно подробное изображение подобной кирасы можно видеть на статуе императора Фридриха III работы Якоба Касхауера 1453 г. Аналогичный нагрудник найден при раскопках в городе Халкис на острове Эвбея и хранится в музее Метрополитен, Нью-Йорк.

Проймы и горловины подобных кирас всегда окаймлялись отвальцовкой или накладными стальными полосами.

В нижней части к нагрудникам «кастенбрюст» присоединялась посредством шарниров поясничная пластина. Изначально она заходила под нагрудник. К поясничной пластине посредством скользящих заклепок крепился ламинарный подол, который, напротив, находил поверх нее. Подол кастенбрюста на раннем этапе отличался значительной длиной и мог достигать уровня колен. Число пластин могло доходить до девяти. Для облегчения ходьбы и посадки в седло подол имел усеченно-коническую форму, значительно расширяясь вниз. Спереди и сзади по центру его дополняли большим арковидным вырезом. Впоследствии к 1450–1460-м гг. подолы стали короче,

Армэ. Германия. 1440-е гг. Берлинский Цейхгауз. Конфигурация шлема с ярко выраженным затылком и подбородком является характерной германской чертой второй четверти XV в.

[1] Принадлежал германскому роду графов фон Матч. До недавнего времени арсенал замка Курбург оставался самым крупным и ценным частным собранием средневекового оружия.

[2] Данное различие сохранялось на германских и итальянских доспехах до начала XVI в. При этом, естественно, имели место и смешанные типы, особенно среди экспортной продукции.

а поясничная пластина приобрела значительную ширину[1]. Подобный вариант кастенбрюста хранится в венском Историческом музее. В коллекции его дополняет аналогичный наспинник от другого доспеха.

К подолу на боках приклепывались кольца, к которым подвешивался меч и кинжал. Кинжал также мог помещаться в специальный вырез на одной из пластин. К нагруднику посредством заклепок крепился фокр, который в описываемый период, в отличие от итальянских образцов, как правило, был неподвижным.

Описанный вариант кирасы оставался основным собственно германским прикрытием корпуса до 1460 г., когда появилась иная мода — «германская высокая готика», породившая иные формы доспехов.

Прикрытия рук в Германии также развивались по двум направлениям. Первое отражало итальянское влияние. Сюда можно отнести и привозные итальянские предметы, и местную продукцию, выполненную «под Италию». Это были латные конструкции, объединявшие посредством шарнирных соединений и скользящих заклепок в единую подвижную систему наручи, налокотники и плечевые щитки, к которым на ремнях крепились наплечники. Разница состояла в том, что в Германии практически не носили асимметричные прикрытия рук с гипертрофированным левым наплечником и налокотником, столь популярные в Италии. Кроме того, собственно германские наплечники до 1440 г. отличались меньшими размерами по сравнению с итальянскими. Для защиты кисти германское рыцарство очень долго (до середины—второй половины XV в.) использовало

Статуя богемского короля. 1430 — 1440 гг. Ульмская ратуша

перчатки с раздельными пальцами, в то время как вся остальная Европа вслед за Италией перешла на рукавицы[1].

Второе направление являлось местной особенностью, которая брала начало в традиции оружейного производства еще в XIV столетии. Данный вариант предусматривал соединение наручей, налокотников и плечевых щитков посредством шнуровки или приклепывания к изнаночным несущим ремням. При этом налокотник выполнялся в виде монолитной крупной пластины без ламинарных добавлений на шарнирах. Одно из ранних изображений подобной системы имеется на надгробии Кюнца Аберкрона 1421 г. (Национальный музей Баварии, Мюнхен).

Прикрытия ног принципиально не отличались от итальянских. Различие состояло в основном в отсутствии кольчужных привесок к наколенникам и кольчужных сабатонов. Кроме того, боковые крылья германских наколенников были заметно меньше итальянских.

Боевые наголовья германской конницы также мало отличались от итальянских. Местная особенность состояла в наибольшей популярности больших бацинетов и шапелей. Германские бацинеты 1430—1440 гг. имели одну характерную особенность. Они более точно повторяли контуры головы и шеи в сравнении с менее изящными, тяжеловесными итальянскими образцами. Это выражалось в более выпуклых назатыльной части тульи и подбороднике. Описанные особенности можно видеть на большом бацинете 1430—

[1] Отметим, что длина таких подолов в любом случае была заметно больше итальянских. Поэтому они никогда не снабжались набедренными подвесками — «тассетами».

[1] Германский традиционализм оказался в данном случае так силен, что, когда рукавицы все же вытеснили перчатки в данном регионе, пальцы на поверхности прочеканивались отдельно для создания внешнего сходства с перчаткой.

1440 гг., обнаруженном в Афинах (ныне в музее Метрополитен). До 1439 г. в Германии встречаются изображения бацинетов с кольчужными бармицами. Последнее свидетельство существования этих архаичных наголовий — изображения на алтаре Альбрехта II из Клостернойбурга.

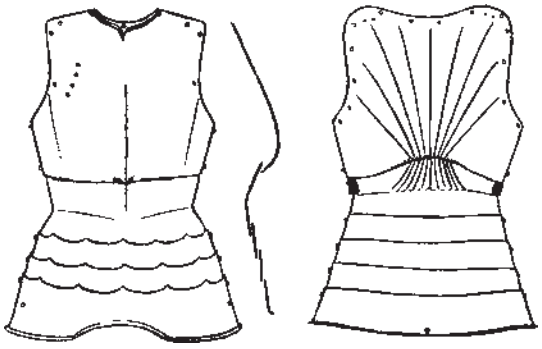
Популярность шапелей («eisenhut» — нем.) в среде рыцарства, несомненно, объясняется частой необходимостью вести пеший бой, например, при военных действиях против гуситов. Тульи этих шлемов имели шатровидную или сфероконическую, колоколовидную форму. Поля опускались настолько низко, что зачастую их приходилось оснащать смотровыми прорезями.

Христос и Пилат.
Алтарная роспись работы Ханса Мюльчера. 1437 г.

Армэ не пользовалось значительным распространением в Германии описываемого периода, но все же имели место. В целом они походили на итальянские образцы, как, например, шлем с надгробия Дитриха Хоффера 1416 г. (изображение более позднее, относится к 1420-м гг.). Армэ из Фюрстенвальде (хранился в Берлинском цейхгаузе, утрачен в годы Второй мировой войны) очертаниями напоминает германский большой бацинет с выраженной выпуклостью затылочной части тульи и подбородника.

Салады («schaller» — нем.) в первой половине XV в. в Германии были мало распространены и совершенно походили на итальянские. Можно предположить, что все они были привозными. Одни из наиболее ранних упоминаний о саладах в Германии находятся в архиве Инсбрука и относятся к 1425 и 1426 гг. В обоих говорится о трех саладах (drei tschelern и drei tscheleden) без подробных указаний на источник происхождения и внешние особенности описываемых наголовий. Видимо, до 1460 г. в Германии не было собственного налаженного производства саладов, а также национальной формы данного шлема.

Еще одной примечательной особенностью германского рыцарского доспеха с 1430–1440 гг. было латное ожерелье «горжет», исчезнувшее из боевого обихода во второй половине XIV в. Ожерелья по-прежнему носились поверх кирас, но в описываемый период не имели воротников, в отличие от более ранних и более поздних примеров XIV в. и XVI в. соответственно. Ожерелье состояло из двух элементов — переднего и заднего, которые соединялись на боку посредством шарнира и поворотного штифта в сочетании с замочной скважиной на краях пластин с другого бока. Насколько можно судить по имеющимся источникам, ожерелья употреблялись в комплекте с шапелями и, возможно, саладами различных модификаций. Наиболее раннее изображение происходит с алтаря 1437 г. работы Ханса Мюльчера (Германский музей, Берлин). Другое изображение относится к 1449 г. и находится на сцене Распятия работы Конрада Лай-



Нагрудник и наспинник кирасы кастенбрюст (от разных доспехов). Южная Германия, 1450-е гг. Венский музей истории искусств

ба (Музей истории искусств, Вена). Со второй половины XV столетия изображения ожерелий становятся обычными для германского искусства.

Цветная вкладка *(стр. 59)*

На реконструкции изображен германский рыцарь 1430–1440 гг. Основа реконструкции — изображения на алтаре 1437 г. работы Ханса Мюльчера, Берлин; алтаре из Клостернойбурга 1438–1439 гг. и на алтаре работы Конрада Витца 1440 г. из Базеля.

Наголовье: шапель-де-фер, надетый поверх кольчужного капюшона, покрытого матерчатым шапероном с фестончатой пелериной. Корпус шлема имеет монолитную конструкцию и шатровидные очертания. На тулье и венце методом чеканки наведена медиальная грань. Поля усеченно-конические, значительно опущены вниз. По внешнему периметру идет ряд заклепок, посредством которых фиксируется подшлемник. (Алтарь из Клостернойбурга ,1438–1439 гг.)

Ожерелье: состоит из переднего и заднего элементов, которые соединяются посредством шарнира на одном боку и застегиваются посредством поворотного штифта и замочной скважины на другом. (Алтарь, 1437 г., работы Ханса Мюльчера. Германский музей. Берлин.)

Прикрытие корпуса: состоит из дублета с пришнурованными кольчужными рукавами и подолом, покрытого цветной набивной курткой с короткими рукавами (упелянд) и кирасы.

Кираса: кастенбрюст. Нагрудник от горловины вниз по пологой траектории удаляется от поверхности корпуса. В нижней трети — резкий переход к талии. Поверхность нагрудника формировалась четырьмя выраженными плоскостями: двумя передними — верхней и нижней и двумя боковыми. Плоскости отличаются заметной, но незначительной степенью выпуклости и соединяются друг с другом под углом по линиям выраженных граней. Проймы и горловина окаймлены массивной отвальцовкой наружу. С наспинником соединяется посредством ремней и пряжек на боках и на плечах. Подол сформирован пятью пластинами и имеет усеченно-коническую форму, задняя часть аналогична. (Алтарь работы Конрада Витца, 1440 г., Базель.)

Прикрытия рук: наплечники, плечевые щитки, налокотники, наручи и перчатки.

Наплечники: крупные, дисковидные, монолитные пластины со значительной степенью выпуклости. Зафиксированы поверх упелянда посредством толстых кожаных шнуров, пропущенных через два центральных отверстия в каждой пластине.

Скульптурное изображение воинов в сцене несения Креста

Плечевые щитки и наручи: латные, полуцилиндрической формы, соединены посредством двух несущих ремней, приклепанных изнутри.

Налокотники: крупные, выпуклые пластины с фигурным краем и горизонтальной гранью. Зафиксированы на руке посредством шнуровки к несущим ремням, соединяющим плечевые щитки и наручи, и застежки на локтевом сгибе.

Перчатки: прикрытие кисти и длинная крага монолитные. Прикрытие кисти доходит до окончания первых фаланг пальцев. Прикрытия пальцев чешуй-

чатые. (Алтарь, 1437 г., работы Ханса Мюльчера, Берлин)

Прикрытия ног конструктивно состоят из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренник латный, анатомический, двустворчатый. Посредством шнуровки крепится к подолу акетона. Соединен с наколенником посредством шарниров.

Наколенник: конструктивно состоит из основной пластины и четырех переходных пластин — по две с каждой стороны. Основная пластина имеет выраженную выпуклую форму с горизонтальным ребром жесткости и боковым крылом. Продолжены внизу широкой переходной пластиной с заостренным вытянутым центром. В нижней части последней переходной пластины имеется ремень, посредством которого наколенник фиксируется поверх наголенника.

Наголенник: латный, анатомический, двустворчатый.

Сабатон: латный. Конструктивно состоит из прикрытия основания стопы и носка, соединенных посредством серии узких переходных пластин на шарнирах. (Алтарь, 1438–1439 гг., из Клостернойбурга).

Щит: трапециевидный сложноизогнутый тарч с вырезом под копье.

Наступательное оружие: копье, полуторараручный меч и кинжал «шайбендольх».

Итальянское конное снаряжение

1440–1460 гг.

В середине XV в. мастерство итальянских оружейников достигло апогея. В этот период никто не мог на равных соперничать с миланскими производителями доспехов, среди которых по-прежнему выделялись мастера из семейства Миссаглиа. Эта семья имела славную традицию изготовления предметов защитного вооружения. Их продукция пользовалась неизменным спросом. Тем не менее Миссаглиа не только трудились в кузницах лично, но и нанимали толковых работников по всей Италии, возглавляя крупнейшую в Европе гильдию мастеров оружейников. Можно без преувеличения сказать, что искусство и деловая сметка итальянских платенеров[1] во многом определили внешний облик европейского рыцарства своего времени. Поэтому стоит остановиться на плодах их творчества подробнее.

Общая тенденция развития доспеха к середине XV столетия давно определила примат полного латного защитного одеяния. Его основные черты сложились к 1420–1430 гг. Дальнейшая эволюция доспеха с той поры состояла в основном во все более искусной выделке поверхности металла, в развитии и добавлении новых, иногда незначительных, элементов, призванных образовывать все более непроницаемую защиту. Особенно часто наиболее уязвимые участки доспеха набирались из взаимоперекрывающих друг друга деталей, что позволяло усилить бронирование, не увеличивая чрезмерно толщину стальных листов. Таким образом, сохраняя приемлемый вес, доспех все больше выигрывал в надежности, ведь пластины, собранные в нахлест, лучше пружинили, отражая вражеское оружие. Общая геометрия доспеха подчинялась необходимости формирования наклонных и выпуклых плоскостей, которые наиболее эффективно обеспечивали рикошетирование любого разрушительного воздействия. Пластины доспеха усиливались ребрами жесткости, отвальцовками и бортиками, которым придава-

[1] Платенер — мастер, изготавливающий пластинчатые доспехи.

лась тщательно рассчитанная форма, уводившая в сторону укол или удар или, в крайнем случае, способствовавшая застреванию оружия. Особое внимание уделялось щелям и функциональным вырезам в сочленениях жесткой латной системы, которые невозможно было закрыть монолитной пластиной. Обычно такие уязвимые места старались окружить теми или иными элементами конструкции, которые препятствовали бы соскальзыванию в них оружия, и часто прикрывали подвесными пластинами, которые защищали сочленение, не снижая его подвижности (например, подмышечная впадина). Было бы ошибкой думать, что все эти принципы были освоены только в середине XV в. Нет, в общих чертах их сформулировали к концу XIV—началу XV вв. Однако именно в рассматриваемый период описанные конструктивные особенности нашли свое наивысшее распространение и стали применяться с максимальной эффективностью и изобретательностью.

Шлем барбют середины XV в. Неизвестный мастер, Милан(?). Коллекция Royal Armoury. Лондон

Именно в середине века произошло окончательное размежевание защитных комплексов по признаку специализации. Оформляются специфические конные и пехотные доспехи, строго отвечающие требованиям конного и пешего боя соответственно, при этом плохо применимые в иных ситуациях. Например, жандарм в полном доспехе, спешившись, значительно уступал пехотинцу в тяжелом снаряжении, предназначенном для боя пешком. В литературе и общественном мнении бытуют два противоположенных убеждения о функциональности рыцарского доспеха. Первое представляет его малоподвижной статуей, этаким стальным гробом, в котором рыцарь даже на ноги самостоятельно подняться не может. Второе, гораздо менее распространенное, напротив — абсолютно гибким, очень удобным и легким костюмом для войны. И то, и другое неверно. С одной стороны, доспех должен был обеспечивать необходимую подвижность своему владельцу. Если это условие не выполнялось, то его хозяин быстро отходил в мир иной. С другой стороны, нельзя забывать, что доспех не кресло и служил не для комфортного времяпрепровождения. Его создавали для выживания человека в экстремальных условиях средневековой битвы. Поэтому доспех сочетал в себе качества необходимой гибкости, подвижности и максимальной безопасности. Последнее было неразрывно связано с тяжестью, неминуемым ограничением свободы движений, жарой и духотой, так что человек неподготовленный вряд ли смог бы эффективно действовать в таком защитном снаряжении.

Рассмотрим подробнее отличительные черты итальянского защитного вооружения. Для защиты головы продолжали использоваться такие разновидности шлемов, как салады, барбюты, армэ и шапель-де-феры. Заранее оговоримся, что бацинет и большой бацинет, ранее столь популярные в Италии, в 1440—1450 гг. практически вышли из употребления в данном регионе. При этом на экспорт итальянские мастера изготавливали массовые партии подобных наголовий, многие из которых сохранились до наших дней.

Как говорилось ранее, в Средние века не существовало различия между терминами «салад» и «барбют», которые употреблялись в едином значении. В современной историографии принято дифференцировать оба термина для удобства оперирования понятийным аппаратом. Под термином «салад» понимается наголовье монолитной конструкции с полусферической тульей, часто с продольным гребнем, выраженным расширением в нижней части и несколько вытянутой задней частью. «Барбют» отличается более коротким тыльем и более узким и закрытым лицевым вырезом. В 1440—1450 гг. появилась интересная разновидность барбюта с глухой (закрытой) лицевой частью. Смотровая прорезь имела форму буквы «Т», наподобие знаменитого коринфского шлема античного периода. Вертикальная прорезь располагалась в центре лицевой части шлема, разделяя ее надвое. Зачастую она дополнялась полноразмерным или редуцированным наносником, что дела-

ло внешнее сходство с коринфским шлемом почти абсолютным. Как правило, «коринфские» барбюты не имели забрала, хотя исключения известны. Открытые барбюты, как и салады, часто снабжались однотипными подвижными забралами. Причем для тяжелой конницы забрало было почти обязательным атрибутом. В середине века забрала саладов в общих чертах повторяли формы, сложившиеся к 1430 г.

Нижняя часть лица и шея защищались специальными предличными прикрытиями, так называемыми «биверами», которые составляли единый комплект с саладами или барбютами. Геометрически они представляли собой выпуклые подбородные прикрытия, продолженные внизу пелериной, которая закрывала горло и верх груди. Описанное приспособление закрывало шею и подбородок спереди и с боков. Тыльная сторона обеспечивалась вытянутым задником салада, который мог дополняться снизу кольчужным воротником. Пелерина всегда имела вытянуто-треугольную или округлую форму с незначительным заострением внизу. Второй вариант был наиболее характерен для итальянского доспеха. Экспортные варианты могли исполняться в соответствии с требованиями обслуживаемого рынка и не иметь отличительных итальянских черт.

Шлем армэ. Середина XV в. Мастер Бенедетто де Мольтено, Сев. Италия. Найден на о. Родос. Коллекция Royal Armoury. Лондон

Конструкция бивера могла быть монолитной. Однако наиболее распространенной была сегментная конструкция. Во втором случае возможно несколько вариантов. Во-первых, пелерина изготавливалась монолитно с нижней частью подбородника. Верхняя его часть имела вид трапециевидной пластины, которая крепилась подвижно посредством шарнирных соединений по углам. В поднятом положении она фиксировалась подпружиненной защелкой. Во-вторых, пелерина выковывалась отдельно от подбородника, к которому крепилась посредством приклепывания. Любой вариант подбородника имел мощную отвальцовку или накладной борт по верхнему краю для отражения укола и для придания жесткости всей системе. Бивер пристегивался к скобе на кирасе, а к бригандине или кольчуге пришнуровывался.

Еще одним боевым наголовьем был шлем «армэ». Напомним, что армэ — это шлем с монолитной тульей полусферической формы с длинным назатыльником, нащечниками, застегивающимися по центру, и подвижным забралом. Армэ мало изменился по сравнению с 1430 г. Главным отличием стало уменьшение нащечников, которые ранее доходили до уровня глаз, а позднее (к 1450 г.) опустились до кончика носа. В этот период нащечникам в передней части, как правило, придавали профилированную форму, повторяющую очертания подбородка. Вместе с тем известны и более простые варианты с едва намеченной подбородочной выпуклостью, как, например, армэ (миланское?) из собрания Государственного Эрмитажа. Армэ из Эрмитажа представляет собой редкую и необычную разновидность 1450–1460 гг., которая представлена на настоящий момент еще только одним экземпляром из музея Марзоли (Брешия). Оба армэ имеют серию полукруглых вырезов в набровной части тульи, которые расширяют смотровые щели в верхней полусфере. В первом случае речь идет о двух вырезах, во втором — о трех вырезах над каждым глазом. Обсуждаемые шлемы, видимо, относятся к облегченной категории армэ, использовавшихся в среде легкой конницы, которой требовался расширенный обзор. В пользу этого предположения говорит и относительно малая толщина стенок их корпусов (1–1,5 мм против 1,5–3 мм обычных армэ), которые явно не рассчитаны на контакт с тяжелым оружием.

Шлемы с полями (шапель-де-фер) в середине XV столетия выходят из употребления в Италии. Даже из обихода легкой конницы они практически полностью вытесняются саладами и барбютами. Вместе с тем экспорт шапелей итальянского производства не прекращался. Основным потребителем подобной продукции были Испания и Центральная Европа.

Наиболее распространенной защитой корпуса тяжелой конницы была составная кираса

Доспех. 1450 — 1460 гг.
Мастерская Миссаглиа, Милан

с фокром для поддержки копья. Бригандины данным родом войск использовались ограниченно. Основной, если не единственной разновидностью кирасы, была пришедшая из более раннего периода 1420—1430 гг. составная конструкция «пластрон-плакарт» с подвижным соединением на левом боку посредством петель. Нагрудная часть итальянских кирас имела в профиле плавный изгиб с максимальной степенью выпуклости в нижней трети. Менее распространены были кирасы с равномерным изгибом груди. Обычно они производились на экспорт. Плакарт застегивался поверх пластрона, присоединяясь посредством ремня и пряжки в верхней части наспинника и нагрудника. Хождение имели и неразъемные кирасы, где плакарт и пластрон по заальпийской моде соединялись на подвижной заклепке в центре. В середине века плакарт сильно увеличился, перекрывая значительную область нагрудника. Тенденция к увеличению привела к тому, что в 1470—1480 гг. появились плакарты, полностью закрывающие пластрон, за исключением небольшого участка с фокром, который помещался в специальный вырез на плакарте. Таким образом, корпус спереди прикрывала двойная кираса. Ярким примером служит доспех из церкви Мадонны делла Грациа под Мантуей, а также изображение св. Вильгельма на «Иконе Богоматери и Младенца со святы-

ми» работы Жан Франческо ди Маниери и Лоренцо Госта 1498 г. из Национальной галереи Лондона. Наспинник набирался из нескольких сегментов стрельчатой формы, соединенных неподвижно посредством заклепок.

Поверхность итальянских кирас традиционно была гладкой, без ребер, что объяснялось высоким уровнем обработки металла, который делал ненужным специальные ребра жесткости, а также требованиями местной моды. Вообще ребра, когда использовались на итальянских доспехах, будь то наручи или подолы, имели характер выраженных гребней полукруглых в сечении, в отличие от германских — невысоких и треугольных в сечении.

В защите рук господствовала тенденция к созданию асимметричных прикрытий, форма и размеры которых соответствовали бы специализированным функциональным особенностям. Левая сторона обычно закрывалась гипертрофированными приспособлениями, обеспечивавшими максимум прочности и надежности при минимальной подвижности. Отразить прямое попадание тяжелого копья были призваны наплечники с усиливающими накладками трапециевидной формы, двойные налокотники и неподвижные рукавицы без сочленений с длинными до локтя крагами. Съемная плечевая накладка полностью закрывала наплечник спереди и сбоку, подмышку и верх плечевого щитка. Верх всегда снабжался отвальцовкой, которая могла образовывать полукруглые дуги, призванные отводить в сторону от шеи поражающий вектор укола. Той же цели служили выраженные грани, часто пересекавшие накладки по диагонали снизу вверх.

Вообще наплечники классического итальянского доспеха достигали значительных размеров. Например, к 1440–1450 гг. наспинные части правого и левого наплечников почти смыкались друг с другом. Во второй половине века они стали перекрывать друг друга наподобие сложенных за спиной крыльев. В качестве примера приведем доспех графа Роберто ди Сансеверино 1480 г. из венского Исторического музея.

Обычный налокотник шарнирного соединения с маленьким боковым крылом на левой руке накрывался съемной монолитной раковинообразной пластиной. В центре она повторяла выпуклую подконическую форму налокотника, которая продолжалась на периферии полями значительных размеров. Поля могли смыкаться с наплечником и крагой рукавицы. Они закрывали и локтевой сгиб, сходясь над ним под углом, направленным внутрь для обеспечения свободы движений. Массивная левая рукавица, как правило, имела монолитную конструкцию лишь с одним подвижным сочленением — пластиной, закрывавшей пальцы. Длинная крага доходила почти до налокотника. Таким образом, вся рука оказывалась под двойным-тройным слоем лат, почти без щелей. Это сделало практически ненужным щит. Кроме того, анатомическая тюльпановидная форма наруча оказалась излишней, с 1440 г. ее полностью вытесняет более примитивная и легкая в изготовлении цилиндрическая форма.

Прикрытие правой руки отличалось менее монументальными формами и, как следствие, большей подвижностью. Наплечник дополнялся гораздо меньшей накладкой, которая вообще могла отсутствовать. Подмышка оставалась свободной от латных элементов. Правый налокотник всегда был одинарным, хотя и имел крупное раковинообразное боковое крыло, закрывающее спереди локтевой сгиб, с усиливающей пластиной, приклепанной в верхней половине. Рукавица правой руки была более подвижной. Крага присоединялась через переходную пластину на шарнирном креплении, пальцы закрывались двумя-тремя выпуклыми пластинами, также на шарнирах.

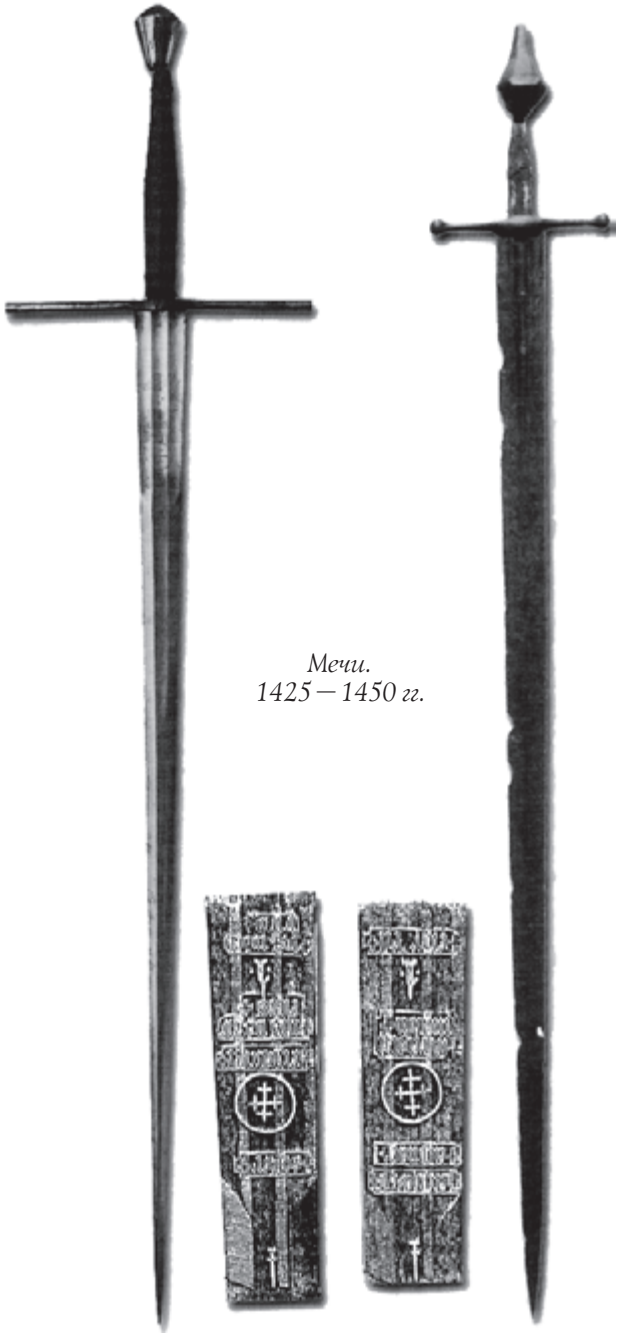
Примечательным способом защиты локтя были наручи с увеличенным верхним краем внутренней створки. Верх створки достигал таких размеров, что закрывал локтевой сгиб спереди и налокотник с боков, образовывая раковинообразное крыло, расположенное под углом к наручу. Данная форма — одна из ярких отличительных черт итальянского доспеха, использовавшаяся до конца XVI в.

На экспорт обычно шли наручные прикрытия с ослабленной асимметричностью. Например, с одинаковыми подвижными рукавицами, налокотниками, но с усиленным гипертрофированным левым наплечником. Известны и приспособления, пошедшие на экспорт с полным набором итальянских черт.

Прикрытия ног в общих чертах повторяли формы 1430 г. Все той же популярностью пользо-

вались столь любимые в Италии кольчужные подвески под наколенник и кольчужные сабатоны. И те, и другие на внешний рынок практически не попадали, являясь характерной итальянской деталью.

С середины XV в. представляется возможным утверждать массовое введение полного латного доспеха для коня, по крайней мере, в среде тяжелой конницы. Именно к 1450 г. относится широко известный конский доспех миланской работы из венского Исторического музея. С этого периода дошедшие до современности экземпляры конских лат и их фрагменты становятся все более массовым материалом в музейных коллекциях, что позволяет говорить о широком распространении данного явления. Отметим, что пионерами в деле производства конских доспехов, видимо, стали североитальянские мастера.



Мечи.
1425 — 1450 гг.

Цветная вкладка (*стр. 60*)

Реконструкция представляет жандарма в экспортном варианте итальянских доспехов (одинаковые наручи, рукавицы, составная кираса на скользящей заклепке). Подобные доспехи могли использоваться как в Италии, так и за ее пределами, особенно в Южной Германии. Реконструкция основана на комплекте лат 1440 г. с клеймами Антонио делла Кроче из музея Метрополитен, Нью-Йорк; конский доспех 1450 г. из венского Исторического музея.

Шлем: салад с бивером. Низкая полусферическая тулья с удлиненным задником имеет монолитную конструкцию. По центру тулью пересекает выраженный гребень подтрапециевидного сечения с изогнутыми боковыми образующими. Нижний край имеет наружную отвальцовку по периметру. Забрало массивное закрывает налобную часть шлема. Длинная узкая смотровая щель единая для обоих глаз.

Бивер: имеет приклепанную пелерину и подвижную верхнюю пластину подбородника. Сзади бивер дополнен латным нашейником из двух узких горизонтальных пластин на шарнирном соединении.

Кираса: составная — из пластрона и плакарта. На левом боку смонтированы петли, на правом — ремни и пряжки. Плакарт перекрывает значительную часть нагрудника, заканчиваясь вытянутой усеченно-треугольной фигурой, доходящей до уровня середины пройм. Задняя часть плакарта также имеет заостренную форму, но примерно на треть короче. Наспинник на всю длину по центру усилен широкой трапециевидной пластиной с широким основанием вверху. Пластина зафиксирована посредством заклепок, в основании шеи несет отвальцовку. Подол сформирован шестью

пластинами, соединенными посредством шарниров и изнаночных ремней. Нижние пять пластин имеют выраженную грань. Задняя часть подола короче на одну пластину и не имеет грани.

Прикрытие рук: состоит из наплечников, плечевых щитков, налокотников, наручей и рукавиц.

Наплечники: асимметричные, состоят из трех пластин каждый. Нижняя, наибольших размеров, облегает плечевой щиток, расширяясь в районе груди и спины. Левый наплечник больше правого и полностью закрывает подмышку. Оба наплечника усилены накладными пластинами с отвальцовкой вверху и диагональной гранью в центре.

Плечевые щитки: имеют вид разомкнутого по внутренней стороне цилиндра. Имеют отвальцовку по верху.

Налокотники: состоят из пяти пластин, соединенных на шарнирах. Центральная часть имеет подконическую форму и дополнена сверху и снизу двумя переходными пластинами. Крайние пластины декорированы крупными полукруглыми вырезами.

Наручи: створчатые, цилиндрические, имеют отвальцовку по нижнему краю. Внутренняя створка каждого имеет выраженное раковинообразное расширение в верхней части, дополняющее налокотник, заменяя развитые боковые крылья. Крыло левого наруча приклепано, в то время как правое монолитно со створкой.

Наручи, налокотники и плечевые щитки соединены посредством скользящих заклепок.

Прикрытия ног конструктивно состоят из набедренников, наколенников, наголенников и сабатонов.

Набедренник: латный, анатомический, двустворчатый. Посредством шнуровки крепится к подолу акетона. Соединен с наколенником посредством шарниров.

Наколенники: идентичны налокотникам. Отличаются вертикальной гранью (вместо горизонтальной на налокотниках). Продолжены внизу широкой переходной пластиной с заостренным вытянутым центром. В нижней части последней переходной пластины имеется ремень, посредством которого наколенник фиксируется поверх наголенника.

Наголенник: латный, анатомический, двустворчатый.

Сабатон: латный, с удлиненным и изогнутым носком.

Наступательное оружие: полутораручный меч и копье.

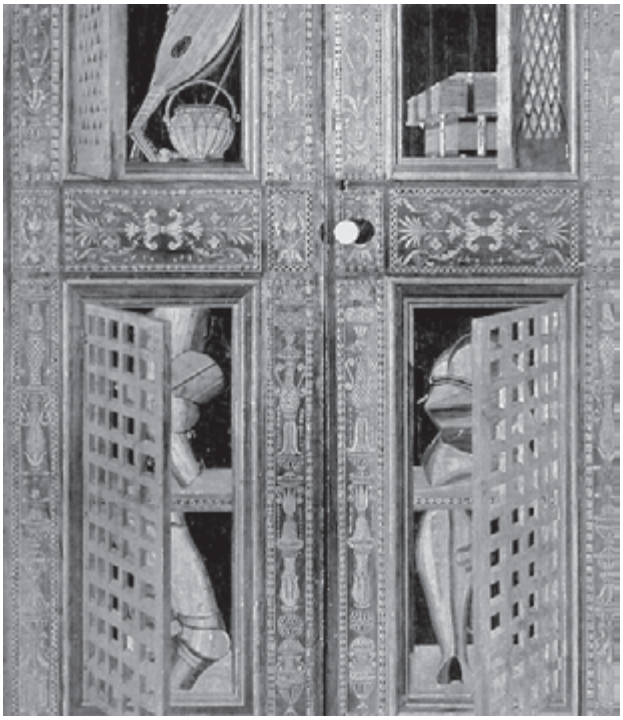
Конница итальянских кондотьеров

Середина XV в.

Широчайшее привлечение наемных контингентов было одной из основных отличительных черт итальянского военного дела. К местным особенностям можно также отнести и высочайший уровень юридической упорядоченности в отношениях между нанимателями и подрядчиками. Регулировались они в соответствии с контрактом — «кондоттой». Примечательно, что данный термин обозначал в Италии почти любой договор о подряде — не столь важно, шла ли речь о найме воинского отряда, передаче концессии на разработку рудника или передаче сборов налога частным откупщикам. Подобное уравнение в правах ратного труда с любым другим как нельзя лучше отвечало профессиональному характеру наемных рот и позволяло наиболее четко выстраивать ряд взаимных обязательств работников и нанимателей.

Как правило, наемные отряды отличались высокими боевыми качествами и дисциплиной. Численность отрядов, их сплоченность и эффективность заметно выросли к концу XIV в. С течением времени росли и размеры оплаты услуг наемников, которые могли достигать нескольких сот тысяч флоринов. Отметим, что подобные соединения использовались по всей Европе, но нигде, кроме Италии, мы не встретим столь высоких расценок на работу «военных предпринимателей». Например, Джон Хоквуд со своим «Белым отрядом» в 1375 г. нанялся на службу Флоренции, которая обязалась выплачивать 250 000 флоринов в год и 1200 флоринов ему лично. Сравним это с предприятием известного швейцарского капитана Вильгельма фон Гертера, который пытался предложить свои услуги городу Кельну в 1474 г. Он возглавлял отряд в 400 человек, для оплаты которого требовал около 300 флоринов в месяц и

Портрет Федериго да Монтефельтра. Пиеро делла Франческа. 1472 г. Милан



Св. Георгий. Фридрих Нерлин. 1460-е гг. Изображен типичный экспортный итальянский доспех

200 флоринов ему лично. Кельнские власти нашли данные требование завышенными и не приняли услуг Гертера, хотя требуемая сумма по меркам Италии была просто смешной. Богатые города Апеннинского полуострова могли позволить себе значительные траты и охотно прибегали к помощи кондотьеров.

Использование вольных рот в XIV в. скрывало в себе одну серьезную опасность. Большинство солдат и командиров имели не итальянское происхождение, и не было никаких гарантий, что они не перейдут в разгар военных действий на службу к противнику, если тот заплатит больше. Чисто финансовая заинтересованность оказалась неудовлетворительным сдерживающим фактором и, так сказать, «стимулом верности». С конца XIV в. государства Италии будут стремиться набирать наемников итальянцев под командой итальянских же капитанов. Всячески укрепляются связи с рядовыми солдатами и особенно капитанами, которые превращаются из простых наемников в защитников родины, когда помимо материального интереса ими должно было двигать чувство патриотизма — более надежный гарант верности.

Кондотьеры и сами охотно шли на сближение с политическим обществом, которому они служили. Интеграция в систему официальных отношений итальянских государств имела положительные перспективы. Многие кондотьеры, закрепившись на месте службы, постепенно получали верховную власть как лица, управлявшие наиболее действенной силой в стране. Некоторые из них стали основателями целых правящих династий, полностью слившись с местной итальянской аристократией. Например, Франческо Сфорца получил миланское герцогство, женившись на Бьянке Висконти. Множество средних и небольших городов имели в XV в. правителей кондотьеров, вспомним Римини, Феррару, Урбино. Часть семейств превратились в настоящие кузницы «кондотьерских кадров». По подсчетам М. дель Треппо, из 160 кондотьеров 60%

Роспись фриза герцогского дворца в Урбино. Середина XV в.

Армэ. 1480 — 1500 гг. Милан.
Состоит из пяти основных деталей: тулья (каска), налобное усиление, подвижные нащечники и забрало

происходили из 13 семей, таких как Колонна, Сфорца и т. д. Таким образом, мы видим быструю трансформацию кондотьера из главаря банды в генерала на службе родного города. Кондотьерами восхищались на родине, их воспевали поэты и художники. Они получали награды за подвиги, в их честь воздвигали статуи и писали фрески. По смерти им устраивали пышные публичные похороны. При этом кондотьеры, предавшие родной город, рисковали понести наказание вплоть до смертной казни.

В XIV в. крупная наемная рота, так называемая «Великая компания», была конгломератом нескольких мелких отрядов, которые управлялись выборным командиром при помощи совета предводителей. Текст кондотты в обязательном порядке включал в себя всех членов совета, соответственно производилась и оплата. В XV в. кондотьер заключал персональный контракт, самолично получал деньги и распределял их среди солдат. Кондотта включала в себя, помимо имени командира, данные о численности отряда, размере жалования и аванса, требования к снаряжению, формам инспектирования, дележу военной добычи, обеспечению провиантом и фуражом, а также указания о сроках службы. Срок мог быть обязательным или возможным, по договоренности. С течением времени наблюдается увеличение обязательного срока службы, который в XV в. обычно составлял 6 месяцев и еще полгода возможных. Кондотта должна была возобновляться по истечении договорного срока.

Цветная вкладка *(стр. 61)*

На реконструкции представлен итальянский военачальник в парадном вооружении 1450 г. Реконструкция основана на фреске работы Паоло Учелло «Битва при Сан-Романо» 1450 г. (изображение Николо де Толентино) и на изображении Филиппо Сколари Андреа дель Кастаньо (галерея Уффици, Флоренция).

Бургундский рыцарь

1460–1480 г.

История герцогства Бургундского XIV–XV вв. является одной из ярчайших страниц в истории средневековой Европы. Можно дать и более точную характеристику: история Бургундского государства — это история рыцарей. В Европе периода позднего Средневековья не было ни одного государства, чья внешняя и внутренняя политика в такой степени определялась бы идеалами рыцарства. Рыцари были подлинной элитой общества в Бургундии, они находились на всех ключевых постах, направляя и управляя государством в соответствии с кодексом рыцарской чести. История знает множество примеров, когда карьера того или иного деятеля в герцогстве определялась не профессиональными качествами, необходимыми на государственной службе, а его «рыцарственностью», зачастую в идеализированном смысле этого понятия[1]. Вспомним «доброго рыцаря» мессира Жака де Лалена, который исполнял функции посла герцога. Он не имел дипломатического образования, зато был непобедимым турнирным бойцом и знатоком галантного обхождения, а значит, мог достойно представлять своего господина за границей. От самого момента создания в качестве отдельного государства Бургундия или, по крайней мере, ее руководящая элита была ориентирована на воинские идеалы, достаточно вспомнить прозвания большинства ее герцогов — Храбрый, Бесстрашный, Смелый. Первый герцог Бургундии Филипп получил свой титул (и прозвище — Храбрый) за то, что, будучи двенадцатилетним мальчишкой, в битве при Пуатье 1356 г. до конца оставался со своим отцом королем Франции Иоанном II, и когда того окружили английские солдаты, он криком предупреждал об опасности с той или иной стороны. Неудивительно, что в XV в. Бургундия превратилась в «рыцарскую Мекку». Таким образом, любой рассказ о рыцарстве будет неполным без экскурса в историю Бургундского герцогства.

Под властью герцогов Бургундских были объединены ряд французских и германских ленов — Хеннегау, Брабант, Фландрия, Бургонь, Люксембург и, конечно, графство Бургундское. Это были одни из наиболее экономически развитых регионов Европы. Здесь были сосредоточены крупные ремесленные и торговые центры, которые создавали необходимый экономический базис для создания и содержания сильной, хорошо вооруженной армии. Страна располагала необходимыми мощностями для производства вооружения, снаряжения и фуража в любых потребных количествах. Кроме того, богатая казна позволяла закупать высококачественное оружие за границей или приглашать известных мастеров для производства его на месте.

Парадоксально, но в таких, казалось бы, благоприятных условиях государство не располагало крупной армией. После окончания Столетней войны в 1453 г. герцог Филипп Добрый не содержал постоянной армии, не желая обременять население налогами. Таким образом, на фоне воин-

[1] Конечно, от экономической и политической неосведомленности часто страдали государственные дела. Зато при этом Бургундия была плохо знакома с такими феноменами, как мздоимство и казнокрадство, которые, к сожалению, почти всегда сопровождают «деловую» верхушку государства.

Шпалера. Фландрия, 1460 — 1470 гг.

ской элиты — крупных феодалов и их дружин, вооруженных и обученных по последнему слову военного искусства, — остальная армия в обличии потенциального призывного контингента в основном не блистала ни вооружением, ни выучкой. Кроме того, воины не обладали достаточным опытом военных действий, так как после Аррасского мирного договора с Францией 1435 г. Бургундия практически не знала тревог войны.

С такой ситуацией в герцогстве и армии лицом к лицу столкнулся будущий герцог Карл Смелый, когда, будучи еще графом Шароле, принял участие в войне, развязанной так называемой Лигой общественного блага против французского короля. Очередной всплеск напряженности возник из-за неизбежных разногласий между королем Франции Людовиком XI и феодальными владыками — его вассалами. Король являлся последовательным проводником идеи собирания французских земель в единое национальное государство, отражая глубинные исторические процессы, захватившие в тот период большую часть Европы. Вполне закономерно, что интересы короля вступили в противоречие с интересами представителей крупной знати, которые, формально являясь подданными короля, фактически были владыками самостоятельных государств. Наиболее ярким выразителем интересов феодальной знати был герцог Бургундский — правитель наиболее развитого и богатого государственного образования.

В 1464 г. началась война, развязанная Лигой под демагогическим лозунгом борьбы за общественное благо королевства. Предлогом послужило увеличение налогов Людовиком XI. Война продолжалась до 1465 г. Решительное столкновение произошло под Монлери 27 июля 1465 г. Плачевное состояние войска, и в первую очередь конницы, красноречиво описывает очевидец событий Филипп де Комин: «Примерно из 1200 этих (бургундских. — *Авт.*) кавалеристов не более 50, как я полагаю, умели держать копье наперевес, и от силы 400 были в кирасах, слуги же все были невооруженными...» О скверной выучке конницы в целом говорит и тот факт, что при виде армии короля рыцари бросились вперед, расстроив порядок стоявших впереди лучников, не дав им произвести эффективного обстрела, то есть налицо было отсутствие четкого взаимодействия пехоты и конницы. Сражение протекало сумбурно, без

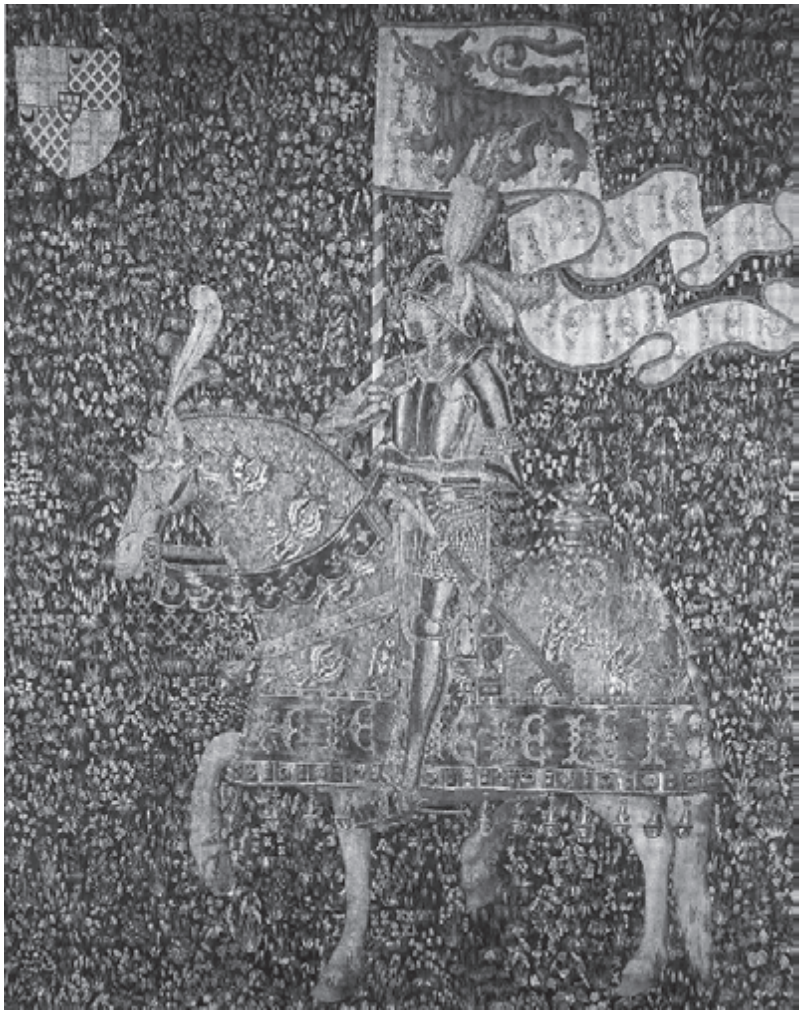
ясного предварительного плана. Рыцари на правом фланге, где находился Карл, опрокинули королевскую конницу и увлеклись преследованием. В это время левый фланг был сбит и стал отступать к ближайшему лесу. Карл, считая, что дело выиграно, заехал со своей свитой слишком далеко и едва не был убит французами. Затем он отступил на соединение с воинами правого фланга под командованием графа де Сен-Поля, который сохранил порядок и собрал вокруг себя часть бегущих. В течение некоторого времени, по свидетельству де Комина, воины графа Шароле готовы были удариться в бегство, покажись хоть сотня врагов, однако после соединения все воспряли духом и вновь пошли на сближение с королевским войском. Пока армии готовились к атаке, подтянулась артиллерия, и обе стороны обменялись несколькими залпами. Не решившись возобновить бой, с наступлением темноты войско графа укрылось в вагенбурге. Утром бургундцы обнаружили, что поле досталось им. Французское войско понесло значительные потери, и король решил отступить.

Из этого небольшого эпизода видно, как плохо была готова бургундская армия к войне. Это понимал и Карл Смелый, который, став герцогом в 1467 г., деятельно занялся реформированием армии и, в первую очередь, конницы. Скорейшее усиление войска было жизненно необходимо в условиях скорой неизбежной эскалации конфликта с Францией, ведь мир в Конфлане 1465 г. не решил принципиальных противоречий двух государств.

Структурное реформирование конницы Карл произвел по французскому образцу. Во Франции в 1445 г. по указу короля Карла VII были введены так называемые «ордонансовые роты» (от «ордонанс» — указ, то есть созданные по указу). Ордонанс четко определял количественный и качественный состав низшей организационной единицы — копья и количество копий в роте. Роты состояли на жаловании казны и не распускались даже в мирное время, являясь как бы провозвестниками постоянных армий. В 1471 г. Карл организовал собственные ордонансовые роты. Изначально в состав роты входило 10 копий по 10 человек в каждом. Впоследствии были созданы роты, состоявшие из четырех «эскадр» или «эскадронов» (escadres). В свою очередь, эскадрон делился на партии (chambres) по шесть копий в каждом. Таким образом, эскадрон состоял из 24 копий, последнее 25-е копье было личным подразделением командира эскадрона. Для облегчения управления в бою партии снабжались флажками разных цветов с вышитыми цифровыми и буквенными обозначениями.

Состав копья также был строго определен. Главной ударной силой был тяжеловооруженный конник — рыцарь, или, иначе, как уже отмечалось, жандарм (homme d'arm). Далее в его состав входили: один кутилье (легко- или средневооруженный конник, боевой слуга при рыцаре), паж, три конных лучника, арбалетчик. Кроме того, в копье должны были присутствовать пехотинцы: пикинер и кулевринер. Всего копье включало девять человек, из которых паж не являлся комбатантом, а был прислугой при особе рыцаря. Численность, впрочем, могла варьироваться. Оливье де ла Марш, который был командиром роты, в мемуарах пишет, что в копье часто насчитывалось по два лучника, пикинера и кулевринера. Кроме того, рыцарь мог приводить не одного кутилье, а двух. Приблизительно в роте оказывалось 3500–3700 человек, из которых комбатантами являлись 2500–2700 человек. Учтем 400–500 пехотинцев

Большой бацинет. Фландрия, 1450–1460 гг.



Шпалера. Фландрия, 1450—1470 гг.

из состава роты, выступавших отдельно от конницы. Таким образом, рота располагала приблизительно 2100—2300 конными бойцами.

До нашего времени дошли ясные предписания по вооружению и снаряжению конников. Окончательный вариант сформулирован в ордонансе 1473 г. Жандарм должен был являться на службу, имея полный доспех, включавший шлем салад или барбют с подбородником, кирасу, наручи и поножи. Наступательное вооружение состояло из копья, длинного меча, шестопера и кинжала. Конь должен был быть защищен наглавником и доспехом (нагрудным и нашейным) достаточной прочности, чтобы о него ломалось копье. От кутилье требовалась бригандина или кольчуга, салад с подбородником, наручи и поножи, «добрый меч», длинный кинжал и легкая пика. Лошадь кутилье не должна была быть дешевле 30 экю. Выделяется две основные группы конных стрелков: лучники и арбалетчики. Первые снаряжались кольчугой с надетым поверх нее «жаком» из трех провощенных холстин с подкладкой в десять слоев простого холста, открытым саладом, луком и колчаном на 30 стрел, рубяще-колющим полуторараручным мечом и кинжалом[1]. Арбалетчик имел на вооружении арбалет с воротом или без него, бригандину или кольчугу, шлем и выступал на лошади не дешевле 10 экю.

Вооружение описываемой эпохи отличалось значительной степенью надежности. Например, по свидетельству Ф. де Комина, в битве при Монлери герцог Карл, преследуя бегущего неприятеля, получил сильный укол пикой в живот и остался невредим, хотя вечером след от него обнаружили на кирасе. С другой стороны, даже дорогое снаряжение элитного качества обеспечивало безопасность лишь при условии точной подгонки всех элементов при облачении. В том же бою Карл едва не погиб в конной стычке. Тогда точный удар меча сбил нашейно-подбородное прикрытие («бивер»), которое, как пишет де Комин, было плохо пристегнуто еще с утра.

Ордонансовым ротам предписывались регулярные тренировки по тактическому взаимодействию в бою и совершенствованию индивидуального мастерства отдельных бойцов. Воины должны были отрабатывать атаку развернутым строем на полном скаку, сохраняя равнение в шеренгах, перестроение для отступления и новой атаки.

[1] В источниках часто встречается термин «epee a deux mains» — двуручный меч, причем часто, как, например, в данном случае, имеется в виду полуторараручный меч. В самом деле, трудно представить, чтобы конный лучник возил с собой двуручный меч в прямом смысле слова.

Предписывалось разучивать различные заезды и повороты строем, которые могли пригодиться в той или иной боевой ситуации. Тем не менее плоды наиболее передовой военной мысли в Европе в большинстве случаев оставались на бумаге и не имели постоянного воплощения. По крайней мере, новые и новейшие исследователи от Г. Дельбрюка до Ф. Контамина придерживаются точки зрения, что описанные тактические упражнения были лишь плодом теоретизирования Карла Смелого, которые регулярно и повсеместно не применялись.

Карл Смелый готовил герцогство к войне, делая ставку на рыцарскую конницу, которая в данный период, несомненно, переживала свой закат. Организация ордонансовых рот значительно повысила боевую эффективность рыцарства, привнеся дополнительную дисциплину и управляемость в среду феодального войска. При этом все попытки реанимации рыцарской конницы в прежнем качестве «царицы полей» были обречены на неудачу в условиях окончательно сформировавшейся тяжелой пехоты, которой суждено было стать наиболее грозной боевой силой. Не помогло и массовое применение артиллерии, которая должна была обеспечивать действия конницы. Герцог Бургундский убедился в этом на собственном печальном опыте в войне 1474–1477 гг.

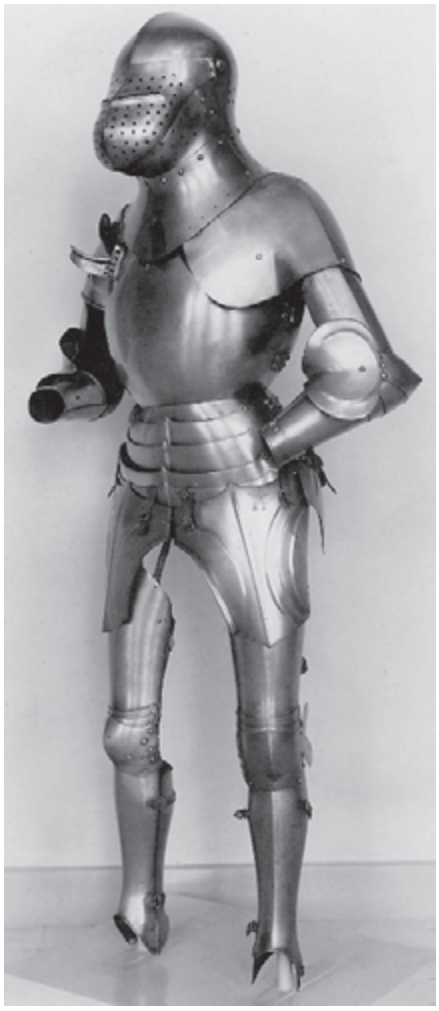
Как говорилось выше, конфликт между Францией и Бургундией после мира в Конфлане неуклонно нарастал, и решительное столкновение было делом времени. Царственный противник Карла Людовик XI, с одной стороны, был заинтересован в скорейшем присоединении Бургундии, с другой — был вовсе не склонен загребать жар своими руками. Поэтом он пошел по пути стравливания герцогства со Швейцарской федерацией. Естественные территориальные противоречия послужили достаточным основанием для начала войны, которую швейцарцы воспринимали, усилиями Людовика, как борьбу за свои собственные интересы. В результате, хотя Франция и выступила против Бургундии, решающую роль в войне сыграли именно швейцарские войска. Более того, к началу пиковой фазы войны в 1476–1477 гг. французы участия в боевых действиях практически не принимали. Хитрый и осторожный Людовик XI осознанно сделал ставку на швейцарцев. С мощью их пехоты он познакомился лично в 1444 г. при Сен-Жакобе, когда, будучи дофином, вел войну с федерацией[1]. Кроме того, швейцарские кантоны были достаточно разрознены, чтобы в случае победы единолично воспользоваться плодами успеха.

Итак, война началась. Все крупные сражения, в которых принимала участие конница, были связаны с осадой и деблокадой городов. Первое серьезное столкновение произошло 13 ноября 1474 г. при Герикуре, который осаждали швейцарцы вместе с союзными силами австрийцев и эльзасцев. Почти вдвое слабейшее бургундское войско вынуждено было отступить, не доведя дело до решительной схватки.

Следующее сражение Карл смог дать лишь через полтора года в 1476 г., так как был вынужден осуществлять демарши на фронте, обращенном против герцога Рене Лотарингского на Нижнем Рейне. В конце февраля Карл собрал значительное войско и двинулся на Берн обходным маневром через Ваадт — область Савойи, захваченную швейцарцами. Сражение произошло 2 марта в непосредственной близи от Грансона, который взяли бургундские войска. Карл Смелый располагал примерно

[1] При Сен-Жакобе незначительный авангард швейцарцев ввязался в бой с французской армией. Невзирая на значительно меньшую численность, швейцарцы смогли остановить продвижение французов и нанести им серьезные потери в открытом столкновении, хотя и проиграли в результате бой.

Салад. Северная Италия, 1450 — 1470 гг.



Доспех. Северная Италия, 1450—1470 гг. Данный доспех был захвачен швейцарцами в битве с войском бургундцев при Грансоне 1476 г. Подобные доспехи итальянского производства пользовались широким спросом в среде бургундской знати. Правда, их превосходные боевые качества далеко не всегда спасали владельцев от смертоносных алебард швейцарцев

3 тысячами жандармов, средних и легких конников, 9—10 тысячами пехоты, состоявшей из пикинеров, алебардистов и значительного числа стрелков. Кроме того, герцог имел при армии сильную полевую артиллерию. Швейцарцы выставили около 19 тысяч бойцов. Главным образом это была тяжелая пехота при поддержке стрелков. Войско сопровождали несколько десятков рыцарских копий — австрийцев и базельцев, а также небольшой орудийный парк.

Войска столкнулись на дороге вдоль берега Нойенбургского озера. Карл лично возглавил небольшой авангард, который атаковал голову походной колонны союзников, дав время остальному войску развернуться. Сбив авангард, швейцарцы вышли из дефиле и оказались под прямым воздействием орудий и стрелков. Не имея возможности развернуть все войско, бернцы, фрайбуржцы и швисцы построили под огнем одну большую баталию, примерно из 8 тысяч бойцов, и пошли в атаку, стараясь дать место прибывающим сзади товарищам. В дело вступил главный козырь Карла — эскадроны тяжелой конницы ордонансовых рот. Перед конницей и стрелками стояла задача опрокинуть баталию, пока она была изолирована от остального войска. На поле столкнулись две силы. Старая рыцарская конница при мощной стрелковой поддержке и новая — тяжелая пехота, состоящая из пикинеров и алебардистов с некоторым количеством стрелков. Пройдя сквозь строй своих стрелков и артиллеристов, конница несколькими отрядами атаковала баталию с фронта, флангов и, вероятно, с тыла. Было организовано взаимодействие со стрелками и артиллерией, которые продолжали бить по вражеской пехоте. Первые удары конницы не удались. Эскадроны, сохранив порядок, развернулись и предприняли новую серию атак, что также не возымело эффекта. Баталия медленно, но неуклонно продвигалась вперед при каждой паузе между атаками конницы. Прекрасно вооруженные рыцари не могли прорваться через густые ряды пик. Те немногие, кому удавалось преодолеть первую шеренгу, неминуемо попадали под уколы второй и третьей шеренг или падали под ударами алебардистов, которых пикинеры пропускали вперед при необходимости. Так погиб и храбрый рыцарь Шатогюйон, возглавлявший наступление конницы. После его смерти жандармы повернули назад, тем более что на поле стали прибывать новые баталии швейцарцев. По свидетельству придворного бургундского историка Молинэ, это послужило поводом для поспешного отступления остальной части войска, так как ни стрелки, ни малочисленная пехота не могли бы выдержать прямого боя со швейцарской баталией. Отступление спасло бургундцев от серьезного разгрома, ведь союзники не имели достаточно конницы для организованного преследования. Предводитель сен-галленцев отписал своему аббату, что на поле осталось всего около 200 бургундцев.

В данном бою отчетливо проступили все слабые черты рыцарской конницы в столкновении с профессиональной пехотой. Даже в идеальном случае, когда рыцари доезжали до баталии одно-

временно всей шеренгой в плотном строю «стремя в стремя», они не могли обеспечить той плотности копий на единицу площади, которую обеспечивали пехотинцы. Кроме того, рыцари не обладали необходимой степенью дисциплины и выдержки, чтобы в полном порядке продолжать бой при быстро изменяющейся тактической ситуации. В лучшем случае их хватало на несколько организованных атак. При Грансоне рыцарство показало себя с наилучшей стороны, проявив весь свой положительный потенциал. Высокий уровень организованности и дисциплины позволил провести серию полноценных атак несколькими эскадронами, которые, видимо, сменяли друг друга, прикрывая отход и перестроение предыдущего. Были продемонстрированы фланговые охваты в сочетании с фронтальной атакой и успешное взаимодействие со стрелками и артиллерией. Все это было помножено на беззаветную храбрость и самоотверженность цвета европейского воинства. На нечто принципиально большее рыцари были органически не способны. При резкой смене тактической обстановки, обусловленной появлением новых баталий (или баталии), а также после гибели непосредственного командира, конница Карла не смогла отреагировать адекватно, сменить позицию и продолжить бой. Это при том, что ощутимых потерь бургундцы не понесли. После неудачных атак эскадроны смогли лишь отступить, сохраняя порядок.

При Муртене 22 июня 1476 г. конница не была использована столь удачно. 18–20-тысячная армия Карла Смелого приняла бой в условиях ограниченного маневра, так как швейцарцы прорвались через полевое заграждение, выстроенное бургундцами для блокады города. Во фронтальном столкновении с 25–26-тысячным войском союзников у Карла не было ни единого шанса, невзирая на отчаянную контратаку рыцарских копий из авангарда, охранявшего линию укреплений. Бургундцы потеряли около 7 тысяч человек, считая обозных. В этот раз союзники имели сильную конницу из Австрии, Эльзаса и Лотарингии, что позволило довершить разгром и организовать преследование. Спаслась лишь бургундская конница, но и ее потери были тяжелы. Из 1600 копий полностью уничтожены были 400, не менее 200 сильно пострадали. При Муртене решилась судьба войны. Для продолжения агрессивных действий Карл не имел достаточно сил и средств. Такие колоссальные потери быстро восполнить было невозможно. Тем не менее смириться и сдаться на милость победителя Карл не мог. Этого не позволяла его честь истинного рыцаря

Для последней кампании зимой 1477 г. герцог собрал около 12–14 тысяч человек, из которых к месту генерального сражения удалось стянуть около 10 тысяч. Армия Рене Лотарингского насчитывала не менее 20 тысяч солдат. Основу войска составляли нанятые швейцарские пехотинцы. 5 января 1477 г. под городом Нанси подавляющее превосходство союзников позволило провести двойной фланговый охват колоннами конницы и пехоты с каждой стороны при одновременной фронтальной атаке швейцарцев. Бургундцы были наголову разбиты. Карл Смелый погиб под ударами швейцарских алебард. Его изуродованное тело, вмерзшее в лед, смогли опознать лишь по роскошной накидке на доспехе.

Так печально закончилась эпопея последнего «рыцарского» государства и последнего рыцаря-государя в Европе. После смерти Карла, в условиях политической нестабильности и коллапса большинства государственных институтов, ордонансовые роты исчезли. Лишь восстановление административного механизма региона под властью Максимилиана I Габсбурга позволило частично реанимировать их. Подводя итог деятельности Карла Смелого, процитируем Г. Дельбрюка: «Военная организация последнего бургундского герцога не представляла собой ничего принципиально нового, напротив — это был последний тончайший и, можно сказать, самый надежный побег Средневековья».

Цветная вкладка *(стр. 62)*

На реконструкции представлен бургундский военачальник в вооружении 1460–1480 гг. Он облачен в латный доспех, дополненный плакартом с подолом, надетым поверх бригандины, застегивающейся на груди. Лошадь в парадной парчовой попоне с ламинарным нашейником и латным налобником. (Салад с бивером и поножи — Государственный Эрмитаж.)

Германский рыцарский доспех

1470–1490 гг.

Германское вооружение и в особенности защитное вооружение со второй половины XV столетия переживает небывалый подъем. Наступательное оружие Германии традиционно отличалось высшим качеством и передовыми геометрическими и конструктивными особенностями. Производство доспеха, хотя и было развито ранее, только с этого периода перестает «плестись в хвосте» итальянских мастерских и выходит на один с ними уровень. Если до середины XV в. Италия оказывала значительное воздействие на развитие доспеха в Германии, то теперь можно говорить об обоюдном процессе, причем постепенно мастера с северной стороны Альп начинают занимать ведущие позиции. Это происходило по ряду причин. Во-первых, германские оружейники накопили значительный задел разработок, которые со временем позволили совершить качественный прорыв в производстве доспехов. Вспомним латные ожерелья, появившиеся в Германии, усиление поверхности лат сериями параллельных граней и т. д. Во-вторых, широкое привлечение итальянских мастеров и импорт доспехов позволили создать на этой базе блестящие школы платенеров, органично сочетавших лучшие достижения местной и итальянской традиций. В-третьих, долгое время Италия оставалась наиболее экономически развитым регионом Европы. Это создавало необходимый базис для появления и развития оружейных мастерских. В конце XV—начале XVI вв. этот базис оказался в значительной мере подорванным по вине многочисленных войн, прокатившихся по Апеннинскому полуострову от края до края.

Взлет производства доспехов в Германии связан прежде всего с семьей Хельмшмидов[1]. Эти мастера, изначально работавшие в Аугсбурге, сыграли у себя на родине ту же роль, что Миссаглиа в Италии. Наиболее известны на настоящий момент Лоренс и его брат Йорг, а также Дезидериус Хельмшмид. В конце XV в. кроме Хельмшмидов в Германии работала целая плеяда замечательных оружейников: Кристиан Трейтс, Кюнц Лохнер, Каспар Райдер, Ханс Пруннер и др. Основные центры производства сконцентрировались в Аугсбурге, Нюрнберге, Инсбруке, Ландсхуте и в Дрездене[1].

[1] Хельмшмид (Helmschmied — *нем.*) букв. кузнец шлемов, т. е. «шлемодел».

[1] Оружейная мастерская в Инсбруке появилась в 1504 г. по указу императора Максимилиана, до этого центр располагался неподалеку, на другом берегу реки Ин в Мюлау. Дрезденские мастерские в XV в., видимо, не пользовались широкой известностью, их расцвет приходится на вторую половину XVI в.

Яркой отличительной чертой германского доспеха со второй половины века стало неповторимое изящество и утонченность форм, которые позволили новейшим исследователям назвать такой доспех «готическим». Вытянутые контуры, в отличие от округлых и тяжеловесных итальянских, рисунок расположения граней на поверхности лат, заостренные формы многих пластин в самом деле вызывают ассоциацию с архитектурной стилистикой готических соборов. Серии граней органично вписывались в форму той или иной пластины. Они шли по центру, параллельными рядами вдоль краев, подчеркивая контур лат, расходились веером вместе с расширением пластины и т. д. Таким образом, подчинение расположения граней общей форме пластин можно считать отличительной чертой германского готического доспеха.

Так называемый «черный салад». Германия, 1480 — 1490 гг.

Пространство между параллельными гранями крайне редко оставалось плоским. Обычно оно обрабатывалось методом наружной чеканки на специальном подкладном инструменте, так чтобы образовалось ровное, полукруглое в плане, длинное углубление — конелюр. Это еще одна особенность германского защитного вооружения, а также незаменимый индикатор подлинности при антикварной экспертизе — поддельные доспехи почти никогда не имеют правильно проработанных конелюров.

Конструктивно готические латы сочетали в себе глубокий традиционализм и самые передовые нововведения. Например, рукавицы. Прикрытия пальцев всегда прорабатывались так, чтобы создать эффект перчатки с раздельными пальцами. Кроме того, в Германии были введены трехпалые рукавицы, когда все пальцы, кроме большого, по два помещались в независимые отделения. Вообще рукавицы в значительной мере отличались от итальянских. Помимо того, что в германских землях использовали симметричные рукавицы, существовал ряд особенностей. Во-первых, краги всегда заканчивались вытянуто-треугольной фигурой, занимавшей не менее трети их общей длины. Во-вторых, краги соединялись с прикрытием кисти подвижно, через переходную пластину на шарнирах. На внешнем краю этой пластины часто прочеканивался пирамидальный, реже полусферический, выступ на месте выдающейся кости в окончании предплечья. Само прикрытие кисти набиралось из двух-трех пластин. Основная, наиболее широкая пластина закрывала пространство от основания пальцев до середины кисти. Ее поверхность прочеканивалась высокими продольными, треугольными в сечении гранями, повторявшими расположение лучезапястных костей. К ней же крепилось на навесной петле прикрытие основания большого пальца, в отличие от итальянских образцов, всегда выполнявшихся монолитно.

Надгробие Ульриха II фон Хохенберга. 1496 г.

Прикрытия рук, состоявшие из наручей, налокотников и плечевых щитков собирались воедино посредством шнуровки к изнаночным несущим ремням, вместо привычного для остальной Европы шарнирного соединения. В качестве налокотников использовались крупные раковиновидные пластины, напоминающие накладные усиления для итальянских налокотников того же периода.

Защита ног в целом напоминала по конструкции итальянские образцы. Отсутствовали только различные кольчужные фрагменты, а боковые

крылья наколенников были несколько меньше. Кроме того, в верхней части набедренника, для лучшего облегания ноги и расширения поля защиты без потери подвижности, монтировали переходные пластины на шарнирном соединении. Если на итальянских поножах их число в описываемый период не превышало одной-двух, то на германских могло доходить до шести. Аналогичная серия пластин дополняла верх задней створки набедренника, причем верхняя пластина соединялась с параллельной пластиной спереди посредством навесной петли, как и сама створка. Для повышения подвижности пластины собирались на скользящих заклепках.

Надгробие Зигфрида фон Швальбаха. 1497 г.

До 1450 г. для германского вооружения были характерны монолитные кирасы «кастенбрюст», описанные в одном из предыдущих разделов. Существовали они и во второй половине столетия, утратив, однако, господствующие положение. Их сменили составные кирасы, представляющие собой хорошо изученную на итальянских образцах систему «пластрон-плакарт». В отличие от итальянских, германские кирасы застегивались посредством поясных ремней, как правило, без петель на боку, то есть нагрудная и наспинная части были полностью раздельными. Плакарт всегда крепился к нагруднику посредством скользящей заклепки. Германские плакарты чрезвычайно часто имели сегментную конструкцию. К основной монолитной пластине плакарта присоединялась посредством заклепок в верхней части более узкая пластина, примерно в одну треть—половину ширины первой. Она повторяла треугольный контур основной части, благодаря приданной ей форме шеврона. Эта пластина крепилась к изнанке плакарта, так что снаружи виднелась лишь узкая полоса стали.

Задняя часть кирасы также была составной, с креплением на скользящей заклепке по центру. При этом плакарт чаще всего заходил под наспинник, а не наоборот, как в Италии. Наспинник также мог иметь сегментную конструкцию.

Еще в 1430 г. вновь распространяются латные ожерелья «горжеты», описанные в предыдущем разделе о германской коннице. Изначально их продолжали носить поверх доспеха, как и в XIV столетии. Уже в середине века появилось революционное нововведение, буквально перевернув-

Салад. Германия, 1470—1490 гг. Бывшая коллекция Вильяма Хенри Риггса. Интересна залатанная пробоина на левом боку шлема, что указывает на его боевое использование. Подобное повреждение могло быть нанесено боевым молотом

Доспех в комплекте с конским доспехом, приписываемый герцогу Вальдемару VI Анхальт-Цербскому

шее все представления об употреблении доспеха на полтора века вперед. Изменение было гениальным по своей простоте. Ожерелье просто переместили под кирасу, так что плечевые ремни застегивались поверх доспеха. Трудно оценить все преимущества, которые давала столь незначительная перестановка. Отныне кираса не просто висела на узких лямках, но весь ее вес распределялся по значительной площади, переводя нагрузку на весь плечевой пояс — одну из самых приспособленных к тяжести частей человеческого тела. А ведь кираса — это самый тяжелый элемент доспеха, учитывая подол с подвесными тассетами. К ожерелью также было очень удобно пристегивать наручи. Таким образом, не менее половины веса доспеха удобно распределялось на стальном ожерелье вместо того, чтобы давить на плечи узкими ремешками. Кроме того, ожерелье разгрузило тазобедренный пояс, на который также приходилась значительная нагрузка. Ношение ожерелья под кирасой можно признать самой удобной системой употребления доспеха за всю его историю. Наиболее раннее свидетельство бытования ее относится к 1449 г. и происходит с (росписи алтаря) «Распятия» работы Конрада Лайба. Несмотря на очевидные удобства, ожерелье под кирасой почти не встречается в источниках до самого конца XV—начала XVI вв., когда это стало массовым явлением.

Настоящим символом германского рыцарского вооружения рассматриваемого времени стал салад (deutsche schaller). До 1460 г., как отмечалось ранее, он не был распространен в Германии. Если его и использовали, то это были привозные итальянские образцы или предметы из Бургундии и Фландрии. Во второй половине XV в. салад стал пользоваться неожиданной популярностью, превратившись в едва ли не основное боевое наголовье конницы. Как следствие, примерно за декаду 1460 г. развились собственные формы германских саладов, что было обусловлено появлением независимого местного производства данных шлемов. Одним из основных отличий стала форма тульи. Она была более приземистой и угловатой, чем итальянская. Геометрически она состояла из цилиндрического венца, который через угол с выраженным закруглением переходил в верхнюю часть. Последняя

Бивер (подбородник).
Германия, Ландсхут, 1480-е гг.
Мастер Матиас Дойч

имела среднюю степень выпуклости, в отличие от почти полусферической итальянской. Венец в основании тульи был несколько подан назад, при этом его стенки спереди и сзади имели различный угол наклона относительно осевой симметрии[1]. К началу XVI в. данные геометрические особенности были переняты и в Италии. Германские салады имели длинный «хвост» — вытянутую заднюю часть. Задник часто был несколько изогнут вниз, особенно на экземплярах, появившихся в 1480–1490 гг. Тылье часто набиралось из нескольких пластин, собранных на шарнирных соединениях.

Интересную и редкую разновидность германского салада представляет шлем со сфероконической тульей. Подобные шлемы имели несколько более высокую, чем обычно, верхнюю часть тульи, по форме приближавшейся к конусу. Заканчивалась она длинным шпилевидным навершием, в которое мог вставляться плюмаж.

Другой тип салада произошел от глубокого шапеля (айзенхута) со смотровой щелью в полях. Передняя часть полей заметно приблизилась к лицу и укоротилась, задняя, напротив, осталась неизменной, образовав таким образом классический контур салада, в отличие от шапеля с равноплечими полями. Подобные салады были просты в изготовлении и весьма дешевы, являясь преимущественно атрибутом пехотинцев, редко используясь в коннице.

Другому «народному» шлему было суждено широкое использование в среде рыцарства и даже высшей аристократии. Речь идет о «черном» саладе. Он был относительно дешев, отличаясь крайне простой геометрией со слабо выпуклым верхом и полями, переходящими в тулью без выраженного угла. Черным его называли потому, что он поступал из кузницы без какой-либо шлифовки, то есть черным от нагрева при ковке и термообработке. Чтобы сэкономить на чистке и шлифовке его просто грунтовали, красили и расписывали, используя те или иные орнаментальные мотивы. Потенциальная возможность нанести изысканную роспись, которая могла подчеркнуть роскошь доспеха, превратила такие салады в желанную продукцию для состоятельных рыцарей и аристократов.

В 1490–1410 гг. изредка встречался салад с подвесным бивером, который поднимался на шарнирах, как забрало. Прекрасный образец такого шлема работы Лоренса Хельмшмида из Аугсбурга дошел до наших дней.

Забрала могли быть глухими и подъемными, в основном повторяя итальянские очертания.

Надгробие Ханса фон Роденштайна. 1500 г.

[1] Удивительно, точно такая геометрия была воспроизведена на немецких касках Первой мировой войны и более поздних, времен Третьего рейха.

Биверы также мало отличались от итальянских. Биверами мог сопровождаться, помимо салада, и любой шлем с полями.

Широко распространился конский доспех. Пропорционально он полностью соответствовал требованиям моды «высокой» готики. Конструктивно конский доспех состоял из латного налобника, дополненного ламинарным нашейником, закрывающим шею сзади и с боков, доходящим до седла. Спереди шея или не прикрывалась вообще, или прикрывалась кольчужным полотном. Изредка использовались нашейники с полным латным прикрытием, наподобие тех, что встречаются среди итальянского материала. Далее шел короткий латный нагрудник сегментной конструкции. Центральная часть его собиралась из нескольких продольных трапециевидных пластин, скрепленных посредством заклепок. По бокам на них выковывались два крупных выраженных умбона. К основной центральной части на петлях подвешивались подвижные боковины, за счет которых осуществлялся монтаж в составе комплекта посредством пристегивания к седлу на ремнях и пряжках. Сзади конь защищался латным накрупником. Он всегда имел сегментную конструкцию. Накрупник мог выполняться в виде единого приспособления, накрывающего круп наподобие некой стальной попоны. Другой вариант состоял из двух половин, прикрывающих круп с боков и частично сверху. Обе половины соединялись друг с другом ремнями, а также пристегивались к седлу.

Скульптурное изображение рыцаря. 1480-е гг. Ульмский музей

Седло само по себе являлось защитным устройством. Все наружные плоскости обивались тонкими железными листами, которые в сочетании с деревянной и кожаной основой обеспечивали отменные прочностные характеристики. Седло второй половины — конца XV в. значительно видоизменилось по сравнению с предыдущими годами. Массивное ясельное седло было несколько облегчено. Задняя лука уменьшилась, что обеспечивало большую свободу действий всаднику. В центре задней луки появился полукруглый или треугольный вырез, который предохранял поясницу всадника от повреждения, если его отбрасывало назад при ударе копьем. При этом выступающие боковые части все также надежно поддерживали всадника, сообщая хороший упор в рыцарской посадке.

Пластины, формирующие конский доспех, были относительно тонкими, не более 1,5 мм. Большая толщина неминуемо создала бы защитное устройство непомерной тяжести. Но и описанный вариант мог весить до 30 кг.

Цветная вкладка *(стр. 63)*

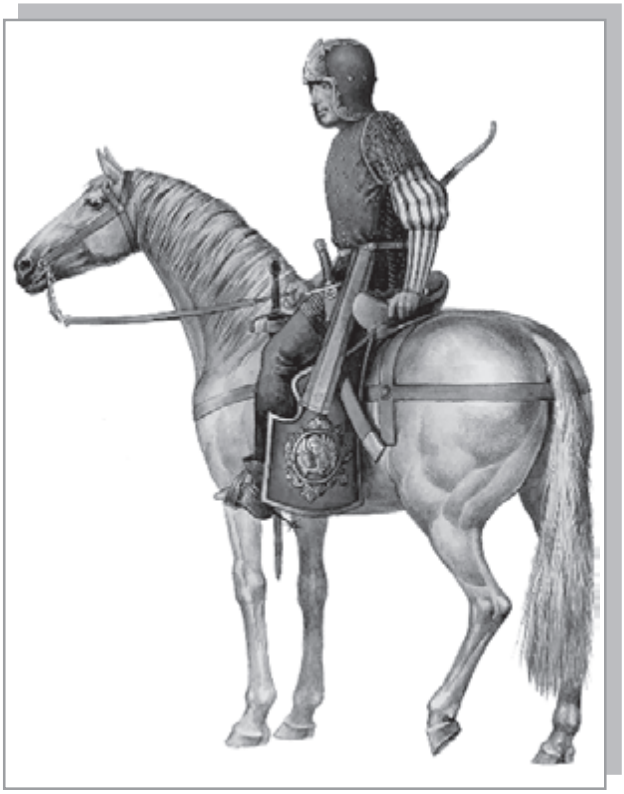
На реконструкции представлен германский рыцарь в вооружении конца XV в. Классический германский готический доспех включает в себя составную кирасу, поверхность которой покрыта гранями, салад с бивером, прикрытия рук на ременном соединении, рукавицы с длинными заостренными крагами, прикрытия ног отличаются характерными удлиненными носками сабатонов, а также чрезвычайно длинными шпорами. Единый комплект с доспехом представляет конская броня.

Данный комплекс находится в музее Уоллеса в Лондоне.

Гвардия дожей Венеции

1480–1510 гг.

Личная гвардия — отряд преданных телохранителей — являлся обязательным атрибутом знатных вельмож европейского Средневековья. Помимо непосредственных обязанностей, связанных с охраной особы своего повелителя, данные отряды несли представительскую функцию. Владетельная персона снаряжала и вооружала отборных бойцов из собственной казны. Кроме того, в гвардии стремились служить отпрыски самых знатных семейств, потому что близость к сеньору почиталась за великую честь. Их блеск и стать должны были подчеркивать престиж, богатство и могущество владыки. Изначально гвардейские соединения играли важную военную роль. Они были прекрасно обучены, вооружены и должны были отличаться высокими моральными качествами и преданностью своему благодетелю. Личный отряд часто являлся последним словом в сражении, наподобие княжеской



Бригандина стражи венецианских дожей. Кон. XV — нач. XVI вв. Государственный Эрмитаж. Доспех собран на основе из красного бархата с льняной подкладкой

дружины Древней Руси. Они были достаточно многочисленны и включали в себя конные и пехотные соединения, хотя, конечно, конница играла ведущую роль. Видимо, одним из последних эпизодов средневековой истории, когда личная стража заслоняла своего господина в битве, можно считать случай, произошедший с королем Франции Людовиком XI и герцогом Карлом Бургундским во время их войны с Льежем 1468 г. Разбив непокорных горожан в поле, оба государя предприняли осаду. Они избрали своей ставкой два дома по соседству в предместьях Льежа в непосредственной близи от города. Ночью с 29 на 30 октября льежцы предприняли вылазку с целью убить обоих владык и одним ударом выиграть войну. С королем было около ста рыцарей и стрелков шотландской гвардии. У герцога было 300 ры-

Барбют стражи венецианских дожей. Конец XV — начало XVI вв. Государственный Эрмитаж

царей, включавших цвет бургундской знати и несколько лучников. Вот как описывает события Филипп де Комин, очевидец и непосредственный участник события: «... они атаковали нас столь неожиданно, что мы едва успели надеть на герцога кирасу и салад. Спустившись по лестнице <...> мы увидели, как лучники защищают от льежцев ворота и окна. На улице стоял сильный шум. Одни кричали: "Бургундия", другие: "Да здравствует король" и "Бей их!". Прошло время, достаточное чтобы дважды прочитать Отче наш, прежде чем <...> мы смогли выбраться из дома <...> Мы не знали, в каком положении король <...>. Но это продолжалось недолго. Льежцы почти все погибли. Они напали также и на дом короля; хозяин дома проник внутрь и был убит шотландцами, которые показали себя добрыми воинами и ни на шаг не отступили от короля, все время отстреливаясь из луков...» Как мы видим, личная стража, в том числе шотландские наемники оказались весьма кстати и спасли жизнь своих господ, о чем прямо пишет де Комин.

Позднее, к концу XV в., военная составляющая функций этих личных отрядов совершенно сошла на нет. Во-первых, государи все реже лично принимали участие в сражениях. Во-вторых, в условиях сильно возросшей численности армий нового времени даже крупный отряд телохранителей не смог бы оказывать заметного влияния на ход боя. Таким образом, стража превратилась в дворцовый и парадный атрибут. Это немедленно сказалось на ее внешнем виде. В снаряжение стали вносить такие декоративные элементы, которые

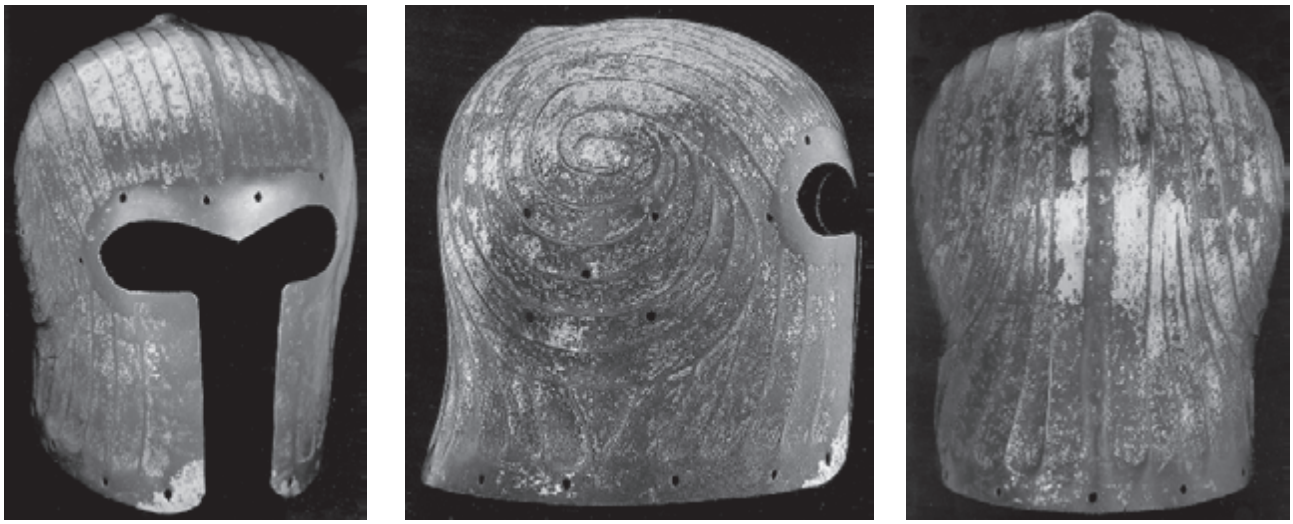
Рисунок-эскиз Антонио Пизанелло для памятной медали, посвященной Альфонсу Арагонскому. Лувр, Париж.
Еще один пример барбюта с тканевой обтяжкой и накладными чеканными и литыми фигурами

были бы немыслимыми в походных условиях.

Хорошо известна группа предметов вооружения XV–XVI вв. из некоторых гвардейских арсеналов. Это двуручные мечи стражи герцога Юлиуса Брауншвейгского 1570 г., морионы гвардии Августа курфюрста Саксонского 1580 г. (использовались до начала XVII в.) и многие другие. Мы рассмотрим замечательные доспехи венецианской гвардии святого Марка, охранявшей дожей.

Во многих музейных собраниях хранятся барбюты, состоявшие на вооружении данного соединения. Это классические итальянские барбюты, хорошо известные по памятникам изобразительного искусства и вещественным образцам. Их отличительной чертой является сплошная обтяжка красного бархата, которая дополнена бронзовыми позолоченными накладками, имитирующими стилизованный растительный орнамент. Они располагаются по периметру шлема (узкая полоса в виде серии древесных листьев), в налобной части (крупная листовидная накладка) и сверху по центру (широкая полоса листьев). Вершина шлема, как правило, украшена массивной литой из бронзы фигурой крылатого льва, который является символом Евангелиста Марка, святого покровителя Венеции. Шляпки заклепок, посредством которых фиксируется подшлемник, изготовлены в виде стилизованных цветков и также позолочены. В комплект к барбюту, судя по свидетельствам изобразительных источников, полагалась бригандина, каковая и хранится вместе со шлемом в коллекции Государственного Эрмитажа. Это раздельные нагрудник и наспинник, которые соединяются на боках и плечах посредством шнуровки. Бригандина имеет приталенный покрой и снабжена стоячим воротом. Нагрудник снабжен в нижней части подвесными тассетами бригандинной конструкции. Несущая основа представляет собой подкладку из грубого холста, обтянутого красным бархатом. Пластинчатый набор состоит приблизительно из 600 мелких трапециевидных пластин, которые удерживаются на покрышке посредством серии из 8–16 заклепок каждая. Толщина пластин 0,8–1 мм. Все пластины вылужены. Шляпки заклепок полусферические, бронзовые, позолоченные, около 5 мм в диаметре. Ножка стальная около 1,5 мм в диаметре. Набор пластин на вороте отсутствует. Поверхность его покрыта фальшьзаклепками, что выдает парадное назначение бригандины. Происходят оба предмета (как и группа аналогичных из других собраний), видимо, из Милана и относятся ко второй половине XV столетия. Употребляться могли и в начале XVI в.

Подобное снаряжение выдавалось как пехотинцам, так и конникам. Причем, судя по изображениям, барбюты конников могли не нести фигуры льва. Это логично, так как тяжелый бронзовый элемент декора, который весит не меньше, чем сам шлем, должен был сильно мешать при езде верхом.



Барбют с рифленой и позолоченной поверхностью. Милан, Конец XV в. Частная коллекция. Приведен по каталогу П. Файнера «In Armis Ars» 1997 г.

ГВАРДИЯ ДОЖЕЙ ВЕНЕЦИИ. 1480–1510 гг.

В качестве конных стражей дожи любили использовать далматинских и албанских наемников, которых нанимали на службу как конных лучников. Во-первых, это были отличные воины, лучшие из которых отбирались в гвардию. Во-вторых, наемники были абсолютно преданы дожу, так как не имели в Венеции иных интересов, кроме щедрого жалованья, которое полностью зависело от их господина. В-третьих, «варвары» были несомненной экзотикой, придавая облику двора и кортежей дожа своеобразный колорит.

Цветная вкладка *(стр. 64)*

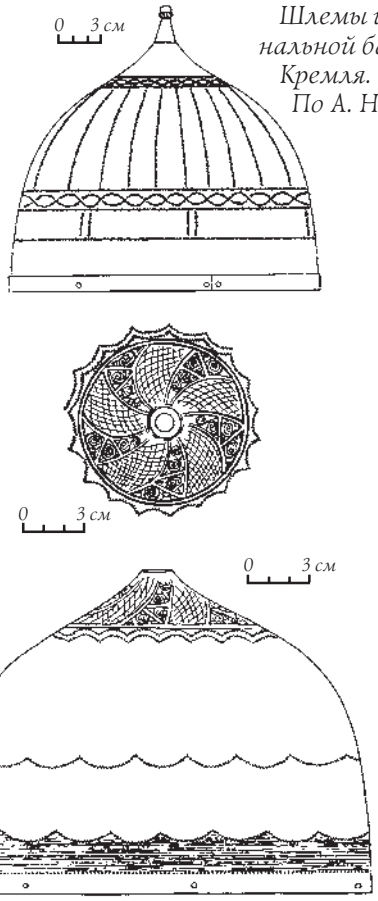
На реконструкции представлен далматинский конный лучник из гвардии венецианских дожей 1480–1510 гг. Наемник снаряжен бригандиной поверх короткой кольчуги и парадным барбютом. Наступательное вооружение состоит из лука, полуторараучного меча при седле и баделера (разновидность фальшиона) на поясе. Отметим своеобразное конское снаряжение. Звездчатые «рыцарские» шпоры на длинном стержне сочетаются с низким восточным седлом с пологой задней лукой. Обращает внимание и высокая посадка в седле (то есть на коротких стременах), отличающаяся от традиционной европейской посадки на прямых ногах. Реконструкция основана на бригандине и барбюте из собрания Государственного Эрмитажа.

Поместная конница Московской Руси

1480–1514 гг.

Конец XV столетия ознаменовался быстрой перестройкой русского военного дела на восточный лад. Это выразилось в изменении всего комплекса военных средств и атрибутов, от вооружения до тактики и управления в бою. Защитное и наступательное вооружение в значительной мере облегчилось. Ушли в прошлое жесткие пластинчатые конструкции. Их место заняли различные гибкие системы защиты. «Новое рождение» получила кольчуга. Абсолютная степень свободы, которую она обеспечивала, как нельзя лучше отвечала требованиям времени. Очень популярны были матерчатые стеганые доспехи. Вопреки бытующему мнению, они вовсе не отличались легкостью и гибкостью, но зато были просты в изготовлении (а значит, дешевы) и надежно защищали от секущих сабельных ударов. Распространились весьма специфичные комбинированные защитные одежды, отметившие целую эпоху в производстве и употреблении доспехов. В первую очередь, это касается кольчато-пластинчатых оборонительных приспособлений. Появившись в XIV в., к XV–XVI вв. они стали доминировать, так как совмещали качества кольчуги и пластинчатого доспеха. Копья и пики как основное

Русский воин с европейским тарчем. Радзивилловская летопись



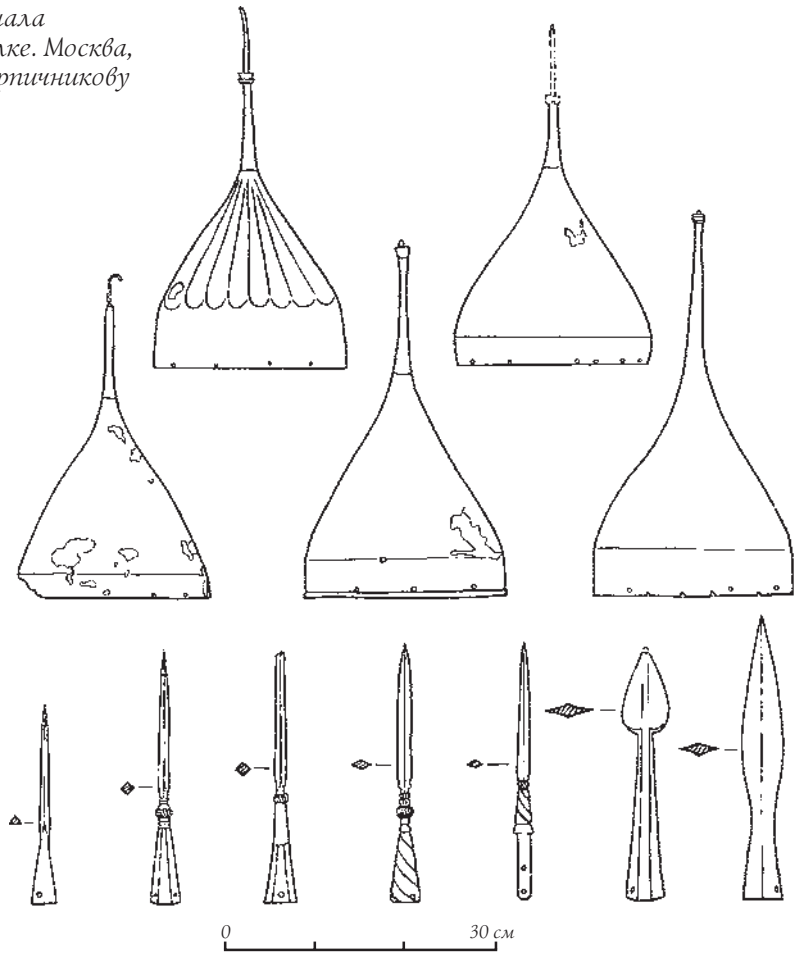
Шлемы из колодца Арсенальной башни Московского Кремля. Около 1500-х гг. По А. Н. Кирпичникову

средство конной вооруженной борьбы сменились саблями и палашами; большее значение в сравнении с предыдущими веками получил лук. В качестве ручного метательного оружия весьма популярным стали дротики — «сулицы», которые на восточный манер носились в прилучных футлярах «джеридах». Последние изредка совмещались с ножнами палаша или меча. Изменилась седловка: глубокие ясельные седла рыцарской эпохи вышли из употребления, уступив легким азиатским седлам с невысокими луками. Посадка в седле с прямыми или почти прямыми ногами, столь удобная для тяжеловооруженного копейщика, сменилась высокой посадкой на коротких стременах, которая была хорошо знакома конным стрельцам XI—XIV вв., и теперь стала доминирующей.

Чем же объяснить описанные процессы? Возникает соблазн вслед за распространенным в историографии мнением отнести их на счет постоянных военно-экономических контактов со Степью — Казанским, Астраханским, Крымским ханствами. Однако предшествовавшие столетия ничуть не менее активных контактов не мешали сохранять на Руси самобытное вооружение и манеру боя. Даже в самую лихую годину монгольского ига русское военное дело не воспринимало восточного влияния, противопоставляя ему дедовский «русский бой», который, скорее, имел западную, «рыцарскую» ориентацию. Видимо, причины следует искать в увеличении численности войск. Изменение характера войны потребовало создания новых массовых армий, многократно превышавших княжеские дружины и городовые полки предыдущей эпохи. Тем более это было актуально для стремительно расширявшегося молодого государства Московской Руси, которому необходимо было обеспечивать оборону и порядок на значительных территориях. Столь крупные воинские соединения обеспечить тяжелым снаряжением было просто невозможно. Кроме того, тяжеловооруженный конник-копейщик, требовал долгой многосторонней подготовки: от выездки на длинных стременах (что гораздо сложнее, чем на коротких) до использования длинного копья в бою. Пластинчатые латы и копье сами по себе не обеспечивали никаких преимуществ при боевом контакте. Без специальной подготовки они становились помехой, балластом для непривычного человека. Так, новгородцы в 1455 г. потерпели сокрушительное поражение от московских войск Василия Васильевича, не сумев использовать преимущества своего снаряжения. Как сообщает Иоасафовская летопись: «Они же не знаша того боа (боя), яко омертвеша и руки им ослабеша, копиа же имаху долга и не можаху воздымати их тако, якоже есть обычай ратным, но на землю испускающе их...» Поразительно точное и емкое сообщение дополняется язвительным и не менее метким замечанием хрониста от 1470 г. о тех же новгородцах: «ремесленник родився на коне не бывал».

Таким образом, многочисленную армию легче было вооружить легким доспехом и наступательными средствами, которые были гораздо дешевле и не требовали столь долгой и дорогостоящей подготовки. Подобное снаряжение и способы его применения были многократно испытаны восточными соседями Руси. Поэтому при резкой смене вектора развития русского военного дела удобнее оказалось не изобретать нечто на пустом месте, а просто заимствовать надежное и проверенное вооружение народов Востока, как нельзя лучше подходившее к изменившимся условиям войны.

Войско комплектовалось по принципу феодальной повинности. Если раньше основой армии



Находка арсенала в Ипатьевском переулке. Москва, до 1547 г. По А. Н. Кирпичникову

были городовые ополчения и дружины князей, то к XV в. ею стали отряды мелких землевладельцев, обязанных воинской службой за держание надела. По классической феодальной схеме землевладелец должен был приводить с собой нескольких «воев» и слуг, которых он полностью снаряжал для несения службы. Вместе они формировали низшую организационную единицу — «списс» или «копье». Кроме мелких дворян на службу являлись и бояре со своей челядью — «детьми боярскими» и «боевыми холопами». Войско дробилось на подразделения по владельческому признаку, когда непосредственным командиром отряда являлся тот, кто его приводил и вооружал. Верховное командование по феодальной пирамиде замыкалось на великом князе. Свободный отъезд из войска быстро сменился строго регламентированным прикреплением дворов и их владельцев к феодальному собственнику земли. Таким образом, был сформирован класс служилого сословия, позволивший значительно повысить мобилизационные способности страны, что привело к росту численности армии и, как следствие — переходу на новую систему вооружения на восточный манер. Парадоксально, но на Руси генезис феодализма, завершившийся к XV столетию, привел к результатам обратным, чем в Европе. В Московском государстве феодально-обязанный воин-профессионал — это легкий конник с минимальным защитным вооружением, луком и саблей, в Европе же, как известно, термин «воин-феодал» был синонимом тяжеловооруженного рыцаря в латах и с копьем.

Суровым испытанием для молодого государства и его армии стала «Великая война» с монголо-татарами, закончившаяся «стоянием» на реке Угре в 1480 г. Новая система набора, организации и вооружения войска и, в первую очередь, поместной конницы как главной ударной силы доказала свою состоятельность и жизнеспособность. Мобильные соединения конницы не дали татарским войскам переправиться через стратегический рубеж реки, что было обеспечено достаточной численностью, организованностью, единым командованием. По замечанию А. Н. Кирпичникова: «... вместо своевольных боярских дружин собиралась организованная сила, подчинявшаяся центральной власти». Стремительно перемещаясь, конные полки успевали прикрывать наиболее опасные участки на многокилометровом фронте, успешно локализовывали прорывы и обеспечивали укрепленные районы, являвшиеся основой оборонительной системы. Итак, «стояние» было выиграно, и с тех пор 1480 г. считается годом окончательного освобождения от власти монголо-татар.

Не все кампании завершались столь удачно. Например, битва на реке Орше 1514 г., была проиграна войскам Речи Посполитой. В честь победы неиз-

Русские воины в германских доспехах конца XV в. Радзивилловская летопись

вестным польским художником было написано грандиозное эпическое полотно, с фотографической точностью воспроизводящее мельчайшие детали вооружения и снаряжения как польских войск, так и московской поместной конницы, что делает картину весьма ценным источником по истории русского военного дела.

Цветная вкладка *(стр. 65)*

Изображены два всадника русской поместной конницы 1480–1514 гг. Реконструкция основана на изображениях картины «Битва на Орше» (Народный музей в Варшаве), археологических находках в Москве (собрание ГИМа) и на материалах арсенала бояр Шереметевых, а также Цар-

Русский воин с европейским фальшионом. Радзивилловская летопись

скосельского арсенала (собрание Государственного Эрмитажа).

Фигура на переднем плане.

Шлем: сфероконический «шелом» с граненой поверхностью и распашной бармицей, закрывающей верхнюю часть лица. Шпиль навершия украшен флажком — «яловцом».

Доспех: «бахтерец» с короткими кольчужными рукавами.

Наручи: створчатые, латные, восточного образца («базубанды»).

Наступательное вооружение представлено чеканом, саблей, луком со стрелами.

Вторая фигура (задний план).

Шлем: сфероконический «шишак» с характерной низкой тульей. В качестве защиты лица присутствует подвижная носовая пластина, зафиксированная в скобе на налобной части шлема. Имеется также распашная бармица. Подобные шлемы изображены в «Битве на Орше», кроме того, аналогичный экземпляр был найден при раскопках арсенала Кириллово-Белозерского монастыря. Носовая стрелка добавлена гипотетически.

Доспех: так называемый «куяк» представляет собой бригандинную защитную конструкцию. Состоит из длинополого жилета с застежками на боках, который надевается поверх матерчатого ворота-оплечья, к бокам которого пришиты лопастевидные наплечники также бригандинной конструкции. Пластинчатый набор состоит из прямоугольных пластин, расположенных в горизонтальных рядах с взаимным наложением в направлении снизу вверх. Пластины зафиксированы на изнанке несущей основы посредством двух заклепок в верхнем углу каждая. Подобные пластины были обнаружены в Москве в слоях начала XVI в. Конструкция куяка восстановлена на примере аналогичных единовременных азиатских доспехов и более поздних (второй половины XVI—начала XVII вв.) русских куяков из собрания Государственного Эрмитажа (полный куячный комплект с наплечниками происходит из Царскосельского арсенала; похожие, но неполные панцири в арсенале бояр Шереметевых).

Наступательное вооружение состоит из лука со стрелами, пики и сабли.

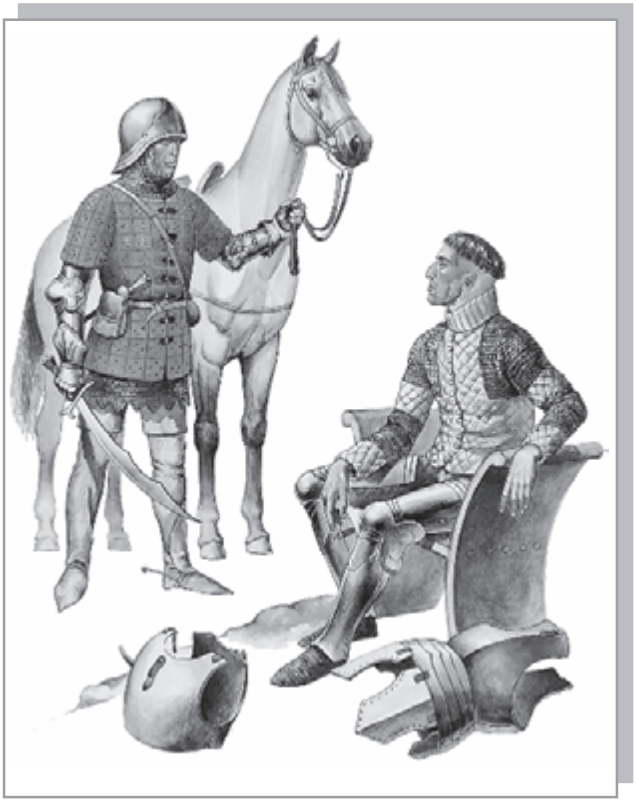
Испанские конные воины

1480–1520 гг.

В конце XV в. Испания выступила на внешнеполитической арене как значительная самостоятельная сила. С 1480–1490 гг. армия испанского королевства превратилась в весьма весомый аргумент, с которым не мог не считаться ни один европейский государь. Испания имела выход на атлантическое и средиземноморское побережья, и, кроме того, она контролировала стратегически важный Гибралтарский пролив. В XVI в. Священная Римская империя в результате удачной династической политики включила в свой состав Испанию. Благодаря столь удачному приобретению империя стала самой могущественной державой Европы, над землями которой «не заходило солнце».

Приведем основные причины столь заметного усиления Испании. Во-первых, территории нескольких государств Иберийского полуострова в конце XV в. объединились под единой властью. Завершением процесса собирания земель явилась уния Арагона и Кастилии. Этот исторический союз был скреплен браком Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской в 1469 г. Слияние королевств шло в русле общеевропейского процесса образования национальных государств. Таким образом, новая держава не была химерическим образованием, которое удерживается от распада только волей своего правителя и силой оружия. Напротив, это было монолитное государство, единый организм, который функционировал благодаря направленным усилиям большинства слоев населения, осознающих себя единой нацией.

Во-вторых, важным фактором оказалось складывание сильной единой власти. С конца XV столетия центробежные устремления знати были преодолены властью монарха. Еще в 1445 г. мятеж знати в Кастилии был подавлен роялистами в битве при Ольмейдо. В 1474 г. разразилась гражданская война между кастильско-португальским и кастильско-арагонским альянсами, которая в 1479 г. закончилась полной победой сторонников объединения Кастилии и Арагона под властью Фердинанда и Изабеллы. В результате



внутриполитические проблемы перестали сковывать силы государства, которые отныне могли быть направлены на решение внешнеполитических задач.

В-третьих, в 1492 г. с завоеванием Гранадского халифата Испанское королевство окончательно приобрело территориальную целостность в рамках Иберийского полуострова. Завершение реконкисты было великой исторической миссией Испании. Выдворив арабов из Гранады, испанцы лишили их укрепленного плацдарма для возможных завоевательных походов в будущем. Испания обезопасила свой тыл и получила контроль над проливом. Теперь за Пиренейским хребтом существовали лишь два государства, религиозно и этнически близких друг другу — это Испания и Португалия, что высвобождало значительные силы для воздействия на внешнюю политику.

Кроме того, многовековая война воспитала в Испании значительную прослойку профессиональных воинов, которые после исчезновения внутренней угрозы рвались в бой за новые земли и богатства.

Факторы, изложенные выше, позволили Испании в конце XV—начале XVI вв. успешно участвовать в нескольких масштабных исторических процессах. В первую очередь необходимо отметить войну с Гранадским халифатом 1482—1492 гг. Это была продуманная планомерная кампания, разительно отличавшаяся от рядовых набегов «кавальгада». Решив окончательно изгнать мусульман с полуострова, испанцы наступали по всей границе, методично захватывая все города и замки, постепенно сжимая кольцо вокруг Гранады. 2 января 1492 г. последний халиф Гранады Мухаммед II Абу-Абдалла (Боабдил) капитулировал, открыв перед испанцами ворота города.

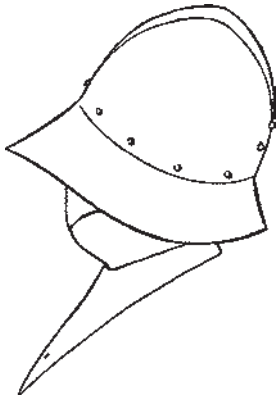
Конница в данной войне преимущественно играла роль обеспечения и прикрытия. Основная

Салад. Венеция или Испания(?), 1480—1500 гг. Государственный Эрмитаж. Поверхность шлема украшена орнаментом в мавританском стиле. Подобные мотивы равно употреблялись в Италии и Испании. И хотя скорее всего данный салад был произведен в Венеции, на Пиренейском полуострове подобные шлемы пользовались большой популярностью и широко вывозились из Италии. Орнамент наведен позолотой, серебрением, чернением и гравировкой

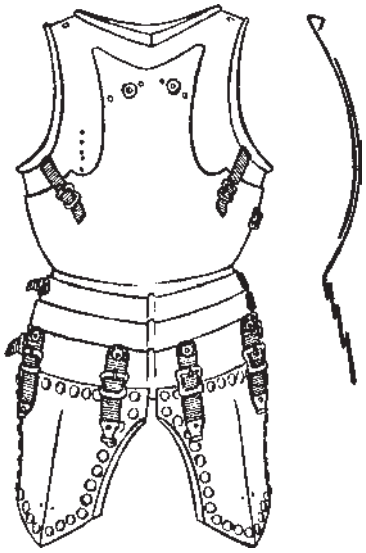
Полудоспех. Испания или Италия(?), 1470—1500 гг. Парижский музей армии. Полудоспех состоит из бригандины и кабасета с подбородником. Покрышка бригандины обтянута кожей, и это позволяет предположить, что ее реставрировали в XIX в.

нагрузка боевых действий приходилась на пехоту. Это было обусловлено необходимостью вести постоянные осадные действия против многочисленных фортификационных сооружений на территории халифата. Кроме того, армия Гранады имела собственные крупные и хорошо вооруженные пехотные контингенты. Их численность в пять-шесть раз превосходила численность конницы.

Десять лет войны положительно сказались на армии Испании. Был получен ценный боевой опыт, который позволил ей успешно действовать в крупнейшем международном конфликте конца XV — первой половины XVI столетия — Итальянских войнах. Король Франции Карл VIII в 1494 г. предпринял поход в Италию и занял Неаполитанское королевство. В целях поддержания политического равновесия против чрезмерно усилившейся Франции была создана «Священная лига», куда вошли Милан, Венеция, Испания, Германия и римский папа. Карл VIII не сумел захватить стратегической инициативы, позволив союзникам объединить силы в Италии. Пришлось спешно покидать завоеванные территории, чтобы избежать окружения. Французам удалось победить в битве при Форново в 1495 г., что спасло их армию от полного уничтожения и позволило отступить из Италии. Преемник Карла Людовик XII продолжал экспансионистскую политику в отношении Италии. Для нового похода он заручился поддержкой Фердинанда I Испанского, обещав ему половину Неаполитанского королевства. При поддержке испанцев Людовик захватил Милан, Геную и Неаполь. Однако при разделе неаполитанских земель возник конфликт, приведший к открытому столкновению испанцев с французами. В результате в 1501 г. последние были вторично изгнаны из Южной Италии, которая полностью досталась Фердинанду, ставшему королем Неаполитанским[1]. Против Франции была возобновлена деятельность Священной лиги. В 1509 г. Людовик XII разбил венецианцев при Аньяделло; испанцы в данном сражении участия не принимали. Следующее крупное сражение под Равенной 1512 г., напротив, происходило в основном при участии испанских войск. Конница испанцев была разгромлена французской конницей, открыла фланги своей армии, что и решило исход боя. В 1515 г. коннетабль Франции Карл де Бурбон выиграл бой при Мариньяно, закрепив успех французов на данном этапе войны. Следующий всплеск активности в военных действиях приходится на 1521–1527 гг., когда Испания и Германия были объединены под властью императора Карла V. Соединение германских и испанских армий под общим руководством дало положительные результаты. В 1522 г. войско короля Франциска I Французского потерпело поражение при Бикокка. Успех был закреплен разгромом французов под Павией в 1525 г., где был пленен король Франциск. В 1527 г. имперские войска захватили Рим.



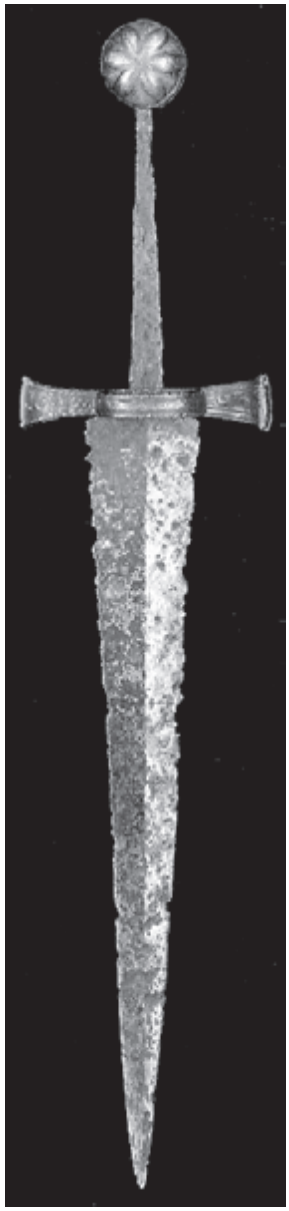
Кабасет с подбородником конца XV в. Из собрания Ж. Паулиака. Париж



Кираса Фердинанда Католика. Конец XV в. Венский исторический музей

Третьим направлением внешней политики Испании, требовавшим военного присутствия, была конкиста — завоевание Нового Света, начавшееся еще в годы правления Фердинанда и Изабеллы. В боевых действиях в Америке конница не сыграла сколько-нибудь заметной роли, хотя и произвела сильное впечатление на аборигенов, никогда не видевших лошадей.

[1] Примечателен набор титулов Фердинанда Католика. Он был первым королем Испании, являясь при этом Фердинандом V Арагонским, Фердинандом II Кастильским и Фердинандом III Неаполитанским.



Кинжал. Италия, 1500 гг. Бывшая коллекция Р. Т. Гвинна

Анализируя действия испанской конницы в описанных выше предприятиях и особенно Итальянских войнах, приходится констатировать уменьшение ее роли в сражениях. В качестве основной ударной силы стала выступать пехота, что вполне соответствовало общим европейским тенденциям в развитии военного дела. Рассмотрим тактику конницы и ее роль в бою на примерах битв при Равенне и Павии.

11 апреля 1512 г. у реки Ронко столкнулись армия французов под командованием Гастона де Фуа и испано-итальянская армия Кордоны, посланная из Неаполя для деблокады Равенны. Войско союзников насчитывало около 19—20 тысяч бойцов при 3—3,5 тысячах конницы. Если этнический состав пехоты и артиллерии был смешанным, то конница, видимо, была исключительно испанской. Им противостояло 28-тысячное французское войско, включавшее 5 тысяч конников. И с той, и с другой стороны конница комплектовалась тяжеловооруженными рыцарями и отдельными соединениями легких конников.

Подойдя к берегу Ронко, испанцы заняли оборону с опорой на палисад, который прикрывал позицию с фронта. За палисадом была размещена артиллерия и стрелки. Центр построения занимали пехотные баталии. Легкая конница прикрывала правый фланг, тяжелая конница — левый, упиравшийся в берег Ронко. В ночь с 10 на 11 апреля французы переправились через реку и изготовились к наступлению. Порядок их армии в общих чертах напоминал порядок испанцев, с той лишь разницей, что правый фланг был усилен с тыла значительным резервом конницы в 400 копий.

Капитан французской артиллерии Альфонсо д' Эста разместил часть орудий на холме, господствовавшем над полем боя. С этой высоты пушки настолько эффективно поражали испанскую конницу, что ее командиры были вынуждены атаковать, чтобы выйти из-под обстрела. На флангах завязался встречный кавалерийский бой. В это время три пешие баталии французов атаковали испанскую пехоту в центре. Две баталии (гасконская и пикардийская) не выдержали ближнего боя и отступили. Только германские наемники — ландскнехты, невзирая на потери от огня пушек и превосходящие силы противника, продолжали упорно сражаться. Исход побоища был не ясен до тех пор, пока французские жандармы не разгромили испанскую конницу на флангах. На правом фланге французского войска дело решил своевременно введенный в дело конный резерв. Отогнав испанцев, жандармы ударили во фланг и тыл вражеской пехоте. Одновременно в атаку снова перешли гасконские и пикардийские пехотинцы. Испанцы были разбиты и отступали по плотине вдоль Ронко под прикрытием части своей пехоты, сохранившей порядок.

При Павии в ночь с 23 на 24 февраля 1525 г. события разворачивались следующим образом. Имперское (германо-испанское) войско под командованием Пескары должно было деблокировать город и прорвать осаду. Саперы пробили три бреши во внешних укреплениях осаждающей армии. Первыми в проломы пошли конница и мушкетеры. Навстречу им пошла французская конница, ведомая самим королем Франциском I. В столкновении явный перевес получили французы и стали теснить испано-германских конников. От полного разгрома их спасло вмешательство мушкетеров и своевременный подход колонн ландскнехтов. Жандармы были разбиты и отступили. Следом была уничтожена и пехота французов, вступавшая в бой поэшелонно. Спасся лишь арьергард войска под командованием герцога Алансонского, который ушел за реку Тичино, разрушив за собой мост. Остальная часть армии, лишенная путей к отступлению, была частич-

но перебита, частично взята в плен, включая короля Франциска.

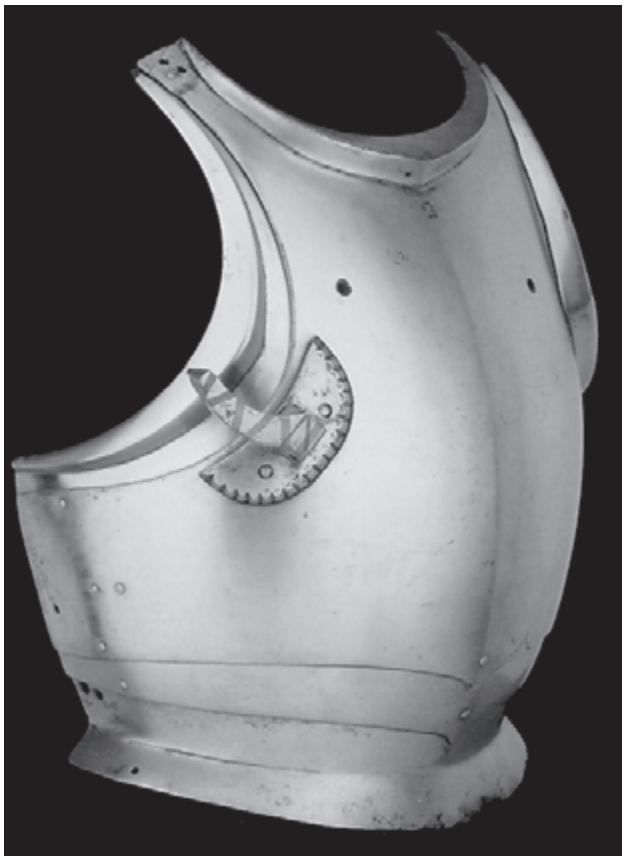
На данных примерах хорошо видно уменьшение роли конницы в сражении. Основной ударной силой с этого времени выступает пехота. Тем не менее конница по-прежнему выступает незаменимым средством маневренного боя, например, при фланговых охватах. Под Равенной французская конница победила испанскую конницу. После этого сражение было выиграно ударами во фланги испанской пехоты, хотя они вряд ли имели бы успех, если бы их не поддержала французская пехота с фронта. Отметим, что испанская или испано-германская конница в обоих случаях уступила французским жандармам. При этом испанская пехота выходит в число лучших в Европе наряду с германцами и швейцарцами.

Вооружение (в первую очередь, защитное вооружение) Испании в конце XV в. находилось под значительным итальянским влиянием. Конструктивно и геометрически испанские доспехи в основных чертах повторяли единовременные итальянские образцы. Разница заключалась в некоторых элементах оформления деталей. Например, верхняя часть плакарта, которая в конце XV в. почти полностью закрывала нагрудник, в Испании часто существовала в виде широкого стилизованного рыбьего хвоста. Яркой иллюстрацией этому служит кираса Фердинанда I Католика из Вены и кираса Дуарте де Альмейде, обе относятся к периоду 1480–1500 гг. Доспехи равным образом как завозились в Испанию, так и изготавливались на месте. Главными центрами производства были Севилья, Бургос, Калатаюд и Кастейон де лас Армас. Наступательное вооружение производилось в нескольких центрах. Наибольшую известность впоследствии приобрели мастерские города Толедо.

Вообще наиболее своеобразной отличительной чертой испанского вооружения является декорировка. С конца XV—начала XVI вв. оружие начинает богато украшаться по всей Европе. В Испании основой орнаментальных мотивов являлись мавританские элементы декора. В плане технического исполнения испанские мастера владели всеми известными приемами украшения металлических поверхностей. Оружие покрывалось гравировкой, таушировкой, позолотой или серебрением по медной подложке и т. д. В местечке Калатаюд широко использовалась аппликация фигурных гравированных бронзовых накладок на стальную поверхность. Там же применяли заклепки с крупными декоративными шляпками, которым зачастую придавалась пирамидальная форма. Предметы защитного вооружения 1480–1500 гг., украшенные подобным образом, хранятся в Государственном Эрмитаже.

Цветная вкладка *(стр. 66)*

На реконструкции представлены испанские рыцарь и легковооруженный конник. Реконструкция основана на резном деревянном барельефе



Нагрудник кирасы.
Германия, Инсбрук, 1490 — 1510 гг.
Мастер Ханс Пруннер. Бывшая коллекция Р. Т. Гвинна.
Испанские рыцари широко использовали германское вооружение, начиная с конца XV в., когда оно стало весьма доступным и популярным благодаря династическому союзу испанской королевской фамилии с семейством Габсбургов

Копье. 1480—1500 гг. Испания. Бывшая коллекция Р.Т. Гвинна

фе, изображающем завоевание Гранады, и предметах из музейных коллекций.

Рыцарь

Прикрытие корпуса: дублет с нашитыми кольчужными элементами на рукавах и кираса. Кираса составная. Плакарт имеет удлиненную и чрезвычайно широкую центральную часть, оформленную в виде рыбьего хвоста. Подол состоит из четырех широких полос, продолженных внизу крупными подвесными на ремнях пластинами — «тассетами». На левом боку располагаются петли, посредством которых крепится задняя часть плакарта.

Пластрон (нагрудник, верхняя часть кирасы) доходит до уровня диафрагмы. Имеет слабую степень выпуклости. Под горловиной спереди и сзади крепится ремень для пристегивания плакарта. (Кираса Фердинанда I, 1480–1500 гг., Вена.)

Прикрытия ног: набедренники, наколенники, наголенники, сабатоны.

Набедренники: монолитные, створчатые. В верхней части дополнены двумя переходными пластинами на шарнирных соединениях.

Наколенники: состоят из шести деталей. Центральная пластина имеет значительную степень выпуклости, снабжена вертикальной гранью и крупным боковым крылом. Сверху присоединяется к набедренникам посредством двух переходных пластин. Внизу три переходные пластины, последняя из которых имеет крупные размеры и доходит до трети голени. Центральная часть ее имеет выраженное удлинение в центре. В нижней части пластины расположено отверстие для крепления к наголеннику. По бокам установлены ремень и пряжка для лучшей фиксации на голени.

Наголенник: латный, анатомический, двустворчатый. Имеет вертикальную грань. В верхней трети установлен поворотный шкворень, совмещаемый с отверстием в нижней пластине наколенника.

Сабатоны: кольчужные. Крепятся к наголеннику посредством серии отверстий в нижней кромке последнего.

Легкий конник

Шлем: салад без забрала. В налобной части имеется усиливающая пластина, неподвижно зафиксированная посредством заклепок. Задняя часть тульи продолжена тремя пластинами на подвижных шарнирных соединениях. (Калатаюд(?), 1480–1500 гг., Государственный Эрмитаж.)

Прикрытие корпуса: дублет с кольчужным воротом и подолом и бригандина с наплечниками. Бригандина имеет медиальную расстежку спереди. Набор состоит из серий мелких трапециевидных пластин.

Прикрытие рук: плечевые щитки, налокотники и наручи итальянского образца, соединены в единую систему посредством шарниров и скользящих заклепок.

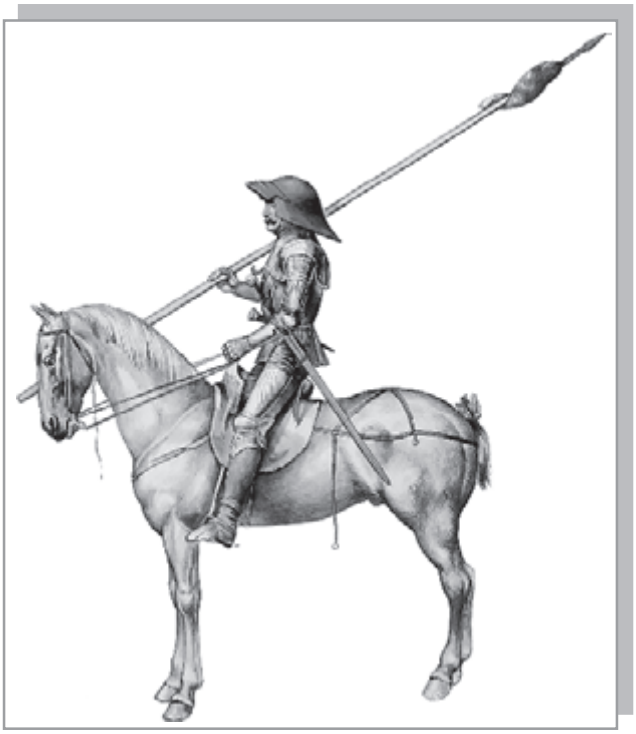
Перчатки: «готические», с удлиненной и заостренной крагой.

Наступательное оружие: фальшион и кинжал с почковидным эфесом.

Германский легкий конник

1480–1510 гг.

Германское вооружение 1480–1510 гг. превратилось в наиболее прогрессивное в Европе. Редкая страна могла похвастаться настолько развитым производством оборонительного и наступательного вооружения. Собственное производство оружия стимулировало несомненный подъем экономики германских земель в конце XV в. Экономическая база позволила полностью реализовать потенциал мастеров-оружейников, накопленный за несколько веков. Несомненно, положительным моментом для германцев был относительный упадок главного конкурента — Италии, которая с конца XV в. непрерывно разорялась войной. Необходимо отметить и деятельность императора Максимилиана I Габсбурга, на самом высшем уровне покровительствовавшего оружейной индустрии собственного государства[1]. Конец XV—начало XVI вв. в истории развития вооружения является чрезвычайно интересным, если не сказать, знаковым периодом. В это время нашли свое логическое завершение и наивысшее развитие тенденции и процессы, заложенные еще в 1250–1350 гг. Если построить диаграмму динамики развития вооружения, то в середине XIII в. придется отметить резкий скачок, который по крутой гиперболической траектории достигнет пика к 1480–1510 гг. В середине XIII столетия кольчуга начинает сменяться пластинчатым доспехом — бригандиной; в XIV в. распространяются шлемы с подвижными забралами, латные ожерелья, а приталенные крупнопластинчатые бригандины развиваются в кирасы; XV в. дает появление составных кирас, поверхность доспеха начинает покрываться рифлением, ожерелья начинают носить под кирасой. К концу XV—началу XVI столетия синтез и упорядочение всех описанных черт даст жизнь короткой, но исполненной блеска эпохе. В ее начале лежал готический доспех, наиболее совершенный эстетически, а в конце — доспех максимилиановский, вершина технологического совершенства. Параллельно шло развитие наступательного оружия. Оно прошло путь от легкого поясного меча с широким и тонким клинком до полутораручных и двуручных мечей, до фальшионов и кончаров. Сечение клинка становится все более жестким и пригодным для укола. Вместо примитивных булав XII–XIII вв. появляются граненые шестоперы, клевцы и боевые молоты. Копье как основное оружие конницы превращается в тяжелое средство поражение с граненым наконечником на массивной втулке. Описанная гонка «холодных» вооружений привела в конечном итоге к появлению максимилиановского доспеха, который лучше всего противодействовал холодному оружию. К 1530-м гг. он практически исчезает из употребления, а на развитие доспеха начинает в основном влиять огнестрельное оружие.



[1] Вот пример для многих правителей! Не закупка готовой, пусть даже качественной продукции за границей, а всемерное развитие собственного производства должно стать лейтмотивом экономической политики. Как учит история, подобный подход, хоть и не сразу, но всегда окупается сторицей.

Рыцарь, смерть и дьявол. Гравюра. А. Дюрер. 1513 г.

В конце XV в. массовым потребителем тяжелого снаряжения, помимо конницы, становится пехота. Тем не менее комплекс вооружения конника остается наиболее совершенным и лучше всего отражает уровень развития военного дела и оружейного искусства. Рассмотрим вкратце источники по истории оружия заявленного периода, тем более, что их массив претерпел значительные изменения с XIV столетия.

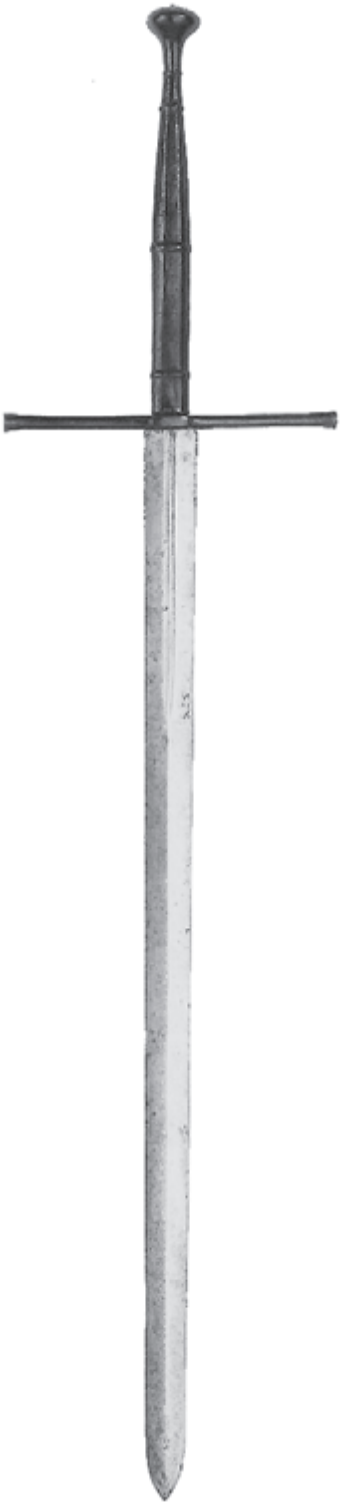
К изучению оружия рубежа XV и XVI вв. привлекаются все те же группы источников, что и для более ранних эпох. Это вещественные, письменные и изобразительные источники. Какие же произошли изменения в дошедшей до нас источниковой базе относительно источников по истории XIV—первой половины XV вв.?

Вещественные источники приобретают значительный удельный вес при работе с материалом. От эпохи Возрождения дошло такое количество вещественного материала, что знакомство с ним становится первоочередной задачей исследователя. При этом на первый план выступают антикварные вещи. Их сохранилось достаточно для статистических выводов, а их отличное состояние дает максимальную информацию об интересующем предмете. Несомненным плюсом является то, что мы можем рассматривать полные комплексы защитного вооружения, которое нередко сохраняется вместе с конским доспехом, — совершенно немыслимая ситуация при исследовании XIV в. Мечи этого времени часто доходят до нас в своих ножнах, с перевязями, а копья — с «родными» древками.

Работая с антикварным материалом, приходится учитывать некоторые негативные моменты. Во-первых, нередко приходится сталкиваться с подделками, которые могут привести неосторожного исследователя к неправильным выводам. Подделки могут быть целенаправленными, когда фальсифицировалась вещь полностью. А могут быть частичными. Во втором случае речь идет о реставрационных репликах, когда недостающие детали доспеха или оружия заменялись новоделами, выполненными в соответствии с внешним видом остальной части предмета. Например, полный доспех часто имеет позднейший наруч или пластину набедренника и т. д., вставленные взамен утраченных. Подлинные же кожаные элементы не сохраняются в девяти случаях из десяти. Вообще следы неквалифицированной реставрации — это настоящая беда. Особенно «постарались» на этой ниве антиквары XIX в. Подлинные

ремни и кожаные перчатки безжалостно вырезались, чтобы придать доспеху более товарный вид, с той же целью уничтожалась старые непрезентабельные позолота, гравировка или воронение, когда поверхность лат полировалась до блеска. Клейма на множестве клинков также были затерты при полировке - и т. д. Во-вторых, предметы антикварного оружия часто некомплектны. То есть меч вложен в ножны от другого меча, доспех сопровождается шлемом от другого доспеха, у конского доспеха «чужое» седло - и т. д. Учитывая перечисленные обстоятельства, нельзя останавливаться только на антикварном материале, как привлекательно бы он ни выглядел. Тем более, что подделки или некомплектные предметы не всегда может выявить даже опытный исследователь. Положение усугубляется отсутствием методики абсолютной датировки металла, которая позволила бы уверенно выявлять «лишние детали» при работе с оружием.

Археологический материал эпохи Высокого Возрождения выглядит, несомненно, проигрышно рядом с более многочисленным и сохранным антикварным материалом. Тем не менее существуют значительные археологические комплексы, которые по сей день считаются школой европейского оружиеведения. Например, остров Родос, взятый турками в начале XVI в. На нем найдено несколько сотен предметов вооружения, в том числе рыцарского, происходящего из всех известных центров производства в Европе. К сожалению, Родос как археологический памятник был погублен варварскими раскопками XIX в., которые проводились без элементарной фиксации поднимаемого материала. В идеале же археологическое



Меч прилучный. Германия, Пассау (?), 1480 — 1500 гг.

оружие имеет достаточно оснований для более или менее точной датировки, особенно если происходит из богатых городских слоев. С другой стороны, хорошо изученные предметы военного обихода сами могут выступать датирующим признаком при раскопках. Например, в Польше, в местечке Спитковичи под Краковом была раскопана сгоревшая постройка, в которой обнаружили меч и остатки полного готического доспеха 1490–1500 гг., со шлемом 1510 г., что помогло точно датировать слой пожарища.

Ситуация с письменными источниками XV–XVI вв. в целом схожа с более ранними источниками. Внешний вид и особенности конструкции они представляют плохо. Зато письменные источники незаменимы при определении цен и количественных соотношений тех или иных видов вооружения.

Изобразительные источники традиционно разделяются на четыре основные группы: монументальное искусство, мелкая пластика, станковая живопись и книжная иллюстрация. В целом их можно охарактеризовать как чрезвычайно подробные и достоверные. Мастера Высокого Возрождения во главу угла ставили фотографическую правдоподобность изображений. В результате мы имеем дело с целым рядом свидетельств уникального качества, которые по информативности почти не уступают вещественному материалу. Ценность их тем более велика, что Возрождение дало понимание трехмерного изображения и перспективы, таким образом, сообщив изображаемым предметам пропорциональ-

Салад с подбородником. Германия, Нюрнберг, 1480—1490 гг.

ную достоверность, что в средневековом искусстве то и дело нарушалось.

Монументальное искусство и мелкая пластика вполне соответствовали аналогичному материалу XIV в. При их изучении можно смело использовать принципы, описанные в разделе, посвященном итальянскому рыцарству 1330—1340 гг. Необходимо сделать замечание о германских военных надгробиях, причем оно будет касаться не только XV—XVI столетия, но и всего периода их бытования, начиная с XII в. Дело в том, что в Германии практически не существовало простых рыцарских надгробий. Надгробие было крайне дорогой вещью само по себе. Чтобы добиться права поставить его в храме, требовалось так или иначе вносить крупные пожертвования, что мог позволить себе далеко не каждый. Подавляющее большинство надгробий, дошедших до современности, принадлежит или очень знатным, или очень богатым фамилиям. Простое же рыцарство в Германии так и не слилось с аристократией, как это произошло во Франции, Англии и Италии. Принадлежность к воинскому сословию не являлась достаточным условием для вхождения в высшие круги. Это требовало знатности рода, в Германии той поры множество аристократов с полным основанием возводило свои родословные еще к родоплеменной знати. Рядовые рыцари даже не допускались на заседания рейхстага, смыкаясь, таким образом, не с высшей знатью, а с горожанами и зажиточным крестьянством. Поэтому нельзя судить в полной мере о снаряжении рядового воинства по надгробиям, в особенности, когда речь идет о конце XV в. Это все равно, что целиком воспроизводить вооружение русской поместной конницы XVII в. по материалам Государевой Оружейной палаты. Кроме того, надгробия бывает трудно датировать однозначно. Об этом подробно говорилось в одном из предыдущих разделов.

Вообще для рассматриваемой эпохи приходится констатировать заметное падение информативной ценности надгробий в связи с историей вооружения. Надгробия XIII—XIV вв. являются едва ли не основным оружиеведческим источником, чего нельзя сказать о надгробиях XV—XVI вв. В Германии это особенно заметно. В этот период времени коренным образом меняется облик германского князя. Раньше он был воином прежде всего, теперь же его облик наполнился в основном патриархальными чертами, что не могло не отразиться на посмертном изображении.

В дополнение к материалам надгробий в XV—XVI вв. широко распространяется жанр портрета. Весьма интересно рассматривать серии портретов знатных вельмож, которые они заказывали на протяжении всей жизни. На них прекрасно прослеживается эволюция воинского костюма и оружия. Портреты, в отличие от надгробий, почти всегда надежно датируются. Ведь портретное изображение обязательно требовало наличия своего прототипа, который, позируя, естественно, демонстрировал аутентичные предметы снаряжения.

В остальном станковая живопись воспроизводила сюжеты, пришедшие из предыдущих веков. Тем не менее отметим, что к традиционным религиозным изображениям Возрождение добавило живой интерес к сценам из окружающей жизни, что, несомненно, повысило информативность изобразительных источников.

Книжная иллюстрация претерпела значительные изменения. С тех пор, как в 1445 г. Иоханн

Гутенберг изобрел печатный станок, книжная миниатюра начала стремительно исчезать из обихода вместе с рукописной книгой. Им на смену пришла гравюра, которая тем не менее достаточно часто раскрашивалась от руки. Гравюры скоро сошли с книжных страниц, превратившись в самостоятельный жанр изобразительного искусства. Говоря о гравюрах, нельзя не вспомнить о таких мастерах, как Ханс Гольбейн, Альбрехт Дюрер, Ханс Бургмаер и др. Их замечательные работы, как луч прожектора, выхватывают моменты давно ушедшей эпохи. Фотографическая реалистичность часто сочетается с возможностью точной датировки, ведь гравюры то и дело подписывались датой, как, например, многие гравюры работы Лукаса Кранаха или Дюрера. Альбрехт Дюрер очень любил рядом со своей монограммой «А. Д.» (причем «Д» вписывалась снизу в «А») оставить для потомков точную дату.

Материал гравюр предоставляет неоценимую возможность для анализа реального комплекса снаряжения конницы той поры. Особенно это актуально при работе с периодом рубежа эпох, когда различные системы и конструкции быстро сменяли друг друга, тем не менее продолжая какое-то время сосуществовать, создавая иногда самые причудливые сочетания. Именно гравюры, благодаря своей массовости и реалистичности, позволяют в полной мере оценить продолжительность использования различных видов вооружения и проследить возникновение новых. Также на их основе можно анализировать взаимосочетание архаичных и передовых видов вооружения и степень проникновения заграничных влияний.

Главным отрицательным моментом в работе с изобразительными источниками XV–XVI столетий является все более широкое распространение гротеска и протоисторизма в искусстве. Расцвет гротеска приходится на середину–вторую половину XVI в., однако в начале столетия его влияние было более значительным, чем в XV, и, тем более, в XIV в.

В качестве примера подробного и реалистичного источника рассмотрим работу Альбрехта Дюрера 1495 г., изображающую рыцаря на коне.

На гравюре представлен конный воин в так называемом доспехе в три четверти, то есть не закрывающем только голени. На голове всадника изображен классический «черный» салад с монолитной глубокой тульей, плавно переходящей в поля, вытянутые в тыльной области. Забрало подъемное, с единой смотровой щелью. Скорее всего салад надет на кольчужный капюшон, скрытый матерчатой накидкой. Если данное предположение верно, то это одно из последних свидетельств бытования подобного защитного средства.

Налобник конский. Фландрия (?), 1500-е гг.

Кираса почти полностью маскируется прорезным кожаным жилетом, поэтому судить о ее конструкции сложно. Скорее всего, исходя из остального комплекса вооружения, мы имеем дело с обычной германской готической кирасой, составленной из нагрудника и плакарта. Подол кирасы не виден. Из-под жилета видны окончания тассет, которые, в отличие от монолитных готических образцов, имеют наборную из горизонтальных полос конструкцию.

Наплечники представляют собой крупные выпуклые пластины, закрывающие полностью плечевые суставы, подмышки и частично лопатки. По верхнему краю они снабжены высокими монолитными бортами, предохраняющими шею от попадания укола вражеского оружия. В нижней части они продолжены серией из шести узких пластин с фигурным зубчатым кра-

ем, которые, по-видимому, скрепляются посредством шарниров в задней части и изнаночных несущих ремней на заклепках — в передней. Вся поверхность наплечников покрыта расходящимися гранями. Плечевые щитки имеют конструкцию монолитных труб с вальцовкой по верхнему и нижнему краю. Поверхность также граненая. К наплечникам пристегиваются ремнями, одновременно крепясь к дублету посредством шнуровки. Налокотники в виде выпуклых пластин средних размеров, закрывающих локоть и локтевой сгиб спереди. Наруч отсутствует. Его заменяют длинные краги трехпалых рукавиц.

Набедренники двустворчатые, задняя и передняя створки продолжены сверху серией переходных пластин, заходящих под тассеты. Наколенники заканчиваются внизу длинной заостренной пластиной по готической моде. Вся поверхность прикрытий ног покрыта расходящимися гранями.

Вооружен рыцарь полутораручным мечом, кинжалом и копьем.

Говоря о творчестве Дюрера применительно к интересующей нас тематике конницы, нельзя не отметить целый ряд гравюр и живописных полотен, во всех подробностях изображающих рыцарское (то есть конное) снаряжение. Достаточно вспомнить знаменитого «Святого Георгия» или гравюру «Рыцарь, смерть и дьявол». Все три работы, считая вышеприведенную, охватывают период с 1495 г. приблизительно по 1515 г. и в подробностях демонстрируют эволюцию снаряжения германского конника. Особенно ценны данные произведения тем, что изображают рядовых воинов, то есть представляют массовый, а не элитный вариант снаряжения, с которым в основном исследователь знаком по музейным собраниям.

Цветная вкладка *(стр. 67)*

На реконструкции представлен всадник в германском облегченном вооружении 1490–1510 гг. Основа реконструкции — картина А. Дюрера 1495 г., описанная выше.

Эпоха максимилиановского доспеха

Начало XVI в.

Без сомнений, максимилиановский доспех явился вершиной развития средневекового защитного снаряжения. Более удачной конструкции для противостояния холодному оружию придумать было невозможно. Максимилиановский доспех обеспечивал идеальное сочетание прочности, приемлемого веса и подвижности. Главным его недостатком должна была быть значительная стоимость, ведь он по праву считается самым сложным с точки зрения технологии производства доспехом. При этом система оказалась настолько удачной, что даже после полного ее исчезновения из обихода под воздействием огнестрельного оружия в 1530 гг. до самого конца XVI столетия то и дело возникали подражания максимилиановскому доспеху, которые иногда представляют собой почти полные копии образцов начала века.

Почему же доспех был назван «максимилиановским»? Вопреки бытующему мнению, император Максимилиан I Габсбург (1459–1519) не являлся его изобретателем. Владыка Священной Римской империи, который считается одним из «последних рыцарей», сделал очень много, покровительствуя мастерам оружейникам. Поддержка императора оказалась настолько весомой, что Германия вырвалась на самые передовые позиции в деле оружейной индустрии, производства защитного снаряжения в том числе. Поэтому новый вид доспеха с полным правом назвали его именем[1].

Максимилиан получил во владение чрезвычайно обширные и неравномерно развитые территории. Ему пришлось много воевать, начиная с конфликта с Францией из-за Бургундии, которая досталась ему в качестве приданого от жены Марии, дочери Карла Смелого. Впоследствии началась продолжительная и кровопролитная Итальянская война, в которой столкнулись интересы многих ведущих держав Европы. Не за горами было и начало лютеранской реформации, вылившейся в религиозные и крестьянские войны. И хотя Максимилиану не удалось увидеть при жизни единой империи, его правление явилось целой эпохой в военном деле, а его усилия, связанные с подъемом оружейного производства, во многом определили облик воинского снаряжения Германии и, шире, всей Европы.

[1] Необходимо оговориться, что термин «максимилиановский доспех» является чисто историографической дефиницией и не имел хождения в XVI в. Его происхождение связано с антикварами и любителями старины и, видимо, относится ко времени не ранее XIX столетия. В печати его впервые употребил Ф. Жиль в 1840 г. в каталоге Царскосельского арсенала.

Максимилиановский доспех развитой формы. Нюрнберг, 1520-е гг. Общая высота 1770 мм. Из бывшей коллекции Акселя Гутмана

Что же представлял собой максимилиановский доспех? Его главным отличием стала специфическая рифленая поверхность. Готический доспех также прочеканивался гранями, но не по всей площади, да и грани были расположены достаточно прихотливо (сериями вдоль краев пластин, по центру, декоративными завитками, расходясь «веером» и т. д.). Максимилиановский доспех был покрыт гранями почти по всей площади. Грани располагались строго упорядоченными вертикальными рядами. Без сплошного рифления могли оставаться лишь наголенники, внутренние створки наручей и наплечные пластины (база) ожерелья, почти полностью скрывавшиеся под кирасой. Как правило, грани шли очень часто с незначительными промежутками, хотя встречаются доспехи с заметными зазорами. Грани классического германского максимилиановского доспеха имели характер четко выраженного невысокого гребня, треугольного в сечении. При этом две соседние грани образовывали на поверхности доспеха углубление — конелюр.

Сплошное рифление сообщило пластинам доспеха повышенные прочностные характеристики. Частые грани отдаляли поверхность пластины от предохраняемой области. Таким образом, увеличивалась толщина защитного покрова без реального утолщения формирующего его листа[1]. Кроме того, конелюр между гранями имел полукруглое сечение. Вогнутая дугообразная поверхность должна была в большинстве случаев нарушать направленность вектора укола, смещая в сторону движение острия. Простая гладкая выпуклая пластина далеко не всегда могла заставить соскользнуть вражеское оружие. Дискретная же поверхность повышала устойчивость против укола многократно.

Другим отличием максимилиановского доспеха была монолитная кираса, в отличие от составной готической. Основными шлемами таких доспехов стали армэ и бургиньоты, которые пришли на смену саладам.

Несущей основой максимилиановского доспеха было ожерелье. Поверх него застегивалась кираса, к нему крепились прикрытия рук, на него опирался шлем. Ожерелье практически не изменилось с середины XV в. Это были две полуцилиндрические пластины с горловиной в центре, с шарнирным соединением на одной стороне, и застегивающиеся посредством выступающей заклепки на нижней пластине, пропускавшейся в вырез наподобие замочной скважины на верхней. Достаточно часто встречались ожерелья, надставленные по краям полукруглыми пластинами, которые крепились на шарнирах к задней пластине базы и на поворотных шкворнях к передней через специальные скважины. Воротник формировался серией из двух-трех

Шлем «армэ». Южная Германия, Инсбрук (?), 1520-е гг. Общая высота 260 мм. Из бывшей коллекции Акселя Гутмана. Корпус шлема не несет характерного для максимилиановских доспехов рифления. Забрало в виде «обезьяньей морды»; аналогичное наголовье хранится в музее Уоллеса, Лондон. Пластинчатый нашейник, изначально крепившийся посредством шарнирного соединения к нижней части подбородника и назатыльника, утрачен

[1] Нетрудно убедится в этом, глядя на рифленую пластину в разрезе. При собственной толщине в 1 мм грань высотой в 3 мм поднимает поверхность пластины в три раза. Это принцип используется в современном гофрированном упаковочном картоне и кровельном железе.

Тесак «корд» с саблевидным клинком. Германия, начало XVI в. Длина 1095 мм. Из бывшей коллекции Акселя Гутмана

узких горизонтальных изогнутых пластин спереди и сзади. Верхние пластины ворота скреплялись посредством стальной петли со стороны шарнирного соединения базовых пластин. С другой стороны осуществлялось «кнопочное соединение», когда стальной штырь (диаметр 2–3 мм) на одной пластине помещался в круглое отверстие на другой и, удерживаясь силой упругости несущей пластины, замыкал створки. Верхний край ворота обрабатывался наружной отвальцовкой. Поверхность валика чаще всего имела вид углового уступа или прорабатывалась методом чеканки по форме крученого жгута. Высота ворота доходила до трех четвертей длины шеи.

Защита головы конника осуществлялась двумя основными разновидностями шлемов. Первая — это шлем «армэ». В основном он конструктивно походил на образцы XV в., но, естественно, появились и различия. Полусферическая тулья стала часто снабжаться продольным гребнем, число которых могло доходить до пяти. Гребни могли быть гладкими или жгутообразными. Налобная область тульи, как и в XV в., могла накрываться дополнительной пластиной. В период 1540–1550 гг. она часто формировала верхнюю часть раздельного забрала.

Нащечники армэ сформировали полный лицевой вырез, доходя до уровня подбородка. Наряду с раздельными нащечниками, крепившимися к тулье на петлях и замыкавшимися спереди, существовала новая монолитная разновидность, появившаяся около 1505–1510 гг. Эта единая пластина закрывала подбородок спереди и с боков и крепилась на тех же шарнирах, что и забрало. Все подвижные элементы шлема застегивались посредством подпружиненных кнопок или откидных крюков. Оба метода могли совмещаться. Тогда кнопке придавались достаточная высота и отверстие для захождения крюка.

Нижний край шлема снабжался нашейником из одной или нескольких пластин на шарнирных соединениях, которые образовывали своеобразную латную бармицу. Нашейник должен был достигать ожерелья и опираться на него, снимая вес шлема с головы и шеи владельца.

Другой разновидностью было так называемое «бургундское армэ»[1] (не путать с бургиньотом!). Низ подобных наголовий имел форму полого полукруглого в сечении валика. При надевании шлема он точно совпадал с вальцовкой ворота ожерелья и замыкался на ней. Таким образом, вес шлема полностью переносился на ожерелье. Любая ударная нагрузка в таком шлеме полностью компенсировалась пружинящим эффектом наборной системы ворота. Известным недостатком данного наголовья можно считать полную открытость ворота, который формировался из достаточно тонких пластин и теоретически мог быть пробит прямым попаданием тяжелого оружия[2].

Третья разновидность оформления нижней части шлема представляла собой серию из трех узких пластин, закрывающих шею сзади, в то время как нижний борт подбородника прикрывал горло.

Четвертая имела вид монолитного, расширяющегося к низу борта, заходящего поверх ворота ожерелья.

Забрала армэ имели три основных вида. Первый — «воробьиный клюв». Отличался выраженным граненым выступом, наподобие ранних хундсгугелей. Второй — «кузнечные меха», когда поверхность забрала имела несколько выраженных горизонтальных ребер. Их число колебалось от трех до пяти. Третий — условно говоря, плоское или гладкое забрало. В данном случае лицевая пластина могла прочеканиваться сти-

[1] Происхождение термина не выяснено.

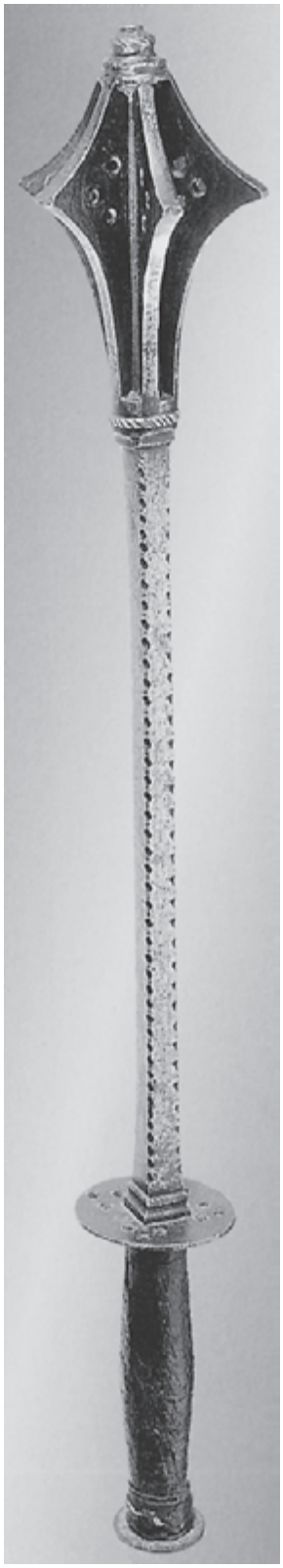
[2] Толщина пластин ворота 1–1,2 мм. Учитывая их взаимное перекрытие, на выходе получался защитный слой в 2–2,4 мм. Причем бронирование было не сплошным, а разнесенным, составленным из рифленых пластин. Так что в любом случае даже неприкрытый ворот было достаточно трудно пробить.

лизованными антропоморфными выступами (нос, рот, усы, глаза).

Забрала снабжались с 1500–1510 гг. выступающими штырями, которые служили рукоятями для подъема и опускания. Другим аксессуаром, связанным с удобством использования забрала, был стопор, фиксировавший его в поднятом положении. Стопор выполнялся в виде длиной и узкой пластины, крепившейся к подбородку посредством шарнира. Когда забрало было поднято, планку можно было переместить вверх и поместить край забрала в специальный пропил. При необходимости стопор откидывался назад и забрало опускалось в боевое положение.

Бургиньот (sturmhaube) отличался от армэ наличием козырька. Появился он в классическом исполнении в 1505–1510 гг.[1]. Изначально это был более легкий по сравнению с армэ шлем. Бургиньот не имел забрала и снабжался небольшими подвижными нащечниками. Козырек мог иметь монолитную с тульей конструкцию или крепиться на шарнирах как забрало. Внешний край козырька почти всегда отвальцовывался для придания жесткости. Впоследствии к 1520–1530 гг. данный шлем получил съемное забрало. К 1540–1550 гг. получили распространение гибридные формы, когда на армэ с монолитными подбородниками в качестве налобного усиления монтировали подвижные козырьки. Бургиньот был очень популярен в среде легкой конницы (и пехоты) благодаря полной защите головы и открытому лицу, защищенному при этом козырьком.

Изредка конные доспехи сопровождали салады. Это были сильно трансформировавшиеся образцы, тем не менее конструктивно родственные



Шестопер. Германия, начало XVI в. Длина 550 мм. Из бывшей коллекции Акселя Гутмана

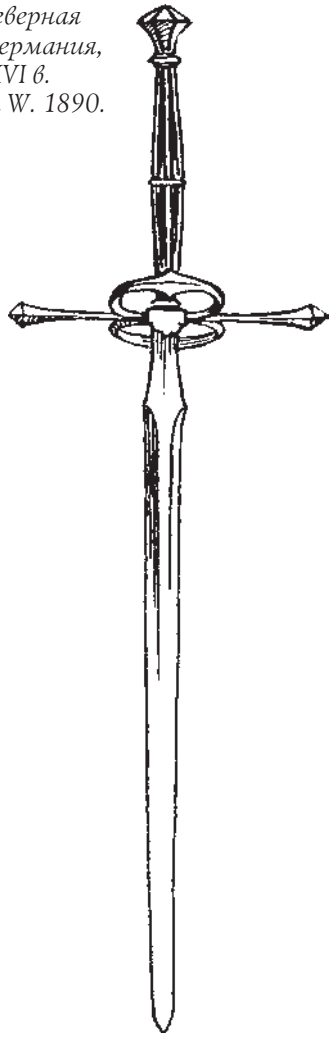
исходным формам. На турнирах, впрочем, широко применялись салады классических очертаний, так называемые реннхут (rennhut).

Кирасы в начале XVI в. претерпели самые значительные изменения. Прежде всего они вернулись к исходной монолитной конструкции[1]. За счет отказа от плакарта стало возможным увеличить толщину нагрудника, который с этого времени мог достигать 3–3,5 мм в центре, сходя к боковинам до 1–1,5 мм. Малая толщина на боках вполне компенсировалась значительным взаимным перекрытием с наспинником. Проймы нагрудника в большинстве случаев снабжались изогнутыми пластинами с отвальцовкой по наружному краю. Они крепились к кирасе посредством шарниров в нижней части и скользящих заклепок в верхней. Подвижное крепление позволило таким образом расширить нагрудную часть, не снижая излишне степень свободы рук в горизонтальной плоскости. Данная черта появилась еще в 1480 г. Например, кирасы Максимилиана I и герцога Зигмунда Тирольского работы Лоренца Хельмшмида уже имеют подобные вставки.

Верх кирасы исполнялся в виде прямого среза или обычной горловины, хотя первое встречалось чаще. В обоих случаях верх снабжался массивной отвальцовкой. В центре валик имел, как правило, заметно больший диаметр, чем по краям. Обычно вальцовка была многослойной, когда край пластины подгибался несколько

[1] Шлемы с козырьком известны в Европе с первой половины XIV в.

[1] Изредка встречаются кирасы с плакартами и в XVI в.



Меч «бастард». Северная Италия — Южная Германия, первая треть XVI в. Приведен по Boehet W. 1890.

раз. Изнутри валик оставался полым. В месте вальцовки толщина пластины не превышала 1,5–2 мм, что вполне оправдывалось при наложении нескольких слоев металла. Поверхность валика обычно расчеканивалась под «жгут», хотя изредка имела вид подтреугольного уступа. Поверхность кирасы полностью покрывалась вертикальными гранями. Исключение иногда составляло узкое прямоугольное поле непосредственно под отвальцовкой. Усиление металла рифлением в этом месте не имело практического смысла, так как именно здесь кираса накладывалась на ожерелье. Даже если представить, что трехмиллиметровая кираса оказывалась пробитой, то ожерелье в любом случае отражало бы разрушительное воздействие, почти полностью погашенное внешним защитным слоем.

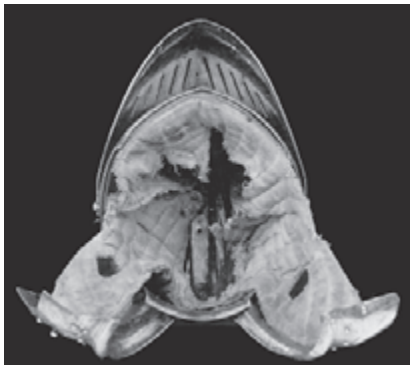
Геометрически германские кирасы мало изменились с XIV столетия. Чаще всего нагрудник имел равномерную степень изгиба по всей высоте. Наспинник охватывал корпус сзади с незначительной впадиной на поверхности между лопаток. Ограниченное распространение получили наспинники с боковыми подвижными створками, подвешенными на петлях к центральной части. Наспинник и нагрудник соединялись посредством плечевых лямок и поясного ремня.

Кирасы редко имели нижний бортик для крепления подола. Чаще всего крепление осуществлялось за счет верхней пластины подола. Она изгибалась под углом по ширине (как у некоторых бригандин XIV в.) и заводилась под кирасу. Возможен был и обратный вариант, когда верх подола заходил на кирасу. В таком случае крайняя полоса аккуратно обрабатывалась, а ее внешний срез часто выполнялся в виде мелких декоративных фестонов. Подол снабжался подвесной защитой основания бедер — тассетами. Последние, как и веком раньше, могли пристегиваться и иметь монолитную конструкцию. Наиболее распространенным в начале XVI в. был вариант с наборными из горизонтальных полос тассетами, которые выполнялись несъемными как продолжение подола. Пластины в данном случае скреплялись посредством шарниров или скользящих заклепок по внешнему краю и изнаночных несущих ремней — по внутреннему. В отличие от приостренных готических тассет, максимилиановские всегда имели ровный нижний срез или заканчивались закругленной пластиной. В 1510 г. появилась новая разновидность тассет, которой со временем суждено будет заменить набедренники. Они отличались значительной длиной и могли доходить от середины бедра до колена. К 1530 г. появились тассеты с прикрепленным наколенником, что определило классический облик доспеха в три четверти. Подобные удлиненные тассеты были весьма популярны в легкой коннице и среди ландскнехтов.

Прикрытия рук монтировались на ожерелье. По краям ожерелья в центре имелись две прямоугольные планки (по одной с каждой стороны) на шарнирных креплениях. Обычно они устанавливались на передней пластине базы, заходившей поверх задней. В окончании каждой планки находился стальной штырь диаметром от 5 до 8 мм. В верхней трети штыря находилась подпружиненная, утапливаемая в специальном углублении, защелка. В верхней части наплечника имелось отверстие чуть большего диаметра, чем штырь. Наплечник надевался на данный штырь и фиксировался сверху защелкой. Часто для повышения степени свободы несущая планка снабжалась штырем, смонтированным на подвижной петле.

Наплечник мог быть двух видов. Первый — с крупной подпрямоугольной основной пластиной, заходящей на нагрудник и наспинник, закрывающей подмышку. Второй — с пластиной средних размеров, оставляющей открытой подмышку. Первый вариант почти всегда нес высокие стальные борты в передней части для прикрытия шеи и головы от

Шлем «бургундский армэ». Германия, Аугсбург, 1515—1520 гг. Мастер Лоренц или Кольман Хельмшмид. Общая высота 267 мм. Из бывшей коллекции Р. Т. Гвинна



«Бургундским» шлем называется, так как рассчитан на замыкание поверх вальцовки ожерелья. Тулья покрыта гранями, которые группируются в четырех сериях по три грани в каждой. Имеется сдвоенный гребень, поверхность которого проработана методом чеканки на манер крученого жгута. Забрало армэ предполагалось дополнять специальным турнирным экраном, который крепился к скобе в верхней части, а также овальному отверстию у правой смотровой щели и шкворню у левой.
Аналогичный шлем имеется в Историческом музее Берна и в музее Метрополитен (коллекция Башфорда Дина), Нью-Йорк.
См. Hayward J.F., Blair C. 1962; Gamber O. 1975

копейного укола. Во втором случае наплечник почти всегда снабжался подмышечным прикрытием — навесной круглой пластиной. Она имела одноточечное крепление посредством изнаночного несущего ремня к наплечнику. Подобная система не ограничивала подвижности и удовлетворительно прикрывала подмышку. Внизу наплечник продолжала серия узких полос, скрепленных посредством шарниров в задней части и несущих изнаночных ремней в передней. Нижняя пластина имела широкий выпуклый гребень, в который помещался валик плечевого щитка. За счет этого осуществлялось сцепление плечевого щитка и наплечника. Желоб наплечника служил направляющей для свободного движения всего прикрытия руки.

Плечевой щиток имел замкнутую трубчатую конструкцию, наруч — двухстворчатую. Соединение их осуществлялось через налокотник.

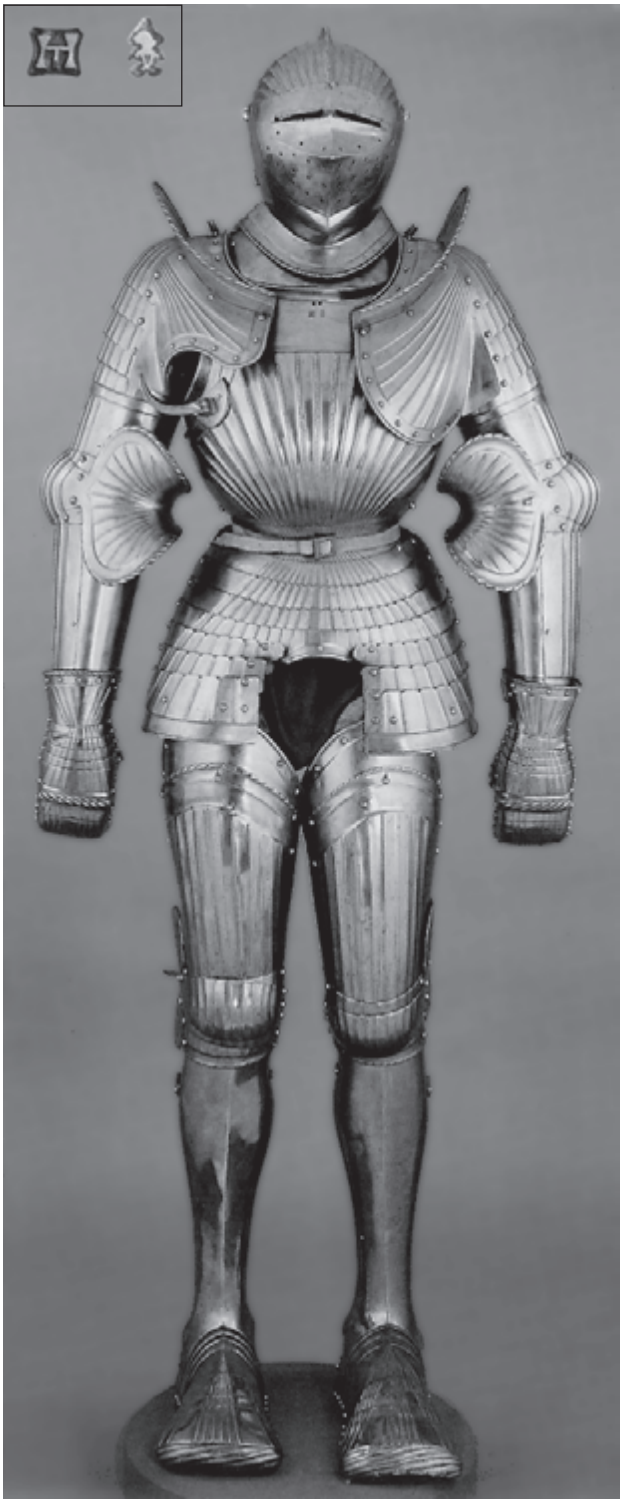
Существовало два вида налокотников, различающихся по способу соединения деталей. Во-первых, налокотники на шарнирном соединении. Они ничем не отличались от итальянских образцов XV в. Во-вторых, традиционные германские. Эти имели монолитную конструкцию, отличались крупными размерами и крепились к наручу и плечевому щитку посредством приклепывания к изнаночным ремням. Налокотник мог огибать локоть полностью. Шарнирные варианты в основном снабжались боковым крылом, закрывавшим локоть сбоку и отчасти локтевой сгиб спереди. Подобные налокотники часто с 1510—1515 гг. дополнялись серией узких пластин на шарнирном соединении, закрывающих изнутри локтевой сгиб.

Перчатки в рассматриваемую эпоху почти совершенно исчезли. Их место заняли рукавицы с несколько более короткими, чем в XV в., крагами.

Прикрытия ног в целом походили по конструкции на более ранние экземпляры. Исключение составляли рифленая поверхность пластин, уменьшение числа верхних переходных пластин набедренника до одной-двух и упразднение нижней удлиненной переходной пластины наколен-

ника. Кроме того, крепление наголенника к наколеннику осуществлялось посредством поворотных шкворней и кнопок. Да и сабатоны, как правило, делались несъемными и крепились к наголеннику на шарнирах. При этом наголенник опускался сзади до подошвы, полностью закрывая пятку, шпоры помещались в специальные прямоугольные отверстия в створках. Напомним, что наголенник в большинстве случаев не нес на поверхности граней, кроме центральной. Это объясняется резким падением боевого значения данного элемента доспеха. Конники все чаще не надевают его для сражения, предпочитая трехчетвертной доспех. Дело в том, что роль индивидуального бойца значительно снижается, а на первое место выходят совместные действия в сомкнутом строю. В таких условиях голень находилась практически вне зоны поражения. Кроме того, наголенник был необходим при контакте конницы с пехотой, когда пехотинцы снизу легко поражали ноги всадников. В XVI в. постепенно пришло понимание ведущей роли тяжелой пехоты на поле боя. В результате конницу старались не использовать для непосредственного боевого контакта с пехотой. То есть насущная необходимость в наголенниках отпала. Ведь преследовать отступающего или бегущего противника, разгонять стрелков и совершать тыловые охваты можно было и в облегченном доспехе. В прямом же бою с сомкнутой массой швейцарцев или ландскнехтов даже вооруженный с головы до пят рыцарь практически не имел шансов.

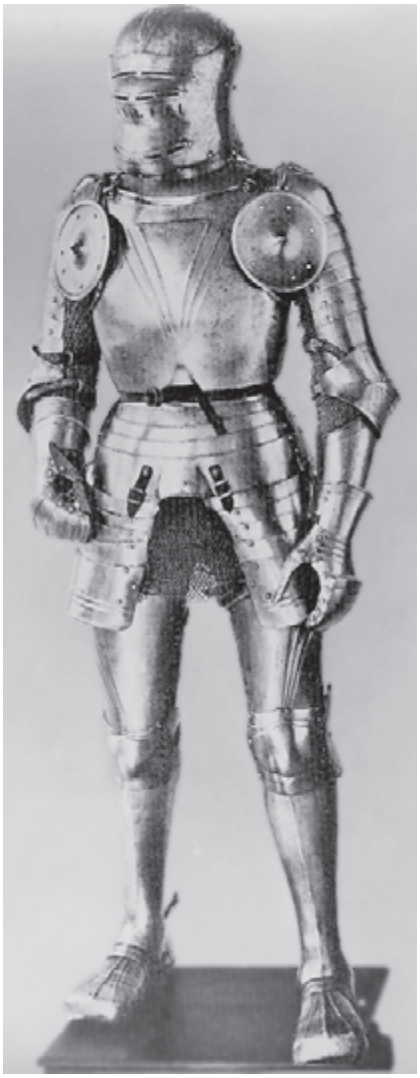
В историографии бытует устоявшееся мнение о заимствовании рифленого доспеха из Италии. Какое-то время применительно к таким доспехам существовал термин «миланские». Все это не имеет под собой основания, как отмечал еще Дж. Манн в своей классической работе «Замечания о доспехе максимилиановского периода и итальянских войн». В Германии существовала давняя традиция изготовления и применения граненых лат. Изображения полностью рифленых кирас хорошо известны в германском искусстве не позднее 1440 г. А от кирасы со статуи императора Фридриха III 1453 г. до настоящего максимилиановского доспеха остается один шаг. Необходимо отметить, что все эти изображения связаны с исконно германской формой кирасы — кастенбрюст, которая никакого отношения к Италии не имела. Напротив,



Максимилиановский доспех. Германия, Ландсхут, 1510 — 1520 гг. Хранится в Эрмитаже (№3. О. 3004)

в Италии XV да и XVI в. испытывали склонность к гладким доспехам. По-видимому, в XV столетии знаменитые итальянские мастера значительно превосходили германских коллег в искусстве обработки металла. Последние не могли достичь того же уровня термообработки и вынужденно прибегали к различным ухищрениям для повышения прочностных качеств доспеха без излишнего утяжеления. Наиболее удачным приемом оказалось применение серий ребер жесткости, которые в единичном числе употреблялись еще в 1370 г. В 1480–1510 гг. германские доспехи уже ни в чем не уступали итальянским. Рифление при этом, без сомнений, ставило германские образцы на первое место. В Италии, в частности в Милане, не без успеха повторяли германские достижения. Хорошо известна значительная группа своеобразных итальянских максимилиановских доспехов, заметно отличающихся от классических. Отличие состоит, в первую очередь, в характере рифления. Грани итальянских доспехов

Максимилиановский доспех «фико группы». Германия, Аугсбург, 1511 – 1520 гг. Из бывшей коллекции Уильяма Рэндольфа Хёрста. Вес доспеха 18 000 г., вес конского доспеха 28 800 г. Один из лучших образцов максимилиановского доспеха, дошедших до современности. Аналогичные образцы встречаются в коллекциях Исторического музея Вены, Королевского арсенала в Лидсе (бывший Лондонский Тауэр) и т.д. Как правило, доспехи подобного качества и уровня отделки принадлежали представителям высшей аристократии – королям и герцогам и обычно без труда атрибутируются. В данном случае имен владельца и мастера установить не удалось



Германский доспех начала XVI в. Относится к группе доспехов с гладкой (не рифленой) поверхностью. По-видимому, использовался в среде солдат или рядового рыцарства. Обращает внимание шлем салад с забралом гротескно грубых очертаний

гораздо выше и массивнее, что вообще характерно для данного региона. Тем не менее гладкий доспех продолжал существовать и широко употребляться в Италии. Бытовали гладкие доспехи и в Германии. Далеко не каждый мог позволить себе дорогие рифленые латы. В среде тяжелой конницы они, конечно, преобладали, но были известны и более простые доспехи. Причем далеко не все из них были дешевыми эрзацами. Известны гладкие доспехи элитного качества, например, образец 1500–1510 гг., приписываемый Кюнцу Шотту фон Хелингену, бургграфу Ротенбергскому (из коллекции Р. Т. Гвина). Употреблялись также латы с ограниченным использованием рифления, как бы в дань моде. Показательна, в данном случае, кираса 1510-х гг. иннсбрукской работы из Королевского арсенала в Лидсе, Англия (бывшее собрание лондонского Тауэра). Грани на нагруднике и наспиннике совсем короткие, не более трети высоты, их немного, и они сходятся в вытянуто-треугольные фигуры, наподобие волчьих зубов[1]. Никакой функциональной нагрузки они не несут, зато образуют весьма характерный декоративный узор, однозначно указывающий на принадлежность максимилиановской традиции.

В конце XV—начале XVI вв. все более широкое распространение получает декорировка доспехов и вообще оружия. Ранее украшение лат достигалось за счет накладок из цветных металлов, раскраски и матерчатых накидок. Главным украшением была сама архитектура доспеха. Контуры и пропорции, сочетание деталей и обводы поверхностей сами по себе должны были быть эстетическим совершенством. Все дополнительные декоративные элементы, если и присутствовали, то занимали подчиненной положение по отношению к функциональным деталям. Эта по-настоящему великая эпоха минимализма закончилась своим наивысшим расцветом во второй половине XV в. Не зря готические доспехи называют «стальной скульптурой».

Максимилиановские доспехи стали активно украшаться лишь с 1520–1530 гг. До этого использовались набольшие травленые орнаментальные вставки или гравированные надписи. Впоследствии орнамент стал более изощренным и занял значительную часть поверхности доспеха.

Цветная вкладка *(стр. 68)*

На реконструкции представлен германский рыцарь в максимилиановском доспехе 1520 г. На общем фоне обращает внимание незащищенное горло лошади. Это было частой практикой, так как конь на галопе (основной аллюр для атаки) опускает голову вниз, закрывая налобником горло. Таким образом, в полном двустороннем нашейнике не было необходимости. Данная реконструкция представляет комплекс лат коня и всадника из коллекции Р. Скотта. Воспроизводится после реставрации по рекламному каталогу Питера Файнера «In Armis Ars», 2002 г.

[1] Данный вариант рифления редок, но не единичен. В литературе обозначается устойчивым термином «волчьи зубы».

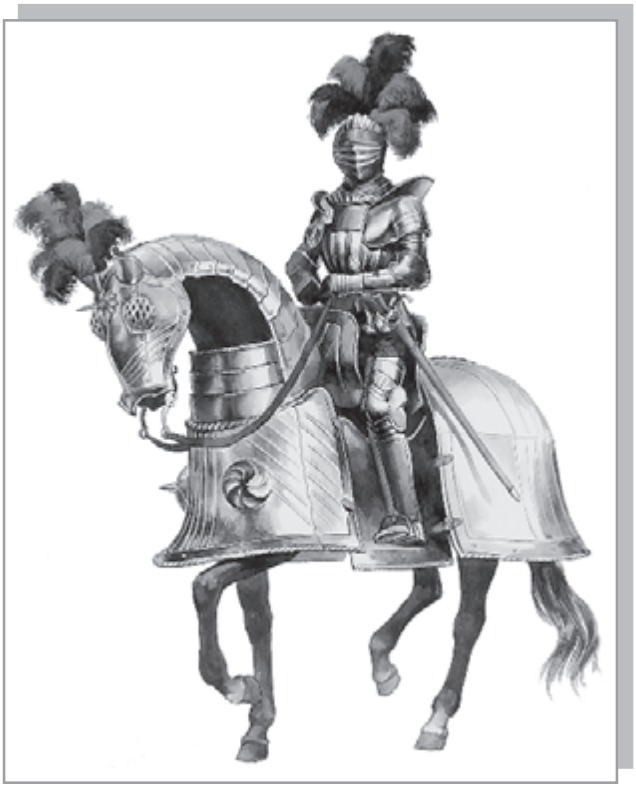
Итальянская конница

1510–1520 гг.

Начиная с конца XV столетия итальянское военное дело оказалось под значительным влиянием Германии. Кроме обычного мирного импорта происходило и насильственное внедрение, которое было связано с целой чередой конфликтов, известных как Итальянские войны. В течение более полувека итальянскую землю топтали войска испанцев, французов, швейцарцев и германцев. Поскольку последние в данный период оказались наиболее развитыми с военной точки зрения, влияние их оказалось наиболее заметным.

Сила германских армий в первой половине XVI в. в основном зависела от пехоты. Тем не менее итальянские мастера копировали, в первую очередь, германское рыцарское (читай, конное) снаряжение как наиболее сложное и технически развитое. Германское влияние сказалось в основном в появлении в Италии доспехов с рифленой поверхностью, своеобразных местных максимилиановских доспехов. Во-первых, создавались почти идентичные подражания германским образцам. Они копировали основные геометрические и конструктивные черты классических «трансмонтаньских»[1] доспехов, и отличить их зачастую можно лишь по характерной отделке или по наличию итальянских клейм. Во-вторых, появился новый вид максимилиановского доспеха, производившийся с учетом итальянской моды и традиции производства. Такие латы отличались характером выделки поверхности. Серии граней располагались на кирасах с заметными промежутками и с бóльшим, чем на германских, углом наклона относительно вертикальной оси симметрии. Кроме того, сам характер рифления несколько отличался от германских образцов. Во-первых, грани не образовывали между собой настолько выраженного конелюра. Во-вторых, грани могли быть весьма широкими и высокими, а также иметь треугольное или дугообразное сечение. Поверхность доспеха часто не несла сплошного рифления. Например, гранями покрывались только шлем, кираса, налокотники и набедренники в нижней части, как на доспехе 1510–1520 гг. из коллекции Дж. В. Хиггинса, Уорчестер.

Широкое распространение в Италии имели и традиционные гладкие доспехи. Характерным признаком итальянского доспеха были геометрические очертания кирасы. В начале века продолжали бытовать нагрудники с неравномерной степенью изгиба в сечении. Верхняя часть их отличалась уплощенными очертаниями, а пик выпуклости приходился на нижнюю половину. Показательным примером служит сравнение итальянской и германской кирас (инв. №№ 69 и 70) из арсенала замка Курбург, Южный Тироль. В глаза сразу бросается отличие равномерно изогнутого нагрудника второй кирасы на фоне первой —



[1] Трансмонтаньские — букв. «загорные». Так в Италии именовали северных соседей, живущих за Альпийской грядой, в том числе и германцев.

Сравнение профиля итальянской (слева) и германской (справа) кирас начала XVI в. на примере экземпляров из собрания замка Курбург

с характерным «животом» в нижней части. Относительно точным признаком может служить отвальцовка на проймах и горловине кирасы. Итальянские экземпляры, как правило, имеют гладкие полукруглые валики или выступающие углом. Вальцовка в виде крученого жгута не получила того распространения, что в Германии.

Как известно, в XVI в. доспехи и оружие все чаще становятся объектом художественной отдел-

Нагрудник. Милан. 1520-е гг. Элемент классического итальянского максимилиановского доспеха с крупным рифлением треугольного сечения. Травление и гравировка работы германских мастеров школы «Дануби», предположительно Никласа Брю из Аугсбурга или Альбрехта Альтдорфера из Регенсбурга. Из бывшей коллекции графов Ратиборов. Замок Графенег, Австрия

ки. Декорация выступает надежным датирующим и локализующим признаком, особенно если речь идет о сравнении столь своеобразных традиций, какими обладали Италия и Германия. К украшению оружия приложили руку самые знаменитые художники своего времени: Челлини и да Винчи в Италии, и Дюрер в Германии, они разрабатывали орнаменты и собственноручно работали с предметами. Нет ничего удивительного в том, что декор зачастую отражает национальную принадлежность в большей мере, чем конструктивные и геометрические особенности оружия. Надо ли говорить, что орнаментированное оружие было дороже обычного и поэтому использовалось, в первую очередь, знатью, то есть было характерно для конницы.

Изначально орнаментация оружия использовалась весьма робко. Наступательные средства долгое время украшались лишь клеймами на клинках или вычурными эфесами и рукоятями. Доспех был покрыт гранями, поэтому для нанесения орнамента оставалось немного места. Чаще всего это было гладкое поле под горловиной кирасы, подвижные вставки в проймах и, конечно, пространство между гранями. Таким образом, вертикальное рифление четко организовывало орнаментальное поле. К 1510 г. общая декоративная композиция, продиктованная характером поверхности, состояла из трех широких вертикальных орнаментальных полос и одной горизонтальной вверху кирасы, не считая, конечно, пройменных вставок. Подобная организация декора доспеха стала классической (хотя и не единственной). Ее широко использовали и на нерифленых доспехах вплоть до конца XVI столетия. Отметим, что в Италии данная особенность получила признание раньше, чем где-либо, и впоследствии была экспортирована в заальпийские страны.

На севере Италии богато украшенное оружие появилось раньше, чем в Германии. Например, если мы имеем дело с декорированным доспехом начала XVI в., то можно с большой долей уверенности считать его итальянским, даже не проводя подробного анализа.

Чем характеризуется итальянский оружейный декор? Технически для его наведения использовались способы травления, гравировки, воронения. К 1530 г. итальянские мастера освоили ме-

Конь в парадном убранстве. Начало XVI в. Воспроизводится по каталогу П. Финера «In Armis Ars» 1999 г.

тод высокой чеканки, который применялся в основном для производства парадно-церемониального доспеха. Приблизительно в это же время, вряд ли раньше, широко распространилась таушировка[1] цветными и драгоценными металлами. Декорации оборонительного и наступательного оружия в общих чертах были родственными (естественно, при украшении наступательного оружия чеканка не применялась). Очень часто травленые рисунки на клинках в мельчайших подробностях повторяли рисунок на доспехах. Отличие составляли способы украшения ножен. Они могли раскрашиваться, покрываться дорогими тканями, например бархатом, тисненой кожей и фигурными накладками из цветных или драгоценых металлов. В редких случаях ножны покрывались перламутровой инкрустацией.

Мотивы оружейной орнаментевтики следует искать в ренессансной гравюре. Налицо единство основной техники — гравировки. Кроме того, с первой трети XVI в. существовали специальные орнаментальные альбомы с гравюрами, по которым клиент мог выбрать подходящую отделку для своего оружия.

Для украшений итальянского вооружения характерно использование сцен из Библии или античных мифов. В отличие от германских образцов начала XVI в., итальянские имеют подробно проработанный задний план, представляя собой законченные художественные композиции. Как правило, они располагались в прямоугольном поле под горловиной кирасы или на широких пасгардах[1] наплечников. Нередко для них отводились специально очерченные круглые картуши[2]. Широко использовался стилизованный растительный орнамент. Изображения листьев, цветов и стеблей отличалось массивностью, покрывая значительную часть фона. Часто изображались листья вовсе без стеблей. Стебли были очень широкими и часто не имели выраженного перехода к цветам или листьям, представляя с ними как бы единое целое. Для Германии, напротив, были характерны тонкие стебли с четко очерченными листьями. Причем в Нюрнберге листья прорабаты-

[1] Таушировка — как уже отмечалось, насечка металлической фольги или проволоки. Насечка рисунка производилась по полю, покрытому частыми мелкими бороздками. Частным случаем таушировки является инкрустация, когда забивка производилась проволокой по специально выбранным в поверхности металла канавкам.

[1] Пасгард — усиление наплечников доспехов в виде выступающего борта.

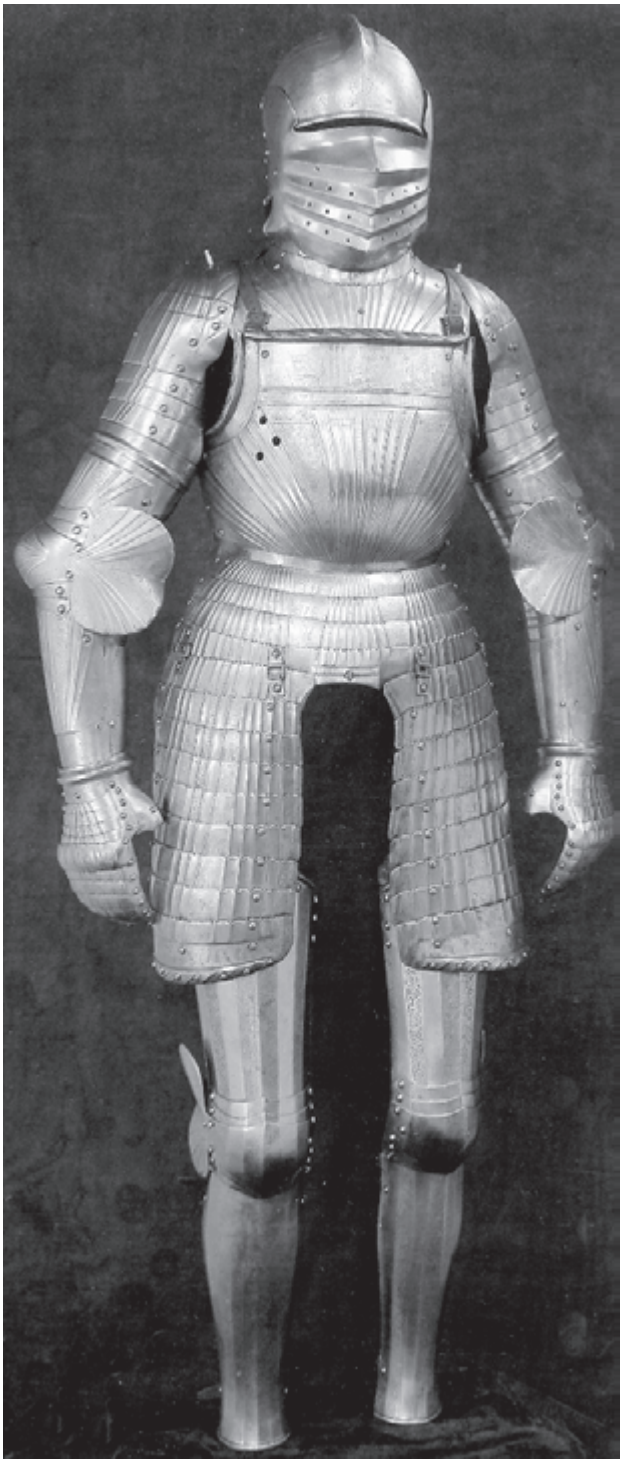
[2] Картуш — украшение в виде щита или полуразвернутого свитка, на котором изображены герб, эмблема или надпись.

вались более тонкими и длинными, чем в Аугсбурге. В Италии использовалось характерное сочетание растительного и геометрического орнамента в единой композиции. Например, на кирасе 1510-х гг. из Курбурга в средней орнаментальной полосе стебель, перекручиваясь, образует плетеную вставку выраженного геометрического орнамента, который далее снова переходит в растительный.

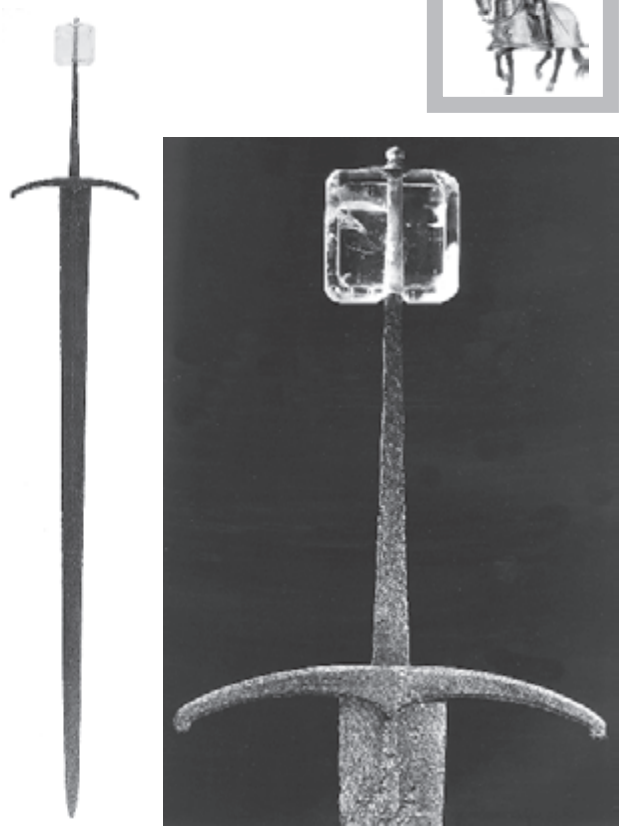
Общим для германского и итальянского орнаментов является широкое использования гротескных фигур, а также выделка фона в виде частых выступающих точек. Поверхность фона чернилась, не затрагивая точечное поле и рисунок.

Доспех Галио де Генулиака. 1520-е гг.
Собрание Музея Армии, Париж. Инв. № G 36

Доспех, приписываемый Эммануэлю Счастливому.
Николо Сильва, Милан, 1510— 1520 гг.
Собрание Музея Армии, Париж. Инв. №G. Po 555



Доспех в германском стиле «alla tedesca». Джовани Анжело Миссаглиа, Милан, 1510-е гг. Гарнитур сборный, т.к. поножи принадлежат другому доспеху



Меч в полторы руки с хрустальным навершием. Венеция (?), конец XV в.

Широкое использование орнаментации в Германии началось не ранее 1530 г. Но и в этот период, даже для оружия элитного качества, часто использовались относительно примитивные способы украшения. Распространенным было частичное воронение, когда на поверхности доспеха оставлялись широкие полосы белого металла, которые также могли покрываться позолотой или серебрением. Ярким примером является максимилиановский доспех 1530 г. курфюрста Саксонии Йоганна Фридриха из Исторического музея Вены.

В настоящее время бытует распространенное и почти всегда ошибочное мнение об исключительно парадном применении украшенного оружия. Нельзя забывать, что оружие в любом случае изначально рассчитывалось на боевое использование. Кроме того, средневековая традиция предписывала максимально яркое воинское снаряжение. Даже простые пехотинцы стремились

по возможности украсить себя, идя в бой. Тенденция эта берет начало в период Великого переселения народов или даже раньше, когда в варварских обществах любой воин стремился к наибольшей, часто вызывающей роскоши оружия, подчеркивая свой статус свободного человека или знатность рода. В рыцарскую эпоху положение не изменилось, кроме, разве что, внедрения менее кричащего убранства. В XIII–XIV вв. рыцарь покрывал доспехи яркими тканями, в XV–XVI вв. их сменили позолота, травление, воронение и роскошные плюмажи из перьев экзотических птиц. Армия Средневековья просто не могла быть тусклой, как армия новейшего времени, затянутая в хаки и стремящаяся зарыться в землю. Яркое снаряжение бросало вызов неприятелю, которому оно досталось бы в случае победы. Сражающееся войско, особенно конное, должно было сверкать и сиять, чтобы вселить ужас в души врага и укрепить собственных товарищей. Мы недаром отмечали выше, что харизма наступала впереди конницы, и великолепное убранство было одним из выражений этой харизмы. Особенно важным это стало в то время, когда конница больше не могла соперничать в эффективности с пехотой. То есть относительная слабость компенсировалась внешним эффектом.

Чтобы убедится в справедливости данных высказываний, необходимо внимательно обследовать дошедшие до нас украшенные доспехи и оружие. При ближайшем рассмотрении оказывается, что позолота и травленые узоры часто скрывают залатанные пробоины и выправленные вмятины, а лезвия многих драгоценных шпаг несут следы продолжительного использования в виде переточек и зазубрин.

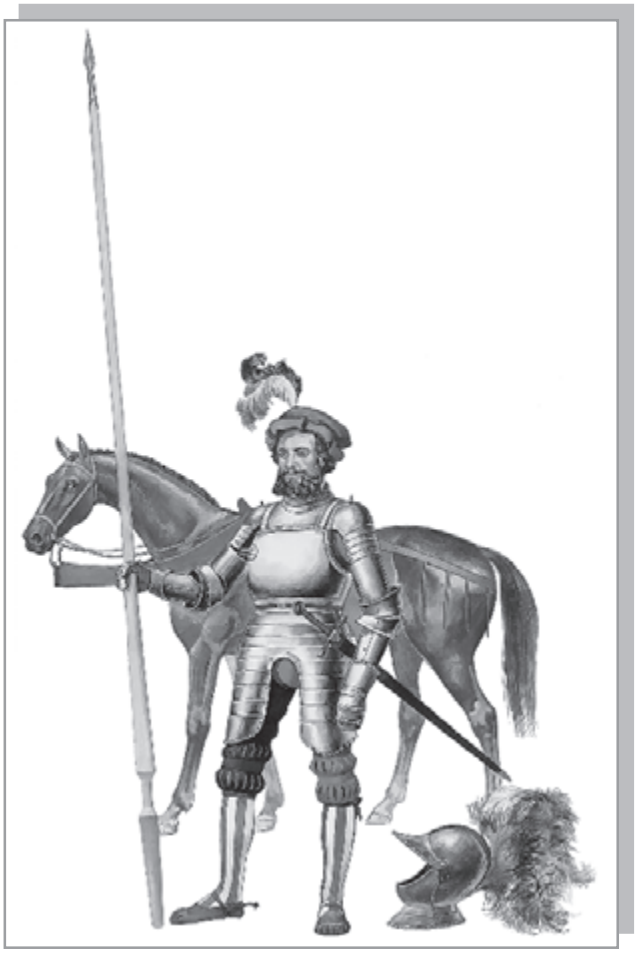
Цветная вкладка *(стр. 69)*

На реконструкции представлен рыцарь в доспехе из собрания Дж. В. Хиггинса, Музей стали, Уорчестер. Доспех относится к группе итальянских максимилиановских доспехов 1510–1520 гг.

Германская конница

Первая треть XVI в.

Рассмотрим роль конницы в военных действиях Итальянских войн 1494–1557 гг. Причины и ход военных действий были частично рассмотрены в разделе, посвященном испанской коннице конца XV—начала XVI вв. Напомним, что война велась преимущественно между Германской империей и Францией за обладание Неаполитанским королевством и некоторыми городами Италии, что могло бы в дальнейшем привести к доминированию в Европе. Война вылилась в целый ряд конфликтов, в который оказались вовлеченными еще швейцарцы и государство Ватикан. На разных этапах путем сложных политических комбинаций некоторые участники прекращали военные действия или переходили на другую сторону. Например, швейцарские войска сражались и за французов, и за империю. Когда Германия не принимала непосредственного участия в войне, ее ландскнехты самостоятельно вербовались на ту или иную сторону. При Новаре в 1513 г. ландскнехты составляли значительную часть французского войска, в то время как швейцарцы сражались за герцога миланского Максимилиана Сфорца. Папа попеременно поддерживал то французов, то империю. Военные действия постепенно перекидываются на заальпийские территории, а также на Средиземное море. На последнем этапе к войне ненадолго подключилась Турция. В 1559 г. был подписан мир в Като-Камбрези, который закрепил господство Испании на Юге и Севере Италии, политическую раздробленность стран Апеннинского полуострова и конец французской экспансии в Италии.

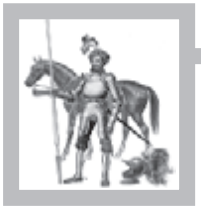


В ходе войны произошло превращение пехоты в основную ударную силу, рыцарство начало трансформироваться в кавалерию в прямом понимании этого слова, появляются и приобретают большое значение соединения конников, вооруженных огнестрельным оружием.

Общий вывод о падении роли конницы можно подкрепить кратким анализом основных битв данной войны. Сражения при Ронко, Равенне и Павии были рассмотрены в разделе по Испании[1]. Попытаемся оценить действия конницы в других ярких событиях данного конфликта.

В сражении при Новаре 6 июля 1513 г. столкнулись войска герцога Сфорца и французов. Первый имел незначительную артиллерию, швейцарскую пехоту в качестве основы войска и несколько сотен тяжелой итальянской конницы (видимо, не более 1000). Французы имели сильный артиллерийский парк, 1100 человек жандармов и не менее 500 человек легкой конницы. Пехота состояла из французов и ландскнехтов. Ранним утром швейцарцы тре-

[1] В указанном разделе действия конницы рассматривались, в первую очередь, применительно к испанскому военному делу.



мя колоннами напали на лагерь французов. Действия итальянской конницы заключались в поддержке баталии, охватывавшей фланг французов с севера. Французские рыцари в результате неожиданного нападения не успели оказать организованного сопротивления и отступили почти без потерь. Атака с трех направлений принесла успех Максимилиану Сфорца. Победа была обеспечена в основном действиями пехоты.

7 октября 1513 г. произошло сражение при Креаццо. Венецианцы под командованием Альвиано напали на армию германцев, испанцев и римского папы. Альвиано предпринял фланговый маневр своей тяжелой конницей, который провалился из-за того, что рыцари попали на заболоченную местность. Атака ландскнехтов Георга Фрундсберга и испанской пехоты Пескары опрокинула порядки венецианцев.

14 сентября 1515 г. при Мариньяно швейцарцы, вступившие в союз с императором Максимилианом, были отбиты французами. В сражении активно участвовала лишь пехота, артиллерия и стрелки.

27 апреля 1522 г. при Бикокка французы и паписты были разбиты германо-испанским войском под общим командованием Просперо Колонны. Судьба боя решилась во фронтальном столкновении баталий ландскнехтов и испанцев со швейцарской пехотой. При этом французская конница пыталась ударить в тыл имперскому войску, но ее отбила испанская конница.

Следующее крупное полевое сражение произошло в 1544 г. при Черезоле. Французы принца Ангиенского разбили имперскую армию под командованием дель Гуасто. Пехота обоих противоборствующих сторон была распределена по трем баталиям. Против центра и правого фланга ландскнехтов стояли швейцарские наемники французов. Левый фланг имперского войска составляли итальянцы, которым противостояла баталия гасконцев. Пехотные порядки были прикрыты с флангов конницей.

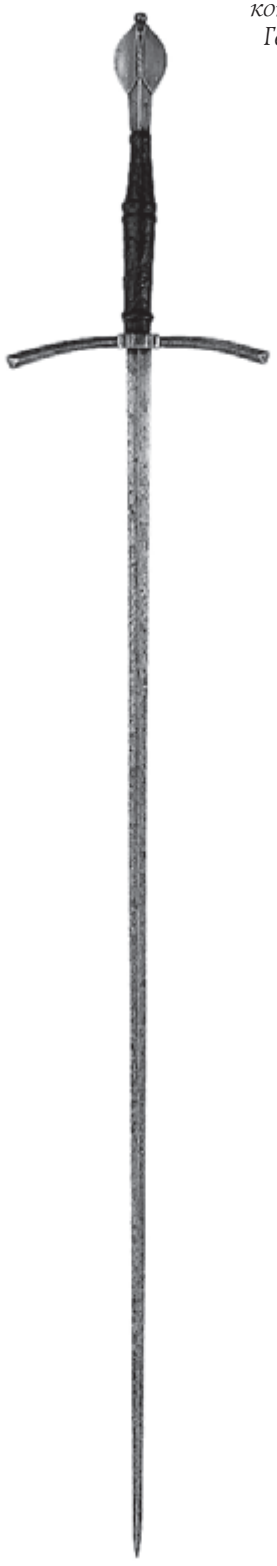
Бой начался с долгого маневрирования конницы и тщательной стрелковой и артиллерийской подготовки. В конце концов дель Гуасто дал приказ об атаке. Правый фланг имперцев добился успеха. Баталия германцев смяла швейцарскую баталию, несмотря на то, что конница французов разбила испанскую конницу и ударила ландскнехтам во фланг. При этом в центре исход боя был не ясен. Швейцарцы под командой опытного капитана Фрелиха дождались на месте атакующих ландскнехтов, баталия которых расстроила ряды из-за марша по неровной местности под огнем пушек и мушкетов. Испанская конница бежала под ударами французских жандармов, которые затем напали на колонну германцев. Ландскнехты в центре продолжали упорно держаться, пока им во фланг не ударила гасконская пехота. Итальянская пехота на левом фланге имперского войска, прикрывавшаяся флорентийской конницей, была опрокинута атакой жандармов. В результате гасконская пехота смогла сосредоточить усилия на ударе в центре. Армия дель Гуасто была разгромлена. Потери составили не менее 5 тысяч — половина всего войска.

Шестопер. Германия, 1500 гг. Частная коллекция. Приведено по каталогу П. Файнера «In Armis Ars» 1999

Битвы при Сен-Кантене 1557 г. и при Гравелингене 1558 г. принесли успех войскам испанцев Филиппа II. В обоих случаях решающую роль сыграла конница, которая атаковала рассеянные артиллерийским огнем пехотные колонны французов. Во втором случае ландскнехты оказались у обеих враждующих сторон и действовали против своих соотечественников крайне неохотно.

На примере описанных боев ясно видна деградация рыцарской конницы. Она ничего не может сделать против сомкнутых масс пехоты. Исключение составляет случай с итальянской пехотой при Черезоле. Однако данный пример не показателен, так как итальянская пехота состояла в основном из стрелков, да и вообще не славилась своими качествами. При этом становится ясным, какую пользу может сыграть конница при обеспечении и охвате флангов. Ясным становится и то, что даже в случае атаки в тыл конница имеет ценность, только когда действует в компактных сплоченных подразделениях. В таких условиях ценность отдельного бойца падает, несмотря на все достоинства индивидуальной профессиональной подготовки рыцарей. Бой в строю сделал ненужным полные доспехи. Как и в случае с русской конницей XIV в., мы наблюдаем переход к трехчетвертным доспехам и полудоспехам.

Изменения в тактике и вооружении еще более усугубились после введения таких новых видов оружия, как мушкет и пистолет. Мушкет был оружием пехоты и представлял собой не что иное, как утяжеленный аркебуз. В массовом порядке он появился в середине 20-х гг. XVI столетия. Считается, что первое самостоятельное выступление мушкетеров произошло в 1525 г. при Павии. Это мощное средство нападения в течение всего десяти лет заставило отказаться от максимилиановского доспеха, невзирая на



Эсток (колющий меч, кончар, панцерштрехер). Германия, начало XVI в.

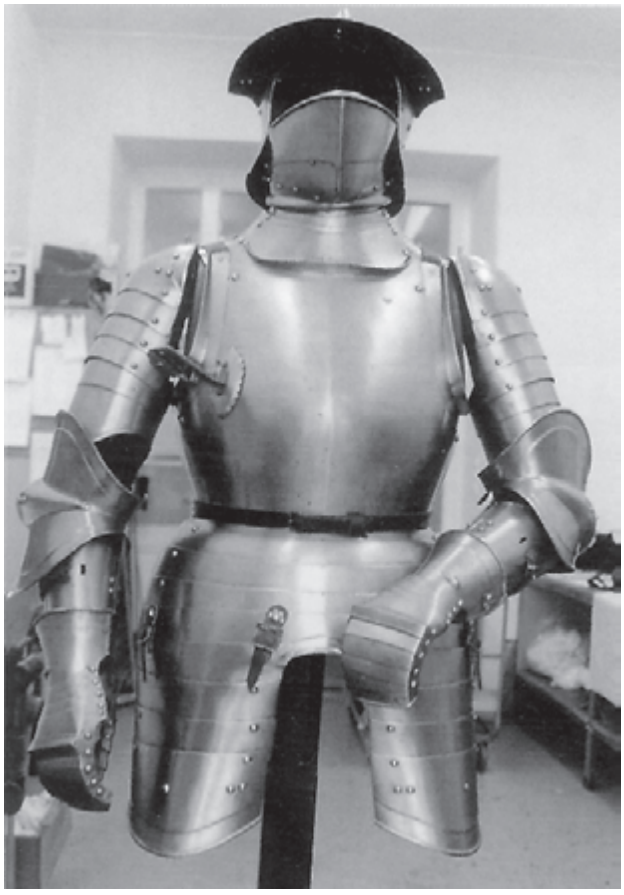
все его достоинства. Тяжелая пуля весом до 60–70 г легко пробивала рифленую поверхность. Грани на латах играли теперь плохую службу, не давая пуле срикошетить в сторону, позволяя полностью реализовать ее разрушительный потенциал. В 1530 г. вновь широко распространяются гладкие доспехи. При этом принцип наклонного расположения бронелистов играл куда более важную роль, чем в XV столетии. Угол наклона плоскостей кирасы увеличился для создания максимального рикошетирующего эффекта. В результате появились кирасы со значительной степенью выпуклости и выраженным заострением в центре или нижней трети, так называемым «тапулем». Толщина самых поражаемых пулями частей доспеха увеличивается. Нагрудник и шлем в передней части могли доходить до 5–6 мм в толщину против прежних 2–3,5 мм. Это утяжелило конный доспех, невзирая на массовый отказ от поножей и почти полное исчезновение кольчуг под доспехом. Теперь значение дисциплины для конницы еще более возросло. Ведь только в полном порядке строй мог маневрировать на поле, уклоняясь от огня или в нужный момент быстро преодолевая простреливаемое пространство.

Появление пистолета в середине XVI в. стало возможным благодаря изобретению колесного замка. Новый замок, в отличие от прежнего фитильного, позволил производить выстрел при помощи одной руки в любой момент без раздувания и прилаживания фитиля, что в условиях конного боя было делом хлопотным. Боевое применение пистолета целиком связано с конницей. Ему конница обязана своим возрождением в

новом качестве. Соединения, вооруженные пистолетами, получили названия рейтар. Одно из первых массовых выступлений рейтар относится к 1553 г., когда произошло сражение при Зиверсгаузене[1]. Каждый рейтар в седельных кобурах и за отворотами ботфорт мог нести в бой до 4–5 пистолетов. Учитывая, что пистолеты могли быть двуствольными, рейтар мог произвести до десяти выстрелов, хотя, конечно, обычной нормой было не более пяти выстрелов. Огонь велся с дистанции не более 10–15 м. Калибр пистолета колебался от 10 до 20 мм, что делало его очень опасным оружием при бое на малых расстояниях. Это также повлияло на развитие защитного вооружения в определенном направлении.

[1] Первые попытки вооружить конницу огнестрельным оружием относятся к концу XV в. Все они носили экспериментальный характер и на развитие военного дела не повлияли.

Кираса. Германия, 1520-е гг. Институт искусств, Чикаго



Полудоспех конный. Германия, Нюрнберг(?), 1520 – 1530 гг. Музей истории искусств, Вена

Использование пистолета требовало от рейтар особенного порядка в строю. Непрерывный огонь должен был питаться из глубины строя. Пока первая шеренга стреляла, задние перезаряжали или извлекали свое оружие. Строи конницы стали глубже — до 15–20 рядов. Их взаимодействие требовало регулярных упражнений.

Все вышеописанные факторы привели к трансформации конницы в кавалерию. Ведь чем конница отличается от кавалерии? Конница действует при помощи индивидуальных бойцов в первую очередь. Кавалерия, напротив, действует только в единых тактических единицах. Упразднение полного доспеха, повышение роли сплоченных, дисциплинированных эскадронов и, наконец, появление пистолета, повысившего ударную мощь конницы и потребовавшего регулярных строевых упражнений, превратили ее в кавалерию.

Тем не менее конные копейщики не сразу сдали свои позиции. Они продолжали существовать весь XVI в. и даже иногда использовались в XVII в. Иногда употреблялись смешанные конные соеди-

нения, когда воины были вооружены и пистолетами, и облегченными копьями. Иногда соединения копейщиков и рейтар действовали совместно. Тем не менее будущее было за рейтарами. Подготовка копейщика была гораздо сложнее и требовала больших временны́х и материальных затрат. Палить же в упор из пистолета, как свидетельствовали современники, мог любой простой мужик. Требования к коням пистольеров были также пониженные, ведь им не надо было выдерживать прямого таранного удара. В 1616 г. германский военный теоретик Иоганн Якоб фон Вальгаузен так сформулировал преимущества рейтар: «На свете гораздо больше мужиков, чем хорошо обученных наездников и рыцарей, значит, мужики имеют преимущества перед рыцарями».

Появление рейтар как рода войск связано с Германией. Еще в годы Шмалькальденской войны германских князей против императора упоминаются «черные»[1] рейтары. Еще не вооруженные пистолетами, они очень хорошо показали себя, так как были дисциплинированы и легко управлялись в бою, следуя сигналам трубы. С середины — второй половины XVI в., пока Германия наслаждалась шестидесятилетним покоем, соединения рейтар-пистольеров нанимались на службу по всей Европе. До конца XVI столетия слово «рейтар» подразумевало германского конного наемника, точно так же как и «ландскнехт» — пешего германца.

Последние противостояние рыцарства с копьями и рейтар с пистолетами выразилось в соперничестве последних с французскими жандармами — лучшей конницей Европы. Авторы той поры для краткости часто именуют оба способа боя французским и германским. Победа осталась за рейтарами. Сначала жандармы, желая обезопасить себя от пуль, делали свои латы все более тяжелыми, пока, наконец, их невозможно стало носить. Тогда, как пишет венецианский посол Контарини, жандармы быстро усвоили боевые приемы своих неприятелей. Жандармерия долго не отказывалась от своих копий и в силу некоторой национальной предрасположенности. Как утверждал опытный воин де ля Ну, проведший в боях и походах не менее двадцати лет: «Особенно нельзя рекомендовать пистолет французскому дворянину, ибо он наверняка переложил бы заряжание и уход за ним на своего слугу, а тогда пистолет будет давать осечку в самый решительный момент».

Полутораручный меч
Германия, 1500—1520 гг.
Музей Альберта и Виктории, Лондон.
Длина клинка 930 мм, хвостовика — 210 мм

Легкая конница (в смысле — не рыцарская) вербовалась и в Восточной и Юго-Восточной Европе еще с конца XV в. В XVI в. германцы широко пользовались услугами венгерских гусар, которые, будучи легко защищены, продолжали биться с «древом и тарчем», то есть с копьем и щитом. Итальянцы массово нанимали далматинских стратиодов, из которых отчасти была сформирована «Гвардия святого Марка» — стража дожей Венеции. Вообще же в Восточной Европе традиции, напоминающие о рыцарском бое классического Средневековья, оказались удивительно живучи. Например, польские гусары с полным успехом применяли длинные копья для настоящего таранного удара до конца XVII в.

Цветная вкладка *(стр. 70)*

На реконструкции изображен всадник в облегченном германском доспехе 1520 г. Реконструкция основана на картине Дюрера «Святой Георгий».

[1] «Черными» их называли не за цвет доспехов, как можно было подумать. Черный, в данном контексте, употреблялся как синоним слова простой, то есть не родовитый, не знатный. Таким образом, словосочетание «черный рейтар» означает простого наемника.

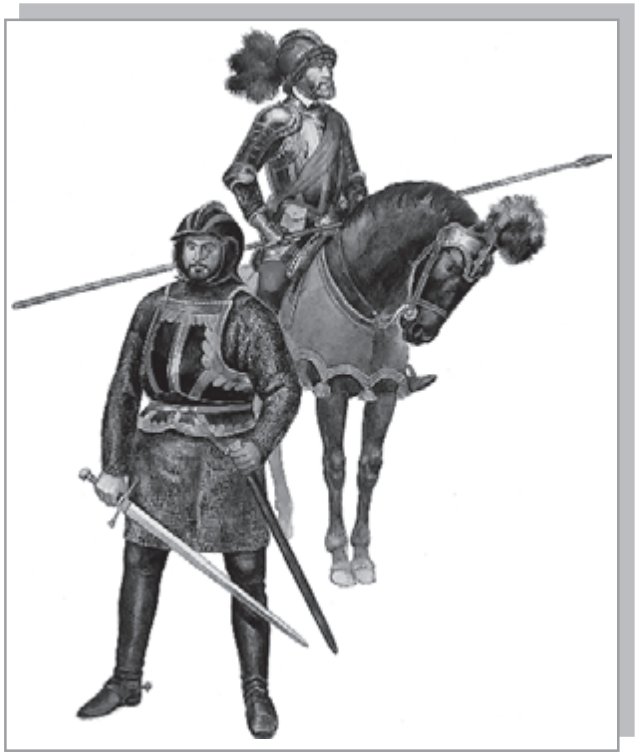
Германская военная аристократия

1540–1550 гг.

Германия периода лютеранской реформации пережила несколько религиозных войн. Все они носили характер гражданских столкновений, как, например, аналогичные конфликты во Франции XVI в.[1]. В Германии борьба католиков и протестантов началась в годы правления Максимилиана I, однако характер настоящей войны она приобрела позднее, при Карле V. За годы внутренних конфликтов, губительных для Германии, произошли серьезные изменения в вооружении конницы и тактике конного боя. Новые черты незаметно накапливались еще с конца XV в., с тем чтобы в середине второй половине XVI в. превратить рыцарскую конницу в нечто принципиально иное, а именно — в регулярную кавалерию. Провозвестники кавалерии германские рейтары появились на полях сражений Шмалькальденской войны 1546–1548 гг., по крайней мере, именно с этого времени этот термин стал встречаться в письменных источниках регулярно. Рейтары хорошо зарекомендовали себя в данной войне и стали привлекаться в качестве наемных войск по всей Западной Европе.

Шмалькальденский союз протестантских князей вступил в войну с императором Карлом V из-за его наступления на права союза, полученные во время Аугсбургского исповедания 1531 г., а также его стремления восстановить католицизм в качестве единственной религии Германии. В союз входили лютеранские князья Иоганн Фридрих курфюрст Саксонский, Филипп ландграф Гессенский, Ульрих Вюртембергский, Морис герцог Саксонский. А также города Бремен, Ульм, Магдебург, Страсбург и другие. В 1544 г. император заключил мир с Францией, а в 1545 г. — перемирие с Османской империей, что позволило ему открыть военные действия. Кроме того, Карл сумел привлечь на свою сторону одну из ключевых фигур союза — Мориса Саксонского. Ему он посулил после победы отдать владения и титул его родственника Иоганна Фридриха Твердого курфюрста Саксонского. Опираясь на силы Мориса, а также широко привлекая имперские войска из Испании, Карл V нанес поражение протестантам. В решающем сражении при Мюльберге 24 апреля 1547 г. армия Иоганна Фридриха была разгромлена, а сам он попал в плен. Позднее был пленен и Филипп Гессенский. Карл на короткое время стал полновластным владыкой огромной империи, которая на поверку оказалась колоссом на глиняных ногах. Морис Саксонский, чрезмерно усилившийся после получения владений Иоганна Фридриха, стал тяготиться союзом с им-

[1] Во Франции гонения на протестантов (гугенотов) начались еще при Франциске I, однако настоящая гражданская война началась в 1562 г. после восшествия на престол малолетнего Карла IX (1560–1574 гг.), от имени которого правила его мать Екатерина Медичи.



Портрет императора Карла V в битве при Мюльберге. 1547 г. Фрагмент картины Тициана. 1548 г. Прадо. Мадрид

ператором. Кроме того, он стремился обелить свое имя после предательства 1547 г.[1]. В 1552 г. он начал новую войну, получившую название «мятежа князей». Предлогом послужило неудовлетворенное требование Мориса об освобождении Филиппа Гессенского. В 1552 г. Карл был вынужден пойти на перемирие (в городе Пассау), а затем и на мир с князьями, названный Аугсбургским религиозным миром 1555 г.

Большой частью конных соединений имперской и княжеских армий периода Шмалькальденской войны все еще являлись завербованные дворяне и рыцари, а также призванные вассалы со свитой разнообразно вооруженных бойцов и слуг. Тем не менее основой выступали простые наемные солдаты, которые в силу своего неблагородного происхождения назывались «черными рейтарами». Они зарекомендовали себя с наилучшей стороны в боях, отличаясь превосходной управляемостью в сражении и на походе. Подобные качества были характерны и для многих рыцарских армий более раннего периода, однако дальнейшая эволюция показала, что рейтары явились чем-то органически новым. В годы Шмалькальденской войны рейтары выступали крупными наемными дружинами и были сродни ландскнехтам. Их использовали в качестве «средней» конницы, если такой термин вообще употребим (когда бойцы были облачены в тяжелое, но не полное снаряжение). Основным оружием выступало копье. В то же время появилось новое оружие — пистолет, — перевернувшее все представление о конном бое. Необходимость действовать в сплоченных построениях свела на нет значение индивидуального бойца. Окончательный переход к строевой тактике боя, к регулярным строевым упражнениям ознаменовал превращение рыцарской конницы в кавалерию.

Сражение при Мюльберге было, наверное, последним крупным побоищем, когда рейтары не использовали в массовом порядке пистолеты, а сражались еще на рыцарский манер копьями и мечами. При этом комплекс их снаряжения, совершенно отличный от рыцарского, уже сложился полностью. Главным отличием был принцип частичного бронирования. Латами прикрывались только жизненно важные части тела — голова, корпус, руки. Защита рук часто была не сплошной, хотя широко известны образцы рейтарских доспехов и с полными наручами. Прикрытия ног никогда не были полными. В лучшем случае латы закрывали бедра и колени, причем в порядке вещей было полное отсутствие ножных лат. В 1530–1550 гг. появилась и распространилась новая конструкция для защиты бедер, которой суждено было стать одной из типоопределяющих черт рейтарского снаряжения. Имеются в виду ламинар-

[1] За переход на сторону императора в Шмалькальденской войне лютеране прозвали его Иудой.

Портрет Иоганна Фридриха курфюрста Саксонского работы Тициана. Прадо. Мадрид

ные набедренники, которые пристегивались непосредственно к подолу кирасы. Изначально они были известны в качестве прикрытия основания бедра и назывались «тассетами», то есть подвесными пластинами. Затем, в начале XVI в. появились ламинарные тассеты, которые постепенно вытеснили старые монолитные. Тогда же появились длинные тассеты, доходившие до колена и заменявшие отдельный набедренник. Впоследствии к нижней части этих тассет стали крепить наколенники, что сделало ненужным латный набедренник. Описанная конструкция и стала единственным способом защиты ног в составе рейтарского доспеха. Голени и верхняя часть бедра прикрывались массивными кожаными ботфортами, которые предохраняли ноги от натирания о седло при долгих маршах, а от легкого оружия защищали немногим хуже железных доспехов. Все шире стали употребляться открытые шлемы. Почти всегда это были бургиньоты с козырьками в налобной части.

Достаточно быстро данный комплекс защитного вооружения вытеснил все прочие. Более того, появились целые подразделения легкой конницы, облаченные только в шлем и кирасу, которых стали именовать кирасирами и которым впоследствии, после исчезновения и рыцарей и рейтар, суждено было стать единственной тяжелой кавалерией.

Особенности вооружения зарождающейся кавалерии прекрасно видны на примере ряда источников, освещающих битву при Мюльберге. Они со всей очевидностью показывают отход от рыцарской системы вооружения, а значит, и тактики боя, ведь даже высшие военачальники, по их свидетельству, были облачены в рейтарские доспехи. Имеется подробное описание вооружения и убранства главных действующих лиц мюльбергской драмы, составленное очевидцем событий, испанским историком Луисом де Авилой. Авила писал, что император сидел на испанском скакуне темной масти и был облачен в белый с позолотой доспех и голландский морион, наступательное вооружение составляло полукопье, «напоминавшее дротик». Поверх доспеха Карл не носил никаких украшений, кроме широкой ленты из тафты, повязанной наискосок. Курфюрст сражался в черной кирасе, надетой поверх «огромной кольчужной рубахи». Военачальник Карла герцог Альба носил белый доспех, со шлемом, украшенным плюмажем из белых перьев, ниспадавших до крупа его коня.

Всех троих Авила без сомнений видел в одном и том же месте, когда в конце боя герцог Альба

подвел к императору плененного курфюрста. Тогда Карл V бросил своему державному пленнику знаменитое: «Я поступлю с вами, как вы того заслуживаете». Император, будучи уже немолодым человеком, был измучен двадцать одним часом, проведенным в седле, не снимая доспехов[1]. Кроме того, его взбесило обращение мятежных князей, адресованное ему: «Карл Гентский, самозванный император».

Саксонская монета с изображением курфюрста. 1541 г.

Описание Луиса де Авилы несомненно достоверно, так как в деталях совпадает с двумя портретами Карла V и Иоганна Фридриха кисти Тициана, законченными в 1548 г., то есть всего через год после битвы при Мюльберге. Оба полотна изображают противников в том снаряжении, которое они носили в битве, что позволяет дополнить и уточнить сообщение Авилы (портреты хранятся в музее Прадо, Мадрид).

Карл изображен в доспехе, изготовленном из полированной стали. Вся поверхность его разбита на вертикальные полосы травленого и позолоченного орнамента. Голландский морион, о котором писал Авила, оказывается бургиньотом с коротким козырьком, выполненным монолитно с тульей, и невысоким гребнем. Поверх шлема повязан декоративный шарф «бурелет» из прорезной ткани. Убранство шлема дополняет короткий плюмаж из темных перьев.

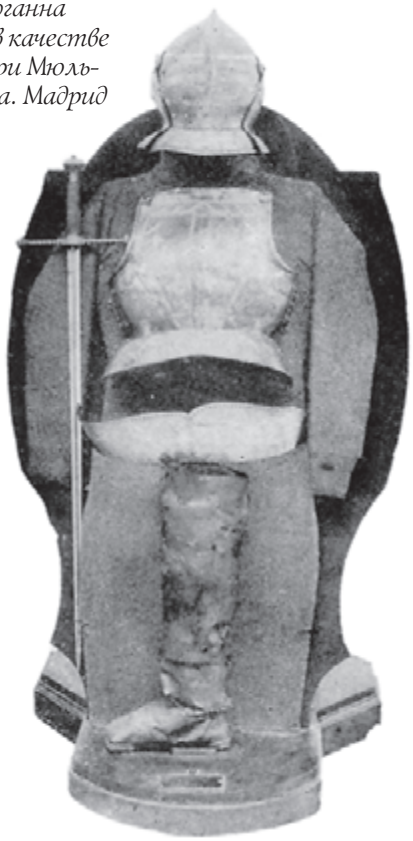
Ожерелье практически полностью скрыто кирасой, наплечниками и отложным воротником, выпущенным наружу.

Кираса нюрнбергской или аугсбургской работы снабжена фокром и коротким подолом, к которому пристегнуты ламинарные тассеты, доходящие до середины бедра. Горловина кирасы обработана отвальцовкой, расчеканенной на манер крученого жгута. Аналогично проработаны внешние края подвижных вставок на проймах. Согласно с сообщением Авилы, поверх кирасы наискось слева направо повязана широкая тканевая лента. Говоря об украшениях поверх доспеха, испанский историк забыл упомянуть об ордене Золотого Руна на шее императора, хотя он вряд ли воспринимал его в качестве декоративного элемента.

Наплечники, пристегнутые поверх ожерелья, имеют монолитную конструкцию с выраженной выпуклостью в районе плечевого сустава и заходят на нагрудник и наспинник кирасы. Непосредственно к наплечникам присоединяются посред-

[1] Карл был великолепным наездником. Испанцы говорили, что, когда Карл стал императором, они потеряли лучшего кавалерийского офицера.

Парадный чеканный таушированный серебром щит с изображением момента сдачи в плен Иоганна Фридриха. Милан. 1555 г. Музей Метрополитен. Нью-Йорк



Снаряжение Иоганна Фридриха, взятое в качестве трофея в битве при Мюльберге. Реал Армериа. Мадрид

ством шарнирного крепления ламинарные плечевые щитки. К ним, в свою очередь, подвешен на изнаночных несущих ремнях монолитный налокотник с боковым крылом, заходящим спереди поверх локтевого сгиба. Наручи отсутствуют, их заменяют кольчужные рукава. Латные перчатки имеют короткие монолитные краги с полукруглыми выступами по внешнему краю. К ним присоединены посредством шарнирного крепления прикрытия кисти, состоящие из серии узких полос. Поверхности пластин, лежащих поверх костяшек пальцев, методом чеканки придана форма четырех анатомических выраженных выступов. Прикрытия основания большого пальца независимо подвешены к кистевым пластинам на петлях. Прикрытия пальцев чешуйчатые.

На ногах Карла изображены длинные черные ботфорты с голенищами, заходящими под тассеты, и с тупым носком.

Вооружен император коротким копьем, что совпадает с сообщением Авилы. Копье, видимо, испанского происхождения имеет листовидный наконечник с выраженной гранью и длинную втулку, в два раза превышающую размеры наконечника.

Убранство коня состоит из попоны, имитирующей конский доспех (нельзя исключать, что изображен именно доспех, обтянутый тканью), а также короткого стального налобника с небольшими прикрытиями ушей и плюмажем из темных перьев, вставленных в центральную трубку. Седло имеет высокие луки, обитые сталью.

Все описанные элементы находятся в музее Реал Армериа в Мадриде, кроме конского налобника, который попал в музей Метрополитен, Нью-Йорк.

Портрет Иоганна Фридриха изображает его в «огромной кольчужной рубахе», о которой писал Авила. На курфюрсте нет ни ожерелья, ни наручей, ни тассет, поэтому видно, что это именно кольчуга, а не нашитые на дублет фрагменты. Размеры кольчуги в самом деле впечатляют. Полные рукава и поколенный подол скорее подходят для начала XIII в., чем для середины XVI в.

Поверх кольчуги изображена черная кираса, предположительно нюрнбергской или дрезденской работы. Декоративное убранство, впрочем, тяготеет скорее к северо-германской традиции. На вороненом поле имеются три вертикальные полосы полированной белой стали. Низ горловины, проймы и нижняя часть подола несут рельефный лепестковидный орнамент, наведенный на поверхности лат методом чеканки, и также не несет воронения. Горловина и подвижные вставки в проймах полированные. Конструктивно кираса состоит из нагрудника и наспинника, соединяющихся посредством плечевых ремней и поясного ремня на талии. Нагрудник снабжен слабовыраженным тапулем[1]. Фокр отсутствует. Верх горловины и края пройм обработаны жгутообразной отвальцовкой. Подол крепится к пластине с центральным треугольным выступом, заведенной поверх нагрудника, на котором она зафиксирована посредством шарниров на боках и скользящей заклепки в центре. Подол короткий и состоит из двух пластин. Нижняя снабжена отвальцовкой. Крепления для тассет не предусмотрены.

Шлем курфюрста — это бургиньот с подвижными нащечниками, декорированный аналогично кирасе. Забрала курфюрст не носил, о чем ясно говорит глубокая рана на его щеке, которую он в самом деле получил под Мюльбергом.

[1] Тапуль — оформление нагрудника кирасы в виде выраженного выступа по центру.

Вооружен Иоганн Фридрих полутораручным мечом с широким шестигранным клинком. Эфес конструктивно состоит из навершия, рукояти и простой гарды. Гарда имеет вид перекрестья с разносторонне загнутыми в перпендикулярной плоскости клинка окончаниями плеч. Имеется прямоугольный центральный щиток. Вся поверхность гарды, как и всего эфеса, прихотливо украшена растительным орнаментом. Окончания плеч выполнены в виде стилизованных четырех лепестковых цветков. Аналогичный меч схематично изображен на серебряной саксонской монете 1541 г. с портретом курфюрста. Нет оснований полагать, что меч имел вотивную функцию, скорее всего он использовался в битве. Правда, открытая гарда предполагает обязательное наличие латных перчаток, которых Тициан не изобразил. Суровая простота солдатских доспехов контрастирует на полотне с роскошным оформлением меча, что как нельзя лучше совпадает с характером самого Иоганна Фридриха, прозванного Твердым. Трудно сказать, нес ли курфюрст в бою иное оружие кроме меча. Если оно и имело место, то это было копье, скорее всего облегченное, так как кираса не имеет фокра.

Доспех и оружие курфюрста Карл V взял в качестве трофея и поместил в Реал Армериа, в Мадриде, где они находятся и по сей день. В память об одной из своих самых знаменательных побед император заказал в Милане парадный щит с чеканным изображением момента сдачи в плен Иоганна Фридриха. Щит был готов около 1555 г. и был взят Карлом с собой в добровольное изгнание в монастырь св. Юста[1]. Туда же он привез и портрет своего врага, который был одним из любимых живописных полотен императора.

Цветная вкладка *(стр. 71)*

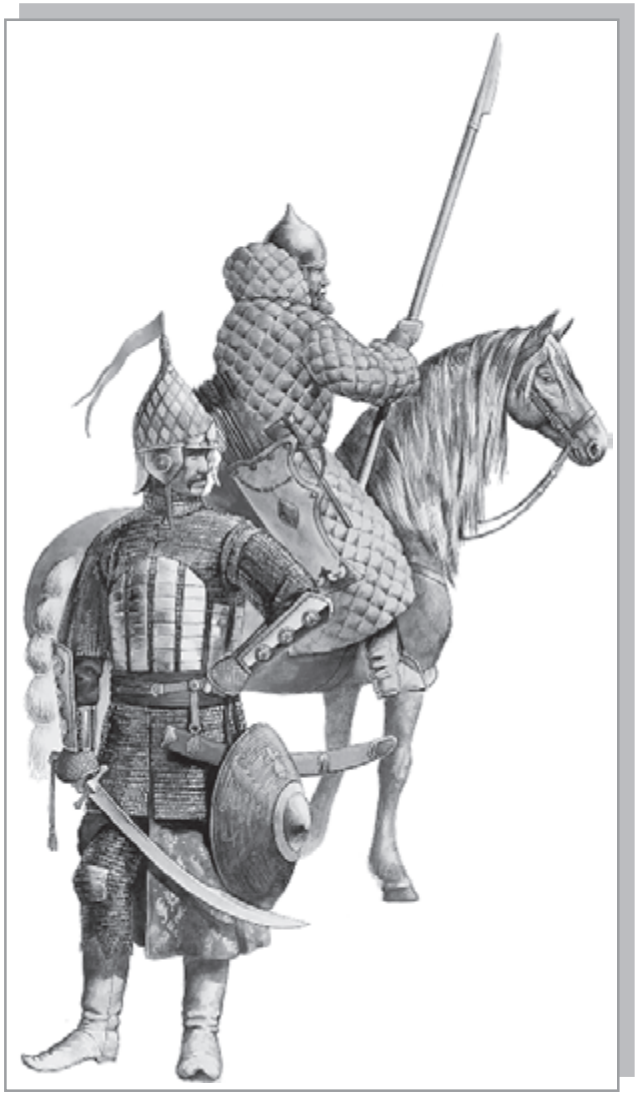
Реконструкция основана на портретах Карла V и Иоганна Фридриха Саксонского 1548 г. работы Тициана из музея Прадо, Мадрид.

[1] После Аугсбургского мира 1555 г. Карл, разочарованный в жизни, которая принесла крушение всех его великих замыслов, отрекся от престола в пользу своего сына Филиппа II и уехал в Испанию. Правда, до конца жизни Карл не терял бодрости духа и держал руку на пульсе европейской политики, помогая сыну советами.

Бойцы русской поместной конницы

Середина XVI в.

Русская поместная конница в XVI столетии являлась решающей военной силой во всех военных предприятиях российского государства. XVI в. был временем активной экспансии, собирания земель под рукой Москвы. Повышенная внешнеполитическая активность требовала обеспечения в виде многочисленной и мобильной армии, способной быстро перемещаться в тот или иной район для проведения наступательных или оборонительных акций либо просто для демонстрации силы. Именно конница отвечала всем этим требованиям. И хотя пехота и артиллерия с каждым годом становились все более важной составляющей военной силы страны, только конные полки могли обеспечить решение тактических и стратегических задач. Они завязывали бой, прикрывали отступление, развивали успех в случае победы, вели разведку и контролировали маршевые колонны. В процессе складывания территориальных основ России конница применялась не только по прямому военному назначению. Небольшие отряды отправлялись в длительные экспедиции, которые являлись одновременно разведкой, завоевательным походом, исследовательским туром, посольской, торговой и старательской миссией и, наконец, невероятным приключением для всех, кому не сиделось дома на печи.



Боец поместной конницы являлся универсальным воином, владевшим всеми видами наступательного вооружения. Иностранные путешественники неизменно высоко оценивали профессиональную подготовку русских конных воинов. Сигизмунд Герберштейн в «Записках о московитских делах» удивлялся, как московиты умудряются на скаку пользоваться одновременно уздой, саблей, плетью и луком со стрелами. Русский всадник был хорошим, крепким бойцом. Кроме того, новая система поместного комплектования войска позволила собирать невиданные для предыдущей эпохи армии до 100–150 тысяч человек. Словом, как поется в казачьей песне XIX в.: «Верь и надейся, Русь безопасна, русского войска сила крепка». Учитывая вышеизложенное, победы и успехи русского оружия выглядят (почти всегда) оправданными и закономерными. О поражениях бывает страшно и горько читать, понимая, что люди гибли и попадали в плен тысячами по вине халатного и неорганизованного командования.

Кольчуга. XVI в. Куликово поле. ГИМ. Данная находка не имеет отношения к сражению 1380 г. В XVI—XVII вв. на поле стоял полк поместной конницы. Вероятно, кольчуга была утрачена людьми этого формирования

Например, во время второй казанской войны 1523 г. огромное московское войско в 150 тысяч человек, двигаясь тремя колоннами, пришло под Казань разрозненно, причем артиллерия и обоз опоздали на месяц! От полного уничтожения армию спасли решительные действия русской конницы, которая 15 августа 1524 г. нанесла поражение татарам на Утяковом поле (правый берег реки Свияги) и заставила их отойти под стены Казани.

Основы тактики русской конницы начали складываться еще в XIII—XIV вв. Именно тогда распространяется и совершенствуется тактика боя с поочередными соступами и многочастное построение войска для битвы. К концу XV в. данная тактика полностью приспосабливается к условиям легконного боя. Легкие седла с пологими луками и короткими стременами делали невозможным таранный копейный удар, превалировавший в качестве средства атаки в эпоху классического Средневековья. Высокая посадка, по замечанию С. Герберштейна, не давала «... выдержать несколько более сильного удара копья...», но зато предоставляла широкие возможности для ведения маневренного боя. Сидя в седле с полусогнутыми ногами, воин мог легко привставать в стременах, быстро поворачиваться в стороны, стреляя из лука, метая сулицы или действуя саблей. Тактика русской конницы, таким образом, по объективным причинам стала в общих чертах напоминать тактику легкой восточной конницы. Германский историк А. Кранц точно и подробно описывал ее: «...набегая большими вереницами, бросают копья (сулицы. — *Авт*) и ударяют мечами или саблями и скоро отступают назад» (цит. по Кирпичникову, 1976).

Вооружение конницы включало весь набор боевых средств своего времени, кроме выраженных пехотных «инструментов» — таких, как бердыш, рогатина или сошная пищаль. Причем защитное во-

оружение развивалось почти исключительно в среде конницы, так как пехота играла роль стрелков и не нуждалась в развитой защите, кроме, разве что, переносных щитов.

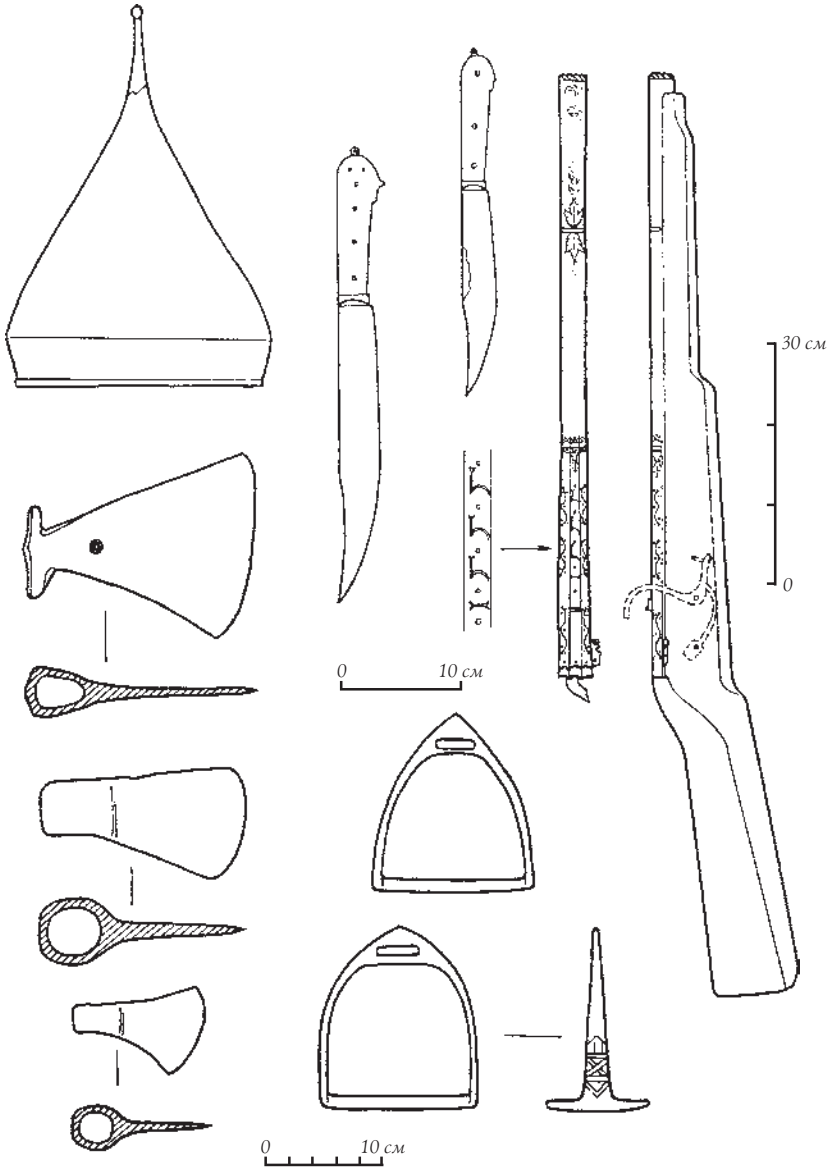
Как отмечалось выше, наступательное вооружение было приспособлено для нужд легкой конницы. Копья перестают быть главным орудием конной борьбы, хотя и не исчезают совсем из обихода. Наконечники копий теряют массивность, по основным геометрическим характеристикам совпадая с образцами XIV–XV вв. Впервые после XII в. широко распространяются пики. Они характеризуются узким 3–4-гранным пером, не больше 30 мм. Втулки почти не имеют выраженной шейки, кроме того, основание пера часто усиливается сферическим или биконическим утолщением, что было вызвано стремлением придать максимальную жесткость узкому телу пики. Той же цели служили граненые и витые втулки. Хорошая коллекция пик 1540 г. была обнаружена в Ипатьевском переулке Москвы. Показательно, что на десять найденных пик пришлось одно копье и одна рогатина. Видимо, именно пика становится основным древковым оружием конницы, к началу XVII в. совершенно вытеснив копье, что подтверждается археологическими находками, например в Тушинском лагере. Сабля и палаш были основным оружием ближнего боя. В основном они повторяли формы клинкового оружия Передней и Средней Азии, хотя использовались и европейские, особенно венгерские и польские образцы. В качестве вспомогательного оружия были распространены кончары — мечи с узким длинным лезвием для поражения сквозь кольчуги. Ограниченно употреблялись европейские мечи и шпаги.

Бехтерец. XVI – XVII вв. ГИМ

В качестве оружия дистанционного боя главенствовал лук. Сложносоставные рефлексивные луки с набором стрел различного предназначения (от бронебойных до «срезней»[1]) были незаменимым орудием поражения для легкого конника. У пояса или, чаще, у седла носились футляры с сулицами — «джериды». С 1520-х гг. в среде конницы начинает распространяться огнестрельное оружие, что к 1560-м гг. приобретает широкий размах. Об этом говорят сообщения Павла Иовия и Франческо Тьеполо о конных аркебузерах, конных стрельцах-пищальниках. Видимо, на вооружении конницы состояли короткие карабины, а к концу XVI в. — и пистолеты.

Защитное вооружение состояло преимущественно из гибких систем защиты. Большой популярностью пользовались «тягиляи» — стеганые на конском волосе и вате матерчатые длинополые куртки с короткими рукавами, которые могли дополнительно прокладываться фрагментами кольчужного полотна. Они отличались значительной толщиной набивки и большим весом (возможно, до 10–15 кг), надежно защищая от стрел и сабель. После более чем столетнего перерыва популярность вновь обретает кольчуга или кольчатые системы защиты. Например, можно вспомнить панцири из плоских в сечении колец и байданы — панцири с увеличенными кольцами. В XIV в. появились различные кольчато-пластинчатые доспехи. К XVI столетию они стали преобладающими системами защиты с включением пластинчатых конструкций. Представляется возможным выделить три основные группы кольчато-пластинчатых доспехов. Все они имели покрой обычных рубах с короткими рукавами (или вовсе без рукавов) и пластинчатыми включениями только на груди и спине. Первая группа — «бехтерцы», которые состояли из нескольких вертикальных рядов узких прямоугольных пластин, расположенных горизонтально, находящих друг на друга и соединенных по бокам кольчужным плетением. Вторая группа — «юшманы», отличавшиеся от бехтерцов размерами пластин, которые у юшманов были гораздо крупнее, так что на

[1] Срезни — древнерусский термин, обозначающий широколопастной наконечник стрелы.



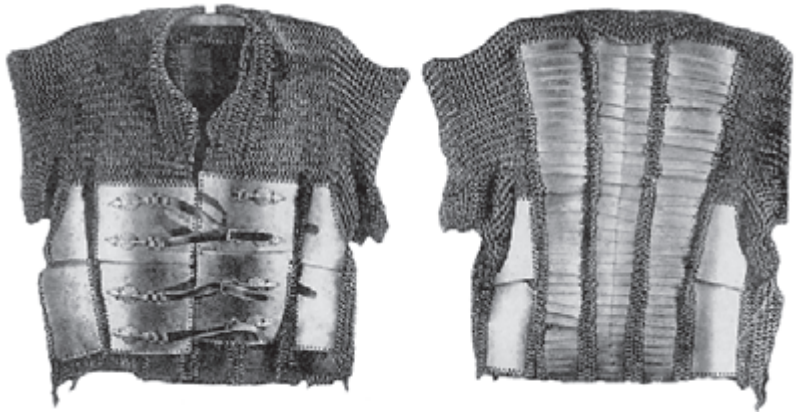
Вооружение последней трети XVI в. из Ипатьевского переулка Москвы. Музей истории и реконструкции Москвы. По А. Н. Кирпичникову

одно кольцо соединялось с четырьмя.

Особняком стоят так называемые зерцальные доспехи. Они могли иметь кольчато-пластинчатую конструкцию и с равной вероятностью собираться на матерчатой подоснове. Зерцальные доспехи происходят, по всей видимости, от дополнительных нагрудных блях, сопровождавших иногда чешуйчатые и ламеллярные доспехи со второй половины XIII—XV вв. Они имели покрой типа «пончо» с застежкой на боках или на одном боку. Отличительной чертой является центральная монолитная выпуклая пластина круглой или многогранной формы, прикрывающая корпус в районе диафрагмы. Остальные пластины имели прямоугольную или трапециевидную форму, дополняя центральную бляху. Толщина пластин достигала от 1,0 до 2,5 мм на боевых зерцалах; парадные были, как правило, тоньше. Поверхность пластин нередко покрывалась частыми ребрами жесткости, которые, располагаясь параллельно, образовывали аккуратные конелюры. По краю пластины часто отделывались декоративной матерчатой выпушкой или бахромой. Зерцала были дорогим доспехом. Даже в рядовом исполнении, без украшений, они были доступны лишь немногим. Например, картина «Битва на Орше» изображает в зерцалах только командиров подразделений русской конницы.

груди помещалось не более четырех вертикальных рядов. Кроме того, юшманы часто имели спереди медиальные осевой разрез на застежках. Третья группа — «калантари». Отличались пластинами, со всех сторон соединенными кольчужным плетением. Общей конструктивной особенностью всех трех групп является ширина кольчужных соединительных перемычек, составлявшая три ряда колец. При этом использовалось стандартное плетение, когда

Определенное распространение имели матерчатые доспехи, подбитые с изнанки стальными пластинками на манер европейских бригандин. Они выполнялись по азиатской моде, что выражалось в покрое в виде длиннополого кафтана и пластинах с заклепками, расположенными в правом или левом углу сверху, в отличие от пластин европейских бригандин, приклепывавшихся по верхнему или нижнему краю, или же по центру. Подобный доспех получил название «куяк».



Юшман.
XVI—XVII вв.
ГИМ

Боевые наголовья можно сгруппировать в три отдела, по конструктивному признаку: первый — жесткие, второй — полужесткие, третий — гибкие. К первому относятся шеломы, шишаки, шапки железные или «ерихонки». Они закрывали голову монолитной высокой сфероконической или шатровидной тульей со шпилем (шеломы); низкой куполовидной или сфероконической тульей с «крутыми» боками и без шпиля (шишаки); полусферической или низкой куполовидной тульей со стальным козырьком (часто с носовой стрелкой), подвижными нащечниками и назатыльником (ерихонки, железные шапки). Ко второму отделу относятся почти исключительно «мисюрки». Они закрывали выпуклой монолитной пластиной только темя, остальная часть головы прикрывалось кольчужной сеткой, иногда с включениями стальных пластин наподобие бахтерца. В конце XVI в. ограниченно распространились наголовья на манер корацина[1], набранные из круглых чешуй, приклепанных к кожаной подоснове. Третий отдел формируется «шапками бумажными». Это были стеганые, наподобие тягиляев, наголовья. Термин происходит от хлопчатобумажной ткани, из которой сшивались подобные наголовья или от их ватной набивки. Они отличались достаточной устойчивостью, чтобы иногда их снабжали стальными наносниками, приклепывавшимися к налобной части тульи. Бумажные шапки кроились в виде ерихонок с нащечниками и назатыльниками.

Доспехи могли дополняться наручами (зарукавья, базубанды) и поножами (бутурлыки). Последние употреблялись крайне редко и только в среде высшей знати. Наручи, напротив, из-за отказа от щитов и распространения сабельного боя стали необходимым защитным средством.

Щиты в данный период употреблялись редко. Если же они имели место, то это были азиатские «калканы», круглые, конические в сечении.

[1] Корацин — вид доспеха, составленного из металлических чешуй, укрепленных поверх мягкой подоновы.

Цветная вкладка *(стр. 72)*

На реконструкции представлены русские конные воины середины XVI в. Реконструкция основана на материалах коллекции (боярском арсенале) Шереметевых.

Первая фигура (передний план) изображена в тяжелом и богато украшенном боярском снаряжении.

Шлем: сфероконический «шелом» с подвижными наушами.

Доспех: юшман с застежкой на груди.

Наручи: «базубанды», состоящие из нескольких пластин на кольчужных петлях. Поверхность покрыта золотым таушированным орнаментом.

Набедренники: имеют бахтеречную конструкцию и совмещены с пластинчатыми наколенниками.

Щит: «калкан», проплетенный разноцветным шелковым шнуром.

Наступательное вооружение представлено саблей в ножнах.

Вторая фигура (задний план) представляет простого ратника поместной конницы. Реконструкция основана на находках в Ипатьевском переулке Москвы (хранятся в ГИМе) и иллюстрациях С. Герберштейна.

Шлем: сфероконический «шишак» с бармицей.

Доспех: «тягиляй» — стеганый кафтан с высоким воротником.

Наступательное оружие: лук и стрелы, а также «пальма» — специфическое древковое оружие, представляющее собой ножевидный клинок со втулкой на длинном древке. Вооружение могли дополнять сабля или палаш, топор и нож.

Эволюция наступательного оружия конницы

1570–1580 гг.

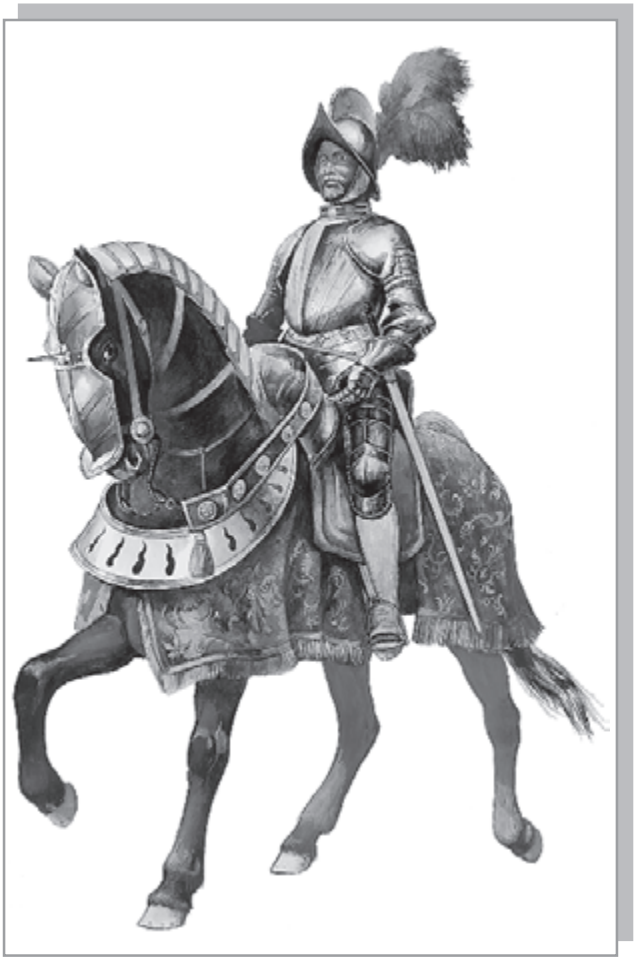
Проследим эволюцию наступательного оружия конницы в XVI столетии. По способу поражения его можно подразделить на две основные группы: холодное оружие и огнестрельное оружие.

Начнем с холодного оружия. Оно, в свою очередь, делится на оружие ближнего боя или ударное оружие и метательное оружие или оружие дистанционного поражения.

К оружию ближнего боя относятся древковое оружие, клинковое оружие, короткое древковое оружие или оружие на рукояти, короткое клинковое оружие. Ударное оружие с поражающим конструктивным элементом на гибком креплении в европейской коннице XVI в., видимо, не использовалось.

Долгое время основным наступательным средством конницы рыцарского типа было копье. Данное положение сохранилось в первой половине XVI в. в полной мере. Несмотря на постепенную деградацию рыцарства как военной конной силы, рыцарский способ боя оставался наиболее эффективным при непосредственном контакте конницы с неприятелем. И тяжеловооруженные жандармы, и кирасиры в облегченных доспехах сражались с копьем наперевес в сплоченных фронтальных построениях.

Со второй половины XV в. рыцарское копье не претерпело заметных изменений. Как и прежде, это был средних размеров граненый наконечник с массивной втулкой на древке длиной в 3–3,5 м. Древко имело выраженное усеченно-коническое утолщение непосредственно перед местом, служащим для удержания рукой. Максимальный диаметр утолщения мог составлять 75–80 мм, после чего древко сужалось к наконечнику до 30–35 мм. Сзади для противовеса имелось аналогичное, но несколько меньше утолщение, снабженное в окончании железным втоком. Древко изготавливалось из ясеневой или вязовой древесины, и вес его достигал приблизительно 4 кг. Для эффективного использования столь массивного оружия еще



в конце XIV в. нагрудники стали оснащаться опорными крюками — фокрами.

В XVI в., особенно к 1520–1530 гг., широко распространились облегченные копья — более тонкие или короткие. В результате кирасирские полудоспехи все чаще стали выпускать без фокров, так как легкое копье можно было свободно удерживать без вспомогательных приспособлений. Старые доспехи иногда переделывали, демонтируя фокры и заклепывая крепежные отверстия на нагруднике. С появлением пистоле-

Шпага. Северная Италия, вторая половина XVI — начало XVII в. Длина — 1105 мм, длина клинка — 945 мм, вес — 1300 г. Собрание замка Вест Кобург. Германия

тов копья постепенно вышли из употребления.

Клинковое оружие конницы делится на двулезвийное, однолезвийное и безлезвийное оружие, то есть оружие, обладающее только острием в качестве поражающего элемента.

Двулезвийное оружие — это мечи и шпаги[1]. В начале XVI в. военное оружие отличалось, как правило, весьма массивными клинками, невзирая на их основную направленность — колющую или рубящую. Типологически клинки в общих чертах повторяли формы XV в. В 1530 г. в связи с частым отказом от полного доспеха вновь появляется легкое оружие с тонкими и острыми клинками, рассчитанное на поражение незащищенной поверхности тела.

Однолезвийное оружие — палаши, сабли и фальшионы — также имели место в XVI столетии. Сабли получили широкое распространение во второй половине века, что было связано не в последнюю очередь с частыми военными контактами с турками. В Восточной Европе сабля, разумеется, употреблялась раньше и гораздо масштабнее.

Фальшион практически исчез в первые декады XVI столетия. Это оружие утратило актуальность. Развитых латных доспехов фальшион все равно пробить не мог, невзирая на тяжесть и смещенный баланс. Когда полные латные гарнитуры ушли в прошлое, фальшион оказался тем более не нужен, так как для поражения незащищенных поверхностей его повышенный ударный потенциал был абсолютно излишним. Одним из последних вариантов фальшиона был албанский и далматинский «баделер», который мог иметь как расширяющийся к острию клинок, так и нерасширяющийся клинок, то есть являвшийся саблей.

Палаш, не говоря о восточноевропейских образцах, копировавших азиатские, употреблялся достаточно широко и в тех же условиях, что и шпаги. Палаши XVI в. чаще всего имеют резко сужающийся клинок треугольного сечения, который может дополняться фальшьлезвием. Схожие способы и условия применения, а также идентичные эфесы то и дело приводят к путанице понятий «палаш» и «шпага». Тем не менее различие очевидно — палаш не может иметь обоюдоострого клинка, как шпага — однолезвийного.

Кончары повсеместно применялись в XVI в. и успешно перекочевали в следующее столетие. Они имели длинные клинки без выраженных лезвий, то есть с образующими плоскостями одинаковых размеров и одинаковым углом наклона. Сечение могло быть трехгранным — треугольным или Y-образным, и четырехгранным — квадратным или крестообразным.

Эфесы клинкового оружия претерпели, пожалуй, самую значительную эволюцию в XVI столетии. От мечей с открытыми эфесами с простой крестовиной в качестве гарды они пришли к сложным витым конструкциям, закрывающим рукоять со всех сторон. Надо отметить, что наибольшее влияние на развитие эфесов оказали не военные, а костюмные и дуэльные шпаги. Тем не менее военный эфес в течение столетия заметно развился. Прежде всего стоит отметить появление кольца под большой

[1] Терминологическое разделение меча и шпаги весьма условно. На деле это один и тот же вид оружия с одинаковым поражающим элементом конструкции — двулезвийным клинком. В мировой историографии определение отличия меча от шпаги запутанно и изобилует множеством логических ошибок и неточностей. Для удобства мы предлагаем различать меч и шпагу по признаку сложности эфеса, признавая полную условность такого дифференцирования.

палец. Оно устанавливалось на внутренней части гарды (контргарде) со стороны рукояти и служило для удержания большим пальцем. Это давало несомненные преимущества при управлении клинком, особенно в конном бою, где не было места фехтовальным эволюциям и надо было твердо фиксировать оружие в руке. Описанное кольцо является одними из ярких определяющих черт специализированного конного оружия. Встречаются и гибридные формы. Например, фехтовальная шпага с закрытой пятой клинка, дополненная кольцом под большой палец на контргарде, ясно говорит о том, что владелец использовал или рассчитывал использовать ее и для конного боя. Подобный экземпляр можно видеть в коллекции Государственного Эрмитажа, выставленный в экспозиции знаменитого Рыцарского зала.

Оружие на рукояти включает в себя топоры, клевцы, шестоперы. Являлось вспомогательным оружием. Обычно его привешивали к седлу и использовали в ближнем бою. Основные принципы производства и применения были заложены в XIV–XV вв. Новое столетие принесло лишь новые формы поражающих элементов и декоративной отделки. По-настоящему важным нововведением явилось всеобщее распространение стальных рукоятей. Это были толстостенные полые трубы, круглые или восьмигранные в сечении. Стальные рукояти многократно повысили прочность оружия, увеличили вес, а значит, и его поражающую способность.

Огнестрельное оружие конницы состояло из пистолетов. Они появились в середине—второй половине XVI в. благодаря изобретению колесного замка. Изготавливали пистолеты в общепризнанных центрах производства огнестрельного оружия — Нюрнберге, Аугсбурге, Дрездене, Зуле, Брешии и т. д.

Пистолет был тяжелым оружием длиной до полуметра и более. Для уравновешивания ствола и замка рукоять снабжалась массивным набалдашником на конце. Это еще больше утяжеляло оружие, но зато сообщало ему баланс, а значит, и наибольшее удобство в использовании. Рукоять рейтарских пистолетов располагалась с малым углом наклона по отношению к стволу, а зачастую вообще без наклона, как прямое его продолжение. Такая конструкция затрудняла прицеливание, но зато позволяла легко выхватывать оружие из седельной кобуры. Прицеливание же для рейтара было понятием символическим, так как пистолет использовался на сверхмалых дистанциях. Например, де ля Ну в своих «Речах», опубликованных в 1587 г., советует стрелять не далее чем с трех шагов. В самом деле, эффективность пистолета на дистанции больше 10–15 м вызывает сомнения. Относительно короткий ствол и малый калибр (по сравнению с мушкетом) обуславливали низкую прицельную дальность и пробивную способность. Кроме того, пробивать тяжелые латы можно было только в упор. В этой связи указанная дистанция в 15 м кажется даже несколько завышенной, а совет де ля Ну о стрельбе с трех шагов вполне обоснованным.

Несмотря на все несовершенство ранних пистолетов, они вновь превратили конницу в грозную ударную силу и сыграли важную роль в трансфор-

Парадный морион. 1580-е гг. Изготовлен в мастерской Помпео делла Кьеза предположительно для Ренато Борромео

мации ее в регулярную кавалерию. Прежде плотная колонна ландскнехтов, ощетинившись пиками, легко одолевала любых жандармов, невзирая на качество их подготовки и вооружения. С появлением рейтар все изменилось. Подъехав в упор, но оставаясь вне досягаемости пик (6–10 м), они могли расстреливать сомкнутую баталию, по которой невозможно промахнуться. Страшно представить, какое действие оказывал эшелонированный строй с фронтом, например, в 50 всадников, учитывая, что огонь могли вести одновременно две шеренги и что каждый рейтар быстро производил не менее двух выстрелов (два пистолета в кобурах спереди) — это двести выстрелов почти одновременно. Строй, как пишут современники, буквально окутывался дымом и пламенем, сметая шеренги ландскнехтов перед собой (пехота, естественно, не имела таких тяжелых кирас и шлемов, как конница), после чего можно было топтать, рубить и расстреливать потерявшую порядок пехоту, вводя в прорыв задние ряды рейтар. Правда, в пехоте быстро дошли до массового применения мушкетеров, которые, обладая гораздо более дальнобойным и прицельным оружием, могли держать рейтар на почтительном расстоянии. Как писал де ля Ну, несколько шеренг мушкетеров — «вот тот соус, который отбивает вкус рейтарам».

С появлением пистолета конный бой приобрел совершенно иной облик и иную динамику. Современники с отвращением отзывались о пистолете, как и о мушкетах и пушках до того. Гаспар де Со Таванн, сражавшийся еще при Павии, сетует в своем труде «Школа истинного полководца», что раньше сражались по три-четыре часа и из 500 человек не было и десяти убитых, а теперь за час времени все кончается.

Доспех в «три четверти» в пизанском стиле. Северная Италия. 1570 — 1580 гг. Вес 19 387 г. Собрание Чикагского музея искусств

Цветная вкладка *(стр. 73)*

На реконструкции представлен трабант (телохранитель) — гвардеец в итальянском полудоспехе, украшенном по так называемой пизанской моде с травленными и позолоченными волютами в верхней части нагрудника. Парадный конский доспех и седло аугсбургские, попона также германская. Реконструкция основана на полудоспехе из собрания Д. В. Хиггинса.

Английская и французская школы производства конных доспехов

XVI в.

В Англии до начала XVI в. практически не существовало собственного развитого производства защитного снаряжения. Конечно, с XIV в. работала Лондонская гильдия оружейников, но эта организация не сумела породить характерной национальной школы со своими выраженными традиционными чертами. В XIV—XV вв. гильдия занималась в основном закупкой и перепродажей итальянской, германской и фламандской продукции. При этом предположительно имела место практика импорта составляющих частей доспехов с последующей доводкой и сборкой на месте. Подобные операции не требовали высокой квалификации и специальных навыков, необходимых для изготовления качественного снаряжения «с нуля». В значительной мере были распространен прямой ввоз заграничных доспехов. Причем это касалось в равной мере массового и элитного снаряжения. Показателен пример известного поединка между Томасом Моубрэем и Генрихом Болингброком в 1397 г., для чего, как сообщает Фруассар, первый специально заказал доспех в Германии, а второй — в Италии. Несомненно, что защитное снаряжение, в частности конное, производилось и на месте. Тем не менее оно повторяло основные заграничные, преимущественно итальянские, конструктивные и геометрические особенности и было связано, в первую очередь, с выпуском рядового вооружения, как полных комплексов, так и отдельных элементов. Таким образом, говорить о наличии местной школы не приходится. Хорошим индикатором существования национальной индустрии защитного снаряжения служит появление собственных доспехов штучной работы, рассчитанных на чрезвычайно состоятельных покупателей. Ведь если мастерская обеспечивала спрос в подобном товаре, то изготовление более простых предметов не должно было составлять заметных трудностей.

Зарождение подлинно английской оружейной школы относится к годам правления короля Генриха VIII. Этот государь во многом напоминал императора Максимилиана I, по крайней мере, в том, что касалось любви к оружию и различным воинским упражнениям. Страстный любитель изысканного вооружения, Генрих заказывает для себя ряд боевых и турнирных гарнитуров в Италии и Германии. В 1515 г. он основывает придворную королевскую мастерскую в Гринвиче, которая должна была обеспечивать качественными и красивыми доспехами дворян

Миниатюрный портрет графа Кумберлэнда работы Николаса Хиллиарда. 1590 — 1592 гг. Национальный музей, Гринвич, Великобритания

королевства. На основе этой мастерской Генрих, несомненно, предполагал воспитать национальные кадры оружейников, могущих работать на нужды армии и королевского двора.

Гринвичская мастерская работала с 1515 до 1637 гг. Ее называли «Аламанской» (германской) мастерской (Almain armoury), потому что изначально в ней работали приглашенные из Германской империи мастера. Ее начало лежит в 1511 г., когда Генрих VIII выписал из Италии и Брюсселя оружейников, чтобы те изготавливали доспехи для его королевского величества. В 1515 г. в Англию по приглашению короля приехали одиннадцать «аламанов» (то есть германцев и голландцев). Это были известные мастера со своими подмастерьями, которые начали работать в Гринвиче. Затем мастерская была перемещена в Соусварк, а потом обратно — в Гринвич. Первым мастером-управляющим стал голландец Мартин ван Рон. Нет сомнений, что прямое предназначение данной организации было сугубо придворным. Там выпускали доспехи, доступные лишь высшей аристократии. Тем не менее английские подмастерья учились, перенимая опыт и секреты мастерства у именитых заморских коллег, с тем, чтобы впоследствии наладить собственное производство; приглашенные знаменитости чрезвычайно высоко поставили планку качества, задав ориентир на выпуск самой лучшей продукции. Нередки были случаи, когда иностранные мастера оставались в Англии до самой смерти, вливая свой талант в русло местной материальной культуры военного дела. Именно в этот период (первая треть—середина XVI в.) сплав германских, голландских, итальянских традиций «доспеходелания» со своеобразной английской культурой породил неподражаемый гринвичский стиль, который позволяет уверенно говорить о зарождении национальной школы.

До наших дней дошло немало произведений гринвичских мастеров. Нам известны как полные гарнитуры, так и отдельные детали и элементы защитного снаряжения. В основном они относятся к середине—второй половине XVI в. и представляют яркие образцы специфических английских доспехов. Многие из них с высокой степенью достоверности идентифицируются с реальными историческими персонами. Отметим также, что, хотя сохранившиеся записи об «Аламанской оружейне» очень неполны, нам известны все или почти все имена мастеров, работавших в ней. Одним из наиболее известных был германец Якоб Хальдер. Его имя появляется в списках в 1553—1554 гг., а самостоятельным мастером он становится в 1576 г. В английских источниках он часто упоминается под именем Якоби, что в свое время вызывало трудности в атри-

Доспех Джорджа Клиффорда графа Кумберлэнда. Гринвичская оружейная мастерская, конец XVI в. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

буции тех или иных доспехов[1]. Помимо Хальдера необходимо упомянуть Эразма Киркенара (1540–1567 гг.) и англичан Джона Кельта (1567–1576 гг.) и Вильяма Пикеринга (1608–1618 гг.).

Важнейшим источником изучения гринвичских доспехов остаются памятники изобразительного искусства. Настоящим ключом к деятельности мастерской во второй половине XVI в. является альбом, содержащий тридцать цветных планшетов с изображениями гринвичских гарнитуров и дополнительных деталей к ним. Альбом был изготовлен в конце XVI в., а обнаружен и введен в научный оборот в 1891 г. (ныне хранится в музее Виктории и Альберта, Лондон). Каждое изображение доспеха выполнено с фотографической тщательностью и помечено именем его владельца, что делает возможным идентификацию целой серии сохранившихся до наших дней предметов, а также многих живописных памятников. Кроме того, альбом представляет собой уникальное собрание, которое концентрированно отражает все основные стилистические направления и мотивы английских производителей доспехов.

Рассмотрим классический рыцарский гарнитур гринвичской работы, который в равной мере мог служить боевым, парадным и турнирным целям. Оценим также степень реалистичности, с которой отражен изобразительными источниками предложенный к рассмотрению гарнитур. В качестве характерного примера возьмем доспех Джорджа Клиффорда III графа Кумберлэнда, изготовленный между 1590–1592 гг. (музей Метрополитен, Нью-Йорк).

Доспех графа Кумберлэнда является полным латным гарнитуром с богато декорированной поверхностью. Шлем — «бургундское» армэ, замыкающееся на отвальцовке верхней пластины ворота. Тулья монолитной конструкции с высоким гребнем, украшенным по кромке косой насечкой. По бокам к тулье посредством навесных петель подвижно прикреплены нащечные пластины. Забрало двучастное. Верхняя и нижняя половины укреплены посредством единых шарниров в височных долях тульи. Ожерелье с воротом из трех пластин в передней и задней частях. Кираса с низким тапулем и широким бортом, заменяющем подол, по нижнему краю. К краю борта посредством двух петель подвешены тассеты, состоящие из трех горизонтальных полос каждая. Нижние полосы имеют фигурный край в виде полукруглых фестонов. Нагрудник оснащен подвижными вставками на проймах, которые заходят под него и зафиксированы посредством шарнира в

[1] «Якоби» одно время ошибочно идентифицировали с Якобом Топфом из Инсбрука.

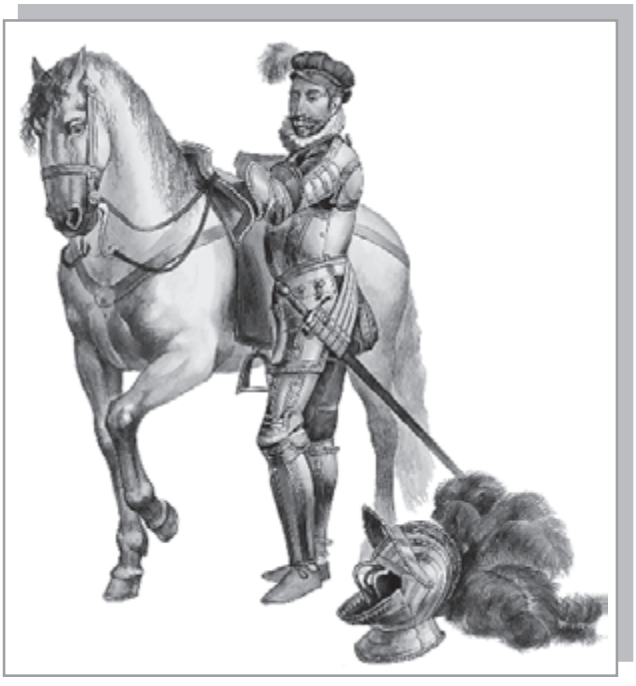
Турнирный «боевой плащ» от доспеха графа Кумберлэнда и способ его крепления

нижней части и скользящей заклепки в верхней. Наплечники состоят из пяти широких пластин, соединенных посредством шарниров и изнаночных несущих ремней на заклепках. Наплечники асимметричные. Левый крупнее правого и закрывает подмышечную впадину. У правого наплечника в данном месте вырез для помещения копейного древка. С плечевыми щитками наплечники соединяются посредством ремней и пряжек в нижней части. Плечевые щитки представляют собой замкнутые трубчатые конструкции с подвижным широким кольцом в верхней части, которое присоединялось посредством выпуклого полого валика, в который помещался бортик верхнего края плечевого щитка. Плечевой щиток соединен с двустворчатым наручем посредством шарнирного крепления через налокотник с двумя переходными пластинами. Перчатки имеют длинные заостренные краги и прикрытие кисти, состоящее из шести горизонтальных полос. Прикрытия пальцев чешуйчатые. Набедренники набраны из восьми горизонтальных широких полос и соединяются с наколенником. По нижнему краю наколенник продолжен двумя переходными пластинами. Последняя снабжена отвальцовкой и скважинами, через которые осуществляется крепление наголенника посредством штыря и поворотного шкворня. Наголенники двустворчатые. Задняя створка и края передней доходят до земли. Под кромку арковидного выреза для стопы в передней створке заведена начальная пластина сабатона, которая подвижно зафиксирована посредством шарнирного крепления. Сабатоны из десяти пластин каждый и заканчиваются нешироким тупым носком. Соединение всех деталей латных башмаков шарнирное.

Доспех отличается изысканной отделкой. Вся его поверхность покрыта воронением. По вороненому полю пущены вертикальные орнаментальные полосы, расширяющиеся к верху. Полосы заполнены геометрическим орнаментом из переплетающихся вороненых полос на позолоченном поле, покрытом стилизованным геометрическим орнаментом. Между орнаментальными полосами помещены декоративные изображения лилий и тюдоровских роз, расположенных друг над другом и соединенных так называемыми «узлами влюбленных» — витыми полосами, по одной с каждой стороны фигуры. Рисунок всех узоров наведен методом травления и гравировки.

Существуют два изображения данного доспеха. Первое — это планшет № 20 гринвичского альбома. Данное свидетельство с протокольной подробностью отображает доспех и все прилагающиеся к нему дополнительные детали, необходимые для турнирных боев. Изображение детально совпадает с доспехом из музея Метрополитен. Второе изображение находится на миниатюрном портрете графа и представляет собой погрудный портрет, вмонтированный в кулон. Николас Хиллиард, знаменитый придворный миниатюрист и ювелир королевы Елизаветы, написал его в начале 1590-х гг., то есть почти одновременно с изготовлением самого доспеха. На данном портрете присутствуют несколько неточностей, видимо, оправданных творческой фантазией автора. Во-первых, наплечники изображены симметричными, тогда как в реальности они асимметричны — левый наплечник крупнее. Во-вторых, наплечники изображены с неверной орнаментацией. На месте тюдоровской розы на правом наплечнике изображена лилия.

Известно еще одно миниатюрное изображение графа Кумберлэнда в доспехе. Этот ростовой портрет также принадлежит перу Николаса Хиллиарда (ныне в Национальном музее Гринвича). На нем граф изображен в схожем гринвичском доспехе с золотой орнаментацией на фиолетовом поле. Орнамент представляет золотые звезды на фиолетовом поле. Этот доспех так же реально существовал. В настоящее время известен набедренник с наколенником из этого гарнитура. Данный портрет, с точки зрения информативности, является весьма ценным дополнением к рассмотренной выше миниатюре. На нем граф изображен в полный рост с копьем в руке и шпагой на поясе, что дает нам более полное представление об облике знатного вельможи, каким он мог представать на турнире или на войне. Поверх кирасы мы видим роскошную накидку с широкими короткими рукавами и длинным расклешенным подолом, присборенным в складку и доходящим до колен. Подобные одеяния были хорошо известны с начала XVI в. и фигурируют ныне в специальной литературе по истории костюма под термином «фальтрок». В ногах изображен шлем армэ, отличный от экземпляра из музея Метрополитен только орнаментом. Поднятое забрало позволяет видеть заднюю часть стеганого матерчатого подшлемника. На голове Джорджа Клиффорда надета шляпа с загнутыми полями, через которые перекинута женская перчатка, усыпанная бриллиантами. Эта деталь, несомненно, принадлежала королеве Елизавете, фаворитом которой являлся граф в тот период. Скорее всего миниатюра запечатлела графа в доспехе, изготовленном в честь избрания его чемпионом королевы, то есть тем рыцарем, который представлял ее величество на турнирах. В руке граф сжимает копье. Это массивное оружие не характерно для конца XVI в., когда оно стремительно отмирало



Портрет маршала де Монморанси. Конец XVI в.

в Западной Европе как основное наступательное средство конницы, уступая пистолету и шпаге. Предмет, отображенный портретом, мог еще использоваться в бою, но с наибольшей вероятностью применялся в качестве турнирного оружия. На перевязи виден эфес шпаги. В отличие от копья, шпага была настоящим боевым оружием, предназначенным, в первую очередь, для конного боя. На это указывает простая гарда, конструктивно состоящая из загнутого вверх перекрестья и двустороннего бокового кольца.

Другая школа производства защитного снаряжения зародилась во Франции, (повторим, что в виду имеется производство полных развитых комплексов, а не отдельных их элементов или подражаний зарубежным образцам). Необходимо отметить, что в данном регионе о наличии собственной развитой традиции говорить можно лишь с известной степенью допущения. Вплоть до XVII в. французские доспехи повторяли конструктивные и геометрические особенности германских и итальянских, а позднее — и фламандских доспехов. Лишь самобытная орнаментация позволяет условно выделять французскую школу. В XVII столетии положение изменилось в связи с массовым выпуском простых солдатских доспехов (в том числе рейтарских), которые позволили реализовать местные тенденции в развитии защитного вооружения.

Во Франции много трудились приглашенные итальянские мастера. Производство концентрировалось в Париже, Бордо, Туре и Лионе. В Бувэ (Шамбли) и Шартре преимущественно располагались мастерские по изготовлению кольчуг.

Характерным примером развитого доспеха французского конника конца 1580–1590 гг. является комплект лат Генриха I де Монморанси сеньора де Дамвилль, знаменитого воина и коннетабля Франции[1], каковой титул был пожалован ему королем Генрихом IV в 1593 г. До наших дней доспех дошел не полностью и в разрозненном виде. Набедренник с наколенником, тассет, наголенник и правая перчатка из состава данного гарнитура хранится в настоящее время в музее Метрополитен. Кираса с подолом и шлем находятся в Музее армии в Париже. Все перечисленные эле-

[1] Титул коннетабля носил начальник конных войск Франции.

менты в деталях совпадают с изображением на портрете коннетабля из известного альбома, изданного по заданию Фердинанда Австрийского в 1601 и 1603 гг.[1] Фердинанд собрал в своем замке Амбрас своеобразную «галерею героев». Туда вошли доспехи и портреты наиболее известных рыцарей его времени, то есть начиная примерно с 1570 гг. Путем переговоров со многими прославленными капитанами или их семействами герцог приобрел более сотни подобных экспонатов, часть из них хранятся в замке Амбрас и поныне. Альбом был призван стать своеобразным путеводителем по галерее. Он содержал портреты рыцарей в их собственных доспехах и с необходимыми регалиями. Гравюры принадлежат талантливому итальянскому художнику Джованни Батиста Фонтана. К каждому портрету прилагалось жизнеописание изображенного воина. Автором текстов стал секретарь герцога Шренк фон Нотциг.

На гравюре коннетабль представлен в полном доспехе с жезлом военачальника в руке. Обращает внимание шлем в ногах воина. Это бургиньот с подъемным козырьком. Характерное забрало состоит из трех пластин, крепящихся внизу к подбороднику, изогнутых в горизонтальной плоскости и соединенных по бокам посредством шарниров. Верхняя пластина имеет смотровую щель, выполненную в виде выраженного выступа, полукруглого в плане, с серией частых горизонтальных отверстий. Подвижное крепление позволяло опускать забрало вниз, открывая более полный обзор в момент рукопашного боя или при отсутствии непосредственной опасности. В поднятом состоянии забрало фиксировалось посредством подпружиненных кнопок-защелок в верхней части каждой пластины. При уходе одного сегмента вверх пружина досылала кнопку нижней пластины вперед, превращая ее в стопор, препятствовавший произвольному возвращению сегмента вниз. Таким образом, чтобы опустить забрало, требовалось отжать пальцем кнопку и убрать сегмент. Трехчастная конструкция позволяла регулировать степень открытия забрала по желанию. При этом перевести его в боевое положение было возможно одним движением ладони вверх, без длительной процедуры застегивания многочисленных крюков, что было нелегко сделать руками в латных перчатках и наручах. Даже когда забрало было убрано, лицо воина оставалось прикрытым. Помимо козырька его защищала решетка из трех вертикальных планок, которые совершенно не закрывали обзора и не стесняли дыхания, полностью парируя любые рубящие и секущие удары. Кроме того, подведенные изнутри забрала изогнутые стальные прутки (их толщина около 0,7–0,8 мм) сообщали ему повышенные прочностные свойства, достаточные для отражения любого поражающего воздействия, вплоть до попадания пули. Подобные шлемы были чрезвычайно популярны впоследствии в среде рядовой французской кавалерии. Несмотря на то, что данная конструкция пришла из Германии, в конце XVI–XVII вв. во Франции было широко налажено собственное их производство. Например, известны несколько шлемов французского мастера Пти (Petit), один из которых хранится в Государственном Эрмитаже.

Набедренник с наколенником от доспеха маршала де Монморанси. Французская работа, 1580–1590 гг. Музей Метрополитен, Нью-Йорк

Интерес представляет декорировка доспеха. Она выполнена в виде вертикальных орнаментальных полос, заполненных стилизованным растительным орнаментом, перемежающимся с гротескными изображениями птиц и животных. Весь орнамент имеет вид рельефно выступающих

[1] Первое издание было предпринято на латыни, а второе — на немецком языке. Второе издание находится в библиотеке музея Метрополитен.

позолоченных фигур на гладком темном поле. Рисунок наведен методом травления с последующей догравировкой. Плоское гладкое поле ясно указывает на местное французское происхождение доспеха или, как минимум, его отделки. Итальянские и германские мастера в большинстве случаев покрывали поле сериями частых и мелких точек.

Сравнение приведенных портретов и сохранившихся образцов вооружения позволяет осознать, насколько тесно искусство было переплетено с жизнью, позволяет заглянуть в глаза давно ушедшей эпохе и встать лицом к лицу с живыми людьми, своими руками творившими историю.

Цветная вкладка *(стр. 74)*

Представлено изображение Джорджа Клиффорда графа Кумберлэнда в гринвичском доспехе, относящемся к 1590-м гг. Реконструкция основана на двух миниатюрных портретах графа работы Николаса Хиллиарда (музей Метрополитен, Нью-Йорк; Национальный музей Гринвича), а также его доспехе из музея Метрополитен.

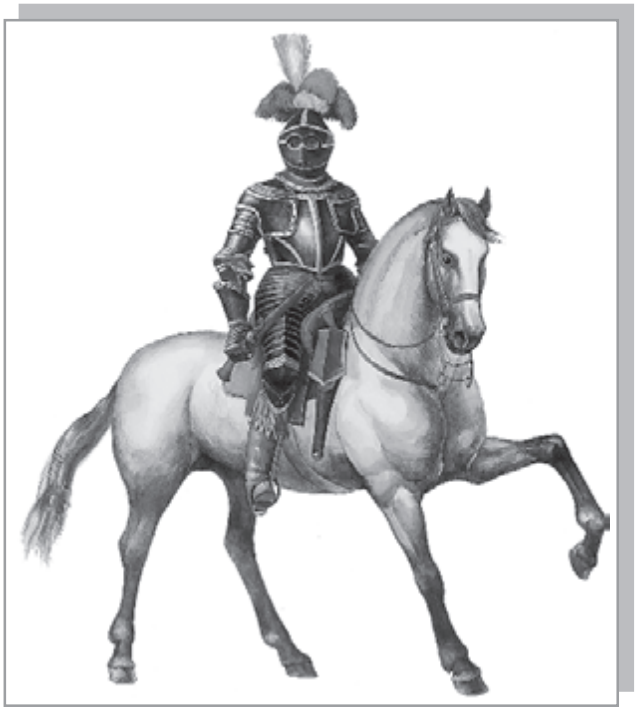
Цветная вкладка *(стр. 75)*

Реконструкция основана на портрете и доспехе Генриха I де Монморанси.

Рейтары в эпоху Тридцатилетней войны

1620–1630 гг.

В ходе Реформации в Европе сложились крайне неблагоприятные политические тенденции. Расчленение единого религиозного поля обусловило неизбежное нарастание противоречий как на межнациональном, так и на внутригосударственном уровне. Нетрудно понять, что религиозные разногласия были удобным предлогом для приобретения политических и экономических выгод силовым путем. Благовидный повод для развязывания войн был на руку политикам разных уровней, ведь он позволял достаточно быстро решать задачи не только государственного характера, но и частные (яркий пример тому деятельность Альбрехта Валленштайна). Данная ситуация явилась бомбой, взорвавшей Европу несколькими кровавыми локальными (гражданскими) и глобальными конфликтами. Крайнюю напряженность и жестокость этих столкновений можно объяснить тем, что католики и протестанты на какой-то момент перестали рассматривать друг друга в качестве единоверцев-христиан, что устраняло все возможные морально-этические стопоры в обращении с пленными и мирным населением на захваченных территориях.



Наиболее крупной религиозной войной по праву считается Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. По размаху и обширности вовлеченных территорий она оставила далеко позади даже Столетнюю войну. В ее ходе были внесены заметные изменения в вооружение, тактику боя, способы набора и обеспечения армий. Была внедрена линейная тактика. В способы использования кавалерии были внесены значительные изменения, нашедшие окончательное выражение только в первой трети XIX в. Произошли и серьезные сдвиги в политико-идеологическом плане. По масштабу их можно признать поистине тектоническими. За десятилетия войны было осознанно превосходство национальных армий перед наемными[1]. Кроме того, конфликт, начинавшийся как религиозный, закончился как чисто политический, когда католики французы выступили против католической империи Габсбургов на стороне протестантов — шведов, голландцев и ряда германских княжеств.

Рассмотрим общий ход военных действий и отдельные сражения. Война вылилась в целый комплекс столкновений, которые охватили почти всю Европу, включая Россию. Традиционно в историографии весь массив военно-политических мероприятий этой эпохи разделяется на четыре основных периода[2].

---

[1] При этом Тридцатилетняя война является кульминационным моментом в использовании наемных армий, которые, однако, оказались менее эффективны в сравнении с национальными армиями шведской короны.

[2] Ряд ученых склонны выделять франко-германскую войну за мантуанское наследство в самостоятельный период.

Первый период — чешско-пфальцский 1618–1623 гг. Начался с антигабсбургского восстания в Чехии (1618–1620 гг.), которое явилось реакцией на ущемление чешских привилегий Германской империей. Глава Протестантской унии Фридрих V Пфальцский был избран королем Чехии, Католическую лигу возглавил император Фердинанд II[1]. Протестанты потерпели ряд неудач. Решительное поражение было нанесено им в сражении у Белой горы 8 ноября 1620 г. Быстрое падение Чехии позволило испано-германскому войску под руководством А. Спинолы занять Пфальц в 1621–1623 гг.

Второй период — датский 1625–1629 гг. Протестантская Дания, направляемая политической игрой кардинала Ришелье (истинным главой Франции в годы правления Людовика XIII), вступила в войну с Германской империей, рассчитывая захватить южное побережье Балтийского моря. Ришелье также надеялся втянуть в прямое противостояние с католической лигой шведского короля Густава II Адольфа, но тот был скован борьбой с Речью Посполитой — католическим форпостом на востоке. Голландия при этом была вынуждена воевать с Испанией (с 1621 г.) в связи с окончанием двенадцатилетнего перемирия.

В 1625 г. соединения антигабсбургской коалиции вторглись в пределы Германии. Положение католиков было осложнено рядом крестьянских восстаний (крестьянская война в Верхней Австрии, Чехии и др.). Тем не менее войска императора под предводительством А. Валленштайна и католической лиги под командой И. Тилли нанесли ряд ощутимых поражений силам коалиции. Валленштайн разбил Э. Мансфельда при Дессау 25 апреля 1626 г., Тилли — короля Кристиана IV Датского при Луттере 27 августа того же года. Протестанты были вынуждены в 1627–1628 гг. покинуть территорию Германии. Северная Германия была оккупирована войсками Валленштайна. В 1629 г. Дания была вынуждена подписать Любекский мир и выйти из войны.

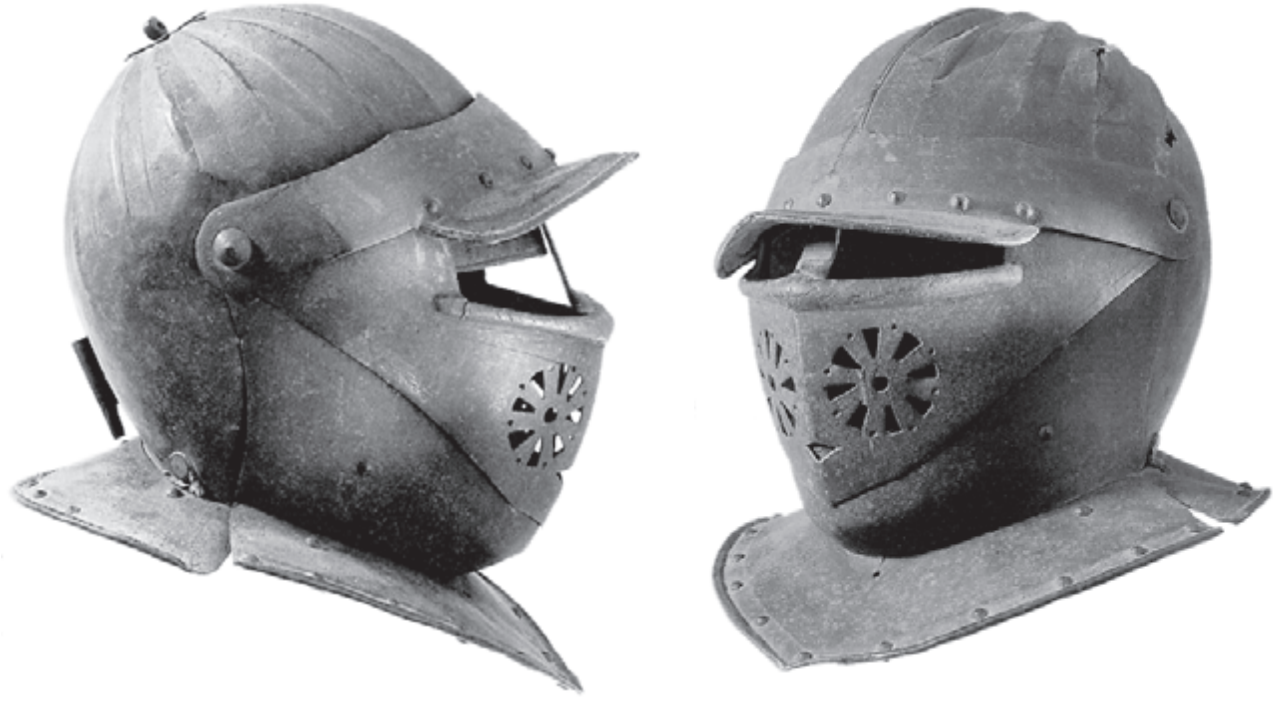
В 1628–1631 гг. начались военные действия в Северной Италии. Война шла между Францией и Германской империей за мантуанское наследство. Она явилась прикрытием для политических ходов Ришелье, направленных на создание второго фронта путем привлечения шведов к войне на территории Германии. Для этого при посредничестве французско-голландско-английского блока было обеспечено Альтмарское перемирие между Швецией и Речью Посполитой. Одновременно подготавливалось вступление в войну России, (стремившейся вернуть Смоленск) против Речи Посполитой, чтобы максимально обезопасить восточное направление.

Третий период — шведско-русский 1630–1635 гг. Густав II Адольф летом 1631 г. начал решительное наступление в глубь Германии. Он получил крупные денежные субсидии от Франции и купил зерно в России по льготным ценам, что обеспечило солидную материальную базу для ведения войны. Армия шведов разительно отличалась от армии противников. Это было компактное моноэтничное образование, имевшее в основе своей национальное ядро. Оно состояло из офицерского корпуса, преимущественно из шведских дворян, и рядового состава из шведских же призывников. Единородный этнический состав позволил создать чрез-

[1] Протестантская уния была образована в 1608 г. на основе коалиции германских князей, которые получили независимость по Аугсбургскому религиозному миру 1555 г. К унии со временем присоединились Англия, Голландия, Франция и т. д. Католическая лига — союз католических князей Германии 1609 г. Получил поддержку римского папы и Испании.

Пистолет колесцовый. Испания, Каталония, 1600— 1620 гг. Хранился в оружейном кабинете короля Франции Людовика XIII (1610 — 1643 гг.). Собрание Чикагского института искусств. Общая длина — 558 мм, ствол — 425 мм, калибр — 11,2 мм, вес — 1600 г

вычайно дисциплинированную и боеспособную армию, характеризовавшуюся высоким боевым духом и управляемостью в сражении и на походе. Новый способ комплектования и новая тактика позволили Густаву Адольфу разбить Тилли при Брейтенфельде в 1631 г., занять Мюнхен в 1632 г. При этом войска саксонских протестантов смогли вторгнуться в Чехию и овладеть Прагой. В условиях острого военного кризиса император вновь доверил командование Валленштайну (ранее отстраненному от должности). В 1632 г. при Лютцене в упорнейшем сражении превосходящие силы шведов смогли заставить Валленштайна отступить, что привело к потере Саксонии. На поле боя погиб король Густав Адольф, по рыцарскому обычаю возглавлявший атаку собственной кавалерии. 27 августа 1634 г. имперско-испанские войска наголову разбили шведов при Нердлингене. Однако стратегического успеха им добиться не удалось, и уже 4 октября шведы победили при Виттштоке. Тем не менее шведам пришлось в срочном порядке оттягивать войска к польской границе, так как Россия проиграла Речи Посполитой Смоленскую войну 1632—1634 гг. Кроме того, Швеция лишилась на-



Шлем рейтарский «штурмхауб». Северная Германия, Саксония, первая половина XVII в. Тулья шлема покрыта глубоким рифлением и составлена из двух сегментов, соединенных посредством потайной клепки по медиальному шву

Караульня. Фландрия, 1640-е гг. Дэвид Тенирс Младший (1610—1690 гг.).

На картине преимущественно изображено конное вооружение, хотя имеются и пехотные образцы, например, шлем «кабасет» в нижнем углу полотна или кремниевое ружье. На столбе висят пистолеты в ольстрах и шпага. На полу разложены кирасы. Отметим офицерскую кирасу с набедренниками, покрытую травленными и золочеными орнаментальными полосами. Геометрические особенности и характер отделки указывают на миланское происхождение данного предмета

циональной поддержки германского протестантского крестьянства и бюргерства, которые увидели в ней не освободителя от католического гнета (как ожидалось), а иностранного оккупанта. При этом из коалиции выпала Саксония, а затем и Бранденбург. В этих условиях Франция была вынуждена открыто выступить против Германии. Так начался завершающий этап войны.

Четвертый период — франко-шведский 1635—1648 гг. Совместное выступление Швеции и Франции было обеспечено Штумсдорфским мирным договором Швеции и Польши. Постепенно чаша весов склонялась в пользу союзников. Неудивительно — Германия, ослабленная непрерывной войной, кроме Швеции столкнулась тогда с новым свежим противником — Францией. История не раз доказывала впоследствии гибельность войны на два фронта для Германии. Войска империи потерпели поражения при Брейтенфельде в 1642 г., при Рокруа в 1643 г. и Янкове в 1645 г. Только выход Франции из войны[1] спас Германию от полного разгрома и, возможно, потери политической самостоятельности. В 1648 г. был заключен Вестфальский мирный договор.

Рассмотрим участие кавалерии на показательном примере нескольких крупных сражений. Первое значительное столкновение произошло в 1620 г. на Белой горе под Прагой. Армия лиги насчитывала около 28 тысяч человек, включая сильный контингент рейтар. Общее командование осуществлял имперский полководец Бюкуа. Непосредственно имперской частью войска руководил И. Тилли; войско лиги, состоявшее из баварцев, возглавлял герцог Макс Баварский. Католическая армия направлялась прямо на Прагу, чтобы решительным ударом покончить с неприятелем. Протестантская армия насчитывала 21 тысячу бойцов. Конница включала как тяже-

[1] Франция переживала период внутриполитической нестабильности, связанный со смертью Ришелье и деятельностью Фронды. Кроме того, во Франции были обеспокоены усилением Англии.

ловооруженных рейтар, так и легкую венгерскую конницу численностью около 5 тысяч человек. Во главе армии чешский король Фридрих поставил Христиана Анхальтского.

Полководец протестантов обоснованно избрал оборонительное положение и укрепился на вершине Белой горы, упираясь правым флангом в парк на берегу ручья. Колонны рейтар строились в промежутках между пехотными порядками. В целом построение представляло собой две вытянутые линии с общим резервом из венгерской конницы. Армия католиков на виду у неприятеля перешла по мосту через ручей Шарк. Христиан Анхальтский не захотел расставаться с выгодной позицией и атаковать войско на переправе. Бюкуа из осторожности советовал обойти вражеское войско, не ввязываясь в бой, и маневрированием заставить покинуть сильную оборонительную позицию. Однако герцог Макс и Тилли настояли на немедленном сражении. Обе части войска были построены в три ряда. Пехота стояла в нескольких крупных баталиях (предположительно по пять у герцога и Тилли), на флангах пехоты располагалась конница. Известно, что конное построение в армии императора было более массивным и глубоким, чем колонны лиги.

Бой начался с артиллерийской дуэли и впоследствии имел характер фланговой столкновения. Тилли обрушил на левый фланг чешской армии своих рейтар, а затем и пехоту. Навстречу ударила конница протестантов, однако была отбита. Постепенно имперские полки стали теснить фланг неприятеля, который должны были прикрывать венгры, которые, однако, не сделали этого, оставшись в резервной линии, так как опасались огня артиллерии католиков. В решительный момент боя в центре удачно действовал отряд рейтар под командой сына Христиана Анхальтского. Атакуя из второй линии, ему удалось опрокинуть расстроенные в бою ряды имперских кавалеристов, а затем даже прорвать строй одной пехотной баталии. В разрыв пошли другие воинские части и резерв венгерской конницы. Однако Тилли вовремя заметил опасность и бросил вперед рейтар лиги, которые успешно локализовали прорыв, тем более что венгры на серьезное столкновение не решились. Дело окончилось, когда в атаку двинулись баварцы и довершили разгром.

Другим сражением, где кавалерия оказала заметное влияние на исход, был бой под Брейтенфельдом 1631 г. Шведско-саксонская армия под руководством Густава II Адольфа насчитывала 39 тысяч человек, а армия Тилли — 36 тысяч. При этом в войске протестантов было около 16 тысяч неопытных и плохо обученных саксонских солдат, тогда как имперская армия в основном состояла из испытанных ветеранов. Обе силы столкнулись неподалеку от Лейпцига. Левое крыло католической армии,

Доспех рейтарский трехчетвертной. Германия, Нюрнберг, 1610—1620 гг. Мастер Иеронимус Ринглер. Собрание Государственного Эрмитажа (№ З.О. 3380). Вес — 43 000 г

возглавляемое Папенхаймом, состояло из 11–12 полков рейтар и одного пехотного полка. Правое крыло состояло из четырех полков пехоты и шести кавалерийских. В центре стояли пехотные колонны, а по краям — конные. Таким образом, левый фланг почти полностью формировался рейтарами. Все войско было вытянуто в линию, хотя, возможно, полки строились в шахматном порядке, что не меняет общего характера построения. При этом имперцы, как пехота, так и конница, действовали в традиционных глубоких колоннах. В то же время шведы подготавливались Густавом Адольфом к оперированию в неглубоких линейных формациях.

Доспех рейтарский трехчетвертной. Богемия, 1610–1620 гг. Собрание Государственного Эрмитажа (№ З.О. 3308).

Бой начался с маневрирования с целью выиграть левый фланг позиции католического войска. Паппенхайм отреагировал общим движением сил своего фланга налево и сам охватил крыло шведского войска. При этом он полностью оторвался от правого фланга католической армии. Охват был очень глубоким и заставил вступить в дело все линии шведской армии. Основная ставка делалась на маневренные атаки рейтар, так как один (голштинский) полк пехоты не мог оказать значительного воздействия на силы противника. Удачную атаку поддержал Тилли на правом крыле, буквально сметя противостоящих ему саксонцев. Только два полка саксонской кавалерии удержались на поле боя в строю шведской армии.

Тилли, видимо, надеялся охватить шведов с двух сторон, когда он прекратил преследование саксонцев и развернул войска в сторону левого фланга. Он рассчитывал на одновременные действия с рейтарами Паппенхайма, а также на то, что шведы после бегства саксонцев остались в меньшинстве. Однако к тому моменту, когда Тилли привел свои войска в относительный порядок и развернул их для атаки[1], кавалерия левого фланга уже была совершенно разбита и отступила с поля боя. Рейтары Паппенхайма не смогли соперничать со шведской кавалерией, применявшей более совершенную тактику и грамотно взаимодействовавшей со своей пехотой. Конница укрывалась за линейными строями пехоты, которая встречала атакующих германцев залпами мушкетов. Когда враг оказывался близко, они выезжали из-за пехоты и стремительно контратаковали. Причем имперские рейтары обычно стремились максимально реализовать потенциал своих пистолетов, выполняя стрельбу пошереножно с заездами строем (иначе — «каракаоле», «улитка»), в то время как шведы стреляли только один раз при подходе к противнику, после чего сразу бросались вперед с холодным оружием. Это позволяло смешивать массивные колонны германцев, которые из-за своего глубокого построения не могли вводить в рукопашную всех бойцов одновременно.

[1] Отметим, что один пехотный полк ушел в погоне за саксонцами слишком далеко и из-за поднявшейся пыли и дыма не смог сориентироваться и присоединиться к второму акту наступления.

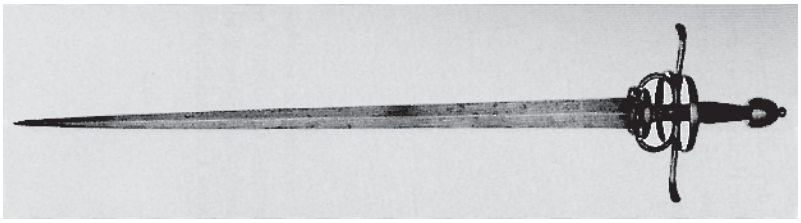
После отступления Паппенхайма войско Тилли оказалось в меньшинстве. Шведские рейтары, которых после соединения с двумя саксонскими полками было не менее 5 тысяч, смогли нейтрализовать рейтар Тилли. Его же пехота — три мощные колонны — не смогла применить свое главное оружие — слитную атаку пиками накоротке. Кавалерия шведов атаковала колонны одновременно с нескольких сторон, и они были постоянно вынуждены останавливаться для отражения этих наскоков. В это время пехота шведов беспрепятственно расстреливала плотные построения германцев, самое же главное, что шведы смогли вывести на прямую наводку свою полковую артиллерию (всего 75 орудий, сколько именно участвовало в финальной фазе боя — неизвестно), которая обеспечила им окончательную победу.

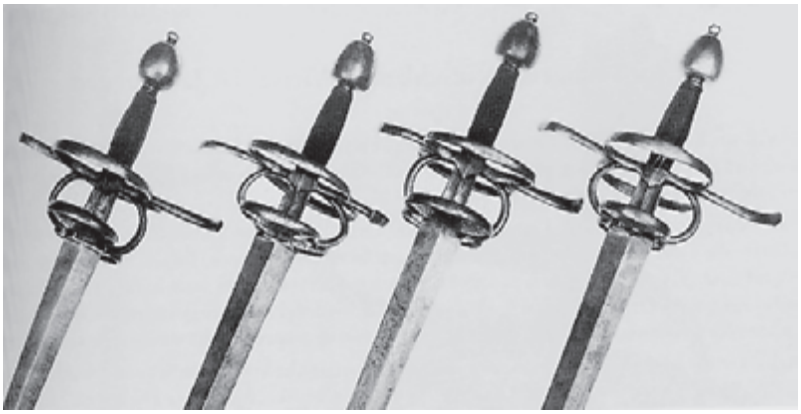
Германские войска и полководцы вполне усвоили уроки Брейтенфельда. В следующем крупном сражении 16 ноября 1632 г. при Люцене католическая армия уверенно использовала особенности тактики своих противников шведов. В частности, это касается кавалерии. Валленштайн придал конным частям мушкетерские части для прикрытия, запретил караколирование, ввел менее глубокие построения, по образцу шведских линейных формаций. Новшества не замедлили сказаться. И хотя, по меткому замечанию Ганса Дельбрюка, шведы имели «преимущества всякой старой армии над вновь сформированной», а также заметно превосходили германцев числом (16 тысяч 500 человек против 14 тысяч), победить им удалось лишь ценой значительного напряжения сил и больших потерь[1]. Причем поражение католиков не носило характер разгрома, как, например, при Брейтенфельде. Валленштайн оставил поле шведам после упорного и длительного боя, хотя вполне мог продолжать сражение. Стратегическое превосходство шведов, заставившее отступить прославленного полководца, было обусловлено приближением люнебург-саксонской протестантской армии герцога Георга. Тактического перевеса над германцами удалось добиться прежде всего благодаря действиям кавалерии, которая нанесла значительные потери рейтарам Валленштайна. Победа досталась шведам дорогой ценой. В одной из кавалерийских атак погиб король Густав II Адольф, который неожиданно оказался перед строем германских рейтар и был застрелен. Шведы не смогли выбить католиков с их позиции. Они были настолько неуверенны в исходе боя, что ночью сами снялись с лагеря и отошли назад. Тем не менее утром протестанты неприятеля не обнаружили, и поле осталось за ними.

Сабля.
Штирия (?), 1590 — 1620 гг.
Собрание замка Вест Кобург.
Длина — 915 мм,
клинок — 778 мм, ширина клинка — 35—44 мм,
вес — 1490 г.

В деле развития тактики боя Густав Адольф явился во многом последователем Мориса Оранского. При этом шведский король не был слепым подражателем. Он сумел применить сформулированные Морисом принципы к из-

[1] Среди преимуществ шведов надо перечислить также лучшее техническое оснащение, а именно: более легкие и скорострельные мушкеты пехоты и примерно трехкратное превосходство в артиллерии (60 пушек против 21).





Шпага. Южная Гермаания, Мюнхен — Пассау(?), начало XVII в. Собрание замка Вест Кобург. Длина — 1110 мм, клинок — 890 мм, ширина клинка — 41 мм, вес — 1465 г. Внизу — эфесы аналогичных шпаг

менившимся условиям и сделать свою армию лучшей в Европе. Гибкий подход Густава Адольфа к военному искусству хорошо прослеживается на примере организации его рейтар. В конце XVI в. Морис Оранский окончательно упразднил в конице копье, сделав ставку на пистолет. Таким образом, он отдал предпочтение стрелковому бою над рукопашным. Ведь только наличие пистолета давало преимущество над хорошо обученным и вооруженным копейщиком, который, в противном случае, легко побеждал бы человека с одной только шпагой. Отсюда происходят глубокие конные построения германских рейтар, необычные для эпохи Средневековья. Достаточная глубина сообщала устойчивость всему строю пистольеров, которые могли выдерживать атаку копейщиков. Нидерландцы уменьшили глубину эскадронов до 5–6 шеренг, но сохранили пистолет в качестве основного средства нападения. В первых декадах XVII в. шведский король вновь возвеличил роль рукопашного боя и холодного оружия при конном столкновении. Густав Адольф строил эскадрон в три шеренги и предписывал непосредственно атаковать противника «в лоб». Он сократил количество пистолетов до двух. Первые две шеренги должны были производить в упор по одному выстрелу, после чего на галопе с холодным оружием в руках бросаться на неприятеля. Филипп Богуслав Хемниц так описывает устроение кавалерии этого блестящего полководца: «Его принципом в отношении кавалерии было не допускать разных хитросплетений, не ведущих прямо к цели, заездов и караколе. Он строил ее в три шеренги, устремлял прямо на неприятеля, ударял на него и позволял стрелять не более чем первым двум шеренгам лишь на таком расстоянии, когда видны были белки глаз врага. После чего они должны были браться за палаши, причем последняя шеренга атаковала одними палашами, оставляя оба пистолета для рукопашной».

Описанная организация кавалерии показала себя весьма эффективной. Отметим, однако, что дословное повторение ее было возможно лишь при особом подходе к комплектованию войска и к дисциплине. Армия, и, в частности, кавалерия германцев, не могла применять подобную тактику с полным успехом, как Густав Адольф, хотя военачальники, несомненно, осознавали все преимущества, которые она предоставляет. Как говорилось выше, шведская армия комплектовалась по национальному принципу. Моноэтничность[1] позволяла вести эффективную политическую подготовку бойцов, которые осознавали, что сражаются за национальные интересы своей родины. Глубокое национальное чувство, осознание поставленных задач и принятие их в качестве своих собственных целей позволяли легко подчиняться самым жестким дисциплинарным требованиям. Это позволило поднять боевой дух, сплоченность и дисциплину на практически недосягаемую для наемных армий высоту.

[1] Впоследствии шведская армия оказалась в значительной мере разбавлена германским наемным элементом.

Разница между солдатами, сражающимися за родину или за деньги, ясно видна на примере судьбы двух выдающихся противников — Альбрехта Валленштайна и Густава Адольфа. Первый был убит во сне собственными офицерами, которым он много лет исправно платил жалованье, когда император Фердинанд посулил за это щедрое вознаграждение. Второй погиб на поле боя, но его солдаты, оставшись без вождя, выиграли сражение, а потом успешно продолжили войну.

Формирование народной армии было непростым делом и требовало особых предпосылок. Например, Франция, которая вступила в войну лишь на завершающем этапе и не изведала всех ее тягот, так до самого конца и не смогла создать по-настоящему французской армии, несмотря на все усилия другого выдающегося деятеля той эпохи — кардинала Ришелье. В 1638 г. на 61 полк приходилось 25 полков иностранных наемников.

Новая тактика, дисциплина и военная организация с большим трудом приживались в старых ордонансовых ротах. Офицеры не подчинялись новым порядкам и саботировали непопулярные указы. С 1635 по 1639 гг. была издана серия приказов, которые предписывали всадникам под страхом смерти не снимать доспехов во время несения караульной службы и на походе. Повторяемость и однообразие этих приказов ясно указывает на их слабую действенность, а также на неважное состояние дисциплины в среде французского дворянства. Французская конница превратилась в кавалерию лишь благодаря усилиям таких деятелей, как Мишель ля Телье (военный министр с 1643 г.), Тюрен и Конде. Все они были плоть от плоти французского воинского сословия, понимали его дух и чаяния и постепенно сумели привить новые воинские порядки в среде старого рыцарства, чего не смог сделать даже Ришелье. Отметим, что, невзирая на слабую организованность, французская конница отличалась отменным боевым духом и гораздо большей эффективностью, чем того можно было ожидать. Венецианский посол Нанни писал, что солдаты времен детства Людовика XIV были плохо вооружены, недисциплинированы, снабжены плохими лошадьми, но при этом дрались как безумные. Тем не менее можно констатировать, что наиболее боеспособными частями французской армии были наемные контингенты.

Тридцатилетняя война явилась тяжелейшим испытанием для всех ее участников. В этом горниле были выкованы и закалены кровью новые войска и новые полководцы. Тогда же были заложены принципы развития кавалерии, которые реализовывались на протяжении всего нового времени.

Боевой опыт был оплачен миллионами жизней. Наиболее сильному разорению подверглась Германия, Австрия и Чехия. Население последней в 1618 г. приблизительно равнялось 3 миллионам, после войны оно составляло не более 800 тысяч. Досталось и всем остальным. Даже победители шведы, которые получили ценные территориальные приобретения по условиям Вестфальского мира, были надорваны огромными потерями в живой силе. Больше выгод, чем потерь, досталось только Франции, которая благодаря политическо-

Пистолет колесцовый.
Северная Италия, Брешия, 1630—1640 гг.
Длина — 469 мм, ствол — 304 мм

му гению Ришелье оказалась единственным настоящим победителем в этом конфликте. Как писал А. Аверченко в ироничной «Всеобщей истории», при подписании Вестфальского мира один курфюрст воскликнул: «Теперь я вижу, когда мы начинали войну, я был молодым дураком!» Ему ответил француз: «А теперь, когда мы ее заканчиваем, вы оказались старым дураком!».

Цветная вкладка *(стр. 76)*

Изображен французский рейтар 1610–1630 гг. Облачен в трехчетвертной доспех и кавалерийские ботфорты. Отметим характерный для данного региона глухой шлем с подъемным козырьком и забралом в виде стилизованной личины с полукруглыми смотровыми вырезами. Вооружение состоит из седельных пистолетов с колесцовым замком и шпаги. Реконструкция основана на экспонате из собрания Дж. В. Хиггинса.

Цветная вкладка *(стр. 77)*

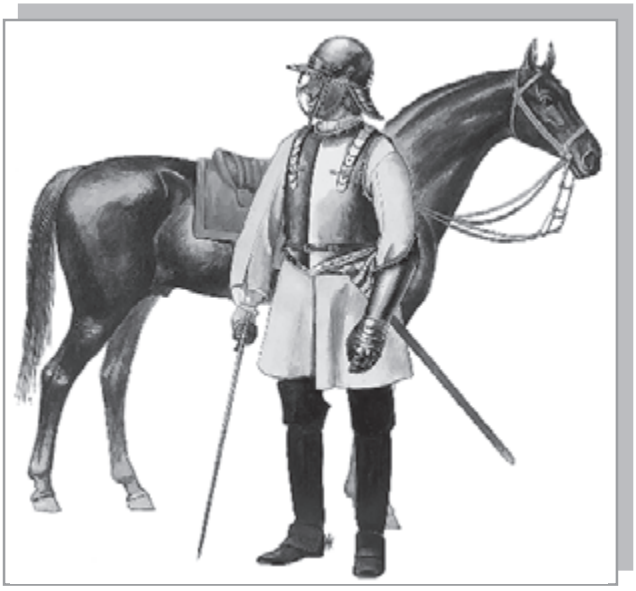
Изображен германский рейтар. Реконструкция основана на экспонате из собрания Дж. В. Хиггинса и на изображении из серии картин Дэвида Тенирса младшего 1630–1640 гг. «Караульня» (собрание Государственного Эрмитажа).

«Железнобокие» Оливера Кромвеля

1640–1650 гг.

Оливер Кромвель оставил яркий след в военной истории Британских островов. Этот выдающийся человек был талантливым стратегом и удачливым полководцем. Однако наиболее рельефно его дарования проступили в качестве кавалерийского командира и организатора конных войск. Некоторые современники были склонны считать Кромвеля, в первую очередь, кавалеристом, а уж потом военачальником в широком смысле, что, конечно, не является справедливой оценкой. При этом суть данные высказывания отражали верно — в самом деле, всеми своими победами Кромвель был обязан стремительным действиям кавалерии, которые он столь умело и храбро направлял, организации которой он отдал столько сил. Будущий лорд-протектор не совершил революционных или хотя бы сколько-нибудь значительных преобразований в военном искусстве. По сравнению с такими личностями, как Морис Оранский, или современниками Кромвеля — Валленштайном, Тилли, не говоря о Густаве Адольфе, он не выделялся ничем особым. С другой стороны, Кромвель и его армия представляют значительный интерес для историка. Как писал в своей неподражаемой манере Г. Дельбрюк: «Можно сомневаться, следует ли отводить в истории военного искусства особое место Кромвелю, так как нельзя утверждать, чтобы в цепи прогрессирующего развития этого искусства какое-либо звено носило его имя. Все же он настолько крупный военачальник, и армия его представляет настолько своеобразное и значительное явление, что обойти их молчанием не представляется целесообразным».

Для начала рассмотрим вкратце ход Гражданской войны в Англии, выигранной кавалерией Кромвеля. Война началась в 1642 г., явившись результатом конфликта короля Карла I Стюарта с парламентом, противившимся его абсолютистским устремлениям и поддерживавшим интересы буржуазии и «джентри» — нового дворянства. В январе 1642 г. король бежит



на север Англии после неудачной попытки арестовать пятерых вождей парламентской оппозиции. 22 августа король объявляет войну парламенту и собирает армию в Ноттингеме. Командование войсками роялистов принимает племянник Карла двадцатидвухлетний принц Руперт, энергичный командир и блестящий кавалерист[1]. Кромвель вступает в армию парламента в чине капитана и встает во главе конного отряда добровольцев, который изначально насчитывал 60 человек.

23 октября произошло первое крупное сражение между роялистами и «круглоголовыми»[2].

[1] Принц Руперт был сыном сестры Карла I, которая являлась королевой Богемии и супругой курфюрста Пфальцского Фридриха.

[2] Считается, что «круглоголовыми» сторонников парламента называли за отказ носить традиционные длинные волосы или парики с длинными локонами. Видимо, это было не более чем обидное прозвище, так как все вожди оппозиции изображаются на портретах с длинными прическами.

После долгого маневрирования граф Эссекс (главнокомандующий индепендентов) привел свою армию под Оксфорд, где у холма Эджхилл встретил армию короля, наступающую на Лондон. В результате побоища граф Эссекс увел войско с поля, хотя и не потерпел явного поражения. Причиной послужил частичный разгром парламентской конницы кавалерией принца Руперта.

Приняв во внимание опыт первых поражений, Кромвель приступил к формированию собственного полка, который послужил впоследствии моделью для создания так называемой «армии нового образца». Он решительно и последовательно выступал за демократизацию армии. Каждый способный к военному делу боец имел у него неограниченные горизонты карьерного роста вне зависимости от происхождения. Кромвель отказался от услуг наемников, принципиально привлекая к службе лишь тех, кто сражался по идейным соображениям. Огромное значение он придавал дисциплине, считая ее залогом боеспособности. Его солдаты постоянно участвовали в строевых учениях, отрабатывая навыки взаимодействия в бою. Газеты того времени писали: «Что до Кромвеля, то имеет 2000 храбрых и хорошо дисциплинированных воинов. Если кто из них побожится — платит штраф 12 пенсов. Если кто напьется, его сажают в колодки или еще хуже; если один назовет другого "круглоголовым", его увольняют со службы; так что в тех местах, куда они приходят, все от них в восторге и присоединяются к ним. Какое было бы счастье, если бы все наши силы были так же дисциплинированны». В феврале Кромвеля назначают командующим войсками Восточной ассоциации графств. В мае его полк получает первое боевое крещение.

Шлем кавалерийский. 1640—1650 гг. Роял Армори, Лидс

13 мая 1643 г. возле местечка Грэнтем в графстве Линкольншир полк Кромвеля встретил 21 роту вражеской кавалерии при поддержке 4 рот карабинеров. Вот как он сам описывал последовавшую стычку: «Как только мы услышали тревогу, то вывели наш отряд, состоящий из двенадцати рот, из коих некоторые находились в таком жалком состоянии, что трудно представить. Эту горсточку Богу было угодно бросить на чашу весов. Некоторое время мы стояли на расстоянии выстрела от неприятеля, и карабинеры с полчаса или немного больше вели огонь. Видя, что неприятель на нас не движется, мы сами решились его атаковать и после многих выстрелов с обеих сторон устремились на него довольно крупной рысью. Они держались стойко, но с Божьей помощью были весьма быстро опрокинуты и побежали, а мы их преследовали две или три мили».

Следующий бой, также окончившийся удачно для индепендентов, произошел 28 июля 1643 г. при городе Гейнсборо того же графства. Вот запись Кромвеля по этому поводу 28 июля 1643 г.: «Неприятельский отряд стоял на вершине высокого холма, над нашими головами. Кое-кто из наших попробовал взобраться на холм; враг сопротивлялся. Мы опрокинули его и сумели взобраться на холм». Оказалось, что за авангардом в резерве стоит целый конный полк роялистов. «Прежде чем мы успели привести наш отряд в порядок, неприятель бросил на нас свои главные силы <...>. Мы тоже атаковали его. Я был на правом крыле. Сойдясь вплотную, конь к коню, мы долго дрались мечами, сохраняя добрый порядок, и никто не мог одолеть. Но, наконец, противник поколебался, наши люди нажали на него посильнее, он подался, и мы его вскоре одолели, все их войско; одни побежали в одну сторону, другие в другую, в большом беспорядке».

Все эти стычки не имели стратегического значения. Невзирая на победу при Гейнсборо, почти весь Линкольншир оказался под контролем Ньюкасла[1]. Тем более, почти в то же время западная парламентская армия Вильяма Уоллера потерпела ряд поражений в Вест-Кантри от принца Руперта и Ральфа Хоптона, а армия графа Эссекса была блокирована в долине Темзы у Оксфорда. Даже более крупная победа парламентариев при Уинсби, где участвовали большие силы, не имела решающего значения, хотя и позволила вернуть контроль над Линкольнширом.

10 октября при Уинсби более 3 тысяч роялистов под командованием графа Манчестера столкнулись с равным по численности войском «круглоголовых». Сражение было выиграно благодаря

[1] Ньюкасл — главнокомандующий армии короля.

стремительной и слитной атаке кавалерии Кромвеля, которую поддержали огнем карабинеры. Кромвель, несмотря на ранение, полученное в начале боя, опрокинул неприятельскую кавалерию на фланге и, вместо того чтобы удариться в преследование, что было обычным делом для английских (и не только) армий того времени, зашел во фланг и тыл вражескому центру синхронно с атакой пехоты, что и обеспечило победу. В плен попали около тысячи роялистов, были захвачены тридцать пять знамен и почти вся артиллерия.

В этих стычках конный полк Кромвеля получил необходимый боевой опыт и заслужил репутацию самого боеспособного соединения в армии парламента. За свою стойкость и железную дисциплину они получили кличку «железнобокие». Впоследствии она распространилась на всю кавалерию парламента.

Кираса кавалерийская и навесной противопульный экран. 1620–1630 гг. Роял Армори, Лидс

Несмотря на победы, дело парламентариев находилось в отчаянном положении. Войско финансировалось настолько плохо, что к концу года было на грани бунта, не говоря уже о неудовлетворительном ремонте конского поголовья и воинского снаряжения. Кромвель и граф Манчестер вынуждены были покинуть фронт, чтобы выбить денег для армии из парламента из тех богачей, которых она же и защищала. Кромвель писал в их адрес: «Если бы я мог сказать такие слова, что способны пронзить ваши сердца, я бы это сделал <...>. Если мы сейчас что-нибудь упустим, вы увидите, как армия Ньюкасла сядет нам на голову». Кромвель спорил, убеждал и настаивал. Обращался он и к полководцам, постоянно педалируя важность быстрых и решительных действий и особенно поддержания боеспособности кавалерии: «Не о чем больше рассуждать! Вооружайтесь и выходите все, кто может! Образуйте отряды, собирайте волонтеров, каких только можете, запасайте лошадей. Спишитесь тотчас с Норфолком, Сеффолком и Эссексом! Умоляю вас, не тратьте времени, будьте энергичнее, прилежнее. Неприятеля можно остановить только кавалерией. Действуйте живее, работайте не отвлекаясь, не щадите сил, пользуйтесь всеми средствами!» Энергия Оливера Кромвеля и его соратников спасла положение. Кампанию 1644 г. армия парламента начала с новыми силами.

Решительное столкновение произошло 2 июля 1644 г. на вересковой пустоши Марстон-Мур к югу от Йорка. Стороны стянули туда весьма значительные по меркам Англии силы. Войско парламента насчитывало 22 тысячи, а роялистов — 18 тысяч бойцов. Исходная формация обеих армий была схожа. Традиционно центр построения занимала пехота — мушкетеры и пикинеры, а на флангах стояла кавалерия. Конницей на левом фланге индепендентов командовал Кромвель, ему противостоял его прославленный противник — принц Руперт. У Кромвеля было около 2500 кавалеристов, столько же и на противоположенной стороне. На правом фланге стояла кавалерия Томаса Фэрфакса, другого известного командира парламентариев.

Сражение началось около семи часов вечера. Кромвель возглавил атаку своего фланга. Его кавалерия двигалась плотным строем поэскадронно на рысях. Навстречу устремились кавалеры принца Руперта. Силы были равны, и ни одна сторона не могла одолеть другую. Роялисты и парламентарии сражались в схожей манере и имели идентичное вооружение, то есть ни одна сторона не могла использовать тактическое или техническое превосходство[1]. При сближении эскадроны встречали противника выстрелами из пистолетов и карабинов в упор, после чего атаковали с холодным оружием в руках. В упорном встречном бою сказались долгие строевые учения кавалерии Кромвеля. Парламентарии быстрее кавалеров принца Руперта восстанавливали порядок в строю и собирались для новой атаки. Выучка кавалерии Кромвеля оказалась чрезвычайно высокой. Даже когда командир получил рану в

[1] Интересно, что для облегчения опознания «свой — чужой» индепенденты повязали на шляпы белые платки, так как без дополнительных опознавательных знаков отличить в сумятице боя врага от товарища было практически невозможно. Боевым кличем роялистов было «Бог и король!», парламентарии шли в бой с криком: «С нами Бог!».

шею и вышел на время из боя, «железнобокие» сохранили порядок, спокойно и уверенно продолжая сражаться вплоть до возвращения Кромвеля в строй после перевязки. Роялисты не смогли принять предложенной манеры боя и стали стремительно отступать.

Значительная степень управляемости кавалерии позволила обратить успех на левом фланге в выигрыш всего сражения. Кромвель отрядил несколько эскадронов для преследования кавалеров Руперта, основные же силы он оперативно развернул для удара по центру армии Ньюкасла. Фланговый охват оказался как нельзя более своевременным. В центре пехота едва удерживала позиции под натиском роялистов, а на правом фланге кавалерия Томаса Фэрфакса уже начала отступать. Атака Кромвеля смешала ряды кавалеров, что решило исход битвы.

Камзол кожаный. Середина XVII в. Роял Армори, Лидс

Победа при Марстон-Муре показала все преимущества организации и обучения армии по «кромвелевской» модели. В январе 1645 г. парламент принял решение о создании Армии нового образца, которая отличалась четким организационным устройством, единым командованием, однообразной униформой и жесткой дисциплиной, то есть являлась регулярной в полном смысле. Главнокомандующим был назначен Томас Фэрфакс. Заместителем главнокомандующего и генерал-лейтенантом кавалерии стал Оливер Кромвель — душа армии и начальник ее наиболее боеспособной части — «железнобоких».

Армия нового образца показала себя летом 1645 г. 1 мая роялисты взяли Лейчестер и двигались на Лондон. 14 июня в окрестностях Нортгемптона (Центральная Англия) у деревни Нэсби они столкнулись с армией парламента. Вновь решающими оказались действия кавалерии Кромвеля. В то время как в центре пехота билась с переменным успехом, на правом фланге принц Руперт опрокинул кавалерию парламента под командованием Генри Айртона. Как обычно, молодой и горячий принц не смог удержать своих отчаянно храбрых, но малодисциплинированных воинов от преследования. Принц гнал ненавистных простолюдинов, осмелившихся встать на его пути, до деревни Нэсби. Таким образом, он полностью вывел из боя ударную часть королевской армии и оставил без прикрытия свой фланг. В то же время Кромвель, добившись успеха, основную часть своей кавалерии использовал для немедленного флангового охвата. Таким образом, сражение было выиграно. Принц Руперт вернулся из преследования слишком поздно и ничего не смог изменить. Он сам и король Карл еле успели выйти из боя с остатками своей кавалерии.

Через месяц Армия нового образца одержала победу при Ленгпорте (Лонг-Саттоне), последнюю крупную в войне, окончательно сломив сопротивление роялистов. Первая гражданская война была выиграна[1].

Рассмотрим особенности организации армии и кавалерии противоборствующих сторон. В войну парламент (как и роялисты) вступил, не имея регулярной армии. Основой ее было милиционное ополчение. Роялисты, кроме того, имели массу наемников, которых принц Руперт регулярно вербовал в Европе. Несомненным преимуществом армии короля было то, что в ее кавалерии служили профессиональные воины и наследники рыцарских родов, отличавшиеся хорошей выучкой и высоким боевым духом. Многие командиры короля были опытными солдатами, прошедшими школу войн на континенте. В лице принца Руперта король приобрел храброго и решительного военачальника, умелого кавалерийского командира. Однако одной из основных ошибок роялистов стала патологическая недооценка сил армии парламента. От этого кавалеры не смогли избавиться даже после нескольких чувствительных поражений, доказавших боеспособность вчерашних крестьян и бюргеров.

Парламент опирался на обширную социальную базу, которая вбирала в себя самые широ-

[1] Вторая война была уже «внутрипарламентской». Кромвель подчинил или уничтожил оппозицию, подавил выступления в армии, казнил короля, захватил Шотландию и Ирландию, став, таким образом, «Наполеоном английской революции».

кие общественные слои и имела значительный территориальный охват — войска парламента всегда были более многочисленны, чем королевские. При этом они были распылены по нескольким армиям, не имевшим единого руководства. Вспомним армии различных ассоциаций графств, которые не могли воспользоваться плодами даже крупных побед, быстро терявших инициативу. Солдаты, состоявшие из йоменов, часто отказывались воевать на территории чужих графств, а их командиры непрерывно ссорились в парламенте, богатые буржуа не выделяли достаточно денег, иногда казалось, что фракционная борьба играет бóльшую роль, чем война с королем.

Самым слабым местом армии парламента изначально была конница. Вчерашние крестьяне не могли сравниться с кавалерами ни индивидуальным мастерством, ни боевым духом. Противопоставить им можно было только дисциплинированный строй, высокую организованность, взаимовыручку и единые слитные действия в бою. Для этого милиционная конница должна была превратиться в настоящую регулярную кавалерию. В этом процессе и проявился неоценимый талант Оливера Кромвеля, который своими энергичными действиями за два года смог превратить толпу на конях в одну из лучших кавалерий в Европе.

Поначалу Кромвель располагал одним лишь полком, превратив его в образцовое соединение. Постоянной муштрой, насаждением дисциплины и, что немаловажно, повышением сознательности каждого отдельного бойца он добился замечательных результатов. Его кавалеристы умели атаковать поэскадронно сомкнутыми рядами, в полном порядке совершать заезды строем, быстро собираться и строиться по первому сигналу. На любом этапе сражения они улавливали и подчинялись приказам, став сплоченным боевым «организмом», полностью послушным командиру. При этом высокая сознательность и моральные качества сообщали каждому солдату необходимую инициативность, что играло важную роль в случае гибели непосредственного командира или при временной утрате связи с высшим руководством.

Кавалерия Кромвеля послужила моделью для новой кавалерии парламента, а организация ее сказалась на организации армии нового образца. В решении парламента о создании этой армии указывалось, что ею должен руководить единый центр — военный совет, причем солдатам и офицерам платили из государственной казны. «Армия должна состоять из шести тысяч всадников, — говорилось в постановлении, — которые должны разделяться по десять полков <...>. Для этой армии должна быть набрана тысяча карабинеров, разделенных на десять рот. В этой армии должно быть двенадцать пехотных полков, каждый по тысяче двести человек <...>. Каждый полк должен быть разделен на десять рот <...>. Каждый кавалерист получает на свои расходы по два шиллинга в день...» Общую численность армии планировали довести 21,5 человек; треть ее составляла кавалерия.

Кромвель стал поистине душой новой армии, а его «железнобокие» — ее ядром. Заново при его бдительном, пристрастном участии были проведены рекрутские наборы в городах и селениях, по ротам шло обучение, пехотинцам выдали одинаковые красные мундиры[1]. Демократизация армии достигла своего апогея, командирами становились простые ремесленники, йомены, лавочники. Кромвелевские капитаны, которые когда-то вызывали возмущение графа Манчестера, теперь делались полковниками.

Устав вводил строгую дисциплину. «Всякий покинувший свое знамя, — говорил он, — или бежавший с поля боя наказывается смертью <...> Если часовой или дозорный будут найдены спящими или пьяными <...> они будут беспощадно наказаны смертью <...> Воровство или грабеж караются смертью...»

Регулярная армия, и в первую очередь кавалерия, стала инструментом победы революции. С ее помощью Кромвель смог прийти к власти и покорить сопротивление ирландцев и шотландцев.

Тактика кавалерии той войны основывалась на очевидном положении о господстве на флангах. Именно на флангах традиционно располагались кавалерийские эскадроны, так как именно здесь они могли максимально использовать потенциал маневра. Таким образом, пехота и артиллерия выступали опорой фронта в центре, в то время как кавалерия, борясь за фланги, превращалась в «орудие победы». То есть, чья конница оказывалась сильнее и овладевала флангом, тот и получал решительное преимущество и шанс выиграть бой.

[1] С тех пор красный мундир стал традиционным в английской армии.

Кромвель, понимая данный тезис, смог добиться наибольшей эффективности использования кавалерии. Он не позволял в случае успеха увлекаться преследованием, добивая непосредственного врага, а переключал главные свои силы на решение основных оперативно-тактических задач, связанных с поддержкой центра и фланговым охватом позиций противника. При этом выделялся частный резерв для преследования отступающего неприятеля, чтобы не дать ему вернуться в бой. Важно отметить, что охват должен был осуществляться в полном порядке при сохранении эскадронного строя для наилучшей управляемости на всех фазах боя. Описанный тактический прием, а точнее, его безукоризненное исполнение, обеспечил триумф Кромвеля как полководца и победу войскам парламента в решительных сражениях при Уинсби, Марстон-Муре, Нэсби, Ленгпорте.

Принц Руперт не имел столь полного контроля над своими солдатами, чтобы заставить их точно исполнять приказы на любом этапе боя. Он не мог удержать полки от преследования, а иногда и грабежа, не мог оперативно развернуть их на помощь остальному войску. Вполне возможно, что он и не понимал в полной мере важности взаимодействия с другими частями войска. В любом случае для принца это оказалось фатальным несоответствием требованиям времени и положило конец его полководческой карьере.

Построение кавалерии в бою, видимо, мало отличалось от того, что бытовало в то же время в континентальной Европе. Роты (эскадроны), состоявшие из 100—120 человек, строились в отдельные формации, вытянутые по фронту и имевшие глубину в три-четыре шеренги. Пистолет использовался на малых дистанциях. При сближении первые шеренги должны были производить один выстрел, сохраняя остальные пистолеты для действия по ситуации в рукопашной или последующих атаках. Средством ближнего боевого контакта выступало клинковое оружие — шпаги, сабли и палаши.

Снаряжение кавалерии в описываемый период претерпело значительные изменения. В 1640 г. происходит быстрый отказ от трехчетвертного доспеха, который ранее был обычным атрибутом тяжелой конницы. Ему на смену приходит полудоспех, который ранее был принадлежностью легкой кавалерии. Подобное защитное снаряжение состояло из открытого шлема, ожерелья, нагрудника, наспинника и перчатки, совмещенной с наручем-налокотником на левой руке.

Шлем представлял собой открытый бургиньот с подвижным козырьком, укрепленном в височных долях тульи посредством шарниров. К козырьку посредством приклепывания крепилось забрало, имевшее вид решетки. Решетка представляла собой внешнюю раму с центральной вертикальной полосой, которая соединялась с рамой двумя изогнутыми горизонтальными полосами. Чрезвычайно часто решетка имела значительные размеры и опускалась до нагрудника. Все ее детали имели толщину около 8—10 мм. Сечение прутьев, формирующих ее, было прямоугольным или овальным. Тулья шлема имела полусферическую форму. Конструкция тульи в равной степени могла быть монолитной или сегментной, когда две половины соединялись по центру посредством заклепок. Клепаный шов, как правило, был потайным и имитировал монолитную конструкцию. Поверхность тульи часто снабжалась медиальным гребнем, хотя могла оставаться и гладкой. Толщина тульи в среднем равнялась 2—3 мм. Тулью дополняли нащечники, крепившиеся на стальных или кожаных петлях, и нашейник, имевший монолитную или ламинарную конструкцию. Если нашейник был монолитным, его поверхность часто покрывалась горизонтальными полосами, имитировавшими ламинарную конструкцию и наводившимися методом чеканки и (или) гравировки.

Кираса все чаще носилась без ожерелья, поэтому ее горловина стала снабжаться высокой отбортовкой, формировавшей стальной ворот-стойку. Горловина и проймы снабжались отвальцовкой. Геометрически нагрудник и наспинник представляли собой согнутые листы стали с выраженной выпуклостью в верхней трети для лучшего облегания груди и лопаток. При этом кираса незначительно сужалась к талии. Наспинник имел ровный нижний срез, в то время как нагрудник оканчивался выраженным треугольным выступом, где помещался редуцированный тапуль. Нижний край кирасы оформлялся в виде бортика, который почти всегда декорировался рядом крупных заклепок. Поверх нагрудника часто надевали дополнительный экран, который крепился посредством накидных крюков, продевавшихся в отвер-

стия крепежных штырей, пропускавшихся в отверстия на боках экрана. Данное приспособление по традиции называли «плакартом», хотя оно уже ничем не напоминало плакарт XV столетия. Толщина нагрудника могла доходить до 10 мм, особенно в сочетании с плакартом. Обычной же его толщиной было 5–7 мм в центре и 1,5–2 мм на боках. Кираса в обязательном порядке должна была испытываться выстрелом в упор.

Перчатка-наруч для левой руки является интересным защитным приспособлением, появившимся в конце XVI в. Она изготавливалась в виде массивной замкнутой трубы, без каких-либо застежек. В районе локтя ей придавалась выраженная выпуклость для лучшего облегания сустава. Прикрытие предплечья продолжалось собственно перчаткой из нескольких горизонтальных пластин, соединенных посредством шарниров и снабженных чешуйчатыми прикрытиями для пальцев, собранными на кожаных полосах. Перчатка имела толщину до 3 мм, что было необходимо, учитывая функциональное ее назначение. Она носилась на левой руке и служила своеобразным щитом, которым кавалерист мог отбивать удары. Правая рука закрывалась только кожаной перчаткой с длинной крагой. Считалось, что этого достаточно, так как кисть удовлетворительно закрывалась развитым эфесом шпаги, а при стрельбе латная перчатка вообще была не нужна и могла являться помехой.

Доспех короля Джеймса II работы Ричарда Ходена. Лондон, 1686 г. Роял Армори, Лидс

Доспехи надевалось поверх плотного кожаного камзола, пришедшего на смену прежним стеганым дублетам. Ноги закрывали высокие ботфорты из толстой кожи. Изначально подобный доспех использовали кирасиры (то есть легкая кавалерия той эпохи), поэтому впоследствии его часто называли «кирасирским». Постепенно полудоспех описанного образца стал общеупотребимым, полностью вытеснив трехчетвертные доспехи. В Англии, видимо, к концу войны состояние дел со снаряжением кавалерии обстояло именно так. Данное снаряжение оставалось практически неизменным до 1680–1690 гг. Оно распространилось и на Новый Свет, по крайней мере, на английские колонии. Другим обозначением кирасир был термин «аркебузиры» или «карабинеры», по названию того вида огнестрельного оружия, которое они употребляли помимо пистолетов. Джон Крузо в 1632 г. подробно описывал их вооружение в «Военном наставлении для кавалерии». В основном его описание совпадает с приведенным выше. Он справедливо считал, что образцом для подобного снаряжения послужили голландские образцы. Джон Крузо разделял термины «аркебуза» и «карабин». И то, и другое оружие должно было иметь два с половиной фута (75 см) в длину, но карабин имел меньший калибр. К карабину полагалось носить 25 пуль, в то время как к аркебузе — только 17. В целом заметки Крузо чрезвычайно интересны для изучения вооружения Гражданской войны в Англии, так как непосредственно предшествуют ей по времени. Описание кирасирского снаряжения может считаться образцовым для снаряжения кавалерии вообще, так как к концу войны оно получило всеобщее распространение.

Холодное оружие, как уже упоминалось, состояло из шпаг, сабель и палашей. Все эти виды оружия предназначались для сугубо военного употребления, и поэтому, в отличие от костюмных и дуэльных рапир, имели средние размеры, несложный эфес и самую простую декоративную отделку, если таковая вообще присутствовала.

Наиболее распространенным в среде английской кавалерии оружием была, видимо, шпага. Шпажный клинок имел в среднем около 750–800 мм в длину и 30–45 мм в ширину. Клинок плавно сужался до 20–25 мм у острия. Существовали разновидности шпажных клинков, не сужав-

шихся к окончанию или имевших невыраженную степень сужения. Толщина колебалась от 5 до 8 мм в основании клинка, уменьшаясь к острию до 2—2,5 мм. Наиболее распространенными были клинки шестигранного, четырехгранного или линзовидного сечения. Все разновидности клинков с равной вероятностью могли оснащаться долами, число которых колебалось от одного до трех (реже — до пяти). Чрезвычайно редко боевые шпаги сопровождались клинками Y-образного сечения, так называемыми «colichemard».

Портрет сэра Пэлхама Корбета из Шропшира работы Джона Соуча. 1634 г. Частная коллекция. По каталогу П. Файнера 2001 г.

Палаш, как правило, полностью повторял очертания шпаги. Естественное отличие состояло в обухе, который превращал клинок в однолезвийный. Обух мог быть полноразмерным, то есть занимать всю обратную сторону клинка, вплоть до острия. Тем не менее обычным явлением был укороченный обух, который не доходил до острия, оставляя место для фальшьлезвия. Фальшьлезвие с равной степенью вероятности имело размеры от одной пятой до двух третей длины клинка. В ряде случаев фальшьлезвие имело вид выраженного расширения клинка (выступа), образовавшего елмань. В Англии, правда, последний вариант не имел сколько-нибудь значительного распространения.

Сабля по сравнению с палашом не имела никаких особых отличительных черт, кроме, разумеется, изогнутого клинка. И палаши, и сабли имели клиновидное (вытянуто-треугольное) сечение клинка.

В Англии было налажено собственное клинковое производство. При этом массовые партии оружия завозились и с континента. На данный момент трудно судить о процентном соотношении местного производства и привозных партий. Как минимум, последние составляли до половины всего холодного оружия в Англии. В основном клинки завозились из Золингена, где было сосредоточено наиболее крупное в Европе производство. Часть клинков попадала из других центров, таких как Генуя, Дрезден, Толедо, которые, однако, никак не могли соперничать с золингенскими мастерскими в количественном отношении. Как правило, импортировались партии клинковых полос, которые снабжались эфесами и ножнами на местах.

Эфесы клинкового оружия, вне зависимости от того, были ли это шпаги, палаши или сабли, отличались известным однообразием. Всего можно выделить три основные разновидности эфесов, подразделяемые на основании конструктивных особенностей гард.

Во-первых, бугельная гарда, представлявшая собой витую из дужек (бугелей) конструкцию. Ее конструкция включала в себя перекрестье (пря-

мое или изогнутое), боковое кольцо на внешней стороне, которое соединялось посредством одной-трех изогнутых полос с фронтальной дужкой, закрывавшей пальцы, защитных колец перед перекрестьем, которые также могли снабжаться дополнительным боковым кольцом и соединяться с остальной частью гарды несколькими дужками. Эта разновидность была слабо распространена в данный период, доживая последние годы в качестве боевого атрибута.

Во-вторых, «валлонская» гарда. Она конструктивно состояла из перекрестья, дополненного двусторонними боковыми кольцами. В них могли устанавливаться дополнительные глухие щитки (стальные или бронзовые, толщина 1–1,5 мм) посредством заведения в специальные пазы с последующим припаиванием. Внутреннее боковое кольцо (со стороны большого пальца при удержании оружия в руке) в обязательном порядке снабжалось бугелем под большой палец, который имел вид замкнутой овальной дужки, располагавшейся в центре перпендикулярно боковым кольцам.

В-третьих, «корзинчатая гарда», так называемая «basset hilt», которую можно признать характерной местной чертой. Подобная гарда отличалась тем, что закрывала руку со всех сторон, оставляя открытой лишь внутреннюю область для доступа к рукояти. Изначально защитная конструкция подобной гарды формировалась тесно расположенными дужками, переплетение которых чрезвычайно напоминало корзину (что и породило описательный термин «корзинчатая гарда»). Позже дужки были заменены глухой листовой коробковидной гардой, которая, правда, была сплошь покрыта сквозными прорезями, имитировавшими плетеную конструкцию. Появились подобные гарды в конце XVI—начале XVII в. Локализовать их происхождение предположительно можно областями Шотландии и Северной Англии. Наибольшее распространение корзинчатые гарды получили в XVII столетии в низинной и горной Шотландии. В армии сторонников парламента подобные приспособления могли с наибольшей вероятностью проникнуть вместе с шотландскими союзниками. Прямой типологической аналогией их можно признать итальянские и далматинские шпаги «чиавоны», иначе «скявоны», обладавшие схожими гардами.

В целом наступательное оружие обеих сторон следует признать весьма однообразным, что вполне соответствовало времени, непосредственно предшествовавшему эпохе уставного оружия. Данная характеристика полностью подходит и защитному вооружению. Неудивительно, что противникам перед сражениями приходилось повязывать различные платки и ленты, в противном случае опознание своего было практически невозможным.

Цветная вкладка *(стр. 78)*

На реконструкции представлен английский кавалерист в «карабинерском» снаряжении 1640–1650 гг. Основана реконструкция на материалах музея Метрополитен, Нью-Йорк и Королевского Музея оружия (Royal Armoury) в Лидсе (бывш. собрание лондонского Тауэра).

Полудоспех (шлем, кираса, перчатка) — неизвестного мастера из Лондона 1650–1658 гг., принадлежал предположительно Фитц-Джону или Стивену Уинтропу (музей Метрополитен, Нью-Йорк).

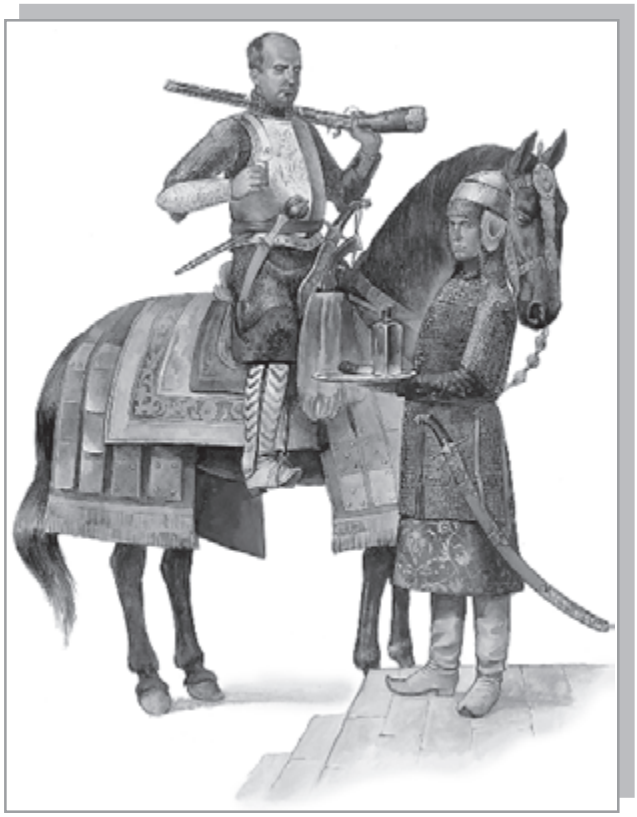
Камзол и ботфорты воспроизведены по комплекту снаряжения короля Джеймса II 1686 г. (Королевский музей оружия, Лидс).

Шпага с «валлонской» гардой (Королевский музей оружия, Лидс).

Русская конница времен царя Алексея Михайловича

Середина XVII в.

Середина XVII столетия прошла для России под властью второго царя из династии Романовых — Алексея Михайловича (1629–1676; царь — с 1645 г.). Несмотря на то, что его прозывали Тишайшим, время его царствования вовсе не было тихим. Бросая взгляд с высоты веков, кажется, что после Ивана IV Грозного, после Смуты в нашем отчестве в самом деле обосновались покой и тишина. Но думать так означает становиться жертвой аберрации дальности. Время «Тишайшего» ознаменовалось множеством социальных потрясений и внешнеполитических конфликтов. Алексей Романов был чрезвычайно активным и властным правителем. Внутренняя политика была направлена на усиление центральной власти и поддержку дворянства, которое являлось опорой царя, основой армии и государственного аппарата. Этот политический вектор отразился в Соборном уложении 1649 г. (упразднение беломестных слобод, постановление о бессрочном сыске беглых крестьян и т. д.). Результатом явились народные волнения, иногда заканчивавшиеся кровавыми бунтами и войнами, такие как: Московское восстание 1663 г. и Крестьянская война С. Т. Разина 1670–1671 гг. Для ликвидации упомянутых выступлений требовалось проведение полномасштабных армейских операций с использованием всех родов войск.



Внешняя политика была направлена на собирание земель под властью Москвы. Целью служили территории, исторически являвшиеся составляющими княжеской Руси или представлявшими зону стратегических интересов царского престола. В условиях проведения такой политической линии неизбежным было столкновение с Речью Посполитой, которая с XIV–XV вв. владела множеством исконно русских земель на западе и юго-западе. Крупный успех — присоединение Украины к России в 1654 г. — привел к эскалации конфликта и открытому столкновению. Изнурительная война длилась с 1654 по 1667 г. Алексей Михайлович активно принимал участие в управлении войсками. Он лично возглавлял походы на Смоленск, Ригу, Вильно. Война фактически закончилась с подписанием Андрусовского перемирия 1667 г. По условиям договора России отошли: Левобережная Украина, Смоленское княжество, Стародуб, Северск, Чернигов и Киев, последний сроком до 1669 г. (Россия удержала его навсегда по условиям Вечного мира 1689 г.). В целом война закончилась несомненным успехом России, невзирая на то, что Правобережье Украины и Белоруссия остались под властью Речи Посполитой. Победа в войне явилась важной вехой в воссоединении с братскими народами Белоруссии и Украины.

Время, прошедшее после Смуты, не принесло принципиальных изменений в тактике и воору-

жении. Разумеется, теперь приходилось считаться с возросшей ролью огнестрельного оружия. Тем не менее дворянская конница по-прежнему является важной силой в русском войске. Пистолеты и карабины значительно потеснили лук и стрелы в качестве оружия дистанционного боя, но, видимо, серьезно не изменили общей манеры полковождения и рисунка боя, тем более что последние продолжали активно использоваться. Перестрелка, сближение и сеча на холодном оружии при необходимости с последующими неоднократными «соступами» — такова была традиционная схема конного сражения.

Вооружение конницы с XVI столетия изменилось лишь в деталях. Например, к 1600 гг. быстро и бесповоротно вышел из употребления «шелом» — высокое сфероконическое или шатровидное наголовье со шпилем, которое продержалось в военном обиходе Руси более семи веков. При этом надо учесть, что в качестве архаической черты он мог иметь хождение и в середине XVII в., так как в арсеналах государевых крепостей и монастырей шеломы продолжали сохраняться. На смену пришли невысокие и легкие «шишаки», известные с 1350-х гг. Набор корпусных доспехов, известных в XVI в., остался без изменений. Кольчатые панцири постепенно стали наиболее массовым видом защитной одежды. Зерцала же, напротив, ушли в область парадно-церимониального употребления.

Интересно отметить, что введение Алексеем Михайловичем «полков нового строя» породило ряд подражаний и прямых заимствований из арсенала европейского оборонительного и наступательного вооружения, например, кирасы или шпаги. Видную роль в обеспечении армии и частных заказчиков оружием играла главная государева мастерская — Оружейная палата. Палата была основана Михаилом Федоровичем и просуществовала до времени Петра I. Туда, помимо русских, приглашали для работы и обучения мастеров со всей Европы и Азии. Немцы, голландцы и французы могли работать в соседних мастерских с турками и кавказцами. Невероятный сплав культур и традиций вместо бессмысленной эклектики породил замечательный стиль, безошибочно узнаваемый во множестве предметов военного снаряжения, дошедших до наших дней. Московская Оружейная палата выпускала все виды оборонительного и наступательного оружия. Помимо рядового армейского вооружения производилось и богато украшенное оружие. Встречаются настоящие шедевры художественного ремесла и технической мысли. Например, Каспар Кальтхоф изготовил одно из самых ранних магазинных кремневых ружей. Оно работало на раздельной подаче пороховых зарядов в ствол и на затравочную полку пуль при помощи рычажной тяги. Настоящим мастером-универсалом был знаменитый Никита Давыдов. В совершенстве владея всеми приемами и техниками производства, он мог изготавливать любые виды вооружения — от шлемов, зерцал и кирас до ружей, сабель и булав. Многие из них,

Бехтерец, найденный на р. Воже. XVII в. Рязанский музей. Таушированный узор выдает русское происхождение доспеха

дойдя до наших дней, поражают воображение мастерством выделки и тонким убранством.

Цветная вкладка (*стр. 79*)

На реконструкции представлены русские конные воины 1640–1660 гг.

Первая фигура (конная) изображает тяжелое боярское снаряжение. Реконструкция основана на материалах Оружейной палаты Московского Кремля.

Кираса: состоит из нагрудника и наспинника, соединяемых посредством поясного ремня, приклепанного к наспиннику, и плечевых ремней, покрытых чешуйчатым набором, которые удерживаются на нагруднике посредством продевания штырей в отверстия на нижних чешуях и фиксируются накидными крюками. Нагрудник имеет максимальную степень выпуклости в нижней трети, образующую слабовыраженный тапуль. Нагрудник снабжен медиальной гранью. Нижняя часть кирасы несет широкий борт. Кираса надета поверх кольчуги.

Наручи: «базубанды», закрывают руку до локтевого сустава.

Поножи: «бутурлыки», состоят из пластин, соединенных посредством кольчужного плетения. Поверхность пластин покрыта серией параллельных шевроновидных конелюров, которые через один покрыты позолотой и серебрением. Все латные детали защитного снаряжения (кираса, наручи и поножи) выполнены мастером Никитой Давыдовым. Обычно подобное защитное вооружение комплектовалось шлемом «ерихонкой», восточным аналогом европейского бургиньота.

Наступательное вооружение состоит из булавы, сабли, ножа, карабина и пистолетов.

Булава имеет символическое значение, являясь знаком военачальника, наподобие поздних маршальских жезлов. Карабин (итальянский мастер Лазарино Коминаццо) имеет кремниевый замок (собрание Государственного Эрмитажа). Пистолеты также кремневые (пистолет изображен вынутым из ольстра-прилучной кобуры, чтобы продемонстрировать замок и рукоять; в обычном состоянии из кобуры виднелся лишь верх рукояти).

Конский доспех: «чалдар».

Вторая фигура (пешая) представляет снаряжение рядового ратника. Все изображенные атрибуты хранятся в Оружейной палате Московского Кремля.

Защитное вооружение состоит из кольчуги и мисюрки.

Наступательное вооружение представлено саблей в ножнах.

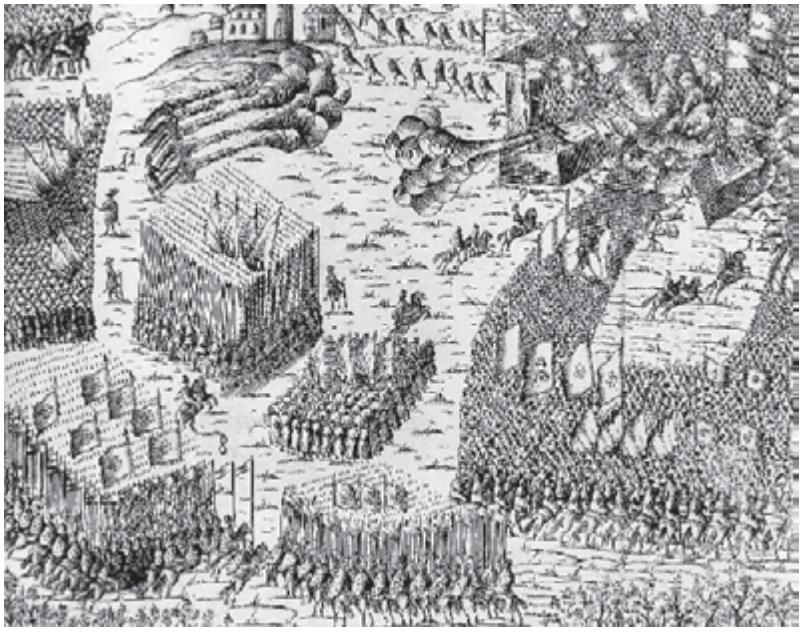
Польский гусар

Вторая половина XVII в.

Более всего польская конница известна широкой публике благодаря знаменитым «крылатым гусарам», воспетым польской литературой и кинематографом. Слава эта вполне заслужена, так как гусария являлась в XVII столетии одной из самых эффективных конниц Европы. Снаряжение гусар было настолько колоритным, что теперь любое крупное музейное собрание оружия выглядит неполным хотя бы без одного комплекта гусарских лат с обязательными крыльями за спиной.

Феномен гусар, без сомнений, имеет корни в феномене польской шляхты XVI–XVII вв. Речь Посполитая (уния Литвы и Польши) являлась шляхетской республикой, где король избирался собранием дворян — сеймом. В сейме действовало правило liberum veto (свободного вето), когда один шляхтич по собственному произволению мог наложить запрет на любое решение сейма. В сейм делегировались депутаты, избиравшиеся местными шляхетскими собраниями. Шляхта ревностно оберегала свою «золотую вольность», вплоть до создания вооруженных конфедераций для сопротивления королю. Единственной прослойкой общества, которая извлекала изрядные выгоды из состояния фактической раздробленности, были магнаты — высшая аристократия. Они превращались в независимых властителей своих обширных латифундий, содержа многочисленную клиентелу из «убогих» шляхтичей, которые формировали их частные войска.

Исключительное положение польского дворянства наложило заметный отпечаток на сознание шляхтичей. Исключительность ощущалась сильнее, когда шляхта стала осознавать себя в качестве защитницы христианской Европы от азиатов. Архаический склад сознания польского дворянства позволил максимально долго сохранять рыцарский менталитет, способ набора войска и тактику боя в почти незамутненном виде. Польша XVI — XVII вв. стала настоящим заповедником рыцарства, рыцарского духа, тогда как в остальной Европе эти феномены исчезли или изрядно трансформировались. Парадоксально, но невзирая на последовательное позиционирование себя как защитников и поборников европейской христианской культуры, поляки, подобно губке, впитывали веяния восточной и, в первую очередь, турецкой культуры. Магнаты ко второй половине XVI в. стали походить на восточных деспотов более, чем на европейских аристократов. Они охотно приобретали восточные предметы убранства, одежду, оружие, а также загружали местные мастерские заказами на продукцию ориентализированного характера. Низшие слои шляхты ориентировались на магнатерию, которая являлась своеобразным эталоном вкуса и стиля. Как писал А. Солдатенко: «... небогатая шляхта старалась воспроизвести блеск их (магнатов. — *Авт.*) жизни в собственном быту, но меньшей ценой. Низкий эстетический вкус, но завышенные жизненные потребности рождали порой броские внешне, но примитивные по своим художественным досто-



Войска короля Яна III Собеского осаждают турецкую крепость. Гравюра. 1673 г. В нижней части изображены «панцерные» — средняя конница со щитами и копьями

инствам произведения». С другой стороны, Польша оказывалась под несомненным влиянием рафинированной европейской культуры. Совмещение, казалось бы, несовместимых течений породило уникальный цивилизационный пласт, который наложил отпечаток на двухвековой период польской истории, касаясь и материальной и духовной сферы.

Идеологией шляхетской исключительности стала легенда о происхождении польских дворян от сарматов, которые в древности якобы захватили территорию Польши и осели там навсегда в качестве воинов и правящего сословия. Этот миф, известный еще с конца XV в., послужил и основанием для ориентализации вкусов польской знати. «Сарматизм» полностью подходил тому духу и идеологии, что сложились в Речи Посполитой ко второй половине XVI — началу XVII вв. Эпохой сарматизма назвали впоследствии всю историю Польши вплоть до 1760 гг., и не зря, ведь даже в документах Речь Посполитая часто называлась «Сарматией».

Польская гусария, которой суждено было стать высшим выражением духа шляхты и самой боеспособной частью войска польского, зародилась в начале XVI в. Изначально это была легкая конница, наподобие венгерской. И тактика боя, и вооружение их были весьма схожи. Они употребляли в качестве защитной одежды преимущественно кольчуги. Очень часто вместо шлемов гусары надевали массивные войлочные шляпы. Основным защитным средством выступал щит, которым чаще всего был «венгерский тарч». Это была изогнутая в плане трапециевидная конструкция с сильно вытянутым вверх внешним углом, который был призван предохранять голову от поперечных ударов снаружи. Основным наступательным средством были копье и меч. Прекрасной иллюстрацией к внешнему виду и вооружению гусарии раннего периода может служить картина второй декады XVI в. «Битва на Орше». Этот бой был, видимо, первым крупным сражением, где в массовом порядке успешно использовались гусары. С исчезновением классического рыцарства, во второй половине XVI столетия, гусары внезапно оказались единственной конницей, имеющей тяжелый доспех и умеющей эффективно решать оперативно-тактические задачи при помощи своего оружия — «древа и тарча», то есть щита и копья. К первой трети XVII в. складывается классический гусарский доспех и комплекс вооружения, который органично сочетал в себе архаические рыцарские черты и прогрессивные рейтарские. Так, гусары были последней конницей в Европе раннего нового времени, которые продолжали эффективно использовать копье на рыцарский манер, то есть для таранного удара. При этом гусары отказались от щитов и использовали почти исключительно полудоспехи, включив в свой наступательный арсенал пистолеты, а позднее и карабины, наподобие рейтарской кавалерии. Отметим также и то восточное влияние, которому подвергся комплекс гусарского снаряжения. Оно могло иметь реальный и условный характер. В первом случае это были предметы воинского убора, которые были заимствованы на-

Изображение панцерного конника. Рисунок 1675-х гг. работы Ежи Симонович-Смигиновского — придворного художника. Воин облачен в кольчугу с нагрудной «мишенью» (пластинкой с клеймом мастера или арсенала), мисюрку, наручи. Наступательное вооружение состоит из сабли, лука и стрел, пистолета (точнее, двух пистолетов в ольстрах по обеим сторонам седла), а также короткого копья. Музей Войска Польского

прямую (куплены или захвачены) у восточных соседей. Широчайшим образом было распространено и опосредованное заимствование, когда местные мастера копировали или подражали предметам вооружения или их элементам, которые имели хождение среди азиатских народов. Во втором случае мы имеем дело с некими условными предметами или деталями убранства, которые, по мнению заказчика, должны были иметь восточное происхождение, а на самом деле являлись плодом коллективной фантазии воинов и мастеров оружейников, стремившихся создать нечто по-настоящему «сарматское». В качестве примера можно привести чешуйчатые доспехи польских гусар, которые не имели прямых аналогов ни в Азии, ни в Европе, но которые считались шляхтой несомненно восточным атрибутом.

Гусарский полудоспех был выработан под влиянием западного и восточного военного дела. Кираса, ожерелье и наплечники относились к европейскому комплексу вооружения, наручи и шлем были заимствованы из переднеазиатского арсенала.

Кираса, как правило, имела монолитный нагрудник, который продолжался набрюшной частью, набранной на шарнирном креплении из трех или четырех широких горизонтальных полос. Полосы заходили поверх нагрудника, между собой они также имели перекрытие в направлении снизу вверх. Нагрудник мог снабжаться медиальным ребром. Аналогично выполнялся и наспинник. Геометрически кираса представляла собой почти правильный цилиндр лишь с небольшой степенью выпуклости в районе груди и лопаток. Стальные листы, формирующие кирасу, отличались значительной толщиной, особенно в центральной части, где она могла достигать 4–5 мм, что с учетом взаимоналожения дает суммарную толщину до 8–10 мм. На боках, разумеется, кираса была тоньше — до 1,5–2 мм.

Шлем представлял собой бургиньот с подвижной носовой пластиной, фиксировавшейся в поднятом или опущенном положении посредством массивного винта в налобной части тульи. Нижняя часть наносника часто выполнялась в виде выраженного расширения, имевшего вид пиковой масти или стилизованного цветка. Тулья шлема обычно имела полусферическую форму и снабжалась гребнем. Конструктивно она с равной вероятностью могла быть монолитной и сегментной с соединением деталей посредством заклепок. В последнем случае клепка осуществлялась в районе гребня и стремилась имитировать монолитную конструкцию. В целом польский бургиньот больше походил на азиатскую ерихонку.

Наручи выполнялись по типу азиатских «базубандов», часто с прикрепленными к наружным краям кольчужными рукавицами. Наруч закрывал предплечье до локтя включительно, что делало ненужным отдельный налокотник.

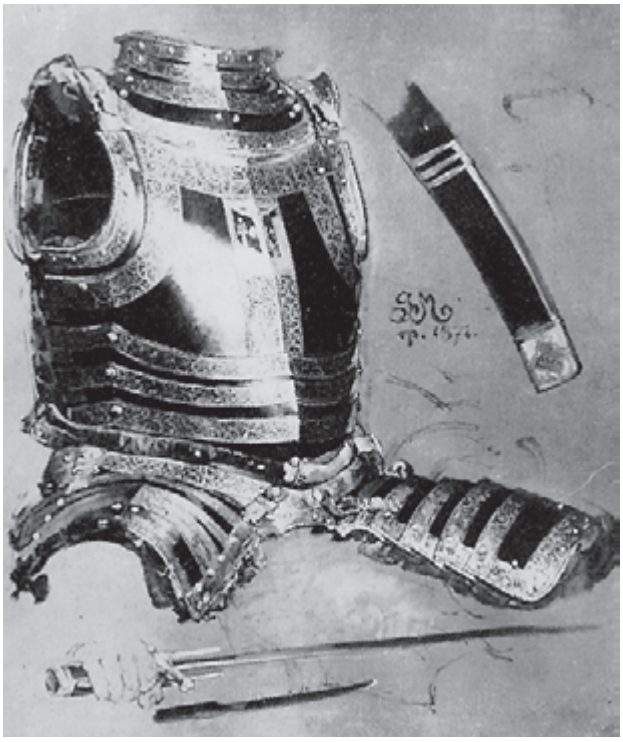
Под доспех поддевалась кольчуга, хотя гусары могли обходиться и без нее.

Вооружение гусара раннего периода (1540–1570). Музей Войска Польского. В это время гусары играли роль легкой и средней конницы, наподобие более поздних панцерных. Тяжелая конница пользовалась западноевропейскими доспехами, преимущественно германского происхождения. Подобное снаряжение использовалось в Ливонской войне

Доспех гусара должен был быть богато и прихотливо, если не сказать вызывающе, украшен. Латы снабжались чеканными и гравированными бронзовыми или латунными каймами и накладками, края пластин могли вырезаться в виде полукруглых фестонов. Несущие заклепки или шарниры снабжались крупными бронзовыми шляпками полусферической формы, которые могли покрываться позолотой. На нагруднике помещался накладной «кавалерский» крест — символ рыцарского достоинства. Часто рядом с ним располагался медальон с изображением непорочного зачатия Девы Марии. Все аппликированные на доспех детали крепились посредством клепки. Оригинальным способом украшения была традиционная для гусарского убора шкура тигра или леопарда, застегнутая на левом плече. Подлинным же символом польской гусарии и самым ярким ее внешним признаком стали крылья, давшие название всему этому роду войск. Крылья имели вид изогнутых деревянных планок длиной около полутора метров с кожаной обтяжкой с укрепленными в ней птичьими перьями. Одно или два крыла фиксировались на наспиннике посредством металлических скоб, куда они вставлялись и закреплялись штифтами. Крылья имели чисто декоративный эффект. Сомнительно, чтобы они использовались для устрашения, однако шум, который они производили при быстрой скачке, должен был оказывать определенное психологическое воздействие на самих гусар и на их противников. Он как бы служил предупреждением — «берегись, гусары идут!».

Оригинальной разновидностью защитного снаряжения был «караценовый доспех», или просто «корацена». Это был чешуйчатый доспех. Мелкие полукруглые пластины нашивались на матерчатую подоснову, часто использовались дополнительные заклепки в центре. В такой манере могли выполняться и рукавицы, и плечевые щитки, и даже наголовья. Корацена изготавливалась из чешуй толщиной от 1 до 1,5 мм и была достаточно тяжелым и надежным доспехом. Кроме того, ее внешний вид вполне соответствовал вкусам «сарматских» рыцарей. Наибольшее распространение кораценовые доспехи получили при короле Яне III Собеском (1674–1696 гг.), которого современники называли «королем-сарматом». Карацена использовалась и производилась в Польше вплоть до середины XVIII в., когда гусария уже совершенно выродилась как боевая сила.

Наступательное оружие состояло из копья длиной до 4 м. Для облегчения конструкции древко из-



Изображение доспеха короля Стефана Батория. Эскиз Яна Матейко к картине «Стефан Баторий под Псковом». 1871—1872 гг. Народный музей в Варшаве

готавливалось полым изнутри. После потери копья гусар мог воспользоваться кончаром, который крепился к седлу под левым бедром (если владелец был правшой). Кончар имел чрезвычайно длинный клинок до 1200—1300 мм. Другим оружием ближнего боя была сабля или палаш. Основной боевой саблей гусар была сабля венгерского образца, так называемая «баторовка» — от имени короля Стефана Батория[1]. Ее отличал массивный эфес с чрезвычайно длинными центральными мысками, которые служили максимально надежной фиксации сабли в ножнах. Употребляли в гусарской среде также клевцы и шестоперы, которые, правда, не имели значительного распространения.

Оружием дистанционного боя были пистолеты или пистолет, которые гусары носили при седле в специальных кобурах — «ольстрах», как и во всей Европе. В основном их завозили из Западной Европы, однако и местное производство

Вооружение панцерного второй половины XVII в. Музей Войска Польского

[1] Впоследствии имя «баторовка» стало нарицательным. Дело в том, что сторонники короля Стефана Батория часто наносили на клинки своих сабель его таушированные портреты. Противники Стефана и сторонники шведа Сигизмунда Вазы украшали сабли портретом своего претендента. Таким образом, сабли стали знаком партийной принадлежности и назывались по имени претендентов «баторовками» или «жигмунтовками», типологически оставаясь одним и тем же оружием венгерского образца.

Гусарское вооружение. 1580—1610 гг. Музей Войска Польского

имело место. Оно было сосредоточено в основном в слесарных мастерских. Постепенно появились и специализированные цехи ружейщиков. Важную роль здесь сыграли приглашенные из-за границы мастера, помогавшие наладить производство и обучавшие местных работников.

Набиралось гусарское войско по феодальному принципу, причем в соответствии с классическими рыцарскими обычаями каждый гусар приводил с собой двух-трех вооруженных бойцов. Они поддерживали господина в бою и отличались менее вычурной отделкой снаряжения, которое в общих чертах отвечало требованиям, предъявляемым к обычному гусарскому комплексу.

Гусары были настоящей элитой Войска Польского. Как всякая элита, они были немногочисленны. Роль легкой или средней конницы выполняли так называемые «панцерные»[1], выполнявшие функции, схожие с функциями гусар начала XVI в. Основной защитной одеждой панцерных были кольчуга и шлем, который чаще всего был легкой мисюркой. Дополнительной защитой вы-

Классический гусарский доспех. 1630—1650 гг. Музей Войска Польского

Портрет Яна III Собеского, «короля-сармата». Работа Яна Матейки

ступал щит. Это мог быть венгерский тарч или восточный круглый щит — «калкан». Наступательным оружием являлась сабля или палаш в комплекте с пистолетами и карабином. Иногда вместе с огнестрельным оружием панцерные носили лук со стрелами.

Гусарский строй оказался очень эффективным. Самыми громкими победами Речь Посполитая обязана именно ему. Невзирая на истинно рыцарскую недисциплинированность, гусары обладали небывало высоким боевым духом и непоколебимой верой в собственные силы, что, как известно, часто играет решающую роль в определении действенности конницы. Русская поместная конница, которой даже польские источники давали высокую оценку, ничего не могла поделать в открытом поле против гусарских хоругвей. Основной проблемой в войнах с Россией для польских гусар была не конница, а стрельцы, а потом и полки нового строя, состоящие на западный манер из мушкетеров и пикинеров. Стрельцы не вступали с гусарами в прямое столкновение и при малейшей угрозе скрывались за щитами «гуляй-города», перевернутыми телегами или кольями засеки, встречая гордых польских панов ружейным боем в упор и бердышами.

Современники высоко оценивали гусар. Особое впечатление они производили на иностранцев, посещавших Речь Посполитую в XVII в. Один из них писал: «Гусары заслуживают особого внимания ввиду как несравненного мужества, так и особого благородства <...>. Кроме сабли их оружием является копье, пустотелое внутри, которым всадник на скаку может пробить навылет доспех <...>. У луки с левой стороны гусар имеет пистолет, под левым бедром — прикрепленный к седлу кончар, очень длинный, который используют после того, как сломается копье. На доспехе носят шкуру тигра или леопарда, застегнутую на левом плече. Сзади они имеют обычай прикреплять два крыла, которые во время скачки производят большой шум. Каждый гусар служит по меньшей мере на трех конях, то есть он должен привести в роту еще двух людей, здоровых, хорошо вооруженных, на добрых конях. Эти люди, в отличие от своего господина, носят шкуру медведя или волчью, а также карабин». Другой так описывал гусарию: «Гусары — это наилучшая конница в Европе с точки зрения подбора людей, прекрасных коней, отличного обмундирования и эффективности оружия <...>. Эта конница сидит на лучших в стране лошадях, узда украшена серебром и позолотой. Седла расшитые с золоченой лукой, большие чепраки по турецкому образцу, богато украшенный кончар прикреплен к седлу под левым бедром. Одеты гусары в кирасу, шишак, наручи, защищающие руку сзади и боков до локтя <...>. Гусары никогда не отступают, атакуют на полном скаку, пробивая все на своем пути».

В XVII в. гусария соответствовала всем требованиям передового европейского вооружения. Более того, гусары неприятно поражали своих противников органичным сочетанием рейтарской и рыцарской манеры боя. В XVII столетии уже никто в Европе не мог тягаться с гусарами во фронтальном столкновении по причине полной утраты рыцарского искусства владения копьем. К XVIII в. раздираемая внутренними противоречиями Польша не смогла создать необходимой материальной базы для поддержания боеспособности гусар, которые быстро выродились в церемониальную принадлежность, не имеющую никакого боевого применения.

Цветная вкладка *(стр. 80)*

Реконструкция основана на гусарском «кораценовом» доспехе из Краковского музея. Относится ко второй половине XVII в. Из реконструированного комплекса исключены шинные наголенники, присутствовавшие на исходном доспехе.

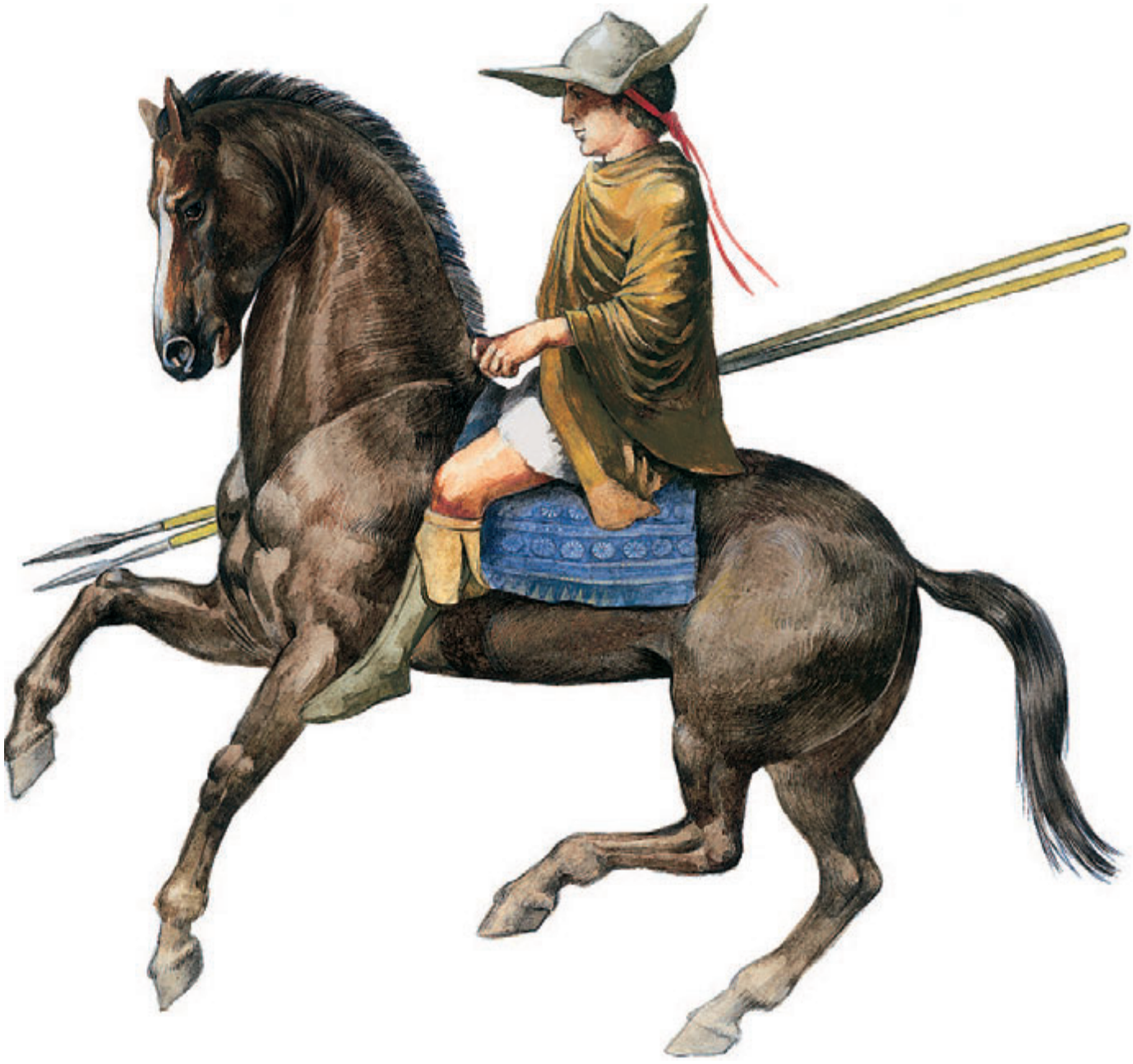
Оглавление

Введение ... 3
Скифский воин. *Вторая половина VII — VI вв. до н. э.* ... 35
Греческий всадник. *V — IV вв. до н. э.* ... 40
Италийский конный воин. *Начало IV в. до н. э.* ... 48
Скифский царь и знатный воин. *Вторая половина V — начало III вв. до н. э.* ... 54
Македонская конница. *Вторая половина IV в. до н. э.* ... 62
Конный воин Боспорского царства. *IV в. до н. э.* ... 72
Конница эпохи эллинизма. *III — II вв. до н. э.* ... 76
Конница древней Испании. *III — II вв. до н. э.* ... 82
Нумидийский легковооруженный всадник. *III — I вв. до н. э.* ... 89
Римский всадник легионной конницы. *III — II в. до н. э.* ... 98
Галльский всадник. *I в. до н. э.* ... 101
Римский всадник вспомогательной конницы. *I в. н. э.* ... 106
Сарматский воин. *II в. до н. э. — II в. н. э.* ... 111
Римская конница. *III — IV вв.* ... 115
Конница готов. *IV — V вв.* ... 122
Конница гуннов. *IV — V вв.* ... 131
Конные воины франкских дружин. *V — VI вв.* ... 144
Конница армии Византии. *VI в.* ... 155
Конница Аварского каганата. *VI — VIII вв.* ... 175
Конные воины эпохи Карла Мартелла. *VII в.* ... 184
Болгарские конные воины. *IX в.* ... 188
Мадьярская легкая конница. *IX — XI вв.* ... 192
Конница Византийской империи. *X в.* ... 204
Конный строй русов. *Середина X в.* ... 226
Конница эпохи Вильгельма Завоевателя. *Вторая половина — конец XI в.* ... 230
Европейские конные воины. *1100 — 1150 гг.* ... 235
Рыцарь итало-нормандского Сицилийского королевства. *1180 — 1210 гг.* ... 239
Тевтонский рыцарь и кнехт. *1220 — 1240 гг.* ... 244
Воин-дружинник Владимиро-Суздальской земли. *1220 — 1240 гг.* ... 251
Русская конница. *1220 — 1240 гг.* ... 254
Европейские конники. *1260 — 1280 гг.* ... 259
Русские конные воины. *1260 — 1330 гг.* ... 265
Конница Византии и Балканских стран. *XIII — XIV вв.* ... 269
Французский рыцарь. *1300 — 1320 гг.* ... 278
Испанский рыцарь. *1320 — 1330 гг.* ... 284
Итальянская конница. *XIV в.* ... 291
Итальянский рыцарь. *1330 — 1340 гг.* ... 299
Английский рыцарь. *1340 — 1350 гг.* ... 305
Фламандский рыцарь. *1340 — 1350 гг.* ... 312
Эволюция германского рыцарского доспеха. *1360 — 1370 гг.* ... 318
Чешский рыцарь. *Конец XIV в.* ... 327
Русский «снузник». *1370 — 1410 гг.* ... 333
Русская боярская конница. *1370 — 1410 гг.* ... 337
Восточногерманская конница. *Начало XV в.* ... 340
Итальянская конница. *Начало XV в.* ... 347
Рыцарское снаряжение. *Первая половина XV в.* ... 352

Германская рыцарская конница. *1430 — 1440 гг.* ... 361
Итальянское конное снаряжение. *1440 — 1460 гг.* ... 369
Конница итальянских кондотьеров. *Середина XV в.* ... 376
Бургундский рыцарь. *1460 — 1480 г.* ... 379
Германский рыцарский доспех. *1470 — 1490 гг.* ... 386
Гвардия дожей Венеции. *1480 — 1510 гг.* ... 392
Поместная конница Московской Руси. *1480 — 1514 гг.* ... 396
Испанские конные воины. *1480 — 1520 гг.* ... 401
Германский легкий конник. *1480 — 1510 гг.* ... 407
Эпоха максимилиановского доспеха. *Начало XVI в.* ... 413
Итальянская конница. *1510 — 1520 гг.* ... 423
Германская конница. *Первая треть XVI в.* ... 429
Германская военная аристократия. *1540 — 1550 гг.* ... 434
Бойцы русской поместной конницы. *Середина XVI в.* ... 440
Эволюция наступательного оружия конницы. *1570 — 1580 гг.* ... 445
Английская и французская школы производства конных доспехов. *XVI в.* ... 449
Рейтары в эпоху Тридцатилетней войны. *1620 — 1630 гг.* ... 457
«Железнобокие» Оливера Кромвеля. *1640 — 1650 гг.* ... 467
Русская конница времен царя Алексея Михайловича. *Середина XVII в.* ... 476
Польский гусар. *Вторая половина XVII в.* ... *479*

Скифский воин.
Вторая половина VII–VI вв. до н. э.

Греческий легковооруженный всадник.
Вторая половина V–IV вв. до н. э.



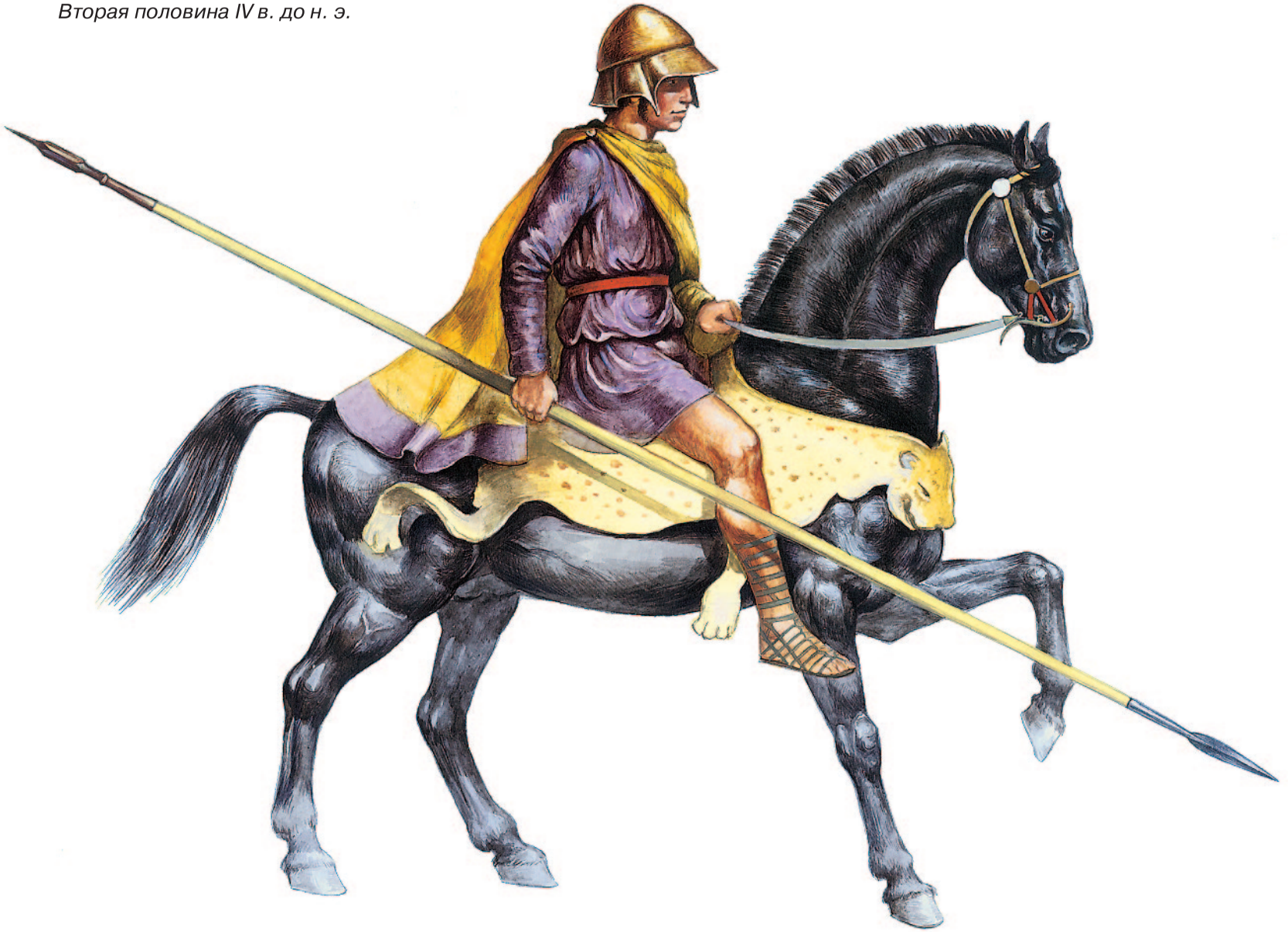
Италийский конный воин.
Начало IV в. до н. э.

Скифский знатный воин.
V в. до н. э.

Скифский знатный воин. Вторая половина V— начало IV вв. до н. э.

Фессалийский тяжеловооруженный всадник. IV в. до н. э.

Македонский всадник-сариссофор.
Вторая половина IV в. до н. э.



Конный воин Боспорского царства.
IV в. до н. э.

Пергамский конный воин.
II в. до н. э.

Воины Греко-Бактрийского царства: царь Евтидем I (235–200 гг. до н. э.) и его оруженосец

Иберийский воин.
III–II вв. до н. э.

Нумидийско-мавританский легковооруженный всадник. III—I вв. до н. э.

Галльский всадник.
I в. до н. э.

Римский всадник вспомогательной конницы. I в.

Сарматский воин. I в.

Сарматские воины.
I в. до н. э.— III в.

Римский кавалерийский офицер.
Конец II–III вв. н. э.
Римский кавалерист поздней Империи.
IV–V вв. н. э.

Знатный готский воин.
IV–V вв.

Гуннский воин, состоящий на службе Византийской империи. V в.

Знатные гуннские воины.
IV–V в.

Конный воин-алеманн.
Середина VI в.

Византийский тяжеловооруженный всадник-катафрактарий. V–VI вв.

Тяжеловооруженный византийский всадник. VI в.

Византийский всадник провинциального соединения. VI в.

Византийский воин-катафрактарий из состава гвардейского соединения «Скола». VI в.

Легковооруженный аварский лучник, состоящий на службе Византийской империи. Конец VIII в.

Аварские знатные воины.
VII–VIII вв.

Франкский воин.
VIII в.

Болгарский знатный воин.
IX в.

Венгерский знатный всадник.
Вторая половина X в.

Мадьярский всадник.
Конец IX — начало X в.

Турмарх провинциального кавалерийского соединения западных войск Византийской империи. X в.

Византийский тяжеловооруженный всадник-клибанофор из состава элитных подразделений, сформированных императором Никифором II. Вторая половина X в.

Византийский легковооруженный кавалерист провинциальных соединений западных войск. X в.

Воин-рус.
X в.

Нормандский рыцарь.
Конец XI в.

Западноевропейский рыцарь.
Середина XII в.

Южно-итальянский рыцарь.
Середина — вторая половина XII в.

Рыцарь и сержант Тевтонского ордена. 1220–1240 гг.

Русский воин-дружинник Владимиро-Суздальской земли. 1220–1240 гг.

Южнорусский дружинник.
Первая треть XIII в.

Рыцари Тевтонского ордена.
Вторая половина XIII в.

Русские тяжеловооруженный дружинник и воин в облегченном вооружении. Конец XIII — начало XIV вв.

Византийский тяжеловооруженный всадник. Конец XIII — начало XIV вв.

Византийский конник.
Середина XIV – начало XV вв.

Французский рыцарь.
Начало XIV в.

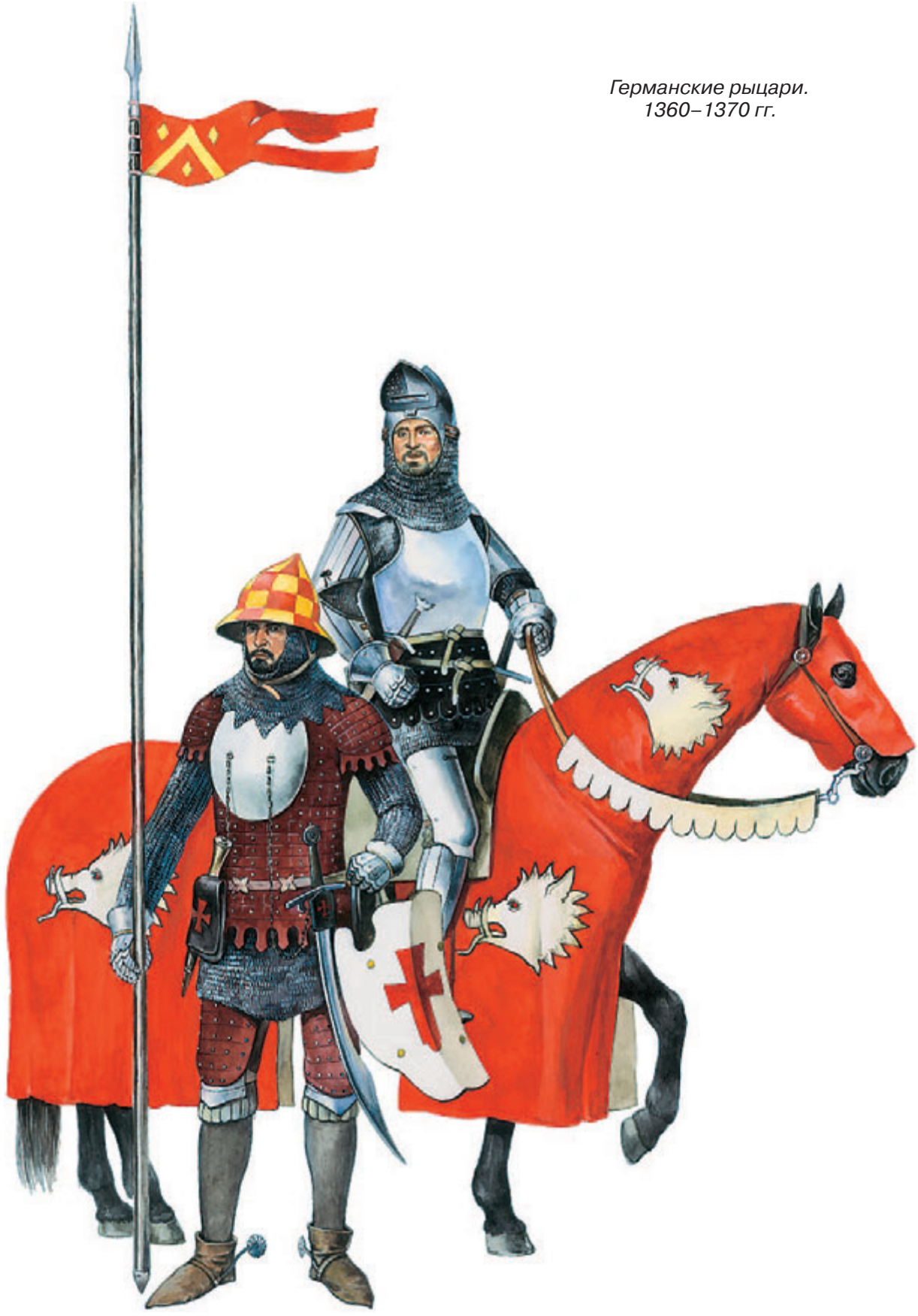
Испанский рыцарь.
1320–1330 гг.

Итальянский рыцарь.
Первая половина XIV в.

Рыцарь из Болоньи.
1330–1350 гг.

Английский рыцарь.
1340–1350 гг.

Фламандский рыцарь.
1340–1350 гг.



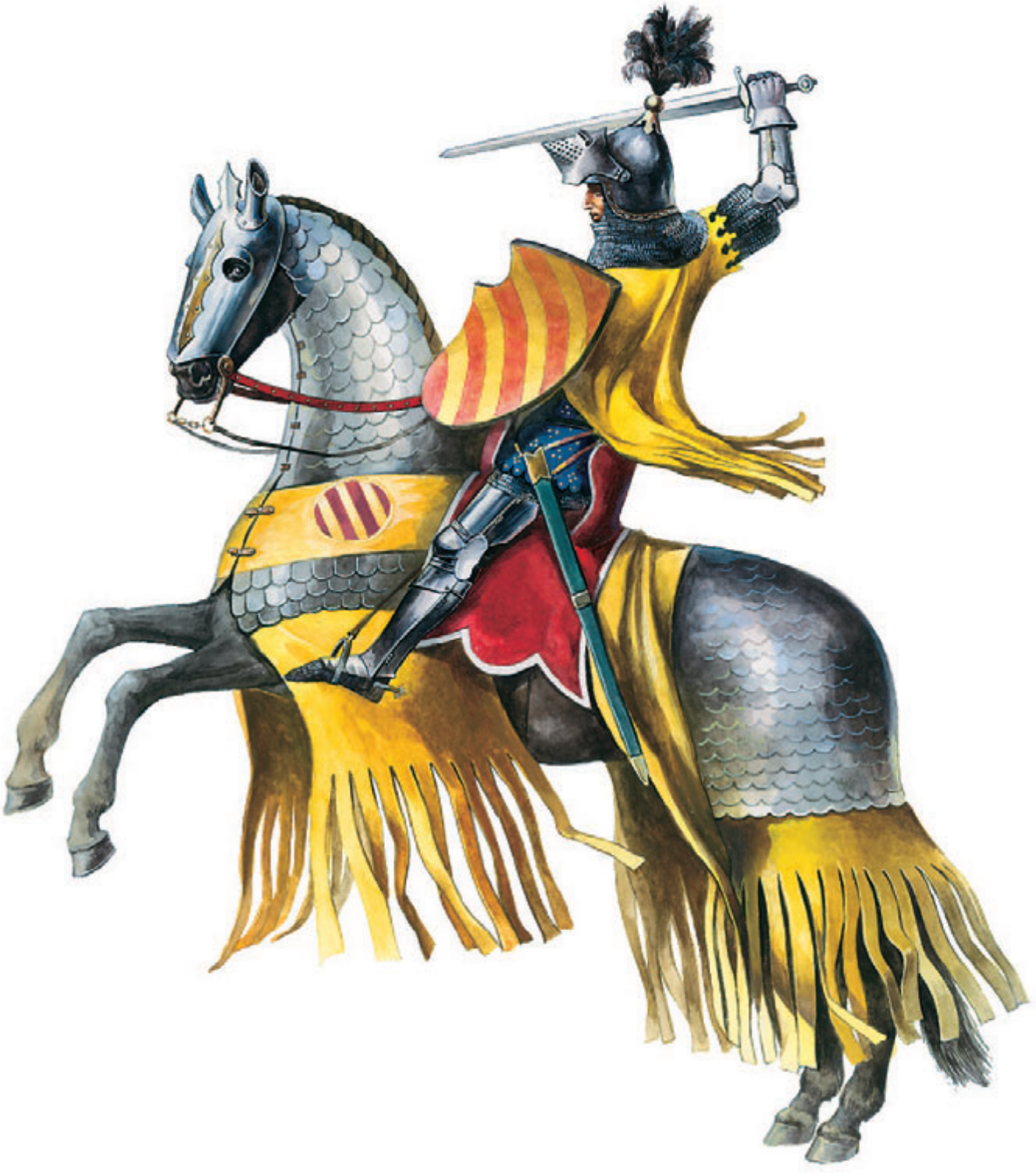
Германские рыцари.
1360–1370 гг.

Богемский рыцарь.
Конец XIV — начало XV в.

Русский тяжеловооруженный конник-«снузник». 1370–1410 гг.

Русский всадник
в тяжелом боярском снаряжении.
Вторая половина XIV—начало. XV вв.

Рыцарь Тевтонского ордена.
Конец XIV—начало XV вв.

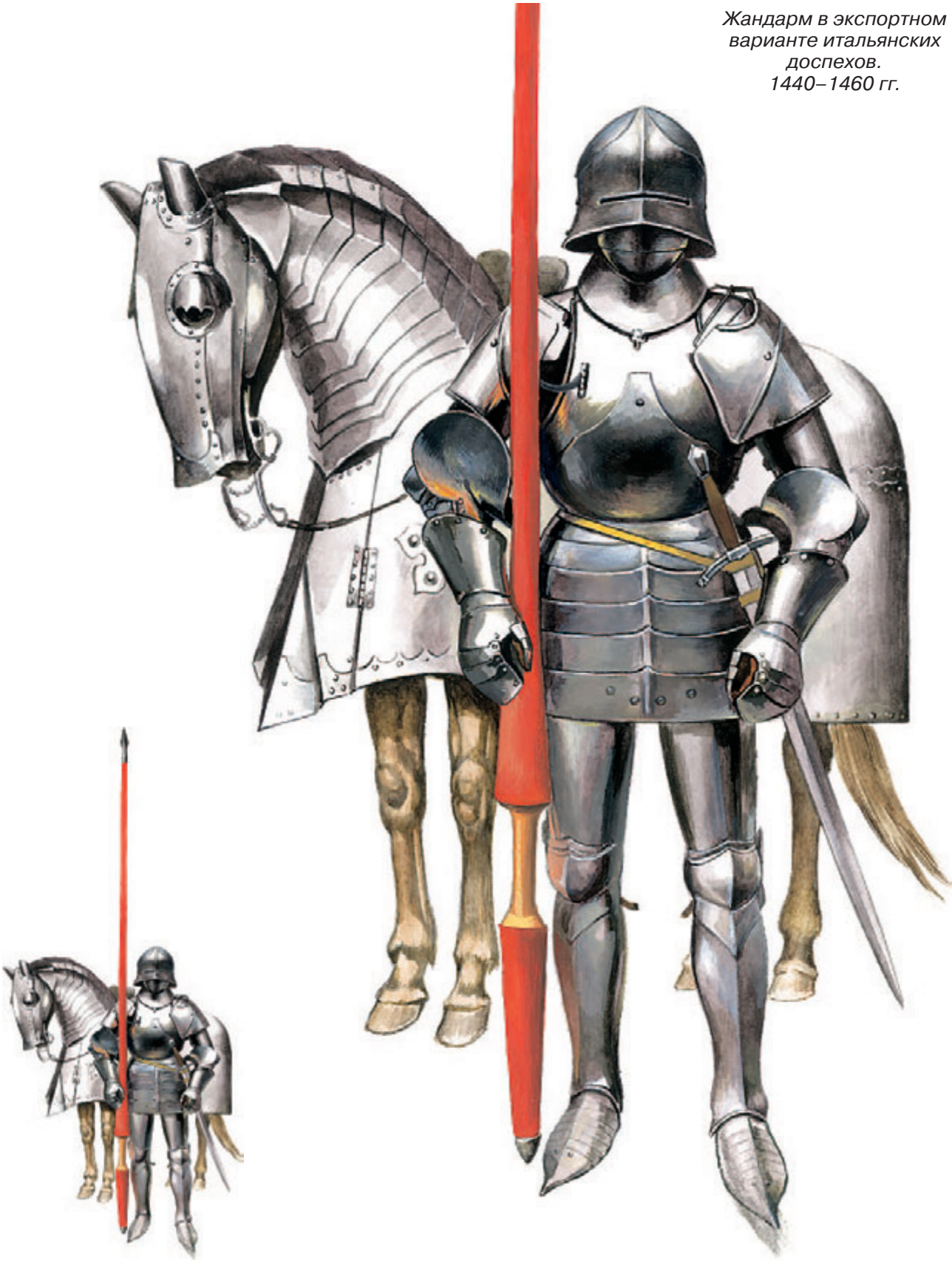


Итальянский рыцарь.
Конец XIV—начало XV вв.

Итальянский рыцарь.
Первая половина XV в.

Германский рыцарь.
1430–1440 гг.

Жандарм в экспортном варианте итальянских доспехов. 1440–1460 гг.



Итальянский военачальник-кондотьер в парадном вооружении. Середина XV в.

Бургундский военачальник.
Вторая половина XV в.

Германский рыцарь.
Конец XV в.

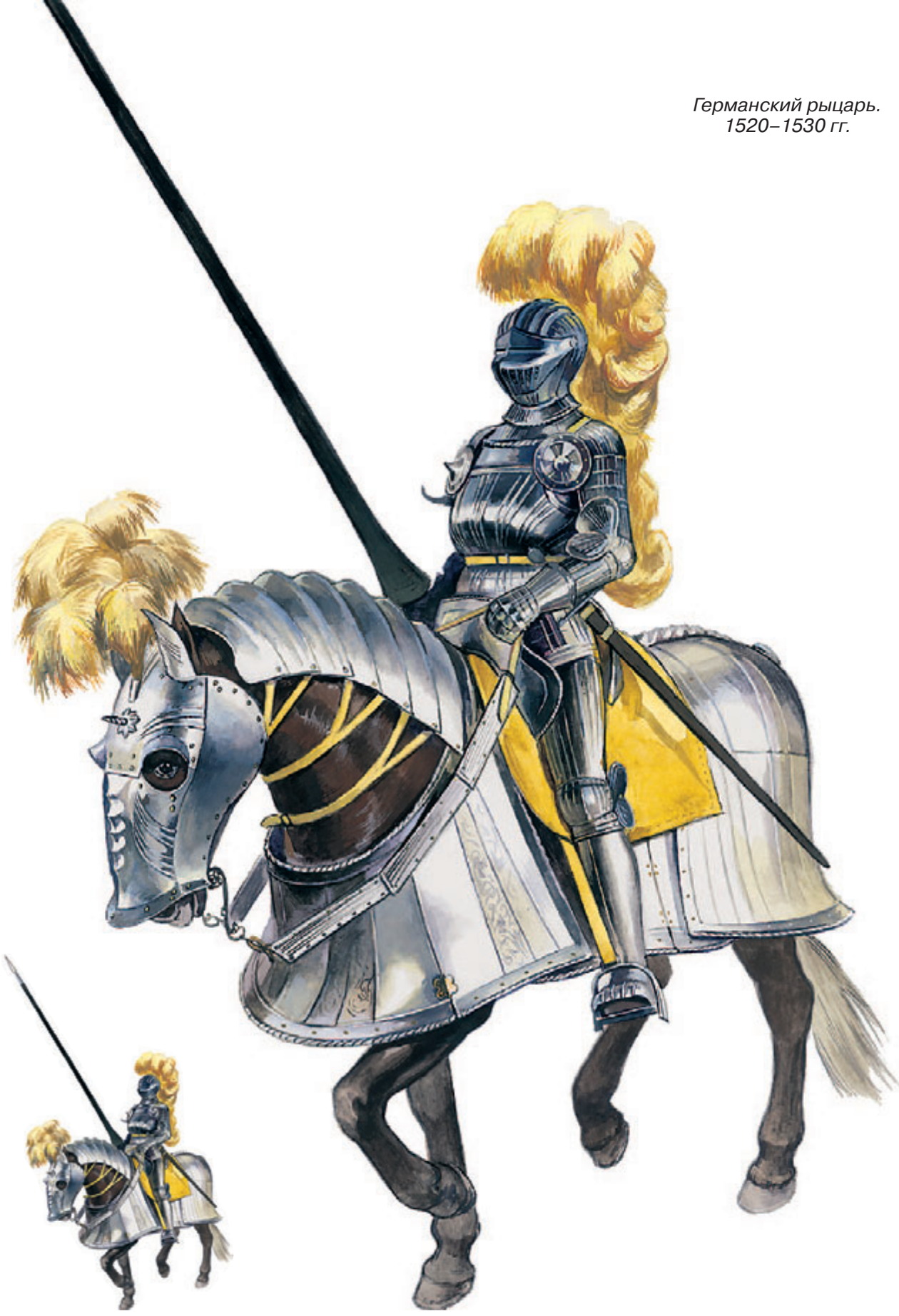
Далматинский конный лучник из гвардии венецианских дожей. Конец XV — начало XVI вв.

Всадники русской поместной конницы. Конец XV — начало XVI в.

Испанские рыцарь
и всадник легкой конницы
Конец XV в.

Германский конник в облегченном снаряжении.
Конец XV — начало XVI вв.

Германский рыцарь.
1520–1530 гг.



Итальянский рыцарь.
1510–1520 гг.

Германский всадник в облегченном снаряжении. 1520-е гг.)

Германские военачальники.
1540-е гг.

Воины русской поместной конницы: боярин и боевой холоп .Середина XVI в.

Итальянский гвардеец-трабант.
Последняя треть XVI в.

Английский военачальник.
1590-е гг.

Французский военачальник
Последняя треть XVI в.

Французский рейтар.
Первая треть XVII в.

Германский рейтар.
1610–1630 гг.

Английский кавалерист.
Середина XVII в.

Русские воевода и холоп.
Середина XVII в.

Польский гусар.
Вторая половина XVII в.